

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Основано в 1866 г.

СИБИРСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

18 → 19 мая
2023 г.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИ
ОРИЕНТИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ:
НОВЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ

СТЕПАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
II Международной
научной конференции

Электронное
издание

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

СТЕПАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИ
ОРИЕНТИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ:
НОВЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ

Материалы II Международной научной конференции,
приуроченной к Году педагога и наставника в России

Красноярск, 18–19 мая 2023 г.

Электронное издание

Красноярск
СФУ
2024

УДК 94(100)(08)
ББК 33.361я43
С794

Председатель редколлегии, ответственный редактор – Д. Н. Гергилев,
д-р ист. наук, профессор, доцент ВАК, зав. кафедрой ИРМиРЦ

Редколлегия сборника:

Н. Р. Новосельцев, канд. ист. наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
А. С. Ковалев, д-р ист. наук, профессор кафедры ИРМиРЦ;
Р. В. Павлюкевич, канд. ист. наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
А. В. Суржко, ассистент кафедры ИРМиРЦ;
Т. Ш. Уметбаев, канд. ист. наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
Л. А. Кутилова, канд. ист. наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
Ю. В. Рябов, канд. ист. наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
Е. В. Голубева, канд. ист. наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
Е. А. Ахтамов, канд. ист. наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
А. П. Дворецкая, канд. ист. наук, доцент кафедры ИРМиРЦ;
Е. В. Карпенко, канд. ист. наук, доцент кафедры ИРМиРЦ

С794 **Степановские чтения. Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы** : материалы II Междунар. науч. конф. Красноярск, 18–19 мая 2023 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. Д. Н. Гергилев. – Электрон. дан. (1,95 Мб). – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2024. – 544 с. – Систем. Требования : РС не ниже класса Pentium I ; 128 Mb RAM ; Windows 98/XP/7/8/10 ; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7638-4955-4

Представлены материалы научных докладов участников II Международной научной конференции «Степановские чтения. Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы», приуроченной к Году педагога и наставника в России. Конференция состоялась в г. Красноярске 18–19 мая 2023 г., направления работы: «Человек и власть в истории России», «Методы и источники исторических биографий», «Семейная история в эго-документах и личных архивах как история страны» и др.

Предназначены для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 94(100)(08)
ББК 33.361я43

ISBN 978-5-7638-4955-4

© Сибирский федеральный университет, 2024

Электронное научное издание

Корректор *З. В. Малькова*

Компьютерная вёрстка: *И. В. Гревцова*

Подписано в свет 15.04.2024. Заказ № 21357
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ..... 10

Афанасьев П. А.

«Я все-таки выбиваюсь из обычной колеи мелких служащих»: биографический гипертекст провинциального чиновника Е. П. Клевакина в документах личного фонда..... 10

Толстогузова Е. А.

История страны – история человека..... 16

Белгородская Л. В.

Визуально-антропологические смыслы коллективных фотографий сибирских школьников (на примере двух снимков из деревни Овсянка) 21

Макарова Е. А.

Рапорт о допросе военнопленного как источник исторической биографии 28

Иванова Е. А.

Повседневная жизнь населения Красноярского края в период правления Л. И. Брежнева (1964–1982) на материалах интервью..... 34

Голубева Е. В.

Цифровой (электронный) исторический источник: к проблеме осмысления феномена..... 37

Карпенко О. А., Левченко П. В.

Историческое развитие теории об интеллектуальном и человеческом капитале 43

Лойко Л. Е.

Методологические парадигмы российской историографии и фактор личности 49

Лобанова Н. С.

Возможности просопографического метода при изучении состава комитета по иностранным делам Британского парламента (2010–2016)..... 54

Гудзенко Е. О.

Результаты инвентаризации комнатных растений мемориальных объектов музея-заповедника М. А. Шолохова..... 60

РАЗДЕЛ 2. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИСТОРИИ..... 64

Чеботарева А. В.

Эммануил Квиринг: страницы политической биографии 64

Карпухина Д. В.

Первая на прокурорской должности. Судьба А. Д. Татьяниной (шелестовой) по документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края» 69

Инкин В. В.

Деятельность британских офицеров Первой мировой войны в межвоенный период..... 74

Кухта С. В.

«Выполнял поручения партии...». Биография Александра Петровича Базаркина в архивных документах 78

Давыдова А. А.

Вклад Ивана Алексеевича Искры в развитие города Енисейска и Енисейского района 84

Белоногов Ю. Г.

Просопографический анализ биографий внештатных инструкторов местных комитетов ВКП(Б) Перми 1930-х – начала 1940-х годов..... 89

<i>Селиванова А. А.</i> Музыкант-наставник сибирской молодежи Ананий Ефимович Шварцбург.....	95
<i>Мариловцев Д. В.</i> Директор-рационализатор: Иван Иосифович Городович.....	101
<i>Артамонова Н. Я., Домогашев О. С.</i> Леонид Николаевич Сагалаков: спортсмен, педагог, наставник (1935–1996)	106
<i>Беневаленская Е. Н.</i> Цифровое сохранение персональной истории: биографическая база данных краеведов Алтая.....	111

**РАЗДЕЛ 3. СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ
И ЛИЧНЫХ АРХИВАХ КАК ИСТОРИЯ СТРАНЫ 117**

<i>Мушинский Н. И.</i> Семейный фотоальбом как артефакт справедливости в антропологически ориентированной истории страны.....	117
<i>Челтанова О. А.</i> Личная переписка купеческого семейства Грязновых как источник сведений о социокультурной среде сибирского купечества второй половины XIX века.....	123
<i>Беккер В. Я.</i> История депортированной семьи в контексте истории страны.....	130
<i>Бродников А. А.</i> Енисейский политический ссыльный Василий Васильевич Серков (1910–2002)	135
<i>Орешкова Ю. А.</i> Архивные документы фондов личного происхождения в биографической истории просветителя традиционной культуры	141
<i>Фирер Н. Д.</i> История Евдокии Липентьевны Ветровой (Брюхановой) как часть истории страны	146
<i>Егорова С. Л.</i> Семейная переписка в реконструкции биографии ученого и поэта (на примере семейной переписки Ванеевых)	148

РАЗДЕЛ 4. «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В ИСТОРИИ СИБИРИ 153

<i>Газиева А. А.</i> К вопросу об общем и особенном в становлении фронтальных зон России (на примере освоения Сибири и Кавказа).....	153
<i>Уметбаев Т. Ш., Бондаренко Е. А.</i> «Северные Амуры» на охране сибирских рубежей Российской империи.....	158
<i>Тихоньких В. П.</i> Ментальность старожильского населения Сибири – одна из основ противоречий в отношениях с новоселами во второй половине XIX века	162
<i>Карпенко Е. В.</i> Сведения о таранчах и дунгнях в российских газетах после Илийского кризиса.....	168
<i>Григорьева Л. И.</i> Адаптация детей ссыльных в Сибири в 40-е годы XX века (на основании автобиографического интервью И. Л. Воеводина)	172

РАЗДЕЛ 5. ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ.....	176
<i>Дементьев Б. П.</i> Человек и власть в истории России.....	176
<i>Яценко М. П.</i> Власть как отражение отечественных проблем в эпоху перемен.....	180
<i>Меньшикова Е. Н.</i> Практики делового взаимодействия купчих Центрального Черноземья с городской администрацией во второй половине XIX – начале XX века	186
<i>Сафронов С. А.</i> Поездка С. Ю. Витте по Сибири и Дальнему Востоку в 1902 году и вопросы колонизации	191
<i>Кружалина А. А.</i> Сравнительная характеристика депутатов Государственной Думы Российской империи от города Иркутска и Иркутской губернии.....	197
<i>Дементьев А. П.</i> Политическая деятельность историка А. М. Гневушева в годы революции 1917 года и Гражданской войны.....	203
<i>Калашников А. А.</i> «Вынужден... вступить в переговоры... и пойти на некоторый возможный компромисс»: отставка начальника Алтайского округа Л. Л. Маслова в период временного установления советской власти	
<i>Краснокутская В. В., Коровин А. А.</i> Государственные органы и учреждения в период Белого движения на юге России.....	215
<i>Бакшеев А. И.</i> Историография сталинской политики 1930-х годов в отношении статистических органов СССР.....	219
РАЗДЕЛ 6. НОМО SOVETICUS И НОМО SIBERIAN КАК КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	225
<i>Карчаева Т. Г.</i> Государственный служащий в системе государственного управления Сибири в дореволюционный и ранний советский периоды.....	225
<i>Степанов М. Г.</i> Номо repressivus: базовые маркеры в российской историографии (либеральная и репрессивно-догматическая концепции).....	229
<i>Хоменко Д. Ю.</i> Советская повседневность 1930–1980-х годов в воспоминаниях Николая Ивановича Зайцева	236
<i>Коцик С. А.</i> Освещение реформ сельского хозяйства в Красноярском крае (1953–1964 годы) в периодической печати по материалам газеты «Красноярский рабочий»	240
<i>Шлапунов Д. А.</i> Репрезентация моральных принципов строителя коммунизма на страницах сельской прессы (на примере газеты «Знамя труда» Каратузского района Красноярского края за 1962 и 1965 годы)	245
<i>Гумерова Ж. А.</i> «Надо до конца оставаться человеком» (дневник судьи советского времени)	250

<i>Зубарев И. С.</i> Борьба с пьянством на рабочем месте на предприятиях Сургута в 1985–1991 годах	253
<i>Рябов Ю. В.</i> Рефлексия советского в российской молодежной культуре 1990-х годов.....	257
РАЗДЕЛ 7. «HISTORIA EST MAGISTRA VITAE». НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВА	267
<i>Чупров А. С.</i> Рассказанная история как память, наука и миф	267
<i>Пручай А. П.</i> Геродот как биограф: источники, методы и поэтические особенности «Истории» на примере жизнеописаний восточных царей	276
<i>Бесчастных Е. В.</i> Наставничество как метод подготовки кадров в период Великой Отечественной войны (на примере Красноярской железной дороги)	282
<i>Гончаров В. В.</i> «Образ будущего» в учебниках истории в нацистской Германии и пропагандистских материалах для молодежи на оккупированной части СССР (1941–1943).....	288
<i>Суржко А. В., Суржко Т. А.</i> Эволюция школьного образования в России на примере Гимназии № 10 (школы № 102) города Красноярска (конец 1980-х – 2020-е годы)	297
<i>Никулич Ю. В.</i> Мотивационный аспект деятельности публичных историков в России 2020-х годов (на примере видеоблогинга)	303
<i>Понятовская А. Г.</i> Развитие системы наставничества как технологии	309
<i>Уразова Ю. Е.</i> Реализация регионального компонента в учебно-воспитательном процессе учреждения среднего профессионального образования (на примере дисциплины «История и культура Красноярского края»)	312
<i>Яровикова В. А.</i> Реализация потенциала наставнической деятельности в центре профориентации и довузовской подготовки ФГБОУ ВО АлтГТУ имени И. И. Ползунова.....	316
РАЗДЕЛ 8. «НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	320
<i>Корнеева П. А.</i> Положение детей-сирот в британском обществе (через призму романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста»).....	320
<i>Чернышов В. В.</i> Общества попечения о начальном образовании как социокультурное явление рубежа XIX – XX веков (по документам КГКУ «Государственный архив Красноярска»)	324
<i>Баранцева Н. А.</i> Социальный портрет женщины-детоубийцы Сибирского края (по архивным материалам 1920-х годов)	329

<i>Щукина А. Н., Луцаева Г. М.</i> Состояние и функционирование специальных учреждений для беспризорных в 1920-е годы (на примере Енисейской губернии).....	335
<i>Славкова В. В., Кузьменко А. С.</i> Эволюция трагичной судьбы рабочего: от униженного к победителю (на примере советских кинематографических материалов 1920-х годов).....	340
<i>Ковалев А. С.</i> Образ инвалида Великой Отечественной войны в советском кинематографе 1960-х годов (на примере картины «Рабочий поселок»).....	343
<i>Королева Л. А.</i> Развитие студенческого физкультурно-спортивного движения в Пензенской области во второй половине 1960-х годов.....	350
<i>Семенова Т. Н.</i> Развитие волонтерского движения в России в 2010-х – начале 2020-х годов: опыт Чувашии.....	354
РАЗДЕЛ 9. ИСТОРИЯ НАУКИ В ЛИЦАХ И БИОГРАФИЯХ	360
<i>Гребенкин А. Н.</i> Русский педагог Виктор Андреевич Половцов в зеркале его дневника	360
<i>Турилова М. В.</i> Обзор публикаций о святителе Феофане Затворнике в научных журналах Калужской духовной семинарии	367
<i>Морозова У. В.</i> Влияние Вильгельма Вундта на развитие психологической науки.....	371
<i>Ивонина О. И.</i> Клио и крест Георгия Федотова.....	373
<i>Севостьянова Е. В.</i> «Многие и сами осознают тот вред, который причиняют, но по собственной инициативе вряд ли прекратят...»: формы экологического просвещения в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX века.....	379
<i>Карелин А. С.</i> А. Н. Коробецкий – ветеран спорта и талантливый организатор физической культуры в городе Кемерово.....	386
<i>Петровская Е. А.</i> Психологическое благополучие через всю жизнь: история педагогического успеха учителя начальной школы Н. А. Кузнецовой (1911–2003)	390
<i>Гасанов М. М.</i> Идеи единства и целостности Дагестана как лейтмотив научной и общественной деятельности профессора Р. М. Магомедова	393
<i>Никуленков В. В.</i> Фигура А. А. Воробьева в истории научного сотрудничества регионов КНР и СССР в 1950-е годы на примере работы Томского политехнического института и Пекинского университета	397
<i>Сумбурова Е. И.</i> Советский ученый как актер международного научного трансфера (по материалам НИФХИ имени Л. Я. Карпова)	402
<i>Амергазина Н. В.</i> Памяти Анны Филипповны Архиповой – учителя и художника	409

<i>Сорокун П. В.</i> История малых сибирских городов в трудах ученого-историка Д. Я. Резуна.....	416
<i>Павлов А. Е.</i> Среда обитания и организация досуга красноярских ученых-физиков 1960-1980-х годов.....	419
<i>Карпенко Е. В.</i> Развитие внутривузовской демократии в Красноярском государственном университете: выборы ректора 1989 года.....	428
<i>Шереметова И. А.</i> Реконструкция исторического ландшафта красноярской науки в базах данных Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.....	435
РАЗДЕЛ 10. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕАЛОВ.....	440
<i>Шульга Д. П.</i> Между степью, Сианем и Константинополем: культурная ситуация в раннесредневековом северном Китае.....	440
<i>Шулбаев О. Н.</i> Религиозное сознание и этика поведения декабристов сквозь призму междисциплинарного подхода.....	444
<i>Кускашев Д. В.</i> К вопросу об эволюции политико-правовой культуры городских обывателей Енисейской губернии последней трети XIX века.....	449
<i>Тонковидова А. В.</i> Эталон переустройства общества: церковно-светская социальность (на материалах философии С. Булгакова).....	453
<i>Якунин Н. Н., Северьянов М. Д.</i> Человек и власть в истории России: творческая интеллигенция Красноярья в период Большого террора.....	456
<i>Хоммьев Т. Б.</i> Эпос «Гёроглы» – оберег для туркменских воинов в Великой Отечественной войне.....	461
<i>Галлямов Р. Р.</i> Исламоведение в современном Башкортостане: попытка реализации просопографического метода (предварительные результаты).....	466
<i>Урожаева Т. П.</i> Театральная жизнь городов Иркутской области во второй половине 1990-х – 2000-е годы.....	472
РАЗДЕЛ 11. ЧЕЛОВЕК НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР И НАРОДОВ.....	478
<i>Кузьмин Ю. В.</i> Иркутский переводчик А. В. Игумнов и академик Я. И. Шмидт: первый словарь монгольского языка?.....	478
<i>Лю Сяоюй</i> Взгляд русских на Китай XVIII–XIX веков в работах Янь Годуна.....	483
<i>Loiko Alexander I.</i> The crossroads of cultures and peoples: I.A. Goshkevich.....	487

<i>Сергеев С. А.</i> Российское общество и кризис на Балканском полуострове накануне Русско-турецкой войны 1876–1878 гг.	491
<i>Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.</i> Дискуссии XIX – начала XX века о настоящем и будущем коренных народов Енисейского Севера	496
<i>Бершадская С. В.</i> Красноярск начала XX века в воспоминаниях английского путешественника М. Ф. Прайса	503
<i>Филинов А. В.</i> Взгляды представителей партийных и государственных органов на проблемы социально-экономического развития советского Дальнего Востока в период Маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 – март 1935).....	507
<i>Залесская О. В.</i> Китайские и русские руководители Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы	513
<i>Булавкина М. С., Дацьишен В. Г.</i> Гуманитарное сотрудничество СССР и Китайской Народной Республики в 1950–1960-х годах (на основе материалов фондов Красноярского краевого краеведческого музея)	519
<i>Цай Ин</i> Деятельность начальника благовещенского речного порта В. С. Руденко по развитию российско-китайских связей на Амуре	527
<i>Суржко А. В.</i> Международная велогонка «Дорогой дружбы» как фактор развития советско-монгольских отношений в 1970–1980-х годах	531
<i>Меркулова Д. Г.</i> Трансформация идеологических воззрений Си Цзиньпина.....	534
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	537

РАЗДЕЛ 1

МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

УДК 94(571.1)

П. А. Афанасьев

*Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия*

«Я ВСЕ-ТАКИ ВЫБИВАЮСЬ ИЗ ОБЫЧНОЙ КОЛЕИ МЕЛКИХ СЛУЖАЩИХ»: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ГИПЕРТЕКСТ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА Е. П. КЛЕВАКИНА В ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ФОНДА

Аннотация. Статья посвящена характеристике документов личного фонда провинциального чиновника последней четверти XIX в. Е. П. Клевакина. Автор рассматривает их как биографический гипертекст, придающий уникальность его создателю в контексте появления, видового состава и содержания составляющих его эго-документов.

Ключевые слова: гипертекст, Е. П. Клевакин, публикация источников, чиновничество, эго-документы

Abstract. The article is devoted to the characterization of documents of the personal fund of a provincial official of the last quarter of the XIX century. E.P. Klevakin. The author considers them as a biographical hypertext, giving uniqueness to its creator in the context of the appearance, species composition and content of its constituent ego documents.

Keywords: E. P. Klevakin, ego documents, publication of sources, bureaucracy, hypertext

В исторической литературе чиновничество как профессиональную и социальную категорию принято характеризовать набором количественных и качественных характеристик, формирующих ее усредненный образ. Применение методов обобщения и типизации оправдывается состоянием источниковой базы, позволяющей для большинства рядовых представителей «людей двадцатого числа» выделить лишь типичные вехи служебно-карьерного пути. При этом, характеризуя различные группы чиновничества, исследователи отмечают, что они «далеко не однородны, даже на низшем и среднем уровнях бюрократической иерархии можно видеть разных людей, находящихся

в одинаковых чинах» [1, с. 260]. Жизненные коллизии таких рядовых представителей чиновничества, как правило, выявляются «вопреки» стандартному набору документирования их служебной деятельности. Являясь, скорее, предметом микроисторических или регионально-краеведческих исследований, каждый случай пристального внимания к жизни отдельного рядового чиновника интересен не только источниками линейной биографической реконструкции «маленького человека», но и возможностями ее нелинейной интерпретации, характеризуемой понятием «гипертекст». В общекультурном значении он может быть обозначен как своеобразная картина мира, в которой смысловые структуры соединяются и осваиваются создаваемыми переходами между ними [2, с. 70; 3]. Чиновничество, в силу большей вовлеченности в письменную культуру, нежели другие группы рядового населения, изначально дает лучшие источниковые возможности для воссоздания жизненных путей своих представителей. Однако в большинстве случаев их биографические реконструкции на основе стандартных сведений служебных формуляров вряд ли будут достаточной основой для биографических гипертекстов. Представляется, что необходимым условием для них является наличие эго-документов чиновников и документированные «казусы» их службы, создающие узлы смысловых переходов для канвы биографических событий.

Ярким примером всесторонней биографической реконструкции провинциального чиновника может выступать личность Евгения Поликарповича Клевакина. Известный преимущественно алтайским историкам и краеведам, он олицетворяет типичного представителя провинциального чиновничества последней четверти XIX в., к тому же неоднократно менявшего места жизни и службы. Но в то же время подробная биографическая реконструкция была бы невозможна без созданного чиновником на протяжении жизни уникального массива эго-документов, комплекс которых отложился в его личном фонде в Государственном архиве Алтайского края (фонд 77) [4, т. 1, с. 67–79, т. 2, с. 440–441]. Достаточно полная сохранность его обширного по хронологии и географическому охвату документального наследия является нехарактерной для провинциального дореволюционного чиновника среднего звена. Уникальность комплекса эго-документов Е. П. Клевакина способствовала их системному изучению и публикации, предпринятой автором данных строк с 2017 г. На сегодняшний день в научный оборот введены его воспоминания, дневники и эпистолярное наследие [4–6]. На основе проделанной работы в рамках настоящей статьи предпринимается попытка рассмотреть документальное наследие Е. П. Клевакина в его личном фонде как биографический гипертекст.

Евгений Поликарпович Клевакин родился в 1841 г. и происходил из зависимых мастеровых Кушвинского завода на Урале. После обучения в заводском училище он начал зависимую службу в конторе Кушвинского завода. После освободительной реформы 1861 г. он остался служить на заводе на низших административных должностях вначале по вольному найму, а с 1866 г. – на государственной службе в должности смотрителя заводских припасов. Получение первого классного чина в 1874 г. совпало с переходом Е.П. Клевакина на бухгалтерские должности в Кушвинском и Баранчинском заводах Гороблагодатского округа. Однако осенью 1875 г. ему пришлось оставить горнозаводскую службу и уехать в Пермь, поступив в губернское казначейство. Тяжелые материальные условия заставили Евгения Поликарповича в конце 1875 г. окончательно оставить государственную службу и поступить вначале на Кизеловский завод княгини Е. Х. Абамелек-Лазаревой (служил в 1876–1878 гг.), а затем в течение года быть приказчиком у пермского купца В. Н. Бахарева, руководя его конторой в Екатеринбурге. В 1879 г. Е. П. Клевакин вновь вернулся на государственную службу, поступив в Пермскую контрольную палату.

Размеренный уклад жизни нарушила смерть жены в 1882 г. Вскоре Евгений Поликарпович оставил государственную службу и вновь поступил к В. Н. Бахареву.

В качестве управляющего его конторой в марте 1883 г. Е. П. Клевакин переехал в Томск, связав свою дальнейшую жизнь с Сибирью. После годичного управления купеческой конторой в 1884 г. Е. П. Клевакин вернулся на государственную службу. Вначале он был определен смотрителем Томского тюремного замка, в 1885–1886 гг. занимал должность помощника окружного полицейского исправника в Бийске, а в 1886–1887 гг. служил полицейским приставом в селе Зыряновском при одноименном руднике на Алтае. В 1887 г. Е. П. Клевакин перешел на службу в Алтайский горный округ, в котором и вышел на пенсию в 1900 г. с должности помощника окружного бухгалтера. Живя с 1889 г. в Барнауле, Евгений Поликарпович постепенно стал одним из заметных общественных деятелей города, особенно после выхода в отставку. Развитие пожарного добровольчества, участие в тюремном попечительстве, организация местного монархического движения – таковы главные сферы его деятельности вплоть до 1917 г. [4, т. 1, с. 4–49; 7]

Представленная линейная реконструкция биографии Е. П. Клевакина полностью воссоздается исключительно на основе сведений формулярного списка чиновника и дополняющих его официальных документов [4, т. 2, с. 338–349]. Привлечение материалов личного фонда не позволило бы хронологически полно воссоздать служебный путь чиновника. Документы личного фонда Е. П. Клевакина дают возможность объяснить только отдельные жизненные перипетии. При этом массив эго-документов Е. П. Клевакина дошел до нас в относительной полноте благодаря проявившемуся у их автора нехарактерному для рядового человека стремлению к сохранению своего документального наследия [4, т. 1, с. 79–80]. Эта особенность позволяет подойти к характеристике эго-документов его личного фонда как биографическому гипертексту. Ключевыми характеристиками для его конструирования будут выступать видовой состав эго-документов, период их создания и значение в хронологии жизни Е. П. Клевакина.

Первыми по времени создания в комплексе документов личного фонда являются дневники, которые Е. П. Клевакин вел с 1864 по 1886 г. Их назначение сам автор неоднократно объяснял так: «Записывать... свои мысли, заметки и события жизни», «...излагать свое житье в дневнике на память» [5, с. 240, 314]. В этом отношении дневники автора внешне наиболее близки к линейной организации биографических сведений, поскольку изначально формируют записываемые события в последовательную цепочку. Заводя дневник, автор, несомненно, хотел зафиксировать для себя, на память, отдельные моменты, выходящие за рамки обычного и показавшиеся ему достойными внимания. Со временем это значение дневника дополнилось его ролью как способа организации авторских размышлений с целью саморефлексии.

Поскольку дневник рассматривался Е. П. Клевакиным как глубоко личное явление в соответствии с принципом «чтобы дневник... не попал в посторонние руки» [5, с. 168], поэтому изначально он не рассматривался автором как источник подробной реконструкции жизни. Адресатом своих дневников, кроме себя, Евгений Поликарпович видел своих потомков, детей. Очевидно, это делало ненужным фиксацию известных в семье биографических подробностей. Поэтому дневник приобретал характер автобиографического гипертекста, значимого, в первую очередь, для самого Е. П. Клевакина. Посредством его ведения он фиксировал смыслы и внутренние переходы к событиям, которые он знал и без письменной фиксации. Об этом могут свидетельствовать отсылки в тексте вроде фразы «Ходил кое-куда» или отсутствие описаний важных событий жизни вроде женитьбы и рождения детей.

Необходимо учитывать, что в разные годы всплеск интереса Е. П. Клевакина к осуществлению записей сменялся длительными периодами невнимания и порой полного забвения дневника. Даже окончательное прекращение дневника не было никак формально обозначено. Во всем этом тоже можно видеть проявление гипертекстового

характера дневников: вопреки задаваемой целевой установке их ведения автор в силу разных причин не делал записи, чем неосознанно формировал смысловые переходы к определенным жизненным периодам и событиям, которые знал только он сам. Периодически то прекращая, то возобновляя ведение дневника, автор тем самым придавал ему характер условной завершенности и цикличности, что исследователи выделяют в качестве признаков гипертекста [3].

Вторым по времени создания комплексом документов в личном фонде Е. П. Клевакина являются его письма, массив которых насчитывает 400 единиц. Большая часть эпистолярного наследия (358) относится к 1875–1885 гг. и была сформирована самим автором путем аккуратного копирования отсылаемой корреспонденции. Закономерно, что основной объем сохраненных писем Е. П. Клевакина приходится на годы его частых переездов. Переписка позволяла ему развивать новые знакомства и поддерживать старые дружеские контакты, обмениваться произошедшими событиями жизни и вести дела. Число адресатов писем Е. П. Клевакина насчитывает 136 человек, большинство из которых (61 чел.) были разовыми корреспондентами. Круг друзей и близких знакомых насчитывал 11 адресатов [6, т. 1, с. 10–11]. В отличие от дневников, адресная пестрота писем изначально придает их содержанию нелинейный характер и фрагментарность, делая каждое письмо содержательно автономным.

Е. П. Клевакин неоднократно как в дневнике, так и в письмах подчеркивал свою любовь к занятию эпистолярным жанром: «Как я люблю писать письма своим знакомым» [5, с. 186], поэтому целенаправленное сохранение им своих писем было осознанным стремлением автора. В условиях перемен размеренного образа жизни написание писем являлось актом коммуникации. В одном из писем Е. П. Клевакин так характеризовал содержание своей переписки: «Сам я в письмах к своим друзьям стараюсь знакомить с жизнью в других местах и поэтому мне очень интересно получать письма, в которых описывается и общественная жизнь и местные экономические вопросы» [6, т. 1, с. 184]. В сохранившихся письмах четко прослеживается их диалогичность и нацеленность на общение. В одном из писем Е. П. Клевакин довольно точно описал это так: «Вообще я считаю интересным писать письма и получать на них ответы, а если ответов не получается, то весь интерес пропадает» [6, т. 1, с. 390]. Поэтому, Е. П. Клевакин, сохраняя свои письма, тем самым формировал смысловые переходы между письмами. Это нашло отражение даже во внешнем оформлении записи отосланных писем: у каждого из них автор указывал ссылки на предыдущее и следующее письмо этому же адресату. Даже при разовой адресации сохраняемые письма включались им в авторский гипертекст, позволяя сопоставлять информацию, сообщенную разным лицам.

Вероятно, что запись копий отправленных писем для Е. П. Клевакина была сродни ведению дневника, в чем-то содержательно дополняя его и отличаясь изначально присущим комплексу писем гипертекстовым характером. Не имея, в отличие от дневника, сознательной цели зафиксировать линейный ход событий жизни, автор сообщал корреспондентам только текущие и актуальные биографические факты. Поэтому в комплексе писем обнаруживаются и содержательная непредсказуемость, и возможность выбора посредством ознакомления с частью писем по определенным критериям, и отсылки к прошлым письмам. Все эти гипертекстовые характеристики комплекса писем Е. П. Клевакина формируют внутренние связи между отдельными фактами его биографии, которые при этом имеют значение самодостаточных эпизодов в эпистолярном общении автора и адресата. Поэтому в случае с сознательным сохранением автором своих писем можно видеть его потребность в дополнении своего жизненного восприятия внутренними взаимосвязанными смыслами, которые не формировались ни дневником, ни непосредственным общением с окружающими людьми. Поэтому комплекс сохраненных писем в большей степени, чем дневник, приобретает черты биогра-

фического гипертекста, отчасти сознательно конструируемого самим автором. На этом фоне совершенно неожиданным, как и в случае с дневником, выглядит резкое прекращение фиксации Е. П. Клевакиным отправляемых им писем.

По мере утраты интереса к ведению дневника и сохранению своих писем с середины 1880-х гг. у Е. П. Клевакина росли «писательские желания», которые в итоге привели к формированию третьего существенного комплекса в составе его личного фонда – записей интересных случаев из жизни и воспоминаний об отдельных ее периодах. Среди них преобладают небольшие рассказы и заметки, построенные вокруг одного события или сюжета и по форме близкие к очерку. Тексты с воспоминаниями записывались в разное время, без хронологической последовательности, нередко с целью зафиксировать лишь какой-то вспомнившийся интересный случай из жизни автора. Это придает им разрозненность и мозаичность. Цельные воспоминания из отдельных частей Е. П. Клевакин создал только под конец жизни в расчете на их публикацию. Но и в этом случае повествование не ставило целью детально осветить жизненный путь автора. Сам он так определял значение своих воспоминаний: «Я ведь не отчет даю в своей деятельности, а описываю более или менее оригинальные случаи и оригинальных людей, их жизнь служебную и разные поступки» [4, т. 1, с. 331].

Воспоминания Е. П. Клевакина не предполагали знания читателями биографии автора, но в крупных текстах он кратко сообщал необходимые сведения, больше сосредотачиваясь на описании своей роли в контексте жизненных ситуаций. Поэтому с точки зрения потенциальных читателей эти воспоминания выглядели вполне законченными и самостоятельными очерками. Для самого автора они также включались в смысловой комплекс его дневников и писем. Практически не имея с ними прямых пересечений, воспоминания дополняли их новыми фактами и объяснениями поступков, создавая тем самым внутренние связи и отсылки, существующие, однако, только в восприятии автора. Целенаправленное сохранение автором своего личного фонда в конечном итоге предопределяло включение его воспоминаний в биографический гипертекст эго-документов с подразумеваемыми взаимосвязями всех его компонентов.

Помимо представленных комплексов личный фонд Е. П. Клевакина также содержит блок художественных произведений, созданных автором в расчете на публикацию. Их, скорее, следует рассматривать как результат авторского хобби, созданный в беллетристических целях, поэтому к биографическому гипертексту они не могут иметь отношения. Особняком в личном фонде Е. П. Клевакина содержатся также материалы, описывающие службу автора смотрителем Томского тюремного замка и деятельность в качестве попечителя Барнаульской тюрьмы. Близкие по формам к дневникам и воспоминаниям, они также могут рассматриваться как часть биографического гипертекста. При этом они будут занимать лишь второстепенную роль в силу тематической специфики и крайней незначительности биографического контекста в них. Очевидно, сам автор сознательно минимизировал в них этот аспект, поскольку изначально не рассматривал эти материалы как воспоминания о своей жизни.

В совокупности три наиболее значительных комплекса документов личного фонда Е. П. Клевакина – дневники, письма и воспоминания – составляют его биографический гипертекст. Это их свойство усиливается тем, что в комплексе личных документов автор не сохранил копий служебных аттестатов или формулярных списков, не записал своей автобиографии. Поэтому рассмотренные комплексы текстов в силу их содержательной нелинейности и фрагментарности включаются в биографию их автора только после линейного конструирования его служебного пути на основе официальных источников. Без создания этого стержня гипертекстовый характер, присущий представленным комплексам текстов, займет одно из главных мест, но не приобретет сколько-нибудь законченной биографичности. Каждый из комплексов, самоценный сам

по себе, обладает лишь условной завершенностью, поскольку для автора законченными были лишь его воспоминания, а дневники и письма были прекращены буквально на полуслове. Присущее охарактеризованным комплексам качество одновременности позволяет потенциальному читателю-исследователю самостоятельно выбирать и выстраивать содержательные фрагменты в линейный биографический сюжет. При этом содержательно все тексты подразумевают ссылки на жизненные события автора. Они были очевидны самому Е. П. Клевакину, поэтому в создаваемых им текстах он далеко не всегда давал прямые отсылки и указания на событийную канву своей жизни. Неосознанно подразумеваемый автором гипертекстовый характер созданных эго-документов становится очевидным для исследователя, заставляя при работе с текстами личного фонда в каждом случае обращаться к линейной событийности жизни автора.

В результате личный фонд Е. П. Клевакина обладает всеми чертами, позволяющими рассматривать его как биографический гипертекст. Сознательное сохранение автором всех своих документов при переменах мест жительства и службы доказывает, что для него эти рукописи были не только результатом времяпрепровождения, но и составляли личный биографический контекст жизни. Очевидно, внутреннее осознание связей, взаимных отсылок и переходов между личными текстами также способствовало желанию автора сохранить для потомков комплекс своих рукописей как свидетельство уникальности своего жизненного пути. Стремление Е. П. Клевакина «быть на виду», быть заметным среди массы подобных ему коллег-чиновников не только определяло его жизненные поступки, но и влияло на формируемый самим автором биографический гипертекст из его многочисленных рукописей. Благодаря этому сохраненному личному фонду личность чиновника не затерялась во времени, а в распоряжении исследователей оказался уникальный комплекс эго-документов рядового жителя провинции. Как биографический гипертекст многие документы его личного фонда служат не только источником событийного насыщения биографии их автора, но позволяют формировать многочисленные контекстные связи, в которых события жизни автора служат лишь отправной точкой в многоаспектном изучении его эго-документов.

Список источников

1. Бушмаков А. Государственные служащие пореформенной России второй половины XIX – начала XX века // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 259–266.
2. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1997. 384 с.
3. Волынкина С. В., Новожилова Н. В., Соломенников В. А. Гипертекст – новая языковая реальность // Филологический аспект. 2019. № 11 (55). С. 141–155. Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/gipertekst-novaya-yazykovaya-realnost.html?ysclid=lgnrmmrq1m240655040>.
4. Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае : в 2 т. / изд. подгот. П. А. Афанасьев. Барнаул : АлтГПУ, 2017. Т. 1. 420 с.; Т. 2. 458 с.
5. Клевакин Е. П. Дневники (1864–1886 гг.) / отв. ред. П. А. Афанасьев; сост. П. А. Афанасьев, А. А. Калашников. Барнаул : АлтГПУ, 2019. 512 с.
6. Клевакин Е. П. Письма (1875–1919 гг.) : в 2 т. / отв. ред. П. А. Афанасьев; сост. П. А. Афанасьев, А. А. Калашников. Барнаул : АлтГПУ, 2020. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 480 с.
7. Афанасьев П. А. Е. П. Клевакин: провинциальный чиновник на фоне пореформенной эпохи // Исторический курьер. 2018. № 2. Режим доступа: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-03.pdf>.

Е. А. Толстогузова

*Чердынский краеведческий музей
имени А. С. Пушкина
Чердынь, Россия*

ИСТОРИЯ СТРАНЫ – ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Статья посвящена анализу личных дневников студента-реалиста, который в 1917 г. стал вести дневники о событиях, происходивших в России. Дневники отражают частный взгляд на события, происходившие в начале XX в.

Ключевые слова: *культурная жизнь, партии, революционные события, цены*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the personal diaries of a realist student, who in 1917 began to keep diaries about the events that took place in Russia. The diaries reflect a private view of the events that took place at the beginning of the 20th century.

Keywords: *evolutionary events, parties, prices, cultural life*

1917 год. Идёт Первая мировая война, в Российской империи началась революция, а студент-реалист начинает писать дневники в маленькой Чердыни, которая затерялась в прикамской тайге. Он записывает названия пароходов, которые сюда приплывают, как проходят службы в храмах, сколько уроков сегодня он выучил и как поменялась система оценок в школе, как пришли красные, что изменилось в жизни чердынцев. Об этих изменениях в небольшом городе и стране рассказывает дневник юноши, а не тексты официальных газет и декретов. В этом ценность личных документов – частный взгляд на события. Здесь переплетаются личные переживания первой влюбленности, неудачи и успехи в делах, события масштаба всей страны.

Кто же наш автор? Иван Александрович Неклюдов родился 8 июня 1902 г. по старому стилю в семье мещанина [1], а его бабушка, Елизавета Федоровна, числилась купчихой 2-й гильдии.

В 1913 г. он окончил Чердынское приходское начальное училище [2], а в 1919 г. – полный курс реального училища [3]. В последнем начинает вести личные дневники, которые продолжит вести до конца жизни. Сначала его дневники очень подробные, эмоциональные, послевоенные – уже более сухие, содержат больше сведения о погоде с коротким упоминанием фактов из жизни. Дневники 1930-х гг. на сегодняшний день не найдены.

Окончив учёбу, Иван Александрович поступает на работу в земскую библиотеку. С 1920-х гг. он начинает преподавать, сначала в сельских школах, позже – в Чердыни, работает в школе рабочей молодежи и педагогическом техникуме [4]. Проходит курсы повышения квалификации в Свердловске.

И. А. Неклюдов состоял в Обществе изучения Чердынского края, которое издало несколько сборников с краеведческими материалами. Во втором выпуске сборника за 1927 г. опубликован «Указатель книг и статей, напечатанных в различных журналах и газетах о Чердынском крае». Иван Александрович провёл большую исследовательскую работу, когда готовил этот указатель. В нем несколько тематических разделов, которые включают 218 наименований разных изданий, где говорится о Чердынском крае.

В декабре 1934 г. Президиум Чердынского райисполкома постановил провести экономическое описание Чердынского района. Была создана бригада, которая в начале 1935 г. провела описание по специальному плану. В состав бригады входил также И. А. Неклюдов. В коллекции документов есть удостоверение о том, «что он действительно является членом бригады по экономическому описанию Чердынского района» [5].

Иван Александрович женился в 1940 г. на Селяниной Марии Федоровне. 3 сентября 1944 г. у них родился сын Владимир, который умер в 1945 г. Семья Неклюдова проживала в собственном доме по ул. Гагарина, 47. Умер Иван Александрович 15 декабря 1978 г. Дом его не сохранился.

Чердынский музей хранит коллекцию личных документов Ивана Александровича Неклюдова – краеведа, педагога, библиотекаря. Коллекция сформировалась благодаря его родственнице, Маргарите Сергеевне Кашириной. Бинобль, а также фото мы можем увидеть благодаря внучатому племяннику Неклюдова, Сергею Викторовичу Каширину. На наш взгляд, самыми интересными в коллекции являются именно личные дневники, их изучением в свое время занимался Г. Н. Чагин, известный историк и исследователь пермского Севера, профессор ПГНИУ.

Дневники представляют собой самодельные записные книжки небольшого размера, сформированные из отдельных листов ученических тетрадей и прошитые нитками, и имеют заголовок в виде указания года и иногда номера. В юные годы Иван Александрович приводил подробное описание дня. Дневники и альбомы 1917–1922 гг. содержат рисунки, некоторые из них с заметками. На них много цветочных орнаментов, текст написан курсивом. У альбомов обложки плотные, возможно в них он рисовал на пленере, с плотной обложкой это делать удобнее.

Некоторые рисунки сопровождаются краткой информацией, как, например, изображение часовни Петра и Павла, стоявшей за р. Колва. Этот рисунок дает представление о том, как выглядела часовня. Она была разрушена в 1930-е гг., её фотографий не сохранилось.

В его дневниках мы проследили 9 сюжетных линий.

Неклюдов описывает интересные городские события: крестные ходы по городу, Прокопьевскую ярмарку, церковные воскресные или праздничные службы, в которых он принимал участие. Описывает он и культурные городские мероприятия, есть записи и о разных домашних и хозяйственных делах. Например, в 1925 г. в Чердынь прилетел гидроплан. Кроме газетной вырезки, мы можем прочесть в дневнике свидетельство этого события: *1925 год. 7 августа. «Сегодня в Чердынь прилетел гидроплан в 8 часов вечера. Он летел мимо нашего покоса, когда мы метали зарод. На гидроплане прибыл писатель Борис Пильняк. 9 августа. Сегодня гидроплан сделал несколько полётов. 11 августа. Гидроплан улетел в Усть-Камск. Гидроплан – выглядит как самолет, только вместо шасси на колесах что-то вроде лыж»* [6].

Иван Александрович систематически посещает спектакли, концерты, а позднее и кино, которое демонстрировали в Чердыни. *«1.02.1923. Сегодня вечером был спектакль «Тяжкая доля», устраиваемый УНО, в котором я участвовал в роли судьи Бориса во втором действии. 9.04. Ходили на спектакль «Идиот» Достоевского. 15-летний юбилей сценической деятельности Виталия Павловича Мартынова»* [7].

«18.04. Днем была манифестация, а вечером я ходил на спектакль в парт-клуб. Ставили «Недомерок». 19.04. Вечером ходил на спектакль «Темное пятно». Спектакль был интересный» [7].

Став учителем, Иван Александрович начинает писать о системе образования. В первых дневниках есть записи о том, как изменилась система оценки после революции: была введена двухбалльная система оценок, смягчилась дисциплина. Неклюдов записал: *«Позволено было устроить свой союз учеников реального училища, гимназии,*

городского мужского училища и семинарии и много других вещей, которые были за-прещены при старом строе. Но это очень плохо отразилось на молодом ученическом поколении. Но потом ученики привыкли, и все вошло в колею» [8]. Из записей мы узнаем, что учебные заведения старого типа были упразднены, и создана трудовая школа 1-й и 2-й ступени. Ремесленная школа упразднена совсем, а учительская семинария стала профессиональным училищем. 1918 год. 24 января. «День пасмурный, ветер. Папа ездил за сеном Нассоновым. Учились 3 урока, были уроки: История, Словесность и Нем. яз. В училище было холодно, то некоторые ученики сидели в классе в пальто. По истории только задал урок В. А., а потом 3/4 урока проразговаривали, словесность занимались, за нем. яз. отказались все (хотя) любая 2-я знала урок, от урока, и подняли шум, немка ушла из класса и остальную часть урока провели в ничегонеделании. До 6 часов учил уроки, ходил в лавку и к Зырянову за керосином. С 4 час. было общее собрание учащихся средней школы (в гимназии с 5 кл. в реальном с 4 кл., а в семинарии все классы, кроме приготовительного) в реальном училище по поводу возникновения конфликта начальницы с преподавателями, и удалением 15 препод. в отставку из-за начальницы. Гимназистки просили поддержать их так, чтобы преподаватели опять вернулись и продолжили занятие (прекращённое) некоторые отозвались. В 7 час. сапожная мастерская я натягивал стельки на колодки. У нас сидел дядя Павел. Я учил уроки и читал Островского: «Доходное место». Мама ходила на родительское собрание в гимназию. Ночь пасмурная и переметало. Лег спать в 1 час ночи» [8].

21 февраля. «Зак. Бож. в училищах упразднён. Директора и инспектора нет, все учителя о. Николаю предлагают 2 урока в неделю истории за 10 руб. в месяц. Старшие классы не знаю откроют или нет, так как из 6 кл. 8 чел. записано в Красной гвардии... Штаб красной гвардии в доме И. С. Щеголихина /бывший Федорова/ Усп. Сегодня отправили 50 чел. красной гвардии на фронт, в том числе есть и реалисты. Некоторые реалисты уехали на Вишеру... Я ходил в училище списывать программу экзамена. Вечером я ходил в библиотеку публичную и в 7 час видел на небе следующее явление, большой световой круг и в его середине звезда, при чём это явление продолжалось не более 1 минуты» [8].

В альбомах Ивана Александровича большое количество записей о пароходном сообщении Чердыни. Порой он практически ежедневно записывает информацию о приходе пароходов: время, название, пристань и как долго они пробыли на станции. Эта информация важна для изучения и сохранения истории развития водного транспортного сообщения территории чердынского района. Долгое время водный путь был основным способом транспортного сообщения с другими территориями.

В альбомах Ивана Александровича большое количество рисунков Чердынский храмов. Для Ивана Александровича вера – важная часть жизни. Он пишет заметки о церковных праздниках, о том, как поет хор, и о том, как на певчих начинаются гонения. Записи свои Иван Александрович составляет при помощи особого шифра – русской литории, так как боится, что его могут арестовать. 24.04.1924. «Мне страшно неприятно действует на настроение эта борьба против религии. У народа отнимают его духовную жизнь. Это пятно омрачает ясное небо настроения. В церковь ходишь как все» 26.04.1924 [9]. «5 мая объявлен призыв моего года. Певчих вероятно нигде не будет, потому что, например, Филиппева обязали подпиской чтобы он не пел в церкви» [9]. Автор дневников фиксировал также события, происходившие в отдельных населенных пунктах Чердынского уезда, участником которых он был. Например, Иван Александрович с матерью посетил освящение новой церкви в селе Бигичи в июне 1917 г. Это была последняя церковь, построенная до установления советской власти. Сегодня реконструкцию этой церкви мы видим на Троицком холме в Чердыни. 1917 год. 29 июня. «День Петра и Павла. Именинники: Пётр Михайлович

Кузнецов, Петя Головин. Сегодня было священие церкви во имя пророка Ильи. Утренняя была в 5 часов после утрени священ. а потом обедня и все отошло в 1 час дня. Домой ушли в 2 часа и пришли домой в 8 ч. вечера день ясный, солнце, ветер. Вечером тихо».

Отдельного интереса заслуживают его заметки о революционных событиях. В 1918 г. он рисует серию карикатур на представителей современных партий: большевики, меньшевики, социал-демократы, анархисты. 1918 год. 31 января. *«День пасмурный, тихо, снег. Сегодня началось учение в старших классах, как реального, так и в гимназии. Забастовка окончилась. Я в училище не ходил по случаю болезни. У нас была в гостях тётя Каня с Сеней. Сегодня были обыски оружия у Алиных Больших и Малых. Арестовали студента Запарина и раньше вчера Коровина (земского служащего, бывшего реалиста) и прапорщиков Вологодина и Еремеева. Настроение города тревожное, которые побогаче уехали из города, в том числе голова. Я читал Мельникова. Я учил уроки. Ночь темная, тихая»* [8].

4 февраля. *«День ясный, солнце, тихо, морозно –28. Обедня с 8 1/2 до 10 1/2 часа с диаконом, без певчих. Служил О. И. Романовский, я учил уроки. Ходил в училище менять книги, в училище был обыск. Вечером приехало 150 чел. солдат-большевиков и заняли реальное училище. Папа и мама ходили в гости к М. Д. Протопопову. Серафима и Шурочка ходили на спектакль «Тяжкая доля», устраиваемый семинаристами и гимназистами. Начало в 6 ч. конец в 12 ч. После спектакля танцы. Ночь ясная, тихо, звёздная, луна, которая светила не совсем ярко, морозно»* [8].

10 февраля. *«День ясный, солнце, тихо, на солнце таяло. Я с Валерием dokonчили катушку и полили ее. Сегодня по случаю перехода власти г. Чердыни, Черд. Совету рабочих, солдатских и крест. депут. была манифестация с 10 час. утра от Городской Управы. В манифестации участвовали солдаты числом около 100 чел. рабочих и плены австрийцы, и ребята маленькие. Из интеллигентных жителей никого не было. Вечером ходил к всеношной к Богоявлению. С сегодняшнего дня поется после евангелия молитва «Покаяния отверзи ми двери жизнодавче» Глас 5... Ночь очень ясная. У нас были гости дядя Павел и М. Г. Фраткина»* [8].

1919 год. 16 июня. *«День облачный, солнце, ветерок. Обедню во всех церквях отслужили поспешно. Город решено эвакуировать в зав. Кизел. Пришло 2 пар пассажирск. «Урал» и «Добр» и 7 буксирных. Мы с Шурочкой ходили в с. Серёгово. День провели тревожно. В городе паника и вывоз вещей»* [9].

«17 июня. День ясный, облачный, тихо. Очень жарко. День провели тревожно в каком-то ожидании. Ходят по городу ужасные и провокационные слухи, ни на чём не основанные. Мы готовимся уехать, но сами не знаем куда. 23 сентября. Сегодня я ходил регистрироваться в городскую милицию» [9].

Отдельная тема – цены. Неклюдов описывает стоимость продуктов, вещей, налоги, которые их семья платит с трудом. 1923 год. *«24.01. Сегодня получил жалование 76 рублей 80 копеек. Папа купил мне на брюки серого сукна на 30 рублей аришин»* [10].

31.01. *«Получил налогу на недвижимое имущество 75 рублей»* [10].

17(2).02. *«Вчера все священники, как города, так и уезда брали патенты как лица свободной профессии. С городских 75 рублей, с сельских 50 рублей»* [10].

26.02. *«Сегодня был суд Любимову, бондюжскому священнику, за кумышковадение оштрафовали на 2000 рублей золотом (28 миллиарды)»* [10].

2.03. *«Получил жалование за февраль месяц в сумме 106 рублей и заплатил 12 руб. подоходно-хозяйственного налога»* [10].

14.03. *«Вчера получили окладной лист на уплату поземельного налога 120 рублей (миллионов)»* [10].

16.04. *«Хлеб (мука) продают 40 рублей»* [10].

8.12. «Сегодня пришел окладной лист налога за усадебную землю 6,55 р. Дали копейки, нечем платить, положение скверное» [10].

18.12. «Сегодня получил окладной лист по налогу со строений в размере 7 1/2 рубля, платить нечем» [10].

1924 год. 26.04. «Денег не получал с февраля, всего рублей около 90 и даже не на что было купить крупчатки, 12 фунтов которые купили на заемные деньги, а также пришлось выкупить сшитые пальто тоже на заемные деньги. В общем приходится встречать праздник не так, как надо. В общем положение ужасное» [9].

11.08. «Днем ходил в Исполком, пришел получить деньги, которые нужны до разрезу, но не получил ни копейки» [9].

Надо отметить, что как все молодые люди, Иван Неклюдов много места в своих дневниках посвящает любви. 9.04.1922. «Была Ася, но мне не удалось с ней погулять. Ее провожали Ремянников, Сидников, и Муромцев Володька. Я с каждым днем убеждаюсь, что не в состоянии когда-нибудь привлечь хоть частицу ее внимания на мою сторону. Когда видишь своими глазами подобную картину, в душе появляется горечь, отравляющая все настроение. Как будто открываются душевные раны. Уединение – единственное средство от всех неприятностей» [11].

22.05. «Вечером ходил на городище и Троицкую гору, и иду я обратно, и встретил Одинцову, и ушел с ней еще на гору, и проходил до 10 часов вечера. И зачем, спрашиваю себя, я с ней ходил. Образ Аси всегда во мне. Но навряд ли какая неведомая сила мешает нам с ней сойтись. 22.08. Случайно на курсах встретил учителя Денисову. Она мне очень понравилась. 28.10. Вечером был на спектакле «За монастырской стеной». Мелодрама из итальянской жизни. Главную роль играла Печовина. Сегодня успел случиться инцидент с Одинцовой (я отдал кольцо ей)» [11].

8.05.1927. «Вечером был в кино, ставили «Нелли». Вечером после спектакля провожал Катю Фед.» [12].

29.05.1927. «Был концерт в парт. проф. клубе. Познакомился сегодня с Лизой Уд.» [12].

Таким образом, дневники И. А. Неклюдова дают целостное описание городских и семейных событий за довольно продолжительный период времени и служат ценным историческим источником для изучения социальных, культурных, политических аспектов жизни населения Чердыни с установления советской власти в 1917 г. и до начала 1970-х гг.

Список источников

1. Свидетельство // Чердынский краеведческий музей имени А. С. Пушкина. № 5529/2. Инв. Д.-7549.
2. Похвальный лист об окончании начальной школы // ЧКМ. № 5529/3. Инв. Д-7552.
3. Аттестат // ЧКМ. № 5529/39.
4. Грамота // ЧКМ. № 5529/26. ГК-41094691.
5. Удостоверение // ЧКМ. № 5529/5. ГК-41094662.
6. Дневник Ивана Неклюдова за 1925 год № 1 // ЧКМ. № 5506/42.
7. Дневник Ивана Неклюдова за 1923 год № 2 // ЧКМ. № 5506/26.
8. Дневник Ивана Неклюдова за 1918 год // ЧКМ. № 5506/2.
9. Дневник Ивана Неклюдова за 1924 год № 2 // ЧКМ № 5506/34.
10. Дневник Ивана Неклюдова за 1923 год // ЧКМ. № 5506/11.
11. Дневник Ивана Неклюдова за 1922 год № 3 // ЧКМ. № 5506/25.
12. Дневник Ивана Неклюдова за 1927 год № 1 // ЧКМ. № 5506/9.

Л. В. Белгородская

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

ВИЗУАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ФОТОГРАФИЙ СИБИРСКИХ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ДВУХ СНИМКОВ ИЗ ДЕРЕВНИ ОВСЯНКА)

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу двух фотографий школьников деревни Овсянка (Енисейская губерния), выполненных в 1907 и 1932 гг. Установлены обстоятельства создания снимков, идентифицированы изображенные дети, установлены имена преподавателей. Проведена историко-антропологическая экспертиза изображений. Исследован вопрос о бытовании фотографий в XX – начале XXI в.

Ключевые слова: *В. П. Астафьев, визуальная антропология, визуальный поворот, деревня Овсянка, фотографии школьников*

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of two photographs of schoolchildren of the village of Ovsyanka (Yenisei province), made in 1907 and 1932. The circumstances of the creation of the pictures are established, the children depicted are identified, and the names of the teachers are established. An anthropological examination of the images was carried out. The question of the existence of photographs in the XX – early XXI century is investigated.

Keywords: *V. P. Astafyev, visual turn, photographs of schoolchildren, visual anthropology, Ovsyanka village*

В конце XX в. в гуманитарных науках произошел так называемый визуальный поворот (pictorial turn). Современные историки активно исследуют возможности визуальности для познания прошлого и формирования новых исследовательских и образовательных практик. В рамках этого направления новый импульс к развитию получила визуальная антропология. За прошедшие десятилетия вокруг проекта визуальных исследований сложилась развитая инфраструктура: система исследовательских институтов, научных журналов. Само название научной области «визуальная антропология» зачастую за рубежом и в нашей стране понимается по-разному, не говоря уже о ее методах, предмете, источниках. До настоящего времени не завершилось методологическое оформление этой научной дисциплины в России. Первоначально под визуальной антропологией понималось только этнографическое документирование средствами фото- и киносъемки. И в наши дни большая часть исследователей исходит из того, что визуальная антропология – это часть социальной антропологии. Она связана с изучением и созданием фотографии и кино и, начиная с 1990-х гг., новых видов средств массовой информации. В визуальной антропологии, как точно заметил историк В. М. Магидов, действуют две тенденции: с одной стороны, антропологи стремятся сохранить традиции устной передачи наблюдений за традициями коренных народов, с другой – ученые посредством кино- и видеотехники все чаще стараются зафиксировать поведение лю-

дей [1, с. 253, 255]. Визуальную антропологию можно считать областью познания культурно-исторической действительности, направленную на получение аудиовизуальной информации о малоизвестных сторонах жизни общества с целью осуществления диалога культур. Задача исследователей состоит во вживании в чужую культуру, проникновении в ее символический мир путем обретения общего опыта и нахождения языка с ее представителями.

К настоящему времени разработано несколько алгоритмов историко-социологического анализа фотографий. Некоторые исследователи предлагают ориентироваться на анализ технических сторон процесса съемки и оценку результата фотографирования. Другие авторы считают важным делать акцент на исследование психологических аспектов поведения изображенных на фото героев. Есть модель искусствоведческого подхода к оценке фотографического изображения. Вслед за российским историком И. В. Нарским мы полагаем, что алгоритм анализа фотографий может состоять и из оценки дофотографической, фотографической и постфотографической ситуации [2, с. 55–74]. За основу нами выбраны две коллективные фотографии школьников в деревне Овсянка, выполненные с интервалом в 25 лет (в 1907 и 1932 гг.) Для реализации возможностей компаративистики привлечены также коллективные фотографии школьников России 1906–1908 гг. и 1930–1936 гг., собранные в виртуальную коллекцию фотоснимков на портале «История России в фотографиях». В статье представлены три аналитических среза последовательно в хронологическом порядке. В качестве вербального комментария к фотографии 1932 г. изучен рассказ В. П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет». В нем описывается история создания снимка, дана характеристика учителей и описаны причины отсутствия автора на снимке.

Дофотографическая ситуация

Первый снимок сделан в зимой 1907 г. (рис. 1). В начале прошлого века в зажиточной и благополучной деревне, основанной казаками в 1671 г., проживало 220 мужчин и 234 женщины. Самыми распространенными фамилиями в деревне были Фокины, Шахматовы, Вычужанины, Потылицыны, Остафьевы (Астафьевы). На фото представлено здание школы грамотности в деревне Овсянка. Перед зданием стоит группа из 27 школьников (мальчиков и девочек) с учительницей. Подобные школы создавались до революции для обучения детей элементарной грамотности. В «Отчете о состоянии церковно-приходских и грамотности школ Енисейской епархии» написано, что для созданной в 1888 г. «Овсянской школы грамотности» здание выстроено на средства Совета и прихожан» [3, с. 11]. На здании школы видна художественно выполненная вывеска с названием школы и указанием на год основания, ставни аккуратно покрашены белой краской. Художник выбрал красивый шрифт на основе старославянского устава с элементами модерна. Спрос на знания рос, с 1916 г. в селе заработала еще и церковно-приходская школа, в которой обучалось 32 человека. В описании Овсянки, выполненном красноярскими школьниками в 1925 г., о втором здании сказано так: «Школа одноэтажная, деревянная, окна почти у земли... Окна небольшие...» [4, с. 11, 14].

Снимок выполнил Людвиг Вонаго, известный «выездной фотограф» Красноярска в первой трети прошлого века [5, с. 56, 57]. Он был потомком польского ссыльного, попавшего в Сибирь после подавления восстания 1863 г. Ему принадлежит самый знаменитый дореволюционный набор открыток с видами Красноярска и его окрестностей. Снимки мастера можно идентифицировать благодаря тиснению на паспорту фамилии «L. J. Wonago». Стекланный негатив рассматриваемой фотографии находится в коллекции Красноярского краевого краеведческого музея, включающей более 90 фотоизображений мастера. В 2020 г. в Красноярске опубликован альбом «Л. Ю. Вонаго – фотограф

на выезд», благодаря которому визуальный образ школьников стал широко известен. Обстоятельства, заставившие знаменитого красноярца совершить достаточно длинное путешествие из Красноярска в Овсянку, которые разделяют 20 км, и при этом пересечь Енисей, нет оснований считать коммерческим проектом. Скорее всего, служащий по горному, лесному и топографическому ведомству Л. Вонаго выполнял должностные обязанности лесного кондуктора и, оказавшись в Овсянке, сделал несколько фотографий. В музее хранится негатив фото того же дня и с теми же детьми, но уже непринужденно гуляющими по улице деревни.

Второй снимок выполнен в 1932 г. неизвестным профессиональным фотохудожником из Красноярска. В 1927 г. в селе создана сельхозартель «Путь к социализму», которая в 1931 г. была преобразована в колхоз имени красного партизана Щетинкина (рис. 2). В Овсянке всюду шел процесс раскулачивания, старые школы закрылись, а новая расположилась в доме раскулаченного деда будущего писателя В. П. Астафьева. Разорение коснулось двух третей дворов, из 250 семей, как установил историк-краевед И. Федоров, уцелело 85 [3, с. 11]. Деревня к этому моменту приняла несколько семей раскулаченных и ссыльных из других регионов СССР.

Фотографическая ситуация

На первом снимке сцена носит очевидный постановочный характер, но по каким-то причинам художник не добился безупречности расположения позирующих. Яркое солнце светит прямо в глаза и три ученицы закрывают глаза руками. Дети расположились у палисадника: мальчики сидят на верхней жерди ограждения, а девочки заняли второй и первый ряд. Учительница находится в центре композиции (рис. 1). Жительница деревни А. К. Потылицына (1913 г. р.) вспоминала, что юную учительницу звали Нина Петровна, она жила с отцом в сторожке при школе [3, с. 101]. Вероятно, речь все-таки идет преемнице преподавательницы на кадре, поскольку к моменту теоретического знакомства девочки (примерно в 1918 г.) с преподавателем, она уже не могла считаться «молоденькой».

Рис. 1. Фотография школьников 1907 г., д. Овсянка. Автор: Л. Вонаго

Для реализации возможностей компаративистского подхода к изучению темы мы изучили сохраненный в виртуальном архиве фотодокументов России зимний снимок 1908 г. «Л. Н. Толстой и дети Яснополянской школы». Дети одеты гораздо хуже сибиряков: у некоторых на ногах лапти и обмотки вместо валенок или сапог, но дети в Тульской губернии носят рукавицы, а ни у кого из сибиряков (включая учительницу) их нет, они прячут руки в рукава пальто и шуб, на манер популярных тогда у дам муфт. Дети с яснополянского снимка у доволствием рассматривают фотографии или открытки, подаренные им писателем.

На снимке 1932 г. никакой вывески на школе нет, поэтому дети держат самодельное полотнище, прибитое с двум палкам, на котором криво написано «Овсянская нач. школа 1-й ступени» (рис. 2). В действовавшем Уставе единой трудовой школы, утвержденном СНК РСФСР 18 декабря 1923 г., уточнялось, что в школе обучаются исключительно дети в возрасте от 8 до 17 лет, составляя 9 последовательных групп с годичным курсом каждая. К первой из двух ступеней относилась как раз школа для детей от 8 до 12 лет.

Рис. 2. Фотография школьников 1932 г., д. Овсянка. Неизвестный автор

На фотографии запечатлены более восьмидесяти школьников. Сотрудники библиотеки в Овсянке установили имена и восстановили биографии некоторых героев фотографии: Шахматовых Саши и Нины, Бетехтина Феди (1918 г. р.), Сидоровой Вали, Юшкова Василия, Мошкиной Дуси (1920 г. р.) и др. Виктор Петрович Астафьев (1924 г. р.) не попал на снимок, он промочил ноги и заболел. Потомки изображенных на фото уверяют, что помимо коллективной были в 1932 г. сделаны и индивидуальные фотографии детей в школьном помещении.

Присутствие на снимке достаточно возрастных ребят (14 лет) можно объяснить болезнями и вызванным этим отставанием, а также академическим второгодничеством, очень распространенным явлением тех лет. На протяжении предвоенного десятилетия комиссариат просвещения РСФСР отслеживал динамику развития второгодничества,

контролировал этот процесс, используя методы поощрения и наказания. По итогам 1930/1931 учебного года школа показала высокие цифры отсева (20–30 %) и второгодничества (11–8,5 %) [6, с. 11]. В следующем году, по официальным данным, второгодничества в сельских школах снизилось только на 2–3 %. При этом на обучение второгодников государство по-прежнему тратило большие суммы: около трети всего бюджета начальной школы. Сам В. П. Астафьев уже в Игарке три года подряд учился в пятом классе. Подвела математика, только на уроках русского языка В. Рождественского ученик чувствовал себя уверенно [7, с. 32]. В литературе по истории советской школы много пишется о социальных причинах третьегодничества.

Благодаря рассказу В. П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет» известно, что сложная «сценография» расположения детей готовилась за день до съемок. Витя с приятелем были раздосадованы тем обстоятельством, что им (далеко не блиставшим в учебе и не отличавшимся примерным поведением) не достанутся места не то что в первом, но и во втором ряду. Поэтому они в сердцах убежали с подготовительной части постановочного действия кататься с крутой горы. Силу характера юного Вити можно оценить и по тому, что он был только первоклассником, проучился максимум две четверти, но имел честолюбивые планы попасть «в первый ряд».

Процесс миграции населения страны отразился в появлении на кадре представителей «новых» овсянковцев, или, как говорили раньше старожилы региона, «навозных сибиряков. Среди героев фотографии – Михаил Филиппов. Большая старообрядческая семья Филипповых жила в деревне Тимково Московской губернии. Двоим детям из семьи Филипповых по дороге удалось сбежать, остальные стали жить в Овсянке. Подмосковная деревня славилась деревянным старообрядческим храмом Михаила Мелеина. В 1930 г. всю семью с детьми выслали в Сибирь, которая, по иронии судьбы, была главным центром притяжения старообрядцев на территории России с XVII в. Дед В. П. Астафьева тоже был старообрядцем и в качестве поводыря слепой бабушки оказался в Овсянке.

Одежда, на первый взгляд, не имеет существенных отличий – платки, шапки, пальто, длинные юбки у девочек. Но существенно опроцещается образ учительницы – на первой фотографии преподавательница в кокетливой шляпке приветливо улыбается, на второй – Евгения Николаевна Юферева (в замужестве Городыская) в скромной шляпе, выражение лица строгое; у детей появляются новые виды одежды и головных уборов – телогрейки и ушанки. Евгения Гинзбург в автобиографической хронике времен культа личности «Крутой маршрут» описывает встречу с сыном-школьником Васей Аксеновым в Магадане. Действие происходит в 1948 г. «Вот он идет рядом со мной, шагая шире, чем я, и несет в руках свое имущество: заплатанный стиранный-перестиранный рюкзак, похожий на наши лагерные узелки. И телогрейка на его плечах такая же, какие носят у нас в Эльгене. При мне на материке никто не носил таких телогреек. Наверное, появились в войну. Но все-таки меня ужасно коробит, что на Васе такое, почти лагерное одеяние...» [7, с. 548]. Евгения Гинзбург была репрессирована в 1937 г. Телогрейки в России начали шить уже во времена Первой мировой войны, а с 1930-е гг. их производство в СССР стало массовым. На второй фотографии ни у кого из детей и взрослых вновь нет рукавиц или перчаток, многие мальчишки не знают, что такой шарф.

Изменились и головные уборы. В начале прошлого века на мальчишках надеты меховые шапки, похожие на папаху или кубанку. Через четверть века многие мальчишки носят ушанки. История появления и бытования этого головного убора в Сибири к началу 1930-х гг. была совсем короткой. Непосредственное рождение и мировое признание головного убора произошло тоже в годы Гражданской войны. С июня 1919 г. вещевое довольствие армии Колчака осуществлялось Великобританией. Англичане по-

ставляли «белым» в том числе и головные уборы, названные нансеновками, норвежками или колчаковками. По внешнему виду колчаковка походила на шапку-ушанку норвежского полярника Фритьофа Нансена. Она могла быть меховой, шили их и из сукна, она имела козырек, обшитый сукном или мехом. От традиционной русской ушанки в современном виде ее отличала более заостренная форма тульи и иной крой ушей. На головах у ребят шапки русского фасона.

Приспособленность сибиряков-детей к суровым условиям особенно явно проявляется в сравнении со школьными фотографиями этого времени, сделанными в других регионах России. На снимках 1932, 1936 гг., выполненных в Ивановской промышленной области (ныне Костромская область), дети не сидят на снегу и одеты намного лучше. Теги к фотографиям содержат как общие с сибирским фото лексические единицы: «групповой фото», «ученики», «снег», «деревянный дом», так и необычные для фото из Овсянки теги-маркеры некоторого материального благополучия – «табурет», «школьный портфель», «балалайка». Польский след среди жителей Овсянки прослеживается в присутствии на снимке учителя Евгения Сигизмундовича Городыского. Этнический поляк 1904 г. рождения, уроженец Каменец-Подольской губернии, имевший среднее образование, но при этом владевший тремя иностранными языками; человек, любивший играть на скрипке, устраивать театральные постановки, готовый часами читать стихи детям. На всех изученных нами фотографиях школьников СССР только женщины-педагоги держат детей, а на Овсянковском снимке именно мужчина-учитель посадил девочку на колени. Уже умудренный жизненным опытом В. П. Астафьев не случайно описал учителя такими словами: «с чуть виноватой улыбкой, вежливый, застенчивый, но всегда готовый броситься вперед и оборонить своих учеников...». У двух учителей-супругов была огромная педагогическая нагрузка: работа с четырьмя параллелями учащихся при отсутствии учебников, тетрадей, необходимости организации культурно-воспитательной работы в деревне.

Постфотографическая ситуация

Сделанные в Овсянке снимки разделяют 25 лет, поэтому можно сказать, что на фото 1932 г. представлено «поколение детей» героев первого снимка. Идентифицировать и восстановить биографии героев первого снимка нам пока не удалось. Школа грамотности к 1930-м годам закрылась.

Учитель Е. С. Городыский в 1939 г. был осужден Военным Трибуналом Красноярской железной дороги по 58-й статье, п. 6, п. 7, п. 10, п. 11. Был этапирован в Норильлаг. К счастью, приговор был отменен в 1940 г., и учитель добился реабилитации. Е. С. Городыский принял участие в Великой Отечественной войне в качестве капитана медицинской службы. Мировую славу фотографии принес рассказ В. П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет», написанный в 1968 г. Он переведен на многие языки мира. Виктор Петрович много позднее узнал, что учителя звали не Евгений Николаевич (так в тексте), и даже не Евгений Александрович (преподаватель сознательно неофициально упростил трудное для детей отчество); потомки учителя просили изменить в рассказе имя учителя, но Виктор Петрович вносить изменения в текст не стал. Дети и внучка учителя тоже связали жизнь с преподавательской деятельностью в Красноярске.

Многие мальчишки воевали в годы Великой Отечественной войны, им было тогда от 18 до 24 лет. Например, Михаил Филиппов стал участником Великой Отечественной войны, жил позднее до смерти в 1984 г. в Ленинграде. Специалисты по исторической демографии установили, что самой многочисленной составляющей воевавших в 1939–1945 гг. поколений были родившиеся в 1905–1922 гг. Родившимся в 1923–

1926 г. тоже пришлось воевать, но не в самый тяжелый период войны. Вообще же мобилизации коснулись мужчин, родившихся между 1895–1927 гг. До 1959 г. дожили 82 % зарегистрированных переписью 1939 г. женщин и только 53 % мужчин [9, с. 3, 10]. На снимке современный исследователь видит «поколение победителей» и «потерянное поколение» одновременно.

Введение сотрудниками Красноярского краеведческого музея в широкий исторический оборот фотографии школьников 1907 г. добавило глубины историческому контексту снимка начала 1930-х гг., и в этом смысле её бытование можно рассматривать моментом дофотографического этапа знаменитого изображения 1932 г.

Благодаря талантливому вербальному описанию истории появления фотографии писателем она стала для россиян «фотографией, на которой Витя Астафьев есть». К досадным ошибкам специалистов в области визуальной истории можно отнести отсутствие этого знаменитого снимка в виртуальной коллекции «История России в фотографии».

Список источников

1. Магидов В. М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М. : Изд-во РГГУ, 2005. 394 с.
2. Нарский И. В. Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горького) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX века. Челябинск : Каменный пояс, 2008. 476 с.
3. Овсянка: семейные истории / ред-сост. Ю. Е. Лобанова. Красноярск : ООО РПБ «Амальгама», 2022. 152 с.
4. Федоров И. Г. Овсянские истории. Красноярск, 2000. 34 с.
5. Л. Ю. Вонаго – фотограф на выезд : Красноярск и его окрестности в фотографиях Людвиг Вонаго / Красноярский краевой краеведческий музей; под ред. В. М. Ярошевской; авт.-сост. И. В. Куклинский. Красноярск : ООО «Изд-во Поликор», 2020. 240 с.
6. Ялозина Е. А. Второгодничество как педагогическая и социально-экономическая проблема советского Всеобуча 1920–1930-х гг. // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 3 (83). С. 133–137.
7. Ануфриева В. В. Великий странник из Овсянки. Красноярск : ООО РПБ «Амальгама», 2021. 248 с.
8. Гинзбург Е. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. М. : Книга, 1991. 734 с.
9. Вишневецкий А. Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 3–42.

Е. А. Макарова

Независимый исследователь

Ставрополь, Россия

РАПОРТ О ДОПРОСЕ ВОЕННОПЛЕННОГО КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматривается рапорт о допросе военнопленных как один из источников исторической биографии. Показаны его особенности и признаки. Акцентируется внимание на моральной ответственности исследователя при реконструкции биографий узников лагерей военнопленных.

Ключевые слова: историческая биография, антропологический поворот, текст, Великая Отечественная война, полковник П. С. Козлов, битва за Москву, командиры дивизий, допрос военнопленных, исторический источник, протокол допроса, этика исторического исследования

Abstract. The article considers the report on the interrogation of prisoners of war as one of the sources of historical biography. The features of this historical source are shown. Attention is focused on the moral responsibility of the researcher in the reconstruction of biographies of prisoners of war.

Keywords: historical biography, anthropological turn, text, the Great Patriotic War, colonel P.S. Kozlov, the battle for Moscow, division commanders, interrogation of prisoners of war, historical source, interrogation protocol, ethics of historical research

В основании масштабных исторических событий всегда – индивидуальные судьбы, надежды, тревоги, решения, поступки, ожидания. Антропологический поворот в гуманитаристике открыл новые возможности жанра биографии для историков. Биографическое исследование в связи с этим стало наглядным отображением «индивидуального в истории». Акцентирование внимания на изучении личности, на тематике «человека военного» и «человеческого измерения войны», социальных аспектах стало характерным и для отечественной военной истории. Однако исследования, нацеленные на «человеческое измерение», особенно о военнопленных, в историографии все-таки незначительны. Российские историки по-прежнему предпочитают сосредоточение на описании боевых действий.

Установление и знание фактов, бесспорно, существенно в исследованиях. Не менее важно понять, что они означали для участников событий, как они их понимали. Чтобы вернуть человека в историческое исследование, это требует иных, не традиционных, методов познания. Противоречивость объекта исследования показывает, что объект и результат исследования не совпадают, а историческая действительность не является тем, что традиционно описывает историк. Потому что повествование о человеческой жизни основывается не столько на последовательном фактическом описании, сколько на интерпретации и понимании судьбы личности. Чтобы понять значение отдельных фрагментов ее жизни, необходимо вписать каждую деталь биографии

в нужное место, что представляется возможным частично только посредством методов психологии.

Ошибкой будет заранее сконструированная по традиционному стереотипному представлению биография, без критической интерпретации источников, когда известные факты окажутся уложенными в созданную схему «черное/белое».

Как правило, в биографическом исследовании акцент делается на текстах, которые передают индивидуальный опыт, эмоциональные переживания, содержащие как прямые высказывания личности, так и косвенные свидетельства.

«Взглядом со стороны», значимым в биографическом исследовании о «маленьком человеке», можно считать рапорты о допросах советских военнопленных периода Великой Отечественной войны. С такой точки зрения этот источник рассматривается нами впервые как в отечественной историографии, так и в источниковедении. В научный оборот данный тип источника стал вводиться относительно недавно, в основном используется традиционно. Как правило, извлекаются данные только о боевых действиях, констатируется факт пленения указанного в рапорте воина (чаще всего из числа комсостава) и делаются поспешные умозаключения о его «разговорчивости». Практически из источника извлекаются только фрагменты, нужные для уже заранее созданной схемы. Анализ текста рапорта полностью, с учетом иных источников и их контекста, не осуществляется. Предпринималась попытка рассмотреть документ в целом, как предназначенный в том числе для пропагандистских целей в войсках Вермахта и, следовательно, частично сфабрикованный сотрудниками разведотдела [1, с. 56].

Однако это источник, уникальный в плане понимания и характеристики личности человека, оказавшегося в плену. Его основой являются показания пленных (свидетельства, по которым можно судить о чем-либо), изложенные теми, кто их допрашивал. Непосредственно в основе документа – пересказ содержания имевшего места допроса, представляемый в виде доклада офицером, проводившим допрос. Такое практиковалось офицерами отдела 1с (разведотдел) с целью выделения самого существенного, на их взгляд, контента из всего сказанного военнопленным во время допроса. Поэтому некоторая часть содержания таких рапортов – это определённно не то, что сказал военнопленный лично, а то, что понял, как понял или хотел понять услышанное допрашивающий [2].

Ошибочно рапорты о допросах военнопленных в публицистике называют «протоколами допросов». Протоколы допросов военнопленных имеют несколько иные характерные признаки составления, ведения, оформления. Они являются первичным документом по отношению к рапортам о допросах. Велись обычно как «вопрос – ответ» и составлены по такой же форме. Содержание протоколов допросов фиксирует именно то, что говорил пленный, его прямую речь.

Рапорт о допросе составлял офицер, который проводил один или несколько допросов. Помимо фактуры, которую он излагал, в рапорте наличествует и его мнение о том, что сказал допрашиваемый. Также в нем могли быть данные, имевшие отношение к допрашиваемому лицу или его воинской части, полученные ранее от других пленных или иных источников.

Именно на этом мы и акцентируем внимание – на отличительной делопроизводительной и содержательной стороне источника. И протоколы допросов, и рапорты о допросах, за редким исключением, военнопленными не подписывались. Как правило, их подписывали офицеры разведотдела или заверял штабной офицер. Если информация протокола допроса более актуальна для получения разведывательных данных, то рапорт о допросе, вероятно, имел информативную функцию (для осведомления), рассылался с различными целями по армейским частям Вермахта.

Отчасти рапорт о допросе по характеру можно полагать источником устного происхождения, который необходимо расшифровать. Поэтому снова приходится возвращаться к проблеме интерпретации, так как заключения в ее итоге могут оказаться ложными. Сохраняется опасность неправильно понять не только содержание рапорта о допросе, но и ложного заключения, что и почему было сказано военнопленным.

Чтобы попытаться понять мотивы поведения, намерения и замыслы военнопленного при реконструкции его биографии, мы поставили исследовательскую задачу: анализ текста рапорта о допросе как языковой формы передачи информации. Чтобы посредством лингвистических методов анализа показать смысловое значение текста, а не функциональное назначение документа и его бытование.

В качестве примера используем фрагмент рапорта о допросе военнопленного полковника П. С. Козлова, командира 17-й стрелковой дивизии второго формирования. Исходим из предположения, что в нем, возможно, изложение непосредственно его прямой речи во время проведения допроса противником. Здесь это единственный законченный диалоговый фрагмент, поэтому рассматривается именно он. В данном случае неважно, говорил ли это действительно пленный или нет. В соответствии с поставленной задачей использование для анализа только части рапорта оправдано. Можно ли понимать указанные сведения как готовность военнопленного полковника П. С. Козлова перейти конкретно на военную службу к противнику?

Чтобы ответить на данный вопрос, при исследовании применялись такие методы лингвистического анализа, как лексикографический анализ (определение словарных толкований отдельных лексем); лексико-семантический анализ (определение семантической связанности лексических единиц); дистрибутивный анализ (анализ речевой единицы в прямой связи с контекстом); референциальный анализ (установление того, какие субъекты или объекты внеязыковой действительности имелись в виду в спорных текстах); трансформационный анализ высказывания; анализ структурной и коммуникативной организации текста.

«6. Что Вы думаете о своей дальнейшей жизни, каковы Ваши планы?»

Ответ: «До сего момента я был солдатом. Хоть я и член партии, я плохо разбираюсь в политике, так как раньше она меня не заботила. То есть я должен начинать все сначала. Мне рассказали кое-что о фюрере и его программе. Я одобряю эти рассуждения. Здесь все совершенно не так, как у нас, что я вижу уже по обращению со мной. Я не могу ничего не делать и сидеть без работы. Если меня здесь можно использовать, я готов на все. Я также не думаю, скажем, о больших делах, готов начать с малого» [3].

В указанном фрагменте говорящий отмечает, что готов работать на немцев. Для немецкой ли армии или мирного немецкого населения в целом, говорящий не поясняет. О его нацеленности на труд говорит, в частности, фраза: «Я не могу ничего не делать и сидеть без работы. Если меня здесь можно использовать, я готов на все».

Слово «работа» в русском языке имеет значение: «1. Только единственное число. Работать. Бесперебойная работа двигателя. 2. Вид деятельности, труда; круг занятий, обязанностей» [4, с. 1054].

В контексте фразы: «Я не могу ничего не делать и сидеть без работы. Если меня здесь можно использовать, я готов на все», слово «работа» используется во втором значении – «вид деятельности, труда; круг занятий, обязанностей». Дополнительно этот смысл подчёркивает фраза: «Я также не думаю, скажем, о больших делах, готов начать с малого», свидетельствующая, что говорящий имел в виду некий объём дел вообще, широкий спектр работ, не обязательно военной/армейской/служебной направленности.

Каких-либо прямых указаний на именно и непосредственно поступление П. С. Козлова на военную службу к немцам в приведённом фрагменте рапорта о допро-

се не содержится. Следовательно, нельзя сделать однозначный вывод о том, что при опросе полковник, говоря о желании работать для немцев, определённо имел в виду воинскую службу. Иными словами, нельзя однозначно понимать приведённые сведения как готовность военнопленного командира дивизии перейти конкретно на военную службу к противнику.

Полученное посредством методов лингвистического анализа данное заключение входит в явное противоречие с оценочно-эмоциональным итогом интерпретации в рамках традиционной схемы «белое/черное», когда сказанное ошибочно понимают буквально, когда воспринимается только поверхность явления, но не оно само. Тогда как они даже не совпадают между собою. Таким же образом вполне закономерно, что в полученном нами результате не совпали знак и его содержание, означающее и означаемое [5, с. 38–41].

К детальному анализу рапорта о допросе полковника П. С. Козлова мы уже обращались в одной из своих публикаций. В сравнении с содержанием рапортов о допросе попавших в плен в 1941 г. старших и высших командиров его содержание вполне типично. Все они были обычными людьми, и ожидать от них суицида, обязательного молчания, считая иное поведение преступлением, было бы неверным. Игнорирование всего содержания источника, акцентирование внимания только лишь на вырванных из контекста документа фрагментах, непременно приведет к искаженному пониманию документа и личности пленного.

В утверждении пленного «не могу ничего не делать и сидеть без работы» можно видеть вполне разумную реакцию и ответ на поставленный вопрос о возможном будущем. Только работа, только какое-либо занятие спасают от мыслей о суициде и безысходности. По воспоминаниям родственников и сослуживцев, мотивирован был полковник однозначно: «Сначала Родина, потом личное». Он не просит в руки оружия, не рвется на фронт стрелять в соотечественников и друзей. Даже сочинять листовки он не предлагает, так как «не разбирается в политике». Он говорит именно о стремлении к работе. Любой работе, может быть даже и грубой физической.

И когда П. С. Козлов говорит: «Если меня здесь можно использовать, я готов на все. Я также не думаю, скажем, о больших делах, готов начать с малого», то развивает и уточняет свои слова о работе. То есть дает понять, что готов выполнять любую работу. Землю ли обрабатывать, что привычно для него с детства, стоять ли у станка или работать сварщиком. Готов именно с малого начать. Он имеет в виду не пропаганду, не политику, так как «не разбирается», не войну и не разведку, так как уже «был солдатом». Теперь ему предстояло «начать жизнь заново; начать с малого» [6].

Таким образом, рассматривать эти представления военнопленного командира о своем возможном будущем как согласие сотрудничать с противником некорректно.

Данное заключение также подтверждает, что задаваемый военнопленному вопрос «Что вы думаете о своей дальнейшей жизни, каковы ваши планы?» был нацелен на перспективу, то есть на «после войны». Поэтому абсурдность постановки вопроса в ситуации заведомой беспомощности в первые дни плена кажущаяся. Чтобы понять это, сам факт нужно рассматривать только в контексте целей и чаяний именно противника. Октябрь 1941 г. – это реализация операции «Тайфун», довольно успешная на начальном этапе. Газета «Фёлькишер Беобахтер» в публикации 19 октября выражала победоносный настрой Вермахта и уверенность, что конец войне наступит уже через несколько недель. «Весь мир уже понял, что в этой операции уничтожены последние полностью боеспособные войска большевиков – группа армий Тимошенко – и тем самым решена судьба Восточной кампании» [7, с. 361].

Ефрейтор Адольф Эрте в эти дни в письме жене выражал надежду на скорое окончание военной кампании на Востоке: «Мы находимся в километрах 70 от Москвы,

и я надеюсь, что это будет наша конечная цель и по окончании этих боев нас отправят на родину» [8, л. 403]. В том же был уверен командующий 2-й танковой армией генерал Х. Гудериан: «Приближение танковых и пехотных соединений 4-й танковой группы вызывает ужас в красной столице. Начинается грабеж. Советские руководители бегут в Куйбышев на Волге. Маршал Тимошенко, «герой Ельни», сменен Сталиным. Падение Москвы кажется близко» [7, с. 916].

Размышляя после войны об «утраченных победах», о том же сообщал и генерал Г. Блюменрит, в 1941 г. начальник штаба 4-й армии. «Неудивительно, что Гитлер, высшее командование и войска полагали, что материальные и людские ресурсы Красной Армии подходят к концу. Как нам сообщали пленные, это наступление, предпринятое в такое позднее время года, было для русских полной неожиданностью. Казалось, Москва вот-вот падет. В группе армий «Центр» все стали большими оптимистами. От фельдмаршала фон Бока до солдата все надеялись, что вскоре мы будем маршировать по улицам русской столицы. Гитлер даже создал специальную саперную команду, которая должна была разрушить Кремль. И все-таки можно только сожалеть, что министр пропаганды нашел уместным сделать напыщенное заявление, что война на Востоке, дескать, выиграна, а Красная Армия фактически уничтожена» [9, с. 88].

Если кампания на Востоке для допрашивавшего пленного офицера закончится спустя несколько недель, то очевидно, что вопрос «Каковы ваши планы?», не о вербовке и не о поступлении на военную службу к противнику.

Аналогичный по содержанию вопрос во время нахождения в плену был задан и военнопленному летчику Юрию Цуркану. Он вспоминал: в лагере военнопленных г. Лодзи «в декабре 1941 г. нас начали поочередно выводить за зону на “беседы”» [10, с. 73]. Немецкий офицер его спросил, что он собирается делать после нового года. «Вопрос был настолько нелепым, что я усмехнулся и недоуменно пожал плечами» [10, с. 73]. Тогда сотрудник Абвера уточнил: «Извините, неточно выразился. К новому году война закончится. Каждый должен думать о своем будущем. А вы задумывались над ним? Говорите откровенно, не стесняйтесь. Наш Вермахт у стен Москвы. Ленинград осажден. Украина в наших руках» [10, с. 73].

Данное свидетельство также подтверждает, что вопрос из рапорта о допросе П. С. Козлова был нацелен на послевоенную перспективу, в которой победа безапелляционно принадлежала Германии. Тем не менее, как следует из содержания того же рапорта о допросе, военнопленный полковник перспективы на победу в войне видел и оценивал иначе, нежели противник.

Перед научной биографией не стоит задача формулировки моральных оценок. Объективный историк не может судить тех, чьи биографии реконструирует, историческое исследование это не судебное разбирательство. Цель такого исследования – попытка показать жизнь другого мира и то, на чем она базировалась. Основным смыслом содержания происшедшего в судьбе человека вычитать можно только «между строк», в документах он практически не эксплицируется. В нем нет того, что их авторы считали само собой разумеющимся. Потому в источниках биографического исследования наибольший интерес представляет то, что не написано.

Рапорты о допросах военнопленных как один из возможных источников биографии, требует осторожного обращения и понимания, что за ним стоит. Напрашивающиеся после их поверхностного прочтения обвинения военнопленных в измене Родине скоропалительные и необоснованные. Без детального анализа на стыке методов различных дисциплин невозможно знать, насколько объективна содержащаяся в них информация.

Каждая публикация такого источника должна непременно сопровождаться источниковедческим анализом и научными комментариями. К сожалению, стремление

публицистов, не являющихся специалистами, но пишущих на военно-историческую тему, как можно больше выдать «разоблачающих материалов» зачастую приводит к искаженному восприятию исторической действительности.

Потому акцентирую внимание коллег на ответственности в отношении людей, чьи биографии реконструируются, прежде чем решиться опубликовать этот вид источников без научных комментариев. Задавшись вопросами «Зачем я это публикую?» и «К чему такая публикация может привести?», помнить об этике исторического исследования, об ответственности за посмертную судьбу человека, ответственности перед потенциальными читателями биографии.

В случае рассмотрения такого сложного вопроса, как судьбы бывших узников концлагерей, подобная неосмотрительность может быть особенно болезненна [11, с. 200].

Список источников

1. Макарова Е., Милютин А. Честь имею! (Судьба уроженца Могилевщины, командира 17-й стрелковой дивизии: источники и опыт реконструкции биографии) // Могилевский поисковый вестник. Вып. 12. Могилев, 2018. С. 62–63.
2. ЦАМО РФ. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 104.
3. Рапорт о допросе полковника П. С. Козлова / пер. А. Милютин. Режим доступа: <https://aldr-m.livejournal.com/27562.html>.
4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
5. Тазетдинова Р. Р. К вопросу о герменевтике терминов «Означаемое» и «Означающее» // Вестник ОГУ. 2008. № 5-1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-germenevtike-terminov-oznachaemoe-i-oznachayuschee>.
6. Макарова Е. А. Полковник П. С. Козлов: личность в контексте битвы за Москву // Studia Humanitatis. 2020. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polkovnik-p-s-kozlov-lichnost-v-kontekste-bitvy-za-moskvu>.
7. Битва под Москвой: Хроника. Факты. Люди / В. А. Жилин, В. А. Греджев, М. А. Сапрыкин и др. М. : ОЛМА-Пресс, 2001. Кн. 1. 2001. 925 с.
8. ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 162. Л. 403.
9. Вестфаль З., Крейпе В., Блюментрит Г. и др. Роковые решения Вермахта. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 381 с.
10. Цуркан Ю. Последний круг ада. М. : 2017. 352 с.
11. Аристов С., Васильев И., Мацкевич М., Эдельштейн М. Сопротивление советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях и центрах уничтожения: история и память: [монография]. М. : РОССПЭН, 2022. 302 с.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ Л. И. БРЕЖНЕВА (1964–1982) НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ

Аннотация. Автор исследует историю повседневности жителей Красноярского края в период «застоя». В данной статье рассмотрены социально значимые бытовые аспекты жизни населения. Материалы устной истории, использованные в статье, позволили рассмотреть уровень жизни, благосостояния, социальные проблемы и отношение населения Красноярского края к власти.

Ключевые слова: повседневность, период застоя, историческое исследование, интервью, респондент, биографический метод, социально-исторические процессы, устная история

Abstract. The author explores the daily life of residents of the Krasnoyarsk Territory during the period of «stagnation». This article discusses socially significant aspects of everyday life and everyday life of the population. Thanks to the materials of oral history, special attention is paid to the standard of living, welfare, social problems and the attitude of the people to the authorities.

Keywords: Everyday life, the period of «stagnation», historical research, interview, respondent, biographical method, socio-historical processes, oral history.

Устная история позволяет передать и сохранить личную информацию, имеющую историческую ценность. Это метод исторического исследования, при котором посредством сбора интервью, беседы историк получает ценную, уникальную информацию. Устная история – это устная традиция, которая включает в себя рассказы, песни, былины, пословицы и традиционное восприятие событий прошлого [1].

Что такое повседневность? Повседневность – это сфера социальной политики государства. Это то, что окружает нас, наших близких, людей в прошлых веках. Героем повседневной истории может быть как современник, так и представитель предшествующего поколения [2]. Сейчас изучение повседневности – одно из популярных направлений исторической науки. Метод реконструкции повседневности предполагает смену угла зрения на исследование социально-исторических процессов. Задачи исследователя – уметь найти контакт с респондентом, составить правильные вопросы, заставить их «заговорить».

Повседневность жителей Красноярского края сформировалась в результате масштабных исторических процессов: развития народного хозяйства, его восстановления после Великой Отечественной войны, урбанизации середины XX в., реформ Л. И. Брежнева. Значимая роль центральной власти в формировании городской повседневности является неоспоримой. Очевидна и роль местных органов власти, так как принимаемые ими постановления были направлены на благоустройство городов, пре-

образование жилищно-коммунального хозяйства в целях удовлетворения запросов населения.

В качестве основополагающего метода для проведения данного исследования был выбран метод интервьюирования, который предусматривает регистрацию и анализ ответов на вопросы в ходе устной личной беседы. Отбор респондентов производится по половозрастным критериям. В исследовании приняли участие респонденты в возрастном интервале от 55 до 75 лет.

Сбор информации проводился в ходе устной беседы в рамках хронологии изучаемого периода застоя и значимых событий, которыми он характеризуется.

Беседа началась с вопросов о личности и профессии. Любовь Федоровна Алексеева (р. 1951) работала учителем в г. Ачинске всю жизнь. На вопрос «Что изменилось в вашей судьбе, работе, личной жизни, карьере, уровне жизни при правлении Л. И. Брежнева?» она ответила: «Получила высшее образование, зарплата была достойная по тем временам. Карьерный рост был быстрым – зарплата от 120 до 200 рублей в месяц. Зарплату и премиальные платили в срок. На 100 рублей можно было всей семьей съездить отдохнуть на юг».

По мнению Любови Федоровны, проблема обеспечения вещами первой необходимости заключалась в периодическом дефиците. Современные историки находят объяснение этой проблемы в сформулированной задаче девятой пятилетки «удовлетворения постоянно растущих потребностей населения». Экономика не справлялась, но иногда товары народного потребления были: «Когда в магазине были вещи, то купить можно было абсолютно всё, так же и в кредит. Хлеб стоил 20 копеек, колбаса от 1,2 рубля – до 3 рублей. Билет в кино стоил 10–20 копеек. Отпуск давали вовремя, а декретный отпуск был всего 72 дня. В отпуск люди уезжали только по путевкам». В доме был «радиоприемник, магнитола, радиола».

С точки зрения Любови Федоровны, общественные и партийные организации серьезно подходили к вопросу об организации досуга. «Как в это время праздновали советские и официальные и народные праздники? – праздновали дружно, семьей или в коллективе. Также были демонстрации и митинги» [3]. В СМИ хорошо освещена тема досуга населения в период застоя. Например, в 1970-е гг. стали популярны «юбилейные ударные вахты», «массовые движения за достойную встречу» съездов партии и юбилейных дат, «месячники дружбы» и т. д. Историки говорят о том, что это была особенная игра, создававшая иллюзию общенародного единства.

В ходе беседы была затронута тема социальных проблем населения. «Что Вы можете сказать об уровне преступности и пьянства в стране, городе/селе? Был ли страх за жизнь, за собственность? – С пьянством всегда боролись лечебные профилактории. Были вырезвители. Наркоманы были в единичных случаях, и то они прятались. В селе преступность была на низком уровне. Люди не боялись за свою жизнь и собственность. Население уважало милицию, выполняли все законы» [3]. В современной историографии тема пьянства, как элемента быта советского человека, рассмотрена полно и подробно, а также отмечается ухудшение деятельности системы здравоохранения, что выразилось в сокращении средней продолжительности жизни в СССР и в увеличении детской смертности [4]. В целом по уровню потребления на душу населения к середине 1980-х гг. СССР находился на 77-м месте в мире.

Исходя из ответов было ясно, что население было довольно своим бытом, социальным статусом и доверяли власти. «Какие мысли и чувства возникают у Вас при словах «Л. И. Брежнев», «время Л. И. Брежнева»? – Это СССР, порядочные, добрые, отзывчивые люди, великая страна, бесплатное образование и медицина. Никакой безработицы, патриотическое воспитание, молодые организации ВЛКСМ, пионерия. Народ

любил Л. И. Брежнева, он развивал нашу страну – развитие промышленности, сельского хозяйства, люди летали в Космос» [3].

В результате проведенного исследования на основе жизненных историй современников периода правления Л. И. Брежнева нам удалось определить ключевые структуры повседневности советского человека этой эпохи. Можно выделить то, что советского человека того времени в меньшей степени интересовала политика, чем другие сферы социальной жизни. Подводя итог, важно отметить, что историческая правда не должна быть однобокой, она должна включать в себя все аспекты, точки зрения и ракурсы.

Список источников

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
2. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории, СПб. : ЕУСПБ. 2003. С. 32–51.
3. Алексеева Л. Ф. Житель Красноярского края, учитель; записала Е. А. Иванова 20.02.2023 // Из личного арх. авт.
4. Клинова М. А. Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е конец 1980-х гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 2 (76). С. 60–63.

ЦИФРОВОЙ (ЭЛЕКТРОННЫЙ) ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА

Аннотация. Статья посвящена понятию «цифровой исторический источник», рассмотрены его свойства и характеристики. Автор описывает этапы и особенности эпистемологического осмысления данного явления в отечественной науке и формулирует определенные исследовательские направления для его специального изучения и включения в научный оборот.

Ключевые слова: цифровой исторический источник, источниковедение, электронная культура, историческое познание

Abstract. The article discusses the concept of digital historical source and its features. The author examines stages and special aspects of gnoseological conceptualization of this phenomenon in Russian science and represents specific ways of its study and its introduction in scholarly discourse.

Keywords: digital historical source, source study, digital culture, historical knowledge

В рамках источниковедческой парадигмы исторического познания ключевым является понимание природы исторического источника. Механизм, с помощью которого он фиксирует историческую реальность, определяет выбор эпистемологического подхода и наиболее эффективных исследовательских методик. Восприятие и изучение природы источника в отечественной школе источниковедения происходит в рамках создания классификационных, типологических и видовых схем, которые фиксируют общие качественные характеристики происхождения и функционирования определенных групп источников.

Сама же природа и особенности функционирования тех или иных источников определяются типом культуры, характером самого общества, в котором они появились. В этой связи актуально обращение к схеме, предложенной Ю. М. Лотманом, где, в рамках понятий бесписьменного (устного) и письменного типов культуры, заключены ключевые критерии: форма и механизмы коллективной памяти, принципы кодирования и передачи информации, механизмы фиксации и отражения исторической реальности. Если для устной традиции характерно «стремление сохранить сведения о порядке», сама система ориентирована «на повторное воспроизведение текстов», а средством фиксации коллективной памяти служит обычай и ритуал, то письменная культура нацелена на фиксацию исключительных событий и неординарной информации, уделяя внимание причинно-следственным связям и умножая количество текстов [1, с. 346–347].

На сегодняшний день можно говорить о еще одном значимом, уже совершившемся переходе общества от письменной культуры к цифровой в результате очередной информационной революции, которая серьезно изменила взаимодействие человека с миром, с обществом и самим собой [2, с. 48].

Если на самом первом этапе этого перехода человек обращался к цифровым формам коммуникации и творчества ситуативно, как к вспомогательным средствам, облегчающим традиционный формат жизнедеятельности, сложившийся в письменной культуре, то на сегодняшний день мы говорим о существовании полноценной цифровой среды, которая является частью нашей реальности наряду с материальным миром.

Разные гуманитарные дисциплины занимаются изучением этого перехода, предлагая свой инструментарий и терминологию. В результате некоторого осмысления в настоящий момент сложилось понятие цифровой (или электронной) культуры как сферы «деятельности человека и ее результатов, связанных с созданием цифровых объектов и феноменов, симуляций объектов «живой культуры», виртуальных пространств, процессов и явлений, созданных с помощью информационных технологий» [3, с. 12].

С переходом к цифровой культуре мы фиксируем цифровые методы кодирования и передачи сообщений, качественные изменения в системе коммуникации, появление иных поведенческих моделей и ритуальных практик, формирование новых форм коллективной памяти и механизмов фиксации исторической реальности и т. д. Комплексным отражением всех происходящих процессов стало появление цифрового (электронного) исторического источника. Проблема его восприятия и осмысления в науке распадается на два направления.

Первое направление связано с тем, что такие традиционно выделяемые типы источников, как письменные и аудиовизуальные, технически меняют носитель и приобретают цифровой формат [4]. Кроме того, происходит активная оцифровка материалов, в связи с чем специалисты разного гуманитарного профиля – архивисты, библиотекари, музейные работники, источниковеды – активно разрабатывают и обсуждают варианты представления исторических источников в электронной среде и особенности исследовательского взаимодействия с ними [5–7]. Однако, с точки зрения источниковедческого и/или исторического исследования подобных источников, они не требуют кардинальной смены научного инструментария, который накоплен для изучения традиционно выделяемых типов исторических источников: устных, письменных, аудиовизуальных.

С другой стороны, существуют источники, порожденные и функционирующие исключительно в цифровой среде, где разрыв с письменной и устной традициями слишком велик. В науке они получили название исходно электронных источников (так называемых *born digital*) [5, с. 25] Их включение в научный оборот требует серьезной трансформации существующих эпистемологических инструментов, между тем их осмысление в среде историков и источниковедов происходит значительно медленнее, чем в первом случае.

Электронные источники изначально возникли и функционируют исключительно в цифровой среде, продуцируются и потребляются человеком с помощью электронных устройств. Так как они характеризуют всевозможные аспекты жизни человека, соответственно вбирают в себя и отражают разные стороны исторической реальности. Многие разновидности исходно электронных источников зачастую относятся к массовым, ввиду ординарных обстоятельств происхождения, однородности, аналогичности или повторяемости содержания. Иные имеют сложный комбинированный характер, совмещая текстовые и аудиовизуальные элементы, интерактивны и гипертекстуальны по своей сути. Исходно электронные источники требуют применения междисциплинарного подхода, совмещения собственно источниковедческих и исторических методов со специальными методами других гуманитарных и негуманитарных дисциплин.

Интересны некоторые примеры трансформации традиционных типов исторических источников в результате возникновения и функционирования цифровой традиции. Эти изменения фиксируют разные гуманитарные дисциплины в контексте изучения тех или иных исходно электронных источников. Например, филологи отмечают особенно-

сти формирования электронного текста, который вмещает в себя не только традиции письменного и печатного текста, но и элементы устной речи, что выражается в использовании элементов разговорной речи, определенной лексики, игнорировании знаков пунктуации, значительной эмоциональности, выражаемой визуальными объектами и т. д. Важной особенностью электронного текста часто является коллективный характер его создания, формат полилога, который ему присущ [8, с. 23]. Это характерно и для такой разновидности, как медиатекст, который включает кроме всего прочего различные аудиовизуальные элементы и весьма непрост в своей структуре и конструкции [9]. Медиатекст требует применения сложившихся методов исследования визуальной антропологии, практики исследования письменных текстов и ряда иных междисциплинарных методов.

Интересна трансформация креолизованного текста, который появился в письменной культуре и известен источниковедам и историкам в традиционной форме в виде плакатов и карикатур. На цифровые формы креолизованного текста уже достаточно давно обратили свое внимание фольклористы, сформулировав понятие интернетлора, или интернет-фольклора, заметив, что ряд текстовых и визуально-текстовых объектов, функционирующих в социальных сетях, имеют свойства, присущие традиционным фольклорным жанрам. Они анонимны, злободневны, активно пересылаются в контексте электронной коммуникации [10].

Еще один пример исходно электронного источника, на который следует обратить внимание, это цифровой инструмент (например, программное обеспечение), который является непосредственным продуктом деятельности человека, но при этом, по своей функциональности, инструментальному характеру направлен на выполнение конкретных задач и операций. Он не имеет материального воплощения и выполняет посреднические функции между пользователем и аппаратным обеспечением [11, с. 433–434]. С точки зрения истории и источниковедения данный источник не имеет аналогов среди традиционных типов, он отличается и от технической документации, и от семиотических систем прошлого.

К особенностям трансформации вещественного (материального) пространства в цифровую форму относятся объекты виртуальной реальности, которые тоже требуют особого осмысления. Такие объекты являются продуктом жизнедеятельности цифрового общества, частью существующей реальности, дублируют вещественные/материальные аспекты нашего мира, но сами таковыми не являются. Этот пример очень интересен, но очень непрост в своем изучении, сложен для восприятия исторической наукой и наукой источниковедческой.

Данный перечень примеров исходно электронных источников либо их составных элементов можно продолжать. Однако разработка четкой типологии или классификации подобного рода источников требует серьезного пересмотра самой теоретической базы источниковедения и обновления существующих классификационных схем Л. Н. Пушкарёва и И. Д. Ковальченко [12, 13].

Каким образом цифровая традиция, цифровая среда фиксирует историческую реальность? Здесь нужно обратить внимание на несколько значимых аспектов. С одной стороны, цифровая традиция стремится к конструированию и достраиванию существующей реальности. Цифровая среда является продолжением современного материального и духовного мира, в котором существует человек. С другой стороны, фиксация событий происходит избирательно, под влиянием ряда факторов и поведенческих моделей, сформированных информационным обществом, при этом значение факта, зафиксированного цифровым способом, значительно возрастает по отношению к тому факту, который не получил такого закрепления. Подобная избирательность характерна и для письменной культуры, что обусловило известную фрагментарность исторических све-

дений в корпусах исторических текстов. В текущем случае особую важность получают знания о законах и критериях функционирования разного рода информации в электронной среде.

Интересны темы взаимодействия человека и исторической реальности в контексте электронной культуры. Еще в письменной традиции выделяются значимые исторические этапы, которые характеризуют возрастание включенности человека в исторический процесс, осознания его влияния на него, например, когда появляются и активно развиваются источники личного происхождения [14, с. 217]. Для сегодняшнего процесса цифрового перехода наблюдается еще большая вовлеченность субъекта в исторический процесс и активные попытки его влияния на происходящее. Обратным образом цифровая среда влияет на общественную и социально-культурную среду, стирая границы времени и пространства, в то же самое время становясь полноценной частью исторической реальности.

Исходя из вышесказанного, цифровой (электронный) исторический источник как целостное историко-культурное явление, отражающее всю совокупность происходящих общественных процессов, требует немалых усилий для выработки теоретического и практического инструментария по своему изучению.

Основополагающим эпистемологическим элементом в данном случае видится источниковедческий подход. Использование методологии источниковедения для изучения любой разновидности цифрового (электронного) исторического источника является обязательным, поскольку в рамках восприятия источника как продукта конкретной культуры, как непосредственного отражения существующей исторической реальности происходит разработка вопросов о природе источника, о том где, каким образом, в каких его элементах заключена та или иная информация, как ее следует понимать и интерпретировать. Именно на этом уровне возможна разработка типологических и методологических схем универсального уровня, с возможностью выхода на сравнительные и междисциплинарные исследования.

Во-вторых, в рамках развития цифровой реальности все большую актуальность приобретает информационный подход, адаптированный для нужд истории и источниковедения И. Д. Ковальченко, активно применяемый для традиционных видов массовой документации и являющийся важным методологическим фундаментом для развития исторической информатики и обработки массовых данных. Цифровой (электронный) исторический источник имеет ряд особенностей, в том числе массового характера, а также саму цифровую природу, которая непосредственно связана с особенностями функционирования и потребления информации в современном обществе. Данный подход на сегодняшний день наиболее развит, помогает решать множество прикладных задач, связанных не только с представлением и изучением исторических данных, но и с разработкой понятия электронного документа, принципов классификации и хранения машиночитаемых документов [15, 16]. Весьма значимо также оформление такого исследовательского направления, как компьютерное источниковедение, которое показало возможности цифровых методов при изучении источников традиционного типа, что является важным методологическим заделом для существенного расширения сферы их применения. Главной задачей данного направления авторы называют «повышение информативной отдачи источников» [17, с. 13], что весьма актуально, но само по себе отражает позитивистское восприятие исторического источника.

Всегда необходимо учитывать, что информационный подход базируется на понятии информации и принципах ее передачи, что задает определенный исследовательский ракурс, смещая внимание в сторону от антропологического и культурного факторов. Тем не менее не следует забывать о том, что любой источник является результатом деятельности конкретного человека (или группы лиц), а также порождением опреде-

ленной историко-культурной ситуации, поэтому изучение исторического источника с позиций антропологического и культурологического подходов не менее важно.

В последнем случае приходится признать, что задел в теоретическом и практическом изучении цифровых источников сделан другими гуманитарными науками: филологией, культурологией, философией, документоведением, книговедением и т. д. А история и источниковедение в определенном смысле значительно отстают и даже оказываются исключены из этого процесса. Понятно, что для историков необходима временная дистанция по отношению к объекту исследования. Однако источниковедение сегодня претендует на статус общегуманитарной дисциплины, предлагающей общие теоретические и методологические схемы для всего гуманитарного знания, но при этом также со значительным опозданием реагирует на происходящие изменения. Как уже указывалось выше, наиболее актуальными проблемами, которые решаются историческим и источниковедческим знанием, являются исследовательские и прикладные проблемы переноса накопленных исторических знаний и традиционных типов источников в цифровую среду. Однако уже на сегодняшний день назрела необходимость включения в историческое исследование данных сугубо исходных электронных исторических источников и возникают разные трудности с определением, извлечением содержащихся в них информации и включения их в исследовательскую работу. Историки вынуждены обращаться к инструментарию других гуманитарных дисциплин и на ходу адаптировать его под свои цели. Да и в целом сложный характер этих источников требует серьезного междисциплинарного взаимодействия.

При изучении цифровых (электронных) исторических источников невозможно обойтись без методов точных наук – математики и информатики. Они имеют цифровую природу, определенные стороны этой природы недоступны инструментарию гуманитарных наук. Серьезные препятствия существуют для историков при изучении больших данных (Big Data), которые содержат ключевую информацию о нашем обществе. Их обработка не доступна специалистам с классическим историческим образованием, требует специальной подготовки, совершенно иных знаний и навыков. Это, в свою очередь, ставит серьезные вопросы к профессиональной подготовке будущих историков.

Таким образом, процесс осмысления феномена цифрового (электронного) исторического источника является многоплановым, содержит в себе огромный комплекс исследовательских задач общетеоретического и прикладного характера, затрагивает целый пласт смежных дисциплин и требует серьезных изменений в системе профессионального исторического образования.

Список источников

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1999. 464 с.
2. Колин К. К. Социальная информатика. М. : Академический проект, Фонд мир, 2003. 432 с.
3. Баева Л. В., Касавина Н. А., Федюлина Е. В. и др. «Бытие-в-мире» электронной культуры. СПб. : Реноме, 2020. 192 с.
4. Осташова Е. А., Рожнева Ж. А. Персональные цифровые архивы: сохранить нельзя уничтожить // Управление документами в цифровой экономике: проблемы взаимодействия. М. : Изд-во РГГУ, 2019. С. 279–287.
5. Юмашева Ю. Ю. Источниковедческие проблемы представления исторических источников в электронной среде // Вестник московского университета. Сер.8: История. 2014. № 6. С. 18–36.

6. Юмашева Ю. Ю. Цифровая трансформация аудиовизуальных архивов: проблемы представления и использования в исследовательской практике // Актуальные проблемы источниковедения. Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2021. С. 30–32.
7. Корниенко С. И., Гагарина Д. А., Поврозник Н. Г. Исторические информационные системы: теория и практика. М. : ИД ВШЭ, 2021. 231 с.
8. Балакина Ю. В. Электронный текст: принципиально новый тип текста? // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 3. С. 17–27.
9. Полякова Е. В. Медиатекст как поликодовая текстовая структура // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 4. С. 1031–1034.
10. Загидуллина М. В. Теория интернет-фольклора: коммуникация фольклорного типа и самоидентификация участников крупных форумов // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 4. С. 86–96.
11. Макарова Н. В., Волков В. Б. Информатика. СПб. : Питер, 2011. 576 с.
12. Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М. : Наука, 1975. 282 с.
13. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М. : Наука, 1987. 440 с.
14. Источниковедение / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. М. : ИД ВШЭ, 2015. 685 с.
15. Гарскова И. М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб. : Алетейя, 2018. 408 с.
16. Юмашева Ю. Ю. Машиночитаемые/электронные документы в контексте источниковедения и вспомогательных исторических наук // Историко-культурное наследие в институциональном измерении. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. С. 377–382.
17. Варфоломеев А. Г., Иванов А. С. Компьютерное источниковедение: семантическое связывание информации в репрезентации и критике исторических источников. Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 2013. 204 с.

О. А. Карпенко¹, П. В. Левченко²

¹Самарагорэнергосбыт

²Самарский государственный экономический университет
Самара, Россия

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ КАПИТАЛЕ

Аннотация. В работе рассматривается развитие теории о человеческом и интеллектуальном капитале в исторической ретроспективе. Выделяется четыре исторических периода развития теорий, и каждый анализируется отдельно. Приводятся мнения зарубежных и отечественных ученых, трактовки исследуемых понятий и основные постулаты различных концепций. В заключение высказывается и обосновывается авторская позиция в отношении интеллектуального капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, интеллектуальный капитал, результаты интеллектуальной деятельности, факторы производства, производственная функция

Abstract. The paper examines the development of the theory of human and intellectual capital in historical retrospect. There are 4 historical periods of the development of theories and each is considered separately. The opinions of various foreign and domestic scientists, various interpretations of the concepts under study and the main postulates of various concepts are given. In conclusion, the author's position on intellectual capital is expressed and justified.

Keywords: human capital, intellectual capital, results of intellectual activity, factors of production, production function

В изучении проблем, концепций и теорий человеческого и интеллектуального капитала с целью глубокого познания особенностей формирования их понятий, функционирования и эволюции различных трактовок следует обратиться к исследованию их феноменов в историческом контексте. Изучение человеческого и интеллектуального капитала в аспекте исторического развития позволяет взглянуть на их специфику с учетом определенного и зафиксированного пространственно-временного лага, выявить особенности познания понятийной и методологической составляющей, более четко конкретизировать объект и предмет исследования.

Исторический аспект развития человеческого и интеллектуального капитала до настоящего времени остается малоизученным, недостаточно учтены исторические закономерности и особенности функционирования и развития исследуемых понятий. Представления о понятиях человеческого и интеллектуального капитала и их развитие в динамике зависят от исторически диктуемой социально-экономической и политической общественной среды и определяется предпосылками, характерными для конкретного периода исторического развития. Исторический подход к исследованию понятий человеческого и интеллектуального капитала опирается на принципы историзма,

то есть дает возможность понять специфику развития исследуемых феноменов с учетом определенного места и времени и проследить их трансформацию в историческом ходе событий.

В истории России выделяют четыре периода развития человеческого капитала [1, с. 35], вытекающих одно из другого и связанных друг с другом, но опирающихся на качественно иные условия функционирования, развития, воспроизводства и накопления: доиндустриальное, раннеиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное развитие.

Появление этой периодизации происходило под влиянием эволюционных событий и разрывов в результате революций, реформ, формирования различных типов экономик, изменений общественно-политической системы, общественных жизненных укладов, формирования новых институтов гражданского общества, изменения уровня жизни населения, а также демографических и иных сдвигов и проблем (образования, здравоохранения, миграции, культурных изменений).

История России как раз характеризуется значительными эволюционными разрывами, после которых идет запаздывающее развитие. Это революции (1917 г., 1993 г.) и финансово-экономические кризисы (2008 г., 2014 г.), Перестройка (1990-е гг.), а также демографические катастрофы из-за коллективизации и голода (1922 г., 1933 г.), репрессий (1930-е гг., 1940-е гг.), войн (Первая мировая 1914–1918 гг., Финская 1939–1940 гг., Великая Отечественная и японская 1941–1945 гг., Афганская 1979–1989 гг., первая чеченская 1994–1996 гг., вторая чеченская 1999–2009 гг.), а также терроризма (с 2000-х по настоящее время).

Кроме того, для развития интеллектуального и человеческого капитала в России характерны волны высокоинтеллектуальной эмиграции (1910–1920-е гг., с 1990-х гг. по настоящее время) и низкоинтеллектуальной иммиграции (с 2000-х г. по настоящее время), что также пагубно сказывается на интеллектуальном и человеческом развитии населения. Последняя волна еще особенно характерна для современного периода развитых стран Запада.

Рассмотрим указанные исторические периоды развития подробнее.

1. Доиндустриальное развитие (середина XVIII в. – первая половина XIX в.), в котором происходит становление классической политической экономии. Он характеризуется представлением о человеке и его труде как о важнейшем факторе производства и в конечном счете об источнике богатства. Вопросы человеческой деятельности и важности его труда в экономике изучали У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сэй, Дж. Милль и др.

У. Петти рассматривал живые действующие силы человека, которые считал частью богатства и фактором его роста [2]. По мнению А. Смита, человеческие способности играют ведущую роль в производстве по сравнению с вещественными факторами [3, с. 490]. Д. Рикардо считал, что образование людей играет важную роль в развитии экономики государства [4, с. 308]. Особо значимыми являются труды К. Маркса, создавшего теорию трудовой стоимости и капитала и внесшего вклад в виде представления не только о вещественном, но и о личном факторе производства, под которым понимал совокупность физических и духовных способностей человека [4, с. 310]. Им была обоснована необходимость вложений в развитие человека, его рабочей силы, способностей к труду и производственной деятельности. Важным, по нашему мнению, здесь является еще и то, что он одним из первых заговорил не только о человеческом факторе, но именно о духовных способностях человека в производстве. В итоге ученые первого периода пришли к общему пониманию важнейшей роли человеческих способностей, человеческого фактора и труда в производственном процессе.

2. Раннеиндустриальное (вторая половина XIX в. – начало XX в.), в котором внимание исследователей смещается в сторону экономики труда: изучения мотивации к труду, процессов интенсификации труда, его производительности и т. д. Этим занимались А. Маслоу, Г. А. Саймон, Ф. Тейлор и др. Ученые этого периода Л. Вальрас, И. Ф. Тюнен, У. Фарр, Дж. Мак-Куллох, И. Фишер придерживались мнения, что человеческий капитал – это сам человек, а не его знания, способности, образование. В работах А. Маршала, хотя он и не приветствовал концепцию человеческого капитала, можно найти понятие «персональный капитал», то есть человек, обладающий силой, знаниями, навыками, способностями, ведущими к росту производительности труда [5, с. 124]. Ученые Ф. Лист, Дж. С. Милль, Дж. С. Уолш под человеческим капиталом понимали уже не самого человека, а лишь его способности к труду и деятельности, образование, знания и навыки. Они выделяли природные и приобретенные способности. К человеческому капиталу они относили также и личностные особенности человека (морально-нравственные, психологические, культурные), а также его социальные связи и окружение, управленческие качества и т. д. Ф. Лист главным источником богатства считал «умственный капитал», который выражался в научных открытиях, изобретениях и др., и богатство нации зависит от производительных сил, его создающих.

В этот период исследовались вопросы стимулирования труда, измерения эффективности труда, вопросы качества и дифференциации рабочей силы. Здесь проводились первые попытки оценки эффективности применения человеческого капитала в экономике и на производстве, исследовались затраты на образование в семье и их влияние на доход семьи, государственные расходы на образование и развитие населения и их влияние на экономический рост и развитие и др. Основные положения воззрений этих ученых и их достижения в дальнейшем были применены для создания современной теории о человеческом капитале.

3. Индустриальное (XX в., советский период в России), в котором происходит окончательное формирование теории о человеческом капитале как отдельном направлении экономической теории, ее понятийного и методологического аппарата. Этими проблемами занимались Г. Беккер [6], Т. Шульц, М. Блауг, Дж. Кендрик, Ф. Махлуп, Б. Чизвик и др. На данном этапе практиковался более широкий подход к изучению человеческого труда, а также явлений человеческой жизнедеятельности, выходящих за рамки воспроизводственного процесса и экономики: демография, жизнедеятельность семей и домохозяйств, вопросы образа жизни, здоровья, культуры, социальной сферы и др.

В этом периоде Т. Шульцем был впервые введен термин человеческого капитала в 1969 г., который объединяет в себе природные качества человека и свойства капитала [7]. Человек имеет свой человеческий капитал, который состоит из его качеств, знаний, умений, достижений, но который также и определяется востребованностью рынком. Ему же принадлежит и исключительное право собственности на результаты своей деятельности. Образование является источником будущих доходов, а инвестирование в него – вложением в фактор производства, создающим прибавочный продукт. Человеческие способности могут быть или врожденными, или приобретенными. И приобретенные качества и способности, которые усиливаются вложениями, можно называть человеческим капиталом.

Сама теория человеческого капитала была развита и сформулирована Г. Беккером. Согласно ему, человеческий капитал представляет собой совокупность знаний, навыков и умений человека, а также физических качеств, позволяющих ему работать с получением дохода [8, с. 22]. Он выделял общие знания (формируются в семье и сфере образования), специальные знания, опыт, специальный человеческий капитал (формируется в производственной деятельности) и прочие виды знаний (получение и работа с информацией). Он также считал, что потребление человеческого капитала неотдели-

мо от самого работника и с его стороны требуется только соответствующее усилие. Труды Г. Беккера считаются классикой теории о человеческом капитале.

Мнение М. Блауга, хотя и схожее с позицией Г. Беккера, является уже неоклассикой. По нему концепция человеческого капитала состоит в том, что люди по своему усмотрению тратят деньги на себя, выбирая наиболее приемлемые выгоды и отказываясь от менее приемлемых: на образование, здоровье, поиск работы, миграцию и т. д. [9, с. 317]

Как видим, понятие человеческого капитала на этом этапе становления теории учитывало физиологические, институциональные, психологические и иные аспекты его формирования. Благодаря этим исследованиям теория о человеческом капитале стала признанным научным направлением, на базе которого появились новые области знаний: экономика образования, экономика знаний, инновационная экономика.

Теперь перейдем к рассмотрению теории об интеллектуальном капитале в исторической ретроспективе. Понятие интеллектуального капитала также было введено в оборот на индустриальном этапе исторического развития экономической науки Дж. Гелбрейтом в конце 60-х гг. [10] И дальнейшее развитие теория интеллектуального капитала получила на основе теории о человеческом капитале. Существенное влияние на развитие теории интеллектуального капитала оказали работы Й. Шумпетера [11] в начале XX в., которым изучалось явление предпринимательства и исследовались инновационные процессы, лежащие в основе экономического развития, важным фактором которого он считал диффузию инноваций.

Интеллектуальный капитал рассматривали создатели новой теории роста П. Ромер и Р. Лукас, которые исследовали научно-технический прогресс и его внутренние факторы, в числе которых имелся и интеллектуальный капитал. Наряду с этим, ими исследовалось влияние инвестиций в человеческий капитал [12, с. 24].

4. Постиндустриальное (современное, конец XX в. – начало XXI в.). В этом периоде появляется интерес к изучению внешнеэкономических факторов формирования человеческого капитала. Сначала рассмотрим теорию человеческого капитала. Особо отличился в своих исследованиях П. Бурдьё, который выделил три основные формы человеческого капитала: экономический, социальный и культурный, рассмотрены способы их функционирования и процессы конвертации [13].

Также исследуется формирование человеческого капитала в семьях и их роль в общественной жизни. Особое развитие теория человеческого капитала приобрела по окончании советского периода с началом постиндустриального периода развития в трудах отечественных ученых С. М. Климова, А. И. Добрынина, С. А. Дятлова, Р. И. Капелюшников, В. И. Марцинкевича, В. С. Гойло, И. В. Соболевой, И. Ильинского и др. [14] Так, Р. И. Капелюшников считал человеческий капитал запасом знаний, способностей и мотиваций человека, которые требуют отвлечения средств в ущерб текущему потреблению, но и являются источниками будущих доходов. Б. В. Корнейчук определял человеческий капитал как совокупность качеств индивида, которые служат источником потока денежных доходов, и измеряется величиной инвестиций в образование, здоровье и т. д. [15, с. 382]

С. А. Дятлов человеческий капитал определял как «сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и эффективности производства и тем самым влияют на рост зарплаток (доходов)» [16, с. 10]. С. М. Климов выделяет составляющие человеческого капитала – биофизический капитал, а также социальные и интеллектуальные ресурсы. По его мнению, эффективность применения человеческого капитала зависит от общественной среды [17]. И с этой точ-

ки зрения человеческий капитал может успешно применяться в повседневной жизни, а не только на фирмах. Отсюда инвестиции в образование являются неотделимыми от общих потребительских расходов.

В рамках неонституциональной теории ученым А. А. Цыреновой дается определение человеческого капитала, включающее в себя трансформационные изменения в институциональной среде: человеческий капитал – это «накопленный запас знаний ... формируемый путем инвестиций в условиях изменяющихся социальных институтов, адекватный состоянию трансформируемой институциональной среды и активно влияющий на характер происходящих изменений» [18, с. 32].

В целом для данного этапа характерно изменение вектора исследования, а также его трансформация от трудовых ресурсов и рабочей силы до человеческих и интеллектуальных ресурсов и человеческого и интеллектуального капитала.

В этот период в конце XX в. начала складываться современная теория интеллектуального капитала и продолжается по настоящее время. Активно его проблемами занимались ученые Т. Стюарт, Л. Эдвинсон, М. Мэлоун, Ц. Грилихес, Э. Брукинг и др. Ц. Грилихес исследовал повышение рыночной стоимости компании за счет ее нематериальных активов и провел попытку учета затрат на НИОКР в составе инвестиций в человеческий капитал. Т. Стюартом в 1997 г. была выпущена монография по интеллектуальному капиталу, где он определял предмет исследования как сумму знаний работников, обеспечивающих конкурентоспособность компании [19, с. 149].

Среди отечественных ученых, занимающихся проблемами интеллектуального капитала, можно выделить С. М. Климова, И. К. Бабста, Д. И. Пихно, Б. Б. Леонтьева, И. А. Иванюка [20], В. А. Супруна [21], И. В. Скоблякову [22] и др. В. Багов, Е. Селезнев, В. Ступаков в своем исследовании под интеллектуальным капиталом понимают творческие возможности организации по созданию и реализации интеллектуальной и инновационной продукции. В. А. Супрун определяет интеллектуальный капитал ключевым фактором производства, определяющим эффективность экономической деятельности [23].

По нашему мнению, целесообразнее рассматривать понятия интеллектуального и человеческого капиталов в рамках «узкого» подхода и выделять в структуре человеческого капитала только капитал человека (витальный, интеллектуальный, культурный, духовный, социальный, предпринимательский). К интеллектуальному капиталу, по нашему мнению, относятся лишь знания и способности человека: знания, навыки, умения, способности, профессиональные компетенции и интересы, опыт, интеллектуальное мышление, способности и стремления к обучению и развитию, участвующие в сфере производства и способные приносить доход.

Вместе с тем во всех трактовках интеллектуального капитала и его структуры, на наш взгляд, упускается из виду, не акцентируется внимание на том, что в составе интеллектуального капитала человека (как и самого человеческого капитала и любого его подвида) содержится духовный капитал – совокупность духовных ценностей и качеств человека, его духовных деяний, мотивов, предназначения, духовных возможностей развития и др. Для интеллектуального капитала – это мотивация к интеллектуальной деятельности, улучшению и усовершенствованию процессов, волевые качества, уверенность в своих силах, настойчивость, настроенность на результат и выполнение задач.

Таким образом, нами рассмотрены исторические закономерности и особенности функционирования человеческого и интеллектуального капитала в аспекте четырех периодов исторического развития их теорий, модели получения дохода на них, а также дано собственное обоснованное определение понятия интеллектуального капитала и уточнены его основные составляющие.

Список источников

1. Мазур Л. Н. Человеческий капитал как объект исторического исследования // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). С. 34–49.
2. Петти У. Экономические и статистические работы. М. : Соцэкгиз, 1940. 324 с.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Соцэкгиз, 1956. 520 с.
4. Антология экономической классики. Т. 1. М., 1993.
5. Леонтьев Б. Б. Цена интеллекта: интеллектуальный капитал в российском бизнесе. М. : ИЦ «Акционер», 2002. 250 с.
6. Багов В. П., Селезнев Е. Н., Ступаков В. С. Управление интеллектуальным капиталом : учеб. пособие / ред. Е. Н. Селезнев. М. : Камерон, 2006. 242 с.
7. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
8. Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют. М. : Вопросы экономики, 2004. 416 с.
9. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал: Ключ к успеху в новом тысячелетии. СПб. : Питер, 2001. 286 с.
10. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982. 260 с.
11. Генкин Б. М. Экономика и социология труда : учеб. для вузов. 5-е изд., доп. М. : Норма, 2003. 416 с.
12. Гэлбрейт Д. К. Новое индустриальное общество. М. : АСТ; СПб. : Транзиткнига, 2004. 602 с.
13. Бурдые П., Пассрон Ж-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М. : Просвещение, 2007. 267 с.
14. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Курганский С. А. Методология человеческого капитала // Экономика образования : международный периодический журнал. Кострома. 1999. № 1.
15. Корнейчук Б. В. Информационная экономика. СПб. : Питер, 2006. С. 382.
16. Добрынин А. И., Дятлов С. И., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб. : Наука. 1999. 309 с.
17. Климов С. М. Интеллектуальные ресурсы общества. СПб. : СПБИНВЭСЭП, 2002. 350 с.
18. Цыренова А. А. Развитие человеческого капитала в условиях трансформации институциональной среды. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2006. 360 с.
19. Стюарт Т. А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций. М. : Поколение, 2007. 310 с.
20. Иванюк И. А., Головчанская Е. Э. Конкурентоспособность среднего профессионального образования России : монография. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2006. 136 с.
21. Супрун В. А. Интеллектуальный капитал: главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке. М. : Книжный Дом «Либроком», 2010. 270 с.
22. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование: монография / В. Т. Смирнов, И. В. Сошников, В. И. Романчин, И. В. Скоблякова; под ред. д-ра экон. наук, проф. В. Т. Смирнова. М. : Машиностроение-1, 2005. 513 с.
23. Супрун В. А. Интеллектуальный капитал: главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке. М. : Книжный Дом «Либроком», 2010. 265 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ФАКТОР ЛИЧНОСТИ

Аннотация. На примере классической и неклассической парадигм российской историографии изучена роль человеческого фактора в динамике исследовательских программ исторической науки. Показано, что актуальность этих парадигм сформировали не субъективные, а личностные компоненты исследовательского процесса.

Ключевые слова: историография, методологическая парадигма, историческое сознание, исторический процесс, традиция, реформа, революция, личность

Abstract. The role of the human factor in the dynamics of research programs of historical science is studied on the example of classical and non-classical paradigms of Russian historiography. It is shown that the relevance of these paradigms was formed not by subjective, but by personal components of the research process.

Keywords: historiography, methodological paradigm, historical consciousness, historical process, tradition, reform, revolution, personality

Методологические историографические традиции разнообразны. Одной из них является школа историографии, представленная классической и неклассической парадигмами.

Классическая парадигма в российской историографии связана с именами Н. М. Карамзина, М. А. Фонвизина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова. Ее отличала склонность к исконно русскому образу жизни, сочетаемая с постоянным интересом к будущему. Значительное влияние на нее оказывала христианская идеология.

Обращаясь к либерально-реформаторским намерениям Александра I, Н. М. Карамзин демонстрирует в определенной степени архаичный культурный взгляд на инновации в жизни общества. В частности, давая оценку советникам царя, которые разрабатывали реальные программы преобразований, он пишет: «Вместо того, чтобы немедленно обращаться к порядку вещей Екатеринына царствования, утвержденному опытом... советники Александровы захотели новостей в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правило мудрых, что всякая новость в государственном порядке есть зло... ибо одно время дает надлежащую твердость уставам; ибо уважаемо то, что давно уважаем и все делаем от привычки» [1, с. 87]. В этом высказывании уже обозначены основные приоритеты российских реформ: 1) реформирование государственного строя путем ограничения абсолютной монархии (Н. М. Карамзин даже введенные Александром вместо коллегий министерства считал подрывом основ государственного строя); 2) крестьянский вопрос, или вопрос о земельной собственности, связанный с отменой крепостного права.

Начиная с эпохи Петра I актуальность этих проблем нарастала. Артикулируя их, оценивает Петровские реформы другой русский историк, член Северного общества, М. А. Фонвизин: «в деле законодательства Петр Великий едва ли уступал своему отцу, издавая бесчисленные, запутанные указы. Он же усугубил крепостное право. Ему не нужен был человек с достоинством и нравственностью, он преследовал исключительно государственные интересы. Создание армии, флота, промышленности – вот его основная цель. Если же Петр I и старался вводить в Россию европейскую цивилизацию, то его прельщала более ее внешняя сторона. Дух же этой цивилизации – дух законной свободы и гражданственности был ему, деспоту, чужд и противен» [2, с. 268].

В связи с этим М. А. Фонвизин предостерегает русских историков от присущей им ошибки – «везде стараться выставлять превосходство самодержавия и восхвалять какую-то блаженную патриархальность» [2, с. 262]. В то же время он согласен с тем, что Петр I извлек Россию из мертвенного состояния неподвижности, в которое она была погружена.

Согласно С. М. Соловьеву, ход исторического развития есть процесс органический, внутренне обусловленный, закономерный, единый и поступательный. Высшая цель, стоящая перед всеми народами, – воплощение в жизнь идеалов христианства. Этапы, которые ведут к реализации этой цели, – господство чувств и господство мысли.

В России второй этап начинается с реформ Петра I, когда государственность становится важнейшим приоритетом общественной жизни. Сложности, которые возникают на этом пути, связаны как с природно-географическими, внешнеполитическими, этническими факторами, так и с особенностями человеческой природы. Они укоренены в борьбе между идеалами христианства и человеческими возможностями. В России эти противоречия проявились в соперничестве родовых и государственных учреждений, противостоянии леса и степи (оседлых и кочевых народов).

Для В. О. Ключевского характерна не только общность взглядов с С. М. Соловьевым, но и разработка оригинальных подходов. Анализируя проблему реформаторской деятельности в России, он придает большое значение степени активности исторического сознания народа. Так, он отмечает, что потребность в преобразовании государственного строя ощущалась в России еще до Петра I: «князь В. В. Голицын мог быть хорошим помощником царя в его преобразовательной деятельности, если бы судьба не поместила его во вражеский лагерь царевны Софьи» [3, с. 142].

Потребность в реформах не была удовлетворена и к концу XIX в., и не потому, что за эти два века их не было, а потому, что реформы зачастую являлись запоздало. Это придавало им «несколько ускоренный, торопливый ход, неудобства которого не могли не отразиться на их успехе» [3, с. 552].

Преобразовательные движения, а особенно их последствия в России, часто были непродуманными и непредусмотренными, что также снижало их эффективность. Значительное влияние на реформаторскую деятельность оказывали особенности российского исторического сознания.

Во-первых, это судорожное движение вперед и пугливая оглядка назад как отличительный признак культурной походки русского общества начиная с XVII в. Но в этой «оглядке» не было желания мыслить исторически, ориентироваться в новом положении с помощью прошлого.

Во-вторых, древнерусская мысль всегда упорно работала над нравственно-религиозными вопросами, дисциплиной совести, покорением ума; и пренебрегала условиями земного существования, веруя в роковую неизменность житейского порядка [3, с. 552]. Реформы Петра I подорвали эту иллюзию, но пробудили новую веру – в науку, что во время Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. сказалось в благодушной не-

предусмотрительности, уверенности, что благие намерения сами собой принесут плоды.

Бездеятельность, невнимание к прошлому – антиисторический момент в общественном сознании, считает В. О. Ключевский. Когда прорывы, колебания, спады и подъемы реформаторской деятельности не принесли быстрых плодов, в общественном сознании сложилось только одно ясное представление – о том, что русская жизнь сошла со своих основ. И ее тут же разделили на дореформенную и пореформенную, как раньше делили на допетровскую и петровскую.

Простая метафора, понятие, не соответствующее историческому процессу, рожденное из невнимания к наличным историческим силам – ускорило творческую энергию исторического сознания, вновь ограничив его чувственно-эмоциональным переживанием. По сути, в 60-е гг. XIX в. реформы, и особенно реформа 1861 г., несмотря на свое величие, были запоздалыми и не в полной мере системными.

Однако сам факт прерывания постепенности, который ощутило историческое сознание, позволил вновь окунуться в историческое самозабвение и объявить прошлое, с которым порвано, не заслуживающим внимания. Но история не прощает забвения: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу» [3, с. 554]. Это выразилось в том, что важнейшие акты искажались, незрелая и пугливая политическая мысль видела в них подкоп под вековые основы государства. В итоге разбуженное реформами историческое сознание породило новый элемент общественной нравственности: неискреннее недовольство всеми, кем угодно, только не собой, общий ропот, отрицание существующего порядка без проблеска мысли о каком-либо новом [3, с. 553–555].

П. Н. Милюкову принадлежит одна из ранних оценок столыпинских реформ. Ученый показывает, что П. А. Столыпин в революции 1905–1907 гг. был одним из главных заговорщиков против Думы [4, с. 253]. Являясь министром внутренних дел, он хорошо знал и докладывал царю о нарастании в стране революционного подъема. Как представитель бюрократии, он не связывал тактический поиск путей предотвращения революционного взрыва с созданием представительного органа.

Свидетельство П. Н. Милюкова, как участника тех событий, актуально и сегодня, когда некоторые историки и публицисты, увлеченные идеей поиска альтернативных путей социального развития, мифологизируют образ П. А. Столыпина как одинокого героя на поприще русских реформ. Если же обратиться к основной цели реформ – переустройству государственной власти путем ограничения абсолютной монархии, то, как и в начале XIX в., в начале XX в. она оставалась не только не реализованной, но даже и не сформулированной.

Между тем она пропитывала политическую атмосферу 1904–1905 гг., а план конкретных преобразований власти в сторону создания представительного органа в январе 1905 г. предлагался Николаю II даже Вильгельмом II [5, с. 50, 57]. Однако ближайшее окружение царя, в том числе и П. А. Столыпин, искали иную формулу реформ, направленную не на изменение государственного строя в интересах страны, а на нейтрализацию возможных социальных взрывов и обеспечение порядка.

Рассматривая деятельность Временного правительства после февральской революции 1917 г., П. Н. Милюков также отмечает принципиальную ненацеленность бюрократии на действенные преобразования, отсутствие определенной программы и плана действий. Правительство князя Г. Е. Львова не могло дать никаких однообразных инструкций и прикрывалось идеологическими заявлениями о счастье народа.

В результате в провинции вместо прежней власти были созданы самочинные органы (комитеты, советы). Правительство же рассматривало это правотворчество как фундамент самоуправления, что привело к почти полному исчезновению власти на ме-

стах, а партийные организации приобрели возможность пропаганды самочинных действий [4, с. 480].

У временного правительства, считает П. Н. Милюков, был выбор: проводить твердую политику укрепления власти, противодействовать всем попыткам ее захвата, либо организовать коалиционное правительство, в тех условиях ослабляющее государство и ведущее его к распаду. Партия кадетов предлагала конкретные мероприятия в области законодательства, подготовки конституции, которые должны были пресечь попытки революционного переворота.

Однако правительство пошло по второму пути [4, с. 499, 503–504]. В этом решении отразилась реальная ситуация, характерная для политических и бюрократических верхов России: 1) отсутствие четких представлений о будущем страны и планов государственных преобразований; 2) несогласованность не только действий, но и интересов различных группировок, причастных к реформам; 3) неясное понимание задач и целей самих реформ.

Таким образом, в классической парадигме историографии была зафиксирована полярность национального исторического сознания, которая четко проявилась в определении ценностного статуса социальных преобразований и реформ. Эта черта российского общественного сознания сыграла роль в трансформации славянской цивилизации в амбициозный геополитический проект. Он реализовывался семьдесят лет. В результате Россия стала высокотехнологичным государством, освоившим механизмы модернизации.

Неоклассическая парадигма российской историографии разрабатывалась в советский период. Одной из тем исследований стала проблема исторического факта. Она получила отражение в работах Г. А. Антипова, М. А. Барта, А. И. Ракитова, А. И. Уварова.

М. А. Барт предлагает разведение исторического факта, сообщения источника и научно-исторического факта. Интерес вызвала проблема измерения. Этому интересу способствовали исследования Д. И. Опарина [6]. Возникла потребность в математических методах, обеспечивающих комплексный анализ синхронных и диахронных процессов, многомерное шкалирование.

Эмпирический уровень исследований в исторической науке дополнился теоретической рефлексией. М. А. Барт, Б. Г. Могильницкий понимают под предметом исторической науки закономерности общественного развития. Общее в теории доминирует над особенным. Большой конкретикой наполнены прикладные разделы исторической науки, связанные с археологией, нумизматикой.

Распад СССР актуализировал связь времен. Ответы на этот поиск дала российская философия этногенеза славян, выработанное ею представление о роли этнических контактов в формировании евразийского культурно-исторического типа. Благодаря этой методологической основе историческая наука сконцентрировалась на тематике классического периода. Произошел ренессанс собственно российской проблематики.

Важную роль сыграло также регионоведение. Открылось проблемное поле славянской цивилизации в евразийском регионе. При этом сохранило значимость стремление исторической науки к формированию научной картины славянства начала XXI в. В этой онтологии важную роль играет модернизационная тематика, созвучная философским и социологическим исследованиям.

Сегодня специалисты понимают, что Россия приобретает новые качества регионального лидера. В этом контексте важны исследования не только общего, но и стратификационного характера. Перемены происходят не в обществе вообще, а на уровне ключевых носителей славянской идентичности, например казачества. Поэтому не слу-

чаен интерес ученых к таким, долгое время не изучавшимся, феноменам исторической реальности.

В процессе реализации этого интереса неоклассическая парадигма сменила акценты в отношении общего и особенного. Культурное разнообразие славянства в динамике перемен стало основным предметом изучения. Один из главных выводов состоит в том, что Россия не просто вернулась к ценностям культурно-исторического типа, а продемонстрировала на реальной истории их статус как традиций.

Список источников

1. Карамзин Н. М. Из «записки о древней и новой России» // Из истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.). М. : Высшая школа, 1990. С. 67–271.

2. Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России // Из истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.). М. : Высшая школа, 1990. С. 67–100.

3. Ключевский В. О. Исторические портреты. М. : Правда, 1991. 624 с.

4. Милюков П. Н. Воспоминания. М. : Политиздат, 1991. 528 с.

5. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 г. СПб. : Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 1991. 221 с.

6. Опарин Д. И. Схематический анализ развития внешней торговли России за 175 лет (1742–1917) // Методологические вопросы в статистических исследованиях. М. : Наука, 1968. С. 96–128.

Н. С. Лобанова

Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОСТАВА КОМИТЕТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА (2010–2016)

Аннотация. Анализируется просопографический подход к изучению истории Британского парламента, впервые примененный в 1930-х гг. Л. Нэмиром. Рассматриваются перспективы использования данного подхода для изучения состава и деятельности комитета по иностранным делам Палаты общин в годы правления Д. Кэмерона.

Ключевые слова: Великобритания, Британский парламент, Палата общин, Л. Нэмир, просопографический метод, парламентские комитеты, Д. Кэмерон

Abstract. The article centres around the prosopographical approach used by L. Namier in the study of British parliamentary history and the possibilities of its application to the study of the House of Commons Foreign Affairs Committee in order to analyse its membership and the peculiarities of its work during D. Cameron's premiership.

Keywords: the UK, British parliament, House of Commons, L. Namier, prosopography, parliamentary committees, D. Cameron

Истории Британского парламента посвящено огромное количество работ как зарубежных, так и российских авторов. Эволюция подходов к теоретическому осмыслению этого старейшего политического института подробно описана известным российским историком, автором трудов по английскому парламенту Раннего Нового времени О. В. Дмитриевой [1, с. 11–81]. Одним из интереснейших направлений в изучении истории парламента стал «биографический» подход, возникший в Англии в 30-х гг. прошлого столетия и охарактеризованный современниками как революционный. Появлению этого принципиально нового методологического подхода способствовала, в частности, популярность биографии как литературного жанра в период между первой и второй мировыми войнами [2, с. 193]. Оказали влияние на его становление и некоторые интеллектуальные течения той эпохи. Среди них стоит упомянуть новые естественно-научные теории, в том числе те, которые касались особенностей поведения человека как биологического вида, а также интерес к истории крупных социальных групп, проявившийся в результате развития социологической мысли.

У истока данного подхода стоял Льюис Нэмир, британский историк польского происхождения, профессор современной истории Манчестерского университета в 1931–1953 гг. Современники описывали его как человека феноменальной эрудиции, владеющего несколькими языками, способного искусно и с поразительной точностью выражать свои мысли [3]. Его работа «Политическое устройство при восшествии

на престол Георга III», опубликованная в 1929 г., «произвела переворот в английской политической и парламентской истории» [1, с. 36].

Новаторство Нэмира заключалось с том, что он предложил удивительно детальный анализ состава английского парламента при короле Георге III. Он проследил происхождение членов парламента, их семейное положение, установил, с какими семьями они состояли в родстве, где получили образование, какие школы посещали, обозначил круг их друзей, а также определил, что привело их в политику и каким образом они были избраны членами парламента. Расширив круг привлекаемых источников и включив в него завещания, налоговые отчеты и документы о происхождении членов Палаты общин, Нэмир смог получить максимально полные и достоверные сведения о жизни депутатов.

Анализ коллективных биографий тори и вигов позволил Л. Нэмиру заключить, что было неверным считать сложившиеся к тому времени парламентарские партии тесно организованными, сплоченными группами и что парламентарии в своих поступках руководствовались отнюдь не партийными интересами и конституционными идеями, а личными, семейными и региональными интересами. Поступки депутатов, часто непоследовательные и иррациональные, побудили Л. Нэмира «обратиться к психологическим корням человеческого поведения» [1, с. 36]. Он консультировался с графологами для интерпретации почерка изучаемых им личностей и с психоаналитиками для обсуждения высказываний депутатов. Благодаря Л. Нэмиру было доказано «наличие значительно более глубоких, сложных и непубличных механизмов» [4, с. 9], определяющих поведение парламентариев. Именно он привлек внимание исследователей к человеческому фактору в истории парламента, которому ранее не уделялось должного внимания.

Критики Л. Нэмира писали, что его метод приводит к атомизации, рассыпанию общей картины. Однако они упускали из виду, что он говорил о необходимости осуществления синтеза на основании собранных фактов. Л. Нэмир полагал, что для изучения института или общества следовало разбить его на составные части, которые было необходимо сначала изучить изолированно, а затем рассмотреть в отношении к общему. Он также настаивал на том, что объяснения, которые давали историки, были не более чем предположениями, если они не базировались на детальном и тщательном исследовании жизни людей, их семей, связей, интересов и предрассудков [5, с. 465].

Вклад Л. Нэмира и его последователей (основанной им исторической школы – «школы Л. Нэмира») в становление и развитие просопографического метода огромен. Еще при жизни он удостоился редчайшей чести – прибавления суффикса «изм» к его имени [3]. Как пишет специалист в области историко-биографических исследований и автор исследовательских проектов в области просопографии Ю. Ю. Юмашева, Л. Нэмир был одним из ученых, чьи работы положили начало «школы элит» в просопографии, направления, занимающегося изучением групп людей, выполняющих на определенном историческом этапе политические, властные, социальные и иные функции. Характерными чертами данного направления являются внимательное изучение биографий исследуемой группы лиц, привлечение большого количества источников и сравнительно-описательный метод интерпретации результатов [4, с. 9].

Просопографический метод был положен в основу проекта «История Парламента», инициированного в 1940-х гг. Задачей этого «культурного британского предприятия» [6, с. 366] стал сбор архивных данных и реконструкция биографий членов парламента с момента его возникновения до наших дней. Неоценимый вклад в развитие этого проекта внесли британские историки Джон Нил, Льюис Нэмир, Фрэнк Стэнтон. Благодаря им был издан колоссальный объем материала, что позволило не только рассказать историю парламента посредством изложения биографий его членов, но и привлечь

внимание к некоторым исследовательским проблемам, а также предоставить информацию о функционировании парламента как института.

Проект «История Парламента» реализуется и по сей день. На данный момент издан уже 41 том, включающий порядка 21 000 биографий парламентариев различных эпох [7]. Новым направлением исследований является проект «Устная история», в рамках которого изучается история британской политики после 1945 г. Ученые проводят интервью с бывшими депутатами, задают вопросы об их политической карьере и опыте работы в парламенте. В результате реализации этого проекта было записано более 200 интервью, часть из которых размещена на сайте Британской библиотеки – национальной библиотеки Соединенного Королевства – в формате подкастов [8].

Таким образом, просопографические исследования Британского парламента имеют давнюю традицию. Собранный в ходе таких исследований массив информации о жизни депутатов позволяет представить парламент не только как политический институт, но и как общность индивидов, политическую элиту страны. Этот метод также позволяет увидеть за законопроектами, докладами и различными парламентскими документами реальных людей, проследить их мотивы и определить, чем они руководствовались при принятии решений.

В данной работе будет предпринята попытка анализа состава комитета по иностранным делам Палаты общин Британского парламента в период правления Д. Кэмерона (2010–2016). Этот влиятельнейший парламентский комитет наделен полномочиями по контролю над деятельностью министерства иностранных дел Великобритании. Комитет проводит парламентские расследования для оценки эффективности британской внешней политики, контролирует расходы и администрирование Форин офис. Использование просопографического метода представляется оптимальным для систематизации информации о группе депутатов, занимавших посты в комитете при Д. Кэмероне. Этот метод позволит:

- определить, почему данные депутаты получили места в комитете по иностранным делам и какой вклад они могли внести в работу комитета;
- выявить, в какой мере взгляды депутатов могли влиять на повестку комитета и на выбор тем парламентских расследований;
- объяснить, такие характерные особенности комитета как сравнительно небольшая ротация депутатов и исключительно редкое выдвижение членов комитета на министерские посты.

На первом этапе исследования был определен состав изучаемой группы. В нее вошли депутаты, работавшие в комитете по иностранным делам Палаты общин с 12 июля 2010 г. по 13 июля 2016 г. Нижней временной границей исследования является дата формирования комитета по иностранным делам после победы на всеобщих выборах партии консерваторов во главе с Д. Кэмероном. Верхней границей является дата ухода Д. Кэмерона в отставку после референдума о брексите. В базу данных вошли 26 депутатов: 15 членов комитета по иностранным делам парламента 2010–2015 гг. и 11 депутатов, работавших в комитете по иностранным делам парламента следующего созыва в 2015–2016 гг. Для изучения информации о депутатах были привлечены следующие источники:

- портал Британского парламента, содержащий информацию о составе и деятельности комитета по иностранным делам, а также о карьере и партийной принадлежности депутатов;
- парламентские документы, такие как доклады комитета, официальные письма, протоколы заседаний;
- портал Parliament TV, содержащий видеозаписи заседаний комитета;
- личные странички депутатов в социальных сетях и их сайты в сети Интернет;

- официальные выступления, публичные лекции и подкасты с участием депутатов, а также книги и статьи, авторами которых они являются;
- публикации в СМИ о деятельности комитета по иностранным делам и о депутатах, входящих в его состав.

Информация из данных источников позволила не только собрать сведения о жизни парламентариев, но и составить их психологический портрет, определить интересные их темы и позицию по различным вопросам внешней политики.

На следующем этапе исследования вся собранная информация верифицировалась и вносилась в таблицы для создания персональных профилей. Каждый профиль представлял собой своего рода досье, содержащее персональные данные депутатов, сведения об их семье, образовании и карьере, партийной принадлежности, избирательном округе, годах работы в парламенте, годах работы в комитете по иностранным делам, занимаемых ими должностях в правительстве, опыте работы в парламентских комитетах, участии в работе межпартийных групп и непарламентских организаций. Были предусмотрены графы для дополнительной информации, в которые вносилась иная значимая информация о депутатах.

Исследование биографий членов комитета позволяет заключить, что для большинства из них внешняя политика являлась основной сферой интересов. Многие депутаты состояли в межпартийных парламентских группах, занимавшихся вопросами прав человека, нераспространения вооружений и проблемами ООН, а также вопросами таких стран, как Германия, Израиль, Ирак, Камбоджа, Китай, Ливия, Пакистан, Польша, Саудовская Аравия, Северный Кипр. Отметим членство ряда депутатов в таких значимых организациях, как «Консерваторы друзья Израиля», «Лейбористы друзья Израиля», «Совет консерваторов по Ближнему Востоку», «Совет по продвижению арабско-британского понимания». Благодаря членству в этих организациях депутаты могли совершать поездки в Израиль, на палестинские территории, в различные страны Ближнего Востока, что позволяло им оценить обстановку на местах. Интересен следующий «фактоид»: три депутата-консерватора (Рори Стюарт, Надим Захави и Криспин Блант) состояли в трансатлантической группе *Le Cercle*, объединяющей политиков, представителей бизнеса и разведсообщества различных стран. Публикации об этом появлялись в СМИ, но сами депутаты членство в этой тайной группе в годы работы в комитете не декларировали [9].

Одной из тем, волновавших многих членов комитета, являлась проблема нарушений прав человека. Депутаты часто поднимали этот вопрос на заседаниях, ежегодно публиковали доклад о работе Форин офис в этой области. Во всех докладах комитета по Ближнему Востоку можно отметить настоятельные рекомендации членов комитета требовать от правительств ближневосточных государств соблюдения прав человека и даже поставить помощь и развитие сотрудничества с Великобританией в зависимость от ситуации с правами человека в этих государствах.

Сравнивая составы комитета по иностранным делам 2010 и 2015 гг., можно отметить следующие характерные особенности. В 2010 г. назначения в комитет получили, в основном, белые мужчины солидного возраста, многие из которых не планировали баллотироваться на следующих выборах. Для семи депутатов это был последний срок работы в парламенте, что свидетельствовало, с одной стороны, об их опыте и профессионализме, а с другой, о достаточной консервативности взглядов. Таким образом, состав комитета был достаточно однородным и вполне соответствовал старому названию Британского парламента – «old boys' club». Женщины-парламентарии, работавшие в комитете, являлись исключительно членами лейбористской партии – это Энн Клвид, член комитета в течение всего пятилетнего парламентского срока, Сандра Осборн, проработавшая в комитете с 2013 по 2015 г., и Эмма Рейнольдс, покинувшая комитет в ноябре 2010 г. в

связи с назначением на должность в теновом кабинете. Регионы Великобритании были представлены депутатами либерально-демократической и лейбористской партий: Мензис Кэмпбелл, Фрэнк Рой, Сандра Осборн были избраны от округов Шотландии, а Энн Клвид – в Уэльсе. (Подробнее о составе комитета 2010–2015 гг. см. [10].)

Состав комитета по иностранным делам, сформированного в 2015 г., отличался несколько большим разнообразием. Кресла в комитете получили две женщины – продолжившая работу в комитете Энн Клвид и одна из первых мусульманок в Палате общин Ясмин Куреши, причем обе были избраны от лейбористской партии. Что касается расовых и этнических меньшинств, то в комитете 2015 г. работали четыре представителя этой группы: консерватор Марк Хендрик (с сомалийскими корнями), консерватор Надим Захави (курд), консерватор Дэниел Кочински (поляк), лейборист Ясмин Куреши (с пакистанскими корнями). Таким образом, этническое и расовое представительство главным образом было расширено за счет членов консервативной партии, тогда как гендерное разнообразие обеспечивалось благодаря партии лейбористов. Говоря о возрасте депутатов, необходимо отметить, что количество депутатов моложе 50 лет значительно возросло – с 27 % в комитете 2010 г. до 35 % в комитете 2015 г. В то время как число депутатов старше 60 лет сократилось – с 27 % в 2010 г. до 21% в 2015 г. Количество депутатов возрастной группы от 50 до 60 лет осталось практически без изменений: 46 % в 2010 г. и 44 % в 2015 г. Интересно и то, что среди членов комитета были депутаты, открыто заявившие о своей нетрадиционной сексуальной ориентации, что вполне отражало тенденции не только в британском обществе, но и в парламентской элите [11]. Отметим также, что ни один из членов комитета не завершил свою парламентскую карьеру в 2017 г., все депутаты были избраны в парламент следующего созыва.

Одной из особенностей комитета по иностранным делам являлась низкая ротация его членов. Так, с 2010 по 2015 г. лишь четыре депутата покинули свои места в комитете, причем главным образом это были депутаты от партии лейбористов. Комитет покинул только один консерватор, Рори Стюарт, когда он был избран на пост председателя парламентского комитета по обороне. На наш взгляд, длительная работа в комитете, несомненно, способствовала приращению навыков депутатов и росту их профессионализма в области внешней политики.

Характерным для комитета было и то, что работавшие в его составе депутаты редко назначались на министерские посты. Исключения составляют консерваторы Рори Стюарт и Надим Захави, довольно молодые и амбициозные парламентарии, впоследствии получившие министерские портфели, а также депутаты от партии лейбористов Эмма Рейнольдс и Ясмин Куреши, назначенные на посты в теновом кабинете. Для остальных депутатов работа в престижном комитете по иностранным делам или являлась заключительным этапом в парламентской карьере, или служила альтернативой работе на министерских постах, так как давала возможность активно влиять на политику правительства.

Таким образом, анализ состава комитета по иностранным делам с использованием просопографического метода позволяет объяснить ключевые особенности работы комитета, определить различия в подходе партий к избранию членов комитета, а также отметить то влияние, которое опыт депутатов и их позиция оказывали на деятельность комитета.

Список источников

1. Дмитриева О. В. Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. М. : Квадрига, 2021. 1112 с.

2. Neale J. E. The Biographical Approach to History // *History*. 1951. № 36 (128). P. 193–203. URL: <http://www.jstor.org/stable/24402398>.
3. Talmon J. L. The Ordeal of Sir Lewis Namier: The Man, the Historian, the Jew // *Culture & Civilization*. March 1962. URL: <https://www.commentary.org/articles/j-talmon/the-ordeal-of-sir-lewis-namier-the-man-the-historian-the-jew>.
4. Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // *Историческая информатика*. 2022. № 1. С. 1–51. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37566. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37566.
5. Smith E. A. Sir Lewis Namier and British Eighteenth Century History // *Parliamentary Affairs*. May 1964. V. XVII. № 4. P. 465–469. DOI: 10.1093/oxfordjournals.pa.a053941.
6. Cannadine D. The History of Parliament: Past, Present – and Future? // *Parliamentary History*. 2007. № 26. Pp. 366–386.
7. About the History of Parliament // *The History of Parliament*. URL: <https://www.historyofparliamentonline.org/about>
8. The History of Parliament oral history project // *The British Library*. URL: <https://www.bl.uk/collections/the-history-of-parliament-oral-history-project?searchTerm=The+History+of+Parliament+oral+history+project&firstCall=true&page=4&sort=recentlyadded&view=gridview&collection=true>
9. Johnston J. Top Tories face questions over links to secretive foreign affairs group // *Politics Home*. 22 July 2019. URL: <https://www.politicshome.com/news/article/excl-top-tories-face-questions-over-links-to-secretive-foreign-affairs-group>
10. Корнилов А. А., Лобанова Н. С. Дебаты в комитете по иностранным делам британского парламента по вопросам ближневосточной политики (2010–2015 гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2020. № 2. С. 34–42.
11. Shariatmadari D. The quiet revolution: why Britain has more gay MPs than anywhere else // *The Guardian*. 13 May 2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/may/13/quiet-revolution-britain-more-gay-mps-than-anywhere-else-lgbt>.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ КОМНАТНЫХ РАСТЕНИЙ МЕМОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА М. А. ШОЛОХОВА

Аннотация. В статье приведены результаты инвентаризации комнатных растений мемориальных объектов Музея-заповедника М. А. Шолохова в станице Вешенской. В результате проведенного исследования установлено, что экспозиции домов, в которых в разное время жил писатель, украшали 29 видов и 42 экземпляра комнатных растений.

Ключевые слова: комнатные растения, инвентаризация, мемориальные объекты

Abstract. The article presents the results of the inventory of indoor plants of the memorial objects of the M.A. Sholokhov Museum-Reserve in the village of Veshenskaya. As a result of the study, it was found that the expositions of the houses in which the writer lived at different times were decorated with 29 species and 42 specimens of indoor plants.

Keywords: indoor plants, inventory, memorial objects

Древесные и травянистые растения, произрастающие на территории музеев-заповедников, мемориальных парков, усадеб писателей, достаточно хорошо изучены; опубликовано большое количество результатов научных исследований, тогда как комнатные растения, используемые в оформлении интерьеров жилых помещений известных людей, практически не изучены и не учтены.

Вместе с тем растения выполняют определенную эстетическую роль в интерьере, а также несут психологическую, эмоциональную, а порой и смысловую нагрузку наряду с другими элементами оформления жилого пространства. Украшение жилых помещений с помощью живых растений получило широкое распространение в эпоху романтизма, в последующие периоды этот прием продолжил свое развитие. Подлинных примеров зеленого убранства не сохранилось, но существуют их изображения в живописи и графике, а также описания в документах и художественной литературе, которые были использованы для воссоздания картины прошлого.

Особую популярность живые растения в интерьерах российских домов приобрели в первой половине XIX в. Представления о комфорте и уюте, сформировавшиеся в ту эпоху, обязательно включали комнатные растения и композиции из них [1].

Не менее популярным было оформление интерьеров жилых помещений различными растениями и в XX в., что подтверждается литературными источниками, а также фотоматериалами, на которых были запечатлены комнатные цветы.

Например, по данным С. Т. Махлиной, в гостиной усадьбы, где прошло детство Виссариона Григорьевича Белинского, которая находилась в небольшом уездном городке Чембаре Пензенской губернии, располагался небольшой книжный шкаф из ка-

рельской березы у двери, овальный столик у окна, кресла, овальный преддиванный стол, диван, в углу – кадка с растением. В детской – кресла, стулья, шифоньер, ломберный стол перед диваном, комнатные растения в кадке и на окнах, стены украшали портреты и пейзажи [2].

Всемирно известный писатель, лауреат Нобелевской премии Михаил Александрович Шолохов и его жена Мария Петровна очень любили природу, растения и животных. Из поездок писатель привозил в свою усадьбу в станице Вешенской не только большое количество садовых растений, но и комнатные, в том числе достаточно экзотические, что придавало дому особую атмосферу и уют.

Экспозиции домов, в которых в разное время жил великий писатель, украшают комнатные цветы, оригинальные, или аналогичные тем, которые росли здесь при его жизни.

В рамках настоящего исследования выполнены работы по инвентаризации комнатных растений мемориальных объектов, входящих в состав Музея-заповедника М. А. Шолохова, по изучению документальных подтверждений и фотоматериалов с целью воссоздания ассортимента цветов и исторического облика домовладений, который можно было наблюдать при жизни писателя.

В результате инвентаризации комнатных растений установлено, что на территории мемориальных объектов Музея-заповедника М. А. Шолохова в разное время при жизни писателя произрастали 29 видов и 42 экземпляра комнатных растений (в настоящее время – 9 видов и 45 экземпляров) (табл. 1).

Таблица 1

**Результаты инвентаризации комнатных растений
мемориальных объектов Музея-заповедника М. А. Шолохова**

№	Вид (семейство) растения	Количество, шт.		Документальные подтверждения	Наличие клонов	Наличие в теплице	Необходимость включения в резерв Музея-заповедника
		При жизни М.А. Шолохова	В настоящее время				
Усадьба М. А. Шолохова (ст. Вешенская)							
1	<i>Abutilon hybridum</i> – Абутилон гибридный (Клен комнатный)*	1	1	фото	3	3	–
2	<i>Arecaceae</i> – Арековые (Пальма)	1	–	фото	–	1	–
3	<i>Asparagus sp.</i> – Аспарагус (Спаржа)	1	1	фото	–	–	+
4	<i>Begonia sp.</i> – Бегония	1	–	фото	–	2	–
5	<i>Chlorophytum sp.</i> – Хлорофитум	1	–	фото	–	5	–
6	<i>Clerodendrum Thomsoniae</i> – Клеродендрум Томпсона	1	–	фото	–	1	–
7	<i>Diffenbachia sp.</i> – Диффенбахия	1	–	фото	–	1	–
8	<i>Echinopsis sp.</i> – Эхинопсис	1	–	нет	–	5	–
9	<i>Eucharis sp.</i> – Эухарис (Амазонская лилия)	1	3	фото	3	3	–
10	<i>Ficus elastica</i> – Фикус каучуконосный	2	–	фото	–	3	–
11	<i>Gloxinia sp.</i> – Глоксиния	1	–	фото	–	–	+
12	<i>Hibiscus rosa-sinensis</i> – Гибискус китай-	1	1	фото	2	5	–

№	Вид (семейство) растения	Количество, шт.		Документальные подтверждения	Наличие клонов	Наличие в теплице	Необходимость включения в резерв Музея-заповедника
		При жизни М.А. Шолохова	В настоящее время				
	ский (Китайская роза)*						
13	<i>Hibiscus rosa-sinensis</i> – Гибискус китайский пестролистная форма	1	1	фото	2	1	–
14	<i>Hoia carnosa</i> – Хойя мясистая (Восковой плющ)*	1	1	фото	–	–	+
15	<i>Hippeastrum sp.</i> – Гиппеаструм	1	–	нет	–	1	–
16	<i>Jasminum sambac</i> – Жасмин Самбак*	2	2	фото	3	3	–
17	<i>Monstera sp.</i> – Монстера	1	–	фото	–	1	–
18	<i>Nephrolepis sp.</i> – Нефролепис	1	–	фото	–	4	–
19	<i>Opuntia sp.</i> – Опуния	1	–	нет	–	10	–
20	<i>Passiflora sp.</i> – Пассифлора	1	–	нет	–	–	+
21	<i>Pelargonium sp.</i> – Пеларгония гибридная (Герань)	2	–	фото	–	12	–
22	<i>Philodendron sp.</i> – Филодендрон	1	–	фото	–	–	+
23	<i>Primula sp.</i> – Примула	1	–	нет	–	3	–
24	<i>Saintpaulia sp.</i> – Сенполия (Узамбарская фиалка)	4	12	фото	24	24	–
25	<i>Sansevieria trifasciata</i> – Сансевиерия трехполосная	2	–	фото	–	2	–
26	<i>Schisandra chinensis</i> – Лимонник китайский	1	–	нет	–	–	+
27	<i>Schlumbergera epiphyllodes</i> – Шлюмбергера притупленная (Декабрист)	1	1	нет	2	2	–
28	<i>Spathiphyllum sp.</i> – Спатифиллум	2	–	фото	–	4	–
29	<i>Syngonium podophyllum</i> – Сингониум подофиллум	1	–	фото	–	–	+
Старый дом М. А. Шолохова (ст. Вешенская, ул. Шолохова, 103)							
1	<i>Abutilon hybridum</i> – Абутилон гибридный	–	1	нет	–	3	–
2	<i>Clerodendrum Thomsoniae</i> – Клеродендрум Томпсона	1	2	нет	–	10	–
3	<i>Hibiscus rosa-sinensis</i> – Гибискус китайский	–	2	нет	–	4	–
4	<i>Ficus elastica</i> – Фигус каучуконосный	2	1	фото	–	5	–
5	<i>Pelargonium sp.</i> – Пеларгония	–	1	нет	–	5	–
Родительская усадьба М. А. Шолохова (х. Кружилинский)							
1	<i>Pelargonium sp.</i> – Пеларгония	2	10	фото	–	5	–
Дом Шолоховых (ст. Каргинская)							
1	<i>Pelargonium sp.</i> – Пеларгония	–	5	нет	–	10	–

Примечание: * – мемориальные растения, сохранившиеся со времени жизни писателя.

В старом доме Михаила Александровича, по адресу: ст. Вешенская, ул. Шолохова, 104, при жизни писателя росли два вида комнатных растений: фикус каучуконосный

и клеродендрум Томпсона. И сегодня посетители музея-заповедника могут наблюдать данные виды на подоконниках дома.

Дом, в котором родился Михаил Александрович в хуторе Кружилинском, и мемориальный дом Шолоховых в станице Каргинской, как и в былые времена, украшают экземпляры пеларгонии – традиционного для казачьих семей комнатного растения.

По результатам исследования можно сделать вывод, что наиболее разнообразным видовым составом и количеством комнатных растений отличался жилой дом в Усадьбе Михаила Александровича, расположенный на улице Шолохова в станице Вешенской. Большое количество растений было в гостиной, благодаря чему она приобрела вид зимнего сада с такими экзотическими для донской станицы растениями, как абутилон гибридный, жасмин Самбак, пальма, гиппеаструм, глоссиния.

В настоящее время в усадьбе сохранились пять экземпляров четырех видов комнатных цветов, которые росли здесь еще при жизни писателя (абутилон гибридный, гибискус, жасмин Самбак, хойя мясистая).

В результате обследования комнатных растений, украшающих объекты музея-заповедника, установлено, что все они находятся в хорошем состоянии, однако с целью сохранения мемориальных растений необходимо осуществлять работы по уходу (своевременный полив, подкормка, рыхление грунта, обработка от болезней и вредителей).

Для того чтобы передать ту теплую атмосферу «шолоховских» домов, которую отмечали все гости писателя и его семьи, в теплице Музея-заповедника М. А. Шолохова в настоящее время выращиваются комнатные растения 22 видов, в том числе клоны семи видов, которые являлись украшением дома Шолохова и нынче используются взамен «выпадающих» в силу возраста и ввиду гибели материнских растений, произраставших при жизни писателя и членов его семьи. Можно рекомендовать пополнить резерв музея-заповедника еще семью видами, которые росли на объектах при жизни писателя и в настоящее время утрачены.

Список источников

1. Веселова С. С. Роль живых растений и растительных композиций в убранстве русского жилого интерьера XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2011. № 3. С. 129–143.

2. Махлина С. Т. Интерьер русской усадьбы // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2006. Т. 171. С. 180–187.

РАЗДЕЛ 2

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИСТОРИИ

УДК 929:328:321

А. В. Чеботарева

*Донецкий государственный университет
Донецк, Россия*

ЭММАНУИЛ КВИРИНГ: СТРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Аннотация. В статье освещается политическая биография Э. И. Квирина – одного из выдающихся общественно-политических деятелей раннего периода советской эпохи. Показано, как политические события начала XX в. отразились на его деятельности.

Ключевые слова: *Квиринг, советский период, большевики, КП(б)У, партийно-государственный деятель*

Abstract. The article highlights the political biography of E.I. Kviring, one of the outstanding public and political figures of the early period of the Soviet era. It is shown how the political events of the early twentieth century affected his activities.

Keywords: *Kviring, Soviet period, bolsheviks, KP(b)U, a party-statesman*

Нет истории без людей. Отсутствие действующих лиц в изложении истории наносит непоправимый ущерб историческому сознанию народа. История и личность. В какой взаимосвязи они находятся между собой? На этот вопрос исследователи отвечают по-разному. Одни отводят личности пассивную роль в исторических событиях, другие, напротив, все сводят к действиям личности, которая по своему усмотрению может изменять направления истории.

Актуальной задачей современной исторической науки остается всестороннее изучение персоналий выдающихся общественно-политических деятелей раннего периода советской эпохи, деятельность которых была неразрывно связана со становлением и развитием политической и социально-экономической жизни новой страны. Эти люди были не свидетелями, не наблюдателями бурных событий, а наоборот, они принимали в них непосредственное и активное участие, без понимания которого невозможно выяснить весь спектр исторического процесса. К их числу можно отнести выдающегося политического и государственного деятеля, одного из организаторов Компартии СССР – Эммануила Ионовича Квирина.

В современной историографии так и не создан целостный политический портрет этого выдающегося политического деятеля. Поэтому задачей данной статьи стало воспроизведение основных вех политической биографии Э. Квиринга на фоне общественно-политических процессов в УССР в первой половине 1920-х гг.

Э. И. Квиринг принадлежал к когорте большевиков, прошедших закалку нелегальной работой, подпольем, конспирацией, арестами, тюрьмами и ссылками в имперской России. Родился Эммануил Ионович 1 (13) сентября 1888 г. в селе Фризенталь Самарской губернии, в семье немца-колонииста, волостного писаря. После окончания четырехлетней земской школы Э. Квиринг учился в Саратове в частной гимназии, но закончить ее не смог. В своей автобиографии по этому поводу Эммануил Ионович писал: «В город учиться меня отправили, когда мне было 11 лет. В 15 лет моя учеба закончилась. 5 классов – дальше отец не мог тянуть, и я в ожидании работы в городе поехал домой в село. Там и захватила меня революция 1905 г.» [1, с. 438].

Формирование характера и мировоззрения Э. Квиринга совпадает во времени с первой русской революцией 1905–1907 гг. Именно тогда, работая учеником в одной из саратовских аптек и одновременно участвуя в работе нелегальных кружков, Эммануил впервые знакомится с марксистской литературой, начинает выполнять поручения местной социал-демократической организации.

К изучению политической литературы Э. Квиринга в его родном селе привлек местный земский врач. Особое восхищение вызвали статьи и речи Лассалья. В конце 1906 г. Эммануил Ионович уже считал себя социалистом и вскоре стал одним из организаторов профессионального союза аптекарских работников. В 1907 г. Квиринг участвовал в стихийных уличных выступлениях рабочих города, в документах жандармского управления значился как «неблагонадежное лицо» [2, с. 304].

В последующие годы он работал в городах Покровском (ныне Энгельск) и Астрахани, отдавал много времени самообразованию, особенно изучению революционной литературы.

Сознательное влечение к общественно-политическим знаниям, стремление быть в гуще революционных событий звали юношу к мощным центрам пролетарского движения. Именно поэтому в 1912 г. он переезжает в Петербург, где посещает лекции коммерческо-экономического отделения политехнических курсов Петербургского общества профессоров. В декабре 1912 г. Э. Квиринг был принят в ряды РСДРП [3, с. 7].

Активная деятельность в петербургской организации РСДРП выдвигает Квиринга в ряды активистов легальных рабочих организаций. Осенью 1913 г. петербургский комитет РСДРП рекомендует его на должность секретаря большевистской фракции IV Государственной Думы. Это время становится также началом работы Эммануила Ионовича в прессе. В 1912–1914 гг. на постоянной основе работал в газете «Правда». Его мировоззрение все больше наполнялось марксистским учением, убеждение в его правоте крепло, как и желание посвятить себя революционной деятельности. «Как большевик, я принадлежу к поколению «правдивых», воспитанных не только на борьбе с царизмом и капитализмом, но и на борьбе с ликвидаторско-меньшевистским буржуазным влиянием на пролетариат. Я считаю, что это помогло и мне и большинству «правдивых» остаться не преклонными большевиками и в тяжелые времена империалистской войны и предательства громадного большинства социал-демократов, и в годы тяжелого строительства советского государства», – писал в автобиографии Э. И. Квиринг [1, с. 439].

После того как был арестован и отсидел несколько месяцев в тюрьме «Кресты», Э. И. Квиринг выехал в Екатеринослав, где вскоре снова был заключен в тюрьму и сослан в Сибирь. Вспоминая эти события, Э. Квиринг писал: «Высылка из Питера в 1914 г. забросила меня в Екатеринослав, и, таким образом, я стал украинцем,

и по возвращении в 1917 г. из Иркутской ссылки я работаю снова в Екатеринославе и все время с 1917 года на Украине» [4, с. 179].

«Нельзя сказать, – вспоминал Э. И. Квириг позже, – чтобы Екатеринослав был моей родиной, но отсюда меня выслали, здесь проходила моя последняя работа на Брянском заводе, и я считал за необходимость ехать именно сюда». В Екатеринославе Э. Квириг был введен в состав комитета большевистской организации [3, с. 25].

13–15 июля 1917 г. в Екатеринославе состоялась областная конференция большевиков, на которой была образована партийная организация Донецко-Криворожского бассейна, а также избран областной комитет РСДРП(б) во главе с Ф. А. Сергеевым (Артемом). От большевиков Екатеринослава в комитет вошел Э. И. Квириг. В середине августа Эммануила Ионовича избирают председателем Екатеринославского городского партийного комитета.

В конце 1917 г. Э. Квириг возглавляет Екатеринославский Совет рабочих и солдатских депутатов, по призыву которого революционные отряды устанавливают в городе Советскую власть. На Квирига легла основная ответственность за нормализацию жизни в городе. В это время был создан экономический совет для организации производства и распределения, введен рабочий контроль, страхование от безработицы, разрабатывалось планирование по реорганизации продовольственного дела, улучшению жилищных условий трудящихся и т. д. Однако воплотить все замыслы в жизнь не удалось, уже весной 1918 г. началась оккупация Украины немецко-австрийскими войсками.

19–20 апреля 1918 г. в Таганроге, куда эвакуировались правительство Украины и часть партийных работников, проходило совещание, которое должно было разработать меры для объединения большевистских организаций Украины в единую партию – неотъемлемую часть РКП(б). На совещании были внесены два проекта резолюции: один из которых подготовлен Э. Квиригом, отражавший взгляды В. И. Ленина о создании КП(б)У как составной части РКП(б).

1–12 июля 1918 г. в Москве состоялся I съезд КП(б)У с целью институализации объединения партийных организаций Украины. Выступая на съезде, Эммануил Ионович резко осудил идею образования в Украине отдельной от РКП(б) Коммунистической партии. Объединяя большевистские организации Украины, говорит он, следует помнить, «что мы тесно связаны с Российской Коммунистической партией, что мы самостоятельны в вопросах местных, что для руководства местной работой мы можем иметь свой Центральный комитет, но в вопросах общепартийных, в вопросах программы мы – только часть Российской Коммунистической партии». После острых дебатов состоялось голосование. За резолюцию Э. Квирига о создании Компартии Украины как составной, неотъемлемой части РКП(б) проголосовали 33 делегата, против – 5 чел., воздержались – 16 чел. [5, с. 129]

В октябре 1918 г. на II съезде КП(б)У Э. Квирига избирают на должность секретаря ЦК КП(б)У, которую он занимал по март 1919 г. На организационном заседании ЦК 6 марта 1919 г. он избран в состав Политбюро ЦК КП(б)У (до 1920 г.). В чрезвычайно сложных условиях, совместно с другими руководителями компартии и правительства Украины Э. И. Квириг много сделал для укрепления советской власти в Украине. Будучи секретарем ЦК КП(б)У, занял в правительстве должность председателя Совнархоза. В это время ему удалось принять эффективные меры по созданию совнархозов, национализации промышленности и транспорта, координации хозяйственной политики УССР с политикой РСФСР.

После освобождения Украины от денikinцев в 1920 г. Э. И. Квириг отдал много усилий возрождению Екатеринославщины. В течение года он занимал здесь разные должности: возглавлял губернский Совет народного хозяйства, был заместителем пред-

седателя губревкома, председателем Ревкома, губернского и городского исполкомов Советов, секретарем губкома КП(б)У.

В марте 1920 г. Э. Квириг принимает активное участие в работе IV конференции КП(б)У, на которой проходило обсуждение вопроса о деятельности Наркомпрода. Э. И. Квириг впервые официально в партии предложил проект резолюции об отмене продразверстки. Однако его не поддержал ни один делегат, и Эммануил Ионович вынужден был снять этот проект с голосования [6]. Как известно, в 1921 г. X съезд РКП(б) принял решение о замене продразверстки продналогом.

В ноябре 1920 г. ЦК РКП(б) отозвал Э. И. Квирига из Екатеринослава и включил его в состав российско-украинской делегации по заключению мирного договора с Польшей. В марте 1921 г. как член совместной российско-украинской делегации подписывает в Риге соглашение.

По возвращении он попросил центр направить его на работу в Донбасс, на один из самых ответственных и сложных участков социалистических преобразований. Промышленному возрождению и развитию этой фактически единственной в то время угольно-металлургической базы страны уделялось огромное значение. В одном из писем Эммануил Ионович отмечал: «...я хочу на хозяйственную работу и при этом именно в первичную клетку, чтобы снизу вверх просмотреть хозяйственную машину. Надо найти мельчайшие винтики распада – только таким образом можно завинтить расшатавшиеся» [7].

30 марта 1921 г. Э. И. Квириг был избран секретарем Донецкого губкома КП(б)У [8, с. 197]. Донецкая партийная организация была в то время крупнейшей в Украине (16,5 тыс. человек) [9, с. 4].

В исключительно тяжелых условиях голода и разрухи Донецкому губкому КП(б)У под руководством Э. Квирига удалось значительно улучшить положение и обеспечить условия для дальнейшего подъема промышленности. В поле зрения Квирига неизменно находились и вопросы пропагандистской работы, улучшения материального и бытового положения трудящихся, перспективы развития региона в целом.

В конце 1922 г. Э. И. Квириг принимал активное участие в работе IV Донецкого губернского съезда Советов, III сессии ВУЦИК, VII Всеукраинского съезда Советов и I Всесоюзного съезда Советов, рассматривавших вопрос о создании СССР. Как депутат он выступал с вопросами, докладами, вносил предложения по объединению советских республик в единое социалистическое государство. Он был избран членом ЦИК СССР.

В апреле 1923 г. после VII Всеукраинской партконференции, на организационном пленуме ЦК КП(б)У его избирают первым секретарем ЦК КП(б)У. Именно на должности первого (впоследствии Генерального) секретаря ЦК КП(б)У наиболее ярко проявились организаторские способности, талант и творческий характер в деятельности Э. И. Квирига, как партийного и государственного руководителя высшего звена. Проводя целенаправленную работу по укреплению партийной организации республики. Квириг всегда проявлял рациональность и взвешенность подходов в конкретных партийных делах. Это касалось как пополнения партии, так и проведения курса центра на «коренизацию», опору на местные национальные кадры.

В начале апреля 1925 г. в газетах появилось сообщение, что 7 апреля Пленум ЦК КП(б)У снял Э. Квирига с должности Генерального секретаря ЦК КП(б)У в связи с его просьбой [10]. Эммануил Ионович работал в Украине почти девять лет. Неоспоримы его заслуги в деле организации трудящихся на борьбу за установление советской власти, создании КП(б)У.

С мая 1925 г. и до ареста в 1937 г. Э. Квиринг занимал разные государственные должности в Москве. Жизнь Э. И. Квиринга трагически оборвалась 25 ноября 1937 г. Реабилитирован в 1956 г. [3, с. 129]

Эммануилу Ионовичу Квирингу принадлежит заметное место в советской истории. Формируясь как партийный, государственный, хозяйственный руководитель в период зарождения административно-командной системы управления, Квиринг постепенно усваивал ее законы, что, естественно, отражалось и на методах его работы. Он был ярким, талантливым человеком, поднятой революцией из глубины народных масс, закаленным деятелем своей эпохи. Дальнейшее заполнение пробелов в его жизнеописании, создание целостного и детального политического портрета могло бы способствовать углублению человеческого измерения в нашем понимании сложных вопросов государственного строительства в 1920–1930-е гг.

Список источников

1. Деятели СССР и революционного движения России : энциклопедический словарь Гранат / под ред. Ю. Ю. Фигатнера. М. : Советская энциклопедия, 1989. 840 с.
2. Диброва С. С. Товарищ Квиринг // О прошлом ради будущего. Киев : Институт истории партии при ЦУ КП(б)У, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1989. 408 с.
3. Бачинский П. П. Эммануил Ионович Квиринг. М. : Политиздат, 1968. 135 с.
4. Фролов М. А. Компартийно-советская элита в Украине: особенности существования и функционирования в 1923–1928 гг. Запорожье : Премьер, 2004. 800 с.
5. Квиринг Э. И. Избранные речи и статьи / под ред. С. С. Диброва. Киев : Политиздат Украины, 1988. 486 с.
6. Коммунист. 1920. 24 марта.
7. Джапаков А. Как исчезали имена // Проталина. 2018. № 1–4 (35–38) URL: https://protalina.com/files/pr1-4_2018.pdf.
8. Очерки истории Донецкой областной партийной организации / под ред. Г. П. Ерхова. Донецк : Донбасс, 1978. 502 с.
9. Известия ЦК КП(б)У. 1922. № 4.
10. Правда. 1925. 9 апреля.

Д. В. Карпухина

Государственный архив Красноярского края
Красноярск, Россия

ПЕРВАЯ НА ПРОКУРОРСКОЙ ДОЛЖНОСТИ. СУДЬБА А. Д. ТАТЬЯНИНОЙ (ШЕЛЕСТОВОЙ) ПО ДОКУМЕНТАМ КГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ»

Аннотация. В статье рассматривается судьба советской женщины в 20–30-е гг. XX в. на примере Татьяниной (Шелестовой) Анны Дмитриевны.

Ключевые слова: женщина, прокурор, прокуратура Красноярского края, Татьяна (Шелестова)

Abstract. The article examines the fate of a Soviet woman in the 20-30s of the XX century on the example of Tatiana (Shelestova) Anna Dmitrievna.

Keywords: woman, prosecutor, prosecutor's office of the Krasnoyarsk Territory, Tatiana (Shelestova)

При ознакомлении с архивными документами приходит явственное понимание огромного бремени испытаний, выпавших на долю жителей нашей страны в 20–30-е гг. XX в. Личные дела людей того времени, их автобиографии, позволяют нам более полно представить себе довоенную повседневность... Возможно, особо трудно пришлось женщинам в этот период. В каких условиях им приходилось бороться за свое существование? Какие шансы были у большинства из них не просто выжить, а подняться по социальной лестнице? Показательной можно считать личную историю Анны Дмитриевны Татьяниной (Шелестовой) – первой женщины на прокурорской должности в Красноярском крае.

Анна родилась в 1900 г. в Красноярске. Отец ее в 16 лет добровольно пришел в Сибирь на поселение со своей матерью, сосланной из Тамбовской губернии после того, как в их деревне был убит урядник. Дедушка Анны умер в пути, а бабушка с четырьмя сыновьями и дочерью прибыли в Сибирь и поселились в деревне Сютик Ачинского уезда Енисейской губернии. Отец подался в работники. Чуть позже он женился на крестьянке-сибирячке и вскоре был взят на военную службу. Мать Анны, оставшись с малым ребенком на руках, отправилась в Ачинск искать поденную работу. Демобилизовавшись, отец решил в деревню не возвращаться, а поселиться в Ачинске. Позже Татьянины переехали семьей жить в Красноярск, где отец устроился работать плотником. В 1900 г. он снова был мобилизован и отправлен в Китай – на подавление «боксерского восстания». Военная кампания завершилась быстро. Вернувшийся из Маньчжурии отец семейства поступил в железнодорожные мастерские, где и проработал непрерывно до сентября 1919 г., то есть до самой своей смерти от туберкулеза.

Семья Татьяниных жила в бедности. Из 13 детей выжили восемь – три мальчика и пять девочек. Зимой учились, а летом работали на пригородных огородах и заимках. Сначала жили в бараках Николаевки, а после, в 1904 г., переехали в Алексеевку.

Страшным детским воспоминанием у Анны остались события Первой русской революции, когда с горы казаки обстреливали железнодорожные мастерские, а пули летели в поселок. В 1906 г. отец получил из Читы письмо от брата, осуждённого на 25 лет за убийство губернатора. Судьба дядьки сложилась незавидно – просидев девять лет в тюрьме, остаток срока он отбывал в Якутской области, где в 1914 г. сошел с ума и через два года умер [1, л. 2об].

Как ни трудно жилось родителям – они делали всё для обучения детей. Анна начала учиться с 10 лет. В 1915 г. она окончила 2-классное железнодорожную школу и осенью смогла выдержать экзамен в 5-й класс гимназии. Но учиться так и не пришлось, так как надо было вносить плату за обучение, а отец не имел достаточных средств. Лишь перед Рождеством ей удалось поступить в учительскую школу на 2-й курс педагогических курсов.

После смерти отца семья осталась без средств к существованию.

Анна устроилась в 1919 г. в цеховую контору железнодорожных мастерских конторщицей, имея на иждивении мать, сестёр и двух братьев. Старший брат находился на военной службе. В 1920 г. учпрофсоюз откомандировал Анну учиться в Красноярский институт народного образования (ИНО) на второй курс. Учиться было трудно, ведь приходилось трудиться весь день в конторе, а после идти на учебу.

Весной 1922 г. Анна окончила институт и получила специальность преподавателя школы I ступени. Придя в школу, она столкнулась с учителями старой закваски, против которых молодым учителям с новыми взглядами было трудно. Не согласившись работать в школе в военном городке, Анна оформилась статистиком в Стражкассу (касса социального страхования), где и трудилась до июня 1923 г.

С 1922 г. Анна энергично включается в общественную жизнь: сначала профполномоченным, после – делегаткой женотдела, членом месткома, а дальше – членом правления губернского отдела Союза советских служащих и одновременно организатором по работе среди женщин – членом профсоюза.

На вопрос анкеты: «Если имеете желание учиться, то чему именно (грамоте, наукам, искусствам, ремеслам – каким именно)» Анна ответила: желала бы получить специальную юридическую подготовку [2, л. 25].

В 1923 г. Анна Дмитриевна выходит замуж за Кузьму Филипповича Шелестова, которого в августе 1923 г. губком командировал в Петроградский коммунистический университет имени Зиновьева. Анна поехала с ним и устроилась на работу в Володарской бирже труда старшим регистратором. Уже в 1924 г. в семье Шелестовых происходит разлад, и в июле Анна Дмитриевна возвращается одна в Красноярск, где становится членом правления клуба «Красный Октябрь» и членом горсовета. В октябре 1924 г. первым горрайкомом ВКП(б) в г. Красноярске Анна Шелестова была принята кандидатом, а в феврале 1927 г. – и в члены партии (партстаж с 1927 г., партбилет №0532047). В 1925 г. Анна поступила в Политшколу, которую окончила в 1926 г.

В семье же Татьянинных всё сложилось довольно неплохо. Братья Анны стали: один – лектором школы политграмоты и кандидатом в члены партии, другой – учеником фабзавуча и комсомольцем, а самый младший – учеником железнодорожной школы и пионером. Одна из сестер Анны служила в Стражкассе, другая – комсомолка – училась в Иркутском университете.

В июне 1925 г. Анна Дмитриевна поступила на работу секретарем-инструктором в Енгубком ВКП(б) в отдел работниц.

В октябре 1925 г. произошло событие, определившее ее будущую жизнь: Анна Шелестова была выдвинута на должность помощника прокурора Красноярского округа, в которой и проработала до августа 1930 г.

В июле 1926 г. в Красноярск к Анне после окончания учебы в Ленинграде вернулся муж – Шелестов. Анна не поняла тогда, чем это может обернуться: «Он говорил мне, что в характеристике от Комвуза у него записано, что он поддерживал взгляды Зиновьева. Что он считает, что Зиновьев не прав, и не прав Шелестов, что поддержал взгляды его. Я тогда и позже этому значения не придавала».

Шелестов стал работать заведующим учетного отдела окружкома ВКП(б), позже – председателем райисполкома. Анна после ликвидации округов, в августе 1930 г., пошла на работу прокурором Балахтинского района.

Шелестов остался работать в Красноярске председателем горсовета и позже на съезде был избран членом ВЦИКа. В Балахте Анна проработала месяцев девять и ее вернули в Красноярск на работу прокурором города (апрель – ноябрь 1931 г.).

В 1931 г. Шелестов был направлен в Иркутск председателем краевого колхозсоюза. Анне Дмитриевне в Иркутск ехать не хотелось, и она добилась откомандирования горкомом на учебу. Крайпрокуратура не согласилась, и крайком отменил постановление горкома о направлении ее на работу в крайпрокуратуру. В ноябре 1931 г. Анна Дмитриевна переехала в Иркутск и стала работать помощником прокурора края по надзору за ГПУ. В 1932 г. Шелестова перебросили на работу председателя Иркутского горсовета. В 1933 г. по личному заявлению Шелестов был освобожден от работы, но оставлен заместителем председателя крайисполкома. В мае 1933 г. директор Балахтинского зерносовхоза покончил жизнь самоубийством. И именно в этом зерносовхозе крайком предложил Шелестову работать директором.

В августе 1933 г. Анна Дмитриевна была назначена старшим помощником прокурора Восточно-Сибирского края и проработала в этой должности до 25.12.1934. Затем, в связи с организацией Красноярского края, по просьбе бывшего в это время в Иркутске заместителя народного комиссара юстиции т. Булата, крайкомом ВКП(б) Восточно-Сибирского края она была откомандирована в Красноярск: «В Красноярск я приехала 6 января 1935 г. из Иркутска по путевке крайкома ВКП(б) Восточно-Сибирского края и 10-го приступила к работе в крайпрокуратуре помощником прокурора края» [3, л. 21].

Трудилась Анна Шелестова на совесть – взысканий партийных не имела и в 1932 г. была награждена от ГПУ «тозовкой», а от прокуратуры – браунингом (06.04.1935).

Сохранилась характеристики Анны Дмитриевны за это период:

Характеристика (1):

«Шелестова Анна Дмитриевна, член партии с 1927 г., по социальному положению служащая. Тов. Шелестова с 1925 г. является выдвиженцем женотдела. Интерес к прокурорской работе проявляет, развита достаточно, легко и быстро ориентируется по этой отрасли, политически развита, устойчива, имеет партийное чутье, все возложенные на нее обязанности выполняет аккуратно. Отнесена к группе работников районного масштаба, с зачислением в резерв выдвижения на работу по судебной карательной отрасли».

Характеристика (2):

«Шелестова. Выдвиженка от женотдела; интерес к прокурорской работе проявляет; развита достаточно; легко и быстро ориентируется; работала по наблюдению за органами следствия. В отрасли работы оказалась ознакомлена узко. Требуется руководство; с задачей прокурорской разбирается хорошо, имеет инициативу; в будущем будет хороший работник» [1, л. 8, 9].

Вернувшуюся в 1935 г. в Красноярск Анну Дмитриевну утверждают в должности старшего помощника прокурора Красноярского края, но на деле – она выполняла работу краевого прокурора. Это было трудное время – не хватало кадров, приходилось

сталкиваться с ведомственной неразберихой, заново выстраивать отношения с районными и городскими прокуратурами. В прокуратуре Красноярского края работают только трое, необходимо семнадцать. Также она сообщала в союзную прокуратуру в феврале 1935 г. о том, что прокурора края еще нет, а временно исполняющий обязанности товарищ Можай с 19 января находится на излечении, что отсутствуют директивы, приказы, распоряжения по надзору за органами НКВД. Однако, несмотря на все трудности, усилиями Анны Дмитриевны Шелестовой и других прокурорских работников к началу марта 1935 г. Красноярская краевая прокуратура превратилась в реально действующее учреждение.

В марте 1935 г. Шелестов был арестован и тут же Анна Дмитриевна как жена «зиновьевца» была исключена из партии.

Вот как она пыталась объяснить абсурдность обвинений в свой адрес: «Отвечая на вопросы товарищей, я действительно говорила, что Шелестов политически развит, что, живя с ним вместе (до начала 1933 г. – времени отъезда его из Иркутска на работу в совхоз, я эти два года жила в Иркутске и работала ст. пом. прокурора края), мне казалось, что он работает добросовестно и что я за ним ничего антипартийного не замечала» [3, л. 22].

Родная сестра Анны встала на защиту арестованного Шелестова: «Сестра моя, Анна Дмитриевна, первый раз посетила меня после того, как взяли Шелестова 9 апреля по моей болезни. И мы имели с ней крупный разговор по поводу того, что я защищаю его, как хорошего человека, и что поэтому он все же имеет право на некоторое сочувствие со стороны нас, бывших его родственников. Конечно, я человек беспартийный и для меня выше моего понимания то, что сестра моя партию считает дороже личной жизни, даже единственного ребенка. 09.04.35» [3, л. 33].

Из протокол № 36 заседания оргбюро от 9 мая 1935 г.:

«О наложении пратвзысканий – дело тов. Шелестовой Красноярский ГК.

Шелестова Анна Дмитриевна, рождения 1900 г. Член ВКП(б) с 16.02.1927, г. [...] Чистку партии 1929–1933 г. прошла без замечаний. Партвзысканий ранее не имела. Исключена из партии парторганизацией юстиции 14.03.1935 г..

Обвиняется в антипартийном поведении, неискренности и двурушничестве и в неразоблачении своего мужа – двурушника-зиновьевца, после решения оргбюро ЦК ВКП(б) о Шелестове как о контрреволюционере-зиновьевце, развалившем Балахтинский зерносовхоз, причинившем ущерб государству, встала на путь замалчивания контрреволюционных действий своего мужа, утверждая, что он целиком в своей работе отдался партии и что она не может быть ответственной перед партией за действия мужа» [3, л. 2].

Пытаясь найти справедливость, Анна Дмитриевна писала: «Я прошу отменить решение о исключении меня из партии... Я прошу оставить меня в партии, так как быть вне ее рядов для меня невыносимо» [3, л. 19].

Предъявленное обвинение в большей части не подтвердилось. Шелестова апеллирует в Оргбюро ЦК. Уже в мае 1935 г. постановили: Шелестову в партии восстановить, но объявить выговор за то, что во время проработки ее мужа-зиновьевца не встала на путь активного его разоблачения.

26.05.1935 Анна Дмитриевна была командирована из краевой прокуратуры на работу районным прокурором в Краснотуранский район, но решение было пересмотрено, и она была утверждена прокурором Большемуртинского района. В это же время Анна Дмитриевна вернула свою девичью фамилию и вновь стала Татьяниной.

И вот пришёл 1937 г. В июле 1937 г. она вторично была исключена из партии Большемуртинским РК ВКП(б) заочно за связь с Шелестовым. С работы в прокураторе Анна Дмитриевна была снята 26.09.1937 бывшим прокурором края Любошевским

(позже осужденным) в связи с исключением из партии. Постановление это партколлекцией в мае 1938 г. было отменено как необоснованное. Анна Дмитриевна была восстановлена в партии Красноярской партколлекцией без замечаний. Партвзыскание – выговор снят в ноябре 1938 г. Красноярским крайкомом ВКП(б).

После Анна Татьяна работала юрисконсультком крайбазы «Текстильсбыт», а 16.10.1939 на основании Постановления бюро Сталинского РК ВКП(б) направлена была на Красноярскую судостроительную верфь начальником спецотдела и избрана секретарем парторганизации.

В это же время она обретает семейное счастье – выходит замуж за коммуниста А. П. Тимофеева, которого в июле 1940 г. командировают на работу в г. Выборг Карело-Финской ССР. В Выборге Анна Дмитриевна работала помощником прокурора с 19.11.1940 по 21.08.1941 – день эвакуации с двумя сыновьями, 14-летним Дмитрием и 4-летним Эдуардом. Муж-политрук был рядом – на фронте, под Ленинградом.

И снова возвращение в Красноярск – на работу в прокуратуру. Анна Дмитриевна неоднократно избиралась членом Красноярского горсовета депутатов трудящихся.

«04.12.1941 г.

Характеристика на и. о. прокурора Сталинского района Татьянину Анна Дмитриевну.

...политически хорошо развита, опытный и энергичный прокурор. За время работы в должности и. о. провела большую работу в области осуществления прокурорского надзора за соблюдением социалистической законности в районе и по укреплению трудовой дисциплины на предприятиях оборонной промышленности района. В практической деятельности умеет вскрывать причину нарушения законов и ставит принципиальные вопросы в директивных органах. Хорошо знает следственную работу, умело руководит работой народных следователей и дает им полноценные методические указания. В результате чего качество следственных дел народных следователей на достаточно высоком уровне. Из 154-х дел народных следователей, законченных следствием за 8 месяцев 1942 г., возвращено к доследованию только пять дел, что составляет 3,2 %.

Достаточно энергично тов. Татьяна руководит следственной работой милиции. За июль и август месяцы 1942 г. т. Татьяна приняла участие в следствии по 43 делам, расследованным милицией, и, кроме того, сделала 58 письменных указаний по их делам.

Тов. Татьяна – энергичный, пользующийся авторитетом прокурор.

С работой прокурора Сталинского района вполне справится. Прокурор Красноярского края Гуков. 27 сентября 1942 г.» [4, л. 296об.].

Человек сильной воли и непростой судьбы, выходец из большой бедной семьи, женщина, боровшаяся за свою любовь, за свою работу, за свою партию – Анна Дмитриевна Татьяна (Шелестова) – яркий пример тектонических сдвигов в судьбе страны, общества и женщины в молодой Стране Советов. Её имя стоит знать. Хотя бы потому, что история не оставила нам ни одного имени женщины-прокурора города в Российской империи...

Список источников

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 4290.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-25. Оп. 10к. Д. 5026.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-26. Оп. 17п. Д. 2871а. Л. 21.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-26. Оп. 11к. Д. 6974.

В. В. Инкин

*Тамбовской государственной университет
имени Г. Р. Державина
Тамбов, Россия*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРИТАНСКИХ ОФИЦЕРОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье актуализирована тема влияния Первой мировой войны на британских офицеров. Посредством сравнительного изучения биографий офицеров, командовавших на разных театрах военных действий в 1914–1918 гг., можно определить тенденции, которые были присущи обществу и государственной власти в Великобритании. В статье сделана попытка рассмотреть, насколько опыт войны отразился на деятельности военных в межвоенный период.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Великобритания, пацифизм, глорификация, ветераны, офицеры*

Abstract. The article actualizes the topic of the impact of the First World War on British officers. Through a comparative study of the biographies of officers who commanded in different theaters of military operations in 1914–1918, it is possible to determine the trends that were inherent in society and state power in Great Britain. The article attempts to consider how the experience of the war left its mark on the activities of the military in the interwar period

Keywords. *World War I, Great Britain, pacifism, glorification, veterans, officers.*

Изучение биографий в современной исторической науке вызывает интерес с ростом популярности социальной истории. Данная область знаний позволяет составлять более полный портрет изучаемой эпохи. Отечественная историческая наука знает немало выдающихся учёных, написавших замечательные биографии, посвящённые различным историческим деятелям Великобритании.

Всё больше растёт интерес к теме Первой Мировой войны, а также её последствиям, во многом определившим облик и сущность многих государств. Материалистическое понимание истории утверждает, что личность является всегда лишь производной от общества, в котором она существует. Тем не менее исследователи данного подхода не игнорируют и субъективные факторы развития истории, на что как раз таки и оказывают влияние различные личности. Иногда дело даже не в особых качествах людей, будь то харизма, а в образе мышления, деятельности, которые способствуют складыванию тех или иных событий.

Объектом изучения этой статьи являются британские офицеры, принимавшие участие в Первой Мировой войне и проявлявшие в послевоенное время заметную социальную, политическую или идеологическую позиции.

Целью исследования является изучение того, какой идеологический климат формировали британские офицеры в межвоенное время.

Задачи исследования – определить ярких британских кадровых офицеров в межвоенное время на основе их активной деятельности; рассмотреть популярность

идейных позиций, которые разделяли ветераны, в общественном мнении; определить влияние деятельности британских офицеров.

Методология исследования состоит в том, чтобы на основе биографий известных ветеранов Первой Мировой войны рассмотреть интересные культурно-социальные феномены межвоенного времени в британском обществе: пацифизм, глорификация, национализм, фашизм. В рамках статьи предлагается использовать метод сравнительных жизнеописаний. Поэтому выбор пал на социальную группу ветеранов, как на носителей специфического мировоззрения, отягощённых опытом и ужасом ранее невиданной войны.

Для рассмотрения сравнить предлагается следующих британских офицеров: Эдуард Бальфин, Ян Стэндиш Монтит Гамильтон, Перси Лейк, Альфред Нокс, Уильям Робертсон, Хью Тренчард, Лайонел Чарлтон. В годы мировой войны этих людей объединяло то, они командовали британскими войсками на разных театрах военных действий. Но окончание боевых действий не повлекло для них исчезновения со страниц истории. Для одних из этих ветеранов война вообще не закончилась, и они продолжали свои прямые профессиональные задачи. Других война заставила пересмотреть мировоззренческие установки: увеличила агрессивность, пацифизм или гуманизм. Для третьих – стала ступенькой в политической карьере. Для примера мы можем рассмотреть различные особенности британского общества в межвоенный период и сравнить позиции, занимаемые ветеранами войны.

Урон от войны сильно ударил по мировоззрению британцев, что породило пацифизм, антивоенное движение. Среди британских офицеров встречается следующее: некоторые продолжали военную службу, несмотря на потрясения, другие занимали антивоенные позиции.

Например, Э. Бальфин (командующий во Фландрском сражении 1914 г.) уже после войны в 1919 г. был отправлен на подавление восстаний в Египте. Однако в 1920 г. он, используя личные предлоги, отказался от урегулирования проблем в Ирландии, вероятно, полагая, что на этом пути ожидает очередное кровопролитие [5, с. 181].

Схожий послевоенный путь наблюдается у Л. Чарлтона (генерал Королевского лётного корпуса), который в 1923 г. критиковал бессмысленные, по его мнению, бомбардировки британских ВВС по мирным деревням в Ираке для приведения к покорности.

В то же время «отец Британских ВВС» Х. Тренчард положительно рассматривал практику массированных авианалётов с последующими массированными бомбардировками. Опыт этого осваивался в подмандатной Великобритании территории – Ираке, а также в Индии и Афганистане. Предполагалось, что такой метод борьбы должен быть преобладающим в будущей войне [8, с. 59].

Люди, понимавшие сущность происходивших тогда международных процессов, прекрасно осознавали, что мирные соглашения 1918 г. и после не решили противоречий. Военные действия продолжались в различных точках континентов планеты. Именно поэтому во многом справедлив термин современных историков о «Второй Тридцатилетней войне» 1914–1945 гг. [7, с. 34]

Война или приготовления к военным действиям, идеологическая «накачка» населения постепенно приближали новую мировую бойню. На примере событий межвоенных биографий британских командующих это хорошо видно.

Тот же Х. Тренчард был известен общественности своими предупреждениями об угрозе от ближайшего соседа Великобритании – Франции, от которой следует ждать агрессии в виде авианалётов [6, с. 26]. В этом виделся намёк для военной верхушки к перевооружению (курс на ВВС, ПРО), а для населения – готовности к мобилизации.

В этом отношении можно показать, что в Великобритании депрессия первых послевоенных лет уступила глорификации войны в 1930-е гг. Так, командующие активно начинали подготовку к новой войне, ведя дискуссии о путях перевооружения. Как показали американские военные историки Аллан Миллетт и Мюррей Уильямсон, если Джордж Милн (командующий XVI британским корпусом в Салониках в 1916–1918 гг.) активно поддерживал механизацию войск, то после него Арчибальд Монтгомери-Массингберд (офицер генштаба при Британском экспедиционном корпусе во Франции в 1914–1918 гг.) чинил этому препятствия [4]. Незначительный факт о наличии подобных споров может говорить о том, что значительная прослойка военных видела перспективу надвигающейся войны, которая будет куда кровопролитней Первой мировой. Тем не менее они продолжали служить. Данный пример иллюстрирует и то, что не все ветераны войны поголовно были пацифистами и деятелями антивоенного движения. Насколько их деятельность ориентировалась на развязывание новой войны, ещё следует изучать подробнее. Но были и такие как Уильям Робертсон (командующий на Западном фронте), который выступал негативно против издержек войны в виде экономических и демографических потерь [1, с. 379–381].

Первая Мировая, по сути, не заканчивалась для офицеров, которые участвовали в интервенции в Советскую Россию. Поэтому и для обычных фронтовиков это превращалось в «семилетнюю войну» (с начала мировой войны 1914 г. до эвакуации войск интервентов в 1921 г.). Среди таких офицеров можно привести Альфреда Нокса, Хьюберта Гофа, Лионеля Дастервилля, Фредерика Пуля, Уилфрида Маллесона. Существует мнение о том, что интервенты привезли в Великобританию «бациллу большевизма». Однако большинство офицеров не пополнили ряды антивоенного движения и, более того, продолжали служить в армии. Тем не менее некоторые, например упоминаемый Джордж Милн, имел весьма негативные впечатления от интервенции на Кавказ.

Опыт войны заставлял ветеранов спланиваться вокруг однополчан уже в гражданском мире. Такая необходимость стала предпосылкой формирования различных ветеранских организаций.

Генерал в отставке Перси Лейк вместе с Дугласом Хейгом по примеру Британского легиона инициировали создание Канадского легиона. П. Лейк внёс вклад в создание и развитие таких организаций как Индийско-бирманское общество и ассоциация «Презренные старики» [2, с. 414–416]. Освещение деятельности подобных организаций заслуживает отдельной публикации.

Были и такие офицеры, как Ян Гамильтон (командующий при Дарданелльской операции 1915–1916 гг.), который отметился деятельностью при создании Британского легиона, но при этом, как исследовал британский историк Ян Кершоу в своей книге, поддерживал А. Гитлера [3]. Соответственно, это отражало определённые позиции части британского общества. Особенно это интересно, если рассматривать возможные связи британских организаций ветеранов с фашистскими организациями в самой Англии и Европе.

Таким образом, послевоенная деятельность ветеранов в сравнительном жизнеописании может предоставить возможности для исследования социокультурной составляющей Великобритании в период Интербеллума.

Список источников

1. Bonham-Carter, Victor. Soldier True: the Life and Times of Field-Marshal Sir William Robertson. London: Frederick Muller Limited, 1963. 417 p.
2. Boshier J. F. Imperial Vancouver Island: Who Was Who, 1850–1950. Xlibris Corporation, 2010. 839 p.

3. Kershaw, Ian. Making friends with Hitler: Lord Londonderry and Britain's road to war. London: Allen Lane, 2004. – 488 p.
4. Murray, Williamson; Millett, Allen R.. Military Innovation in the Interwar Period (17th ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 428 p.
5. Richmond, J. C. B. Egypt, 1798-1952: Her Advance Towards a Modern Identity. Routledge, 2012. 268 p.
6. Магадеев И. Э. Британские оценки французской угрозы в 1920-е гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 25–30.
7. Магадеев И. Э. «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 4. С. 34–61.
8. Петунин К. Б. «Современных танков хватит лишь для двух батальонов». Разработка и производство бронетанковой техники в Великобритании в 1920–1930-е годы // Военно-исторический журнал. 2020. № 7. С. 58–66.

С. В. Кухта

Государственный архив Красноярского края
Красноярск, Россия

«ВЫПОЛНЯЛ ПОРУЧЕНИЯ ПАРТИИ...». БИОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА БАЗАРКИНА В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Аннотация. В статье на основе документов Государственного архива Красноярского края восстановлена биография и раскрываются этапы трудовой деятельности Александра Петровича Базаркина (1890–1971) – ветерана коммунистической партии, участника революционного движения, анализируются оставленные им воспоминания о периоде 1917–1920 гг.

Ключевые слова номенклатура, КПСС, личное дело, мемуаристика, биография, революция, гражданская война

Abstract. The article is based on the archival documents of the Krasnoyarsk regional state archive and describes the biography of Alexander Petrovich Bazarkin (1890–1971), a participant in the revolutionary movement in the Yenisei province, a veteran of the Communist party; analyzes his memoirs of the period 1917–1920.

Keywords: nomenclature, CPSU, personal file, memoiristics, biography, revolution, civil war

На хранении в Государственном архиве Красноярского края находится большое количество личных дел членов ВКП(б)-КПСС, в составе которых – автобиографии, анкеты, фотографии, характеристики, заявления и другие официальные биографические документы. Благодаря этим источникам становится возможным достоверно восстановить этапы жизненного пути многих советско-партийных работников Красноярского края различного уровня, оценить их вклад в развитие региона и масштабы деятельности. Среди таких документов – личные дела Александра Петровича Базаркина, ветерана КПСС, участника революционного движения, руководителя различных советских, партийных и хозяйственных организаций в 1920–1940-е гг. Помимо личных дел, содержательны оставленные им воспоминания, в которых он подробно рассказывает о событиях 1917–1920 гг. в Енисейской губернии и на Дальнем Востоке, оценивает свою роль в них. 40-страничные мемуары были написаны А. П. Базаркиным в 1967 г. и переданы на хранение в партийный архив.

Александр Петрович Базаркин родился 5 декабря 1890 г. в с. Курагино Курагинской волости Минусинского уезда. «Рабочий из крестьян, сословия и звания не имею», – так он писал о своем социальном происхождении в одной из анкет [1, л. 3]. Его родители-крестьяне в 1880-е гг. переселились в Енисейскую губернию из деревни Мокшаванка Темниковского уезда Тамбовской губернии, отец по национальности был

мордвином-мокшей. В Минусинском уезде Петр Базаркин, чтобы обеспечить семью, состоявшую из девяти человек, занимался разного рода работами – плотничал, нанимался на золотые прииски, был приказчиком частных винных кабаков. В 1904 г. он открыл в Курагино собственную торговлю разными товарами. Обстановка в доме Базаркиных была непростая, поскольку сыновья и мать не одобряли деятельность главы семейства и его «тягу к наживе собственности». «[...] Общие условия семейной жизни происходили при весьма скверных обстоятельствах, т. е. в обстановке наблюдения спавивания рабочих и крестьян, а также в стремлении наживы, правдами и неправдами в спекулятивной форме [...]», – так позднее писал о своем детстве Александр [1, л. 6]. В 1903 г. он окончил три класса сельской школы и рано начал самостоятельно работать в разных отраслях, в том числе в торговле. Благодаря тому, что семья Базаркиных не была бедной, Александр имел возможность регулярно получать и читать книги, журналы и газеты. Его старший брат Василий сочувствовал социалистам-революционерам, поэтому показал Александру труды их идеологов. Позднее А. П. Базаркин познакомился со ссыльными социал-демократами (один из которых, предположительно, был видный меньшевик Ф. И. Дан) и их брошюрами.

В 1912 г. Александр Петрович окончательно порвал с семьей и устроился на погрузку баржи хлеба для сплава в Енисейск. Вскоре поступил матросом на пароход «Обь» в Красноярске, где имел первую возможность познакомиться с кружковой работой социал-демократов, после чего решил отправиться в «массу рабочих» – на золотой рудник «Аяхта» в Южно-Енисейской тайге. Там он недолго трудился в шахте, но был уволен и выслан как «политически неблагонадежный» за организацию стачки с требованием увеличения заработной платы. В июле 1913 г. нанялся на постройку Ачинско-Минусинской железнодорожной ветки, там тоже пытался организовать стачку, но неудачно, после чего работал продавцом у торговца Рубина в Красноярске [1, л. 6об.].

2 января 1915 г. А. П. Базаркин был призван на военную службу и зачислен в 15-й Сибирский стрелковый полк как ратник ополчения. За недостатком командного состава вскоре его назначают обучающим отделения маршевой роты, а затем переводят во вновь формирующуюся 10-ю роту командиром отделения, где он и встретил Февральскую революцию 1917 г. Александр Петрович вспоминал: «[...] несмотря на строгости, слухи о революции проникали в казармы. Даже сами строгости вызывали среди солдат разговоры о том, что назревают какие-то события [...]» [2, л. 5]. 3 марта ему принесли записку от прапорщика С. Г. Лазо с просьбой избрать двух делегатов от роты и явиться в Дом учителя на организационное собрание Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. «[...] До сих пор я проводил беседы тайно с небольшой группой людей. Поэтому задача, поставленная передо мной, выступить открыто перед ротой, без какой-либо помощи со стороны, была для меня весьма тяжелой [...]» [2, л. 5]. Однако солдаты речь А. П. Базаркина поняли и избрали своим делегатом. Александр Петрович подробно описывает собрание в Доме учителя, где в своем выступлении он первый заявил, что его рота готова, если понадобится, защищать Совет с оружием в руках: «[...] Мое заявление вызвало бурную овацию. У меня было такое впечатление, что от аплодисментов поднимается потолок [...]» [2, л. 8]. В результате А. П. Базаркин был избран членом Совета и продовольственной комиссии исполкома, а летом принят в члены РСДРП(б). С этого времени началась его длинная партийно-советская карьера.

Уже осенью А. П. Базаркин получает первое партийное поручение – помочь организовать Совет в Минусинске и «разбить» действия эсеров – доминирующей политической силы в уезде – по проводимой хлебной монополии. После успешного выполнения этих заданий Базаркина избрали членом губернской продовольственной управы, где он возглавил реквизиционный отдел и занимался, в числе прочего, изъятием товаров с купеческих складов. Участвовал А. П. Базаркин и в подавлении крупного анти-

большевистского восстания под руководством А. А. Сотникова в Минусинском уезде. В январе 1918 г. он был назначен начальником отряда Красной гвардии при военном штабе Минусинского Совета, вел агитацию по волостям, ездил в Красноярск для получения дополнительного оружия, необходимого для разгрома сотниковского мятежа [3, л. 3об.].

В июне 1918 г. его вновь командировали в Минусинский уезд с боевым заданием – пригнать весь заготовленный скот, необходимый для бесперебойного снабжения Красной армии продовольствием. По воспоминаниям А. П. Базаркина, к моменту его приезда в Минусинск там уже были сконцентрированы значительные антибольшевистские силы, и чувствовалось большое напряжение. 18–19 июня парторганизация и Совет в связи с наступлением чехов и «оживанием контрреволюции» избрали военный совет, А. П. Базаркина назначили комендантом здания Минусинского Совета и дали в распоряжение 20 человек. «[...] Я внес предложение отступить в Урянхайский край [...] Выехать под прикрытием имеющихся в нашем отряде 4-х пулеметов [...]», – вспоминал Александр Петрович [2, л. 21]. Однако связь с Красноярском прервалась, и через несколько дней Минусинский Совет сдался. А. П. Базаркину бежать от новой власти не удалось, 29 июня он был арестован как комиссар продовольственной управы и начальник военного отряда и заключен в одиночную камеру Минусинской тюрьмы. 11 сентября был переведен в Красноярскую тюрьму, в которой уже находились видные деятели свергнутой советской власти. А. П. Базаркин оказался в одной камере с А. Г. Перенсоном, Я. Е. Боградом и стал свидетелем последних дней своих однопартийцев перед казнью.

В Красноярской тюрьме А. П. Базаркину удалось уцелеть, и, спустя год, 24 сентября 1919 г., он был помещен вместе с оставшимися в живых большевиками в так называемый эшелон смерти – поезд, который должен был доставить заключенных в лагерь на востоке страны. Александр Петрович всю жизнь вспоминал судьбоносный эпизод – на вокзале в толпе его случайно заметил и узнал А. А. Сотников и приказал немедленно расстрелять вместе с другими минусинскими красными руководителями. Начальник конвоя не позволил этого сделать без разрешения начальника эшелона, а вскоре поезд тронулся. Так А. П. Базаркин по воле случая оказался жив [2, л. 28]. «[...] Был ли октябрь теплым – не знаю. Для нас в голых вагонах, раздетых, разутых и голодных он был чрезвычайно холодным [...]», – так характеризует Александр Петрович эту поездку [2, л. 30]. На Дальнем Востоке он попал сначала в лагерь в г. Иман, где часть заложников согласилась вступить в отряд атамана И. П. Калмыкова. А. П. Базаркин от этого предложения отказался и был отправлен в Новокиевский лагерь на границе с Кореей: «[...] Здесь нас ждали новые бедствия [...] старые военные казармы не были подготовлены к зимней лагерной жизни. Стекла в окнах выбиты, печи разрушены [...] на нарах слой пыли см. в 20–25. Кухня полностью разрушена, топлива нет, хлебопечарни тоже нет [...]» [2, л. 31]. Пережив эпидемию возвратного тифа, А. П. Базаркин наладил связь с подпольным комитетом во главе с С. Г. Лазо. После взятия Владивостока большевиками 5 февраля 1920 г. он был освобожден из-под стражи и, пройдя небольшое обучение, стал санитаром Красного Креста. Подробно вспоминал Александр Петрович о своей встрече с Сергеем Лазо, который был очень рад, что к нему пришел красноярец и долго расспрашивал о местных революционерах [3, л. 14].

Затем – вновь череда важных партийных поручений. В марте 1920 г. А. П. Базаркина направили в г. Спасск Иманского уезда для организации советской власти. С 4 на 5 апреля 1920 г. город Владивосток был занят японцами, это выступление заставило А. П. Базаркина в Имане, где он сформировал коммунистический батальон. После создания Дальневосточной республики А. П. Базаркин был назначен помощником начальника губконтрразведки в Благовещенске, однако из-за угрозы жизни (против не-

го готовился террористический акт) оттуда откомандирован в Нерчинский уезд для укрепления Советов на местах и ликвидации остатков антибольшевистских войск. До июля 1922 г. А. П. Базаркин вел работу по партийной, профсоюзной линии, работал в отделе госполитохраны. «Член парткома, организатор, агитатор, пропагандист, боевик» – кратко описывает свои функции в этот период Александр Петрович [1, л. 5об.].

В силу семейных обстоятельств, обострившегося ревматизма и обмороков, начавшихся от переутомления, по личному ходатайству Александр Петрович летом 1922 г. был отправлен на родину. В Минусинском уезде работал уполномоченным информационного отдела в ГПУ, вместе с тем проводил уездные партконференции, съезды советов, съезды профсоюзов. С 16 ноября 1923 г. перешел на работу в Минусинское отделение уголовного розыска. Служба на этом посту далась Александру Петровичу непросто. Процветало конокрадство, не было специалистов по дактилоскопии, у сотрудников уголовного розыска не хватало «гардероба» – это только часть проблем, стоявших перед уездной милицией в эти годы [4, л. 76а]. В отзыве о работе А. П. Базаркина от 5 июня 1924 г. говорилось, что «[...] работа во многом улучшена, % раскрытия преступлений несравненно увеличен, как количественно, так и качественно [...]» [1, л. 8]. Однако, несмотря на успехи, «нервы выдержали только до 1925 года», и Александр Петрович переехал в Красноярск, где год «отдыхал» от перенапряжения на должности заведующего складом Центрального рабочего кооператива горняков.

В автобиографии 1924 г. он так характеризовал перспективы своей дальнейшей карьеры: «[...] полагаю, что наиболее целесообразно я могу провести работу в волостном или в районном масштабе, как по партийной, так и по советской линии, а еще целесообразнее меня использовать в среде шахтовых рабочих [...]» [5, л. 8]. После чего Александр Петрович был назначен секретарем Балахтинского районного комитета партии, должность которого занимал до мая 1927 г. Однако тогда он переоценил свои возможности – многообразная работа на столь ответственной должности оказалась для него непосильной. Из райкома Базаркин ушел и возглавил крупную кустарную артель «Тесинский асбест» в Новоселовском районе [6, л. 6].

В апреле 1930 г. Александр Петрович переехал в Енисейск, где ему вновь доверили важный пост – председателя городского Совета и члена райисполкома, с 1932 г. – заведующего районным финансовым отделом. Именно в этой должности А. П. Базаркин проходил генеральную чистку партии 1933 г., в результате которой произошло невероятное – из членов ВКП(б) 22 августа он был исключен. В вину ему ставилось в первую очередь – сокрытие своего социального происхождения из семьи «кулака-торговца-кабатчика» «[...] Биография Базаркина ясность не дала, брат – офицер, второй – каратель, третий – меньшевик и т. п. – это сказалося на работе тов. Базаркина в дальнейшем [...]», – отмечала комиссия [7, л. 5об.]. Возникли слухи о том, что он был офицером у Колчака, а проверка этих фактов затруднялась отсутствием у Александра Петровича каких-либо подтверждающих биографию документов.

Очевидно, что свое социальное происхождение А. П. Базаркин никогда не скрывал, это он и заявил комиссии по чистке. Кроме того, отметил, что связи с отцом не имел в течение 20 лет. Пути братьев Базаркиных тоже разошлись: младший брат Макар принимал участие в подавлении Иркутского юнкерского восстания, в 1919 г. расстрелян в Чите; Федор был членом ВКП(б), избирался членом Сиббюро, был активным партизаном отряда Щетинкина – Кравченко, затем участвовал в Минусинском кулацком восстании и в 1932 г. был приговорен к 10 годам заключения. Старший брат Василий сначала работал сельским и волостным писарем, в 1907–1909 гг. отбывал ссылку в Туруханском крае как эсер, после революции занимался перегонкой смолы и скипидара в селах Имисском и Курагино; Кузьма работал в с. Курагино продавцом, после смерти отца унаследовал его хозяйство; сестра жила в Новосибирске с мужем.

В 1929 г. семья Базаркиных была раскулачена, и о том, как сложилась дальнейшая судьба братьев, Александр Петрович, вероятно, ничего не знал [8, л. 483–483об.].

Однако отягчающим обстоятельством были обвинения в злоупотреблении служебным положением – жена А. П. Базаркина приобрела старую швейную машину у местных «кулаков», а также купила «кулацкую» корову, дав продавщице полбулки хлеба и стакан просовой крупы. Звучали голоса и в его защиту: «[...] О работе тов. Базаркина можно сказать только с хорошей стороны. В работе настойчив, все решения крайфо выполнял, недостаток тот, что он всю работу проводил сам, не мобилизовав массу [...]» [7, л. 5об.].

Закономерно, что А. П. Базаркин опровергал все обвинения и писал в краевую комиссию по чистке партии: «[...] шкурником я никогда не мог быть, т. к. все поручаемые мне работы партией я выполнял беспрекословно и безоговорочно, примером чему может служить: в тридцатом году, получая 140 руб. ставку пом[омощника] Енсоюза, я был направлен в Енисейский горсовет на ставку в 75 руб. [...]» [7, л. 7]. Выяснилось, что офицером у Колчака был племянник Александра Петровича, Василий Васильевич Базаркин, а факты его революционной биографии полностью подтвердили старые товарищи Е. Гущин и В. Усов. В результате уже 20 ноября 1933 г. он был восстановлен в партии.

В последующие пять лет Александр Петрович работал заведующим Енисейского районного земельного отдела, плановой комиссии, потребительского общества, учился в Енисейской вечерней школе партактива. В июне 1938 г. крайком разрешил ему выехать в Красноярск, где он возглавил трест «Водторгпит». В 1939 г. он устроился на Красноярский мясокомбинат, занимал должности начальника снабжения, цеха ширпотреба, мастера-мыловара. В 1943–1944 гг. некоторое время работал на Абаканском мясокомбинате и возглавлял Абаканское горжилуправление [3, л. 1об.].

Жена Александра Петровича – Наталия Тимофеевна, уроженка г. Енисейска, была учительницей, переезжала вслед за мужем, в последние годы работала в школе № 14 г. Красноярска.

Из-за отсутствия подтверждающих документов А. П. Базаркин не смог сразу получить персональную пенсию местного значения. Позднее, благодаря справкам, выданным партийным и государственными архивами, он подтвердил свою революционную биографию [9, л. 28, 30]. 10 декабря 1956 г. Александр Петрович ушел на заслуженный отдых в статусе персонального пенсионера республиканского значения, однако без дела не сидел, встречался с товарищами, занимался агитацией от имени Совета старых коммунистов Центрального районного комитета КПСС г. Красноярска. Написав в 1967 г. свои небольшие мемуары, А. П. Базаркин обратился к писателю Ж. П. Трошеву с просьбой их литературной обработки для последующего издания. К сожалению, идею эту реализовать так и не удалось – в 1971 г. Александр Петрович Базаркин ушел из жизни [10, л. 1].

Судьба А. П. Базаркина во многом типична для ветеранов революционного движения – представителей партийной номенклатуры 1920–1930-х гг., которым членство в коммунистической партии дало социальный статус и возможность реализовать себя в профессиональном плане. Будучи талантливым практиком и организатором, А. П. Базаркин компенсировал отсутствие образования опытом, верностью партийным идеалам и колоссальной работоспособностью.

Несмотря на «типичность» биографий многих рядовых партийцев, при детальном изучении оказывается, что жизненный путь каждого из них глубоко индивидуален – по-разному проходили они через испытания переломных периодов истории, иначе воспринимали те или иные события, подстраивались под меняющиеся условия, следуя виражам «линии партии». В автобиографиях и на страницах мемуаров обнаружи-

ваются индивидуальные эмоциональные характеристики, яркие эпизоды, характерные детали повседневности первой половины XX в.

Очевидно, что документы бывших партийных архивов имеют значительный потенциал для изучения судьбы и роли «маленького» человека, бывшего частью большой партийно-советской системы и вносившего посильный вклад в развитие нашего региона и страны.

Список источников

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 210.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 18.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 62.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-49. Оп. 2. Д. 133.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-10. Оп. 2. Д. 629.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-26. Оп. 10к. Д. 219.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-55. Оп. 50. Д. 4.
8. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-26. Оп. 11к. Д. 16.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1155.
10. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-1041. Оп. 1. Д. 13.

А. А. Давыдова

*Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник
имени А. И. Кытманова
Енисейск, Россия*

ВКЛАД ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА ИСКРЫ В РАЗВИТИЕ ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА И ЕНИСЕЙСКОГО РАЙОНА

Аннотация. В статье представлены результаты исследования архивных источников Енисейского музея-заповедника, а также архива города Енисейска. Статья освещает биографию Ивана Алексеевича Искры и его деятельность на посту Первого Секретаря Енисейского райкома ВКП(б). Пребывание Ивана Алексеевича Искры и его деятельность в Енисейске ранее не изучались. Занимая должность Первого Секретаря Енисейского райкома ВКП(б) в течение короткого срока, Иван Алексеевич поспособствовал большим изменениям в жизни города и района. Цель исследования – показать жизненный путь Ивана Алексеевича Искры, ввести новые сведения о его деятельности, раскрыть его вклад в развитие Енисейского района и города Енисейска.

Ключевые слова: *Иван Алексеевич Искра, Иван Алексеевич Скрябинский, Подтесовский затон, Подтесовская РЭБ, Подтесово, Енисейский райком ВКП(б), енисейский музей*

Abstract. This article presents the Eniseysk museum-reserve and Eniseysk state archive archival documents research results. The article reveals the biography of Ivan Alekseevich Iskra and the information on his work as a First Secretary of the Yeniseisk District Committee of the UCPB. Ivan Alekseevich's professional activity on the territory of Yeniseysk has not been researched before. Being the First Secretary of the Yeniseisk District Committee of the UCPB for only the short term, Ivan Alekseevich has managed to contribute a lot to the city and the district development. The aim of this research paper is to highlight the details of Ivan Alekseevich's biography and to reveal the positive impact made by him on the Yeniseysk city and the Yenisey district's life.

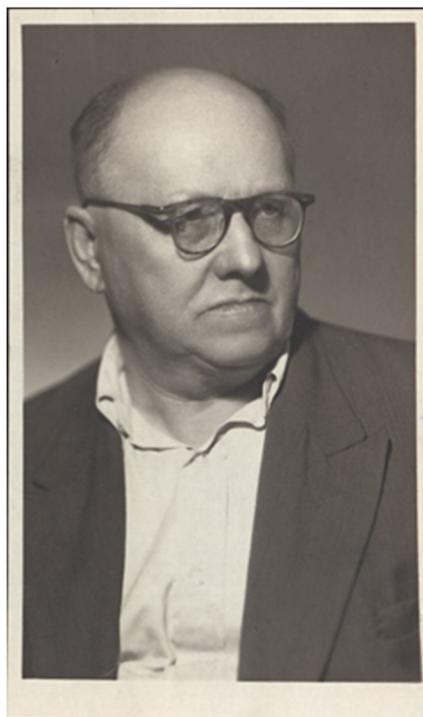
Keywords: *Ivan Alekseevich Iskra, Ivan Alekseevich Skryabinsky, Podtesovo backwater, Podtesovo repair and maintenance base, Podtesovo, Yeniseisk District Committee of the UCPB, the Yeniseysk museum*

История Енисейска насчитывает уже четыре столетия. За это время в Енисейске было немало выдающихся личностей, которые способствовали развитию города Енисейска и Енисейского района. Многим из них присуждено звание почетного жителя города Енисейска, установлены мемориальные доски, и их вклад в историю города хорошо изучен. Но были и те, кто оказался в Енисейске по долгу службы и прожил здесь недолго, но тем не менее оставили свой след в истории города.

Таким человеком был Иван Алексеевич Скрябинский, более известный по фамилии Искра. Он занимал пост Первого секретаря Енисейского райкома всего год, но,

несмотря на это, смог поспособствовать большим преобразованиям. Однако подробная информация об этом человеке и его вкладе ранее не изучалась и не публиковалась.

Иван Алексеевич Искра (Скрябинский) родился 28 ноября 1902 г. За свою жизнь ему удалось проявить себя не только как партийного служащего, но также и как уважаемого журналиста и краеведа. Он написал немало газетных статей, всегда интересовался историей и развитием Енисейска и Енисейского района, хоть и не являлся коренным енисейцем.

Искра Иван Алексеевич, секретарь Енисейского РК ВКП(б) 1932–1936 гг.
(Из фондов ЕКМ)

Иван Алексеевич рос в рабочей семье, его отец трудился слесарем на Усть-Катавском вагоностроительном заводе. Отец, Алексей Матвеевич Скрябинский, вместе с женой, Матреной Васильевной, воспитали шестерых сыновей и дочь. В 1916 г. Иван окончил заводское училище и по примеру отца пошел на завод. Весной 1917 г. организовал кружок революционной молодежи Усть-Катава, осенью того же года вступил в Усть-Катавскую заводскую организацию РСДРП(б). Как писал сам Иван Алексеевич в своей автобиографии: «Вся жизнь моя тогда слилась с большевистской ленинской партией, я был ее солдатом и благодаря ей я стал человеком...» [1, с. 2]. Был красногвардейцем и участвовал в боях против «дутовцев» и других белогвардейских отрядов. Свою фамилию Искра он получил в ходе разведывательной операции. Партизанскому отряду понадобилось добыть сведения о численности белых в Златоусте. Выбор пал на Ивана Скрябинского. Его снабдили подложным паспортом на имя Искры. Партизанская кличка стала фамилией.

Еще в молодые годы Иван Алексеевич заинтересовался газетами. Появилась мечта самому писать заметки. Она осуществилась, правда несколько позже. За сорок пять лет работы в советской печати за подписью «И. Искра» будет напечатано не менее полутора тысяч заметок, статей, очерков, воспоминаний.

17 июня 1921 г. избран Ответственным секретарем Усть-Катавского Райкома РКП(б). С этого времени началась его выборная партийно-советская работа. Избирался

членом крайкома партии Восточной Сибири и Красноярского крайкома, председателем ревкомиссии Бурят-Монгольского обкома партии и др.

Как говорил сам Иван Алексеевич, «высшее образование, как общее, так и политическое, получил путем заочного образования и самостоятельной работы над собой...» [1, с. 3].

В 1933 г. он становится первым секретарем Енисейского райкома ВКП(б). Он был одним из участников встречи с Отто Юльевичем Шмидтом, когда тот проезжал через Енисейск по пути на остров Диксон.

Иван Алексеевич вместе с Павлом Михайловичем Мещеряковым, начальником Енисейского Госпароходства, активно выступал за строительство Подтесовского затона в Енисейском районе и Дома культуры в городе Енисейске.

Как писал в своих воспоминаниях сам Иван Алексеевич, затон был крайне необходим [2, с. 1]. Уже в те времена река Енисей была одной из важнейших сибирских транспортных магистралей. Регулярные рейсы морских судов в Игарку, промышленное освоение заполярной части Енисейского бассейна, создание норильского производственного комбината, проведение железной дороги Норильск – Дудинка – все это причины, по которым енисейский водный путь был крайне важен. Несмотря на это, енисейскому водному бассейну уделялось крайне малое внимание.

По словам корреспондента газеты «За большевистские темпы»: «...флот енисейского пароходства за 1930-е гг. пополнился лишь за счет судов бывшего «Комсеверопути». Судоремонтная база оставалась на уровне 1905 г. Такой разрыв сказался и на состоянии судов. Корпуса ценных самоходных судов, купленных за границей, не ремонтировались со времени их постройки. Вполне очевидно, что флот не мог больше существовать без судоремонтной базы...» [3, с. 3].

Тогда существовали судоремонтные база ГУСМП – Главного управления Северного Морского пути, затон в Павловщине, а также судоремонтная база в Красноярске. Казалось, что этих баз достаточно. Но на создание судоремонтной базы в Енисейске были следующие причины: река Енисей по условиям плавания разделяется на два резко отличающихся друг от друга района. Первый район – весь Енисейский залив до устья реки Ангары – представляет собой глубоководный путь, по которому даже при наименьшем осеннем горизонте воды могут проходить Енисейские суда с осадкой до 10 футов. Второй – выше устья Ангары, Енисей мелководен и имеет Казачинские пороги, не проходимые без туера. Туер снимался в октябре, а суда из Игарки зачастую проходили по Енисею позднее, то пароходы, дойдя до порогов, бросали баржи, создавая внеплановые зимовки.

В пользу постройки затона говорило и решение XVII партийного съезда, на котором обговаривалось решение о постройке железной дороги Ачинск – Енисейск. Постройка новой железнодорожной ветви предполагала, что перевозка грузов до Красноярска будет осуществляться по железной дороге. В связи с этим исчезала необходимость судам, плавающим в нижней части Енисея, идти в Красноярск [3, с. 3].

У ГУСМП в Енисейске базировались четыре судна: «Циркуль», «Фарватер», «Широта» и «Шторм», которые нужно было зимой ремонтировать и отстаивать от весеннего ледохода. Все эти причины делали необходимость постройки затона очевидной. Тем не менее партийное руководство не спешило начинать стройку [2, с. 1].

Данный вопрос Иван Алексеевич поднимал на краевом уровне, и не раз. Но, поскольку строительство затона не вошло в планы пятилетки, в помощи было отказано. Деньги отпускались только для «временного строительства, вызванного случайным отстоем судов и аварийными случаями». Поэтому строительство столь крупного и значимого объекта для Енисейского речного пароходства стартовало на кооперативных началах. Несмотря на то, что затон начал полностью функционировать уже после пере-

вода Ивана Алексеевича на другую должность в Красноярск, его вклад в создание нельзя оставить без внимания.

В 1975–1990-е гг. Подтесовская РЭБ была самым крупным в России судоремонтным предприятием. Образование затона послужило к дальнейшему развитию и расширению Подтесово.

За активную помощь в судоремонте и отстою судов Ивану Алексеевичу было присвоено звание почетного капитана Енисейского речного пароходства.

Такое событие, как появление первого автомобиля в Енисейске, произошло в годы службы Ивана Алексеевича на посту первого секретаря. За досрочное выполнение государственного плана зернопоставок по всем секторам, колхозам, хозорганизациям и единоличным хозяйствам Енисейского района, Енисейский РИК и райком ВКП(б) были премированы одной легковой машиной. Ивану Алексеевичу в качестве первого секретаря райкома было поручено предоставить на утверждение три колхоза, которые будут занесены в краевую красную книгу [4, с. 1].

В 1935 г. был освобожден от обязанностей Первого секретаря Енисейского райкома партии и назначен заведующим сектора печати и издательства Красноярского крайкома партии. В 1936–1938 гг. Иван Алексеевич занимал должность председателя Красноярского краевого отделения Союза писателей. В 1938 г. Иван Алексеевич Искра был репрессирован и отбывал срок Севвостоклагерях НКВД. Реабилитирован в 1955 г. и восстановлен в партии. С 1962 г. являлся пенсионером союзного значения [1, с. 5].

Иван Алексеевич был человеком, всей душой преданным партии. Он считал своим долгом вести просветительскую работу. Часто разъезжал по отдаленным городам, поселкам и деревням, выступая перед школьниками, молодежью, а иногда и перед взрослой аудиторией. Иван Алексеевич рассказывал о большевиках, Ленине, о том, как сам видел его в двадцатые годы, проезжая через Москву на Западный фронт. Эти рассказы вызвали живой интерес у аудитории. Нередко после выступлений завязывалась переписка. Так, в 1925 г. Иван Алексеевич выступал в поселке Конда. Позже пионеры кондинской средней школы нашли адрес Ивана Алексеевича и прислали ему письмо, так завязалась переписка между кондинскими школьниками и ветераном социалистического труда. Конечно же, во время своего пребывания в Енисейске Иван Алексеевич и здесь вел большую просветительскую работу. Во время ссылки на Колыму, а потом и на Чукотку в годы репрессий (1938–1954) Иван Алексеевич и там вел культурно-просветительскую работу. Как говорил сам Искра: «Как коммунист, я старался вести среди таких же как я репрессированных работу по подъёму патриотизма и за перевыполнение планов добычи ценного металла в фонды нашей Родины» [1, с. 5].

За годы трудовой деятельности Иван Алексеевич был награжден орденом Ленина в 1967 г. и почетным знаком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле».

Несмотря на то, что Иван Алексеевич работал в Енисейске довольно недолго, он вел активную переписку с Енисейским музеем еще долгие годы. Даже после завершения своей деятельности в Енисейске Иван Алексеевич помогал музею, отправляя различные материалы, связанные с историей города. Так, в 1968 г. Иван Алексеевич был в Уфимском государственном музее, где познакомился с биографией Башкатова Ивана Александровича, который по воле случая занимал в Енисейске в 1930-е гг. ту же должность, что и Иван Алексеевич Искра. Узнав этот факт, Иван Алексеевич направил материалы о нем в Енисейский музей [5, с. 1]. Он также оставил музею большое количество личных материалов, в том числе свои воспоминания о строительстве Подтесовской РЭБ.

Искра И. А. – работал секретарем Енисейского РК ВКП(б).1970 г.
(Из фондов ЕКМ)

Хотя Иван Алексеевич и не был коренным енисейцем, он был обеспокоен судьбой Енисейска и Енисейского района, делал все возможное, чтобы содействовать развитию Подтесовской РЭБ, которая дала в дальнейшем толчок к развитию и самого поселка Подтесово.

В 1964 г. Иван Алексеевич переехал в Свердловскую область, в город Челябинск, где и закончил свой жизненный путь в 1976 г.

Но до этого он успел еще раз в 1970 г. в качестве почетного гостя посетить Енисейск, о котором он никогда не забывал и судьбой которого продолжал интересоваться.

Список источников

1. Искра Иван Алексеевич секретарь Енисейского РК КПСС в 1930-е гг. Автобиография // ЕКМ. КОФ. 7069. Д. 116.
2. Искра Иван Алексеевич. Воспоминания о Подтесовском затоне // ЕКМ. ОФ. 8364. Д. 2.
3. Алимов И. Построить затон в Енисейске // За большевистские темпы. 1935. 6 окт. С. 3.
4. Секретарь Крайкома ВКП(б) Голудов. О премировании Енисейского района: постановление Крайкома ВКП(б) // За большевистские темпы. 1935. 4 дек. С. 1.
5. [Письмо Енисейскому музею от Искры И. А.1968 г. // ЕКМ. КОФ 8364.3. Д. 116. Л. 1.
6. Переписка Енисейского музея с Искрой Иваном Алексеевичем, секретарем Енисейского РК КПСС // ЕКМ. ОФ 8364.3. Д. 116.
7. Информационные материалы, подготовленные для органов исполнительной власти, других организаций по их запросам в инициативном порядке. 1994–2006 гг. // АГЕ. Ф. Р-210. Оп-1. Д-170. Л. 85.

Ю. Г. Белоногов

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
Пермь, Россия

ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БИОГРАФИЙ ВНЕШТАТНЫХ ИНСТРУКТОРОВ МЕСТНЫХ КОМИТЕТОВ ВКП(Б) ПЕРМИ 1930-Х – НАЧАЛА 1940-Х ГОДОВ

Аннотация. Предпринят количественный анализ биографических данных по представителям должностной группы внештатных инструкторов местных комитетов ВКП(б) города Перми (Молотов) за 1930-е гг. по социально-демографическим и политическим параметрам.

Ключевые слова: *просопографический метод, внештатный инструктор, ВКП(б), Пермь*

Abstract. A quantitative analysis of biographical data was undertaken on representatives of an official group of freelance instructors of local committees of the CPSU (B.) Perm (Molotov) for the 1930s on socio-demographic and political parameters.

Keywords: *prosopographic method, out of staff instructor, CPSU (b.), Perm*

В настоящее время термин «просопография» обозначает метод исследования массовых источников, позволяющий на основе статистического анализа изучать динамические изменения, происходящие в определенный период времени с группой исследуемых объектов, обладающих хотя бы одной общей характеристикой [1, с. 3]. С развитием электронно-вычислительных технологий просопография прочно вошла в инструментарий клиометрики.

Просопографический метод получает важное применение и в биографических исследованиях. Результатом использования количественного анализа при изучении массовых источников стало появление работ по созданию «коллективных биографий» определенных социальных групп и даже страт, причем в зависимости от контента источников и задач исследования биографические характеристики весьма различаются. В рамках изучаемой проблемы присутствуют наиболее близкие к нашему исследованию работы [2–4].

В данной статье объектом выбрана должностная группа внештатных инструкторов отделов Пермского городского (до этого – районного) комитета партии и отделов районных партийных комитетов г. Перми за период 1930-х – начала 1940-х гг. Параметрами для сравнения будут не только социально-демографические характеристики (пол, возраст, социальное положение, уровень образования на момент попадания в данную должностную группу), но и политические характеристики (партийный стаж, опыт предшествующей партийной работы, наличие партийных и иных взысканий, членство в коллективных органах). Задача исследования видится в определении зависимости между статусом внештатного инструктора и продолжением дальнейшей карьеры в партийных органах.

Внештатные инструкторы местных парткомов в структуре власти. Должностная группа внештатных инструкторов партийных комитетов являлась одной из самых многочисленных групп работников на общественных началах. Внештатные инструкторы функционировали либо при ответственных инструкторах, либо при подразделениях (отделах и секторах), исполняя роль вспомогательного связующего звена между партийным аппаратом и низовыми парторганизациями. Данная должностная группа, судя по делопроизводственным источникам, рассматривалась как ближайший кадровый резерв кадров для штатных работников местных партийных комитетов. Новый принцип построения местного партийного аппарата, закрепленный Уставом партии 1939 г. и повысивший функциональный статус отдела кадров парткомов, способствовал появлению важной тенденции – включению внештатных инструкторов в основную номенклатуру городских партийных комитетов и учетно-контрольную номенклатуру вышестоящего комитета ВКП(б) (эта тенденция будет характерна и для всего военного периода). Это позволяет рассматривать указанную должностную группу не только как «общественное продолжение» местного партийного аппарата и бассейн рекрутирования на должности штатных партийных работников, но и как своеобразную клиентелу на начальном этапе ее формирования. Более подробно автор статьи рассматривал развитие института внештатных инструкторов в контексте эволюции моделей организационного построения местного партийного аппарата на протяжении 1930-х – первой половины 1940-х гг. [5; 6]

Характеристика источниковой базы исследования. Для анализа биографических данных представителей должностной группы внештатных инструкторов необходимо было идентифицировать персональный состав индивидов, рекрутированных определенными парткомами в определенный год. К сожалению, в архивных материалах ПермГАСПИ задача выявления и идентификации внештатных инструкторов местных комитетов ВКП(б) 1930-х – первой половины 1940-х гг. уже является серьезной проблемой, так как информация о них «разбросана» по разным делопроизводственным документам, а не сконцентрирована в отдельном фонде или архивных делах.

Идентифицировать внештатных инструкторов оказалось возможным путем просмотра двух основных источников: протоколов заседаний бюро местных парткомов, на которых утверждались кандидатуры на должности внештатных инструкторов, и справочного материала от штатных инструкторов или подразделений парткомов о наличии при них определенных внештатных инструкторов. Однако данные источники характеризуются крайней неполнотой требуемой информации. Так, протоколы заседаний бюро содержат информацию только о фамилии, имени и отчестве (хотя два последних пункта не всегда присутствуют), часто (но не всегда) – годе начала партийного стажа. В этом отношении справочный материал может содержать чуть больше справочной информации (например, списки внештатных инструкторов при инструкторе сельскохозяйственного отдела или советско-торговом отделе Пермского горкома ВКП(б), датируемые соответственно 1934 и 1936 гг.). Однако списки внештатных инструкторов за 1931 и 1937 гг. выглядят уже как черновики: указаны только фамилии (даже без инициалов), место работы (даже без должности). Информации о дате рождения, уровне образования, месте работы, социальном происхождении и социальном положении, опыте низовой партийной работы такие источники уже не содержат. Поэтому на основе таких неполных данных отделить внештатных инструкторов от их однофамильцев представляется далеко не всегда возможным. Одновременно существует большая неопределенность между количеством выявленных внештатных инструкторов и их количеством при местных парткомах г. Перми (первый показатель выглядит намного меньше, чем это заявлялось в официальных документах или с трибун партийных форумов).

Однако идентификация внештатных инструкторов является необходимым, но недостаточным этапом для проведения просопографического анализа. Результат проведенных поисковых запросов по архивным делам ПермГАСПИ свидетельствует, что в отношении большинства выявленных внештатных работников вообще отсутствуют какие-либо архивные дела. Поэтому проанализировать биографические данные значительной (?) части внештатных инструкторов вообще не представляется возможным. На сегодняшний момент удалось включить в научный оборот материалы биографий только 36 индивидов. Из них двое стали внештатными инструкторами Пермского райкома ВКП(б) в 1931 г., 8 человек стали внештатными инструкторами Пермского горкома ВКП(б) в 1934 г., 17 – в период за ноябрь 1936 г. – февраль 1937 г., 3 – в 1938 и 1940 гг., 6 – в 1942 г.

Какие документы позволили проанализировать биографические данные? Можно выделить четыре вида дел, которые содержат требуемые биографические сведения: личные дела номенклатурных работников (включая анкету по учету кадров, автобиографию, выписки протоколов бюро парткомов, свидетельствующие о карьерных назначениях и взысканиях), дела по приему в партию, персональные дела (разбор на заседании бюро парткома правонарушения, совершенного коммунистом), апелляционные дела (формировались в случае оспаривания коммунистом решения партийного органа). Такие документы в совокупности содержат информацию о социально-демографических характеристиках индивида, его политической социализации. Их анализ и стал предметом исследования в данной статье.

Социально-демографические характеристики. Должностная группа внештатных инструкторов по половому признаку строилась в соответствии с приоритетом мужчин: из 36 индивидов женщины составляли 5 человек, причем 3 из них стали внештатными инструкторами в конце 1936 г. – начале 1937 г., то есть накануне широко-масштабных репрессий среди партработников. Аналогичное гендерное неравенство было характерно для политических органов власти (и для должностной группы так называемых «ответработников» партийного аппарата) на протяжении большей части советского периода.

Возрастной состав попадавших в должностную группу внештатных инструкторов местного городского парткома представлен в табл. 1. Очевидно, что преобладающую возрастную группу составляли политически активные, уже состоявшиеся как личности и достигшие в жизни относительно высокого социального статуса индивиды в диапазоне от 30 до 40 лет.

Таблица 1

Средний возраст внештатных инструкторов, количество лет

1931 г.	1934 г.	1936–1937 гг.	1938–1940 гг.	1942 г.
31,5	38,1	36,4	34,7	37,5
Доминирующая возрастная группа среди внештатных инструкторов				
более 30 лет	30-40 лет	30-40 лет	нет таковой	30-40 лет

О данном социальном статусе свидетельствует важный факт: подавляющее число индивидов к моменту включения в должностную группу внештатных инструкторов уже были руководителями низового и среднего уровня управления в больших организациях (завуч в школе, начальник отдела в учреждении, мастер на предприятии и т.д.) и даже руководителями небольших организаций. Соответственно, по своему социальному положению они уже считались служащими, а не рабочими и крестьянами.

Образовательный уровень внештатных инструкторов местных парткомов (табл. 2) в целом также соответствует существовавшему тогда тренду на преобладание начального (или незаконченного среднего) образования среди работников низового партийного аппарата.

Таблица 2

Доминирующий уровень общего образования среди внештатных инструкторов

1931 г.	1934 г.	1936–1937 гг.	1938–1940 гг.	1942 г.
среднее	начальное	начальное	начальное	начальное и среднее

Политическая социализация внештатных инструкторов местных партийных комитетов изучается нами через партийный стаж, опыт низовой руководящей партийной, комсомольской и профсоюзной работы (как освобожденной, так и неосвобожденной), наличие партийно-дисциплинарных взысканий. В табл. 3 представлена эволюция партийного стажа индивидов, рекрутируемых в должностную группу внештатных инструкторов. Обращаем внимание на резкое «проседание» этого параметра в военный период. Если накануне репрессий «Большого террора» в отношении партработников внештатные инструкторы являлись коммунистами с солидным (в среднем более 10 лет) стажем и опытом руководящей общественно-политической работы, то в начальный период войны им на смену приходили более маргинальные группы без такого опыта и с небольшим партийным стажем.

Таблица 3

Партийный стаж внештатных инструкторов, количество лет

1931 г.	1934 г.	1936–1937 гг.	1938–1940 гг.	1942 г.
5	10,75	11,25	8,6	3,3

Таблица 4

Наличие опыта предшествующей руководящей партийной (в скобках – комсомольской, профсоюзной) работы у внештатных инструкторов, количество работников из общего числа рекрутируемых

1931 г.	1934 г.	1936–1937 гг.	1938–1940 гг.	1942 г.
1 из 2	4 из 8	11 (+1) из 17	0 (+1) из 3	1 (+1) из 6

Табл. 4 демонстрирует наличие опыта низовой руководящей партийной (парторг, секретарь партячейки / первичной парторганизации, работник аппарата местного парткома) и другой общественной работы (профорг/ председатель месткома, комсорг, работник аппарата комсомольских органов) у рекрутируемых на должности внештатных инструкторов. Очевидно, что до периода «Большого террора» наличие такого профессионального опыта встречалось гораздо чаще, чем в последующий период. Имеются свидетельства того, что в состав внештатных инструкторов промышленно-транспортного отдела Пермского горкома ВКП(б) к весне 1937 г. включались и освобожденные (то есть штатные, платные) секретари парткомов крупных строительных объектов [7]. Думается, что наличие такого опыта позволяло значительно ускорить

процесс «ведомственной» социализации внештатного инструктора, более эффективно и профессионально осуществлять взаимодействие с первичными парторганизациями. В период после «Большого террора» внештатные инструкторы местных парткомов с таким профессиональным опытом оказывались уже исключением, чем правилом.

Дополнительным штрихом к коллективному портрету внештатных инструкторов местных партийных комитетов является наличие полученных в предшествующий период партийно-дисциплинарных взысканий (включение таковых в партбилет; при этом не учитывались отмененные вышестоящим парткомом дисциплинарные взыскания) и уголовного наказания (нахождение под следствием и последующее оправдание не считалось как привлечение к уголовной ответственности). Как показывает табл. 5, у достаточно большой доли внештатных инструкторов 1930-х гг. к моменту избрания были погашенные партийно-дисциплинарные взыскания (вплоть до отмененных исключений из партии) и даже уголовные наказания. На наш взгляд, данное обстоятельство являлось оборотной стороной достаточно большого партийного стажа и предшествующего опыта руководящей работы: частые колебания партийного курса в 1930-е гг. увеличивало возможности быть привлеченным к партийно-дисциплинарной и даже уголовной ответственности.

Таблица 5

Наличие партийно-дисциплинарных (в скобках – в том числе уголовных) взысканий у внештатных инструкторов, количество работников из общего числа рекрутируемых

1931 г.	1934 г.	1936–1937 гг.	1938–1940 гг.	1942 г.
0	5 (+2) из 8	7 (+1) из 17	2 (+1) из 3	0 (+1) из 6

Наконец, самый главный вопрос исследования – способствовало ли занятие должности внештатного инструктора местного парткома на восходящую карьерную траекторию работника по партийной линии? Об этом свидетельствуют данные табл. 6. Во всех временных срезах присутствуют именно такие примеры карьерного роста, что позволяет сделать вывод о том, что должностная группа внештатных инструкторов местных парткомов относилась к бассейну рекрутирования на штатную партийную работу. Причем карьерный рост соответствовал принципу пирамиды: чем выше уровень партийной иерархии, тем меньшее количество индивидов его достигало, и наоборот. Так, из 21 внештатных инструкторов, сделавших партийную карьеру, 8 человек «доросли» до уровня руководства первичной (пусть и крупной) парторганизации, 7 – до уровня представителей аппарата горрайкома партии, 6 – аппарата горкома и обкома партии.

Таблица 6

Последующий карьерный рост по партийной линии у внештатного инструктора, количество работников из общего числа рекрутируемых

1931 г.	1934 г.	1936–1937 гг.	1938–1940 гг.	1942 г.
2 из 2	2 из 8	13 из 17	2 из 3	2 из 6

Необходимо заметить, что на карьерный рост внештатных инструкторов прежде всего оказывали влияние внешние факторы: проводимые в рамках «Большого террора» 1937–1938 гг. партийные «чистки», сопровождавшиеся обвинениями в связях с «врага-

ми народа», арестом, исключением из партии и снятием с занимаемой должности, а также Великая Отечественная война (призыв в ряды Вооруженных сил СССР, гибель/пропажа без вести на фронте).

Если «Большой террор» затронул лишь одного из восьми внештатных инструкторов 1934 г. (правда, дело дошло до реального уголовного срока), то для «призыва 1936–1937 гг.» политические репрессии (арест органами НКВД, привлечение к строгой партийно-дисциплинарной ответственности, лишение работы и выселение из служебного жилья) коснулись уже 5 из 17 (во многих случаях последствия были более мягкие, что позволило в дальнейшем продолжить партийную карьеру). Анализ источников показывает, что попавшие под каток репрессий внештатные инструкторы были связаны неформальными, клиентелистскими связями с хозяйственными руководителями или высокопоставленными работниками аппарата горкома и обкома ВКП(б). Привлечение к уголовной ответственности «патрона» являлось основанием для проверки по линии органов НКВД его «клиентелы», а новое руководство местных партийных органов просто дублировало без тщательного разбирательства решения первичных парторганизаций об исключении из партии.

В целом должностная когорта внештатных инструкторов местных партийных комитетов являлась одной из «околовластных» социальных групп, входивших в своеобразный бассейн рекрутирования на должности штатных партийных «ответработников». Просопографический анализ биографий внештатных инструкторов, сравнение количественных данных по определенным критериям позволяет создать динамический социальный портрет этой группы, а при использовании математических методов – еще и выявить статистические связи между этими параметрами в будущих исследованиях.

Список источников

1. Юмашева Ю. Ю. Просопография – метод исследования и междисциплинарное направление: этапы развития и современное состояние // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2022. № 49. С. 3–5.
2. Дорошина М. М., Слезин А. А. Эволюция кадрового корпуса первых секретарей областного, городских и районных комитетов ВЛКСМ Тамбовской области в 1937–1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50), ч. II. С. 60–64.
3. Косенков А. Н. Коллективный портрет Тамбовской социальной элиты 1920–1940-х гг. По материалам просопографической базы данных // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 9 (149). С. 108–117.
4. Метелкина Л. Н. Руководители Иркутского губернского (окружного) комитета РКП(б) – ВКП(б): опыт создания коллективного портрета. Ч. 1 // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 79–85.
5. Белоногов Ю. Г. Институт внештатных инструкторов в эволюции организационной структуры местных городских комитетов ВКП(б) в 1930–1945 годы: «пермский опыт» (часть I) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 1. С. 63–72.
6. Белоногов Ю. Г. Институт внештатных инструкторов в эволюции организационной структуры местных городских комитетов ВКП(б) в 1930–1945 годы: «пермский опыт» (часть II) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 3. С. 10–20.
7. ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1481. Л. 2.

МУЗЫКАНТ-НАСТАВНИК СИБИРСКОЙ МОЛОДЕЖИ АНАНИЙ ЕФИМОВИЧ ШВАРЦБУРГ

Аннотация. В статье рассматривается педагогическая деятельность ссыльного пианиста, дирижёра, Анания Ефимовича Шварцбурга в Енисейске. Являясь представителем сибирской интеллигенции, Ананий Ефимович, несмотря на свой негативный статус «сибиряка поневоле», стал наставником для большинства молодых людей города и оказал влияние на развитие культуры в целом. Его вклад в эстетическое образование молодежи Сибири имел большое значение для формирования музыкальной культуры всего Красноярского края. В исследовании автор опирается на архивные документы, воспоминания очевидцев. Делает вывод о значимости наставнической деятельности мастеров культуры для любительских коллективов.

Ключевые слова: *Ананий Ефимович Шварцбург, Енисейск, Енисейское педагогическое училище, самодеятельное искусство, сибирская ссылка*

Abstract. The article examines the pedagogical activity of the exiled pianist, conductor, Ananii Efimovich Schwarzburg in the city of Yeniseisk. Being a representative of the Siberian intelligentsia, Ananiy Efimovich, despite his negative status as a «Siberian involuntarily», became a mentor for most of the young people of the city and influenced the development of culture in general. His contribution to the aesthetic education of the youth of Siberia was of great importance for the formation of the musical culture of the entire Krasnoyarsk Territory. In the study, the author relies on archival documents, eyewitness memories. Makes a conclusion about the importance of mentoring activities of masters of culture for amateur groups.

Keywords: *Ananii Yefimovich Schwarzburg, Yeniseisk, Yeniseisk Pedagogical College, amateur art, Siberian exile*

Сибирский край славен своей красотой, но суровость климата и тяжелые условия жизни сделали его для многих людей и местом ссылки. В «тюрьме без решеток» ссыльные в условиях острой нехватки в Сибири специалистов оказывались востребованными как учителя, врачи, исследователи природы и населения края. Таким сибиряком поневоле становится пианист, дирижер Ананий Ефимович Шварцбург. Дорога в сибирскую ссылку была длинной и наполненной чередой событий.

Еще до революции его родители уехали в северо-восточный Китай. Образованная и интеллигентная семья, мать музицировала, отец работал бухгалтером. Ананий Ефимович родился в Харбине в 1918 г. В 1930-е гг. семья Шварцбургов переезжает в Россию. Ананий в 1936 г. поступает в Московскую консерваторию в класс фортепиано под руководством выдающегося педагога и пианиста Константина Николаевича Игумнова. В 1937 г. он переехал в Ленинград к месту жительства своих родителей и перевёлся в Ленинградскую консерваторию. В январе 1938 г. Анания Ефимовича аре-

ставали по обвинению в шпионаже в пользу Японии. По воспоминаниям его друзей, он всё время «надеялся на правду, отрицал то, что ему инкриминировали, его били страшно, этого юношу 18 лет избивали в кровь, он говорил, что иногда сутками отходил от тех побоев, которые ему пришлось пережить». Выдержать такую пытку было невозможно, и Шварцбургу пришлось подписать обвинительный приговор [12]. В годы заключения он работал на лесоповале, затем был перевод в Магаданский театр на должность концертмейстера, солиста, и наконец, дирижера. Здесь он нашел свою будущую жену Инну Рудинску, она работала в Магаданском театре в костюмерном цехе. Родилась дочь Наталья. После досрочного освобождения в 1947 г. наступил короткий период вольной жизни. Ананий Ефимович с семьёй по профсоюзной путёвке уехал в Сухуми, где устроился в Кутаиси преподавателем в местное музыкальное училище [11]. Об этом периоде жизни своей семьи Наталья Шварцбург (дочь) вспоминает так: «Успешно начатая педагогическая работа была прервана полгода спустя. Власти добрались и сюда, до кавказской глубинки. Отец вновь был арестован, снова провёл несколько месяцев в тюрьме, на этот раз Тбилисской. Оттуда вновь арестантским вагоном был отправлен на восток, до Красноярска, а затем на север, на Ангару, куда и приехала позже мама со мной на руках» [15, с. 554]. Анания Шварцбурга обвинили в шпионаже в пользу Англии и отправили в ссылку в Красноярский край, в Мотыгино. Мотыгино – небольшой населенный пункт, где заготавливали лес. Ананий Ефимович не мог найти работу по специальности, он просит перевода в Енисейск. Просьбу удовлетворили. В Енисейске Ананий Ефимович устроился работать в местный Дом культуры и стал преподавать музыку в педагогическом училище. Вот так началась педагогическая деятельность ссыльного музыканта Анания Шварцбурга в сибирском Енисейске, где благодаря своему таланту и профессионализму ему удалось стать наставником енисейской молодежи.

«После Мотыгино Енисейск казался раем» – вспоминает дочь Анания Шварцбурга Наталья [15, с. 558]. В книгах приказов по Енисейскому педагогическому училищу за 1953 г. сохранилась запись о количестве часов учебной нагрузки Шварцбурга. Например, в приказе 18(а) за № 1 можно прочитать запись: «Установить недельную нагрузку для преподавателей педучилища с 1 сентября 1953 г.», далее идет список преподавателей, под двадцать третьим номером напечатана фамилия Шварцбург А. Е. – 30 часов [5]. Анализируя книги приказов за 1950–1953 годы, можно сделать вывод, что Ананий Ефимович работал преподавателем музыки с хорошей нагрузкой: от 25 до 30 часов в неделю [3, приказ № 225 от 12 февраля]; [5, приказ № 193 от 27 февраля].

Клавдия Павловна Колосова, выпускница Енисейского педагогического училища 1953 г., вспоминает: «И у нас появилась звезда, интеллигентный, образованный, эрудированный преподаватель музыки. Одет бедно, «штиблеты есть просили», да мы и сами были очень бедно одеты. С первых уроков поняли, что это очень интересный человек, виртуоз. Он играл на фортепьяно, и мы были влюблены в уроки музыки. Много учили по теории, и все ждали с нетерпением, когда Ананий Ефимович сядет к инструменту. Играл он в основном классику: Бетховена, Листа, Чайковского. Для нас это были счастливые годы. Закончилась война, такой эмоциональный подъем, так хотелось жить и учиться! Во время урока Ананий Ефимович, мог подойти и так легонько по рукам дотронуться, следи, мол, за пальцами. Очень чуткий был педагог. К концу обучения я уже хорошо играла и вальсы, и польку» [10].

Надо отметить, что в целях улучшения работы по хоровому пению в училище был создан сводный женский хор студентов. Занятия проводились с 7 часов 50 минут до 8 часов 50 минут утра [2, приказ № 185 от 14 ноября]. Хором руководил Шварцбург. Надолго запомнили Анания Ефимовича енисейцы, которым довелось побывать на концертах и спектаклях, постановкой которых он занимался. Массовостью и яркостью от-

личались городские праздники песен, впервые проходившие так широкомасштабно и торжественно: «На стадион привезли рояль, концертмейстером был Шварцбург, дирижировал хором ссыльный музыкант Филипп Осипович Швейкин» [8]. Сводный хор студентов педагогического училища насчитывал до 120 человек.

Выпускница 1953 г. студентка Горбачева Надежда вспоминает: «В училище был прекрасный хор, исполнявший песни на 3-4 партии. Организатором и душой художественной самодеятельности был Ананий Ефимович Шварцбург. Он научил нас понимать музыку. Сам был прекрасным музыкантом и широко образованным человеком» [9]. Старожилы Енисейска вспоминали, что во время одного из праздников на городском стадионе под руководством Шварцбурга выступил сводный хор, который насчитывал по разным сведениям от 500 до 700 человек!» [8]. Помимо хора в училище существовал вокальный ансамбль, и Шварцбург был официально назначен его руководителем с дополнительной нагрузкой 5 часов в неделю [4, приказ № 503 от 26 ноября]. Пели песни о Енисее, патриотические, лирику.

За годы енисейской ссылки Ананий Ефимович внес большой вклад в музыкальное образование и эстетическое воспитание молодежи, особенно учащихся училища. «Я вчера играл концерт Чайковского на вечере, который мы устроили в училище, лекция-концерт о творчестве Чайковского. Был прочитан доклад. Затем исполнялись фортепьянные миниатюры, затем пела одна певица (почти настоящая) романсы и «Полину», затем я играл Концерт в сопровождении моего коллеги (один рижский пианист). Не буду ломаться, а скажу, что я очень доволен, хотя бы тем фактом, что я работал, что выучил никогда прежде не играный мною концерт, да и тем, как его слушали и приняли. Так как зал у нас в училище крохотный, то для того, чтобы могли посетить концерт все учащиеся, придется его повторить в течение пяти-шести вечеров подряд», – писал в письме Нелли Субботовской от 10 февраля 1951 г. Ананий Ефимович [7, с. 92]. В письме есть недосказанность, скрыты фамилии ссыльных деятелей искусств, помогающих организовать концерт для студентов. В Енисейске в период педагогической деятельности Шварцбурга отбывали ссылку многие знаменитости, например, Филипп Осипович Швейкин – пианист, будущий директор Рижской филармонии, работал вместе со Шварцбургом в педагогическом училище, был реабилитирован, в книге приказов по Енисейскому педагогическому училищу сохранилась запись о его увольнении [4, приказ № 471 от 9 октября]. Выпускница педагогического училища 1952 г. Александра Смолина вспоминает о Шварцбурге и его товарищах по изгнанию: «Они знакомили нас, молодых и непросвещенных учащихся педучилища, с произведениями искусства, формировали творческие способности, мы выступали на смотрах и праздничных концертах!» [14].

Не всем удавалось в местах отбывания ссылки найти единомышленников и иметь силы для самовыражения, а главное желание передать знания молодежи и воспитывать советских людей. В своих воспоминаниях А. М. Малютина, профессор Лесосибирского педагогического института, отмечает: «В Енисейске Ананий Ефимович нашел людей, разбирающихся в искусстве, умеющих ценить подлинный талант. Помню, он готовил к Толстовскому юбилею (125-летию со дня рождения писателя), который солидно отмечался в педагогическом институте г. Енисейска, исполнение «Крейцеровой сонаты» Бетховена, с ней связана известная толстовская повесть. Он репетировал со ссыльной скрипачкой, которая, как летучая комета, блеснула на енисейском горизонте, и куда-то исчезла. Мастерство пианиста слилось с ее мастерством. Репетиции они проводили в детском садике за речкой по вечерам, когда детей разбирали по домам и помещение пустело. Я посещала эти репетиции потому, что это было величайшим эстетическим наслаждением слушать настоящих артистов. Тем более что сама занималась музыкой» [14].

Огромным успехом обернулась идея Шварцбурга поставить на сцене Дома культуры в 1952 г. оперу «Майская ночь». Артисты – студенты педагогического училища, приехавшие учиться из далеких сибирских деревень, многие из которых до этого никогда не участвовали в самодеятельности и даже музыкальных инструментов не видели. Клавдия Павловна Колосова, выпускница педагогического училища 1953 г., вспоминает: «Ананий Ефимович не любил, когда опаздывали на репетиции, свою роль должен знать наизусть каждый участник театрального действия. Мне посчастливилось, я играла русалку в опере «Майская ночь». До сих пор помню свою роль «Любо нам ночной порою дно речное покидать. Любо вольной головою высь речную рассекать. Подавать, подавать, подружкам голос. А-а-а...». Волосы мы сделали из веревок, красили их зеленой, костюмы из марли. Сами были худы и бледны, ну просто настоящие русалки. В опере принимало участие много народу, в массовке только около 30 человек. У каждого была музыкальная партия, много пели хором. Петя Ефимов, мой однокурсник, исполнял главную роль. Для города это был настоящий праздник, ведь никто до этого не ставил оперы в Енисейске» [10]. Ананий Ефимович писал: «Коллективными усилиями ссыльных (не только профессионалов, но и просто любителей) и с участием местной молодежи, которая, надо отдать должное, не только уважительно относилась к «врагам народа», но и с удовольствием поддерживала все культурные начинания, была поставлена опера. 11 апреля выпустили «Майскую ночь». Наконец-то! Вчера был последний шестой спектакль. Успех большой. Все довольны!» [7, с. 94].

Успех выступления был обеспечен и, благодаря условиям, созданным для подготовки студентов, которые составляли основную массу артистов. В училище в программу физической подготовки входил раздел «Танцы» [3, приказ № 235 от 6 марта]. Сохранились приказы об увеличении часов на эту дисциплину с дополнительной оплатой педагогу. Студентов, пропускающих занятия по хору, лишали стипендии, объявляли выговор. Например, в приказе № 231 от 22 февраля 1951 г. таких прогульщиков насчитывалось 14, 0,5 % от всего состава учащихся [3]. И все же такие приказы стимулировали остальных на соблюдение дисциплины и ответственного отношения к делу, только лучших отбирали для участия в смотрах. С 1952 г. в училище был оборудован кабинет музыки со всем набором инструментов, ответственным был А. А. Павленов, руководитель студенческого струнного оркестра народных инструментов. В училище работал и драматический кружок (1950), под руководством К. С. Голых [2, приказ № 18 от 1 января]. Назначались предметные комиссии по контролю за подготовкой к смотру художественной самодеятельности, которые были ежегодны в педагогическом училище. Занятия музыки шли и в подготовительном классе, о чем свидетельствуют записи в книге приказов за 1952 г. Комиссии неоднократно отмечали высокий исполнительский уровень коллективов самодеятельности под руководством Анания Ефимовича. Хор и вокальная группа на смотрах художественной самодеятельности города занимали только призовые места [4, приказ № 511 от 14 декабря].

Деятельность Анания Шварцбурга можно назвать подвижничеством. «Он был и просветителем, и исполнителем. Он был удивительный, не корыстный, буквально дух служения искусству, служения людям. Ананий Ефимович уделял большое внимание одаренной молодежи» [1, с. 136]. В 1951–1952 гг., когда приезжала на летние каникулы студентка Московского музыкально-педагогического училища имени Гнесиных Римма Колокольникова, Ананий Ефимович занимался с нею, слушал ее пение под свой аккомпанемент, наставлял, давал советы и указания. Она закончила и училище, и музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, получив квалификацию певицы и преподавателя пения [14].

Из воспоминаний дочери Натальи: «А когда папа, собрав ссыльных и местную молодежь, поставил на сцене маленького клуба два музыкальных спектакля, это стало событием для утопающего в снегах старинного городка» [15, с. 559].

Вторым музыкальным спектаклем стала опера-сказка «Морозко» (1953). Больше всего запомнилась студентам ария Машеньки. Костюмы шили сами, декорации красивы. Играл оркестр. В ролях лесных животных – зайцев были задействованы учащиеся младших классов [13, Оп. 1. Д. 88. Л. 9.]. За активное участие в художественной самодеятельности всем участникам оперы «Морозко» и участникам первомайского хора была объявлена благодарность с занесением в личное дело [5, приказ № 43 от 4 апреля]. «Это была настоящая сказка», – вспоминает К. П. Колосова. «Как много мне дало это участие, я всю жизнь вспоминаю свою молодость. Музыка впоследствии вела меня по жизни, я пишу стихи и читаю их под музыку для нашей молодежи» [10]. К. П. Колосова посвятила свою жизнь воспитанию подрастающего поколения, в 2021 г. ей исполнилось 90 лет. Она до сих пор организует музыкальные мероприятия для студентов и школьников г. Енисейска.

Краевая комиссия, прибывшая с проверкой, признала, что во всем Красноярском крае нет такого уровня постановки музыкального преподавания. Возможно, после этого события произошла очередная перемена в судьбе музыканта. Во время одной из своих поездок по краю первый секретарь крайкома партии А. Б. Аристов познакомился с Ананием Ефимовичем, обнаружил в нем незаурядную личность, прекрасного музыканта и добился разрешения перевести его в Красноярск.

В 1955 г. Анания Ефимовича Шварцбурга реабилитировали «за отсутствием состава преступления», он переехал в Красноярск и поступил на работу в Красноярскую краевую филармонию, где проработал почти 20 лет солистом, концертмейстером, лектором-музыковедом и художественным руководителем [11]. Он много гастролировал, выступал в Домах культуры и сельских клубах Красноярского края. Как исполнитель Ананий Ефимович обладал красивым, бархатным тембром голоса, по которому его узнавали радиослушатели. Работая художественным руководителем краевой филармонии, Ананий Ефимович приглашал известных исполнителей из Ленинграда и Москвы, которых знал лично по учёбе в консерватории, выступить для сибиряков [12]. Кроме того, Шварцбург многие годы возглавлял городское жюри по смотру художественной самодеятельности. И многим молодым талантливым музыкантам, замеченным им на таких концертах, Ананий Ефимович дал «путёвку в жизнь», приглашал на работу в Красноярск. В 1978 г. Ананий Ефимович Шварцбург скончался. Его вклад в эстетическое образование молодежи Сибири имел большое значение для формирования музыкальной культуры и развития таланта людей, посвятивших себя музыке.

Можно сделать вывод о том, что педагогическая деятельность Анания Ефимовича Шварцбурга способствовала развитию городской культуры в целом. Он стал наставником для многих студентов – любителей музыкального искусства, образовывал творческие сообщества, поднял художественную самодеятельность на высокий уровень, доказал, что и в глубоко провинциальном городе можно культурно организовать свой досуг, развивать творчество и радовать результатами работы общественность. Его труд был высоко оценен жителями города, коллегами по работе, студентами.

Можно бесконечно удивляться силе воли таких людей, прошедших ссылку, испытавших неимоверные тяготы заключения в сталинских застенках, но, всё-таки душой остающихся романтиками, верящими в силу искусства.

К педагогической деятельности Анания Ефимовича Шварцбурга обращаются и сегодня, изучая бесценный опыт работы с любительским коллективом студентов педагогического училища, методики, которые позволили приблизиться его воспитанни-

кам к профессиональному искусству и быть примером для многих краевых исполнителей коллективов художественной самодеятельности.

Список источников

1. 80 лет со дня основания техникума народов Севера в Енисейске (ныне Енисейский педагогический колледж) // Край наш красноярский: Календарь знаменательных и памятных дат на 2011 г. Красноярск, 2010. С. 134–139.
2. Архивные фонды Енисейского педагогического колледжа. Книга приказов за 1950 г.
3. Архивные фонды Енисейского педагогического колледжа. Книга приказов за 1951 г.
4. Архивные фонды Енисейского педагогического колледжа. Книга приказов за 1952 г.
5. Архивные фонды Енисейского педагогического колледжа. Книга приказов за 1953 г.
6. Архивные фонды Енисейского педагогического колледжа. Книга приказов за 1955 г.
7. Гаврилова Л. В. Ананий Ефимович Шварцбург: судьба музыканта // Вестник музыкальной науки. 2019. № 1. С. 91–96.
8. Дервяшкина Н. М. «Майская ночь» на Енисее // Енисейская правда. 1953. 9 апреля.
9. Из личных воспоминаний Гарбочевой Н., выпускницы Енисейского педагогического училища 1955 г. // Фонды музея Истории Енисейского педагогического колледжа (текущий архив)
10. Из личных воспоминаний К. И. Колосовой, выпускницы Енисейского педагогического училища 1953 г. (архив автора).
11. Лалетина Е. «Ярким, как звезды, – дань уважения и почета». Красноярск, 2014. Режим доступа: <https://gnkk.ru/articles/znaki-sudeb>.
12. Липатова К. Ю. К 95-летию красноярского пианиста А. Е. Шварцбурга. Красноярск, 2013. Режим доступа: <http://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh>.
13. МКУ «Енисейский районный архив». Ф. 275.
14. Сысоева А. Ананий Ефимович Шварцбург в Енисейске (1918–1975) // Репрессированные деятели культуры и искусства в истории и культуре Красноярского края. Красноярск, 2011. Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/Reprdeyat/1.htm>.
15. Шварцбург Н. След. Музыкальная культура Красноярска. Т. 2: 1920–1978. Красноярск, 2011. С. 554–567.

Д. В. Мариловцев

*Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник
имени А. И. Кытманова
Енисейск, Россия*

ДИРЕКТОР-РАЦИОНАЛИЗАТОР: ИВАН ИОСИФОВИЧ ГОРОДОВИЧ

Аннотация. В статье представлен результат исследования архивных источников Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника имени А. И. Кытманова, периодических изданий о жизненном пути и достижениях директора Енисейского механического завода Ивана Иосифовича Городовича. Цель исследования – на основе изучения источников музея показать основные этапы жизни И. И. Городовича, синхронизировать уже имеющиеся данные с новыми сведениями о ключевых периодах его деятельности. В исследуемый период включены периоды обучения, становления производственной и общественной деятельности Ивана Иосифовича. Результаты исследования будут интересны для краеведов и любителей истории, изучающих личности руководителей советских предприятий, которые оставили заметный позитивный след в развитии заводов Красноярского края.

Ключевые слова. *И. И. Городович, Енисейский механический завод, Енисейск, цех, производство, строительство*

Abstract. The article presents the research results of archival documents of the Yenisei museum-reserve and periodical issues about the life path and achievements of the Yenisei Mechanical Plant director Ivan Iosifovich Gorodovich. The purpose of the study is to reveal the main Ivan Iosifovich's life stages based on the Museum's documents and to synchronize the already known data with the new information on the key periods of his activity. The research period includes periods of studying and the beginning of professional and social activities of Ivan Iosifovich. The results of the study will be of interest to local historians who study the personalities of the Soviet enterprises' directors, who left a noticeable positive mark on the development of factories and plants in the Krasnoyarsky krai territory.

Keywords: *I. I. Gorodovich, Yenisei Mechanical Plant, Yeniseisk, manufactory, production, construction*

Введение. Красноярский край всегда был одним из самых индустриально развитых регионов нашей страны. И сейчас он входит в десятку субъектов России по валовому региональному продукту (ВРП) [1]. Основы этой экономики во многом были определены и заложены в советские годы, когда создавались уникальные заводы, даже в небольших городах, которые обслуживали местную экономику. Енисейск считается сейчас туристическим городом, где нет крупных производств, однако так было не всегда. В советские годы здесь существовали градообразующие предприятия, одним из которых был Енисейский механический завод, а руководителем долгие годы был Иван Иосифович Городович.

Иван Иосифович Городович – директор енисейского механического завода
(Из фондов ЕКМ)

Иван Иосифович Городович родился в деревне Абалаково Саянского района Красноярского края. Большой род Городовичей ведет свои корни из Виленской губернии, деревни Заберезь. Его отец – Городович Осип Иванович, отслужил несколько лет в армии, квартировавшей в Харбине, был участником войны с Японией 1904–1905 гг. [2, с. 38] Вернувшись домой в 1907 г., женится. Молодая чета в поисках благополучия уезжает в Америку. По специальности Осип Иванович был столяром, он по профессии устраивается на фабрику. Американский климат не подошел супруге Марии Антоновне и она вместе с Иваном вернулась на родину. Осип Иванович регулярно навещал семью в России.

После начала Первой мировой войны в 1914 г. Мария Антоновна покидает Виленскую губернию и перебирается к своим соотечественникам в Сибирь, которые переехали туда во времена столыпинской реформы. Местом проживания была выбрана деревня Вознесенка Саянского района. Сюда в 1918 г. возвращаете и глава семейства [2, с. 41]. Отец Ивана владел несколькими языками (китайский, английский, немецкий, хорошо знал украинский, польский, белорусский). Они вырастили восьмерых детей, многие из них смогли получить высшее образование.

Иван рано приобщился к работе. Ему с малых лет был хорошо известен крестьянский труд. Он пас колхозных телят, боронил, возил копны, пахал, заготавливал сено. Несмотря на трудности, знания и образование в семье Городовичей были в приоритете. Дети ходили сначала в начальную школу, которая была в деревне, а в старших классах посещали школу в соседнем селе.

С началом Великой Отечественной войны на фронт ушли братья Ивана, Василий и Петр. В эти годы семья сажала по 40 соток картофеля, чтобы прокормиться. Как вспоминает Иван Иосифович, «поле вскапывали исключительно лопатами – в колхозе не хватало лошадей» [3].

В 1946 г. Городович оканчивает 10-й класс Ачинской средней школы, получает паспорт. Интересно, что отчество Ивана – Иосифович, не соответствует производной

от имени его отца – Осипа. Сам Иван Иосифович это объясняет временем культа личности Сталина, поэтому у него и трансформировалось отчество, хотя у его братьев и сестер отчество осталось отцовским [4, л. 1].

В 1946 г. Иван поступает в Новосибирский сельскохозяйственный институт, где он учился вместе с братом Петром, демобилизовавшимся к тому времени офицером. Братья рассчитывали в основном на собственные силы. Помощь в виде продуктовых посылок поступали из дома редко. Про деньги вообще вспоминали редко, их в колхозе мало кто видел. Подрабатывали на разгрузке вагонов, когда становилось туговато. В эти годы в институте училось очень много фронтовиков. Жили в общежитии. После окончания института получил специальность инженера-механика по тракторам и автомобилям и в 1951 г. попал по распределению в Хакасию в Ширинский леспромхоз, где сначала работал механиком лесопункта, а затем механиком леспромхоза.

В 1952 г. был переведен в Абаканские центральные ремонтно-механические мастерские (ЦРММ) начальником механического цеха. В октябре 1953 г. был назначен главным инженером. Способный студент становится не только практиком, но и руководителем. В 1954 г. был переведен в Абаканскую сплавную контору главным механиком. В декабре 1954 г. снова перевод. Теперь в Енисейские ЦРММ на должность главного инженера. Постановлением Красноярского Совнархоза от 19.03.1963 № 160 ЦРММ были преобразованы в завод. 29 марта 1963 г. Иван Иосифович назначен директором Енисейского механического завода [4, л. 2].

Городович педантично вникает в производство, хотя профиль работы был для него знаком. Благодаря ему в заводских цехах, работающих на лесопромышленный комплекс, получили вторую жизнь валочная и трелёвочная техника, двигатели для автомобилей. Был налажен выпуск котлов для котельных и емкостей для ассенизационных машин. Объемы росли, и тогда встал вопрос о расширении производственных машин – началось строительство объектов на противоположном берегу реки Мельничной. Строительство велось собственными силами.

Иван Иосифович в это время много ездил по командировкам, чтобы настроить современные поставки оборудования, необходимых материалов. Два берега реки Мельничной со старыми и новыми корпусами связал тоннель, в котором пролегли теплотрасса, водопровод и коммуникации. Строятся новые цеха. Каждый из них имел свою спецификацию. Сначала были построены моторный цех и токарный участок. Были еще цех № 3, который осваивал изготовление новых изделий, и цех № 4 (кузнечный), который назывался литейным и размещался в те годы в Воскресенском храме. С расширением производства помещения храма были освобождены. Цех по ремонту тракторов, который размещался тогда по адресу: ул. Ленина, 106 (сейчас здесь находится филиал пенсионного фонда), со временем становится мал, поэтому на территории правого берега реки Мельничной строится новый тракторный цех. Завод много производил нестандартного оборудования. Были оборудованы площади для изготовления деталей из резины, капронового литья, ремонта станочного парка. Был на заводе и цех главного механика (ОГМ). В его задачи входило обеспечение работоспособности завода, поэтому в его структуре был электроцех.

В первые годы в ЦРММ работали реабилитированные репрессированные специалисты А. В. Хван, Б. Л. Словик, В. П. Емец, А. П. Кужма. Именно благодаря инициативе профессора Кужмы был сконструирован, изготовлен и испытан гидрореактивный катер малого размера типа полуглиссер. После него был спроектирован и построен гидрореактивный катер с двигателем 300 л. с. с отличными жилыми помещениями [5].

Все годы на заводе существовала художественная самодеятельность: хор, вокал, инструментальный и духовой оркестры. Механический завод принимал активное участие в Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ). На ней завод экспонировал

разработанные творческим коллективом понтоны для сопровождения транзитных плотов, сплотно-формировочных машин.

Начиная с основания завода и по 1993 г. коллектив наращивал выпуск продукции. Завод занимался капитальным ремонтом тракторов, автомобилей, катеров, барж. Занимались монтажом плавучих кранов 5, 10, 15 тонн грузоподъемности. Строили понтоны для сопровождения плотов до Игарки, брандвахты, 200-тонные баржи, танкеры, на которых доставляли горючесмазочные материалы в леспромхозы по Ангаре и Енисею. Делали много новой техники для лесосплава по заказам Сибирского научно-исследовательского института лесной промышленности (СИБНИИЛП) [6].

Иван Иосифович, вспоминая, отмечает, что многие работники завода трудились с вдохновением и героизмом. Завод очень много строил жилья и объектов социального и культурного быта. У завода был ведомственный детский сад на 100 мест. Для города были построены детские ясли в лесном поселке вместе с кирпичным магазином в микрорайоне «Вологдинка» по улице Красноармейская. Большой жилой район завод отстроил в районе улиц Ванеева, Куйбышева, Фефелова, 40 лет Октября, Сурикова. Был также построен спортивный стадион «Труд», который долгие годы содержал завод, там всегда был бесплатный вход.

Большая работа велась и на производстве. Собственными силами и за счет собственных средств построен литейный цех с электропечами для плавки цветного и черного металла. Созданы просторный механический цех, оснащенный новым оборудованием, трактороремонтный цех (размер 36 × 96 м), заводская котельная, подстанции, кабели и воздушные электролинии к ним, гаражи для транспорта. Велось благоустройство территории промышленной площадки, строились дороги, которые покрывались асфальтом.

За эти годы заводские площади были увеличены втрое. Было создано 600 рабочих мест. Каждый работник получил современные бытовые помещения, где он мог переодеться, принять душ и отдохнуть. Завод год от года поднимал планку производственных задач. В годы советских пятилеток всегда выполнялся план, вовремя выплачивалась заработная плата. Предприятие помогало своим работникам заготавливать сено, картофель, выделяя по 15 кубометров дров каждому работнику и неработающим пенсионерам, а также закрепленным за заводом инвалидам по фиксированной цене 1 руб. 5 коп. за кубометр, доставляя дрова на дом [4, с. 3]. Кому не хватало дров на зиму, выдавали дополнительно. Ежегодно для этих целей приплавливали 8 000 м³. У завода были подшефные учреждения и организации. Это школа № 1 г. Енисейска и коллективное хозяйство в д. Подгорное Енисейского района.

Как вспоминает Иван Иосифович, менялись культура и условия труда. Люди стали приходить на производство в чистой одежде, используя специальную одежду только непосредственно для работы. Завод участвовал во всех видах социалистических соревнований. Последние (перед 1993 г.) 10–15 лет систематически 1–2 раза в год занимали третье призовое место среди ремонтников лесной отрасли страны. Министерством лесной промышленности и профсоюзом заводу неоднократно присваивалось звание «Предприятие высокой культуры». Решениями коллегий министерства лесной промышленности коллектив механического завода неоднократно премировался [7].

Многие работники награждены правительственными наградами, в том числе и сам Иван Иосифович. Так, 7 мая 1971 г. он был награжден орденом Трудового Красного знамени, 22 мая 1986 г. орденом «Знак Почета», юбилейной медалью «За доблестный труд», бронзовой медалью ВДНХ в 1963 г., серебряной медалью ВДНХ в 1969 г., неоднократно получал грамоты и благодарственные письма от различных хозяйственных организаций. Многократно избирался депутатом городского совета, был членом исполкома городского совета Енисейска. Активно занимался просветительской работой

на заводе на общественных началах. В течение 30 лет вел на заводе семинар «Экономика» [8].

Выводы. Надо сказать, что за 48 лет трудового стажа не все было гладко, легко и происходило «само собой». Директор (и его коллектив) проявлял волю, напряжение и выполнял поставленные задачи, которые не всегда были в интересах завода. Поэтому Городович получал и взыскания, которые никогда не опротестовывал, даже если они были и не заслуженными.

В отношении людей Иван Иосифович старался быть справедливым и внимательным. Директор завода всегда остается под многосторонним контролем, поэтому деятельность руководителя требовала больших физических и душевных сил.

Огромную поддержку Ивану Иосифовичу оказала его семья: супруга Лидия Кирилловна, дочери Елена и Ирина. В возрасте 65 лет Иван Иосифович уходит на пенсию. Это случилось 25 ноября 1993 г. Знаковое событие происходит 8 августа 2001 г. Решением городского Совета депутатов ему было присвоено звание «Почетный гражданин» города Енисейска.

Иван Иосифович всей душой болел и заботился о своем коллективе, помогая всем, кто обращался к нему за помощью. Он был строгим руководителем, спрашивал и требовал с подчиненных по всем правилам и инструкциям. Передовикам давал за заслуги вне очереди талоны на приобретение товаров повышенного спроса – автомобили, бытовую технику, ковры, мебель. Его запомнили как талантливого советского руководителя, создавшего завод с высоким уровнем квалифицированных специалистов, рационализатора и человека, который сформировал особый микроклимат в коллективе, коллектив, который изготавливал уникальные изделия для нужд отечественной промышленности.

Список источников

1. Рейтинг социально-экономического развития регионов в 2022 году [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/attachments/1760> (дата обращения: 05.05.2023).
2. Имя в истории города. Почетные граждане г. Енисейска (вторая половина XX – XXI вв.) : библиографическое пособие / авт.-сост. Т. М. Михалькова, И. И. Власова. Енисейск : «ЦБС» г. Енисейска, 2019. 259 с.
3. Встреча добрых друзей: к 60-летию механического завода // Енисейск-плюс. 2014. 16 янв.
4. ЕКМ. ОФ. 11109_1, 7 л. Автобиография И. И. Городовича.
5. Машуков Л. Завод помнит нас: история Енисейского мехзавода // Енисейская правда. 2004. 22 окт.
6. Власова О. Добрая слава дороже золота: о Почетных жителях Енисейска // Енисейская правда. 2014. 1 мая.
7. ЕКМ. ОФ. 11048_22. Правительственная телеграмма о премировании коллектива завода.
8. Городович И. И. О трудностях, переживаемых заводом в связи с реформами // Енисейская правда. 1992. 23 марта.
9. ЕКМ. ОФ. 11048_22. Фотография Ивана Иосифовича Городовича – директора Енисейского механического завода.

Н. Я. Артамонова¹, О. С. Домогашев²

^{1, 2}Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ САГАЛАКОВ: СПОРТСМЕН, ПЕДАГОГ, НАСТАВНИК (1935–1996)

Аннотация. В статье представлена краткая биография Л. Н. Сагалакова, раскрыт его вклад в физическое воспитание студенчества Хакасии. Освещена деятельность Л. Н. Сагалакова в должности заведующего кафедрой физического воспитания и спорта Абаканского пединститута. Представлена краткая характеристика кафедры и ее членов.

Ключевые слова: Л. Н. Сагалаков, спортсмен, педагог, заведующий кафедрой, Абаканский пединститут, физическая культура

Abstract. The article presents a brief biography of L.N. Sagalakov, his contribution to the physical education of the students of Khakassia is revealed. The activities of L.N. Sagalakov as the head of the department of physical education and sports of the Abakan Pedagogical Institute are highlighted. A brief description of the department and its members is presented.

Keywords: L. N. Sagalakov, athlete, teacher, head of department, Abakan Pedagogical Institute, physical culture and sports

Историю развития физической культуры и спорта среди студенческой молодежи Хакасии невозможно представить без имени Л. Н. Сагалакова, возглавлявшего многие годы кафедру физического воспитания и спорта в Абаканском государственном педагогическом институте (АГПИ) и Хакасском государственном университете имени Н. Ф. Катанова (ХГУ имени Н. Ф. Катанова).

Биография Л. Н. Сагалакова мало чем отличается от биографий многих представителей национальной интеллигенции Хакасии. Он родился 20 апреля 1935 г. в аале Усть-Киндирла Хакасской автономной области. По окончании в 1951 г. семи классов неполной средней общеобразовательной школы он поступил в Абаканское педагогическое училище, через которое прошли многие представители хакасской молодежи. Дальнейшее обучение Леонид Сагалаков продолжил в Государственном ордена Ленина и ордена Красного Знамени институте физической культуры имени П. Ф. Лесгафта [1, с. 111]. Институт имел богатую традициями историю. Он был дважды орденоносным и по количеству завоеванных его студентами золотых медалей занимал лидирующее место в мире [2]. Кстати, первая золотая Олимпийская медаль по спортивной гимнастике для Советского Союза в 1952 г. на XV летних Олимпийских играх в г. Хельсинки была завоевана студенткой института М. Гороховской [2].

В институте Л. Сагалаков, помимо учебных занятий на отделении гимнастики, занимался активной общественной и научной деятельностью. Он принимал участие во всех научных студенческих конференциях. Главная проблема его докладов касалась развития силы, выносливости и правильной пространственной ориентации спортсменов-гимнастов. Вкус к науке ему привил доцент кафедры гимнастики Лев Павлович Орлов, который трижды в истории института возглавлял кафедру гимнастики и который в составе сборной команды преподавателей и студентов еще в 1939 г. был удостоен почетно-

го спортивного звания «Заслуженный мастер спорта» [3]. Он был одним из редакторов первого учебника по гимнастике для институтов и техникумов физической культуры и спорта (Москва, 1938) [3]. Леонид Сагалаков в составе команды Красноярского края по спортивной гимнастике принимал участие в I летней Спартакиаде народов РСФСР (1956), а также в показательных выступлениях на Всемирном фестивале молодежи и студентов (Москва, 1957). В 1958 г. Л. Сагалаков принимал участие в торжественном открытии XIV чемпионата мира в Москве, куда выехали все студенты специализации спортивной гимнастики [3]. Кроме того, он являлся неоднократным чемпионом и призером Красноярского края и Хакасии по спортивной гимнастике [1, с. 111].

В 1960 г. Л. Сагалаков окончил институт. Вернувшись в родную Хакасию, он стал преподавать физическую культуру в областной национальной школе Абакана. Как пишет Заслуженный работник культуры Республики Хакасия В. Самрина, он «не просто знакомил ребят с азами физического воспитания, но и приобщал их к миру спорта» [4]. И далее: он «открывал деревенским мальчишкам красоту невиданной ими прежде спортивной гимнастики» [4].

Следующий период жизни Л. Н. Сагалакова связан с работой в АГПИ, куда его пригласили в 1961 г. работать на кафедру физического воспитания и спорта в должности ассистента. Через два года, в 1963 г., его избрали на должность старшего преподавателя [5, л. 84]. Как пишет В. Самрина: «Была у него заветная цель – стать мастером спорта СССР» [4]. Свой «мастерский норматив» он выполнил в 1965 г., и ему было присвоено звание «Мастер спорта» по спортивной гимнастике [5, л. 84]. В 1969 г. Леонид Николаевич стал кандидатом, а затем членом КПСС. Тогда же, в ноябре в 1969 г., он поступил в целевую аспирантуру при НИИ физиологии детей и подростков АН СССР. Спустя три года Л. Н. Сагалаков окончил аспирантуру и вернулся в родной пединститут [5, л. 84].

Наряду с преподавательской деятельностью Леонид Николаевич принимал участие в организации студенческих соревнований, тренировался сам. В первой половине 1960-х гг. призером краевых соревнований среди вузов неоднократно становилась команда гимнастов тренера Л. Н. Сагалакова [6, с. 57]. Известными стали имена гимнастов Виталия Чепашева, Юрия Макина, победителей первенства РСФСР среди юношей [4].

В 1977 г. Л. Н. Сагалаков защитил кандидатскую диссертацию по специальности 13.00.04 «Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры». Помимо того, что тема исследования была актуальной и востребованной, она была тесно связана с его научными достижениями студенческой поры: «Сила мышц и пространственная точность движения у мальчиков в связи с их возрастом и занятиями физическими упражнениями» [5, л. 84]. Вскоре Л. Н. Сагалаков был избран на должность заведующего кафедрой физического воспитания и спорта. За долгие годы работы в АГПИ он приобрел богатый преподавательский опыт, здесь он сформировался как исследователь. В должности заведующего кафедрой ему удалось создать крепкий, высокопрофессиональный коллектив. Его составляли преподаватели, имевшие солидный стаж вузовской работы, квалифицированно владевшие методикой преподавания и физического воспитания студенческой молодежи. С большинством членов кафедры Л. Н. Сагалакову довелось работать до конца своей жизни. В 1970-е гг. коллектив состоял из 12 преподавателей. К концу 1970-х гг. кафедра физического воспитания и спорта стала крупнейшей в институте по числу преподавателей [6, с. 69]. По воспоминаниям старшего преподавателя В. Н. Андреева, кафедра действительно была замечательная: «Каждый преподаватель отвечал за свой вид спорта. <...>. Возглавлял кафедру поначалу Николай Сергеевич Швыдков, а потом – кандидат педагогических наук Леонид Николаевич Сагалаков» [7].

Заслуженный тренер СССР по лыжным гонкам, старший преподаватель Н. С. Швыдков работал в АГПИ с 1958 г., после окончания учебы в Томском государ-

ственном педагогическом институте. Будучи студентом, ему, единственному на спортивном факультете, за отличную учёбу была назначена Сталинская стипендия. Во время учёбы он серьёзно занялся лыжным спортом, входил в сборную института и дважды выполнил норматив мастера спорта СССР по лыжным гонкам [8]. С приходом на работу в АГПИ Н. С. Швыдкова среди студентов широкую популярность получил лыжный спорт. Под его руководством команда лыжников в составе студентов В. Богданова, М. Гончарова, А. Коковина, В. Сидневой и др. принимала участие в министерских соревнованиях в 1962 г. в Кирове, в 1964 г. – в Горьком [5, с. 57].

К. А. Косов, судья Всесоюзной категории, на период 1977/1978 уч. г. работал в вузе 16 лет. Константин Андреевич принимал непосредственное участие в качестве судьи на XXII летних Олимпийских играх (Москва, 1980) в проведении олимпийского турнира по вольной и классической борьбе. До того как стать судьей Всесоюзной категории, К. А. Косов прошел серьёзный конкурсный отбор, то есть он был задействован в качестве судьи на крупных всесоюзных турнирах, на соревнованиях местного масштаба, организовывал студенческие соревнования. Но его важнейшим экзаменом стала Спартакиада народов СССР (Москва, 1979). И этот экзамен К. А. Косов успешно сдал. Он одним из первых спортивных судей Красноярского края получил всесоюзную категорию [9, с. 4]. Спорткомитет СССР издал приказ о направлении документов в Международную спортивную ассоциацию на присвоение Косову звания судьи международной категории. Таким образом, Константин Андреевич стал первым в Хакасии спортивным судьей такого ранга [9, с. 4].

Преподаватели кафедры физического воспитания способствовали своей работой развитию физических, интеллектуальных, моральных, нравственных качеств студента. Помимо учебного процесса всеми преподавателями были разработаны темы лекций и бесед, с которыми они выступали перед студентами. Н. С. Швыдков подготовил диспут по книге Заслуженного мастера спорта Г. Кулаковой «Кому покоряется лыжня» [10, л. 67]. Преподаватели кафедры заботливо относились к своим подопечным, интересовались успехами в учебе, условиями проживания и т. д. В бытность Л. Н. Сагалакова заведующим кафедрой в институте сложилась традиция встречи спортсменов старших курсов с первокурсниками, новичками в спорте.

Спортсмены института под руководством преподавателей принимали участие в соревнованиях различного уровня. Например, в 1978/1979 уч. г. они участвовали в 218 соревнованиях, завоевали 206 призовых мест. В министерских соревнованиях по волейболу в Улан-Удэ и лыжной гонке в Барнауле команда института заняла 2-е место [11, л. 100]. Успешно, как и прежде, выступила на зональных республиканских соревнованиях по лыжным гонкам ассистент кафедры В. И. Зырянова, мастер спорта СССР, многократный чемпион Красноярского края в личной гонке. Чемпионом России по классической борьбе стал мастер спорта А. Канзычаков, а студент биологического факультета П. Боргояков впервые выполнил норматив мастера спорта по классической борьбе на соревнованиях памяти генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза В. Г. Тихонова [11, л. 106]. Многие студенты принимали участие в соревнованиях по национальным видам спорта народов Сибири и Дальнего Востока, которые проводились в 1979 г. в Кызыле [11, л. 106].

Самыми массовыми соревнованиями в институте были осенний и весенний комсомольско-профсоюзные кроссы. Кафедра, возглавляемая Л. Н. Сагалаковым, успешно справлялась с проведением этих спортивных мероприятий [10, л. 67]. Все члены кафедры, во главе с зав. кафедрой Л. Н. Сагалаковым, работали над темой «Исследование физического развития и физической подготовленности школьников Хакасии». По результатам исследования было подготовлено методическое пособие «Оценочные таблицы физического развития и двигательной подготовленности школьников Хакасии». Самим

Л. Н. Сагалаковым были опубликованы две статьи, подготовленные по результатам научно-методических конференций, и одна – для научно-методического журнала «Физическая культура в школе» [11, л. 108].

Объектом исследований Л. Н. Сагалакова являлись проблема развития физической культуры в Хакасии в прошлом и настоящем, теория и методика физического воспитания. К истории развития и становления спорта в автономной области Леонид Николаевич обратился, пожалуй, одним из первых ученых Хакасии. Он является автором 42 научных и учебно-методических работ по физической культуре и спорту. Его исследования ценны тем, что физическая культура рассматривалась им не только с точки зрения спортивных характеристик и спортивных достижений, но, в первую очередь, как важное средство воспитания подрастающего поколения. Л. Н. Сагалаков исследовал все этапы развития и становления спортивного движения Хакасии. Его интересовали различные стороны спортивной тематики: основатели спортивного движения, первые успехи и достижения спортсменов Хакасии, история развития отдельных видов спорта. Результатом этой кропотливой работы стала изданная статья «Первые этапы развития физической культуры и спорта в Хакасии» (Красноярск, 1964). Большое внимание он уделял развитию национальных видов спорта, в частности, хакасской борьбе «курес», тем более, что «в 1960-е гг. в Хакасии традиции борьбы курес возрождаются, увлечение борьбой принимает массовый характер» [12, с. 17]. Особый интерес вызвала книга Л. Н. Сагалакова «Курес» о хакасской национальной борьбе. В предисловии этой работы автор повествует об истоках, развитии и становлении борьбы у хакасов. Основная часть книги посвящена технике выполнения приемов и правилах соревнования борьбы на кушаках. Л. Н. Сагалаков попытался восстановить прогрессивные традиции национальной борьбы курес, по сути же, дал этому виду спорта новую жизнь [13]. Это издание до сих пор является главным и единственным пособием для проведения соревнований по национальным видам спорта в Хакасии. В 2006 г. этот труд был переиздан.

С 1972 по 1980 г. его статьи стали часто публиковаться в центральных научных журналах. За этот период им было издано полтора десятка научных статей, посвященных в основном проблеме пространственной точности движения у мальчиков школьного возраста. Совместно с коллегами по кафедре физического воспитания он постоянно оказывал учебно-методическую помощь учителям физической культуры городских и сельских общеобразовательных школ Хакасской автономной области, помогал составлять учебные программы по физвоспитанию с I–XI классов общеобразовательной школы [10, л. 68]. Кафедра физического воспитания оказывала помощь подшефным школам: сельским Аскизской, Есинской, Усть-Чульской, городским – № 1, 19, областной национальной школе (г. Абакан) [10, л. 68].

Кроме того, преподаватели кафедры ежегодно читали лекции и проводили практические занятия для учителей физической культуры школ области на курсах в Институте усовершенствования учителей в Абакане. Обязательные занятия с учителями проводил сам зав. кафедрой Л. Н. Сагалаков. Были прочитаны лекции: «Всесоюзный физкультурный комплекс ГТО – нормативная основа усовершенствованной программы по физической культуре», «Методика развития двигательных качеств, ее зависимость от возрастных особенностей школьников». За 1977/1978 уч. г. было прочитано лекций и проведено практических занятий с учителями физической культуры школ области 48 часов по 18 темам [10, л. 69].

До конца своей жизни Л. Н. Сагалаков был активным пропагандистом народных и национальных состязаний и стремился всячески способствовать их внедрению в советскую систему физического воспитания. Совместными усилиями членов кафедры физического воспитания и сельских учителей под руководством Л. Н. Сагалакова был проведен сравнительный анализ развития детей сельской местности и городских

школьников. Результатом этой работы стали несколько статей в центральных научных изданиях при АПН СССР, в частности, «О физическом развитии мальчиков 7–17 лет Хакасской автономной области» [14].

Л. Н. Сагалаков полностью посвятил себя выбранной профессии учителя и педагога. Вся проделанная работа Леонида Николаевича внесла вклад в решение тех задач, которые стояли перед педагогической наукой и практикой в области физического культуры и спорта на пути воспитания подрастающего поколения. Спортивная, учебно-методическая и научная деятельность Л. Н. Сагалакова связана со школами Республики Хакасии, научно-исследовательским институтом физиологии детей и подростков АПН СССР и пожизненно – с Абаканским государственным педагогическим институтом. За вклад в развитие физической культуры и спорта Хакасии Л. Н. Сагалаков было присвоено звание Заслуженного работника физической культуры и спорта Республики Хакасии (1995). Он был и остается в Хакасии первым и единственным мастером спорта СССР по спортивной гимнастике.

Список источников

1. Асочаков А. Н. Сагалаков Леонид Николаевич // Энциклопедия Республики Хакасия : в 2 т. / гл. ред. В. А. Кузьмин. Красноярск : Полицор, 2008. Т. 2. О-Я. С. 111.
2. История НГУ им. П. Ф. Лесгафта. Режим доступа: <http://lesgaft.spb.ru/ru/istoriya-ngu/istoriya-ngu-im-pf-lesgafta>.
3. Краткая история кафедры: от основания до наших дней. Режим доступа: <http://lesgaft.spb.ru/ru/kafedracontent/history/112>.
4. Самрина В. Никогда не сдавайтесь! // Хакасия. 2015. № 70 (22927), 16 апр. С. 6.
5. Протоколы заседаний кафедр. 1978–1979. Т. 2 // Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф. 528. Оп. 1. Д. 296.
6. Ултургашев С. П. Был всегда нацелен на будущее. К 50-летию Абаканского государственного педагогического института им. Н. Ф. Катанова. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. 152 с.
7. Спасская А. Этот жесткий, порядочный, требовательный и добрый тренер Андреев // Абакан-24. 2017. 6 дек. Режим доступа: <https://abakan-news.ru/2017/12/06/этот-жесткий-порядочный-требователь>.
8. «Научный полк»: заслуженный тренер СССР, преподаватель Николай Швыдков. Режим доступа: http://khsu.ru/news23/nauchnyij_pol_k_zasluzhennyij_trener_sssr_prepodavatel_nikolaj_shvyidkov.
9. Собецкий Е. Наши земляки на играх // Советская Хакасия. 1980. 26 авг.
10. Отчеты о работе кафедр за 1977–1978 уч. г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 528. Оп. 1. Д. 284.
11. Отчет о работе кафедр за 1978–1979 уч. г. // ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 528. Оп. 1. Д. 305.
12. Домогашев О. С. История развития спортивной борьбы в национальных регионах Южной Сибири во второй половине XX – начале XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2022. 25 с.
13. Сагалаков Л. Н. Курес (хакасская национальная борьба). Абакан, 1969. 83 с.
14. Сагалаков Л. Н. О физическом развитии мальчиков 7–17 лет Хакасской автономной области // Подготовка учащихся общеобразовательной школы к труду и защите Родины в процессе физического воспитания : тезисы III Всесоюз. конф. по физическому воспитанию и школьной гигиене / под. ред. чл.-корр. АПН СССР М. В. Андроповой. М. : АПН СССР, 1983.

Е. Н. Беневаденская

Алтайский государственный педагогический университет

Барнаул, Россия

ЦИФРОВОЕ СОХРАНЕНИЕ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: БИОГРАФИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ КРАЕВЕДОВ АЛТАЯ

Аннотация. Эффективным ресурсом совершенствования институтов гражданского общества является развитие региональных инициатив, в том числе локальных практик публичной истории. В статье показано создание учебно-научно-исследовательской лабораторией «Историческое краеведение» цифровой биографической базы данных исследователей прошлого Алтая.

Ключевые слова: интеллектуальная история; биографические исследования; база данных; цифровые ресурсы; культурно-историческая идентичность

Abstract. An effective resource for improving civil society institutions is the development of regional initiatives, including local practices of public history. The article shows the creation of a digital biographical database of researchers of the Altai past by the educational and research laboratory «Historical Local Lore».

Keywords: intellectual history; biographical research; database; digital resources; cultural and historical identity

Отечественная историография на современном этапе представляет собой синтез сформированных на протяжении длительного времени общероссийских и региональных традиций историописания. Практическая значимость сравнительно-исторического изучения нарративных практик в пространственно-темпоральных границах Алтайского края во второй половине XX – начале XXI в. является ответом на вызовы современности, связанные с поиском и определением ориентиров культурно-исторической идентичности, способных составить основу макрополитической солидарности. Анализ историко-краеведческих инициатив представляет эффективный ресурс совершенствования деятельности институтов социально-культурной инфраструктуры символического пространства России. В условиях противоречивых процессов противоборства и конвергенции противоположных в репертуаре исторической памяти смыслов образов, фигур и мифов наследия Российской империи и Советского Союза осмысление факторов оптимальной работы с прошлым важно для создания наиболее гибких и консолидирующих стратегий его актуализации на общегосударственном и региональном уровнях.

Известный ученый в области исторической информатики Л. И. Бородкин справедливо считает, что профессия историка в будущем будет тесно связана с цифровыми данными. Это значит, что нам предстоит стать не только пользователями цифровых историко-ориентированных ресурсов, но и овладеть цифровыми аналитическими инструментами [1]. В статье на примерах нашего опыта создания базы данных (БД) о краеведах-исследователях истории Алтайского края мы обратимся как к теоретико-методическим наработкам, необходимым для проведения биографического исследования, так и особенностям применения IT-технологий.

К настоящему времени лабораторией разработаны исторические ресурсы в виде электронной базы данных, пополняющейся биобиблиографическими справками о лидерах краеведческого движения региона второй половины XX – начала XXI в. [2] В 2018–2020 гг. идея получила финансирование Российского фонда фундаментальных исследований. Собранные в ходе подготовки этого продукта материалы частично использовались для разработки проекта «Пример служения Отечеству», поддержанного Фондом президентских грантов в 2023 г. Созданные цифровые средства обеспечивают возможности дистанционного поиска и открытого доступа к большим объемам научной информации, как ученых, так и всех заинтересованных интернет-пользователей. Для акторов публичной истории, в том числе из районов, удаленных от столицы края, предоставление верифицированного исторического знания на онлайн-платформе востребовано в образовательно-просветительской, памятнико-охранительной, туристско-экскурсионной и поисково-исследовательской деятельности.

По данным Российской национальной библиотеки, в нашей стране существует всего 115 универсальных биографических региональных энциклопедий [3, с. 48]. И только в последние годы появляются посвященные краеведам электронные ресурсы. Практическое значение биографической базы данных показывает и востребованность ее статей для ежегодных календарей знаменательных и памятных дат, которые издает Алтайская краевая универсальная научная библиотека имени В. Я. Шишкова. Известные ученые региона М. А. Демин, Н. Н. Головченко, деятели культуры Б. П. Гуков, О. Е. Агафонова и другие авторы разместили свои материалы о краеведах в последних календарях на 2023 и 2024 гг. Полученные материалы дают основание утверждать, что исследователи местного уровня наряду с известными российскими деятелями культуры могут выступать знаковыми фигурами в истории Алтая. Присвоение их имен музеям и школам, актуализация памяти о педагогах-наставниках в мемориальном пространстве городов и районов востребованы в формировании положительного образа региона.

В отличие от традиционной истории науки, которая основное внимание уделяла выдающимся научным открытиям, в настоящее время исследователи уходят от интерпретации знаний прошлого исключительно с точки зрения современной научной ортодоксии и анализируют разноуровневые интеллектуальные процессы. Опираясь на труды представителей научно-педагогической школы источниковедения М. Ф. Румянцева, И. Н. Данилевского, С. И. Маловичко [4], современные авторы переносят акцент с изучения готового продукта творческой активности исследователей на анализ их деятельности по созданию образов и смыслов интерпретации персоналий, событий и явлений прошлого. Это позволяет реконструировать формы интеллектуальной деятельности, принятые в исторической культуре, в которой возник авторский текст. В историю историографии все активнее вводится практика историко-антропологических исследований, анализирующих взаимодействие биографируемого историописателя со своими наставниками, современниками, последователями, оказавшими влияние на его идеи, научные взгляды, способ выстраивания текста, стиль дискурса и проч. Заметную роль в этом направлении в нашей стране играет омская историографическая школа, сформировавшаяся под руководством В. П. Корзун, объединяющая ее коллег и учеников: С. П. Бычкова, Н. А. Кныш, Д. М. Колеватова, М. А. Мамонтову, В. Г. Рыженко, А. В. Свешникова, А. В. Якуб и других [5].

Работа по подготовке биографической базы базируется на методологических принципах интеллектуальной истории, которые, в частности, предусматривают изучение всех видов творческой деятельности человека в конкретном историческом социокультурном контексте. Современные авторы исследовательское поле интеллектуальной истории рассматривают как трехуровневую структуру, которая включает, во-первых, анализ разнообразного мыслительного инструментария интеллектуалов разных уров-

ней, во-вторых, изучение институтов интеллектуального общения, в-третьих, выявление взаимоотношений с «внешним» социальным контекстом [6, с. 33]. Приоритетное место в этих разработках занимают исследования истории исторического познания. Это связано с тем, что под влиянием идей «лингвистического поворота» и «новой исторической критики» радикальным образом изменилась история историографии, расширив свою проблематику и выдвинув на центральное место изучение дискурсивной практики историка. Анализ региональных нарративов осуществляется в разных исследовательских контекстах: как формы исторической памяти, культурной идентификации субъектов локальных социумов, «историографического письма» или выражения исторического сознания [7, с. 221].

В ходе подготовки базы данных реконструированы творческие биографии более 20 признанных и малоизвестных краеведов-исследователей истории Алтая, которые впервые на местных материалах обратились к ряду ключевых проблем и знаковым событиям прошлого локальных сообществ. Большинство из них, разделяя идеалы просветительской деятельности, помимо служебных обязанностей занимались на общественных началах распространением ретроспективных знаний, способствуя повышению культурного уровня и развитию исторического сознания населения. Коллективом лаборатории в последние годы проводились полевые исследования, включая анкетирование сельских и городских краеведов, поиск материалов в районных музеях и архивах, обработку периодической печати, что позволило выявить в районных краеведческих музеях и архивах Алтайского края богатое документальное наследие сельских исследователей второй половины XX – начала XXI в., содержащее биографические сведения и рукописи работ, которые до настоящего времени остаются малоизученными, нередко неизвестными для широкого круга ученых и общественности. Многие сельские краеведы Алтайского края, в ряде случаев являвшиеся учителями истории, директорами школ и организаторами музеев, стояли у истоков изучения истории локальных территорий. Процессам основания и развития своих сел и районов посвящены работы П. Ф. Рыженко (Яминский, ныне – Целинный район), М. Т. Коновалова (Залесовский район), В. В. Волкова (Косихинский район), Г. Е. Иванова (Мамонтовский район), В. А. Ремизова (Кытмановский район), А. И. Гончаровой (Поспелихинский район) и других краеведов. По революционной тематике, о местных событиях в годы Гражданской и Великой Отечественной войны собирали материалы и публиковали труды В. М. Комаров (Волчихинский район), Е. С. Назаров и М. М. Токарев (Заринский район), Г. Н. Блинов (Косихинский район), Р. М. Попов (Троицкий район), В. А. Гостеев (Шелаболихинский район), П. А. Пименов (Залесовский и Советский районы), В. М. Тихомиров (Змеиногорский район) и другие исследователи. Результаты их изысканий публиковались преимущественно в районной прессе, а в значительной части остаются в рукописях, при этом не всегда в разобранном и систематизированном виде.

В русле современных подходов интеллектуальной истории установлены обстоятельства, которые сыграли определяющую роль в увлечении и занятиях местных исследователей краеведческими изысканиями. Проведен анализ направлений их социальной активности и тематики публикаций по локальной истории, выявлены основные мотивы деятельности в области охраны памятников истории и культуры, собирания архивных материалов и музейных экспонатов, в просветительской, педагогической, туристической и других сферах. Особое внимание уделено изучению личностных и профессиональных качеств краеведов, проявившихся в ходе сбора и обработки архивных, этнографических, археологических и других видов источников.

Для подготовки базы данных был изучен массив документов, отразивших человеческую субъективность: накопленных за время творческой деятельности автобиографических материалов, мемуарного и эпистолярного наследия краеведов, выписок

из различных источников, записей воспоминаний участников и очевидцев событий прошлого, копий и подлинников исторических документов, рукописей и печатных текстов историко-краеведческих работ, деловой переписки и проч. Среди эго-документов современных исследователей проанализированы материалы созданных ими аккаунтов в социальных сетях и интернет-сайтов.

На основе привлечения внушительного массива источников личного происхождения воссозданы особенности практик интеллектуальной и межличностной коммуникаций, способов самоорганизации и самопрезентации в исследовательской среде, выявлено воздействие культурных представлений, социальных установок, общепринятого языка и типа поведения на самоидентификацию краеведов-историков. Проанализировано влияние исторического дискурса, целей, ценностных ориентиров и интересов исследователей на выбор стратегий и форм конструирования памяти о прошлом локальных сообществ, определены социальные функции их краеведческой деятельности. На основе анкетирования и записи воспоминаний историков-профессионалов и краеведов-любителей рассмотрены различные аспекты исторической преемственности и эффективности практик мемориализации, инициаторами которых являлись местные исследователи Алтая.

С технической стороны цифровая база данных – это набор информации, хранящейся упорядоченно в электронном виде. На начальном этапе ее подготовки необходимо составить словник персоналий, планируемых для размещения. Он должен включать фамилии, имена, отчества; даты и места рождения; краткие сведения о местах работы. Это даст возможность ввести в контент БД функции добавления и поиска персон в алфавитном порядке.

Важным шагом в создании базы данных, определяющим в дальнейшем всю структуру и набор содержащихся в ней сведений, является построение ее концептуальной модели. При проектировании биографической базы данных используется подход «от человека» или проблемно-ориентированный, так как структура БД в данном случае будет строиться вокруг проблем и ключевых мест в жизни определенной персоны – семья, образование, трудовая деятельность, социокультурные инициативы, творческое наследие и т. д.

Лучше сразу ознакомиться с уже существующими и представленными в сети Интернет аналогичными базами данных. Нам это позволило определить следующую структуру подготовленного в лаборатории цифрового ресурса: на титульном листе раздела о персоналиях отображаются ФИО, фотография, даты жизни, краткие основные сведения о них. При переходе к странице отдельного краеведа открывается статья о его биографии. Разделяя современные подходы интеллектуальной истории, в реконструкцию жизненного пути мы включаем биографию личности, профессиональную биографию, библиографическую биографию (анализ трудов исследователя). Поэтому в базе есть блоки об основных изданиях и тематике изысканий краеведов.

По государственным требованиям к оформлению библиографического аппарата важно, чтобы после статьи размещались блоки об использованных при ее подготовке источниках и литературе; вышедших материалах о персоне. При размещении фотографии краеведа, мы указываем место ее хранения: выходные архивные данные или краткое пояснение, что фото предоставлено исследователем, взято из Интернета и т. п.

Об ушедших из жизни краеведах мы выявляли, сопоставляли и анализировали только изданные биографические материалы. В дальнейшем возникла идея создать анкеты для действующих исследователей и организаторов поисково-краеведческой и музейной работы. С одной стороны ответы респондентов на вопросник облегчили подготовку справок в базу данных. С другой, мы изначально ставили задачу ограничить библиографию главными трудами исследователя, но введение анкет для действующих кра-

еведов позволило представлять максимально полный список их работ. Так как сами авторы владеют всей информацией о своих публикациях, в том числе в газетах, районной периодике. В некоторых случаях анкету о краеведе заполняли близкие родственники (например, Б. П. Гуков о своем отце, фронтовике Павле Ивановиче). Материалы опросов отражают рефлексию биографируемых о взаимодействиях со своими наставниками, современниками, последователями. Данные интервью позволяют рассмотреть, как межличностные коммуникации повлияли на их профессиональные и человеческие качества, выбор стратегий и форм изучения и пропаганды историко-культурного наследия.

При опубликовании материалов анкет в сети Интернет необходимо соблюдать требования о сборе, обработке и хранении персональных данных. Анкета должна быть подписана и отсканирована или сфотографирована автором. В целом анкеты – это ценный исторический источник, который хранится в фондах лаборатории и мы ссылаемся на них в биографической базе данных.

С технической точки зрения для создания БД нужно владеть азами языка программирования: SQL, JavaScript, Java, Python или др. Для этого есть обучающие курсы на сайтах «Хекслет», «Степик» и проч. В роли web-разработчика выступал информатик нашего университета, но им может быть и веб-студия. Чтобы красиво отобразить ключевые структурные элементы базы от ее заголовка до форматов текста и изображений требуются навыки HTML и CSS для оформления дизайна страниц и компонентов интерфейса базы. Кроме того, если со временем планируется пополнять и редактировать БД нужно знать, какой специалист этим займется в дальнейшем. Преимуществом в этом случае станет выбор специалиста своего учреждения (программиста, студента и т. д.). Упростить внесение изменений поможет использование при создании базы цифрового инструмента управления ее содержанием. Разработанная нами БД реляционная, то есть внутри информация сгруппирована в виде таблиц с данными о ФИО, датах рождения, фотографиях, личных биографиях, публикациях, тематике исследований и проч. Мы применяли такой инструмент администрирования, как Django, он позволяет обычному пользователю вносить изменения через видимый интерфейс, а не командную строку. По аналогии с регистрационными формами сайтов с его помощью можно самостоятельно исправлять, сохранять и удалять сведения в базе.

В завершение подчеркнем, что создание биографической БД дает возможности систематизации знаний и обеспечения к ним свободного доступа для конкретно-исторических исследований. В отличие от уже опубликованного издания база выгоднее для апробации результатов научной работы, так как позволяет уточнять и дополнять сведения, исправлять неточности и ошибки. Вместе с тем есть и риски, связанные с поломкой заданных функций: например, поиска, корректного отображения текста и фотографий и т. п. Важно помнить о необходимости сохранения загружаемой в БД информации на внешние носители. Хотя ее архивируют интернет-браузеры с определенной регулярностью, это не исключает внезапной потери части или всех данных.

Перспективы работы лаборатории с электронной базой связаны с ее наполнением материалами персональной истории исследователей и организаторов краеведческого движения региона, усовершенствованием тематического рубрикатора, расширением контента: выставлением оцифрованных версий основных трудов и источников о творческом пути биографируемых, добавлением функций комментирования и учета количества просмотров справок пользователями и т. п.

Список источников

1. Историческая информатика: от поиска альтернатив к VR-технологиям [Интервью А. Пензиной с Л. И. Бородкиным] // Научная Россия. Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/articles/istoricheskaya-informatika>.
2. Электронная библиографическая база данных краеведов-исследователей истории Алтайского края. Режим доступа: <http://histbase.altspu.ru/persons>.
3. Раздорский А. И. Роль государственных учреждений и организаций в развитии отечественной региональной энциклопедистики // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития. Омск : ОГИК музей, 2022. С. 45–54.
4. Румянцева М. Ф. Профессионализм историка в исторической культуре первой четверти XXI века // Ученые записки Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. 2022. Т. 35. С. 81–85.
5. Корзун В. П., Мамонтова М. А. «Стихийные историографы» в региональном интеллектуальном ландшафте: В. И. Матющенко, Н. А. Томилов // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 151–159.
6. Демин М. А. Научная карьера провинциального историка в контексте профессиональной коммуникации и внешней социальности // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого) : в 2 ч. Томск : ТГУ, 2019. С. 33–36.
7. Репина Л. П. От «истории графств» к «новой региональной истории»: пути трансформации провинциальной историографии // Мир историка: историографический сборник / отв. ред. С. П. Бычков. Вып. 12. Омск : ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2019. С. 207–226.

РАЗДЕЛ 3

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ И ЛИЧНЫХ АРХИВАХ КАК ИСТОРИЯ СТРАНЫ

УДК 177

Н. И. Мушинский

*Белорусский национальный технический университет
Минск, Республика Беларусь*

СЕМЕЙНЫЙ ФОТОАЛЬБОМ КАК АРТЕФАКТ СПРАВЕДЛИВОСТИ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Аннотация. В современных условиях с точки зрения критериев справедливости особое значение приобретает выработка инновационных подходов к изучению истории. Семейный фотоальбом предстаёт как уникальный артефакт в антропологически ориентированной истории страны. Его изучение позволяет в наибольшей степени реализовать антропологические принципы соразмерности, объективности, исторической справедливости при создании целостной картины исторической эпохи.

Ключевые слова: *справедливость, антропологически ориентированная история, семейный фотоальбом*

Abstract. In modern conditions, from the point of view of justice criteria, the development of innovative approaches to the study of history is of particular importance. A family photo album appears as a unique artifact in the anthropologically oriented history of the country. Its study allows the greatest extent to realize the anthropological principles of proportionality, objectivity, historical justice in creating an integral picture of the historical era.

Keywords: *justice, an anthropologically oriented story, a family photo album*

Проблема исторической *справедливости* приобретает особую актуальность в современных условиях, когда научно-технический переворот вызвал недостаток невозобновляемых природных ресурсов, глобальное потепление климата, ухудшение экологии и другие техногенные проблемы. Вместо того, чтобы на основе универсальных общезначимых критериев *справедливости* объединить усилия для их преодоления, человечество продолжает двигаться по пути вражды и конфронтации. Корыстно заинтересованные стороны, привыкшие добиваться успеха исключительно для самих себя с ис-

пользованием методов неокOLONиализма, направляют на разжигание агрессии в стане «геополитического противника» передовые инновационные технологии, развязывают «информационные» и «гибридные войны», которые периодически перетекают в «горячую» фазу. События на Украине наглядно демонстрируют, как отсутствие объективной и соразмерной картины исторического процесса, погоня за «исторической сенсацией», «оригинальностью оценок», переосмыслением «устаревших идеологических стереотипов», позволяют манипулировать не критически ориентированным общественным мнением, сеять семена бессмысленной ненависти между братскими славянскими народами, заставляют их действовать во вред самим себе, в интересах других враждебных стран в конкретных исторических условиях. Возникает ощущение, что история окончательно утрачивает объективный научный характер, становится придатком «политической пропаганды», соответственно, тот, кто в большей степени распоряжается информационными ресурсами, способен затратить больше материальных средств на совершенствование интернет-технологий, тот и побеждает в идеологическом противостоянии. На самом деле это далеко не так; решающую роль играет «историческая правда», объективность и беспристрастность, в наибольшей степени соответствующие универсальным принципам исторической *справедливости*.

При этом сам научно-технический прогресс даёт исследователю всё новые, более эффективные средства углублённого проникновения в сущность происходящих процессов как недавнего прошлого, так и современности, вовлечения в сферу изучения ранее недоступных пластов духовной и материальной культуры, построения на этой основе новой, «*антропологически ориентированной*» истории страны. К числу подобных техногенных артефактов, по признанию ведущих философов, относится, в частности, *семейный фотоальбом*.

Визуализация культуры в значительной степени является показателем уровня общественного развития как такового, при этом она изменяется в разные периоды, переживая эпохи как расцвета, так и упадка. К примеру, для первобытного общества на стадии палеолита не известно каких-либо достоверных изображений, за исключением примитивных орнаментов, в то время как неолит предлагает широкую «палитру» наскальной живописи, достаточно реалистичной даже по современным критериям. Для античной архаики не характерно портретное сходство, краснофигурная и чёрнофигурная вазовая живопись нуждается в поясняющих надписях (либо изображения относятся к более поздней эпохе), в отличие от великолепной скульптуры классического и эллинистического периодов. На протяжении поздней империи наблюдается постепенная деградация средств визуализации, вплоть до «тёмных веков» раннего Средневековья. Только на рубеже Возрождения и Нового времени изобразительное искусство вновь приближается к реалистическому уровню. Это в полной мере касается и нашей страны: как известно, средневековая иконопись носит весьма условный схематичный характер, не сохранилось достоверных портретных изображений даже таких известных личностей, как Александр Невский или Иван Грозный, что заставляет современных реконструкторов использовать на орденах и медалях облик артиста Н. Черкасова из фильмов С. Эйзенштейна. Только в послепетровскую эпоху можно говорить о появлении аутентичных изображений, при этом средства живописи оставались достаточно дорогими и доступными лишь для элиты общества. Только с изобретением фотографии в условиях технологического переворота конца XIX в. ситуация несколько изменилась, визуальные изображения стали более «демократичны», доступны широким массам народонаселения. Тем не менее, в силу несовершенства конструкции фотоаппарата, это, как правило, студийные портреты с использованием специальных штативов, придающих неподвижность объекту фотосъёмки для длительной световой выдержки фотопластины. Только в XX в. с появлением феномена «фотолюбительства» изображения стано-

ваются действительно массовыми, дешёвыми и общедоступными, наполняют специально созданные *семейные фотоальбомы*. В конце XX в., когда произошёл «информационный взрыв» и возникла «цифровая» фотография, культура *семейного фотоальбома* вновь уходит в прошлое: сейчас, как правило, воспроизводятся низкокачественные «селфи» в поистине неограниченном количестве, которые затем размещаются в интернет-пространстве с целью получить как можно больше положительных «кликов». Таким образом, *семейный фотоальбом* – это весьма специфический артефакт культуры, по времени охватывающий относительно короткий период 30–80 гг. XX в., однако в силу своей специфики способный значительно расширить фактологический базис исторического исследования в контексте создания объективной и соразмерной *«антропологически ориентированной»* истории страны.

Современные философы и культурологи отмечают, что для новейшего периода отношение массового субъекта к *фотографии*, в известном смысле, служит иллюстрацией технократического мировосприятия как такового: «Он не стоит над фотографированием, ... стал продолжением автоспуска своего аппарата» [1, с. 68]. Как сам процесс создания фотографических изображений, в отличие от живописи и скульптуры, представляет собой чисто «механическое» воздействие лучей света на покрытую специальной эмульсией фотопластину, либо фотоплёнку, так и фотограф, в значительной мере, предстаёт как «механическая деталь», дополнение фотоаппарата: его задача – установить выдержку, направить объектив на предмет фотосъёмки и открыть диафрагму.

Тем не менее приходится признать, что, особенно с развитием «любительского фотографирования», всё большее значение приобретает «субъективный» фактор: выбор объекта и фона, отбраковка «неудачных» снимков, расположение их в определённом порядке в структуре фотоальбома и т. п. Косвенно это даёт возможность заглянуть в «душу» человека, причём человека обычного, массового в его повседневности, вовсе не «выдающегося исторического деятеля». В этом и заключается *антропологический* новаторский фактор исторического исследования: «Антропологический подход позволяет... изучать визуальные аспекты культуры... Антропологический интерес к фотографии заключается не в том, что она есть, а в том, что она показывает» [2, с. 239–240]. В широком смысле, целью *антропологически ориентированной истории* становится создание целостной, более объективной и соразмерной картины прошлого и настоящего. На этой основе достигается более углублённое «понимание» между представителями разнообразных культур и народов, становится доступен «мотив Чужого», фактор Другого, как базис конструктивного диалога, полифонии, «хаоса дискурсивных практик» (созвучных с терминами «многополярный мир», «многовекторная политика», «множественность центров силы» на международной арене). Становится возможна подлинная «деконструкция логоцентризма», стремящегося на основе одностороннего псевдонаучного «объяснения» навязывать другим свою волю, «надзирать и наказывать», действовать «с позиции силы» в своих собственных корыстных интересах, что в условиях современного научно-технического переворота ставит человечество на грань самоуничтожения, разрушает основополагающие принципы социальной *справедливости*.

Возвращаясь к прикладным аспектам, можно констатировать, что до появления культуры массового «семейного фотоальбома» объектом визуализации, как правило, становились «выдающиеся» люди и события, достойные внимания художника или скульптора: великие политики, общественные деятели, полководцы, сражения, катастрофы и т.п. *Антропологический* подход существенно меняет положение дел: «Интерес социального исследователя к фотографии – это как раз интерес к повседневной «жизни незамечательных людей», интерес к коллективному опыту и коллективным представлениям» [2, с. 233]. По мере того, как процесс фотографирования становится

общедоступным и массовым, он начинает косвенно отражать совокупность коннотативных значений, помимо прямого («денотативного») содержания фотографического снимка, делает их доступными для объективного научного рассмотрения. «Эти значения... отражают то, как фотограф конструирует реальность, в которую автоматически включается и его идентичность» [2, с. 282]. Из всего разнообразия сделанных снимков, на основе собственной интуиции он селективно отбирает те, которые соответствуют его представлениям о себе самом, как представителе социальной группы, исторической эпохи, этнокультурной общности.

С аксиологической точки зрения, выстраивается некая «ценностная шкала», обусловленная как общепринятыми нравственными стереотипами (которые тоже исторически трансформируются на протяжении разных «подпериодов» соответственно приоритетным целям и задачам изменяющейся социальной системы), так и индивидуальными предпочтениями: «Фотографии из семейных альбомов следуют принятым и распространенным образам, сформированным в определенном социокультурном поле» [2, с. 293]. К примеру, фотографические изображения советских альбомов 20-х гг., с их заметной «послереволюционной» эйфорией, когда всем казалось, что устаревшие догмы и стереотипы окончательно рухнули, открылись широкие возможности для «социальных экспериментов», самых «невероятных» новаторских решений, свободного развития творческой личности, заметно отличаются от строгости и упорядоченности 30-х (при этом на смену кожаным курткам и красным косынкам приходит «гражданская» одежда), а также – суровому аскетизму 40-х, с массовым преобладанием военной формы и «фронтовых» коллективных сюжетов. Фотографии из альбомов 50–60 гг. эпохи «холодной войны», «освоения целины», «хрущёвской оттепели» (которых просто стало больше в количественном отношении, что отражает общий рост благосостояния сравнительно с послевоенной разрухой; появляются жанровые изображения – на курорте, на пляже, на рабочем месте; при этом всё ещё сохраняется уважительное отношение к военной форме офицера, курсанта и т. п.) отличаются от фотоизображений конца 70 – начала 80-х эпохи «брежневского застоя» (где вполне отчетливо ощущается утрата «общественного идеала», поиск индивидуальных ценностных ориентиров в сфере личной жизни – свадебные и «детские» фото, «западной» субкультуры – молодёжные фотографии в образе рок-исполнителей, «хиппи» и т. п.). *Семейный фотоальбом* наглядно демонстрирует, что «советский период» жизни страны не является чем-то «единым и монолитным», так же как и предыдущие исторические эпохи, подразделяется на более мелкие этапы, которые могут разительно отличаться при жизни разных поколений.

Каждый из этих этапов обладает специфическими, часто несхожими, представлениями в области «прекрасного» и «безобразного», «возвышенного» и «низменного», «комического» и «трагического»: «Большая часть людей, вовлеченная в практики фотографирования, будет стремиться к определенному рода эстетике, присущей данной социальной группе» [2, с. 231]. К примеру, для фотографий послевоенного периода большое значение имеют атрибуты жизненного успеха конструктивной направленности (строгий и добротный деловой костюм с галстуком, вузовский значок на пиджаке), что впоследствии становится совершенно не важно. На смену аккуратному и уставному изображению военной формы со всеми необходимыми знаками различия (погонами, орденскими планками и т. п.) позднее приходит большое количество «дембельских» фотографий с характерной для них иронией, разнообразными мелкими нарушениями униформы («ушитый» китель, самодельные «аксельбанты», «гармошка» на сапогах, «выгнутая» фуражка с подрезанным козырьком), «карнавальной» смеховой субкультурой. Нельзя сказать, что это хорошо или плохо, меняется сам тип дискурса со всей присущей ему системой ценностей: «Фотографические ритуалы стандартизируют жизнен-

ные события, рубрицируя и выстраивая их иерархию» [2, с. 283]. *Семейный фотоальбом* позволяет зафиксировать изменения, происходящие в «коллективном бессознательном», поставить вопрос об их объективных причинах и отдалённых последствиях.

Следует отметить, что с точки зрения процессов конструирования самоидентичности большое значение имеет не только содержание *семейных фотоальбомов*, но и их презентация окружающим: «Оценочные суждения, сопровождающие показ фотографий, позволяют предъявлять себя другим надлежащим образом, моделировать своё прошлое, манипулировать с реальными фактами и событиями» [2, с. 282]. Фотографические изображения не только подбираются особым образом, проходят соответствующую «селекцию» со стороны пользователя; они предназначены к показу и к ним даются необходимые пояснения, отражающие его жизненную установку и ценностные ориентиры, что необходимо учитывать в контексте воссоздания *антропологически ориентированной истории страны*.

Семейный фотоальбом обладает и более глубоким морально-философским смыслом, связанным с исследованием глубинных противоречий современного технократического социума. «В фотографии присутствуют те области, которые имеют дело непосредственно с технологией и механикой» [2, с. 231], поэтому она наглядно демонстрирует, как техника может исказить творческую сущность субъекта, делать его придатком бездушного аппарата (фотографического, политического, идеологического и т. п.), подводя к конфронтации с окружающей природой и другими людьми. В этом смысле, «фотоуниверсум может служить моделью постиндустриальной жизни как таковой, а философия фотографии может быть исходной точкой для любой философии, занимающейся современным и наступающим бытием человека» [1, с. 89]. Становясь в техногенном «обществе потребления» неодушевлённой сущностью, «желающей машиной», «телом без органов», бездумно подчиняясь «системе моды», моральный субъект неограниченно растранирует и уничтожает природные ресурсы, вместо того, чтобы организовать «рациональное природопользование» и разумно самоограничить свои потребности в пределах меры, соответственно критериям *справедливости*.

Ощущая недостаток ресурсов, он стремится силой отобрать их у более «слабых», к примеру, после распада советской системы передать в «международное пользование» (американских корпораций) месторождения российского арктического шельфа, которые становятся доступны с результате глобального потепления климата. С этой целью американцы приводят к власти на постсоветском пространстве марионеточные режимы, втягивают их в антироссийское военное противостояние. Под этим предлогом вводится режим санкций, призванный, помимо прочего, ослабить Евросоюз как глобального геополитического конкурента, лишить его дешёвых российских энергоносителей; с этой же целью устраивают ближневосточный миграционный кризис. Агрессоров вовсе не пугает вероятность атомной войны, они рассчитывают в очередной раз «отсидеться за океаном», «загребая жар чужими руками», получая для себя положительные внешнеполитические бонусы и преференции; всё чаще идёт речь, что атомный конфликт возможен «в ограниченных масштабах», «в тактическом измерении» и т. п. Между тем сама сущность научно-технического переворота состоит в том, что «если... в программе какого-то аппарата как возможность заложена атомная война, то она... когда-то с необходимостью случится» [1, с. 81], такова специфика технократического пути развития как такового. Задуматься о подобных вызовах и угрозах, способах их преодоления на основе принципов *справедливости* в интересах всего человечества, побуждает *антропологически ориентированная история*, разработать которую пытаются ведущие современные философы (в том числе западные), все «люди доброй воли», независимо от национальности.

В контексте всего сказанного *семейный фотоальбом* предстаёт как уникальный артефакт, способный создать основу для разработки *антропологически ориентированной истории страны*, опирающейся на принципы соразмерности, объективности, исторической *справедливости*.

Список источников

1. Флюссер В. За философию фотографии / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб. : Изд-во С-Петербур. ун-та, 2008. 146 с.

2 Якимович Е. Б. Инновационная деятельность и идентичность: визуализация архетипических образов родной природы, души народа, семьи // Коэволюционная динамика и стратегии инновационного развития Республики Беларусь : монография / А. И. Лойко [и др.]. Минск : БНТУ, 2010. 296 с.

О. А. Челпанова

Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник
имени А. И. Кытманова
Енисейск, Россия

ЛИЧНАЯ ПЕРЕПИСКА КУПЕЧЕСКОГО СЕМЕЙСТВА ГРЯЗНОВЫХ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье проанализированы архивные документы из фондов Енисейского музея-заповедника – письма из личного архива купеческого семейства Грязновых, проживавших в г. Енисейске во второй половине XIX в., как исторический источник информации о культуре и быте купечества второй половины XIX в. Цель исследования – осветить ранее не изученные с точки зрения историко-культурной перспективы документы из личной переписки купеческого семейства Грязновых, проживавших в Енисейске во второй половине XIX в. Источники личного происхождения, такие как личные письма, несут в себе ценную информацию об окружающей действительности современника – автора текста, а также являются ценным источником для реконструкции картины мира представителя сообщества, в данном случае купеческого. Результаты исследования будут интересны историкам, лингвистам, филологам, всем, кто интересуется семейной историей и историей Сибири.

Ключевые слова: эго-документы, семейная история, источники личного происхождения, история Сибири, купечество, биография

Abstract. The article analyzes archival documents from the funds of the Yenisei Museum-Reserve – letters from the personal archive of the Gryaznov merchant family, who lived in the city of Yeniseisk in the second half of the 19th century, as a historical source of information about the culture and life of the merchants of the second half of 19th century. The purpose of the study is to highlight the documents from the personal correspondence of the Gryaznov merchant family, who lived in the city of Yeniseisk in the second half of the 19th century, which were not previously studied from the point of view of the historical and cultural perspective. Such ego-documents as personal letters include valuable information about the surrounding reality of the author of the text. They are also a valuable source for reconstructing the world picture of a community representative, in this case one of a merchant. The results of the study will be of interest to historians, linguists, philologists, and anyone interested in family history and the history of Siberia.

Keywords: ego-documents, family history, Siberian history, merchants, biography

Актуальность темы обуславливается возросшим в последние десятилетия интересом к изучению эго-документов как источника не только сугубо личной, но и историко-лингвистической информации. Мемуарно-эпистолярное наследие купеческого сословия XIX в. представляет интерес для исследователей, ввиду малочисленности сохранившихся документов и уникальности их содержания на предмет как социокуль-

турных сведений о нормах внутрисемейного и делового общения, быте, нравах, традициях, так и более широко – информации об укладе жизни и предпринимательства, мировоззрении, ценностях сообщества. Исследование личной переписки купеческой семьи поможет сформировать представление о картине мира, в том числе языковой, купечества второй половине XIX в.

Перспективы исследования заключатся в анализе более широкого круга источников личной переписки при помощи методов исследования исторической лингвистики, социолингвистики, дискурс-анализа, последующей реконструкции концептуальной картины мира купца XIX в., и создании языкового портрета купца XIX в. Также полученные данные могут помочь в обобщении и уточнении сведений о деловых и родственных связях, быте, торговле, культурной жизни купечества в указанный период.

Объектом исследования является купеческая семья, проживающая в Восточной Сибири во второй половине XIX в., коммуникативная и социокультурная среда, нормы, традиции, а также быт, нравы купечества того времени, отраженные в эго-документах.

Предмет исследования – переписка из личного архива семейства енисейских купцов Грязновых.

Антропоцентричность как неотъемлемый базовый принцип современной гуманитарной науки продиктовал переориентацию исторического исследовательского интереса на источники личного происхождения, которые ранее воспринимались как второстепенные по отношению к формальным документам. Интерпретация текстов при многообразии применяемых методологических подходов позволила исследователям рассматривать подобные тексты под различными углами и применять полученные знания при решении вопросов эго-проблематики: идентичности, субъектности, религиозности, этничности, рассмотрении проблемы составления биографии, проблемы истории личности в истории государства, и т. д.

С антропологизацией исторической науки связан и так называемый лингвистический поворот в исторической и философской науке, который также позволил обратить пристальное внимание на тексты личного происхождения как источники исторических знаний, к которым применяется методологический аппарат интерпретации текстов и которые в силу своей субъективности отражают окружающую автора социокультурную среду, происходящие события [1; 2].

В данном исследовании мы ориентировались на определение эго-документа, данное Л. Ф. Луцевич: «слово, производное от двух слагаемых латинского происхождения (лат. ego – я + лат. document – свидетельство, доказательство), имеющее значение – я свидетельствую (о себе). Он обладает специфическими чертами и свойствами, определяемыми именно первой частью понятия – «эго». Эго – это та часть человеческой личности, которая осознается как Я и находится в разнообразных контактах с окружающим миром» [3].

Ю. Л. Троицкий под эго-документом понимает такой текст, в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая линия [4, с. 14].

При этом важно отметить, что из недостатков субъективность подобных текстов превратилась в одну из наиболее значимых ценностей, «...субъективность эго-документов начинает рассматриваться и историками как самостоятельная ценность» [1, с. 17].

К эго-документам относятся источники автокоммуникативного характера – автобиографии, дневники, и межличностно-коммуникационные источники – мемуары, воспоминания, письма личного содержания. Среди подобных текстов отдельно и особо можно выделить личную переписку.

Изучение эго-документов на Западе началось в послевоенное время. В отечественной исторической науке использование подобных источников началось с 1980-х гг. [5, с. 76]

В источниковедении по истории сибирского купечества конца XVII – XIX вв. Е. В. Комлева выделяет в отдельную категорию мемуары и эпистолярное наследие и указывает, что документы, написанные купцами от первого лица, сохранились в архивах, музейных фондах в относительно малом количестве [5, с. 74].

Среди наиболее крупных сохранившихся личных купеческих архивов можно отметить собрание документов купцов Басниных, рукописная коллекция купцов Ларионовых, входящая в фонд Юдина Государственного архива Красноярского края, личный архив купцов Белоголовых из Отдела рукописей РГБ [5, с. 83].

В фондах Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника хранится личный архив купеческого семейства Грязновых, составляющий 53 листа личных писем. Сами письма представляют собой рукописные документы объемом не более двух листов в сложенном виде, включая подписи и адреса [6].

Семья Грязновых – енисейские купцы середины XIX в., выходцы из местных мещан. Первым из семейства в 1847 г. в третью гильдию купечества вошёл Алексей Кириллович (р. 1795), в 1855 перешёл во вторую, состоял в ней вплоть до 1860 г. с капиталом 6 000 рублей. В эти годы в его семье насчитывалось 23 человека, дети Алексея Кирилловича, их супруги, внуки, сестра. Продолжили его дело сыновья – старший Ефим Алексеевич (р. 1820) и младший Алексей Алексеевич (р. 1821) [7, с. 253].

Занятия купцов Грязновых включали золотопромышленность (добывали золото на прииске Преображенском), промысел и продажу в крупных размерах рыбы, участие в первой частной паровой компании на Енисее [8, с. 385; 9].

Кроме того, Алексей Алексеевич был инициатором основания Александровского приюта призрения бедных детей в 1867 г. [8, с. 438], Ефим Алексеевич открыл типографию в Енисейске [10].

Рис. 1. ЕКМ ОФ 1947. Алексей Алексеевич Грязнов

Нами подробно были рассмотрены семнадцать писем из сохранившегося архива на предмет следующих социокультурных критериев: уровень образования и грамотности, в том числе по гендеру, уровень религиозности, патриархальность, система ценностей, особенности характера и мировосприятия.

Уровень образования и грамотности в купеческой среде к середине XIX в. оставался на достаточно низком уровне. Как пишет Е. В. Комлева, в Енисейске в 1776 г. грамотными среди гильдейцев были 31 из 42 человек, однако это свидетельствует лишь о том, что они могли написать свое имя и фамилию [7, с. 183]. Ближе к середине XIX в., после начала золотой лихорадки в приенисейской тайге, с прибытием в Енисейск людей с высшим образованием, уровень грамотности начал постепенно повышаться [7, с. 189].

В письмах Грязновых частотны орфографические ошибки, например, слитное написание предлогов со словами: «закоторые», «невижу» [6, л. 33]. Синтаксическая структура часто нарушена – предложения в письмах сливаются в одно длинное высказывание, не разделенное точками и запятыми, часто практически половина письма состоит из одного предложения. Однако мысли в предложениях оформлены вполне закончено и понимание изложенного текста даже современным читателем не затруднено: «Я от тебя получил почти важную почту письма и закоторые приношу тебе чувствительную благодарность и увас в городе много новостей которые все ты пишешь ето для меня весьма приятно и видно что вы время проводите весело что для меня приятно, но я также провожу время весело и невижу как дни летят 6 часов утра занимаюсь по Материальной части потом неработаю, на ... ето продолжаеца до 10 часов вечера а потом по письменой части до 2 часов ночи и так незаметно время проходит. Новостей здесь никаких особенных нет» [6, л. 33].

Эти характерные особенности грамматических и орфографических норм присущи как мужским, так и женским текстам.

Сами послания кратки и носят по большей части бытовой характер – например, в одном письме от марта 1879 г. Иннокентий Алексеевич Грязнов просит сестру Елизавету прислать табуку и «лимончиков». В письмах также сообщают или просят сообщить последние новости. Часто пишут: «Что сообщить не знаю», и если рассмотреть даты – например, некоторые письма были отправлены с перерывом в несколько дней, – то можно сделать вывод, что переписка между членами семьи была практически непрерывной, ведь за период между письмами не успевало произойти ничего особенного. Это свидетельствует о том, что связь между братьями, сестрами, их семьями поддерживалась постоянно и большинство из них владели грамотой.

Среди женщин грамотность была распространена очень слабо, о чем писала Е. В. Комлева [7, с. 192–193]. Однако в архивном деле среди писем мы встречаем письма к сестре Елизавете и от нее, а также письма, адресованные матери и тете братьев [6, л. 11, 8, 5, 33]. По сведениям Летописи А. И. Кытманова, «Грязновы Елизавета, Мария» посещали женскую гимназию [8, с. 376]. Отсюда можно сделать вывод, что женщины в семействе Грязновых получали образование и были грамотны.

Неизменный атрибут каждого письма к сестре Елизавете – обращение в начале «Милая моя сестра Лизачка», в письме от 9 ноября 1878 г. от Иннокентия к Елизавете встречаем «Любезная моя сестрица Лизочка» [6, л. 31] и подпись «Любящий тебя брат, Кенька». В письме от 18 августа 1876 г. от Егора Грязнова Елизавете «Прощай милая сестра целую тебя Любящий тебя брат твой, Егор Грязнов» [6, л. 33], «Искренне любящий тебя брат твой...». В письмах Елизаветы к братьям мы встречаем обращение, например, «Милостивый Государь Алексей Алексеевич» [6, л. 27]. Причем на текстовом поле письма именно строкам обращения и подписи выделено наибольшее пространство. Мы видим теплое обращение членов одной семьи друг с другом.

В письме Иннокентия Алексеевича Грязнова от 22 июля 1878 г. обращение брата к брату выглядит так: «Премногоуважаемый и Любезнейший Братец...» [6, л. 28].

Здесь же встречается упоминание: «Надоело уже жить без всякого дела, только и веселья что читаю книги да письма ваши...». Отсюда можем сделать вывод, что чтение было обычным занятием членов семьи [6, л. 28].

Уровень религиозности енисейского купеческого общества был достаточно высоким, о чем свидетельствует, например, прошение благословения у матери в каждом письме: «Мамочки прошу Благословения и поручаю себя молитвам ихним» [6, л. 28].

Письма братьев Грязновых домой неизменно начинаются пожеланиями здоровья и благополучия адресату, например, письмо Егора Грязнова к матери от 2 ноября 1878 г.: «Желаю вам Здоровья всем но обомне вы не беспокойтесь я теперь опять начел полнеть» [6, л. 19], а заканчиваются просьбой благословения, адресованные их матери: «Мамаша я прошу вашего родительскаго благословения и поручаю себя молитвам вашим, Ваш преданный и покорный сын Егор Грязнов» [6, л. 19].

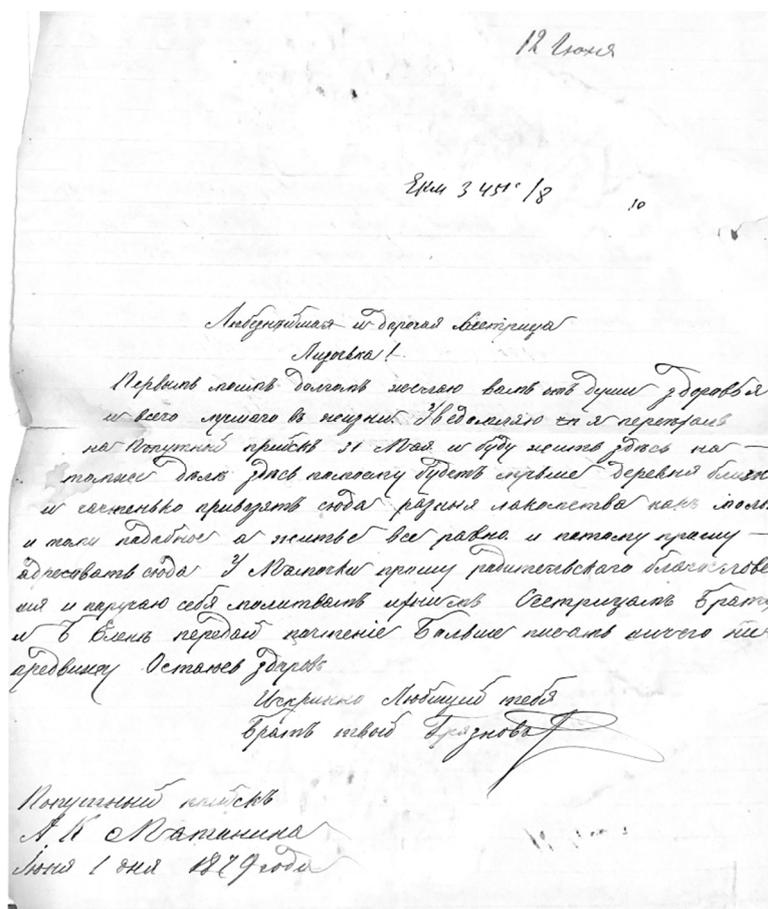

Рис. 2. ЕКМ ОФ 3451. Л. 8. Письмо Елизавете Грязновой от брата, 1 июня 1879 г.

Патриархальность купеческой семьи тесно связана с предыдущим пунктом. Здесь интересным является то, как пишет Иннокентий Алексеевич Грязнов к матери: «Вы настаиваете, чтобы я писал чаще, и этот укор я осознал своевременно и по праву, ибо ваше слово мне закон, что вы сказали – свято и нерушимо, хоть я приму здесь неприятности, но все перенесу по вашему слову» [6, л. 7].

Здесь мы видим беспрекословное почитание родителей. Если рассматривать категорию патриархальности как почитание старших в целом, а не как уровень гендерного неравенства в пользу главы семьи, отца, то мы видим, насколько почтено относи-

лись дети к своей матери. В письме от 29 Апреля 1877 г. Егора Грязнова к сестре Елизавете мы встречаем интересное написание с заглавное буквы: «...передай от меня папочке и Мамочке низкий поклон...», что еще раз говорит о почетном отношении к матери [6, л. 4].

Судя по содержанию писем и проанализированным выше пунктам, в систему ценностей приенисейского купца середины XIX в. мы можем включить семью, Бога.

Среди особенностей характера сибирского купца можно выделить открытость, вежливое обхождение друг с другом, практичность, набожность.

Особенности мировосприятия – надежда в делах и жизни на Бога, почитание старших, благодарность судьбе и Богу за подъем по социальной лестнице – нашли отражение во вкладе купечества в социальную и культурную жизнь города и сообщества. Интересным фактом является вклад в развитие печатного дела в Енисейске – открытие типографии Ефимом Алексеевичем Грязновым [10]. Он также являлся церковным старостой с 1854 г. и гласным городской думы в период с 1846 по 1849 г. [11, с. 133], таким образом выполняя социокультурную функцию дворян и чиновников, малочисленных в Сибири [8, с. 438]. Открытие приюта призрения бедных детей и частые денежные жертвования на церковные и образовательные нужды показывает нам восприятие мира купцами как проекции: «я – миру» то же, что и «мир – мне».

Интересно свидетельство из дневника современника Н. В. Скорнякова о Ефиме Алексеевиче и семье Грязновых в целом: «Этот человек ... был малограмотен и детям свои дал только начальное образование, потому что он жил ... в такой среде, которая избегала образования, боясь в нем оторванности своих детей от той среды, где сами выросли; но зато среда эта ... хорошо сохранила нравственные стороны этих людей, что придавало им замечательную красоту, так что даже не хотелось верить, что перед вами люди без образования, а простые русские люди, которых так много еще...» [11, с. 133].

Таким образом, личные письма, сохранившиеся в архивах, есть тексты культуры, содержащие в себе информацию об окружающей реальности современника – создателя текста.

Несмотря на растущий уровень образованности и европеизации в среде сибирского купечества с середины XIX в., представители второго и третьего поколений купеческих семей все же не вполне были свободны от традиционных устоев предков, что объяснялось их близкими внутрисемейными связями и страхом родителей потерять наследие в своих детях из-за разрыва на культурно-образовательном уровне.

Интерес переписка Грязновых представляет в связи с их коренным происхождением из енисейских мещан, что отразилось на особенностях общения внутри семьи и мировосприятия – купцам Грязновым присуща религиозность сознания, покорность Богу и почитание старших как отражение патриархальности и уровня нравственности купеческого сообщества, проживающих в городе Енисейске второй половины XIX в.

Список источников

1. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота». М., 2007. 17 с.
2. White H. Metahistory. The Historical Imagination on in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, London, 1973.
3. Луцевич Л. Ф. Документальность и эго-документ // Литература и документ: теоретическое осмысление темы (материалы «круглого стола»). 2008. Режим доступа: <http://imli.ru/index.php/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyjstol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy>.

4. Троицкий Ю. Л. Аналитика эго–документов: инструментальный ресурс историка // История в эго–документах: Исследования и источники / Ин–т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 14.
5. Комлева Е. В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо–Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск : Параллель, 2018. 398 с.
6. ЕКМ ОФ 3451.
7. Комлева Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М. : Academia, 2006. 384 с.
8. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 года: [1594–1700] / А. И. Кытманов, 1920]. – эл. копия печатного документа. Текст: электронный. Режим доступа: <https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=cc8eb5c0fdc6416120ac01d27f06de38&viewerType=GUNBKK>.
9. ЕКМ ОФ 3446.
10. ЕКМ ОФ 3053.
11. Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Ю. Л. Александров. Новосибирск : Изд–во СО РАН, 2012. 316 с.

В. Я. Беккер

*Хакасский государственный университет
имени Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия*

ИСТОРИЯ ДЕПОРТИРОВАННОЙ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Аннотация. В представленной работе сделана попытка проследить краткую историю семьи российских немцев в контексте истории советского государства с периода депортации и вплоть до распада СССР.

Ключевые слова: СССР, история семьи, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, депортация, трудовая армия, спецпоселение, реабилитация

Abstract. The given article attempts to trace the brief history of a Russian German family in the context of the History of the Soviet state from the period of deportation to the collapse of the USSR.

Keywords: USSR, family history, J. V. Stalin, deportation, N. S. Khrushchev, labor army, special settlement, rehabilitation

Учитывая специфику предложенного направления настоящей Международной научно-практической конференции «Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы», автор предложенной работы в определенной степени вынужден излагать часть материала от первого лица, что допустимо и приемлемо в жанре личных воспоминаний. В остальном текст и содержание статьи выдержаны в соответствии с общепринятым стандартом.

Автор представленной работы родился в г. Краснотурьинске Свердловской области в семье депортированных российских немцев Поволжья. Отец, в составе рабочей колонны трудармейцев, трудился на строительстве Богословского алюминиевого завода в закрытом режиме. В 1955 г., в связи с известным Указом Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселениях» [1, с. 127], семья смогла переехать в Сибирь, в Хакасию, где проживали родственники. В 1966 г. закончил среднюю школу и поступил на историческое отделение Красноярского государственного педагогического института. После службы в армии, в 1974 г. поступил в аспирантуру исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Работал в должности доцента кафедры истории КПСС Красноярского политехнического института, заведовал кафедрой марксизма-ленинизма в Лесосибирском педагогическом институте. В 1987 г., в связи с образованием в Абаканском государственном педагогическом институте исторического факультета, был приглашен на работу в должности доцента, заведовал кафедрой истории России, был деканом исторического факультета Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Являлся депутатом Верховного Совета Республики Хакасия первого созыва, председателем постоянного комитета по науке, образованию и культуре. В настоящее время – доцент кафедры истории названного университета.

Эта краткая биографическая антология выглядит вполне благополучно, но для представителя депортированного народа она не совсем типична. История данной семьи неразрывно связана с историей России XVIII–XXI вв., особенно с трагичным и позитивным отрезком истории СССР и Сибири в частности. В представленной работе сделана попытка сопоставить личные воспоминания с периода детства с постепенно меняющимися историческими и общественными условиями обыденной и социальной жизни страны. Этот подход логично совпадает с инициативой Сибирского федерального университета, при поддержке регионального отделения Российского исторического общества, обсудить проблемы изучения роли личности, человека «малого» и «большого», семейной истории как неотъемлемой истории страны в целом. Естественно, что эти воспоминания носят сугубо субъективный характер, но они в определенной мере дают объективное представление об истории одной семьи превентивно наказанного народа.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. российские немцы безосновательно обвинялись в сепаратизме, утверждалось, что в республике «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья». И 30 августа этот Указ был опубликован в республиканских средствах массовой информации АССР немцев Поволжья [1, с. 159]. К этому времени моя мать, учительница немецкого языка, и отец, бухгалтер, имели двоих детей. В сентябре 1941 г. они были депортированы в Сибирь, в Красноярский край. Как рассказывали мне позднее родители, депортация проводилась до 20 сентября в жестоком варианте, но без эксцессов. Немецкое население автономии было крайне ошеломлено и покорно следовало приказам. Отца забрали в трудовую армию, потом в рабочую колонну, которая строила алюминиевый завод в Краснотурьинске.

Я родился и жил в этом городе до девяти лет вместе с двумя братьями и старшей сестрой. «Сорок второй» квартал города состоял более чем наполовину из представительных депортированных народов – российских немцев, финнов, татар, карел, греков и других народов. Каких-либо трений, недоразумений и стычек на национальной почве не наблюдалось. Практически все находилось на поселении под надзором комендатуры и, как рассказывала мать, это учреждение работало четко и строго. Комендатура находилась напротив нашего дома, там же – дом коменданта, огромный, почему-то черный дом с высоким глухим забором и высокой качелей на стальных тросах. Комендант Матузенко – тучный, одутловатый человек, которого все побаивались, очень уважительно относился к моей образованной матери. Из-за статуса пораженной в правах ей не разрешали работать в школе и она трудилась в конторе поселка уборщицей. Мать вспоминала, что навела там такую чистоту и порядок, что комендант предложил ей аналогичную работу в комендатуре и его доме. Кроме того, она учила его детей немецкому языку. Это обстоятельство существенно помогало растить четверых детей. Мои воспоминания этого периода довольно яркие, хорошо помню многих жителей, друзей, бабушку, которая меня воспитывала. Детский сад, который мы с братом посещали, был интернациональным по составу, с большим преобладанием детей немецких спецпереселенцев. Хорошо помню, что на Урале в нашей семье говорили в основном на немецком языке, а в кругу сверстников, на улице – на русском.

Смерть И. В. Сталина в марте 1953 г. знаменовала собой не только начало конца эпохи сталинизма в стране, но и породила позитивные надежды во многих семьях, пострадавших от необоснованных репрессий. Этот день навсегда отпечатался в моей памяти. Утром, 6 марта, меня с братом отвели в детский сад, завели в большую игровую комнату, где на стене всегда висел портрет Сталина. Но тогда он был обвит черными лентами и хвойной гирляндой. Кругом, по периметру зала, стоял весь персонал, вплоть до поваров, пришедшие дети с родителями. Все плакали, точнее сказать – рыдали,

практически до истерики. Мы, дети, тоже плакали, понимали, что случилось непоправимое. И эта реакция была искренняя, ненапускная. По дороге домой наша мать хмуρο молчала и ничего не говорила. Но когда бабушке и ее подруге, тоже депортированной татарской старушке, сообщили о смерти вождя – их реакцию я хорошо помню: это была не радость, не глумление, это было жесткое внутренне и внешнее удовлетворение. Таким образом, допустимо заключить, что этот диссонанс на смерть Сталина в одной семье в какой-то мере соответствует неоднозначной реакции всего советского общества того периода.

Следует отметить, что при жизни Сталина у всех спецпереселенцев любой этнической принадлежности не было никакой надежды на улучшение своего бесправного положения. Как отмечали родители, они не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы места расселения, самовольная отлучка квалифицировалась как побег. Более того, после войны в ноябре 1948 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР в котором четко определяется: «депортированные народы, в том числе немцы, переселены в отдаленные районы СССР ... навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. За самовольный выезд устанавливалась уголовная ответственность – 20 лет каторжных работ [1, с. 176].

Только 13 декабря 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР российские немцы были освобождены из-под административного надзора органов МВД, но возвращаться на прежнее место жительства они не имели права. Тем не менее с переездом в Сибирь моя семья воссоединилась, вернулся отец, работал бухгалтером в отделе крупного совхоза Хакасской автономной области. Это отделение, в котором было сосредоточено молочно-товарное производство, почти сплошь состояло из депортированных немцев и калмыков, репрессированных и высланных на поселение латышей, литовцев, а также украинских националистов. Бунтовали и открыто высказывали свое недовольство, совершали побег, устраивали драки только калмыки, чем вызывали у власти постоянное беспокойство. Видимо поэтому их государственность была восстановлена самой первой, в январе 1957 г. Несколько позже начался процесс восстановления национальных автономий народов северного Кавказа, которые после XX съезда КПСС требовали возвращения в родные места. Представители других этнических семейств в Хакасии вели себя довольно спокойно, без каких-либо эксцессов, добросовестно работали, общались между собой, но восстановления своей автономии так и не дождались. В связи с этим в конце жизни мой отец говорил, что Л. Н. Толстой был неправ, пропагандируя тезис «непротивления злу насилием», а вот тот, кто утверждал, что «спящие народы просыпаются рабами» – прав. Правда, уже тогда мне было заметно, что украинские поселенцы держались несколько обособленно и это ощущалось даже в моем многонациональном классе. Но в 1959 г., по решению Н. С. Хрущева, всем осужденным украинцам было разрешено вернуться домой, на Родину.

Как известно, на внеочередном XXI съезде КПСС Н. С. Хрущевым был сделан теоретический вывод о том, что система диктатуры пролетариата свою миссию исчерпала и СССР является общенародным социалистическим государством с единой исторической общностью людей – советский народ. В прямой связи с этим в стране усиливается стремление депортированных народов к реабилитации и предоставлению им конституционных прав. В силу несовершеннолетнего возраста все перипетии борьбы российских немцев за восстановление их автономии на Волге автор этих строк не помнит, но рассказы родителей и родственников восполнили этот пробел. Особое значение для советских немцев и для моей семьи имел фактически Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г.», утверждавший, что все обвинения были необоснованны и являлись проявлением произвола в условиях культа личности

Сталина [1, с. 178–179]. Но даже после этого начался крайне медленный и непоследовательный процесс восстановления их гражданских прав. До и после этого Указа российские немцы, и в частности моя семья, испытывали скрытую дискриминацию. Она проявлялась в проблемах «развития языка, культуры, поступления в высшие учебные заведения, при приеме в партию и назначении на руководящие партийные и хозяйственные посты». При призывах на службу в Советскую армию немецкую молодежь не брали в элитные подразделения и не отправляли на службу в западные регионы страны [2, с. 502].

Непоследовательность власти в реабилитации наказанных народов и скрытая дискриминация в отношении российских немцев и крымских татар прослеживается и в истории моей семьи. После Указа 1964 г., снявшего все обвинения против советских немцев, мой отец, опытный профессионал, сразу же был назначен главным бухгалтером и главным экономистом крупнейшего в Красноярском крае зерносовхоза, неоднократно избирался депутатом сельского совета. Несмотря на это, он так и не был назначен главным бухгалтером райсельхозуправления, хотя, по просьбе главы исполкома райсовета, он курировал и проверял квартальные и ежемесячные отчеты всех экономических служб района.

Эта непоследовательность руководства КПСС и страны породило у немецкого населения эмигрантские настроения. Лишь только в 1972 г. российским немцам разрешили вернуться на постоянное место жительства в Поволжье [3, с. 179]. Следует отметить, что у моих родителей эмигрантских настроений не было, но даже после 1972 г. я, уже взрослый, иногда ощущал определенный дискомфорт, несомненно вызванный моей пятой графой в паспорте. Так, при призыве в Советскую Армию меня, уже окончившего истфак института и имевшего за плечами занятия в аэроклубе, направили на службу в десантную часть, расположенную в Литве в г. Куанасе. Но, видимо, осознав свою промашку, меня экстренно сняли с поезда и отправили служить на Дальний Восток. Подтверждением этого неслучайного казуса явилась серьезная ситуация, сложившаяся в 1973 г. После службы в Советской Армии меня избрали на должность ассистента кафедры истории КПСС одного из институтов г. Красноярска. За один год сдал все кандидатские экзамены, я принял решение поступить в аспирантуру МГУ имени М. В. Ломоносова. Но неожиданно возникло серьезное препятствие. Кандидат на поступление в аспирантуру МГУ по направлению история КПСС должен обязательно быть хотя бы кандидатом в члены КПСС. И несмотря на положительную характеристику и рекомендации, я скоро убедился в том, что пресловутая пятая графа в какой-то степени сыграла свою тормозящую роль. Время для поступления истекало, проблема не решалась. Мне объяснили, что по существовавшей квоте, прежде чем принять кандидатом в члены КПСС представителя интеллигенции, необходимо прежде принять не менее пяти представителей рабочего класса. А этот вопрос решался непросто. И только веское слово хорошо знавшего меня профессора В. П. Сафронова, моего преподавателя, помогло разрешить эту неприятную ситуацию.

В заключение следует отметить, что история моей семьи по-прежнему тесно переплеталась с историей моей страны в бурный период перестройки, крайне сложным и трагичным временем распада великой страны. Немецкая автономия так и не была восстановлена в силу объективных и субъективных причин. Необходимо учитывать, что конец 1980-х – 1990-е гг. – это период, когда решалась дальнейшая история России и вместе с тем решались «малые» истории и судьбы миллионов семей разной этнической принадлежности, составляющих основу и опору государства российского.

С учетом текущего 2023 г. – Года педагога и наставника – аспект семейной истории как истории страны, несомненно, поможет уточнить ориентиры и направления

в учебном и воспитательном процессе, особенно в преподавании и изучении курса истории советского периода и современной истории.

Список источников

1. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). Международный институт гуманитарных программ. М., 1993. 447 с.

2. Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М. : РГ Пресс, 2020. 768 с.

3. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). Международный институт гуманитарных программ. М., 1993. 447 с.

А. А. Бродников

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

ЕНИСЕЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ССЫЛЬНЫЙ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СЕРКОВ (1910–2002)

Аннотация. Репрессированный преподаватель вуза ссылается в Енисейск, где проектирует и устанавливает высоковольтную линию через Ангару. Играя на музыкальных инструментах, он участвует в культурной жизни города. После реабилитации он преподаёт физику и занимается техническими разработками в вузах и НИИ.

Ключевые слова: *арест, ссылка, Енисейск, технические разработки, преподавание в вузе, культурный уровень*

Abstract. The repressed university teacher is sent to Yeniseisk, where he designs and installs a high-voltage line through the Angara River. Playing musical instruments, he participates in the cultural life of the city. After rehabilitation, he teaches physics and is engaged in technical developments at universities and research institutes.

Keywords: *arrest, political link, Yeniseisk, technical developments, university teaching, cultural level*

В настоящей статье речь пойдет о моем далеком родственнике, Василии Васильевиче Серкове, муже моей двоюродной тети, отбывавшем ссылку в Енисейске в 1948–1954 гг. Я с ним активно общался в 1984–1991 гг. во время своих поездок в Москву для работы в архиве и библиотеках. Его рассказы о жизни дают очень красноречивый материал о ситуации, в которой жила наша страна в 1930–1950-е гг., в том числе о том, в каких условиях вынуждены были заниматься своей профессиональной деятельностью преподаватели вузов.

Родился В. В. Серков 26 января 1910 г. в станице Баталпашинская на Кубани (в настоящее время – г. Черкесск, столица Карачаево-Черкесской республики) в семье учителя начальной школы [1]. После окончания средней школы в 1927 г. он, имея интерес к физике как науке, поступил в Северо-Кавказский университет в Ростове-на-Дону. Начав обучение в университете, Василий обнаружил, что на физическом факультете не достаёт некоторых интересующих его дисциплин, что его не совсем устраивало: молодого человека в значительной степени интересовало физико-техническое направление. Через год, в 1928 г., был открыт физико-технический институт в Харькове, и Василий вознамерился перевестись в этот вуз. Он даже совершил поездку в Харьков и походил по коридорам нового учебного заведения. Однако выяснилось, что в ХФТИ преподавание ведётся на украинском языке: украинизация населения УССР в те годы шла полным ходом. Поскольку он не знал украинского языка, обучение в этом институте было для него невозможным.

В результате В. В. Серков закончил в 1931 г. физфак Северо-Кавказского университета и, как один из лучших выпускников, был оставлен работать на кафедре физики ассистентом, вел преподавательскую работу в университете и одновре-

менно в «отпочковавшемся» от университета в том же 1931 г. педагогическом институте. В 1935 г. Василий Васильевич защитил, выступив с докладом, тему своей научной разработки (связанную с энергетикой) и первым в Ростове-на-Дону получил степень кандидата физико-математических наук. Через год он был переведен на должность доцента.

В октябре 1937 г. органами НКВД в преподавательском коллективе Ростовских университета и пединститута (состав преподавателей этих вузов был в значительной степени единым) была раскрыта правотроцкистская шпионско-диверсионно-террористическая организация. Значительная часть преподавателей двух вузов была арестована и для следствия помещена в одном из зданий НКВД в Ростове-на-Дону – в местную тюрьму. Среди них был и В. В. Серков. Первые два месяца арестованные подвергались регулярным пыткам. Из них выбивали показания о том, кем и когда была создана эта подпольная организация, кто и когда завербовал их и какие функции завербованные должны были выполнять. В обязательном порядке требовалось давать показания друг на друга.

Но, к удивлению арестованных преподавателей, через два месяца о них «забыли». Вызовы на допросы прекратились. Такая ситуация сохранялась до весны 1938 г. После этого допросы возобновились, а пытки стали более изощренными. Василий Васильевич высказывал мысль, что в недрах аппарата управления НКВД существовала методическая группа, где разрабатывались приемы пыток. Позднее, уже в ссылке, встречаясь с коллегами по несчастью из разных мест СССР, он выяснил, что пытки были везде примерно одинаковыми, явно проводившимися по определенной инструкции. В частности, мне из его рассказов запомнилась пытка «гвоздик», когда к голове допрашиваемого прижимался крупный шуруп с полукруглой шляпкой, к шляпке пальцем прижимался небольшой пучок коротко стриженных волос, в результате проворачивания шляпки, этот клочок волос вырывался. Требования подписывать заранее подготовленные протоколы сопровождалось ударами по затылку, в том числе разными предметами, что могло продолжаться длительное время, пока у арестованного не начинала идти носом кровь. Рассказывал он и о других пыточных «изысках». Все это могло сопровождаться круглосуточным ярким светом в камерах и длительным воем сирены.

В июне 1938 г. наступила развязка. Всех арестованных перевезли из места заключения в какое-то здание в центре города. Судя по всему, ранее это был дом состоятельного купца. Прямо на машинах их завезли в подвальное помещение, которое когда-то, по всей видимости, служило в качестве склада. Небольшие окна под потолком были заколочены досками. Вдоль стен достаточно широкого помещения были сооружены фанерные перегородки, предназначенные для нахождения одного человека – видимо для того, чтобы арестованные не видели друг друга. Через какое-то время сотрудники НКВД стали их куда-то выводить по одному. Возвращались арестованные через 15–20 минут. Их проводили на прежнее место. Общение между арестованными было запрещено. Напряжение нарастало: всем стало понятно, что выводят на суд.

В конце концов, примерно через час, один из арестованных, проводимый охраной к своему месту, выкрикнул на весь подвал: «Я – Зайцев. Мне – расстрел». В. В. Серков знал профессора Зайцева, преподававшего в университете историю философии. После этого все возвращавшиеся из зала суда выкрикивали свою фамилию и приговор. Все были приговорены к расстрелу. Охрана, пытавшаяся пресечь выкрики, ничего не могла сделать.

Дошла очередь до Василия Васильевича. Два вооруженных охранника провели его из подвала по лестнице на первый этаж и завели в просторный зал. У противоположной входной двери стене за накрытым зеленым сукном столом сидела «тройка» – представители Военной Коллегии Верховного Суда СССР во главе с самим

А. Я. Вышинским, Прокурором СССР. В состав «тройки», вместе с Вышинским, вошли еще два человека в форме высшего командного состава: один – Красной Армии, другой – военно-морских сил. По периметру помещения стояли лавки и стулья, на которых сидели сотрудники прокуратуры со всего, еще недавно существовавшего, Северо-Кавказского края.

Секретарь суда, в форме офицера НКВД, зачитал обвинение и передал документы Вышинскому. Из обвинения следовало, что родившийся в кулацкой семье и являющийся по своему происхождению враждебным элементом В. В. Серков давно искал способ навредить советской власти, с готовностью вступил в правотроцкистскую шпионско-диверсионно-террористическую организацию, и, взяв на себя роль боевика, вызвался активно участвовать в покушении на И. В. Сталина – стрелять в него из револьвера, когда тот посетит город Ростов-на-Дону.

Посмотрев на предоставленные документы, Вышинский спросил: «С приговором согласны?». Услышав в ответ «Нет», предложил аргументировать. Видно было, что он уже привык к попыткам обвиняемых отрицать свое участие в инкриминируемых им обвинениях. Кроме того, было очевидно, что судьба подсудимых его совершенно не интересовала. Для него это была обыкновенная рутина. Ответ В. В. Серкова был для Прокурора СССР неожиданным: «Мое обвинение строится на том, что я происхожу из кулацкой семьи и являюсь по своему происхождению враждебным элементом, эксплуататором. Но кулак-эксплуататор – это житель сельской местности, частный собственник, владелец средств производства. Я же родился в городе в семье учителя, которая не могла быть кулацкой. Моя семья не была зажиточной и по определению не могла иметь собственность, которая давала возможность кого-либо эксплуатировать». Вышинский, взяв в руки документы на Серкова, еще раз пробежался по ним глазами, раздраженно смял их и бросил на пол. «Что же ты хочешь?», – был его вопрос. «Я готов принять любое решение. Только уберите меня из этой тюрьмы», – ответил Василий Васильевич Генеральному прокурору. В результате ему удалось избежать расстрела, но, согласно принятому «тройкой» решению, он был оставлен на доследование в этой же тюрьме.

Таким образом, в результате решения «тройки» во главе с Вышинским В. В. Серков остался еще на несколько месяцев в тюрьме Ростова-на-Дону. Правда, пытки в это время почти прекратились. Вероятно судьи решили, что сам факт возвращения заключенного на доследование в прежнем месте уже будет для него хорошим наказанием. Только в августе 1939 г. В. В. Серков был, на этот раз без суда, приговорен к восьми годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Срок он отбывал в г. Беломорске Карело-Финской ССР. В октябре 1945 г., после освобождения, В. В. Серков был назначен на должность главного инженера Главного энергетического управления при Совете Министров Карельской АССР [2].

В этой должности Василий Васильевич руководил восстановлением энергосетей в Карелии. В его подчинении были в том числе пленные финны, которые выполняли работы по установке электролиний. Поскольку восстановительные работы проводились на большом расстоянии, главный инженер передвигался вдоль линий электропередачи от объекта к объекту на велосипеде. Однако через несколько месяцев после освобождения, в 1946 г., на основании директивы № 185, В. В. Серков был снова арестован до особого распоряжения. Но в ноябре 1947 г. вновь был освобожден и принят на работу главным энергетиком целлюлозного комбината в г. Питкяранта, расположенном на северном берегу Ладожского озера, где проработал около года [2].

Работая в Карелии, В. В. Серков познакомился с Ю. В. Андроповым, занимавшем тогда должности второго секретаря Петрозаводского горкома ВКП(б), а с января 1947 г. – второго секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской республики. Поскольку

Ю. В. Андропов фактически руководил восстановлением экономики Карелии, их общение было довольно регулярным. Когда в середине 1980-х гг. Василий Васильевич рассказывал мне о том времени, об Андропове он отзывался с большим уважением. Более того, говоря уже о недавнем прошлом, обратил внимание, что на одной из площадей в восточной части Москвы в брежневские времена был установлен огромный транспарант с изображением Брежнева во весь рост. При Андропове его заменили на изображение рабочего, а при Черненко вновь появилось изображение Генерального секретаря ЦК КПСС.

В 1948 г. В. В. Серков вновь был арестован и, как ранее отбывавший срок заключения по контрреволюционной статье, этапирован в Красноярский край на вечное поселение. Там ему было определено место жительства – город Енисейск, где он прожил до августа 1954 г. В Енисейске Василий Васильевич работал электромонтёром треста «Енисейсксплавлес» [2]. В это время он активно общался с сотрудниками Енисейских судоремонтных мастерских (в будущем – Енисейский механический завод), как преподаватель физики передавал интересующимся свои знания из области энергетики: Василий Васильевич до ареста занимался научными исследованиями в области бесконтрольного изменения постоянных токов. Среди его «учеников» был Ланцевич, ставший впоследствии главным энергетиком Енисейского мехзавода. В 1970-е гг. Ланцевич был известен в масштабах Енисейска как высококлассный специалист в области энергетики.

Выполнял Василий Васильевич и другие серьёзные поручения в соответствии со своей квалификацией. Им был спроектирован и под его руководством построен высоковольтный воздушный переход через реку Ангару длиной 1164 м одним пролётом. Провес проводов обеспечивал возможность безопасности прохода под ним судов с высокими мачтами. Как рассказывал Василий Васильевич, наиболее сложным при проектировании этого перехода было рассчитать расстояние между тремя проводами – стальными тросами диаметром 9,2 мм: они не должны были перекреститься при сильном ветре. В разработанном В. В. Серкове проекте перехлест проводов был возможен только в том случае, если ветер силой не менее 50 м/с будет дуть не переставая более 10 суток. Эта высоковольтная линия установлена в низовьях Ангары в районе Стрелковского порога, примерно в 25 км от места ее слияния с Енисеем.

19 августа 1958 г. директор Енисейской сплавной конторы Н. И. Макаров, главный механик В. И. Филинов и инженер электрик-механик Стрелковского ЛПХ И. А. Яковлев составили акт о состоянии высоковольтного перехода. Согласно акту, за время непрерывной эксплуатации высоковольтного перехода с апреля 1954 г., на нем не наблюдалось ни одного случая неисправности или аварии [3].

Когда Василий Васильевич после реабилитации в середине 1950-х гг. обратился в ВАК о восстановлении его в звании доцента и возвращении ученой степени кандидата физико-математических наук, ему предложили за разработку этого высоковольтного перехода степень доктора технических наук. Но он предпочел вернуть себе истинную научную степень. Кроме того, впоследствии, выходя на пенсию, за разработку этого перехода В. В. Серков получил звание пенсионера республиканского значения.

Выросший в семье городского учителя, Василий Васильевич не только был эрудитом в области физики и техники, но и прекрасно знал литературу, искусство, обладал хорошим музыкальным слухом: играл на пианино и на аккордеоне. В Енисейске он нашел способ использовать и эти навыки. В. В. Серков активно участвовал в коллективе художественной самодеятельности Дома культуры Енисейска [4]. При его участии в городе были организованы танцы, а сам он стал участником музыкальной группы (трио), которая состояла из ссыльных. Василий Васильевич в этой группе играл на аккордеоне. На саксофоне играл Дмитрий Карев, профессиональный музыкант. А за ударными был пленный румын по имени Борне (фамилия его, к сожалению, неиз-

вестна), высококвалифицированный джазовый музыкант, работавший в Енисейске топником городской бани [5]. В конце 1990-х гг. работавшая главным хранителем фондов Енисейского краеведческого музея Моцалкова Мария Григорьевна (проработала в музее с 1959 по 2004 г.) показывала мне фотографию этого трио. Летом они играли на танцплощадке, находившейся в сквере между ул. Ленина и ул. Кирова (у усадьбы Кытмановых), а в холодное время года – в Доме культуры. Василий Васильевич рассказывал, что иногда румын откладывал барабанные палочки и начинал петь. Пел он таким красивым голосом, что танцующие пары останавливались, чтобы послушать.

В августе 1954 г., после завершения ссылки, В. В. Серков получил возможность покинуть Енисейск и переехать в г. Орск (Оренбургская область). К этому времени он уже состоял в браке со Смолиной Александрой Васильевной, бывшей моложе его на 23 года, и имел новорожденного сына. 11 ноября 1955 г. Военным Трибуналом Северо-Кавказского военного округа был закончен пересмотр уголовного дела В. В. Серкова. Он был полностью реабилитирован ввиду отсутствия состава преступления [6]. В том же году Василий Васильевич был назначен заведующим кафедрой физики в Орском пединституте.

В 1962 г. В. В. Серков с семьей переехал в Могилев (Белоруссия), где был принят в Могилевский машиностроительный институт доцентом. Через некоторое время он был назначен заведующим создаваемой кафедры физики, которую возглавлял десять лет. Как отмечал много лет спустя профессор Белорусско-Российского университета А. А. Жолобов, начинавший в то время свою научную и преподавательскую деятельность в ММИ, «Василий Васильевич работал в ММИ, где творческим умом, огромным трудолюбием и большой любовью к физике, к своим сотрудникам и студентам создавал кафедру, её материально-техническую базу, которая до сих пор служит основой для лабораторного практикума по механике, электричеству и оптике» [2]. Возглавляя кафедру, В. В. Серков проявил незаурядные способности в изобретательской деятельности. Его гордостью и гордостью ММИ было изобретение «Клещи для измерения больших постоянных токов» (без разрыва цепи), удостоенное в 1968 г. диплома I степени, а сам автор – золотой медали на ВДНХ СССР. Исполнители проекта – сотрудники кафедры В. И. Тихонов и В. И. Шевкунов – на этой же выставке были отмечены бронзовыми медалями [2].

Казалось бы, жизнь наладилась: есть семья, любимая работа, удовлетворение от своей деятельности. Но в 1970 г. Василия Васильевича постиг еще один удар – ушел из жизни его 16-тилетний сын Евгений. Василий Васильевич доработал в институте до выхода на пенсию и в 1973 г. уехал на постоянное место жительства в Москву. В Москве он до 1992 г. работал ведущим инженером в конструкторском бюро в НИИ «Хлор» (ГНИИХП или ГосНИИХлорпроект). Новым стимулом в жизни для Василия Васильевича в эти годы был сын Владимир, родившийся в 1971 г.

Подводя итог своего рассказа, отмечу, что Василий Васильевич Серков, несмотря на пережитое, не обозлился ни на людей, ни на власть. Он остался интеллигентным человеком, доброжелательно относился к людям и с энтузиазмом занимался своей профессиональной деятельностью.

Впрочем, такую судьбу пережили многие представители советской интеллигенции, прошедшие через репрессии 30-х гг.

Список источников

1. Серков Василий Васильевич // Репрессированные деятели культуры и искусства в истории Красноярского края [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://rdk.yarsklib.ru/doku.php?id=серков_василий_васильевич (дата обращения: 21.04.2023).

2. Жолобов А. А. Серков Василий Васильевич [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberpedia.su/25xe3db.html> (дата обращения: 16.03.2023).

3. Енисейский краеведческий музей (ЕКМ) НВФ 2887.

4. Енисейский краеведческий музей (ЕКМ) НВФ 2887-6 (1 лицевая сторона), НВФ 2887-6 (1 оборот).

5. Енисейский краеведческий музей (ЕКМ) НВФ 2887-6 (2 лицевая сторона), НВФ 2887-6 (2 оборот).

6. Енисейский краеведческий музей (ЕКМ) НВФ 2887-2 (лицевая сторона), НВФ 2887-2 (оборот).

Ю. А. Орешкова

Национальный архив Республики Хакасия
Абакан, Россия

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПРОСВЕТИТЕЛЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В данной статье автор рассматривает биографическую историю главного пропагандиста и просветителя хакасского эпоса, известного сказителя С. П. Кадышева сквозь призму архивных документов фондов личного происхождения, находящихся на государственном хранении в Национальном архиве Республики Хакасия. Просветительский путь представителя традиционной культуры и автора многих героических сказаний наиболее полно раскрывается благодаря сохранившемуся наследию письменных источников.

Ключевые слова: *источниковая база, Национальный архив Республики Хакасия, фонды личного происхождения, просветитель, хакасский эпос, сказитель-хайджи, С. П. Кадышев*

Abstract. In the article the author examines the biographical history of the main propagandist and educator of the Khakass epic, the famous storyteller S.P. Kadyshev through the prism of archival documents of funds of personal origin that are in state custody in the National Archive of the Republic of Khakassia. The educational path of a representative of traditional culture and the author of many heroic tales is most fully revealed thanks to the preserved heritage of written sources.

Keywords: *source base, National Archive of the Republic of Khakassia, funds of personal origin, educator, Khakass epic, storyteller-haiji, S. P. Kadyshev*

Основание: ГКУ РХ Национальный архив.
Ф. Р-354. Оп.1. Д. 266

Достоверную историю традиционной культуры и повседневной жизни дореволюционного периода сегодня трудно представить без использования ретроспективной информации. Письменные архивные источники, сами зачастую становясь объектами материального наследия, выступают главным хранителем историко-документального наследия, накопленного на протяжении веков. В исследовательских дискурсах биографической истории особый интерес представляют архивные документы фондов личного происхождения.

Главным пропагандистом и просветителем хакасского эпоса и традиционной культуры является известный в Хакасии и далеко за ее пределами мастер сказительского искусства Семен Прокопьевич Кадышев (1885–1977). Крупнейший представитель носителей хакасского фольклора, прославленный хайджи, народный сказитель, певец, поэт, член Союза писателей

России внес весомый вклад в развитие духовной и материальной культуры Хакасии. Во многом благодаря высокому мастерству С. П. Кадышева произошло возрождение, понимание и популярность вершинного жанра хакасского традиционного фольклора – героического эпоса.

Разные аспекты биографической истории просветителя специалисты гуманитарных наук начали рассматривать еще при жизни сказителя. В современной историографии работ, посвященных анализу жизненного и творческого пути, почти нет. При этом существует целый корпус публицистических и научных статей ученых-филологов и фольклористов: Н. С. Чистобаевой [1, с. 48–51], Е. С. Тороковой [2, с. 91–97], Н. С. Майнагашевой [3, с. 17–28], В. В. Миндибековой [4, с. 83–93] и др. В своих работах исследователи рассматривают не только жанровое своеобразие и языковой стиль творчества, но и документальное наследие С. П. Кадышева, в основном концентрируясь на материалах Рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ).

В данной работе вводятся в научный оборот архивные документы фондов личного происхождения Национального архива Республики Хакасия, содержащие сведения о жизни и творчестве, просветительском пути Семена Прокопьевича Кадышева.

Национальный архив Республики Хакасия занимает ведущее место среди архивохранилищ региона по истории науки и культуры, руководящих органов власти, деятельности выдающихся личностей, внесших весомый вклад в развитие региона. Одним из приоритетных направлений деятельности архива является комплектование документами фондов личного происхождения. Сформировавшиеся в процессе жизни и деятельности отдельного лица, эти важнейшие исторические источники позволяют наряду с официальной документацией сформировать представление о прошлом, показать личностное отношение к историческим событиям свидетелями и участниками которых были их владельцы.

Самого фонда личного происхождения С. П. Кадышева в Национальном архиве не имеется. При этом жизненный путь сказителя и просветителя подробно представлен в личных фондах композитора А. А. Кенеля, писателя Н. Г. Доможакова и этнографа К. М. Патачакова.

Особого внимания заслуживают воспоминания и анализ творческой деятельности и высокого мастерства хайджи в документах личного фонда Александра Александровича Кенеля. Являясь профессиональным композитором и автором многих хакасских песен, А. А. Кенель не мог оставаться равнодушным к наследию пропагандиста героического эпоса С. П. Кадышева. В его фонде личного происхождения сохранилась рукопись доклада 1960 г. «Сказитель Семен Прокопьевич Кадышев и хакасская музыкальная культура. Научно-популярные очерки». Здесь содержится краткая родословная С. П. Кадышева, записанная рукой композитора. Известно, что хакасский род Кадышевых из поколения в поколение славился своими потомственными сказителями, а искусство хайджи С. П. Кадышеву передалось от отца.

Семен Прокопьевич Кадышев родился 14 сентября 1885 г. в улусе Тарчы Кызыльской степной управы Ачинского уезда Енисейской губернии (потом – Ширинский район Хакасской автономной области). Отец Прона Кадышев, мать Паяка (Александра) Барашева воспитали шестерых детей, из которых Семен был старшим.

Свой доклад А. А. Кенель начинает такими словами: «Честь носить звание хайджи – народного сказителя – удел не каждого певца или рассказчика. Это звание надо заслужить искусством сказа, знания многих старинных сказаний, художественной импровизацией, искусной игрой на чатхане, созданием новых песен-откликов на современные события жизни. Но главное – это бескорыстное служение своим искусством всему народу» [5, л. 1].

Через описание знакомства композитора и сказителя четко прослеживается природная скромность С. П. Кадышева: «Наше знакомство с ним началось в 1945 г., сразу после окончания войны, когда научно-исследовательский институт, основанный зимой 1944 г., начал организовывать первые фольклорные экспедиции по области...

– Ну что тебе спеть? – с доброй улыбкой спросил Семен Прокопьевич.

Я попросил показать отрывок из сказки.

– Чарир, ладно, спою о Чанар хусе, – сказал он.

Четкая ритмичная игра поразила меня. Он виртуозно владеет чатханом, четко отделяя мелодию от аккомпанемента» [6, л. 2–3].

Рукопись доклада (более чем 60 страниц) содержит многочисленные авторские пометки, перечеркивания, уточнения. Где-то машинописный, где-то рукописный текст, местами подклеенный, содержит ценные записи и сведения о жизни и творчестве Семена Прокопьевича Кадышева. О его мастерстве сказителя А. А. Кенель пишет: «Хай – совершенно своеобразен, чисто национальная форма музыкального гения речитатива низким горловым звуком, почти всегда на одной басовой ноте, под сопровождение музыкального 6–7-струнного инструмента – чатхана..., хай – пение, отсюда хайджи – певец, создатель... Пропев строфу, хайджи пересказывает ее устно. Так строфа за строфой тянется всю ночь, а иногда и две-три ночи длинное повествование... Если хайджи рассказывает о битве алыпов, мелодия на чатхане звучит бурно и напряженно. Если герой гибнет – мелодия медленная, грустная. Рядом с хайджи сидят впечатлительные слушатели. В самых захватывающих моментах они невольно издают одобрительные возгласы «Уух! Ыых». Другие выражают свой восторг словами сочувствия, одобрения по поводу разных событий развертывающихся в рассказе хайджи... Уставший сказитель, закончив как бы главу из своего повествования, делает наконец, перерыв, чтобы выкурить трубочку табаку, выпить чашечку чая. Отдохнув, немного, снова в притихшем помещении раздается горловой речитатив рассказчика, повествования, длящегося много часов подряд» [7, л. 3].

Просветитель хакасского героического эпоса имел великолепную память: «Недаром любит народ своего 74-летнего заслуженного сказителя, такого спокойного и приветливого. В его памяти хранятся более 30 сказаний. Из них записаны 17, а напечатаны 5: «Албынжи», «Алтын Арыг», «Хан Кичегей», «Ай-хучын», «Кумус ханаттыг Кок пора...». Эти 5 опубликованных сказов занимают в общей сложности более 500 страниц печатного стихотворного текста! Из одного этого видно, насколько велик поэтический репертуар сказителя. Но Семен Прокопьевич не просто пересказчик хранимых в своей богатой памяти сказаний, он их украшает своей фантазией, расширяет повествование вставками, художественными деталями. Только так понимает он свою роль в сказительстве» [8, л. 4].

Интересны рассуждения А. А. Кенеля о типе сказителей: «Действительно, здесь оказывается два типа сказителей. Хотя они оба являются профессионалами, но это две разные школы сказительства, имеющая каждая свою традицию и навыки. Один... добросовестно передает лишь слышанный и запомнившийся ему текст сказания. Другой же тип сказителя – это хотя и художник-исполнитель не своего текста, но прежде всего художник-автор, свободно излагающий, дополняющий и изменяющий по своему художественному чутью излагаемый им поэтический текст сказания. Таких сказителей мы в полном праве можем назвать творцами, к этой категории принадлежит и Семен Прокопьевич Кадышев. Каждое повествование Семена Прокопьевича носит свой присущий ему характер, не говоря уже о целых музыкальных наигрышах на чатхане, которые являются его собственными композициями, выражающими его отношение к тому или другому действующему лицу в повествовании или драматической ситуации. Музыкальные вставки Семена Прокопьевича всегда характерны, метки и с большим вку-

сом вставлены в общее повествование» [9, л. 6]. И здесь Александр Кенель подчеркивает: «Содержание любимых сказаний Семена Прокопьевича всегда высоко гуманное, человеческое. Сказитель поэтизирует силу человека и восхищается той силой, которая служит общечеловеческому делу» [10, л. 13].

Фигура Семена Прокопьевича Кадышева была также особо значима для известного писателя, ученого Николая Георгиевича Доможакова, держателя личного фонда Национального архива Хакасии.

В архивном деле «Доклад о хакасском народном хайджи С. П. Кадышеве» Н. Г. Доможаков указывает: «Мастеров-хайджи у хакасского народа много. Их имена известны среди народа и пользуются большим уважением. В активе ХакНИИЯЛИ числится около двух десятков имен хайджи, от которых институт ежегодно записывает богатырские сказки, легенды, песни, тахпахи... Среди славных хайджи выделяется своим мастерством Семен Прокопьевич Кадышев» [11, л. 4].

О предках сказителя Николай Доможаков пишет: «Прадед Семена Прокопьевича был широко известным хайджи, который оставил своим внукам и правнукам богатый запас устного поэтического творчества своего народа. Способствовали развитию сказительского таланта молодого Кадышева его отец и мать, которые много знали народных сказаний, легенд и преданий о глубокой старине, с любовью рассказывали своему сыну и впечатлительный мальчик, одаренный восприимчивой памятью, внимал и любовно складывал все в своей памяти [12, л. 3]. Здесь же он пишет об учителях С. П. Кадышева, среди которых имена следующих: Хара Матный Балахчин, Хара Чакым (он же Семен Абдорин), Егор Павлович Кондеев.

В своем докладе Н. Г. Доможаков также описывает факты жизненного пути сказителя, который в годы гражданской войны был одним из организаторов партизанского отряда, затем трудился в сельхозартели имени Молотова. По словам писателя, в годы Великой Отечественной войны С. П. Кадышев воодушевлял воинов, отправляющихся на фронт. «Хайджи-нымахчи с большим вниманием относился к людям. Когда в какой-нибудь семье случалось несчастье, всегда спешил разделить горе, всю ночь играл на чатхане, увлекая людей чарующими звуками мелодий, захватывающим сюжетом сказаний... Его репертуар неисчерпаем, а его исполнительское мастерство с каждым годом росло и крепко. Вот поэтому хакасский народ именно его первым из хайджи рекомендовал в 1953 г. в члены писательской организации, и он в 1954 г. был принят в ряды советских писателей [13, л. 7]. В своем докладе Н. Г. Доможаков также дает глубокий лингвистический анализ некоторых известных текстов эпических сказаний Семена Прокопьевича Кадышева.

Известный этнограф Кузьма Михайлович Патачаков оставил в фондах Национального архива богатое научное наследие, доступное в его фонде личного происхождения. У него можно найти сведения о многих выдающихся деятелях Хакасии, внесших весомый вклад в развитие региона, в том числе о Семене Кадышеве. В его докладе имеются такие строчки: «Фольклор был главной духовной пищей хакасов, богатым источником для интеллектуального развития... дар хайджи считался чудесным даром, данным свыше. Обучаться искусству хайджи могли лишь особо одарённые, музыкальные и обладающие богатой памятью люди. Хай приходит постепенно. Семен Прокопьевич начал с 12 лет» [14, л. 8].

Исследовательский интерес также представляют газетные вырезки, приуроченные к юбилейным датам хайджи, сохранившиеся в личном фонде этнографа. В публицистической статье «Его святая миссия» от 1995 г., приуроченной к 110-летию сказителя, его племянница Анастасия Кадышева вспоминает жизненный путь своего прославленного родственника. Большой исследовательский интерес вызывает статья Геннадия Сысолятина «Чьи бессмертны письмена...» и ряд других.

За большой вклад в развитие культуры России Семен Прокопьевич Кадышев еще при жизни был награжден орденом «Знак Почета» (1965 г.). К 120-летию со дня его рождения в сентябре 2005 г. в его бывшем доме, в аале Трошкин Ширинского района, открыт музей. 17 июня 2002 г. его именем назван Хакасский республиканский Центр культуры и народного творчества, имя С. П. Кадышева носит одна из улиц города Абакана.

Таким образом, архивные документы описанных фондов личного происхождения, впервые введенные в научный оборот, позволяют дополнить и расширить источниковую базу информации, посвященную известному сказителю Хакасии. Рукописные документы дают глубокий анализ всех сфер деятельности многогранной личности С. П. Кадышева. Его просветительский путь заключался в сохранении и передаче для потомков традиционной культуры. При этом посвятивший себя сказительскому искусству Семен Прокопьевич не только мастерски исполнял накопленный веками фольклорный материал, но и создавал новые произведения, тем самым обогащая устное поэтическое творчество хакасского народа.

Список источников

1. Чистобаева Н. С. Семен Прокопьевич Кадышев (1885–1977) // Филологические науки, вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (66). С. 48–51.
2. Торокова Е. С. Фольклорное наследие С. П. Кадышева: опубликованные и архивные материалы // Социально-экономическое и культурное развитие сельских территорий : материалы Региональной научно-практической конференции с всероссийским участием, посвященной 60-летию Ефремкинскому сельского совета Ширинского района Республики Хакасия. Абакан, 2022. С. 91–97.
3. Майнагашева Н. С. Отражение национального образа мира в эпосе хакасов и шорцев // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Амосова. Серия: Эпосоведение, 2017. С. 17–28.
4. Миндибекова В. В. Несказочная проза хакасов в материалах рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (42). С. 83–93.
5. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
6. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 42. Л. 2-3.
7. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.
8. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 42. Л. 4.
9. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.
10. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-606. Оп. 1. Д. 42. Л. 9.
11. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.
12. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.
13. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 35. Л. 7.
14. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-966. Оп. 1. Д. 75. Л. 8.

Н. Д. Фирер

Лесосибирский педагогический институт –
филиал Сибирского федерального университета
Лесосибирск, Россия

ИСТОРИЯ ЕВДОКИИ ЛИПЕНТЬЕВНЫ ВЕТРОВОЙ (БРЮХАНОВОЙ) КАК ЧАСТЬ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Аннотация. Статья представляет собой очерк о жизненном пути Евдокии Липентьевны Ветровой (Брюхановой) (1922–2023), ставшей свидетелем различных событий советской эпохи.

Ключевые слова: *Е. Л. Ветрова (Брюханова), СССР, советский период, биография*

Abstract. The article is an essay about the life path of Evdokia Lipentyevna Vetrova (Bryukhanova) (1922–2023), who witnessed various events of the Soviet era.

Keywords: *E. L. Vetrova (Bryukhanova), USSR, Soviet period, biography*

Евдокия Липентьевна Ветрова (Брюханова) родилась 6 марта 1922 г. в д. Климено Богучанского района Красноярского края, где обучалась в начальной школе с 1-го по 4-й класс (в Клименском музее есть экспозиция, посвященная 100-летию юбилею Евдокии Липентьевны Ветровой (Брюхановой)).

Затем семья переехала в д. Гольтявино. Там не было восьмилетней школы, поэтому Дуся жила у родственников в д. Чадобец и училась в 5-м классе. Прочувшись полгода, Дуся заболела и родители забрали ее домой.

В двенадцатилетнем возрасте Дуся с семьей переехала в с. Богучаны. Здесь она окончила семь классов и по здоровью больше не училась.

Ее отец, Липентий, устроился работать в Богучанский исполком конюхом. Дусю приняли курьером разносить бумаги из исполкома по Богучанским учреждениям. Она стала учиться делопроизводству и брать уроки машинописи у старого работника исполкома. Он очень тепло, по-отечески обучал старательную девочку премудростям делопроизводства. В 1938 г. Дусю взяли делопроизводителем в Богучанский райисполком.

Молодежь комитета ВЛКСМ Богучанского райкома рекомендовала Дусю Брюханову к вступлению в ряды коммунистического союза молодежи. В 16-летнем возрасте девушка стала комсомолкой.

С 1939 г. работала в Богучанском РК ВЛКСМ управляющей делами.

В Красноярске состоялась краевая конференция ВЛКСМ, куда была делегирована Дуся Брюханова. Там она была избрана секретарем комитета комсомола Богучанского райкома.

С энтузиазмом, присущим советской молодежи, занималась делами комсомольской организации, принимала активное участие в районной конференции ВЛКСМ в сентябре 1940 г.

Была заводилой в лыжных соревнованиях.

По распоряжению Краевого горкома комсомола об организации на местах курсов радистов и медсестер Богучанский райком во главе с Евдокией активно взялся за выполнение задания. Учились сами, подавая пример другим. Заваливали Богучанский военкомат заявлениями с просьбой отправить молодых людей на фронт.

В 1942 г. шли ожесточенные бои на фронтах Великой Отечественной войны. В Богучаны приехали представители Норильского металлургического комбината с призывом к молодежи заменить ушедших на войну рабочих. По комсомольской мобилизации Дуся Брюханова с молодыми людьми была направлена на Норильский комбинат (Норильскстрой).

На Норильском комбинате (Норильскстрое) Дуся работала инспектором в отделе кадров, курсантом курсов отдела подготовки кадров. Но потом попросилась в цех, где трудилась в никелевом и медном цехе: электролитчицей малого металлургического цеха, старшей табельщицей ММЦ, дежурной мотористкой ММЦ, паспортизатором малого металлургического цеха. Здесь изготавливали пластины для фронтовых нужд.

Пять лет (с августа 1942 г. по октябрь 1947 г.) Евдокия Липентьевна проработала на Норильском заводе.

Жили по карточкам, как и вся страна. За вредное производство давали дополнительный паек в виде сухого молока и сливок. Это было хорошее дополнение к рациону, особенно когда в 1945 г. погиб муж Иван и родилась дочь, которую он не увидел.

По возвращении в Богучаны устроилась работать в госбанк.

В 1950 г. была направлена на курсы повышения квалификации в Красноярске, по окончании которых стала заместителем главного бухгалтера Богучанского госбанка.

В 1963 г. с семьей переехала в Джамбул Казахской ССР. Работала кассиром, затем контролером центральной сберкассы, инспектором Госстраха, аппаратчицей и машинистом насосной станции фабрики первичной обработки шерсти (ПОШ).

С 1982 г. находилась на заслуженном отдыхе.

Евдокия Липентьевна Ветрова (Брюханова) неоднократно поощрялась благодарностями за честный труд. Являлась ветераном труда.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в 1995 г.; юбилейными медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Евдокия Липентьевна Ветрова (Брюханова) была настоящим патриотом советской страны, воспитанной в лучших традициях коллективизма, отличалась удивительным оптимизмом, всегда готовой прийти на помощь. Пользовалась всеобщим уважением и любовью. История ее жизни – это история нашей страны продолжительностью в целый век – с марта 1922 г. по март 2023 г.

Ушла навсегда 30 марта 2023 г. в возрасте 101 года, прожив достойнейшую жизнь, воспитав двоих детей, четверых внуков и пятерых правнуков.

Гвозди бы делать из этих людей:

Крепче бы не было в мире гвоздей

(«Баллада о гвоздях», Николай Семенович Тихонов, поэт, писатель, публицист, между 1919 и 1922 гг.).

С. Л. Егорова

Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук
Сыктывкар, Россия

СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА В РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ УЧЕНОГО И ПОЭТА (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ ВАНЕЕВЫХ)

Аннотация. В данной работе исследуются информационные возможности семейной переписки в реконструкции биографии литературоведа и народного поэта Республики Коми А. Е. Ванеева (1933–2001).

Ключевые слова: архивный фонд, письма, семейная переписка, И. М. Ванеева, А. Е. Ванеев, биография

Abstract. This paper explores the information possibilities of family correspondence in the reconstruction of the biography of the literary critic and people's poet of the Komi Republic A.E. Vaneeva (1933–2001).

Keywords: archival fund, letters, family correspondence, I. M. Vaneeva, A. E. Vaneev, biography

Разработка материалов личных архивных фондов, привлечение к ним внимания помогает введению в оборот неопубликованных документов фондообразователя, дополняет новыми сведениями сложившееся представление о его жизненном пути, творческой повседневности, личном окружении, профессиональных контактах. Особенно ценной частью персонального архивного фонда являются документы личностного происхождения (дневники, воспоминания, переписка).

Письма творческого человека – это не только часть его наследия, это документы эпохи, социокультурного развития страны или региона, источник для понимания творческих планов корреспондентов и особенностей их реализации. Переписка может быть достаточно информативным источником в деле реконструкции биографии человека. В этой связи изучение эпистолярного наследия представителя науки или культуры представляется весьма актуальным.

Одним из направлений изучения эпистолярного наследия является анализ семейной переписки. Она считается наименее изученным сегментом источников личного происхождения даже при наличии состоявшихся публикаций. Среди них выделим исследования Е. Ю. Наумова [1], И. В. Кобак [2], Е. Ю. Лебеденко [3], Н. Т. Тарумовой [4], в которых представлен содержательный аспект семейной переписки, круг обсуждаемых вопросов, дана ее оценка как источника историко-биографических изысканий.

Примером научного использования семейной переписки в реконструкции биографии человека может служить переписка Альберта Егоровича Ванеева (1933–2001) и Ирины Михайловны Ванеевой (1933–2010). Это семья профессиональных филологов, сотрудников Коми филиала АН СССР.

Литературовед и народный поэт Республики Коми Альберт Егорович Ванеев хорошо известен в среде финно-угорских литературоведов, знатоков и любителей коми поэзии.

Его профессиональное становление проходило одновременно в двух ипостасях: как ученого и как поэта. Поэтический дар привел в филологию, подтолкнул к изучению истории литературного процесса в республике. Поэтому в характеристике личности Альберта Ванеева, воссоздании его жизненного пути следует учитывать, что научное и поэтическое в творчестве ученого и поэта дополняло друг друга. Благодаря его научным трудам впервые в коми литературоведении второй половины XX в. удалось сформировать целостное определение сущности коми стихосложения, выявить особенности национальной поэзии в ее историческом развитии, представить историю коми-зырянского просветительства в ее преемственности.

Настоящую известность он приобрел как поэт, поэт-новатор, в творческом багаже которого лирические стихотворения, поэмы, стихотворные рассказы, лирические миниатюры, баллады, сонеты. Сонеты получили особенно высокую оценку литературных критиков и простых читателей. Английский ученый, доктор философии Джон Гордон Коутс (1918–2006) назвал Альберта Ванеева истинным основателем этого жанра в коми литературе, утвердившим новые стандарты в создании произведений этой сложной и строгой художественной формы [5, с. 25]. А. Е. Ванеев участвовал в пропаганде научных достижений коми литературоведов, культурном просвещении, выступая в радио- и телепередачах, встречаясь с учащимися, приобщая их к языку и литературе родного края.

Основные вехи жизненного пути Альберта Егоровича, оценка его научных и поэтических творений представлена в энциклопедических изданиях, антологиях [6, с. 286; 7, с. 37, 38], в небольшой работе И. М. Ванеевой и А. Ф. Сметанина, написанной после ухода из жизни поэта и ученого, и приуроченной к его 75-летию [5]. В названных изданиях источники личного происхождения не использовались. Материалы документального фонда А. Е. Ванеева начали вводиться в научный оборот с 2018 г., семейная переписка пока не использовалась исследователями.

Объект настоящей работы – документальное наследие литературоведа, народного поэта Республики Коми А. Е. Ванеева. Предмет – информационный потенциал семейной переписки супругов Ванеевых.

Цель работы – на основе анализа семейной переписки представить возможности использования этой части документального наследия ученого и поэта в реконструкции его творческой биографии.

Источниками послужили неопубликованные документы архивных фондов. В составе фонда семьи Ванеевых в Национальном архиве Республики Коми: рукописи А. Е. Ванеева (стихи, очерки, статьи, доклады, диссертации, монографии, рецензии, выписки из книг и журналов), переписка, документы к биографии, рабочие материалы, документы о А. Е. Ванееве – 108 дел (крайние даты – 1955–2008), документы личного происхождения И. М. Ванеевой – 49 дел (1952–2010), фотодокументы – 85 дел (1961–2003) [8].

В составе фонда А. Е. Ванеева в Научном архиве ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»: научные труды, творческие материалы – 306 дел (1949–2009), документы к биографии А. Е. Ванеева – 47 дел (1955–2010), переписка – 170 дел (1958–2011), фотодокументы – 212 дел (1944–2001) [9]. В этом фонде отложилась семейная переписка Ванеевых.

В работе использован биографический метод, позволяющий представить биографическое содержание переписки, традиции семьи в информировании друг друга не только о личных переживаниях и бытовых подробностях, но и творческих планах, повседневной работе ученого.

Представим общую характеристику этой части документального наследия А. Е. Ванеева. Семейная переписка сложилась благодаря регулярным (два-три раза в год) поездкам Альберта Егоровича в творческие командировки: 1) поездки в Казахскую ССР, Узбекскую ССР для работы в архивах (поиск документов о службе в Туркестане основоположника коми литературы И. А. Куратова); пребывание в Домах творчества советских писателей (Ялта, Коктебель, Пицунда, подмосковная Малеевка), где он создал основную часть научных и поэтических трудов; 3) поездки на конференции, съезды писателей, литературные семинары, встречи с читателями (1958–1990 гг., 182 л.).

Ценность семейной переписки как исторического источника также и в том, что часть ее представлена эпистолярными комплексами (хронологически и логически связанные письма и ответы на них), что добавляет содержательность, дает возможность оценить взаимоотношения между членами семьи, роль переписки в их общении. Среди участников переписки – жена Альберта Егоровича и дети: письма И. М. Ванеевой мужу из Сыктывкара, Ленинграда, Саранска, Сочи, Ярославля (1959–1991 гг., 114 л.), письма и открытки от дочерей Ванеевых (1969, 1979–1984 гг., 28 л.). В целом, хронологический охват семейной переписки – 1958–1991 гг., объем – 324 листа [9, оп. 3].

Хронологически и тематически можно объединить письма в несколько блоков.

Первый из них (1958–1968 гг.) – переписка Альберта и Ирины до вступления в брак, дающая возможность представить, как складывались отношения молодых людей; аспирантский период А. Е. Ванеева (специальность «Теория литературы») с частыми поездками в Москву в Институт мировой литературы, подготовкой к защите диссертации «Вопросы мастерства в коми советской поэзии» (1963). В письмах читаем подробности встреч с научным руководителем профессором В. М. Сидельниковым (1906–1982), рецензентами профессором В. И. Лыткиным (1895–1981), литературоведом В. В. Дементьевым (1925–2000), размышления диссертанта о своем исследовании.

В начале 1960-х гг. А. Е. Ванеев участвует в литературных семинарах молодых критиков. Один из них состоялся в апреле 1962 г. в Переделкино. В письмах Альберта Ирине – подробности пребывания здесь, встречи с филологом и признанным рассказчиком Ираклием Андрониковым, писателем Валентином Катаевым, поэтом и переводчиком Корнеем Чуковским.

В 1960-е гг. пришел первый успех и первое признание: вышла его книга на родном языке «Ме чужи войвылын» («Я родился на Севере»), за ней последовала вторая – «Бара кылалö йи» («Снова тронулся лед») (1964). Состоялся первый опыт создания стихотворений для детей: поэма 1962 г. «Йора» (Лось), сборник стихов 1963 г. «Ми олам сиктын» («Мы живем в деревне»). К середине 1960-х гг. Альберт Ванеев раскрыл свое творчество для русскоязычного читателя: в 1966 г. вышел первый сборник его стихотворений на русском языке «Сосны под солнцем» [10]. В 1965 г. А. Е. Ванеев стал членом Союза писателей СССР.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг.: радостно-волнительные события в семье Ванеевых – рождение детей. С этого момента в переписке супругов всегда будут присутствовать их подрастающие дочери, заботы об их здоровье и развитии, обсуждение подарков, которые должен привезти Альберт Егорович из поездки своим девочкам.

Второй тематический блок (1960–1980-е гг.) семейной переписки связан с участием А. Е. Ванеева в развитии куратоведения – направление в коми литературоведении, посвященное изучению жизни и творческого наследия коми поэта И. А. Куратова (1839–1975). Работы А. Е. Ванеева в этой области (изучение поэтики Ивана Куратова, его философских, эстетических взглядов) нашли воплощение в научных статьях, монографиях, докладах на республиканских и всесоюзных конференциях. В 1960–1980-е гг. велась и поисковая работа в архивах СССР, собирались документы о коми поэте. В этой работе участвовал и Альберт Егорович, что отражено в семейной переписке.

В начале 1980-х гг. он совершил несколько поездок в Алма-Ату и Ташкент, работал в архивах, о пребывании здесь и своих находках непременно сообщая в письмах семье. А в ответ получал вести не только о делах домашних, но и происходящем в Коми филиале АН СССР, о городских новостях.

Третий блок (1969–1990), самый обширный, связан с пребыванием А. Е. Ванеева в Домах творчества писателей. Будучи членом Союза советских писателей и Литературного фонда СССР, Альберт Егорович два-три раза в год пользовался возможностью поработать (обычно около трех недель) вдали от дома в достаточно комфортных для творчества условиях. Как было заведено между супругами, А. Е. Ванеев отправлял первое письмо домой в день приезда в Дом творчества: в письме непременно описывалась окружающая природа, погодные условия, комната, планы работы на ближайшие дни с дальнейшим отчетом о сделанном. Дома творчества были местом пересечения поэтов, писателей, литературоведов, многонационального СССР (начинающих и именитых), сюда приезжали художники, ученые, шахматисты. Приезжая в очередной раз в Коктебель или Ялту, А. Е. Ванеев встречал здесь старых знакомых, с которыми можно было обсудить состояние литературного процесса, обменяться творческими планами – так расширялись профессиональные контакты представителей советского «творческого цеха». В письмах жене Альберт Егорович излагал все эти подробности: имена встреченных поэтов и писателей, короткое содержание бесед с ними в столовой или на прогулке.

В Домах творчества А. Е. Ванеев редактировал готовящийся к изданию трехтомник «История коми литературы» (1979–1981), работал над разделами школьного учебника по коми литературе, писал поэмы, сонеты, переводил на коми язык произведения Шекспира, Петрарки, Пушкина, Лермонтова, стихи поэтов-современников. В 1980-е гг. он начал работу над докторской диссертацией о коми-зырянских просветителях. В письмах он признавался, что в условиях Дома творчества работает в несколько раз быстрее и плодотворнее, чем дома. Недостающие для работы материалы присылала почтой Ирина Михайловна, ставшая незаменимым помощником мужу в этот насыщенный работой период. В работе помогал жесткий режим и спортивный характер А. Е. Ванеева. В одном из писем жене он попытался нарисовать ей картину своего дня: *«Как я строю свой рабочий день? Обычно встаю в 6 часов (изредка раньше), сажусь за письменный стол и правлю то, что написал в предыдущий день. В 7.30 делаю полу-часовую зарядку (пока еще не пропустил ни одного дня). Бегаю по берегу моря или до старого немецкого дота, который на пути в Тихую бухту. До обеда работаю. Ежедневно. Пропустил только один день, когда съездил в Феодосию. После обеда работаю не всегда. Или смотрю хоккей, или ходим в горы <...> [9, оп. 3. д. 1. л. 20, 21].* Когда же планах стояло написание и поэзии, и прозы, А. Е. Ванеев распределял эту работу нередко таким образом: с раннего утра до обеда – стихи, после обеда – проза. Даже загруженный бесконечной работой он всегда тосковал по дому, очень ждал писем, а получив весточку из родного Сыктывкара, с удвоенной энергией бросался в творчество, работая как «хорошая тягловая лошадь»: *«Странная штука – время. Очень соскучился по дому и в этом смысле оно будто еле ползет, а как подумаю о поэме и о том, что много еще надо сделать, то оно летит неумолимо. В такой ситуации спасает только дисциплина. Поблажек себе не даю» [9, оп. 3. д. 1. л. 65].*

В письмах много деталей внутренней жизни ученого и поэта, размышления о состоянии литературоведения в Республике Коми, о событиях в местах пребывания, встречах, людях, книгах. Привязанность и неубывающий с годами интерес членов семьи друг к другу, готовность помочь, поддержать (это отражено в многолетней переписке) делают письма важным источником в изучении семейных отношений и роли ближнего окружения в творческой биографии ученого и поэта.

Как видим, документы личного происхождения дают исследователю возможность в полной мере осветить или дополнить новыми данными жизненный и творческий путь А. Е. Ванеева в контексте современной ему литературной среды и эпохи. Важным фактором, повлиявшим на информативность семейной переписки Ванеевых, стала еще более объединившая супругов профессия – филология. Этим можно объяснить наличие в письмах не только личных эмоций и переживаний, деталей быта членов семьи, но и вполне профессиональное общение.

Подводя итоги, отметим: биографию поэта, писателя, ученого нередко называют измерителем социокультурных процессов, так как в ней отражается историческая ситуация, социально-экономические, культурные изменения, происходящие в стране или регионе. Важную роль в жизни и творческой работе человека играет его ближнее окружение. Поэтому в семейной переписке находят отражение как обстоятельства жизни, так и образ мыслей, чувства, переживания, сама личность пишущего. Именно семейная переписка может служить источником изучения образа жизни, мировоззрения, психологии корреспондентов, давая, таким образом, материал для развития современных направлений исторической науки, таких как социальная история, история повседневности, историческая антропология.

Список источников

1. Наумов Е. Ю. Семейная и дружеская переписка Чичериных как источник изучения их эпистолярной культуры // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры: сб. статей. М., 1984. С. 83–105.
2. Кобак И. В. Семейная переписка Гаевских 1820-х – 1880-х гг. как исторический источник. URL: https://dissert.spbu.ru/dissert2/dissert/dissert_Kobak.pdf.
3. Лебеденко Е. Ю. По страницам семейной переписки Уральского купечества: детские письма пермских Нассоновых в начале XX века // Вестник Пермского университета. 2015. С. 65–71.
4. Тарумова Н. Т. Эпистолярное наследие как источник изучения творческой личности на примере семейной переписки Н. В. Бугаева (1837–1903) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 282–286.
5. Ванеева И. М., Сметанин А. Ф. Альберт Егорович Ванеев. Материалы к совместному заседанию Президиума Коми НЦ УрО РАН и Ученого совета Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН 3 октября 2008 г. Сыктывкар, 2008. 67 с.
6. Республика Коми: энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1. 469 с.
7. Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: биогр. справ. Сыктывкар, 2000. 212 с.
8. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-2472.
9. Научный архив ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН». Ф. 54.
10. Альберт Егорович Ванеев: биобиблиогр. указ. / Нац. б-ка РК, Отд. краевед. и нац. лит.; сост. Е. Г. Нефедова, И. Г. Жукова. Сыктывкар, 2008. 156 с.

РАЗДЕЛ 4 «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В ИСТОРИИ СИБИРИ

УДК 9(908)

А. А. Газиева

*Дагестанский федеральный исследовательский центр
Российской академии наук
Махачкала, Россия*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕМ И ОСОБЕННОМ В СТАНОВЛЕНИИ ФРОНТИРНЫХ ЗОН РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ И КАВКАЗА)

Аннотация. На основе комплексного анализа монографий, источников и журнальных публикаций проведен сравнительно-исторический анализ наиболее крупных фронтальных зон России, в соответствии с методологией теории фронта, а также в постановке проблемы исследования, а именно сравнения различных показателей и критериев оценки становления и функционирования фронтальных зон Российской империи. Данные исследования носят многовекторный характер, что позволяет раскрыть роль, значение и динамику процесса колонизационных процессов в Российской империи в разрезе региональных исторических реалий, в пространстве историко-географического ландшафта. Использование подобного подхода позволяет дать историческую оценку явлениям, процессам и событиям, а также проанализировать общие практики российской политики на осваиваемых территориях и вычленил частные исторические реалии, констатировать итоги политического курса империи в конкретной исторической зоне.

Ключевые слова: *фронт, Сибирь, аккультурация, кавказское пограничье, колонизация, переселение*

Abstract. Based on a comprehensive analysis of monographs, sources and journal publications, a comparative historical analysis of the largest frontier zones in Russia was carried out, in accordance with the methodology of the frontier theory, as well as in setting the research problem, namely, comparing various indicators and criteria for assessing the formation and functioning of frontier zones of the Russian Empire. These studies are multi-vector in nature, which makes it possible to reveal the role, significance and dynamics of the process of colonization processes in the Russian Empire in the context of regional historical realities, in the space of the historical and geographical landscape. The use of such an approach allows us to give a historical assessment of phenomena, processes and events, and also

allows us to analyze the general practices of Russian policy in the territories being developed, as well as isolate particular historical realities, and state the results of the political course of the empire in a specific historical zone.

Keywords: *frontier, Siberia, acculturation, Caucasian borderland, colonization, resettlement*

Тернеровская трактовка фронта, влияния колонизации западных земель, которая способствовала становлению отличительных особенностей истории США, базируется на понятии противостояния дикости и цивилизации, культурной и пространственной ойкумены и анойкумены, рассматривается как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды» [1, р. 23].

В нашем понимании понятие фронта имеет широкую, гибкую трактовку, понимается как «подвижная граница» между разными культурами; термин, таким образом, вышел за рамки региональной американской истории. Концептуальные идеи тернеровского фронта позволили по новому интерпретировать американскую историю, стали толчком к развитию новых методологических подходов и становлению различных направлений, как в американской, так и в мировой историографии.

На каждой отдельно взятой территории механизм фронта срабатывал в зависимости от конкретных этнических особенностей, полиэтничности, поликонфессиональности региона, природных, ландшафтных особенностей и ряда отличительных особенных черт, присущих территории.

Сегодня приложение теории фронта относительно различных территорий позволяет рассматривать не просто продвижение границы вперед, а включает в себя составляющую анализа социокультурного феномена для больших историко-географических ландшафтов. Как справедливо отмечает исследователь Альфред Рибер: «тернеровское представление о границе, как о разделительной линии между «дикостью» и «цивилизацией» или как поступательного движения в «пустые земли» под воздействием антропологии, превратилось в концепцию границы как зоны взаимодействия, которое вовлекает два или более ранее замкнутых общества в разнообразные культурные и торговые пограничные обмены» [2, с. 214]. Мы разделяем позицию ряда исследователей, которые представляют зону фронта как территорию межкультурной, межэтнической коммуникации, с нарастающими торгово-экономическими связями при постепенном вхождении территории в пространство государства.

В России существует несколько фронтальных зон. Они, в свою очередь, имеют различную типологизацию, связанную с особенностями становления и развития фронтальных зон.

В исследовании делается попытка рассмотреть две крупные фронтальные зоны – Сибирь и Кавказ. Выбор связан с тем, что оба региона осваивались параллельно, но имеют ряд особенностей в развитии.

Для процесса освоения Сибири характерна массовая миграция многомиллионного потока переселенцев. Колонизация Сибири, начавшаяся в XVI в., прошла многочисленные этапы, которые связаны с экономическим освоением края: от использования ресурсов региона и до строительства крупных центров промышленного развития и торговли. Сибирь выглядела притягательной в экономическом отношении для самых различных социальных групп. Стоит отметить то, что отличительной чертой американского фронта от фронтальных зон России было то, что фронт в Америке, зона пограничья, выступала социальным лифтом для переселенцев, они могли переходить из одной социальной страты в другую, для российских фронтальных зон это было несвойственно. Так же следует отметить – ввиду того, что пограничье было зоной разного рода коммуникаций от хозяйственно-бытовых до культурных, можно говорить об отходе

от архаичных, свойственных другим (нефронтирным территориям) нормам общественного поведения, восприятия себя, среды и других участников коммуникации.

Сама теория контактных зон относится к учению о географическом детерминизме, поэтому стоит отметить и факт влияния среды на особенности развития зон, на интенсивность освоения.

Общее в освоении земель Сибири и Кавказа – причины появления первых переселенцев на данных территориях. На указанные контактные зоны сбегали от крепостничества, государственного политического сыска, направляли на каторгу, в ссылку. Подобная практика существовала длительное время, пока процесс переселения не стал массовым, организованным государством.

Заселение Кавказа проходило в аналогичной последовательности, что и Сибири, с единственным отличием – первопроходцами на Кавказе были казаки, военные, а не купцы и торговцы, как было на Сибирском пограничье. История покорения Сибири в своей первооснове включает ее природные богатства и ресурсы, необходимые для развития торговли, предпринимательства России. Освоение Кавказа – это геополитическая необходимость и стратегическая перспектива развития и контроля в южном направлении. Если говорить о Сибири, то Россия не встретила сопротивления со стороны других государств при освоении Сибири. За Кавказ на внешнеполитической арене боролись Иран, Турция и Россия.

В Сибири города росли за счет экономического освоения, а на Кавказе это были крепости, целью которых было военное подчинение и политический контроль. Если говорить о типологизации фронта, то в Сибири первоначально возник экономический фронт (торговый, хозяйственный, промышленный), который способствовал развитию городской среды в регионе.

Сибирь стала центром, куда стекались капиталы и население из центральных регионов империи. Динамика роста и промышленного развития не всегда оставляла позитивный след в истории региона, как справедливо отмечает историк Н. Ядринцев: «В сибирских городах золотопромышленность не оставила никаких заметных памятников, не оставила и следа благосостояния в местном крестьянстве» [3, с. 420.]. Несмотря на развитие промышленности, материально-техническая база промышленности и промыслов находилась на низком уровне развития. Экстенсивность промышленного производства, несмотря на потенциал ресурсов, была налицо. Американский путешественник Джордж Кеннан, побывавший в 1880-е гг. в Сибири, дал следующую характеристику добычи серебра на рудниках: «Рудники наполовину не работают; сотни каторжников лежат в безделье месяц за месяцем в грязных переполненных камерах» [4, с. 313–314.]. Расширение Сибирского фронта происходило за счет расширения экономических отношений, вовлечения в них все большего количества переселенцев, но экстенсивными методами, что тормозило процесс колонизации.

Кавказский фронт расширялся за счет военного освоения. Господство военно-политических методов освоения региона сказывалось на формировании основных черт и особенностей подвижной границы. На Кавказе крепости и укрепления появлялись с целью обозначения определенной территории за Российским государством. Система фортификационных укреплений возводилась с конца XVIII в. (до этого можно говорить о культурном фронте) с той только целью, чтобы держать горцев в подчинении. Но для кавказского фронта характерной особенностью является то, что после военного подчинения начинает развиваться следующая модель фронтирных отношений, которая объединила межкультурную коммуникацию, торговые взаимоотношения и сформировала гражданский тип управления регионом. По средствам фортификаций, которые были возведены, с целью подчинения, захвата, начинают развиваться мирные взаимоотношения – матримониальные связи, хозяйственные отношения, экономические

взаимоотношения и аккультурация, которые уже существовали, но получили еще большее развитие.

Говоря об этнических процессах, происходивших на фронтире, следует отметить разницу проведения национальной политики в Сибири и на Кавказе. Несмотря на то, что обе зоны являются полиэтничными, решение национального вопроса координально отличалось.

Говоря о теории фронта, ее основоположник, Ф. Тернер, определял фронт как зону взаимодействия, встречи дикости и цивилизации, что более всего подходит для сибирского пограничья. Народы, проживающие в Сибири на момент освоения, были язычниками, не имели письменности, находились на низком уровне развития, в сравнении с Россией. Если же мы говорим о Кавказе, то народы, проживающие там, имели письменность, у них была развита наука, образование, они были представителями восточной цивилизации.

В результате матримониальных связей на сибирском фронтире оформился особый тип сибиряка. Он имел широкие скулы, узкий разрез глаз. Он «холодно рассудочен и расчетлив», отличается «грубоватостью нравов», а также «страстью к наживе». Чистый русский тип сохранился только у староверов южного Алтая и Забайкалья, не допуская смешанных браков» [5, с. 280].

«Этнографические исследования убеждают нас, – писал знаток Сибири Н. М. Ядринцев, – что здесь русские теряли очень часто вместе с типом и свои характеристические признаки, нравы, обычаи, веру и даже язык, – словом, утрачивали свою национальность. С кем бы они ни сталкивались, остяки, тунгусы, якуты, буряты и киргизы имели на них сильное влияние, и русские им уступали» [3, с. 196]. Существует мнение среди исследователей сибирского пограничья о том, что завоеванные народы мирно победили колонизаторов. Русские перенимали у коренных народов формы хозяйства, одежду и нравы. Женщины шили по примеру буряток «яргачи» – козлиные и тарбаганьи шубы. В Верхоленском крае русские ели ту же пищу, что и буряты, без вилок и ножей, из деревянных чашек» [3, с. 196].

В России большая часть людей, как служилых, так и просто крестьян, переселялась в Сибирь за счет государства. Переселение с самого начала считалось делом государственным. Государство поддерживало и стимулировало переселенцев.

Кавказский фронт тоже сформировал особый тип жителя, но он не получил своего закрепления в научной литературе. В случае с кавказским пограничьем определение этнической принадлежности проходило по отцу, поэтому не произошло формирования субэтнуса. Взаимовлияние горцев, казаков и русских переселенцев способствовало формированию особого фенотипа, свойственного только кавказскому пограничью. В вопросе помощи и представления всяческих льгот казакам и переселенцам из центральных губерний на кавказском фронтире проводилась аналогичная политика, что и в Сибири. Государство стимулировало переселение, выделяло земли, временно освобождало от податей и повинностей. Правительственными постановлениями и положениями проводилась в жизнь политика привлечения горцев в христианство. Всем перешедшим в православие государство выдавало денежное пособие, деньги на проезд в родной аул, с товаров, которые они привозили, не взымали пошлины [6, с. 176–177].

Государство оказывало поддержку и крупным промышленникам, которые развивали различные отрасли промышленности в регионе. Крупные предприятия были построены в Кизляре, Темир-Хан-Шуре, Грозной, Моздоке. Кроме того, для развития торговли, которую правительство применяло как рычаг экономического давления и использовало для регулирования отношений с местными народами, были построены гостиные дома, обычно в городах, их было три: армянский, горский, русский. Как на сибирском, так и на кавказском фронтире происходил процесс аккультурации. Русские

переселенцы, казаки, переселяясь, привозили с собой предметы обихода, бытовые предметы – посуду, привычные для них продукты питания. Также происходил процесс взаимовлияния в фасоне одежды, используемых тканях, украшениях, оружии.

На кавказском фронтире происходила трансляция культурных элементов, что привело к изменению вестиментарной культуры женщин, так как женщины в целом более восприимчивы к разным изменениям, а контактные зоны были благоприятной, подвижной средой для подобных трансформаций [7]. Казачки и горянки в силу разного рода обстоятельств были вынуждены вступать в брак с представителями этносов полиэтнического региона. На период отсутствия супруга (или его смерти) казачка становилась во главе хозяйства, она сосредотачивала в своих руках решение всех экономических вопросов. Подобная ситуация была характерна и для Сибирского фронта. Как указывает исследователь Ю. М. Гончаров: «В случае смерти хозяина, вдова до совершеннолетия детей становилась главой семьи и выполняла все его функции, на нее записывалось хозяйство [8]. На пути движения фронта элементы культуры, как материальной, так и духовной, либо терялись в истории, либо трансформировались под влиянием среды. Культура во всех своих проявлениях – и бытовая, и обрядовая, и хозяйственная – трансформировалась, «обтесывалась» о природно-географические условия, традиции и нравы автохтонных народов, исторически проживавших на колонизируемых территориях.

Процесс аккультурации проходил одинаково на обеих подвижных границах, но имел разный конечный результат. Так, на сибирском пограничье русское население испытывало сильное влияние коренных народов, где практически полностью переняло все ментальные особенности, культуру поведения, ведения быта и хозяйства. Для кавказского фронта свойственно взаимодополнение, при сохранении собственных особенностей культуры и ментальности всех народов, участвующих в коммуникации.

Список источников

1. Turner F. G. *The Frontier in American History*. N.Y., 1920. P. 23.
2. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. Казань : Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 214.
3. Ядринцев Н. М. *Сибирские инородцы*. Тюмень, 2000. С. 420.
4. Кеннан Дж. *Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886)*. СПб., 1999. С. 313–314.
5. Кузнецов В. К. *Русские старожилы в Сибири и Средней Азии : в 2 т.* СПб.: Товарищество А. Ф. Маркс, 1914. Т. 1. С. 280.
6. Газиева А. А. К вопросу о мусульманских кварталах Кизляра в политике России в Дагестане в XIX веке // *Исламоведение*. 2016. Т. 7. № 1 (27). С. 176–177.
7. Газиева А. А. Медиаторы культуры: о гендерной особенности статусных ролей женщин на кавказском фронтире // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 4. С. 121–135.
8. Гончаров Ю. М. Женщины фронта: образ сибирячки в региональном социуме середины XIX в. – начала XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zaimka.ru/goncharov-siberians> (дата обращения: 24.05.2022).

Т. Ш. Уметбаев¹, Е. А. Бондаренко²

^{1, 2}Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

«СЕВЕРНЫЕ АМУРЫ» НА ОХРАНЕ СИБИРСКИХ РУБЕЖЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье исследуется деятельность башкирских полков по охране сибирских рубежей в XVIII–XIX вв., анализируется состояние башкирского воинства, в том числе рассмотрена кантонная военно-административная система управления в Оренбургской губернии.

Ключевые слова: «Северные Амуры», башкиро-мишарское воинство, кордонная служба

Abstract. The article examines the activities of Bashkir regiments for the protection of the Siberian borders in the period from 1745 to 1865, analyzes the state of the Bashkir army, examines the cantonal military-administrative management system of the Orenburg province.

Keywords: «Northern Cupids», Bashkir-Mishar army, cordon service

Название «амуры», а впоследствии и «северные амуры», закрепилось за башкирскими воинами в период наполеоновских войн, поскольку основой их вооружения были лук и стрелы. Когда это произошло точно, кто конкретно дал это название, нам неизвестно, но источником этого имени стали французские воины. Башкиро-мишарские воины принимали участие ещё в войнах 1805–1807 гг. В своих воспоминаниях Денис Давыдов отметил: «Французы прозвали их северными купидонами (les amours du nord)» [1, с. 165].

В 1812 г. в действующей армии находились 28 башкиро-мишарских полков. Они же приняли активное участие в заграничных походах Русской армии. В «битве народов» под Лейпцигом их действия отметил французский генерал де Марбо в своих записках: «Усилия башкир в основном были направлены против кавалерийского корпуса генерала Себастиани... башкиры пускали свои стрелы по дуге в воздух, и стрелы при этом описывали большую или меньшую кривую, в зависимости от того, насколько удалённым от себя лучники считали врага» [2, с. 673–674]. И. П. Эккерман, оставивший записки о разговорах с И. В. Гёте в последние годы его жизни, писал, что великий поэт показал ему настоящий лук и сказал: «Да, он всё такой же, каким был в тысяча восемьсот четырнадцатом году, когда мне торжественно преподнёс его начальник башкирского отряда» [3, с. 233].

И в народной памяти – в преданиях и песнях – в основном сохранились события наполеоновских и целого ряда других войн, в которых участвовали «северные амуры». Таковы, например, песни «Кахым-турэ», «Любизар», «Каравансарай», «Кутузов», «Перовский» и т. д.

Повседневная служба башкирских воинов по защите рубежей Российской империи отражена мало. И это понятно – память сохраняет в основном наиболее яркие события. Например, башкиры-мусульмане пожертвовали значительную сумму на восста-

новление Донского православного монастыря в Москве, который был разрушен французами – они воспринимали войну 1812 г. как подлинно Отечественную, направленную и на их защиту от общего врага [3, с. 155–156].

И этой странице истории посвящено немало страниц и в отечественных исследованиях, и в художественной литературе, и даже в кинематографе. Гораздо меньше изучена служба башкирского иррегулярного войска в повседневной мирной обстановке. Среди известных публикаций последних десятилетий можно назвать труды В. А. Кузнецова «Иррегулярные войска Оренбургского края (XVIII–XIX вв.)», С. Х. Хакимова «Участие частей башкиро-мещерякского войска по охране порядка и пресечению уголовной преступности на Урале в первой половине XIX века». Значительное внимание этой теме уделил Р. Н. Рахимов («Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII в. как фактор интеграции в империю», «Оренбургская и сибирская пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России»).

Служба по охране сибирских рубежей проходила с самого начала функционирования сибирских линий (то есть с 1745 г.). «По прекращении возмущения их в 1741 году, – отмечает И. Г. Георги, – учреждено состояние их по примеру Козацкаго; и потому правят они службу при пограничной линии, либо и в походы по наряду ходят: при чём сами себя должны снабдевать лошадьми, одеянием и оружием; во всём же прочем оказывается им такое призрение, как и другим козакам» [4, с. 87]. Оренбургская губерния была учреждена в марте 1744 г., после чего было предписано иррегулярным войскам состоять при оренбургской линии, а зауральских башкир подчинить оренбургскому генерал-губернатору [5, с. 441].

Одним из крупных геополитических потрясений в Центральной Азии стали события, связанные с гибелью от Цинской империи в 1757–1758 гг. Джунгарского ханства. Это привело к переселению в пределы Российской империи джунгарских зайсанов [6, л. 1-1об.]. Из-за переселения ойратов возникла угроза их столкновения с башкирами, поскольку они шли через район Зилаирской крепости в район Среднего Поволжья, на что указывал генерал А. И. Тевкелев [7, л. 1об.]. Кроме того, переселение ойратов вызвало протест Лифаньюань, и Сенату приходилось предпринимать дипломатические шаги к урегулированию ситуации [8, с. 113]. В Джунгарии началось восстание Амурсаны. Сложилась крайне нестабильная обстановка на сибирской линии, ввиду чего было принято решение об укреплении восточных рубежей.

23 апреля 1758 г. последовал указ императрицы Елизаветы Петровны о направлении башкиро-мишарских отрядов на сибирскую линию. В указе говорилось, что они должны заменить находившиеся там ранее татарские и калмыцкие команды и должны следовать через свои жилища, чтобы запастись лошадьми и провиантом [5, с. 502]. Военная коллегия, предписывая направление этих команд, отмечала, что в настоящее время дислоцированы «башкиры и казанские татары в Старице, в Зубцове и во Ржеве Володимирове; мещеряки в Старой Русе» [5, с. 503].

Сибирский губернатор Ф. И. Соймонов скептически отнёсся к этому решению, обосновывая своё несогласие тем, что «во оной команде у башкирцев и мещеряков весьма лошади от дальнего похода худы и много пеших и больных людей», и требовал замены новыми людьми и свежими лошадьми [5, с. 505]. Далее он предлагал до весны оставить башкиро-мишарские команды в своих жилищах. Но 8 октября 1758 г. подполковник И. Уваров докладывал в Военную коллегия о прибытии башкиро-мишарской команды на Сибирскую линию в Усть-Уйскую крепость. 4 июля 1760 г. указом Сената было установлено жалованье башкиро-мишарским командам, находящимся на Сибирской линии [5, с. 509]. И в 1761 г. около пятисот человек были расположены на Тобольской дистанции в пяти крепостях и 14 редутах [5, с. 505].

И служили на рубеже ротные команды башкир, о чём свидетельствуют источники, например, рапорт старшины Даута Сулейманова от 8 сентября 1765 г. У него в подчинении находилась пятиротная команда [9, л. 17].

По крайней мере, этот источник свидетельствует о том, что в это время кордонная служба была организована ещё недостаточно хорошо. Были проблемы, которые препятствовали службе. Во-первых, судя по рапорту Д. Сулейманова, откомандирование Оренбургской губернской канцелярией было неожиданным («весьма строгим и незнатым образом», «скорым выступлением»), вследствие чего и автор рапорта и его подчинённые не успели как следует подготовиться к такому походу и организовать жизнеобеспечение у себя дома («в том моём во управлении остался только брат мой родной малолетной, а кроме него других родственников вблизи нет, и особливо присмотру иметь некому»; «...вся моя команда... на целое годичное время все потребным отправка не могли») [9, л. 17].

Во-вторых, это вызвало целый ряд серьёзных проблем для башкирского войска, включая отсутствие жилищ; обеспечение корма лошадей, что вызвало их массовый падеж; отсутствие тёплой зимней одежды («а зимней одежды и совсем не забрали, следуя ж трактом»). Именно это заставило Д. Сулейманова обратиться к командующему Сибирским корпусом генерал-поручику И. И. Шпрингеру с просьбой откомандировать его в Башкортостан для «собрания зимней одежды и служебных лошадей хотя малого числа» [9, л. 17об]. Д. Сулейманов скоро скончался, но его просьба была удовлетворена [9, л. 179]. Ещё один источник информирует, что башкирские воины дислоцировались в крепостях Лебяжьей, св. Петра, Полуденной, Акмолинской, Покровской, редутах Медвежьем, Чистом, Лосевом, Вачаевом [10, л. 164].

Помимо кордонной службы, охраны границы, башкирское войско использовалось и в разведывательных целях. Например, в 1761 г. башкиры Ш. Абзанов, У. Абзанов и М. Утяшев изучили взаимоотношения казахов с властями Цинской империи [11, с. 188–189]. Другая группа башкир в 1767 г. использовалась для разведывательной миссии к хану Аблаю [11, с. 193].

В 1789 г. в уфимском наместничестве башкиры были разделены «по юртам и командам без учёта их родовой принадлежности. 20 908 башкирских дворов были распределены между 103 юртами, что соответствовало приблизительно количеству башкирских волостей. Тем не менее, юрта и волость не совпадали ни территориально, ни по составу населения. Во главе юрты был поставлен старшина» [12, с. 264].

В 1798 г. на территории Южного Урала среди нерусских народов края стала функционировать новая кантонная военно-административная система управления. Башкирские районы были разделены на кантоны, подчинённые кантонным начальникам, а сами башкиры стали военным сословием, каковым и оставались до 1865 г. В их обязанности входила и защита порубежных территорий. Служили они и в Сибири, причём эту службу они несли и в XIX в., о чём упоминают и некоторые сибирские источники. Н. С. Гуляев в своих записках отмечает наличие трёхсот башкир на Сибирской линии в районе Колыванского и Кузнецкого острога [13, л. 25]. И в высочайше утверждённом докладе военного министра от 19.09.1808 говорилось, что донские казаки и башкиро-мишарское воинство было командировано к охране сибирских крепостей, а некоторые из командированных на линию в 1760-е гг. «пожелали остаться навсегда на линии и завели там дома» [14, с. 538].

Кантонная система управления функционировала вплоть до 1865 г. Но и после этого отдельные башкирские иррегулярные части служили на Сибирской линии.

Таким образом, участие иррегулярных башкирских войск в охране сибирских рубежей является одним из интересных, недостаточно изученных, эпизодов в истории сибирских линий. Применение иррегулярных войск для защиты сибирских рубежей

имело определённое, хотя и не основное значение. С другой стороны – само присутствие иррегулярных войск на значительных сибирских рубежах было необходимо как для контроля за пограничными рубежами, так и для разведки.

Список источников

1. Башкирия в русской литературе / сост. М. Г. Рахимкулов. Т. 1. Уфа : Башкирское книжное издательство, 1989. 556 с.
2. Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М. : Эксмо, 2005. 793 с.
3. Любезные вы мои / под ред. А. З. Асфандиярова. Уфа : Китап, 1992. 236 с.
4. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарскаго племени. СПб., 1776. 246 с.
5. Материалы по истории Башкирской АССР / сост. Н. Ф. Демидова, под ред. А. Н. Усманова. М. : Издательство АН СССР, 1956. Т. 4. Ч. 2. 667 с.
6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1226. Л. 1-1об.
7. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 869. Л. 1об.
8. Ноздрин И. А. Калмыцкое ханство в системе международных отношений в Центральной Азии в XVIII веке : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Барнаул, 2007. С. 173.
9. Исторический архив Омской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 17, 17об., 179.
10. Исторический архив Омской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 164.
11. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы / под ред. Б. П. Гуревича и Г. Ф. Ким. М. : Наука, 1989. Книга 2. 373 с.
12. История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX в. / под ред. Х. Ф. Усманова. Уфа : Китап, 1997. 520 с.
13. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 163. Оп. 1. Л. 25.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. XXX. 1808–1809. 1408 с.

В. П. Тихоньких

*Хакасский государственный университет
имени Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия*

МЕНТАЛЬНОСТЬ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ – ОДНА ИЗ ОСНОВ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ОТНОШЕНИЯХ С НОВОСЕЛАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Особую область хозяйственной и общественной жизни сибирского края второй половины XIX в. представлял процесс взаимодействия двух миров: мира старожилов, сибирских крестьян, и крестьян – переселенцев из Европейской России. Целью статьи является выяснение специфики этих отношений, существовавших в определенный исторический момент именно в сибирском крестьянском сообществе. Автор при подготовке статьи исходил из концепции об особом социально-этнографическом типе русского сибирского населения – старожилов, ментальность которого легла в основу одной из причин, наряду с другими, проявления антимонии «свой» – «чужой» в отношениях старожилов и пришлого населения в Сибирь.

Ключевые слова: *старожил, новосел, субкультура, сибиряк, ментальность, самоидентификация, конфликт, антимония, сотрудничество*

Abstract. A special area of the economic and social life of the Siberian region of the second half of the XIX century was represented by the process of interaction of two worlds: the world of old-timers, Siberian peasants, and peasants – migrants from European Russia. The purpose of the article is to clarify the specifics of these relations that existed at a certain historical moment in the Siberian peasant community. The author, when preparing the article, proceeded from the concept of a special socio-ethnographic type of the Russian Siberian population – old-timers, whose mentality formed the basis of one of the reasons, along with others, for the manifestation of the "friend" – "stranger" antimony.

Keywords: *old-timer, newcomer, subculture, Siberian, mentality, self-identification, conflict, antimony, cooperation*

Особенности формирования региональной сибирской крестьянской ментальности получили отражение в конструировании социально-культурных факторов идентичности и самоидентификации общности сибиряков-старожилов и в их влиянии на отношение к пришлому населению и ответную реакцию переселенцев.

Ментальность понимается как социально-психологические установки, привычки поведения, видения мира, «матрицы восприятия» и «культурные коды» определенной этнической общности. Она проявляется в отношении к духовным ценностям данной общности, отражается на поведении людей, знаковых системах культуры, в идеях и верованиях [1, с. 11; 2, с. 59], а также в позитивной или негативной оценочной реакции на события или на особое состояние, на непохожесть другой социальной группы.

Формы ментальности связаны с самосознанием, которое определяется чувством принадлежности к этнической или социальной группе, и выражаются в самоопределении, в отнесении себя к своей и соседним группам. Часто это проявляется в неосознанных мотивах и поступках [3, с. 749; 4, с. 230–231].

Социальное окружение и природная среда – один из самых значимых факторов, влияющих на формирование самосознания. Поэтому так важно изучить этот контекст, в котором формулировались ключевые компоненты региональной идентичности и ментальности сибирского общества.

Мы можем говорить об особом ментальном типе относительно обособленного русского населения в Сибири в XIX в., основанном на восприятии единой для них территории, природных ландшафтов, отличных от Европейской России. Реальность природно-географического пространства неизбежно вырабатывает характерное для этого пространства мифологическое, сакральное мышление. Все это составило модальные черты, представления и ценности населения Сибири и сформировало особый тип населения, определило его психологию и нравственность, социальный характер как общности, так и отдельной личности. Сложилась своя субкультура и соответственно структура местного менталитета.

Под влиянием природно-географической действительности и социально-хозяйственной деятельности синтезируется сибирская матрица сознания, отличного от традиционного сознания крестьянского населения коренной России. Традиционная европейская адаптивная культура пришлого населения на протяжении XVII в. – первой половины XIX в. эволюционировала в адаптированную культуру сибиряка-старожила. Появляется чувство обособленности социальной общности со своими символами, ценностями и смыслами жизни. Вырабатываются модели отношений и взаимодействия с теми, кто соседствует в региональной общности и за ее пределами. Постепенно старожилы приобретали региональные свойства таксономической единицы этноса, с характерным типом психологического поведения, получившего название «сибирский характер». Сибирский характер вобрал в себя самые различные качества, не только позитивные, но и негативные. Понятие «сибирский характер» не столько научное, сколько бытовое.

В сибирских условиях, пишет Н. М. Ядринцев, шла системная адаптация человека к окружающей среде, резко отличной от Европейской России, утверждались архетипы, характерные для населения именно этого региона. Вновь приобретенные архетипы и стереотипы получали отражение в сюжетах сибирских мифов и сказок и закреплялись на бессознательном уровне, определяя мотивы коллективного поведения и эволюцию сознания населения. В итоге осмысления пространственных границ Сибири и ее природы возникает сибирский «текст», существующий на стыке мифа и реальности [5, с. 314–315].

Наряду с Н. М. Ядринцевым, известным сибирским общественным деятелем А. П. Щаповым «сибиряки» также рассматриваются как специфическая этнографическая категория [6, с. 1–3]. История России видится А. П. Щапову как «история великорусских областных общин», каждая из которых обладает набором специфических этнографических, социально-культурных и других черт, позволяющих выделить самостоятельную этнографическую группу «сибиряки».

За более чем трёхсотлетнюю историю содержание понятия «сибиряки» не просто оформилось, но и упрочилось в сознании как сибирской, так и общероссийской общности. К началу XIX в. оно прочно закрепилось в сознании всех социальных слоев общероссийского и сибирского общества. Принадлежность к сибирякам воспринималась на индивидуальном уровне, как проявление общего в частном, которое существует в рамках бытовых отношений и на групповом уровне, основанном на общности

ментальности своей социальной группы, и на сибирском, региональном, уровне, с общими архетипами и культурными кодами.

При этом этническая идентификация в ментальности старожила не играла решающей роли и не занимала ведущего места. На первый план ставилась не принадлежность к этносу, а принадлежность к территории [7, с. 374–379]. Н. М. Ядринцев именовал Сибирь «страной», чем подчеркивал обособленность, самодостаточность и специфичность региона в сравнении с остальной Российской империей. Переселенцы из европейской части России противопоставлялись как чужаки не на основе этнических отличий, а как жители другой территории. Это была одна из доминант в психологическом складе сибиряков-старожилов, вызывавшая неприязненное отношение к отличным в психологическом складе прибывавшим новоселам из европейской части России.

Массовые переселения после отмены крепостного права, особенно на рубеже XIX–XX вв., породили ситуацию фронта и противостояния между старожилами и новоселами. М. В. Шиловский понимает сибиряка как «человека фронта» с относительно низким уровнем религиозности [8, с. 69–70]. Данное обстоятельство отразилось в фольклоре, прежде всего в пословицах и поговорках: «Я не попу молюсь, а богу», «Для земли навоз полезнее слова божьего». Многие современники, посещавшие в те годы Сибирь, отмечают, что в домах сибиряков нет богато украшенных икон и лампад, а только восковые свечи. В сибирских селах, несмотря на зажиточность жителей, церкви были деревянные, небогатые, а многие просто убогие.

В сознании большей части старожилов почти отсутствовали мистика и религиозность. Н. М. Ядринцев подчеркивает это на примере отношения старожилов к природе. Сибирская природа крестьянами-старожилами не «оживлялась», в отличие от европейского крестьянства; оно смотрело на природу, как на некую не одухотворенную субстанцию. Окружающая население природная среда не была населена лешими и русалками и другими одухотворенными мифическими существами, в отличие от европейской культурной традиции. На первое место вышло потребительское отношение к живой и неживой природе. Сознание крестьянства было проникнуто духом предприимчивости и потребления. Для развития производительных сил и выживания это было выгодно. Но жажда наживы вела не только к открытию новых богатств, но и к расточительному способу их использования [9, с. 103–105, 112, 114]. С. Я. Елпатьевский отмечает: «среди разноплеменных, разноверных людей он [старожил] не знает, не чувствует разделительных граней – религиозных, национальных; он безграничный, внациональный, он сибиряк, он только областник. Он не по-русски – реже и менее усердно – молится, не по-русски ругается, и о пришедших из-за Урала говорит: “он российский”» [10, с. 202, 203].

Правительство видело эти тенденции и опасалось, что сибиряки могут утратить чувство единства России. В специальной записке, подготовленной в конце XIX в. Канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни сибирской окраины и центральных губерний «путём укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности» [11, с. 28].

Существовали различия российского и сибирского населения в отношении к государственной власти и принуждению со стороны властей. В своих записках ученый-путешественник второй четверти XVIII в. И. Г. Гмелин пишет об отрицании сибирскими крестьянами экономического принуждения в земледелии, утверждавших, что «Земля благословенна, а людей не заставляют работать...». И. Г. Гмелина поражает иной, чем в России, тип отношения сибиряков к власти. Он отмечает, что в Красноярске: «Служивые живут с воеводой ... по-панибратски» [12, с. 191–192; 4, с. 136–137]. В. П. Семенов Тянь-Шанский в 1895 г. так характеризовал поведение сибиряков к чиновникам из-за Урала и местной администрации: «Приезжего из Европейской России

сразу же приятно поражала свобода и непринужденность в обращении сибирских мужиков с приезжими “чиновниками”. Сибиряк безо всякого приглашения прямо садился и, несмотря ни на какое начальство, сидел при нем и разговаривал самым непринужденным образом» [13, с. 38–43].

Психологический тип русских старожилов Сибири получает выражение, прежде всего, в отношении к русским за Большим Камнем и в оценочных характеристиках переселенцев. Старожилы называли прибывших из-за Урала, «рассейскими людьми», то есть отделяли от себя и ассоциировали новоселов не с Сибирью, а с Россией, которая западнее Каменного пояса. При этом противопоставляя себя русским европейской части страны, сибиряки идентифицировали себя как «правильных», настоящих русских, в отличие от русских западнее Урала.

Сохранив свою русскую природу, пишет Н. М. Ядринцев, сибиряки на уровне бытового психологического восприятия противопоставляют русское сибирское и русское европейское население России, называют переселенцев «рассейскими», а не русскими: «сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства с коренным русским человеком; напротив, он считает себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности» [5, с. 313–315].

Вновь приехавшие в Сибирь жители европейской части России пренебрежительно назывались – «новик», «посельга», «рассейские». Когда же переселенец усваивал сибирские обычаи, то о нем говорили «он обрусел теперь» и все равно его не считали настоящим русским.

Напряжение вызывал не только земельный вопрос, но и разный уклад жизни. Часто переселенцы ничего не знали об этнографических и религиозных особенностях тех мест, куда они переселялись. Это вызывало обостренные конфликты. У обеих сторон формировался собирательный образ «другого». Мигранты считали сибиряков «необразованными», называли их «чалдонами», следуя обывательскому представлению о том, что все сибиряки бывшие каторжники. В ответ переселенцев называли ворами, обжорами, нечистоплотными. Старожилы считали переселенцев «грязнулями» за то, что они зимой брали новорожденный скот в избу [14, с. 180–200]. Их даже обвиняли в ухудшении погоды.

В значительной степени такое противопоставление носило бытовой характер. Сибиряки были зажиточней и богаче общей массы крестьянского населения коренной России и особенно тех, кто приезжал и селился в Сибири. Естественно, чтобы стать на ноги и приблизиться к уровню благополучия коренных сибиряков требовалось время и тяжелый труд. Более высокое материальное благополучие вызывало у старожилов чувство превосходства, гордости и пренебрежительного отношения к «рассейскому» мужику, который носит лапти. Н. М. Ядринцев подчеркивает: «Сибирский крестьянин никогда не знал лаптей и сапог для него постоянная обувь». Поэтому определенная самоуверенность и гордость, сознание своего превосходства как жителя Сибири господствует в сибирском населении, особенно среди старожилов [5, с. 108, 110, 133].

«Сибирская гордость иногда доходила до того, пишет В. П. Семенов-Тянь-Шанский, что приселившиеся переселенцы, добровольно принятые сибиряками, лет по двадцати не признавались последними за себе равных, причем сибиряки в это время тщательно избегали с ними родниться. Когда же таким переселенцам наконец сами сибиряки переставали давать кличку “россейских” и роднились наконец с ними, то бывшие “россейские” не без гордости говорили приезжим, что они стали “сибиряками”, точно их повысили в чине» [13, с. 41].

Новосел испытывал со стороны старожилов непрерывное критическое и ироническое отношение, но часто сопровождаемое полезными советами, как поступать

на сибирской земле, как пахать землю, какие сделать уступки, насколько и когда быть благосклонным к бродягам, а когда жестоким, и даже советами как говорить, не возбуждая смеха. Под воздействием насмешек и советов, собственного опыта, новоселы быстро усваивают местные обычаи. Следующее поколение переселенцев относит себя уже к коренным сибирякам, а к новоселам относится так, как прежде к ним относились старожилы. Бывшие мигранты, долго жившие в Сибири, практически на равных с местными уроженцами считали себя сибиряками и пользовались правом говорить от их имени. Признание принадлежности к группе своих на основе более или менее длительного проживания на одной территории, в Сибири, имело такое же весомое значение, как и архаичное свойство («родственность») по принадлежности к одному месту рождения, принадлежности к одному землячеству [15, с. 17].

Трудность сближения переселенцев и старожил не препятствовала взаимовыгодному обмену хозяйственным опытом. Переселенцы учились у сибиряков срубному строительству, урало-сибирской росписи стен и утвари, скотоводству. Чистоплотным старожилам пришлось по душе штукатурка и побелка стен, которую делали новоселы. Постепенно переселенцы стали выдвигать дома так же как и сибиряки к улице, а сибиряки степных районов начали организовывать палисадники. От лаптей новоселы отказывались почти сразу, поскольку грубая кожа для сапог была доступна любому крестьянину.

Даже самые ожесточенные противники переселений из числа старожил понимали значимость переселенцев в развитии сельского хозяйства и внедрении новшеств. Старожилы заимствовали у новоселов приемы обработки земли, удобрения почвы и прогрессивную систему земледелия, переходили к преимущественному возделыванию пшеницы вместо ржи. Мигранты перенимали у старожил земледельческие приемы, сообразные сибирскому климату, ориентировались на народные сибирские земледельческие приметы.

В целом в отношениях старожил и новосел доминировал практичный подход к установлению взаимовыгодных экономических отношений. Общая тенденция взаимоотношений продолжала идти по пути поглощения переселенцев миром сибирских старожил, пусть и при замедленном восприятии ими традиций сибиряков. Попадая в мир старожил, переселенцы расставались со своими «рассейскими» традициями, привычками, растворялись в условиях новых отношений, новой системы хозяйствования, технологии земледелия. Несмотря на существующее многообразие и синкретизм различных культурных традиций, у переселенцев в Сибирь постепенно сформировались общие для региона черты менталитета и традиционно-бытовой культуры. По мере проживания в Сибири бывшие переселенцы постепенно начинают осознавать себя сибиряками.

Особую область хозяйственной и общественной жизни сибирского края представлял процесс взаимодействия двух миров: мира старожил и мира Европейской России, представленный переселенцами, служащими-чиновниками, ссыльными и иным «проезжим и приезжим» людом. Велика роль в этом процессе региональной интеллектуальной общественности, которая своими стараниями превращала Сибирь в особое культурное пространство со свойственной ему этнополитической стабильностью, объяснявшейся априорно толерантностью сибирских этносов, исторически сложившейся на основе социально-культурных предпосылок.

Вследствие геополитического значения региона социальная и культурная ситуация в Сибири воспринималась старожилами и новоселами как фактор общеимперского значения. Важность процессов, происходящих в Сибири, и одновременно сложность ситуации заключались в том, что сложившиеся социальные, экономические и природ-

ные условия превращали Сибирь в особое, специфическое культурное пространство, в особый мир, требующий для своего развития специального подхода.

Список источников

1. Леонтьев Д. А. Мировоззрение как миф и мировоззрение как деятельность // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В. И. Кабри-на и О. И. Муравьевой. Томск : Томский государственный университет, 2004. С. 11–29.
2. Шкуратов В. А. Историческая психология. Ростов-н/Д : Город N, 1994. 288 с.
3. Майерс Д. Социальная психология. М. : Питер, 2011. 793 с.
4. Перспективы социальной психологии. М., 2001. С. 230–231.
5. Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. 351 с.
6. Шапов А. П. Народно-областное начало в русской истории // Восточное обозрение. 1884. № 10. С. 1–3.
7. Чуркин М. К. Специфика взаимоотношений переселенцев и старожилов Сибири в конце XIX – нач. XX в. (по материалам Западной Сибири) // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Ежегодник. Омск, 1999. Вып. 3. С. 374–379.
8. Шиловский М. В. Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 64–74.
9. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, исправ. и доп. СПб. : Издание И. М. Смирнова, 1892. 720 с.
10. Елпатьевский С. Я. Воспоминания за 50 лет. Л. : Прибой, 1929. 397 с.
11. Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. П. Зиновьев и др.; отв. ред.: Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 362 с.
12. Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска. XVII–XVIII вв. / отв. ред.: Г. Ф. Быконя. Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1981. 280 с.
13. Семенов Тян-Шанский В. П. Несентиментальное путешествие // Вокруг света. 1990. № 10. С. 38–43.
14. Контев А. В. История Алтайского края XVIII–XIX веков. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного педагогического университета, 2017. 230 с.
15. Андреева Е. А. К вопросу о феномене землячества в сибирском городском социуме конца XIX – начале XX в: «Сибиряки» и «наезжие» – «свои» и «чужие» // Вестник Югорского Государственного университета. 2011. Вып. 1 (20). С. 11–18.

Е. В. Карпенко

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

СВЕДЕНИЯ О ТАРАНЧАХ И ДУНГАНЯХ В РОССИЙСКИХ ГАЗЕТАХ ПОСЛЕ ИЛИЙСКОГО КРИЗИСА

Аннотация. В статье на основе анализа материалов российских газет «Сибирская газета» и «Восточное обозрение» 1881–1883 гг. представлена характеристика сведений о мусульманском населении района Кульджи, таранчах и дунганях, переселившихся на территорию Российской империи после Илийского кризиса в русско-китайских отношениях.

Ключевые слова: таранчи, дунгане, «Сибирская газета», «Восточное обозрение», Кульджа, Цинская империя, русско-китайские отношения

Abstract. Based on an analysis of the materials of the Russian newspapers «Sibirskaya Gazeta» and «East Review» of 1881–1883, a description of information about the Muslim population of the Kulji region is presented. The article is devoted to the resettlement of Taranchi and Dungan to the territory of the Russian Empire after the Ili crisis.

Keywords: Taranchi, Dungan, «Siberian Newspaper», «Eastern Review», Kuldzha, Qing Empire, Russian-Chinese relations

Исследование миграционных процессов составляет важный элемент в понимании особенностей межкультурного взаимодействия. Репрезентация тех смысловых структур, которые формируются в процессе двустороннего общения, оказывает влияние на становление определенных стереотипов о другом народе, играет большую роль в формировании менталитета. Определение принадлежности к «своему» народу всегда происходит через противопоставление «чужому», «иному» или «другому». Представление о «других» формируется не только посредством прямых контактов, но и через репрезентацию образа «другого» в прессе, обмене информацией и т. д. Взаимодействие народов на определенной территории приводит к формированию так называемого ментального пространства, в рамках которого происходит культурный обмен, выстраиваются социально-экономические отношения, формируется образ субъекта взаимодействия, стереотипы поведения. Исследование данных процессов позволяет расширить понимание причин различных событий и явлений, происходящих в трансграничной зоне – месте непосредственных контактов «свой» – «чужой». В настоящее время сибирскими историками активно ведется работа по изучению представлений российского общества о различных народах (населявших территории Российской империи, иностранцев). Данная статья посвящена анализу сведений в российских газетах о таранчах и дунганях, переселившихся на территории Российской империи после Илийского кризиса. Первые сведения о таранчах и дунганях в данном ключе могут служить основой для характеристики формирования образа народов и отношения к ним.

Урегулирование военно-политического кризиса в Илийском крае (Кульджа) между Цинской империей и Россией привело к заключению русско-китайского догово-

ра 1881 г. В договоре определялись условия для населения, желающего принять российское подданство и переселиться на территории Российской империи из Илийского района. Переселенческий процесс начался еще в период напряженности в регионе. Согласно договору, ратифицированному весной 1881 г., переселение мусульманского населения на российские территории осуществлялось до 10 марта 1883 г. Основную часть переселенцев из Кульджи составляли семьи таранчей (этническая группа уйгуров) и дунганей (в Китае их называли «хуэйцзу»). Положение на границе, проблемы переселения и различные аспекты русско-китайских отношений освещались российской периодической печатью. В процессе подготовки статьи был проведен контент-анализ более 300 выпусков газет «Сибирская газета» и «Восточное обозрение» за период 1881–1883 гг. «Восточное обозрение» издавалось в Санкт-Петербурге и представляло собой ведущее периодическое издание по проблемам Востока. «Сибирская газета» – томское издание, являющееся крупнейшим на территории Сибири. Важной задачей в процессе подготовки статьи стал не только поиск сведений о мигрантах, но и анализ репрезентации образа таранчей и дунганей в период их массового переселения в пределы империи.

Анализ материалов газетных публикаций позволяет выделить несколько типов сведений о таранчах и дунганях: заметки с границы о состоянии переселенческого процесса (количество мигрантов, районы переселения), взаимодействие таранчей и дунганей с китайскими властями, характеристика народов (качества, особенности образа жизни). Основную массу сведений представляют новостные заметки. «Сибирская газета» уделяет данному вопросу меньше внимания: часто можно встретить материалы различного рода о киргизах (в том числе и описание образа жизни, традиций и прочее). В 1882–1883 гг. на первый план выходят китайско-российские противоречия на Зайсанском посту, касающиеся киргизов, кочующих через Тарбагатайский хребет.

«Сибирская газета» относит таранчей и дунганей к «туземным жителям» Кульджинского края [1, с. 798]. Согласно предоставленным сведениям, таранчи избрали для расселения территории по притокам рек Тюргень, Чилик, Чарын, впадающие в Или, дунгане – район реки Чу [1, с. 798]. Впервые на страницах «Сибирской газеты» дунгане упоминаются как жестокие участники мусульманского восстания, принесшие значительные убытки русским торговцам. Именно дунганей обвиняют в погромах Кобдо и Улясутая, от которых пострадали бийские купцы: «город Улясутай разграбили дунгане, причем на долю русских купцов пришлось значительные убытки... В 1873 году бийские купцы потерпели значительные убытки в Кобдо. На город напала партия (до 500 человек) дунган, разграбили что было можно и последнее сожгли» [1, с. 290]. Таранчей, дунганей и кашгар корреспонденты газеты характеризуют как «алчных соседей» (по отношению к торгутам) [2, с. 290]. К середине 1882 г. тон в отношении таранчей и дунганей меняется: основное внимание переносят на плачевное положение народов в пределах китайских территорий: «часть таранчей эмигрирует, но некоторые не хотят оставлять своего родного пепелища» [2, с. 236–237]. На страницах «Сибирской газеты» часто встречаются сведения о притеснениях со стороны китайцев, подчеркивается негативное отношение таранчей и дунганей к китайским властям: «таранчи и дунгане сильно не симпатизируют китайцам и массами переселяются на русскую территорию» [2, с. 13]. Появляются нотки покровительства: в № 15 за 1882 г. идет речь о выборе таранчами и дунганями власти Белого Царя, об оживлении движения переселенцев после прибытия в Кульджу китайского комиссара [2, с. 355].

Материалы «Восточного обозрения» содержат многочисленные сведения о переселенческом движении, о самих народах-мигрантах. Можно найти отрывочные сведения о количестве переселенцев (в большинстве случаев с указанием этнической принадлежности). Публикуются не только официальные правительственные известия,

но и новости от корреспондентов газеты с мест событий, публицистические очерки о таранчах и дунгях. По материалам газеты можно сделать некоторые выводы о политике российских властей (генерал Фриде) в отношении переселенцев. Главной проблемой в период переселения мусульманского населения из Кульджи являлся продовольственный вопрос. Весьма большая часть таранчей, желающих переселиться в Россию, вынуждены были ждать осени: необходимо было собрать урожай и организовать его перевозку. Со стороны российской администрации было оказано содействие: генерал Фриде в развалинах Тургеня (близ Борохудзира) устроил хлебный магазин, куда свозили весь хлеб, который не мог быть продан, чтобы вывезти его постепенно, когда освободятся перевозные средства [3, с. 10]. Проблема транспортировки хлеба таранчей в пределы Российской империи, помимо трудностей, связанными с нехваткой перевозочных средств, осложнялась противодействием со стороны китайских властей. Страницах «Восточного обозрения» высказывают опасения о том, что китайская администрация и армия могут препятствовать вывозу хлеба переселяющимися после ухода русских в октябре: «боятся [о китайцах] недостатка в хлебе для прокормления имеющихся и ожидающихся войск» [4, с. 10]. Корреспондент в Кульдже внимательно следил за передвижениями китайского военного контингента. Много сведений о характере передвижений таранчей и дунган, о местах расселения: «вереницы обозов тянутся в Дубун, Узун-Там, Кош-Агач, Усек. Это со стороны таранчей. Дунгане, вследствие холодов и дальнего пути, трогаются малыми партиями» [3, с. 10]. Сведения от корреспондента из Кульджи детальны настолько, что даже замедление переселения вследствие распутицы отмечается.

Материалы «Восточного обозрения» предоставляют нам весьма интересный факт: со стороны китайских властей (китайского интенданта Ин Чжумина) проводилась вербовка таранчей в подданство Цинской империи, награждали не только обещаниями, но и деньгами: желающие записывались в особые списки – говорили о 1 тыс. чел. [5, с. 12] Менее решительными в вопросе перехода в российское подданство являлись дунгане: «многие из дунган остались у границы в нерешимости: оставаться у китайцев или перейти к русским; если первые станут притеснять, то близка русская граница, куда и намерены уйти» [6, с. 10]. Описаны и случаи перехода таранчей на сторону китайцев.

В связи с продовольственными проблемами, возникшими как следствие переселенческого движения, стремления китайских властей обеспечить армию, в приграничных районах весной 1882 г. появились шайки дунган. В этот же период усилились беспорядки со стороны китайских солдат и сибинцев: «прибывшие в Илийский край китайцы уже начинают нарушать трактаты и стеснять как торговлю нашу вообще, так положение русско-подданных» [7, с. 7]. Многочисленные примеры нарушений договоренностей со стороны китайских солдат и их начальства содержат материалы газеты «Восточное обозрение»: «около Чинчаходзи убили таранчинца, у Суйдуна свернули 3 арбы переселенцев с запасами в город» [7, с. 7].

В «Восточном обозрении» имеется публицистический очерк о дунгях, который позволяет частично представить репрезентацию образа этого народа. Очерки Сумарокова «Сайрам-Нар», его путевые заметки из Чинчаходзи, Суйдуна изображают дунганей и таранчей религиозными, но не фанатичными мусульманами [2, с. 14]. При этом подчеркивается их весьма миролюбивый характер, несмотря на недавнее восстание дунган. Автор очерков отмечает, что «здешнему дунгану ехать в Китай, значит, наверняка поплатиться головой» [2, с. 14].

Таким образом, периодические издания 1881–1883 гг. содержат весьма детальные сведения о таранчах и дунгях в период их переселения на территорию Российской империи. Материалы газет позволяют выделить проблемы русско-китайского взаимодействия на приграничных территориях в этот период, охарактеризовать некоторые

меры российской администрации в отношении переселенцев. Однако периодика данного периода носит скорее новостной характер, особенности репрезентации образа таранчей и дунганей на страницах газеты выделить весьма сложно.

Список источников

1. Сибирская газета. Издание еженедельное 1881 г. Год первый. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1881. 1256 с.
2. Сибирская газета. Издание еженедельное 1882 г. Год второй. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1882. 1376 с.
3. Корреспонденции // Восточное обозрение. 1882. № 5. С. 10–12.
4. Корреспонденции // Восточное обозрение. 1882. № 19. С. 8–11.
5. Корреспонденции // Восточное обозрение. 1882. № 6. С. 11–13.
6. Корреспонденции // Восточное обозрение. 1882. № 9. С. 8–10.
7. Корреспонденции // Восточное обозрение. 1882. № 15. С. 7–9.

Л. И. Григорьева

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

**АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ ССЫЛЬНЫХ
В СИБИРИ В 40-Е ГОДЫ XX ВЕКА
(НА ОСНОВАНИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ
И. Л. ВОЕВОДИНА)**

Аннотация. В истории Енисейской Сибири особое место занимает заселение ее территорий ссыльными и их потомством. Дети сосланных в 40-е гг. представителей народов, недавно присоединенных к Советскому Союзу, смогли адаптироваться и выжить в крайне суровых условиях, во многом благодаря бескорыстной помощи местного старожильского населения. Автобиографические воспоминания такого рода помогают воспроизвести достаточно широкий социально-исторический контекст рассматриваемого периода и особенности протекания указанных процессов в формировании оценочной дихотомии «свой» – «чужой».

Ключевые слова: политическая ссылка, Сибирь, дети ссыльных, адаптация, социальная солидарность

Abstract. In the history of Yenisei Siberia, a special place is occupied by the settlement of its territories by exiles and their descendants. The representatives of the nations not long before annexed to the Soviet Union were exiled in the 1940s. Their children managed to adapt and survive in extremely harsh conditions, largely thanks to the selfless help of long-standing local inhabitants. Autobiographical memoirs of this kind help to reproduce a fairly broad socio-historical context of the period under study and the peculiarities of these processes in the formation of the judgment-based dichotomy «friend-foe».

Keywords: political exile, Siberia, children of exiles, adaptation, social solidarity

Биографические методы исследования социальных процессов определенного исторического периода на сегодняшний день представляют собой активно развивающийся комплекс междисциплинарных подходов на стыке исторического, антропологического и социологического дискурсов. Возможность увидеть протекание процессов «изнутри», глазами современника (ов) событий, отфильтровать наиболее значимое и типическое, дает возможность реконструирования не только фактологической, но и аксиологической составляющей разворачивающихся исторических процессов и их участников.

Среди обширной библиографии исследований, посвященных «детям войны» (дети на войне, в зонах оккупации, в блокадном Ленинграде, в концлагерях и т. д.), сравнительно недавно стали появляться сборники автобиографии детей репрессированных и сосланных вместе с родителями в Сибирь. Латышское общество профинансировало грандиозное автобиографическое исследование (2000–2007 гг.), итоги которого содержатся в двухтомнике «Дети Сибири», изданном в 2019 г. Здесь собраны автобиографические интервью тех, кто детьми (до 16 лет) был сослан в Сибирь. Всего приводятся воспоминания 724 человек. Практически во всех интервью обнаруживается дихо-

томя «свой – чужой», где «своими» являются такие же ссыльные и особенно люди своей национальности. Кроме латышей были депортированы русские, этнические немцы, евреи, поляки. «Чужими» оказываются местные, даже в тех случаях, когда их отношение обозначается как «лояльное» по отношению к ссыльным. Трудно найти в этом объемном исследовании слова благодарности, любви и признательности к Сибири и сибирякам. Проблема методологических оснований автобиографических исследований особенно остро стоит при выборочной реконструкции автобиографических воспоминаний по идеологически заданным современным лекалам. Согласно статистическим данным, в Сибирь было выслано приблизительно¹ 3 750 детей в возрасте 16 лет. В Красноярске национальное общество потомков латышей, когда-то сосланных в Сибирь, включало в свои ряды и людей, которые сами не пожелали вернуться на историческую родину: Янис Кунгс, Георгий Криштоп и некоторые другие. Среди «детей Сибири» из Латвии был и мой отец – Воеводин Илья Львович и его сестра Ольга, имена которых также приводятся в этом двухтомнике. Почему-то интервью с этими людьми не состоялось, хотя их воспоминания значительно отличаются от представленных в объемном латвийском издании.

Большая и зажиточная русская семья Воеводиных проживала в Латгалии, Лудзенском уезде, на собственных хуторах Бобиши и Огре, владея землей, которую они, выходцы из крепостных крестьян, сами приобретали, обрабатывали и приращивали успешной торговлей. Семья Ильи Львовича имела 55 гектаров земли, часть из которых сдавалась арендаторам, восемь коров, двух лошадей, стадо овец, свиней, домашнюю птицу. Проживали в просторном шестикомнатном доме. В гостиной, в которой устраивались балы, стоял белый рояль и цвел зимний сад. Все члены семьи имели гимназическое образование, мужчины – высшее. Отец Ильи Львовича – Лев Алексеевич Воеводин, окончил Сельскохозяйственную академию в Елгаве по специальности «агрономия». Мать – Эмилия Александровна, урожденная Мутянка, из польских мелких дворян, с гимназическим образованием, говорила на четырех языках, играла на фортепиано и гитаре, оказывала медицинскую помощь местным беднякам. Их семью арестовали и депортировали в «черную ночь Латвии» с 13 июня на 14 июня 1941 г. По доносу соседей, без суда и следствия, с детьми. Дочери Ольге было 7 лет, сыну Илье – 9, матери – 30, отцу – 40. Дали два часа на сборы, посадили в грузовик и отвезли на железнодорожную станцию в Лудзу (Люцин). Женщин и мужчин сразу разделили. Отец Ильи был отправлен в Кировлаг, где и скончался в декабре 1942 г. Мать с детьми оказались в Сибири. Здесь они не только выжили, но для Ильи Сибирь стала его второй любимой Родиной. Получив возможность вернуться в Латвию, уже взрослым, он отказался и остался жить в Красноярске.

Одним из наиболее значимых факторов, определявших избирательность эмоционально-аксиологической призмы восприятия детей репрессированных происхождения, скорее всего, были взгляды и оценки, заложенные в семье. Первой особенностью восприятия происхождения по дороге в Сибирь у Ильи, удивительным образом, было чувство «возвращения на свою исконную Родину». Его мама, еще в первые дни пути, напевала для бодрости «А я Сибирь-Сибири не боюсь! В Сибири тоже русская земля!» (из песенки «чубчик кучерявый»). Чем заслужила откровенно неприязненную реакцию остальных ссыльных. Значимым фактором, вероятно, являлось и отношение к русскому языку. В православной семье Воеводиных этот язык был родным и повседневным, хотя все свободно говорили также на латышском, латгальском и польском. А упоминание

¹ «Изяли» за один день. 80 лет июньской депортации в СССР / svoboda.org / URL: <https://www.svoboda.org> > izyali-za-odin-denj-80-let-iyu.

«Латгалии» всегда сопровождалось напоминанием отца Ильи о том, что до революции это была Витебская губерния Российской империи.

Дорога до Красноярска (Канска) заняла более месяца, поскольку началась война, и поезд часто стоял в тупиках. После Новосибирска в вагоне началась дизентерия. «Пока доехали, маму выносили уже на носилках. Оля шла, так сказать, за мамиными носилками... я еще шел на ногах. Меня повезли... в Тасеево... Дальше, когда я приехал туда, вот в школе, я заболел. И пошел из школы... на горке, там были кустарники, вот, пошел. Не знал где был туалет... упал без памяти... На мое счастье, ехала директор школы, куда поместили, Хохрякова (потом с ее сыном Лёньюкой, подружился). Она меня подняла, увезла в больницу. И меня там лечили, в больнице. Вылечили в конце концов. Дизентерия...». «Когда меня выписали, медсестры меня собрали, мою одежку, она уже была постирана, поглажена. И дали мне мешочек с хлебом. С сухарями. Я сказал: “Зачем?” – “А тебе чем-то питаться надо будет”»... «Что было с мамой. Олю с мамой сразу в больницу. Врач посмотрел сразу Олю и маму. Про Олю сказала: “Ну, этой девочке не позволю умереть”. А Оля спросила: “А маме?”. “Ой, – та говорит, – Извини! И маме твоей не дам умереть!”. Тут же этих доноров нашли. Доноров. И прямо из руки в руку сделали переливание. Маме и Оле. Вот так Сибирь встретила нас»¹.

Обращает внимание аксиологический акцент, связанный не с ужасом заболевания, которое могло стать смертельным, а с отношением местных, незнакомых людей – директор школы Хохрякова, врачи в больнице, заботливые медсестры, безмянные доноры, отдавшие свою кровь «врагам народа», ссыльнопоселенцам, для их спасения.

Олицетворением «чужих» стала товарка по ссылке тётя Тоня Цалман. Она забрала себе все вещи Воеводининых, не торопясь возвращать их Илье, первому вернувшемуся из больницы. Она сразу повела его в милицию: «Тётя Тоня меня повела в милицию. Сказала: “Я его кормить не могу. Это не мой мальчик. Там, в Канске, остались мать с сестрой”»... При этом Илью сразу приставила к работам. «Я для неё ходил за ягодой. Там таскал на тележке эти... где были упавшие деревья... вытаскивал сухие ветви, привозил. Еще меня хозяйка кормила, ну где мы остановились...». Сама же тётя Тоня жила сытно. «Она там устроилась очень хорошо, стала ходить на базар, разделывала мясо очень умело, очень хорошо продавалось, её вознаграждали за работу... А потом за то, что она не работала нигде, её посадили». Кормить Илью стало государство, прикрепив его к местной столовой. Пока не вернулись мама с Олей.

Им запомнился еще один эпизод. «Когда Олю с матерью выписали из больницы в Канске, то сообщили об этом в милицию и их повезли в Тасеево. Повезли на грузовой машине. В кузове... Дорога была длинная, несколько часов. Ехали через село Дзержинское. Ну и решили перекусить. Сообщают маме, что сейчас мы зайдем в чайную пообедать. Мама говорит: “Извините. У нас ни копейки денег нет и никаких вещей нет”. Эти – шофер и милиционер сказали: “Ничего. Сделаем так – один заплатит за маму, второй за дочку”. Так и пообедали». Вернувшись из больницы мать была очень слаба. Но её отправили выдергивать коноплю вместе с колхозницами. «Местные крестьянки, увидев её состояние, сказали: “Миля, ты так хорошо поешь! Пой нам. А твою норму мы за тебя сделаем”. Так мама выжила». Немного окрепнув, всю зиму Эмилия Александровна работала пильщицей брёвен на лесоповале. Кормили их в основном соседи – приносили картошку, овощи, замороженное кругами молоко. В школу Илья не смог пойти – не было теплой одежды и обуви. Все осталось на квартире в Лудзе, где он жил зимой, учась в тамошней гимназии. Соседями напротив были Санниковы, семья ушедшего на фронт добровольцем секретаря райкома партии. У них была прекрасная библиотека, которой Илье разрешили пользоваться. «Я всю зиму читал запоем. Мне сразу

¹ Личный архив автора.

же “Как закалялась сталь” понравилась. Гайдара я всего прочитал. И это... Жюль Верна, зарубежную классику, Гюго читал. “Собор Парижской богородицы”. Передо мной новый мир открылся».

В эту зиму, благодаря людям и книгам, Илья, как он сам считает, начал становиться здесь «своим» – сибиряком и, как ни парадоксально для ссыльного, советским человеком. Весной их отвезли в Красноярск, погрузили на большую баржу и отправили вниз по Енисею, на Север. Сперва в Туруханск, затем в Туру. А последнее воспоминание о тётке Тоне Цалман, сделавшей её и ей подобных окончательно «чужими», было связано с единственной остававшейся в их семье ценной вещью – теплым ватным атласным одеялом. «Она (маме) говорит: “Миля, я же сохранила! Оставь мне!”. А мама говорит: “Я же с детьми на Север еду...” Так и не оставила». Дальнейшие воспоминания Ильи Львовича посвящены годам жизни и взросления на Севере, где в трудах и лишениях формировался его твердый и очень человеческий сибирский характер.

Таким образом, первый год ссылки заложил у девятилетнего Ильи Воеводина достаточно четкие взгляды на определение «своих» в сибирской ссылке, где критериями этого стали не основания землячества или солидарности с «товарищами по несчастью», но доброта и человечность сибирского старожильского населения, бескорыстно спасавшего и помогавшего репрессированным семьям всеми своими силами и возможностями. На этом фоне утилитарный индивидуализм отдельных представителей буржуазной Латвии выглядел как шкурный эгоцентризм в самой отталкивающей форме, переводя их в разряд «чужих» и враждебных.

Список источников

1. Дети Сибири. Мы должны были об этом рассказать : в 2 т. Рига, 2019.
2. (Авто) Биография как объект социологического анализа // X чтения памяти Б. Ф. Голофраста. 3–5 апреля 2018 г. СПб., 2018.
3. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М. : Наука, 2003.
4. Игнатова М. Н. Социально-бытовое устройство спецпереселенцев «бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. URL: http://www.pokayanie-komi.ru/martirolog/martirolog_t1/ignatova_soc_byt_ustroystvo, свободный (дата обращения: 25.04.2023).
5. Корнелюк В. М., Суслов А. Б. Военная повседневность детей репрессированных родителей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) // Вестник ТГУ. 2016. № 6 (44). С. 44–51.
6. Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М. : ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.

РАЗДЕЛ 5

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 340.130

Б. П. Дементьев

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия*

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются: специфика истории России, необходимость централизации государственной власти, взаимоотношения власти, общества и человека, роль отдельных личностей в истории, роль политических режимов, взаимоотношения власти и реформаторов, перспективы функционирования и развития тех или иных властных структур.

Ключевые слова: человек, общество, власть, история, менталитет, Россия, современность

Abstract. In article are analyzed: specifics to histories to Russia, need to centralizations state authorities, relations authorities, society and person, role of the separate personalities in histories, role political mode, relations authorities and reformer, prospects of the operation and developments that or other powerful structures.

Keywords: the persons, society, power, history, mentality, Russia, contemporaneity

Специфика истории России предопределила вековые отношения человека и власти. Специфика российской истории проявлялась, прежде всего, в традиционных патриархально-общинных отношениях, суровом климате и огромных территориях. Отсюда, чтобы удержать и территории и население, необходимость сверхцентрализации государственной власти. Отсюда и другая специфика: власть могла быть или сакральной (народ верит элитам или, по крайней мере, руководителю государства), или никакой (слабая власть, неверие масс, смута и опасность распада государства). Логично, что властные элиты (политические, хозяйственные, интеллектуальные) осознанно (с внутренней убежденностью своей правоты) претендовали на роль «соли земли». Они – просветители, руководители, ведущие государство и общество в нужном направлении. Задача широких масс «простых людей» (крестьяне, ремесленники, рабочие и пр.) – следовать «мудрым» указаниям власти и не рассуждать, так как массы необразованны и неразумны. Такая схема взаимоотношений человека («простого») и власти существовала веками [1, с. 26].

Исторические эпохи по-разному позиционируют роль личности в истории. Политические режимы по-разному позиционируют роль личности в истории. Великие князья, цари, императоры, особенно в условиях абсолютизма, могли по мере своих способностей и сил проводить те или иные реформы, преобразования в интересах государства (Владимир I Святой, Иван IV Грозный, Петр I Великий, Екатерина II Великая), иногда непоследовательно в интересах народа (Александр II Освободитель), иногда «выстраивая» народ через контрреформы (Александр III Миротворец), иногда избегая реформ (Николай II). Они могли действовать в интересах только государства, не обращая внимания на общество и отдельного человека именно потому, что в вертикали власти «государство – общество – человек» не было обратной связи и контроля государства со стороны общества и человека. Веками не было системы «сдержек и противовесов». Человек по отношению к власти был «винтиком» государственной машины с определенным набором функционала: выполняешь свои функции – живи, начинаешь задавать вопросы о государственной машине в целом, о целях, задачах, о смыслах – ты уже не просто неудобен, а опасен. И «винтик» можно, даже нужно заменить.

Но для правящих элит, для власти есть постоянная проблема: если власть живет только «для себя» или в лучшем случае только для государства, то неизбежно возникает классическая ситуация – если власть не проводит необходимые (ожидаемые обществом) реформы, то власть получит революцию. Не дворцовый переворот, который сменит надстройку, а революцию, которая сменит базис. И «низы» не просто займут место «верхов» (смена элит), может произойти крушение всех основ жизни. Действительно, по А. С. Пушкину, русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Показательный пример – три революции при Николае II.

В такие эпохи даже выдающихся реформаторов власть отвергает. За редким исключением, когда С. Ю. Витте в конце XIX в. удалось провести эффективную денежную реформу (рубль «золотой», инвестиции, укрепление экономики) [3, с. 12]. Как же его отблагодарили? Отправили в отставку. А последний крупный реформатор П. А. Столыпин вообще был убит. Вследствие странной преступной халатности полиции, когда были нарушены элементарные правила охраны [4, с. 1].

Человек, личность во властных структурах может ускорить или затормозить ход истории, если базируется на объективных процессах и учитывает интересы масс. При этом, это может быть в контексте и прогресса и регресса.

Пример прогресса: московские князья, создавая централизованное государство, объединяют территории не только (и не столько) силой, а торговлей, экономическими связями. И государство создается не вокруг Владимира, не вокруг Суздаля, не вокруг Твери, а именно Москвы. Московские князья строят церкви, монастыри и глава Церкви митрополит переезжает из Владимира в Москву. Москва становится центром не только экономической, но и духовной жизни [5, с. 2].

Пример регресса: опричнина Ивана Грозного. Опричнина была введена не как самодурство царя, а из благих побуждений – сломать сопротивление боярских родов, которые были склонны к децентрализации России. Но, действительно, порой благими намерениями вымощена дорога в ад. Опричники вышли из-под контроля, стали убийцами, грабителями, насильниками. Они не смогли, да и не захотели остановить крымского хана Девлет Гирея в походе на Москву. Они привели к падению экономики, разорению государства. Россия потеряет территории в Ливонской войне. Всё это предопределяет будущую Смуту [6, с. 4].

А в период Смуты стоило самозванцу (Лжедмитрий I) выдать себя за царевича Дмитрия, и народ пошел за ним (это же настоящий Рюрикович, Царь от Бога!) Но стоило уже царствующему Лжедмитрию повести себя и не по-царски и не по-русски (като-

личные обряды, образ жизни), и он теряет народную поддержку (восстание и гибель). Власть, потерявшая поддержку народа, как дом на песке – долго не устоит.

Иван IV, при котором были и казни, и кровь, и опричнина, остался в истории как Иван Грозный, что в русском языке не только страшный, но и суровый, даже величественный. Почему? Потому что был Собирателем земли Русской. Покорены Астраханское, Казанское, Сибирское ханства, Башкирия, Ногайская Орда. Территория России увеличилась вдвое и стала больше всей Европы. Он царствовал в интересах России, современники и потомки это оценили.

При Петре I были и казни, и кровь, и репрессии. Но он остался в истории как Петр Великий. Почему? Потому что создал могучую армию и флот, выиграл Северную войну, вывел Россию к Балтике, Россия стала империей. Россия при нем окрепнет, современники и потомки это оценили.

При И. В. Сталине были и кровь и репрессии. Но по всем социологическим опросам большинство россиян оценивают его положительно [7, с. 2]. Почему? Потому что создан Советский Союз, СССР стал могучей индустриальной державой, выиграл в Великой Отечественной войне, победив не только Германию, но и всю объединенную Европу.

А вот М. С. Горбачев, который начал Перестройку, дал народу свободу, гласность – остался в памяти большинства людей слабым и малоуважаемым [8, с. 3]. Почему? Потому что развалил Советский Союз, развалил армию, развалил экономику.

И Б. Н. Ельцин после всех обещаний народу («перейдем к рынку быстро и безболезненно», «рубль будет крепким, иначе лягу на рельсы» [9, с. 1] и т. д.), войдет в историю как Разрушитель всего и вся, растеряет кредит доверия народа и вынужден будет бесславно уйти.

А вот В. В. Путин, при котором, конечно же, остается много нерешенных проблем (коррупция, бедность, демография, самодостаточность регионов), тем не менее снова сделал Россию сильной и независимой. Воссоздана армия (по ключевым технологическим показателям лучшая в мире), растет экономика, Россия успешно отстаивает свои национальные интересы. И по всем социологическим опросам абсолютное большинство россиян поддерживает Президента и его политику [10, с. 2].

Таким образом, история показывает, если власть игнорирует интересы общества, человека, то она нестабильна и при крушении режима может, к сожалению, унести с собой и целое государство (развал СССР). Но если власть хотя бы пытается понять чем живет народ, отдельный человек и хотя бы что-то пытается сделать для этого, то власть получает в широком смысле легитимность (признание) народа и имеет возможность функционировать и развиваться. Желательно на благо большинства народа.

Список источников

1. Афанасьев В. В. Общество и государство. М. : Инфра-М, 2020. 176 с.
2. Оболонский А. В. Человек и власть: перекрестки российской истории. М. : Академкнига, 2002. 226 с.
3. Рынков В. М. Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск : СО РАН, 2018. 544 с.
4. Как складывались отношения власти и общества в России. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3924066> (дата обращения: 25.03.2023).
5. Личность, общество и власть в истории России. Режим доступа: <http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/Books/lov2018.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).

6. Личность, свобода и право. Режим доступа: <https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/samoderzhavie/419-lichnost-svoboda-i-pravo.html> (дата обращения: 25.03.2023).

7. О влияние личности на историю. Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/o_vliyanie_lichnosti_na_istoriyu (дата обращения: 25.03.2023).

8. Особенности отношения к власти в русском менталитете. Режим доступа: https://www.myuniversity.ru/Политология/Особенности_отношения_к_власти_в_русском/131706_2053433_.html (дата обращения: 25.03.2023).

9. Роль личности в истории России. Режим доступа: <https://multiurok.ru/blog/rol-lichnosti-v-istorii-rossii.html> (дата обращения: 25.03.2023).

10. Человек и власть в России в XIX–XXI вв. Режим доступа: https://polithistory.ru/visit_us/event-chelovek-i-vlast-v-rossii-v-xix-xx-stoletiiah (дата обращения: 25.03.2023).

ВЛАСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Аннотация. В статье исследуются проблемы власти в переходные исторические периоды. Автор анализирует особенности действия властных механизмов в России, рассматривает истоки кризиса существующей власти, начиная с регионального уровня. Показаны пути реформирования власти для сохранения идентичности социума.

Ключевые слова: власть, управленческие механизмы, властная структура, инструменты управления, социальный кризис, переходная эпоха

Abstract. The article examines the problems of power in transitional historical periods. The author analyzes the peculiarities of the action of power mechanisms in Russia. The article examines the origins of the crisis of the existing government, starting from the regional level. The ways of reforming the government to preserve the identity of society are shown.

Keywords: power, management mechanisms, power structure, management tools, social crisis, transition era

Актуальность вопросов, связанных с проблематикой властных механизмов, обусловлена несколькими ведущими факторами. Во-первых, современная Россия делает важный евразийский поворот, который предполагает более внимательное отношение к азиатской части России, что вряд ли возможно без исследования особенностей власти в сибирском регионе. Во-вторых, в условиях нарастающих экологических проблем значительно возрастает интерес к истории освоения Сибири, поэтому вопрос о власти – это вопрос о том, в чьих интересах будет развиваться этот регион с его огромными природными ресурсами. В-третьих, в последние десятилетия наблюдается кризис существующих управленческих систем не только в мировом масштабе, но также на уровне конкретных регионов, поэтому опыт управления этим огромным и суровым краем сегодня особенно востребован на всех уровнях властных структур.

В этом отношении исследование жизненного пути и государственной деятельности сибирского губернатора Александра Петровича Степанова является особо востребованным, потому что это был яркий пример служения на благо России. Важно отметить, что Сибирь всегда представляла собой не только богатый в ресурсном отношении регион, но также это была территория, которая играла важную роль в становлении России как геополитического субъекта. Это во многом обусловлено тем фактом, что базисные основания российского общества сохранялись на протяжении длительного периода, несмотря на драматические события отечественной истории, которые кардинальным образом затрагивали все стороны общественной жизни, расшатывая при этом властные структуры. Тем не менее в результате больших испытаний постепенно формировались основы отечественного управления и самоуправления. Однако складывающаяся система власти требовала значительной корректировки на всех этапах разви-

тия государства, потому что российская управленческая система всегда находилась под значительным влиянием западных стереотипов. Избавление от подобного давления являлось важным условием сохранения социокультурной идентичности народов России.

Вполне естественно, что проблема власти занимает особое место в творчестве русских мыслителей, что во многом было обусловлено особенностями взаимоотношений между обществом и государством в нашей стране. В частности, на современном этапе национально-государственная модель российского общества испытывает на себе давление универсалистских тенденций, поэтому сохранение субъектности РФ зависит не только от государственных структур, выполняющих в нашей стране роль ключевого ориентира, но также от специфики форм социальной самоорганизации. Например, современная модернизация осуществляется с учетом традиционалистских установок, на которых базируются позитивные ориентиры идентичности, как правило, обращенные в прошлое. Можно согласиться с А. Зиновьевым, который писал: «...если бы даже удалось реставрировать Советский Союз, это был бы не кратковременный акт. Потому что ситуация в мире изменилась настолько радикально, что требуется нечто другое, более серьезное, чтоб повернуть вспять антиэнтропийные процессы» [1, с. 756]. Вполне естественно, что социальные трансформации такого уровня предполагают кардинальную перестройку всех властных механизмов.

Кроме того, важная специфика российской истории состояла в том, что в России особая роль всегда отводится государству, поскольку оно представляет собой единственную эффективную управленческую структуру, которая способна мобилизовать народ на борьбу за выживание в сложнейших условиях. Происходило это чаще всего за счет концентрации основных ресурсов в руках мощной государственной системы. Подобная специфика российской системы власти позволяет считать, что российский народ всегда был государственным, поскольку воспринимал власть сакрально, ожидая от власти в суровых условиях жизни не столько благосостояния, сколько спасения от внешних угроз. Кроме того, государство инициировало либо поддерживало все великие достижения, например, освоение космоса.

Еще одной специфической чертой власти в России является ее двойственность, которая в значительной мере отражает степень тождественности общественных и государственных структур, что позволяло вкладывать в понятие «государство» различные смыслы. В широком смысле государство растворяет в себе общественные структуры, включая политическую элиту, а в узком смысле государство не совпадает с обществом, поскольку является своеобразным инструментом управления им. Необходимо также отметить, что государство традиционно не только контролирует основные общественные структуры, но также выполняет функцию принуждения общества для решения задач государственного уровня. Такая двойственность является отличительным признаком российской политической системы, сохраняясь на всех исторических этапах при различных политических режимах без заметных изменений. Эта особенность отечественной власти, с точки зрения А. Г. Глинчиковой, позволяет легитимизировать со стороны общества сложившуюся ранее патерналистскую систему, включающую проверенные историей властные механизмы [2, с. 18].

Вместе с тем отечественные мыслители последовательно разрабатывали также альтернативные проекты развития мировой системы, опирающиеся на специфику российской конфигурации «общество-государство». Идея, которая стала базовой в отечественной системе «государство-общество» состояла в признании тождества общества и государства, хотя во все исторические периоды государство немного дистанцировалось от общества, претендуя при этом на право защищать общественные интересы. В процессе реализации целей, поставленных государственной системой, общество подчинялось государству, которое не допускало ситуаций, при которых общество покуша-

лось бы на исключительную политическую прерогативу государства. По мнению П. Н. Милюкова, «самый рост деспотизма государства в процессе исторического строительства являлся... столько же причиной, сколько и следствием слабости социального расслоения русского общества» [3, с. 38]. На этом базисе создавались условия для манипуляции определенной части общества в политических целях меньшинства, что, по существу, являлось одним из способов воспроизводства власти в России. Не только в истории, но и в современных условиях, доминирующая и определяющая роль государства во всех сферах жизнедеятельности является характерной особенностью становления и развития российской цивилизации [4, с. 15]. Многие формальные носители власти в России, как, впрочем, и в любом другом государстве, начинают осознавать тот факт, что «...если они не управляют социальными процессами, то это будет делать кто-то другой» [5, с. 187].

Становление российского государства происходит в сложных условиях, когда сама идея национально-государственной модели общества испытывает на себе давление универалистских тенденций, проявляющихся, например, в глобализации. Дело в том, что «утрата почвы, в качестве которой в России на самом деле выступало не столько общество (народ-богоносец), сколько государство, обернулась произволом и беспорядком во всех сферах жизни. Отсюда призывы философов к бытию, представителей искусства к высоким ценностям, моралистов к Добру, религиозных деятелей к Богу, политиков к Государству, народных целителей к «космическим энергиям» можно расценивать как реакцию на беспочвенность и беспорядок» [6, с. 51]. В российской культуре всегда большую роль играли ценности, сформировавшиеся не на западной ценностной шкале, что особенно проявляется в системе власти, которая «...исторически преодолевается европеизмом, изживается в фундаменте российской цивилизации, а в какой – напротив, нарастает, принимая формы отталкивания от Европы» [7, с. 5].

В России постепенно формировалась эффективная система управления, которой не существовало длительный период в Европе, и она с самого начала приобрела специфические черты. Деятельность местного самоуправления, как показывает историческая практика, затрагивала все основные вопросы регионального значения, которые часто передаются на местный уровень по мере решения комплекса проблем, характерных для предыдущего этапа. Привлечение к непосредственному участию в управленческой деятельности тех социальных групп, интересы которых обслуживались на данном конкретном этапе, является важной характеристикой отечественного самоуправления. Еще одна особенность власти в России состоит в том, что реализация проектов по формированию новых властных структур проходила в рамках централизованного управления, однако на уровне общественного сознания местное самоуправление традиционно считалось важной формой решения общественных вопросов.

Своеобразная система формирования и реализации власти в нашей стране вызвала отторжение у сторонников западной модели государственного устройства, поскольку они всегда выступали за внедрение во властные структуры западных стандартов, чуждых русской системе управления. Действительно, в западном мире и сегодня руководствуются тезисом о необходимости «исправления» отечественных государственных механизмов по аналогии с Западом, потому что это приводит к «неправильному» развитию российского общества. Ситуация усугубляется разрывом с христианскими традициями, которая наблюдается в современной Европе, где культ индивидуализма провоцирует радикальные течения, разрушающие традиционные формы власти.

Диалектические противоречия, возникающие в процессе реализации различных властных механизмов, представляют собой характеристику степени совершенства социума России, выступая показателями устойчивости общества. Для русской философии

характерно осмысление диалектического смысла подобных противоречий. Например, А. А. Богданов, исследуя понятие коллективизма в рамках диалектики части и целого, утверждал: «Органическое единство жизни таково, что ее целое всегда отражается в каждой части. Так и любая социальная форма – форма труда или познания – отражает в своей истории и в своем строении путь развития и принцип организации всего общества» [8, с. 31].

Основным базисом совершенствования общественных отношений в России является противоречие между двумя векторами развития смуты и социальной стройностью, характеризующее соответствующие разнонаправленные векторы развития общества: энтропийный и антиэнтропийный. Антиэнтропийное направление в развитии российского общества детерминировано необходимостью постоянного совершенствования общественной жизни, включающей в себя ряд важных элементов: упорядоченность, гармоничность, коллективистская организованность общества. Гармонизация деятельности ведущих социальных институтов российского общества напрямую обусловлена антиэнтропийной управленческой стратегией, которую вырабатывают достойные представители власти. Этот важный тезис довольно убедительно иллюстрирует сибирский философ Н. М. Чуринов: «В Россию ни с того ни с сего продвинута мистификационного свойства идея многопартийности, то есть лишенности диалектики единомыслия и многомыслия, отсутствия государственного мышления. В чем смысл многопартийности? Во-первых, партии западного типа, конечно, – это идея эпигонствующих в России, доказывающих, что русская цивилизация – это цивилизация догоняющего типа, и, следовательно, надо перенимать у Запада все, не раздумывая. Во-вторых, эти партии политических посредственностей, партии плебса, партии атомизированного общества, так сказать, ключющего на те или иные приманки» [9, с. 9]. Несмотря на категоричность подобных суждений, нужно согласиться с автором по крайней мере в том, что западноевропейский опыт взаимоотношений между властью и обществом не является однозначным и не может выступать в качестве образца для всех социальных объединений.

И. А. Ильин также предупреждал об опасности неконструктивного подражания ценностям Запада, всячески подчеркивая самобытный характер отечественной истории: «Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства. Строение его духовного акта (...) может быть и соответствовать его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию и душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У Запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи... Мы Западу не ученики и не учителя» [10, с. 426–427]. К. Н. Леонтьев также неоднократно указывал на необходимость следовать отечественной системе управления и призывал русский народ: «хранить свою личную веру и личную добродетель до конца...; своему русскому государству, как столпу настоящего недемократического христианства, мы должны стараться сделать пользу, как умеем» [11, с. 185].

Противники сохранения субъектности нашей страной не в состоянии адекватно оценить российский народ, поэтому постоянно критикуют отечественный опыт взаимоотношений общества и власти, позволяя себе высказываться о российском народе как «бесконечно свободном и вместе с тем подчиненным рабской необходимости», за что их аргументированно критиковал Н. А. Бердяев [12]. Цель подобных теоретических работ состоит в презентации своего видения сущности власти, где народ противопоставлен властной элите, принимающей важные политические решения, и выступает в качестве пассивной аудитории, реагирующей на это политическое шоу аплодисментами, криками неодобрения или голосования [13]. Естественно, что положительного результата в формировании нового образа власти мы не могли получить в последние

десятилетия, поскольку подобные принципы управления явно противоречили менталитету российского народа [14].

В. Г. Федотова вполне резонно доказывает, что национальная модель модернизации России должна основываться на идентичности, включающей политические амбиции, а также желания вывести страну в число лидеров мирового развития путем улучшения внутренней ситуации [15, с. 169]. Именно Россия может в полной мере осознать стремление человечества к гармоничному объединению, что является важным условием преодоления кризиса цивилизации. Высокая цель, направленная на предотвращение гибели человечества, в состоянии объединить российский народ, а также будет способствовать определению основных приоритетов в действиях власти. При таком подходе значительно увеличиваются шансы на коэволюционный путь развития человечества, являющийся единственно возможным вариантом будущего [16, с. 174].

Полноценное исследование власти позволяет проследить историю становления государственной личности на длительном историческом отрезке существования российской государственности, где присутствовали конкретные драматические этапы, выражающиеся в борьбе между определенными системами ценностей: консервативной и либеральной. Естественно, что всегда отечественные мыслители уделяли особое внимание созидательному типу общественных отношений, поскольку это соответствовало глубинной сущности российского общества. А. Гулыга уверен, что «русская идея всеобщего спасения родилась из катастрофического прошлого страны. Сегодня весь мир, несмотря на видимое благополучие, сползает к катастрофе. Поэтому опыт России преодолевать беду важен для всех. Точнее – для тех, кто эту беду предчувствует и убежден, что ее можно избежать. Для тех, кто полагает, что, пока растет производство и благополучно работает полиция, ничего дурного не произойдет, для тех русская идея не существует» [17, с. 21].

При объективном анализе сущности власти в России раскрывается не только многослойная история нашего Отечества, но также проявляется диапазон общих проблем и критериев развития человечества в прошлом и настоящем. В этом плане большое значение имеет освещение прогресса в управленческих механизмах, что, как правило, свидетельствует о смене всего строя общественных отношений, включающих нравственные ценности, политический режим, систему хозяйствования.

Таким образом, можно заключить, что переходный период, в котором оказалась Россия в последние десятилетия, свидетельствует о деформации властных механизмов, во многом детерминированных целенаправленной деструктивной политикой Запада, а также некомпетентностью безответственных политиков в нашей стране, утративших фундаментальные ценности российской цивилизации. Решение проблем российского государства и общества во многом связано с решением проблемы власти, без чего Россия не сумеет занять достойное место в будущем многополярном мире.

Список источников

1. Зиновьев А. Советская государственность была вершиной эволюции русской идеи // К справедливому обществу. Идеи, проекты, теории на Западе и в России. М. : Алгоритм, 2011. С. 742–758.
2. Глинчикова А. Г. Социальное значение русского раскола // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 17–28.
3. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. Т. 1. М. : Прогресс, 1993. 528 с.
4. Шиловский М. В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX – начало XX века: к постановке проблемы // Роль государ-

ства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века : сб. материала региональной научной конференции. Новосибирск, 2007. С. 15–25.

5. Стариков Н. В. Власть. СПб. : Питер, 2016. 320 с.
6. Марков Б. В. Философский ландшафт в России // *Credo*. 2006. № 1. С. 44–61.
7. Кондаков И. В. «По ту сторону» Европы // *Вопросы философии*. 2002. № 6. С. 3–18.
8. Григоренко Д. Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // *Теория и история*. 2007. № 2. 198 с.
9. Чуринов Н. М. Идеология государственного мышления // *Теория и история*. 2007. № 2. С. 5–11.
10. Ильин И. А. Наши задачи // *Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. 496 с.*
11. Леонтьев К. Н. Чем и как либерализм наш вреден? // *Избранное. М. : Рарогъ; Московский рабочий, 1993. 221 с.*
12. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. 346 с.
13. Ильин В. И. Россия: общество политического потребления // *Философские науки*. 2007. № 7. С. 49–66.
14. Сергейцев Т. К социологии русского постсоциализма // *Однако*. 2014. Апрель-май. С. 34–35.
15. Федотова В. Г. Хорошее общество. М. : Прогресс. Традиция, 2005. 544 с.
16. Яхнин Е. Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) // *Вопросы философии*. 2006. № 5. С. 165–175.
17. Гулыга А. В. Творцы русской идеи. М. : Молодая гвардия, 2006. 336 с.

Е. Н. Меньшикова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

ПРАКТИКИ ДЕЛОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУПЧИХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ С ГОРОДСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье характеризуются направления делового взаимодействия купчих Центрального Черноземья с городской властью во второй половине XIX – начале XX в.: в сфере выполнения налоговых обязательств (для торговой деятельности, для владения недвижимой собственностью), в получении казенных подрядов.

Ключевые слова: *женщины-купчихи, городская администрация, Центральное Черноземье, российская провинция, деловое взаимодействие*

Abstract. The article characterizes the directions of business interaction of merchant women of the Central Chernozem region with the city authorities in the second half of the XIX – early XX century: in the field of fulfilling tax obligations (for trading activities, for owning real estate), in obtaining government contracts.

Keywords: *merchant women, city administration, Central Chernozem region, russian province, business interaction*

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01396).

В России во второй половине XIX – начале XX в. «хабитус»¹ внешнего мира (отличного от внутреннего, связанного с укладом купеческой семьи) провинциальных купчих был обусловлен сущностью основного занятия – предпринимательской деятельности (всеми ее видами: торговлей, промышленным производством, и другими). С ней же были связаны и практики взаимодействия с органами местной власти по оформлению пребывания в купеческом сословии и различным вопросам развития торгового дела (исполнения всех видов налоговых обязательств, соответствующих купеческому званию; оформления сопутствующих торгово-промышленным занятиям бумаг, в их числе и покупка гербовой бумаги для ведения личного делопроизводства с уплатой, так называемого, гербового сбора [2–11]); в отдельных случаях – коррупционные по своей сути практики «улаживания» дел с местной администрацией [12, с. 17].

В реалиях исследуемого периода занятие купчихами торговлей, как известно, было обременено необходимостью уплаты в городской бюджет налога «по производ-

© Меньшикова Е. Н., 2024

¹ Понятие «хабитус» трактуется немецким историком Мартином Дингисом с позиций концепции Пьера Бурдьё, как некая привычная, усвоенная модель поведения, позволяющая человеку уверенно себя чувствовать в обществе; «хабитус» включает в себя в широком смысле категории «стиль жизни» и «стиль поведения», «жизненное пространство» [1, с. 96–124].

ству промысла» [13, с. 3]. На практике его размер рассчитывался депутациями городских дум, учитывая оценку годовой прибыли торговых заведений, исходя из ставки 0,55 % [14, с. 11; 15, с. 6; 16, с. 6; 17, с. 5; 18, с. 6]. Насущной задачей купчих (как и в целом иных предпринимателей, занимавшихся торговой деятельностью) было убеждение представителей городской власти в снижении оценки доходности их торговых «предприятий» (купчихи в прошениях к городской думе указывали свои аргументы) [19, с. 2; 20, с. 1; 21, с. 1–2; 22, с. 2; 23, с. 1].

Так, в 1893 г. в Курской губернии купчихи имели указанную ниже годовую доходность торговых заведений, и вносили соответствующие налоговые суммы в бюджеты городов своего проживания: в городе Старый Оскол – второй гильдии купчихи А. А. Исаева (москательная торговля), Е. А. Рощупкина (мануфактурная торговля); Н. Ф. Переверзева (хлебная торговля); М. М. Дьякова (хлебная торговля) при годовой прибыли торговых заведений в 1 500 руб. уплатили налог «по производству промысла» в сумме 8 руб. 25 коп. [24, с. 6; 25, с. 5]; в городе Щигры – второй гильдии купчихи Е. В. Есменская (мясная торговля); Т. К. Ледовская (бакалейная торговля) при годовой прибыли их торговли в 1 773 руб. внесли в бюджет города по 9 руб. 75 коп. [26, с. 6]; в городе Рыльск – купчиха Е. Ф. Бреусова (мануфактурная лавка) с годовой прибылью торгового заведения в 1 773 руб. также внесла налог в сумме 9 руб. 75 коп. [27, с. 6]; а купчиха А. А. Золотарева (бакалейная лавка) с годовой прибылью в сумме 2 263 руб. уплатила в пользу города 12 руб. 45 коп. [27, с. 6]; в городе Дмитриеве – второй гильдии временная купчиха К. И. Корчунова (мануфактурная торговля) с прибылью в сумме 1 455 руб. уплатила 8 руб. налога с торговли [28, с. 11]; вдова купца Е. Г. Баскакова (прибыль – 600 руб., налог – 3 руб. 30 коп.) [28, с. 11]; жена купца, почетного гражданина А. В. Красницкая (прибыль 500 руб., налог – 2 руб. 75 коп.) [28, с. 11]; купеческая невестка П. А. Скороходова (прибыль 300 руб., налог – 1 рубль 65 коп.) [28, с. 11]. Как видно из сопоставления налоговых отчислений купчих в городской бюджет и сумм, иллюстрирующих годовую прибыль их торговых заведений, женщины купеческого сословия исследуемого региона обладали значительной финансовой и в целом профессиональной самостоятельностью.

Плотное рутинизированное деловое взаимодействие купчих с городской администрацией проявлялось и в получении от городских властей ряда персональных преференций. Например, передачи в их руки права на реализацию каких-либо казенных подрядов (разумеется, при соблюдении всех официальных формальностей – подачи документальных заявок для прохождения конкурсных процедур и прочего).

Либо же проявлялось в активности купчих для изменения субъективной оценки их городской недвижимой собственности в сторону снижения и, соответственно, понижения ставки налогообложения. Как известно, оценка частной недвижимой собственности в городе непосредственно осуществлялась депутациями городских дум в соответствии с «раскладкой» общей суммы налога с городской недвижимости, определенной центральной властью (например, для Воронежской губернии в 1892 г. она была определена в 88 тыс. руб. [29, с. 1]).

Попытки «защиты» своей городской недвижимостью (жилых построек, торговых и производственных площадей, складских помещений и других) от высоких оценок ее стоимости для последующего налогообложения купчихи демонстрировали регулярно. Потому как типичной в оценке городской недвижимой собственности была ситуация «глазомерной оценки», субъективной, которая не могла быть «выдержана с достаточной правильностью», поскольку не имела «объективной мерки», какую мог бы руководствоваться оценщик, чтобы «не оценить одни владения в десять раз ниже их стоимости, а другие всего в пять или три раза» [30, с. 84]. Исходя из знания о возможной необъективной оценке своего имущества, купчихи весьма активно начинали действо-

вать в этом направлении – побуждении городской власти к переоценке своей недвижимости. Например, рыльская купчиха, вдова Н. Б. Шатилина обратилась в Рыльскую городскую думу с прошением о сложении со сгоревшего имения умершего мужа, купца И. Шатилина, городского налога, и понижении оценки указанного имущества для последующего налогообложения; городская дума удовлетворила это прошение [31, с. 1]. Таким же благосклонным было решение Рыльской городской думы и в отношении другой представительницы купеческого сословия – жены рыльского купца А. П. Колпашниковой: решением городской думы «вновь выстроенный» каменный дом льготным образом был освобожден от 0,5 % сбора в доход города [32, с. 1]. Абсолютным успехом в подобных делах можно считать историю с уменьшением более чем в два раза размера городской оценки недвижимого имущества, которое добилась от Рыльской городской думы купеческая жена Ф. Е. Золотарева: с 9 тыс. до 4 тыс. руб. [33, с. 2]

В исследуемый период купчихи проявляли активность в отстаивании интересов своих семей и в тех случаях, когда становились наследницами городской недвижимости своих мужей или родственников, и в новых обстоятельствах требовалась корректировка налоговых выплат с недвижимости в городские бюджеты. Так, вдова льговского купца Е. С. Крыгина добилась от Льговской городской думы постановления «о сложении со счетов городской недоимки, числящейся за умершим мужем 53 рублей 73 копейки» [34, с. 3].

Напротив, не так благосклонны были городские власти в готовности уменьшить оценки «имущества» (и, соответственно, снизить налог с имущества), например, в отношении следующих купчих: Белгородская городская дума отказала в этом купчихе, потомственной почетной гражданке Т. П. Мачуриной [35, с. 1–2]; Льговская городская дума – купчихе М. И. Григоровой [36, с. 2]; Рыльская городская дума – жене купца П. Толстиковой [37, с. 1] и многих других.

Купчих волновали не только стоимостные оценки их недвижимости городскими властями, беспокоили долги по налоговым выплатам в городские бюджеты; купчихи считали важной задачей добиться их полного списания. Однако многим купчихам суждено было испытать разочарование в связи с неуспехом в этих вопросах. Так, купеческой жене А. И. Харламовой было отказано Рыльской городской думой в прошении сложении недоимок городского оценочного налога с ее недвижимых имений [38, с. 2]. Таким же образом закончилось обращение вдовы второй гильдии фатежского купца М. И. Щербаковой к Фатежской городской думе: ее прошение «о сложении городской недоимки с дома, числящегося по раскладочным ведомостям управы за наследниками покойного ее мужа Кузьмы Щербакова», не было удовлетворено [39, с. 2]. Старооскольская купчиха М. Поволяева сделала попытку оградить свою недвижимость и от «пожарного» налога – за ней числилась так называемая «пожарная недоимка» в размере 4 руб. за 1876 и 1877 гг.; Старооскольская городская дума мотивировала свой отказ тем, что «недоимка числится на доме по Курской улице, а не на том, где проживает сама Поволяева» [40, с. 1].

Таким образом, рассматривая сквозь призму повседневных деловых практик «стратегии выживания» провинциальных купчих во второй половине XIX – начале XX в., определенным становится понимание того, что купчихи действовали во внешней коммуникации (во взаимодействии с городской властью) в целом нетипично для женского стиля поведения в его традиционном понимании. Сам характер «профессиональной» деятельности приближал купчих к реализации в провинциальном обществе де-факто модели гендерного равенства.

Список источников

1. Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. 344 с.
2. Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 1, 2.
3. ГАБО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 441, 483, 519.
4. ГАБО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 6, 14.
5. ГАБО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1.
6. Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 207, 225, 235.
7. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 195. Оп. 1. Д. 3, 4.
8. ГАКО. Ф. 299. Оп. 1. Д. 711, 746, 792, 841, 880, 915, 1008, 1043.
9. ГАКО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1, 2.
10. ГАКО. Ф. 385. Оп. 1. Д. 1, 2.
11. Устав о гербовом сборе. Ст. 13, п. 1а // Свод законов Российской Империи. Издание неофициальное. Томы V–VI / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. 319 с.
12. Банникова Е. В. Купечество как субъект российского законодательства (первая половина XIX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2006. № 3. С. 12–31.
13. Положение «О пошлинах на право торговли и других промыслов» от 1 января 1863 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Том XXXVIII. Часть 1. № 39118. СПб., 1866. 942 с.
14. Список избирателей для выбора гласных в Дмитриевскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 90 (вторник, 23 ноября).
15. Список избирателей для выбора гласных в Щигровскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 86 (вторник, 9 ноября).
16. Список, составленный Рыльской городской управой, лиц, имеющих ... право участвовать в городских выборах по городу Рыльску ... // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 84 (вторник, 2 ноября).
17. Список избирателей для выбора в Старооскольскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 80 (вторник, 19 октября).
18. Список избирателей для выбора гласных в Старооскольскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 69 (пятница, 10 сентября).
19. Приговоры Льговской городской думы за 16 июня 1882 г. № 13 // Курские губернские ведомости. 1882. № 50 (пятница, 2 июля).
20. Приговоры Курской городской думы за 22 сентября 1888 года. № 3 // Курские губернские ведомости. 1888. № 78 (вторник, 11 октября).
21. Приговоры Белгородской городской думы за 2 декабря 1891 года. № 11 // Курские губернские ведомости. 1892. № 14 (вторник, 18 февраля).
22. Приговоры Рыльской городской думы за 20 ноября 1892 года. № 12 // Курские губернские ведомости. 1893. № 12 (пятница, 12 февраля).
23. Приговоры Рыльской городской думы за 24 мая 1893 года. № 8 // Курские губернские ведомости. 1893. № 43 (пятница, 11 июня).
24. Список избирателей для выбора гласных в Старооскольскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 69 (пятница, 10 сентября).
25. Список избирателей для выбора в Старооскольскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 80 (вторник, 19 октября).

26. Список избирателей для выбора гласных в Щигровскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 86 (вторник, 9 ноября).
27. Список, составленный Рыльской городской управой, лиц, имеющих ... право участвовать в городских выборах по городу Рыльску ... // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 84 (вторник, 2 ноября).
28. Список избирателей для выбора гласных в Дмитриевскую городскую думу // Курские губернские ведомости. 1893. Приложение к № 90 (вторник, 23 ноября).
29. О размере налога с городских недвижимых имуществ на 1892 год // Воронежские губернские ведомости. 1892. № 1 (среда, 1 января).
30. Город Воронеж. Население и недвижимые имущества. Материалы для оценки городских и недвижимых имуществ. Сост. И. Воронов. Воронеж, 1903. 510 с.
31. Приговоры Рыльской городской думы за 25 июня 1888 года. № 3 // Курские губернские ведомости. 1888. № 47 (суббота, 25 июня).
32. Приговоры Рыльской городской думы за 13 октября 1888 года. № 5 // Курские губернские ведомости. 1888. № 86 (вторник, 8 ноября).
33. Приговоры Рыльской городской думы за 20 ноября 1892 года. № 12 // Курские губернские ведомости. 1893. № 12 (пятница, 12 февраля).
34. Приговоры Льговской городской думы за 29 октября 1885 г. № 12 // Курские губернские ведомости. 1885. № 100 (вторник, 24 декабря).
35. Приговоры Белгородской городской думы за 2 декабря 1891 года. № 11 // Курские губернские ведомости. 1892. № 14 (вторник, 18 февраля).
36. Приговоры Льговской городской думы за 16 июня 1882 г. № 13 // Курские губернские ведомости. 1882. № 50 (пятница, 2 июля).
37. Приговоры Рыльской городской думы за 24 мая 1893 года. № 8 // Курские губернские ведомости. 1893. № 43 (пятница, 11 июня).
38. Приговоры Рыльской городской думы за 1 февраля 1893 года. № 10 // Курские губернские ведомости. 1893. № 19 (вторник, 9 марта).
39. Приговоры Фатежской городской думы за 10 июля 1886 года. № 17 // Курские губернские ведомости. 1886. № 61 (суббота, 16 августа).
40. Приговоры Старо-Оскольской городской думы. 26 марта 1879 // Курские губернские ведомости. 1879. № 28 (пятница, 13 апреля).

С. А. Сафронов

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

ПОЕЗДКА С. Ю. ВИТТЕ ПО СИБИРИ И ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ В 1902 ГОДУ И ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется поездка министра финансов Российской империи С. Ю. Витте в Сибирь и на Дальний Восток в 1902 г., которую он предпринял с целью продвижения своей политики, а также с инспекционными целями, в связи с завершением строительства Китайско-Восточной железной дороги. При этом автор уделяет внимание в основном переселенческой политике данного государственного деятеля как на территории Сибири и Дальнего Востока, так и в Маньчжурии.

Ключевые слова: С. Ю. Витте, переселение, Китайско-Восточная железная дорога, Сибирь, Дальний Восток, Япония, Китай

Abstract. Minister of Finance of the Russian Empire S.Y. Witte to Siberia and the Far East in 1902, which he undertook in order to promote his policy, as well as for inspection purposes, in connection with the completion of the construction of the Sino-Eastern Railway. At the same time, the author pays attention mainly to the resettlement policy of this statesman, both in Siberia and the Far East, and in Manchuria.

Keywords: S. Y. Witte, resettlement, Sino-Eastern Railway, Siberia, Far East, Japan, China

Большое влияние на развитие Сибири и Дальнего Востока оказала поездка министра финансов С. Ю. Витте в данный регион России в 1902 г. Собственно само дальневосточное направление во внешней политике России стало преобладать с середины 1890-х гг. В 1894 г. Япония начала войну против Китая и овладела Корейским полуостровом, захватила Порт-Артур. Мнение российской элиты по этому вопросу разделилось: большая часть выступила за союз с Японией и совместный дележ территории Китая, меньшая, во главе с С. Ю. Витте – за поддержку территориальной целостности Китая. 17 апреля 1895 г. в городе Симоносеки противоборствующие стороны заключили мирный договор, согласно которому Китай признавал независимость Кореи, навечно передавал Японии остров Тайвань и Ляодунский полуостров. В мае 1896 г. Россия заключила с Японией договор о совместном протекторате над Кореей. После этого в России возникла идея создания в Порт-Артуре незамерзающего порта. В марте 1898 г. с Китаем был заключен договор об аренде сроком на 25 лет части Ляодунского полуострова. Этот поступок С. Ю. Витте расценил как «акт неслыханного коварства» со стороны России. Порт-Артур стал военно-морской базой Тихоокеанского флота. В 1900 г. В Китае произошло «боксерское» восстание (ихэтуаней) и туда были введены войска Англии, Франции, Германии, Японии, США и России. Русские войска оккупировали Маньчжурию. Япония, США и Англия категорически этому противились. 30 января 1902 г. в Лондоне между Британской империей и Японией был подписан договор о взаимопомощи. Это заставило Россию пойти на уступки. 26 марта 1902 г. она

согласилась вывести свои войска из Маньчжурии в течение полутора лет. В этой ситуации С. Ю. Витте настаивал на скорейшей эвакуации из Маньчжурии.

В связи с этим особенно остро встал вопрос о судьбе Китайско-Восточной железной дороги. Собственно сама идея постройки этой дороги возникла при разработке проекта строительства Транссибирской магистрали. Всего вариантов было два: первый предполагал прокладку рельсового пути вдоль берега р. Амур до Хабаровска, а второй – через Маньчжурию к Тихому океану. Сторонником второго (ошибочного) варианта был министр финансов С. Ю. Витте. 16 августа 1897 г. началось строительство КВЖД, которое продолжалось почти шесть лет и закончилось 1 июня 1903 г. В строительстве КВЖД было вложено 441 млн руб. Протяженность ее западной и восточной линий составила 1,5 тыс. км (однколейная), южной – 950 км, всего было построено 1 464 моста, проложено 9 тоннелей. В рамках этого процесса в июне – сентябре 1906 г. С. Ю. Витте совершил поездку по Сибири и Дальнему Востоку с целью инспекции завершения строительства КВЖД. Была и другая причина – политическая, в мае 1902 г. в Берлине всего в 25 экземплярах была напечатана брошюра «Маньчжурский вопрос. Посвящается С. Ю. Витте», где министра финансов фактически обвиняли в том, что он пытался ради установления добрососедских отношений с Китаем вернуть ему Порт-Артур взамен присоединения к России северной Маньчжурии, по которой проложить новую железную дорогу от Сретенска до Благовещенска, а КВЖД продать тому же Китаю [1, с. 133–135]. Чтобы оценить ситуацию на месте, неизвестный автор статьи, скрывавшийся под псевдонимом Z, предлагал Николаю II самому съездить на Дальний Восток. Ситуация для С. Ю. Витте начала складываться неприятная и чтобы подкрепить свою позицию конкретными фактами он поспешил на восток страны.

Газеты того времени утверждали, что министр финансов решил совершить поездку в Маньчжурию, посетив и Владивосток, где предполагал пробыть неделю. Он хотел проехать по Сибирской железной дороге и посетить все города по пути, а также г. Дальний, Тяньцзин, Пекин, Сеул, Чемульпо, Мозанпо, Нагасаки, Кобе, Киото, Иокогаму и Токио. На обратном пути из Японии и Кореи С. Ю. Витте вторично должен был побывать во Владивостоке [2]. «Сибирский торгово-промышленный календарь» приветствовал поездку С. Ю. Витте в Сибирь и Китай, выразив уверенность, что последний преследует только мирные цели («как посланец с веткой мира, а не с закованным в железо кулаком, как немецкий фельдмаршал Вальдерзее»). Данное издание было уверено, что Николай II поручил С. Ю. Витте заключить «полное» соглашение с Китаем [3, с. 183]. Согласно «Историческому вестнику» Дальний Восток стал магнитом, который притягивал к себе внимание всего мира. Николай II, по мнению данного издания, был «самым решительным поборником мира». О С. Ю. Витте в Японии этого периода говорили, что он – «Гонке мира» (воплощение Будды мира). Таким образом, баланс политического «равновесия» на Дальнем Востоке был почти восстановлен, и независимость как Китая, так и Кореи обеспечена. Этим последним странам оставалось теперь только позаботиться о проведении у себя реформ в том духе «свободы и прогресса», который обязателен для всякого государства, желавшего остаться независимым [4, с. 652].

Между тем 12 сентября 1902 г. в газете «Петербургский листок» появилась небольшая заметка о том, что Николай II всемиловитвейше разрешил С. Ю. Витте передать на время своего отсутствия управление министерством финансов товарищу министра финансов, тайному советнику П. М. Романову [5].

В Томск С. Ю. Витте прибыл 16 сентября в 11 часов дня. Осмотрев город, он посетил годичный акт Коммерческого училища, отделение Государственного банка, Казенную палату, клиники, местный университет, Технологический институт, казенный винный склад, окружной суд, управляющего губернией барона Д. Н. Дельвига, келью старца Феодора и, наконец, общественное собрание, где ему представили местных фи-

нансовых и другого рода чиновников, а также гласных и членов управы во главе с городским головой А. И. Макушиным. В Томске министр финансов объявил, что конечной целью его путешествия является г. Дальний. В этот же день около 19 часов вечера С. Ю. Витте отбыл на Дальний Восток [6, с. 166].

«Рекорд» по продолжительности пребывания в городе С. Ю. Витте поставил в Красноярске, куда он прибыл 17 сентября в 18:30. На перроне вокзала министра финансов встречали: начальник Енисейской губернии М. А. Плец, вице-губернатор И. Н. Сазонов, городской голова Н. А. Шепетковский, местные чиновники Министерства финансов. Беседа продлилась... 20 минут, после чего С. Ю. Витте поехал дальше [7].

В Иркутск С. Ю. Витте приехал 19 сентября в 12 часов дня, на вокзале его встретили: иркутский генерал-губернатор А. И. Пантелеев, губернатор И. П. Моллерус, вице-губернатор В. Н. Булатов, правитель канцелярии военного губернатора Н. Л. Гондати, начальник местного гарнизона М. Ю. Левестам, городской голова Б. П. Шостакович, начальник Управления по строительству Забайкальской железной дороги инженер Пушечников и т. д. С. Ю. Витте побывал в домах у генерал-губернатора и губернатора, осмотрел Казанский собор, посетил музей Восточной Сибири, таможду, отделение Государственного банка, Казенную палату, губернское казначейство, сиропитательный дом, архиепископа Тихона, постройку казенного очистного склада и пр. Из Иркутска министр финансов отбыл в 19 часов того же дня [8].

21 сентября около 16 часов С. Ю. Витте прибыл в Читу, где на вокзале его встретили: исполняющий должность губернатора, управляющий местной Казенной палатой С. С. Цветков, городской голова В. В. Хлыновский и др. После встречи гость посетил учреждения Министерства финансов и вернулся на вокзал, после чего в 17:25 отбыл на восток. Таким образом, в Томске он пробыл 7 часов с четвертью, Красноярске – 20 минут, Иркутске – 7 часов, Чите – 1 час 25 минут [8].

Во Владивосток С. Ю. Витте прибыл 25 сентября 1902 г. в 10 часов утра экстренным поездом в сопровождении военного губернатора генерал-лейтенанта Н. М. Чичагова, который возвращался из отпуска. На платформе железнодорожной станции министра финансов встретил местный генералитет, представители города, купечества, биржи и чиновничества. Депутация от городской думы поднесла ему хлеб-соль, причем исполнявший должность городского головы сказал приветственное слово. С вокзала министр проследовал в дом губернатора, где ему приготовили помещение. Владивосток был украшен флагами [9]. 27 сентября С. Ю. Витте посетил местный китайский театр, где его встретила депутация китайцев г. Владивостока, во главе с их коммерческим агентом Ли-ти-ао [8].

Находясь в данном городе, С. Ю. Витте осмотрел подведомственные ему финансовые учреждения, товарный двор местной железнодорожной станции и вокзал. Между тем министерский поезд привлек внимание публики: все вагоны были абсолютно новыми и необычно длинными, так что для поворота требовались особые приспособления (колесные тележки) [10]. В самом поезде имелись просторные купе, кнопки электрического звонка, вагоны освещались электрическими лампочками, имелись также электрические вентиляторы. Столовая была в «декадентском» вкусе [8].

Во многих сибирских городах на имя С. Ю. Витте поступало много разных жалоб и просьб, но во Владивостоке городское управление и биржевое купечество просто «атаковали» министра финансов огромным количеством ходатайств. Они просили почти всё: учредить вольную гавань, разрешить беспошлинный ввоз китайских товаров (кроме спирта и чая) морским путем, допустить учреждение мелких акционерных предприятий, создать коммерческое училище и т. д. С. Ю. Витте почти на все просьбы отвечал благосклонно и местное купечество пришло от этого в такой восторг, что решило создать при Восточном институте стипендию имени С. Ю. Витте и собрало на эту

цель 5 000 руб. [6, с. 167–168] 29 сентября в 21:00 министр финансов проследовал дальше.

Этому путешествию одного из важных сановников Российской империи, которое проходило фактически в период эпидемии холеры в Маньчжурии, в правящих кругах как России, так и Китая было придано совершенно исключительное значение. Вся поездка С. Ю. Витте была обставлена с особой официальной пышностью. Местные китайские власти со своей стороны оказали гостю почет и внимание, и даже сам престарелый дзянь-цзюнь (генерал-губернатор) Гиринской провинции Чан лично прибыл в Харбин для встречи С. Ю. Витте. Такой знак внимания со стороны официального Китая того времени являлся крайне необычным [11, с. 245]. В Харбине министр финансов увидел и беспорядок на КВЖД: поезд, который должен был появиться в 9:00, сошел с рельсов (у одного из вагонов лопнула ось), прибытие отложили до 11:00, а затем и до 12:00. Опоздавший поезд пришел не в 12 часов пополудни, а в 17 часов вечера.

Результаты поездки С. Ю. Витте нашли в обширном Всеподданнейшем докладе министра финансов о поездке на Дальний Восток, который был представлен в октябре 1902 г. в Санкт-Петербурге. В нем министр финансов утверждал, что строительство Транссибирской магистрали позволит найти выход на новые обширные пространства Сибири, удобные для колонизации. При этом С. Ю. Витте разделил вопрос заселения территории, которая находится за Уралом, на две составные части: колонизация Сибири и колонизация Маньчжурии. К переселению в Сибирь он отнесся очень положительно и подчеркнул, что идея заселения Сибири добровольными переселенцами возникла еще у М. М. Сперанского в 1821 г. в докладной записке Сибирскому комитету. Выгода от такой колонизации была двойная, с одной стороны, появилась бы возможность заселять эту пустынную и малолюдную окраину, с другой, можно было бороться с аграрным перенаселением в центре страны. Однако до конца 1880-х гг. российское правительство относилось к переселению за Урал отрицательно и не поддерживало переселенцев, опасаясь развития вредного «подвижничества и бродяжничества» в сельском населении. «Новая эра» в переселении, по мнению С. Ю. Витте, началась тогда, когда Николай II, еще будучи цесаревичем, возглавил Комитет Сибирской железной дороги. После этого масштабы переселения существенно возросли [12, л. 5].

Однако и этот уровень переселения был недостаточным, поскольку население России в результате ежегодного прироста увеличивалось на полтора миллиона человек, а переселялось в Сибирь также ежегодно всего около двухсот тысяч (один человек на 20–25 квадратных верст). В результате этого средняя величина земельного надела на территории Европейской России снизилась до 1,3 десятины, а количество безземельных крестьян в некоторых губерниях доходила до 22 %. Это в свою очередь приводило к аграрным беспорядкам в центре страны. Между тем как в Сибири, даже в полосе железных дорог, плотность населения не превышала пяти человек на одну квадратную версту. Поэтому в целях ослабления аграрного кризиса на территории Европейской России министр финансов призвал усилить процесс переселения на свободные казенные земли Азиатской России. Земельный же ресурс центра страны он считал исчерпанным. Отверг С. Ю. Витте и мнение о том, что в Сибири было недостаточно мест для сельскохозяйственной колонизации, мотивируя это тем, что данный регион был еще недостаточно исследован и, по его мнению, количество таких земель «громадно», особенно на таежных и степных территориях. В желавших же переселяться в Сибирь недостатка не было. Особенно важным было заселение Уссурийского края и пустынного побережья Амура в целях «упрочения там русского оплота против волны желтой ра-сы», так как Китай и Япония тоже «страдали» от избытка населения [12, л. 6–8].

Что же касается переселения на территорию Маньчжурии (в районе КВЖД), то здесь С. Ю. Витте выступил категорически против этого начинания. Русских крестьян-

ян он считал «совершенно непригодным элементом» для колонизации этого региона. Земледелие там было просто невозможно из-за недостатка вдоль линии железной дороги свободных и удобных земель. К тому же русские не могли конкурировать с китайцами, которые приспособились к «суровым» условиям Маньчжурии и давно перешли с экстенсивных на интенсивные методы хозяйствования. Кроме того, переселенцы явились бы тяжелым финансовым «бременем» для КВЖД, а в случае очередных китайских восстаний они не смогли бы себя сами защитить, и им пришлось бы оказывать военную помощь. Поэтому, чтобы не стимулировать такое переселение в Маньчжурию, С. Ю. Витте предложил вообще не оказывать помощь переселенцам на этой территории, но, правда, и не запрещать ее колонизацию. Последняя должна была стать только частной инициативой («ищущих обогащения на свой страх и риск»), а выжить в Маньчжурии должны были только те из русских переселенцев, которые были энергичными, стойкими, умевшими приспособляться к новым условиям жизни. Первая категория таких лиц, которая уже находилась на территории КВЖД, была представлена инженерами, подрядчиками, мелкими торговцами, ремесленниками и т. д. Второй категорией переселенцев, которая могла бы укорениться в Маньчжурии, были лица также уже некоторое время проживавшие на этой территории и знакомые с местными условиями, например, чины железнодорожной охраны. Им можно было предоставить переселенческие льготы, отводить земельные участки в пользование, чтобы эти участки оставались в собственности железной дороги. Таким образом, по линии КВЖД можно было создать целые солдатские поселки. Третью категорию (самую «полезную» для русской колонизации) представляли собой раскольники и сектанты, которые, по мнению С. Ю. Витте, были «выдающимися» колонизаторами, стойкими «в охране своей народности» и способными преодолеть самые трудные условия водворения. Привлечь их в Маньчжурию можно было обещанием полной свободы вероисповедания и некоторыми льготами по воинской повинности. При этом не следовало привлекать для переселения тех сектантов, которым их религия запрещала применять оружие даже для самообороны, так как они в минуту опасности не смогли бы защитить КВЖД [12, л. 52–54].

В целом российская политическая элита признала этот доклад С. Ю. Витте пораженческим. Его доводы не произвели никакого впечатления. Николай II даже не пожелал выслушивать подробностей о его поездке, а попросил прислать доклад в письменной форме [13, с. 52–54]. 27 октября 1902 г. в Ялте состоялось совещание по вопросу о заселении полосы вдоль КВЖД. Военный министр генерал-адъютант А. Н. Куропаткин настаивал на необходимости вообще приостановить заселение Маньчжурии китайцами. С. Ю. Витте возражал. Министр внутренних дел В. К. Плеве и все остальные участники совещания поддержали А. Н. Куропаткина [14, л. 2–3]. В августе 1903 г. С. Ю. Витте получил отставку с поста министра финансов.

Таким образом, российская политическая элита отвергла предложение «замириться» с Японией путем частичных территориальных уступок. Она совершенно справедливо полагала, что Япония, получив определенные уступки, не остановится и будет требовать все больше и больше. В этом случае рано или поздно с ней все равно пришлось бы вступить в вооруженный конфликт. Окончательно же подорвала влияние С. Ю. Витте в данном вопросе поездка в том же 1902 г. царского придворного А. Н. Безобразова в Порт-Артур, после которой он потребовал создания на Дальнем Востоке наместничества. 30 июля 1903 г. оно было образовано из Приамурского генерал-губернаторства (Приморская, Амурская, Забайкальская области и остров Сахалин) и Квантунской области. Однако времени на подготовку войны с Японией оставалось все меньше. Мешала этому процессу непоследовательность Николая II, который постоянно менял свою точку зрения в дальневосточной политике, колеблясь между уступками и жесткой линией. При этом следует отметить, поездка С. Ю. Витте по Сибири

и Дальнему Востоку была не совсем бесполезной. В частности, он предложил развивать железнодорожное строительство на российской территории вдоль р. Амур, достроить быстрыми темпами Кругобайкальский участок Сибирской железной дороги, усилить переселенческое движение за Урал и тем самым снизить аграрное перенаселение в центре России. Все это начало претворяться в жизнь в дальнейшем как в столыпинскую аграрную реформу, так и в советский период.

Список источников

1. Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925.
2. Енисейские ведомости. 1902. 26 июля.
3. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1902 г. СПб. : Тип. Мекс, 1902.
4. Черевков В. Д. Из жизни Востока // Исторический вестник. 1902. Май. С. 650–658.
5. Высочайший приказ // Петербургский листок. 1902. 12 сент.
6. С. Ю. Витте, министр финансов. По поводу десятилетия в должности министра и посещения Сибири // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1903 г. Томск : Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1903.
7. Хроника // Енисейские губернские ведомости. 1902. 20 сент.
8. Проезд министра финансов через Сибирь // Амурская газета. 1902. 11 окт.
9. Хроника // Владивосток. 1902. 29 сент.
10. Хроника // Владивосток. 1902. 6 окт.
11. Нилус Е. Х. Исторический обзор Китайско-Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. Харбин : Тип. КВЖД и Т-ва «Озо», 1923.
12. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711.
13. Пролог русско-японской войны: материалы из архива графа С. Ю. Витте. Петроград, 1916. С. 242.
14. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 718.

А. А. Кружалина

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОТ ГОРОДА ИРКУТСКА И ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. Вниманию читателей предлагаются результаты сравнительного анализа персон депутатов Государственной Думы Российской империи I–IV созывов, подготовленные на основе биографических данных, а также делопроизводственных документов, источников личного происхождения и материалов периодической печати. Автор характеризует происхождение, возрастные, профессиональные и политические особенности выбранных жителями Иркутской губернии кандидатов; выявляет системные особенности, характеризующие процесс становления опыта парламентаризма в регионе.

Ключевые слова: *депутаты, Иркутская губерния, Государственная дума, XX век*

Abstract. The readers are offered the results of a comparative analysis of the persons of deputies of the State Duma of the Russian Empire of the I–IV convocations, prepared on the basis of biographical data, as well as office documents, sources of personal origin and periodical materials. The author characterizes the origin, age, professional and political characteristics of the candidates chosen by the residents of the Irkutsk province; identifies systemic features characterizing the process of formation of the experience of parliamentarism in the region.

Keywords: *deputies, Irkutsk province, State Duma, XX century*

Вследствие нарастания оппозиционных настроений в обществе, которое все менее выражало желание продолжать существовать в условиях неограниченного самодержавия, в ходе Первой русской революции правительство вынуждено пошло на уступки, даровав населению гражданские права и свободы, а также декларировав обязательство принимать законы исключительно в парламентском порядке. В статье 44 Высочайше утверждённых Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. указывалось: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора» [5].

Так был дан старт развитию парламентаризма в Российской империи, в том числе и на её окраинах. «Положение о выборах в Государственную Думу» 1905 г. утверждало особый порядок проведения выборов во многих регионах России. Распространялось оно и на Иркутскую губернию. Указом от 20 октября 1905 г. были также утверждены «Правила применения Положения о выборах в Государственную Думу к губерниям Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской» [4]. Определение особого порядка выборов было обусловлено отсутствием в регионе земских органов власти и пред-

ставительного сословия крупных землевладельцев. В соответствии с указанными нормативно-правовыми актами право представительства имела как Иркутская губерния, так и город Иркутск, как крупный центр общественно-политической активности в Сибири.

Выборы в Государственную Думу I созыва были намечены в Иркутске на 8 августа 1906 г., а уже 8 июля в Петербурге она была расформирована, поэтому, несмотря на активно начавшееся приготовление к выборам, губернское и городское избирательные собрания не успели состояться. Однако уже тогда наметились наиболее популярные «в народе» кандидаты. Например, добавлявший популярности региональным кадетам фактический редактор «Сибирского обозрения» Иван Иванович Попов и выдвинутый Иркутским социал-демократическим комитетом Виктор Евсеевич Мандельберг [8].

15 марта 1907 г. было положено начало первому этапу выборов представителя города Иркутска в Государственной Думе уже II созыва [7]. С третьей попытки, ввиду того, что ни один из кандидатов (кадет Турицын, меньшевик Мандельберг и представитель народнического блока Малявкин [10]) не мог набрать абсолютного большинства, победа по жребию досталась В. Е. Мандельбергу.

2–4 апреля в частном порядке собираются до 13 выборщиков от Иркутской губернии (из 16, так как остальные ещё не прибыли в Иркутск). Они обсуждают между собой политические предпочтения, проводят неофициальные баллотировки. По итогам этих встреч трое выборщиков – М. Н. Богданов, К. И. Иванов и А. Г. Коханский выражают готовность баллотироваться в депутаты. Кроме того, участвовать в выборах планировал и официальный кандидат от народных социалистов П. И. Пальчинский (считавшийся скандальным кандидатом из-за своих публикаций в «Новой заре», благодаря чему был непопулярен в собрании) [1].

В итоге, в финальной баллотировке, когда победитель решался уже не абсолютным, а относительным большинством одобряющих голосов, участвовали три кандидата: Маньков и два альтернативных кандидата-народника – Иванов и Богданов. Константин Иванович Иванов не просто выиграл относительное большинство в последнем раунде голосования, но и стал первым, кто за всю неделю неофициальных и официальных баллотировок получил абсолютное большинство одобряющих голосов выборщиков (8 одобрительных против 7) [2].

Вследствие третьеиюньского переворота 1907 г. избирательное право было пересмотрено, поэтому в думах III и IV созывов жители региона вынуждены были довольствоваться лишь одним депутатом от Иркутской губернии. К выборам в III Государственную Думу новое Положение о выборах куриально-территориальный состав губернского избирательного собрания был существенно переработан, а избиратели Иркутска, лишившиеся собственного представительства в Думе, присоединились к «округу» городских избирателей Иркутского уезда.

Уже 15 декабря 1907 г. прошёл первый день голосования. На нём в Госдуму баллотировалось два кандидата – П. И. Фёдоров и Т. О. Белоусов: 9 проголосовали за Фёдорова и против Белоусова, 10 – наоборот. В таких условиях председатель собрания – член Иркутской судебной палаты П. Д. Попов – объявил Белоусова победителем выборов, получившим абсолютное большинство голосов и отпустил выборщиков [11, с. 59]. Иркутская губерния впервые избрала своего единственного депутата за один день.

Однако позже выяснилось, что Белоусов получил абсолютное большинство голосов от присутствовавших и голосовавших 19 выборщиков, одним из которых был он сам, а значит, очевидно, что на заседании Белоусов участвовал в голосовании за или против себя. Более того, аналогичным образом участвовал в голосовании и Фёдоров. В дальнейшем, только после расследования ситуации в III Государственной Думе

большинство депутатов нижней палаты парламента Российской империи проголосовало против отмены результатов выборов в Иркутской губернии, но при этом в отдельном голосовании поддержало идею оповестить правительство о совершённой председателем губернского избирательного собрания ошибке [13]. Т. О. Белоусов остался депутатом Государственной Думы до конца созыва, большую часть своего срока блокируясь с меньшевиками.

Если выборы в III Государственную Думу в Иркутской губернии оказались скандальными из-за ошибки председателя собрания, то выборы в IV Государственную Думу ждала та же участь, но уже по другой причине: из-за попыток уездных и губернской избирательных комиссий повлиять на исход выборов, используя практику отмены выборов с целью обеспечения приоритета позиций «желаемых» партий в условиях переноса губернских выборов.

К 1 ноября 1912 г., на которое было назначено заседание губернского избирательного собрания, было формально избрано 12 выборщиков (из 20 положенных по закону). Было официально предложено три кандидатуры в члены Государственной думы: Иван Николаевич Маньков (представитель городских избирателей Нижнеудинского уезда, с.-д., активно поддерживаемый «Молодой Сибирью» ещё во время уездной кампании), В. П. Титов (представитель волостей Киренского уезда) и Грозин. В этот раз председатель Попов, наученный опытом предыдущих выборов, обратил внимание собравшихся на то, что кандидаты не могут баллотировать шары сами за себя. Маньков получил 7 положительных голосов (то есть абсолютное большинство из 12 выборщиков), Грозин – 5 положительных голосов [3]. Таким образом, депутатом Госдумы стал И. Н. Маньков. Его избрание приветствовалось как кадетской, так и последовательно демократической прессой.

Для составления гармоничного портрета депутатов Государственной Думы Российской империи I–IV созывов обратимся к базовым характеристикам каждого из них.

Место рождения. Трое депутатов были коренными жителями Иркутской губернии: Константин Иванович Иванов родился в Тункинской волости Иркутского уезда; Терентий Осипович Белоусов в деревне Бирюса Алзайской волости Нижнеудинского уезда; Иван Николаевич Маньков в городе Нижнеудинске. И только Виктор Евсеевич Мандельберг родился в Киевской губернии, а позже по делу о политической пропаганде был направлен под надзор полиции в Восточную Сибирь.

Как вспоминал сам Виктор Евсеевич: «В Сибирь уезжал незнакомый ни с революцией ни с революционерами, – из Сибири возвращался убежденным революционером. ... правительство способствовало тому, что из не вполне ясных стремлений, тенденций – выросло убеждение, из наивного культуртрегера – революционный социал-демократ» [8, с. 33]. При этом отметим, что из-за политических взглядов и общественно-политической активности Мандельберг был сослан в г. Нижнеудинск в 1902 г. (летом 1903 г. покинул Россию и уехал в Европу), в городе или его окрестностях в то время проживали два других будущих депутата.

Происхождение. К. И. Иванов и Т. О. Белоусов происходили из крестьян, в то время как И. Н. Маньков имел мещанское происхождение, а В. Е. Мандельберг родился в семье купца-еврея.

Образование. Единственный депутат Государственной Думы от города Иркутска, В. Е. Мандельберг, окончил Киевскую мужскую классическую гимназию, обучался на медицинском факультете Киевского императорского университета Св. Владимира. К. И. Иванов – выпускник Иркутской учительской семинарии. Т. О. Белоусов окончил Нижнеудинское городское училище и Иркутскую учительскую семинарию. И. Н. Маньков (по неподтверждённым данным) Нижнеудинское городское 4-классное народное училище, а позже сдал экзамен на телеграфиста.

Возраст. На момент избрания депутатом Государственной Думы Российской Империи В. Е. Мандельбергу было 37 лет, остальные депутаты были несколько моложе: К. И. Иванов – 30 лет, Т. О. Белоусов – 33 года, И. Н. Маньков – 31 год.

Профессиональная принадлежность. Мандельберг имел многолетний опыт врачебной практики как в Иркутске, так и за его пределами. Позже, по завершении депутатской карьеры, он сосредоточится на медицинской работе за границей, до возвращения в Россию в 1917 г.

К. И. Иванов до избрания депутатом служил учителем в Тункинской инородческой школе, продолжая параллельно заниматься земледелием и скотоводством.

Т. О. Белоусов служил учителем в сёлах Преображенском, Подкаменном, Чечуйском, в городе Нижнеудинске, в селе Зиминском. Затем работал учителем начальной школы в селе Черемхово Балаганского уезда.

И. Н. Маньков продвинулся по карьерной лестнице от телеграфиста на железнодорожной станции до помощника начальника станции Канск Сибирской железной дороги. В 1908 г. поступил на службу в Нижнеудинское городское казначейство, затем в мясницкую управу, откуда вскоре был уволен по распоряжению Иркутского губернатора. А в 1911 г. организовал Нижнеудинское кредитное товарищество, где стал бухгалтером [9].

Опыт общественно-политической деятельности. В. Е. Мандельберг являлся одним из создателей Иркутского социал-демократического комитета, а затем и «Сибирского социал-демократического союза». Принимал участие во II съезде РСДРП, на котором вместе Л. Д. Троцким представлял Сибирский социал-демократический союз. Хотя некоторые советские историки, например М. К. Ветошкин, с недоверием воспринимали данный факт, указывая на «фальшивое представительство» на основании выданного В. Гутовским мандата «от имени Сибирского союза Троцкому и другу его – иркутскому врачу Мандельбергу» [12, с. 106]. При этом в мемуарах Троцкого отсутствуют упоминания о его связи с последним. Мандельберг принял активное участие в съезде, в дальнейшем продолжив партийную работу: принял участие во всеобщей забастовке в октябре 1905 г., а в декабре того же года отметился в числе создателей газеты «Красноярский рабочий».

Об эволюции политических взглядов и общественно-политической активности К. И. Иванова сведений нет. Известно лишь, что в Думе он войдёт в состав Трудовой группы и фракции Крестьянского союза.

Т. О. Белоусов был одним из организаторов Иркутского отделения Всероссийского учительского союза; входил в его руководство. Состоял в иркутском обществе взаимопомощи учителей. Активно публиковался в региональных газетах: «Сибирское обозрение», «Сибирь» и, в особенности, «Восточное обозрение».

В 1905 г. был отмечен первой премией за брошюру «Что такое земство?». Заметим, что конкурс был организован иркутским подотделом Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества. Кроме того он состоял в меньшевистском крыле Российской социал-демократической рабочей партии. В январе 1906 г. стал во главе социал-демократической группы в селе Черемхово.

В 1905 г. И. Н. Маньков активно участвовал в общественно-политическом движении, за что в 1906 г. был арестован и выслан в административном порядке на север Канского уезда Енисейской губернии [9].

В 1910 г. И. Н. Маньков был избран гласным Нижнеудинской городской думы, имел годовое жалованье 600 рублей в год. Позднее избран городским головой Нижнеудинска, но Иркутский губернатор не утвердил его в этой должности.

Будучи избранным, Маньков заявил, что присоединится к фракции социал-демократов (после её официального распада в 1913 году он станет меньшевиком),

но будет выполнять наказ, который составят для него представители всех иркутских прогрессивных групп [6].

Обращает на себя внимание и тот факт, что два депутата от Иркутской губернии, Т. О. Белоусов и И. Н. Маньков, в процессе своей думской активности изменили политическую ориентацию. Первый в феврале 1912 г. со скандалом покинул меньшевистское крыло социал-демократической фракции, продолжив депутатскую работу в статусе беспартийного. Социал-демократы всех направлений единодушно осудили поступок Белоусова. В. И. Ульянов опубликовал под псевдонимом «Т» статью в газете «Звезда», в которой раскритиковал бывшего однопартийца, уточнив, что «фракция еще два года назад превратилась для него в «чуждую среду» [14].

Иначе происходила политическая трансформация И. Н. Манькова: с началом Первой мировой войны он стал «оборонцем». Вопреки решения социал-демократической фракции в 1915 г. проголосовал за бюджет, за что был исключён фракции.

Таким образом, за всю историю Государственной Думы Российской империи Иркутскую губернию в ней представляли только социалисты (1 трудовик и 2 меньшевика; ещё 1 меньшевик представлял в Думе г. Иркутска). Таким образом, можно сделать вывод о том, что блок социалистических партий был наиболее популярным блоком в Иркутской губернии начала XX в. Тем не менее конституционные демократы также были довольно успешны в избирательных собраниях, проиграв на один голос выборы в III Государственную Думу и проиграв социал-демократу жребий при выборах представителя Иркутска во II созыве.

При этом социальное происхождение и опыт общественно-политической активности депутатов был различным. Подавляющее большинство из них проявляли революционную активность накануне выборов в думу, за что даже оказались под надзором полиции или успели отбыть ссылку. Последний факт существенно осложнял их участие в избирательном процессе, однако в итоге власти не смогли воспрепятствовать избранию оппозиционных кандидатов. Существенно выделяется на фоне остальных В. Е. Мандельберг, не только своей национальной принадлежностью, но и насыщенностью политической активности не только в период первой русской революции, но и в дальнейшем, по завершении депутатской карьеры.

Список источников

1. Выборы в Государственную Думу // Сибирь. 1907. 5 апр. (№ 139). С. 2.
2. Выборы в Государственную Думу // Сибирь. 1907. 8 апр. (№ 142). С. 3–4.
3. Выборы члена Госуд. Думы // Сибирь. 1912. 2 нояб. (№ 246). С. 2.
4. Высочайше утверждённое 6 августа 1905 года положение о выборах в Государственную Думу с дополнительными к нему узаконениями. 2-е изд., доп. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1906. 187 с.
5. Высочайше утверждённые Основные Государственный Законы от 23.04.1906. Гл. 3. Ст. 44. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/apr1906.htm> (дата обращения: 10.04.2023).
6. И. Н. Маньков (депутат от Иркутской губернии) // Сибирь. 1912. 2 нояб. (№ 246). С. 2.
7. К выборам депутата от Иркутска // Сибирь. 1907. 24 марта (№ 129). С. 1.
8. Мандельберг В. Е. Из пережитого: воспоминания. Давос : Книгоиздательство «За рубежом», 1910. 145 с.
9. Маньков И. Н. Биография // Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915 гг. Пг., 1915. С. 462–463.

10. Предвыборное собрание выборщиков по г. Иркутску // Сибирь. 1907. 22 марта (№ 127). С. 4.
11. Родионов Ю. П. Т. О. Белоусов в Государственной Думе: от социал-демократии к беспартийности // Исторический ежегодник. Специальный выпуск / под ред. А. В. Ремнева и А. В. Якуба. Омск : Омский государственный университет, 1997. С. 59.
12. Сибирский союз РСДРП: к 30-летию большевистских партийных организаций в Сибири. 1903–1933. М., 1935. С. 106.
13. Стенографические отчеты : в 3 ч. Ч. 1 / Гос. дума, 3-й созыв. 1907–1908 гг. Сессия, 1-я. СПб., 1908. Ст. 1638.
14. По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. фракции // Звезда. № 17 (53), 13 марта 1912 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКА А. М. ГНЕВУШЕВА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются идейно-политические позиции историка А. М. Гневушева в 1917–1919 гг. как публициста и редактора общественно-политических изданий.

Ключевые слова: *А. М. Гневушев, Красноярск, эсеры, меньшевики, революция, Гражданская война*

Abstract. The article deals with the ideological and political views of A.M. Gnevushev (1917–1919), a historian, a publicist and an editor of social and political editions.

Keywords: *A. M. Gnevushev, Krasnoyarsk, the Socialist Revolutionaries, the Mensheviks, Russian Revolution, civil war*

Андрей Михайлович Гневушев (1882–1920) известен, в первую очередь, как специалист по истории средневековой Руси. Им было опубликовано более 30 научных статей и книг, в том числе по истории Сибири [1]. Известно, что С. Ф. Платонов отзывался о нем, как о крупном историке [2, с. 137]. Исследования ученого не утратили научной значимости до настоящего времени. Современные историки, изучающие социально-экономические процессы XV–XVII вв., во многих аспектах опираются на выводы, сформулированные Гневушевым. С 1914 г. он проживал в Красноярске, где работал преподавателем в реальном училище и учительском институте. В сентябре 1919 г. Гневушев переехал во Владивосток где преподавал на кафедре русской истории Владивостокского университета.

Февральская революция 1917 г. открыла в А. М. Гневушеве талант журналиста и публициста. За 1917–1919 гг. он опубликовал более 100 газетных статей, семь отдельных брошюр на актуальные общественно-политические темы. Тем не менее политическая деятельность остается белым пятном в его биографии, а ее изучение дает возможность глубже понять дискурс революции 1917 г. и Гражданской войны.

В политической деятельности Гневушева после 1917 г. можно выделить несколько этапов, которые непосредственно связаны с функционированием периодических изданий, где печатались его материалы: июнь 1917 г. – май 1918 г. (газеты «Наш голос» и «Наше слово» в Красноярске); июнь 1918 г. – сентябрь 1919 г. (газеты «Воля Сибири» и «Енисейский вестник» в Красноярске); ноябрь – декабрь 1919 г. (газета «Новый путь» во Владивостоке).

Его первые публицистические материалы появились в июне 1917 г. в ежедневной политической и литературной газете «Наш голос», которую редактировал правый эсер Е. Е. Колосов. После отъезда Колосова из Красноярска, с 6 июля А. М. Гневушев

сменил его на посту главного редактора газеты, издание которой продолжалось до 14 сентября.

События 1917 г. в Красноярске отличались быстрым распространением большевистского влияния на рабочие профсоюзы, солдатский гарнизон и, как следствие, на местный Совет рабочих и солдатских депутатов. Быстрее, чем в других городах Сибири, большевики заняли прочные позиции в политической жизни города, и в июле 1917 г. победили на выборах в городскую думу. Эти особенности общественно-политической обстановки неизбежно ставили перед А. М. Гневушевым вопросы о сущности левого радикализма, перспективах его распространения для судьбы страны. В результате критика большевизма в 1917 г. стала главной темой его публицистики.

Отношение к большевикам автор выразил в своей первой статье, размещенной в газете «Наш голос» 4 июня 1917 г. В ней Гневушев утверждал, что позиции В. И. Ленина не имели ничего общего с идеями научного социализма и были близки к анархическим. Самые сложные вопросы современности большевики, так же как и анархисты, рассматривали «вне времени и пространства, не считаясь ни с реальным соотношением сил, ни с действительными историческими условиями» [3]. Поэтому они обещали массам невозможное в тех условиях быстрое разрешение всех насущных проблем. В свою очередь, успеху «беззастенчивой демагогии» способствовали «народная темнота» и невежество. Таким образом, Гневушев был убежден, что, прикрываясь «популярным знаменем социализма», большевики всячески дискредитировали великую идею справедливого общества, будоражили массы несбыточными лозунгами [3].

Волнения большевистски и анархистски настроенных солдат и рабочих Петрограда в июле 1917 г. Гневушев расценивал как «удар в спину революционной демократии», «предательство и измену делу революции». В условиях, когда русские войска сражались на фронте, всякие выступления в тылу, по его мнению, были бессознательной помощью противнику [4]. В контексте данных рассуждений логично звучали со стороны Гневушева обвинения радикалов в провале русского наступления на фронте. По его мнению, именно под большевистским влиянием тыловые части «перестали быть воинскими частями» и стали способны к «буйству и грабежу, но не способны к активному сопротивлению» [5].

Однако автор не был склонен абсолютизировать большевистскую угрозу. Он считал, что деятельность леворадикалов неизбежно порождала реакцию со стороны правых сил, к которым относились все, кто выступал за сохранение капиталистического строя (кадеты, октябристы, монархисты и др.) [6]. Уход министров-кадетов из состава Временного правительства в июле 1917 г. Гневушев воспринял как объявление буржуазией, не желавшей идти на компромиссы, открытой борьбы с революционной демократией. Изолировав министров-социалистов, они рассчитывали, по его мнению, вызвать в буржуазных слоях контрреволюционное движение [7].

Спасение революции, ее конструктивное развитие в 1917 г. он видел в изоляции радикально левых и правых элементов, продолжении политики коалиции всех революционно-демократических сил, готовых идти на компромисс. Важную роль в реализации этих принципов должны были сыграть органы местного самоуправления, деятельность которых, по мнению Гневушева, ограничивала бы произвол большевистских Советов [7]. В их планомерной работе он видел возможность развития политического сознания масс.

Свою роль в данном процессе он видел в популяризации идей местного самоуправления. В работе «Волостное земство в Сибири», изданной в Красноярске отдельной брошюрой, автор подробно характеризовал роль волостных земских учреждений, их структуру, описал процедуру выборов и обязанности земских гласных [8]. По такой же схеме была написана брошюра «Учредительное собрание».

С прекращением выхода газеты «Наш голос» публикационная активность Гневушева на некоторое время прекратилась. Очевидно, что автор не находил для себя приемлемого в идеологическом плане издания. Выходивший в Красноярске официальный орган губернского комитета партии эсеров «Знамя труда», отражавший позиции центристов, не устраивал его за излишнюю левизну.

В марте – апреле 1918 г. он вместе с эсером Е. Е. Колосовым принял участие в выпуске «органа социалистической мысли» – газеты «Наше слово». Издание, выпускаемое в период советской власти, имело явно выраженный провокационный характер, в нем содержалась критика как находящихся у власти большевиков, так и остальных социалистических партий. Многие авторы, в том числе А. М. Гневушев, не подписывали свои материалы. В общей сложности вышло четыре номера газеты.

В его публикациях звучала резкая критика социалистов за политические ошибки, допущенные в 1917 г., им приписывалось пособничество и сочувствие большевизму: ««Полуленинство», боязнь показаться недостаточно «революционными», взгляд на большевиков как на «утопистов, но все-таки самых настоящих революционеров» – все это было очень широко распространено среди социалистов, и все это, с одной стороны, мешало им распознать истинную сущность большевизма, а с другой стороны, заставляло их всякий раз оказывать моральную поддержку большевикам, когда те в ней нуждались» [9].

Заключение большевиками Брестского мира в марте 1918 г. заставило историка вновь взяться «за перо». Экономические условия мирного договора автор, как профессиональный ученый, подверг комплексному и всестороннему анализу, результаты которого были изложены в статье «Что сулит Сибири Брестский мир?», опубликованной в «Сибирских записках». Исходя из единства экономических связей России и Сибири, автор констатировал, что «немецкий капитал будет теперь диктовать свои условия для Сибири еще с большей настойчивостью, чем это делал российский» [10, с. 64].

Отдавая в полное распоряжение Германии естественные богатства Сибири Брестский мир парализовывал развитие местной промышленности и торговли; расстраивалась торговля Сибири с Китаем и Монголией. В результате кардинальным образом менялось международное положение Сибири, которая, по мнению автора, становилась ареной борьбы союзников с Германией. Гневушев не исключал военный захват сибирской территории как Германией, так и союзниками.

Захват власти Советами в октябре – ноябре 1917 г. и заключение Брестского мира в марте 1918 г. сформировали у Гневушева убеждение в необходимости вооруженной борьбы с большевиками. В марте он писал, что борьба до полного уничтожения советской власти «является первым и неотложным долгом всякого социалиста, как и борьба против самодержавия» [11].

С началом гражданской войны в Сибири и свержением первой советской власти, Андрей Михайлович стал сотрудником печатного органа губернского комиссариата Временного Сибирского правительства «Воля Сибири», а с 22 августа 1918 г. получил статус редактора неофициальной части газеты, где публиковались статьи на общественно-политические темы, характеристика ситуации на местах, письма в редакцию, хроника. В этом статусе он пробудет до закрытия издания в январе 1919 г. С января 1919 г. он станет журналистом издания губернского управления «Енисейский Вестник».

Выступление антибольшевистских сил летом 1918 г. и начало полномасштабной гражданской войны в Сибири существенно повлияли на тематику публикаций Гневушева. Окончательному разрыву с эсерами-центристами способствовала дискуссия о судьбе Советов, начавшаяся в июне 1918 г. Андрей Михайлович занял категорическую позицию необходимости запрета их деятельности. Он предостерегал трудящихся от разбрасывания сил на Советы и призывал к их максимальной концентрации в уже имеющихся организациях: профсоюзах, кооперативах [12].

Политическая ситуация летом 1918 г. в Сибири характеризовалась постепенным усилением политических элементов правой ориентации (кадрового офицерства, верхушки буржуазии и казачества, партии кадетов). Поэтому интерес Гневушева сместился в сторону анализа деятельности этих сил. Летом – осенью 1918 г. он выпустил ряд статей, в которых обвинял представителей буржуазии в нежелании в новых условиях идти на уступки и сотрудничать с умеренными социалистами, стремлении установить диктаторскую власть для достижения своих узкоклассовых интересов. Данную тенденцию он охарактеризовал как «большевизм справа», который в случае своей победы окончательно столкнул бы страну в пропасть, так как «диктатура какого-нибудь одного класса, даже в том случае если этот класс и жизнеспособен, не может вывести страну из создавшегося катастрофического положения» [13]. Начав неизбежную борьбу с революционной демократией, власть правых сил, по его убеждению, в конечном итоге реставрировала бы дофевральские порядки [13].

Открытому выступлению буржуазии, по его мнению, способствовали отсутствие единого демократического фронта, «разброд и шатания в мыслях» представителей демократического лагеря. Однако историк скептически относился к возможности захвата власти русской буржуазией и ее представителями, так как считал эту силу неспособной вывести страну на путь буржуазно-капиталистического развития [14]. В своих статьях он убеждал оппонентов отказаться от партийного фанатизма, узкоклассовых позиций и «суметь подняться до государственной точки зрения» [15].

В конце 1918 г. интерес Андрея Михайловича, как и многих других публицистов, переместился в сторону экономического развития в Сибири. В «Воле Сибири» был размещен ряд материалов «К вопросу об экономическом возрождении Сибири», которые затем были изданы отдельной брошюрой. Главную опасность для развития сибирской промышленности автор видел в усилении японского капитала, который заполнил Сибирь своими товарами, скупал долговые обязательства русских торговцев, а также отдельные земельные участки и промышленные предприятия. Видя в экономической независимости залог политической самостоятельности Сибири, автор призывал русскую буржуазию активизировать свою деятельность, сойти с пути спекуляции и задуматься о судьбе государства [16].

В разгар гражданской войны Гневушев обратился к историческому осмыслению происходивших событий. Итогом его работы стала выпущенная в 1919 г. брошюра «“Великая разруха Московского государства 1606–1613 гг.” и “Великая русская революция 1917–19? гг.” (исторические параллели)». Оценивая масштаб общегосударственного кризиса, автор указывал, что страна в 1919 г. находилась только на «первом фазисе своей борьбы за восстановление государственного порядка», рассуждая о перспективах, он утверждал, что «пока нельзя еще представить себе, какие мучительные этапы нам придется пережить, выполняя эту тяжкую и ответственную историческую задачу» [17, с.19]. По его мнению, происходившие в XX в. события по своей масштабности и губительности для страны наиболее уместно было сравнивать с периодом Смутного времени: как и тогда, в период гражданской войны обострилось противостояние государственных и антигосударственных элементов.

Основное место в публикации отводилось анализу большевистских мероприятий в политике, экономике и социальной сфере, доказательству их губительности для страны. Гневушев полагал, что полная неспособность леворадикалов к созидательной и творческой работе отбрасывала страну «примерно лет на 80 от современного развития России, а в отдельных случаях... еще к допетровской эпохе»: фабрики и заводы закрывались, сокращалось производство [17, с. 9]. Отказ большевиков от Учредительного собрания и органов местного самоуправления превращал их власть в диктатуру одной политической партии, которая, чтобы удержаться у власти, воскрешала приемы борьбы с оппозицией,

практиковавшиеся в царской России [17, с. 11]. Как и в период Смутного времени, по мнению Гневушева, над страной нависла опасность утраты национальной самостоятельности. Автор указывал на отчетливый германофильский характер большевистской политики и сравнивал его с зависимостью «Тушинского царя» от поляков [17, с. 20].

Проводя исторические параллели с периодом Смутного времени, Андрей Михайлович утверждал, что «московские люди XVII-го века обладали гораздо большим развитием государственного и национального чувства, чем их потомки в XX-м веке» [17, с. 19]. По его мнению, момент национальной опасности заставил значительную часть московских бояр-феодалов позабыть на время о своих партийных интересах и «подумать прежде всего о сохранении родины». В условиях же гражданской войны «позорный» Брестский мир не вызвал протеста среди большевиков. В итоге автор констатировал, что «Минины XX-го века не похожи на Мининых XVII-го», «когда гибла родина, последние шли на полное самопожертвование, а Минины XX-го века в момент крушения государства думают о захвате себе наиболее лакомого куска, оставшегося еще от государства». Тем не менее, Гневушев сохранял оптимизм, считая, что эта задача будет выполнена: «нужно только побольше любви к родине и способности подчинить свои частные интересы интересам общенациональным» [17, с. 24].

В 1919 г. вышла еще одна историческая работа А. М. Гневушева: «Русские исследования северного морского пути в XVII в.» [18], в которой автор точно уловил запрос белой власти в Сибири на открытие новых каналов снабжения через Северный морской путь и попытался ответить на него с позиций историка. Смысловой посыл публикации можно сформулировать так: если в XVII в. использование Северного морского пути не представляло для наших предков трудностей, то в XX в. есть все шансы на его успешное освоение.

В сентябре 1919 г. Гневушев, оставив семью в Красноярске, переехал во Владивосток, где организовал издание газеты «Новый путь». Газета просуществовала только два месяца (ноябрь – декабрь 1919 г.) и перестала выходить со смертью редактора.

В одной из последних своих публикаций он восторженно писал об объединении антибольшевистских организаций «Союза возрождения России», «Национального центра», «Комитета общественных деятелей», как примере образования единого фронта по борьбе с большевизмом «во имя национальных и государственных интересов». Данному союзу, объединяющему по мнению автора силы правых эсеров, меньшевиков-оборонцев, плехановцев, кадетов, националистов, октябристов, Гневушев противопоставлял тех, кто стремился проводить узкопартийную программу и в результате вел страну к гибели [19].

Очевидно, что на последнем периоде своей политической деятельности у Гневушева стали проявляться оппозиционные настроения по отношению к Колчаковской власти. В ноябре 1919 г. газета была оштрафована на 10 000 руб. «за умаление престижа русской верховной власти, за проявление антигосударственной деятельности», что выразилось в размещении заметки о Владивостокских событиях, основанной на сообщениях чехословацкого телеграфного агентства [20].

Таким образом, в годы Революции 1917 г. и Гражданской войны А. М. Гневушев выступал, в первую очередь, как публицист, редактор общественно-политических изданий. В его публицистических произведениях неоднократно констатировалось наличие опасности, которую несли для революции, как крайне левые, так и крайне правые политические силы.

Оба течения, по его мнению, отличались реакционностью и антигосударственностью, стремились уничтожить главные завоевания 1917 г.: свободу и демократию. Спасительный для страны «третий путь», по убеждению Андрея Михайловича, представлял собой изоляцию радикальных элементов, продолжение политики коалиции,

развитие органов местного самоуправления, восстановление работы Учредительного собрания, отмену Брестского мира, продолжение войны с Германией до победного конца. Как историк А. М. Гневушев стремился проводить исторические параллели; события Гражданской войны по своему масштабу и значимости для страны он сравнивал со Смутным временем начала XVII в.

Реальность гражданской войны показала весь утопизм убеждений о возможном сотрудничестве идеологически различных политических организаций. Период общенационального консенсуса закончился еще в апреле 1917 г. Это делало все теоретические построения и оптимистические прогнозы Гневушева эфемерными и наивными, особенно в декабре 1919 г., когда Красная армия стремительно наступала по территории Сибири.

Список источников

1. Мирошникова Т. И. «Прошу разрешить заниматься в архиве...» // Красноярские архивы. Сборник информационных материалов. Красноярск, 2010. Вып. 5. С. 129–132.
2. Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков : энциклопедический словарь. СПб. : Нестор-История, 2007.
3. Гневушев А. М. На темы дня // Наш голос (Красноярск). 1917. 4 июня.
4. Гневушев А. М. Удар в спину революционной демократии // Наш голос. 1917. 9 июля.
5. Гневушев А. М. Большевизм в армии // Наш голос. 1917. 5 августа.
6. Гневушев А. М. Еще о красноярских дезорганизаторах // Наш голос. 1917. 21 августа.
7. Гневушев А. М. Партия народной свободы и петроградское восстание // Наш голос. 1917. 14 июля.
8. Гневушев А. М. Волостное земство в Сибири. Красноярск, 1917. 12 с.
9. Гневушев А. М. Кризис власти и задачи революционной демократии // Наше слово (Красноярск). 1918. 24 марта.
10. Гневушев А. М. Что сулит Сибири Брестский мир // Сибирские записки. 1918. № 2-3. С. 60–85.
11. Гневушев А. М. Кризис власти и задачи революционной демократии // Наше слово (Красноярск). 1918. 24 марта.
12. Гневушев А. М. Советы рабочих и крестьянских депутатов // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 6 июля.
13. Гневушев А. М. Два полюса // Воля Сибири. 1918. 8 сентября.
14. Гневушев А. М. Угрозы справа // Наш голос. 1917. 15 августа.
15. Гневушев А. М. Оппозиция справа // Воля Сибири. 1918. 30 июля.
16. Гневушев А. М. Мирное завоевание сибирского рынка // Воля Сибири. 1918. 26 октября.
17. Гневушев А. М. «Великая разруха Московского государства 1606–1613 гг.» и «Великая русская революция 1917–19? гг.» (исторические параллели). Красноярск, 1919. 24 с.
18. Гневушев А. М. Русские исследования северного морского пути в XVII в. Красноярск, 1919. 14 с.
19. Гневушев А. М. Единый противобольшевистский фронт в центре России // Новый путь (Владивосток). 1919. 2 декабря.
20. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-4531. Оп. 1. Д. 43. Л. 7.

А. А. Калашников

Алтайская академия гостеприимства

Алтайский государственный педагогический университет

Барнаул, Россия

**«ВЫНУЖДЕН... ВСТУПИТЬ В ПЕРЕГОВОРЫ... И ПОЙТИ
НА НЕКОТОРЫЙ ВОЗМОЖНЫЙ КОМПРОМИСС»:
ОТСТАВКА НАЧАЛЬНИКА АЛТАЙСКОГО ОКРУГА
Л. Л. МАСЛОВА В ПЕРИОД ВРЕМЕННОГО УСТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу причин отставки начальника Алтайского округа Л. Л. Маслова в январе 1918 г. Автор пришел к выводу, что причинами отставки стали партийность чиновника, негативное отношение к советской власти, конфликт с Барнаульским совдепом.

Ключевые слова: *Л. Л. Маслов, Алтайский округ, 1917 год, земельно-лесное хозяйство, кадровая политика, чиновничество*

Abstract. The article reveals and analyses the reasons for the resignation of L.L. Maslov, head of the Altai District, in January 1918. The author concludes that the reasons for the resignation were his party membership, his negative attitude to Soviet power, his conflict with the Barnaul Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies.

Keywords: *L. L. Maslov, Altai County, 1917, land and forestry, personnel policy, officials*

Леонид Лаврович Маслов (1865–1920) – последний руководитель Алтайского округа, осуществлявший управление хозяйственно-территориальным комплексом в период Революции и Гражданской войны. Занимая должность помощника начальника Алтайского округа, Л. Л. Маслов встретил Февральскую революцию в момент отъезда непосредственного начальства (начальник округа Ф. Т. Петров находился в столице и не вернулся на Алтай), а также отсутствия каких-либо распоряжений со стороны Кабинета его императорского величества Леонид Лаврович не побоялся взять на себя ответственность, проявил инициативу и гибкость при определении хозяйственного курса Алтайского округа в сложных революционных условиях. В марте 1917 г. он стал инициатором созыва согласительной комиссии, регулировавшей отношения Управления округа и новообразованных органов власти. Решения комиссии были направлены на обеспечение общественного порядка в округе, определили основы хозяйственного курса на весь 1917 г. [1] Многочисленные донесения Л. Л. Маслова, отсылаемые в Петроград, демонстрируют искреннюю озабоченность чиновника за судьбу государственной собственности. После образования Алтайского губернского земельного комитета (губземкома) исполняющий обязанности начальника округа не только принял активное участие в его деятельности, но и рекомендовал комитету взять руководящую роль в урегулировании земельных отношений, то есть выступил за раздел полномочий с не-

вой революционной структурой [2, с. 35–36]. Гибкая политика Л.Л. Маслова дала свои результаты. Несмотря на развернувшееся крестьянское движение, в 1917 г. руководство Алтайского округа добилось превышения дореволюционных показателей доходов от земельно-лесного хозяйства [3, с. 70]. В августе 1917 г. Л. Л. Маслов был официально назначен начальником Алтайского округа, однако служба в качестве первого лица продлилась недолго: 20 января 1918 г. он оформил приказ о своей отставке [4, л. 13].

Л. Л. Маслов долгое время оставался забытой фигурой в истории Алтая. Первым биографом последнего начальника округа стал В. Ф. Гришаев, подготовивший краткие справочные статьи для нескольких энциклопедических изданий [5, с. 179; 6, с. 221]. Наиболее полно жизненный путь Л. Л. Маслова исследовали П. А. Афанасьев и Б. В. Бабарыкин [7; 8, с. 180; 9]. Тем не менее вопрос о причинах и условиях отставки Л. Л. Маслова до сих пор остается неизученным. Констатируя ее факт, историки рассматривали уход Маслова как закономерную часть процесса установления советской власти в регионе. Однако отставка главы Алтайского округа имела глубокие субъективные и объективные причины, освещение которых является целью настоящей статьи. Исследование причин отставки опытного управленца предоставит возможность системного рассмотрения процесса реорганизации управления Алтайским округом в годы революции и Гражданской войны. Источниковую базу исследования составила делопроизводственная документация фондов Государственного архива Алтайского края, а также материалы периодической печати.

4 декабря 1917 г. на заседании четвертой сессии Алтайского губернского земельного комитета было принято решение о передаче всех лесов и земель Алтайского округа в ведение земельных комитетов в соответствии с Декретом о земле. Губземком рассчитывал полностью подчинить себе Управление Алтайского округа, преобразовав его в свой исполнительный орган. Одним из главных противников реализации постановлений сессии стал начальник Алтайского округа, на что был целый ряд причин. Во-первых, на момент издания постановления 4 декабря в Алтайской губернии еще не была установлена советская власть, соответственно, решение сессии губземкома рассматривалось чиновниками Управления округа как незаконное. Во-вторых, в соответствии с первыми проектами реорганизации управления Алтайским округом, подготовленными губземкомом, существовала реальная опасность развала хозяйства округа. В-третьих, сложные отношения, которые сложились между алтайскими чиновниками бывшего Кабинета е.и.в. и губземкомом. Поэтому когда в Управление Алтайского округа был направлен специальный комиссар для контроля над учреждением, его по решению Л. Л. Маслова просто не пустили [10, с. 122]. В донесении начальника Алтайского округа в Лесной департамент от 19 января 1918 г. Л. Л. Маслов характеризовал отношения Управления округа и губземкома не иначе как «борьба». Вследствие опасности вооруженного захвата учреждения он отметил, что был «вынужден... вступить в переговоры... и пойти на некоторый возможный компромисс» [11, л. 53 об.].

Согласно постановлению пятой сессии Алтайского губземкома Алтайский округ и все учреждения бывшего Кабинета е.и.в. в пределах Алтайской губернии перешли в ведение комитета. Общее собрание служащих Управления округа 20 января признало его для себя обязательным [11, л. 63]. Этим же днем Л. Л. Маслов оформил приказ о своей отставке, обосновав свой уход со службы «расстроеным здоровьем» [4, л. 13]. Следует отметить, что в ходе переговоров, продолжавшихся большую часть января, чиновникам удалось удовлетворить часть своих требований по реорганизации Алтайского округа. Исходя из «финальной» инструкции от 24 января 1918 г., выработанной пятой сессией губземкома с учетом компромиссного предложения Л. Л. Маслова, Управление округа хотя и потеряло свою независимость, но чиновники бывшего Кабинета е.и.в. добились расширения состава земельно-лесных советов для служащих лес-

ничеств, выборности должности председателя управы, из инструкции исчезли санкции, касающиеся служащих округа, покидавших службу. Дальнейшая борьба не имела смысла, единственным выходом в сложившихся обстоятельствах оставалось сотрудничество [10, с. 129].

Чиновники бывшего Кабинета е.и.в. рассматривали подчинение решению сессии в качестве вынужденной меры. Во всех рассматриваемых нами документах, исходящих от Управления округа в январе 1918 г., отсутствуют какие-либо указания на признание или непризнание чинами Алтайского округа советской власти. Однако есть косвенные свидетельства, демонстрирующие позицию чиновников бывшего Кабинета е.и.в. к СНК и его декретам. Так, даже в январе 1918 г. в среде алтайского чиновничества все еще использовались гражданские чины и титулы [12, с. 76]. Ни о каком именовании друг друга «гражданами», как и другими терминами, свидетельствующими о равноправии членов «общества обновленной свободной России» [13, с. 60], в лексиконе чиновников не было и речи в течение всего 1917 г. Подчиненные Л. Л. Маслова обращались к нему не иначе как «ваше превосходительство», а сам Л. Л. Маслов, оформляя приказ о своей отставке от 20 января 1918 г., управление Алтайским округом оставлял «действительному статскому советнику В. А. Буштедт». При этом декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов вступил в силу еще 12 ноября 1917 г. Едва ли находившиеся тогда в «советском» Барнауле Л. Л. Маслов, как и другие служащие бывшего Кабинета е.и.в., не были ознакомлены с его содержанием. К тому же, в одной из газетных заметок, посвященной требованиям Союза служащих Алтайского округа к губернской земельной управе, были приведены слова одного из алтайских чиновников, заявившего, что советская власть была ими признана лишь «за три дня до губернского крестьянского съезда» [14, с. 4], то есть в самом конце января. Интересным является то, что приблизительно в это же время (конец декабря 1917 – начало января 1918 г.) произошло и фактическое подчинение советской власти бывшего Министерства императорского двора, которому ранее были подчинены структуры бывшего Кабинета е.и.в. на Алтае [15, с. 78].

Отставка одного из наиболее опытных управленцев округа Л. Л. Маслова носила исключительно политический характер. «Это был человек в высшей степени корректный, точный исполнитель законов и всех распоряжений высшего начальства» [16, с. 101], – так характеризовал начальника Алтайского округа в своих мемуарах К. П. Перетолчин, занимавший в годы революции должность старшего лесничего Алтайского округа. Незадолго до рассматриваемых событий на заседании третьей сессии губземкома, проходившем 6 октября 1917 г., И. В. Лаврентьев от лица исполкома Барнаульского совдепа предложил Л. Л. Маслову «удалиться от заведывания вверенного ему Управления» по причине того, что с самого начала революции начальник округа не принял «никаких мер к очистке вверенного ему Управления от контрреволюционных элементов» [17, л. 3]. Издание постановления Барнаульского совдепа об отставке Л. Л. Маслова и создании при Управлении округа комиссариата совдепа вряд ли было связано сугубо с «контрреволюционной» сущностью начальника округа, негативным отношением к нему населения и депутатов. По воспоминаниям активного участника революционных событий в Барнауле большевика Л. В. Решетникова, после выступления генерала Л. Г. Корнилова Барнаульским совдепом было решено направить комиссаров во все важнейшие учреждения «чтобы ликвидировать саботаж старых чиновников» [18, с. 89–90]. Между тем в советской историографии закрепилась достаточно негативная оценка деятельности Л. Л. Маслова на посту начальника Алтайского округа. Так, характеризуя деятельность крестьянских комитетов в 1917 г., Л. М. Горюшкин отмечал, что Л. Л. Маслов «особенно усердствовал» вмешиваться в их деятельность, оценка деструктивной деятельности крестьянских комитетов, данная начальником Алтайского округа, была названа историком «злойбой» [19, с. 70, 76].

Управление округом, по мнению депутатов, должно было быть сосредоточено в руках временного комиссариата, состоящего из представителей совдепа и Алтайского губземкома. Представитель министра земледелия при Алтайском губземкоме К. М. Рычков решил уведомить министра земледелия о содержании постановления Барнаульского совдепа. Однако ответ министра, судя по всему, ни Рычкова, ни совдеп не удовлетворил: «Для суждения о деятельности Маслова необходимо представить материалы и что образование особого Комиссар[иата] при Алтайском округе признаю не допустимым». Резолюции, принятые на заседании 7 октября, лишь усугубили ситуацию. Абсолютным большинством участников сессии (впрочем, результаты голосования, зафиксированные в протоколе, вызывают серьезные вопросы – соотношение голосов в «15 против 1» вряд ли соответствовало действительности при условии участия в заседании чиновников бывшего Кабинета; к тому же куда-то пропал 1 голос) было решено просить министра земледелия об отзыве Л. Л. Маслова на другую должность, так как губземком не находил возможным дальнейшее с ним сотрудничество, а Алтайский округ передать в ведение Алтайской губернской земельной управы [17, л. 20–20об.].

Чиновники бывшего Кабинета неоднократно констатировали невыносимость условий несения службы, сложившихся в округе после революции. В одном из личных писем, написанных, судя по всему, в конце 1917 г., К. П. Перетолчин отметил следующее: «Вы не можете представить ту душевную тяжесть, какую приходится нести в настоящее время чиновникам бывшего Двора (Министерства императорского двора. – А. К.); добросовестно неся всю тяжесть ответственной службы, нам всюду приходится слушать незаслуженные упреки от нравственно-низких людей! Почти год я терпел – далее не могу...» [20, с. 196]. Легко представить с каким давлением сталкивалось лицо, возглавлявшее округ. Не было ничего удивительного в том, что после принятых резолюций Л. Л. Маслов покинул Алтайский губземком и больше не участвовал в его заседаниях. Закономерным стало упразднение должностей начальника округа и его помощника, предусмотренное первым проектом реорганизации управления Алтайским округом. Несмотря на то, что на момент выхода в отставку Л. Л. Маслова должность начальника округа так упразднена и не была, дни его нахождения у руля управления окружным хозяйством были сочтены. Как отмечал В. А. Дробченко, высокий удельный вес чиновников тормозил работу земельных комитетов [21, с. 316]. На наш взгляд, их меньшее представительство было невозможно: судить о состоянии и путях развития хозяйства губернии, а также решать иные текущие задачи по поддержанию экономического благосостояния подведомственной территории без представительства чиновничества бывшего Кабинета е.и.в., единственно полно об этом хозяйстве осведомленного и продолжавшего сосредотачивать у себя ключевые хозяйственные функции в масштабах не только губернии, но и округа – было бы откровенно контрпродуктивно.

После установления советской власти еще одним препятствием для продолжения работы стала партийность чиновника. Л. Л. Маслов был членом партии «Народной свободы», о чем свидетельствуют списки членов Алтайского губземкома второй и третьей сессий, в которых в графе «партийность» напротив фамилии начальника округа значится красноречивая надпись «к.д.» («конституционный демократ». – А. К.) [22, л. 40, 42]. 28 ноября 1917 г. СНК был издан декрет, объявлявший партию кадетов «партией врагов народа» [23, с. 162]. Вероятно, в январе 1918 г. Л. Л. Маслов все еще оставался ее членом, несмотря на то, что в массовом сознании того времени данная партия закрепились как «буржуазная», а после корниловского мятежа кадетов стали презрительно называть «корниловцами» [24, с. 39]. Нападки на уже бывшего начальника Алтайского округа продолжались и после его увольнения, когда на Алтайском губернском съезде волостных земельных комитетов он был обвинен К. М. Рычковым в казнокрадстве [25, с. 3]. Следует отметить, что примерно в то же время барнаульским низшим

революционным судом рассматривалось дело по обвинению в сотрудничестве с охранкой другого бывшего кабинетского чиновника – предшественника Л. Л. Маслова на посту помощника начальника Алтайского округа, почетного члена Союза русского народа А. В. Розанова [26, с. 3; 27, с. 3]. Решение суда, удовлетворившего иск А. В. Розанова по обвинению в клевете в его адрес, сильно разочаровало барнаульских эсеров и социал-демократов, почему и было отменено Алтайским губисполкомом Совета.

После установления «белой» власти Л. Л. Маслов был вновь поставлен во главе Алтайского округа, получив в августе 1918 г. назначение на должность начальника Алтайского управления земледелия и государственных имуществ [28, л. 34]. Официально заявленное в качестве причины отставки 20 января 1918 г. «расстроенное здоровье» бывшего начальника Управления округа не стало препятствием как для министерства земледелия и колонизации, так и для самого Л. Л. Маслова. Уход со службы «по болезни», не дожидаясь увольнения, был крайне популярной мерой для чиновников бывшего Министерства императорского двора [15, с. 66]. Приказ начальника Алтайского управления земледелия и государственных имуществ № 95 от 22 октября 1918 г. заканчивался следующими строками: «Призываю всех к дружной работе и свидетельствую о том радостном чувстве, которое я испытываю, получив возможность снова работать со своими прежними сотрудниками» [28, л. 38].

Таким образом, невозможность дальнейшего сотрудничества с новой властью была обусловлена партийностью чиновника, скрыто недоброжелательным отношением к советской власти, нежеланием подчиняться решениям совдепа, а также взглядами чиновника, для которого интересы хозяйства были выше политики. Если бы начальник Алтайского округа не ушел со своего поста самостоятельно, то в дальнейшем все равно был бы уволен вместе с рядом других служащих бывшего Кабинета. В период руководства округом в 1918–1919 гг. Леонид Лаврович столкнулся с очагами бандитизма на его территории, полномасштабными боевыми действиями правительственных войск и партизанских сил, руководил масштабными преобразованиями хозяйства региона. Благодаря его профессионализму, верности порученному делу, личной заинтересованности в экономическом развитии региона, хозяйство округа продолжало функционировать в сложнейших условиях революции и Гражданской войны.

После вступления партизан в Барнаул в декабре 1919 г. Л. Л. Маслов как один из главных «контрреволюционных» управленцев был помещен в Барнаульскую губернскую тюрьму, где умер 30 января 1920 г. от сыпного тифа.

Список источников

1. Афанасьев П. А., Калашников А. А. Деятельность Управления Алтайского округа в региональном контексте Февральской революции // Известия Алтайского гос. ун-та. 2017. № 2 (94). С. 28–35.
2. Поляков С. Е. Взаимодействие управления Алтайского округа с Алтайским губернским земельным комитетом (1917–1918 гг.) // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001. С. 34–36.
3. Калашников А. А. «Полное крушение»? Оценка доходности земельно-лесного хозяйства Алтайского округа в 1917–1918 гг. // Вопросы истории Сибири. Омск : ОмГПУ, 2021. Вып. 17. С. 67–74.
4. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 553.
5. Гришаев В. Ф. Маслов Леонид Лаврович // Барнаул: энциклопедия. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. 407 с.
6. Гришаев В. Ф. Маслов Леонид Лаврович // Энциклопедия Алтайского края: в двух томах. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1996. Т. II. 484 с.

7. Афанасьев П. А. 150 лет со дня рождения начальника Алтайского округа В. П. Михайлова (1864 – после 1916) // Алтайский край, 2014 г.: календарь знаменат. И памят. дат. Барнаул, 2013. С. 44–49.
8. Бабарыкин Б. В., Пережогин А. А. Справочник личного состава чиновничества Алтая (1747–1917). Барнаул : АлтГПУ, 2017. 270 с.
9. Афанасьев П. А., Бабарыкин Б. В. Маслов Леонид Лаврович (4.04.1865-30.01.1920) // Исследовательский проект «Алтайский историко-географический комплекс». Режим доступа: <https://geohist.ru/altai-people/personality/maslov-leonid-lavrovich-4-04-1865-30-01-1920> (дата обращения: 14.02.2023).
10. Калашников А. А. Начало реорганизации структур ведомства бывшего Кабинета на Алтае в контексте ликвидации кабинетского землевладения (декабрь 1917 – январь 1918 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. С. 117–129.
11. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545.
12. Калашников А. А. «Пристраиваются как-то сбоку»: реакция алтайского чиновничества ведомства бывшего Кабинета на установление советской власти в Алтайской губернии в декабре 1917 – январе 1918 г. // Тобольск научный – 2018 : Материалы XV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Тобольск : ООО «ИПЦ «Экспресс», 2018. С. 71–77.
13. Захарова К. Л. Мимикрия как способ политической адаптации в постфевральском политическом пространстве Сибири (март – октябрь 1917 г.) // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сборник научных статей. Новосибирск, 2015. С. 45–64.
14. Голос труда. 1918. № 38. 2 марта.
15. Гордеев П. Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 59–78.
16. Перетолчин К. П. «Жизнь прожить не поле перейти...» // Краеведческие записки. Вып. 9. Барнаул : ОАО «ИПП «Алтай», 2011. С. 84–122.
17. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 25.
18. Решетников Л. Большевики Барнаула на пути к Октябрю // Октябрь в Западной Сибири: воспоминания участников Октябрьской революции в Сибири : сб. ст. Новосибирск, 1948. С. 89–90.
19. Горюшкин Л. М. Крестьянские комитеты в Сибири в 1917 г. // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. 1978. № 1. Вып. 1. С. 68–78.
20. Карпенко Е. А. Переписка лесовода К.П. Перетолчина с ботаником И. П. Бородкиным (начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Алтая: сборник научных статей. Барнаул : «Пять Плюс», 2017. С. 194–198.
21. Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 550 с.
22. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 3.
23. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Политиздат, 1957. 640 с.
24. Шелухаев В. В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 32–41.
25. Алтайский луч. 1918. № 35. 17 (30) марта.
26. Свободный Алтай. 1918. № 55. 27 марта.
27. Алтайский луч. 1918. № 28. 22 марта.
28. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 555.

В. В. Краснокутская¹, А. А. Коровин²

^{1, 2}Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина
Краснодар, Россия

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ И УЧРЕЖДЕНИЯ В ПЕРИОД БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ

Аннотация. Рассмотрен революционный период начала XX в. отечественной истории нашей страны с позиции возникновения различных политических движений. Определено понятие Белого движения, а также основополагающие принципы его функционирования. Произведен анализ системы государственного управления «белых» в рамках формирования различных учреждений и органов власти.

Ключевые слова: Белое движение, Добровольческая армия, Россия, Учредительное собрание, орган, формирование

Abstract. The revolutionary period of the beginning of the twentieth century in the national history of our country is considered from the standpoint of the emergence of various political movements. The concept of the «White movement» is defined, as well as the fundamental principles of its functioning. The analysis of the system of public administration of the «whites» was made within the framework of the formation of various institutions and authorities.

Keywords: White movement, Volunteer army, Russia, Constituent assembly, body, formation

Различные трансформации в современном мире сопровождаются повышением необходимости глубокого изучения исторической науки. В области исторических знаний наблюдается рост исследовательского интереса к различным переломным моментам в начале XX в. в России. Усиление внимания к данной тематике объясняется тем, что для общества актуальны вопросы, связанные с формированием отечественной государственности и миропорядка. Более того, в начале XX в. наблюдался социально-экономический кризис, существовало классовое противоборство за передел собственности. Другими словами, происходила духовная самоидентификация обществ, что имело огромное значение на дальнейшее развитие России как государства великого [1].

В 1917 г., когда страна вступила в революционное время, важное место в системе жизни общества стали занимать политические движения. Самое значимое среди них было социалистическое, выступающее за переустройство общества революционным путем.

Как альтернатива возникло Белое движение, организатором которого являлся генерал Л. Г. Корнилов, и в основе которого стояла Добровольческая армия, сформированная на Юге России и Северном Кавказе. Сторонники «белых» были нацелены на освобождение территорий от диктаторского режима большевиков, а также на обеспечение территориальной целостности.

Сторонники спасения государственной целостности формировали собственные государственные органы управления и учреждения. Так, в 1917 г. в г. Новочеркасск был создан Донской гражданский совет. Его деятельность опиралась на политическую программу Корнилова – «Конституцию Корнилова», основополагающими принципами которой являлись: права гражданства – все граждане равны перед законом вне зависимости от пола, уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, свобода передвижений, местожительства); свобода слова и печати; свобода промышленности и торговли, а также отмена национализации частных финансовых предприятий; права собственности; восстановление русской армии на началах военной дисциплины; исполнение всех принятых Россией союзных обязательств международных договоров, в том числе, война должна быть доведена до конца в тесном единении с союзниками, а мир должен быть заключен на демократических принципах, с правом на самоопределение поработанных народов; введение всеобщего обязательного начального образования с местной автономией школ; созыв нового Учредительного собрания на основе отсутствия давления на волю народа; ответственность правительства в своих действиях только перед Учредительным собранием, которому впоследствии была бы передана вся государственно-законодательная власть; выработка Учредительным собранием основных законов русской конституции, окончательно сформировав государственный строй.

Первое антибольшевистское правительство просуществовало недолго, уже в 1918 г. началось формирование нового всероссийского правительства, связанного с главнокомандующим вооруженными силами юга России А. И. Деникиным. Он сумел объединить правительства казачьих и горских областей Крыма, Украины.

В этот период было создано еще одно государственное учреждение – национальный центр, который представлял собой межпартийную антибольшевистскую организацию. Деятельность организации была направлена на составление «законодательных проектов по всем отраслям управления», агитационно-пропагандистскую работу, постоянное и тесное взаимодействие с армиями Деникина, Юденича, Колчака и руководящими кругами стран Антанты.

Высокопоставленными чиновниками на тот момент в правительстве являлись кадеты. Их деятельность заключалась в том, чтобы объединять правительства отдаленных областей России для совместного функционирования по образованию единой Всероссийской государственности. На территориях, занятых «белыми» армиями, восстанавливалась деятельность органов местного самоуправления (земств, городских дум), ликвидированных Советами. Центральная власть была сосредоточена в руках Главнокомандующего, который мог опираться на более демократические органы – Советы, совещания, комитеты.

Кадетами было разработано «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией». Согласно ему власть в тех районах, которые контролировала армия, распространялась только на верховного руководителя данной территории. Более того, появлялись новые государственные должности: начальник гражданского управления – вопросы земледелия, землеустройства, просвещения; начальник хозяйственного управления – финансы, продовольствие, торговля, промышленность; начальник управления иностранных сношений – входили в Совет, который имел характер совещательного органа при Главнокомандующем (казачьи части и органы самоуправления также ему подчинялись).

Еще одним органом, который вновь осуществлял свою деятельность, являлось Учредительное собрание, которое выступало как парламент. До формирования нового Учредительного собрания руководители Белого движения считались «временными», выступая за то, чтобы искоренить большевизм и обеспечить гражданский мир. Его со-

зыв рассматривался с позиции восстановления традиций, с целью утвердить новые Основные законы.

Была сформирована комиссия по разработке земельного вопроса, которая решала моменты, связанные с частной собственностью на землю. Более того, создавались органы земского самоуправления. Правительством были разработаны «Правила о восстановлении волостных и уездных земств». Права уездных земств было решено передать волости, а права бывших губернских учреждений – уездам. По приказу Главнокомандующего войск Юга России должны были избираться на волостных собраниях еще и волостные земельные Советы, которые определяли размеры участков.

Также существовала судебная система, представленная военно-полевыми судами, корпусными и военно-судными комиссиями, которые подчинялись главному прокурору. Позднее в состав корпусных комиссий были включены по два представителя с правом совещательного голоса от крестьянства волости. Проблема была в том, что само следствие и судопроизводство смешивались, поскольку предварительное расследование проводилось одним из членов комиссии.

Политическая система Белого движения, а также созданные органы государственной власти в рамках Белого движения в основном носили временный характер, поскольку ухудшалась ситуация на фронте. Более того, государственная структура подразделялась на единоличное управление и коллегиальное [3]. Первое осуществлялось в основном по экономическим, финансовым моментам, и было представлено: Государственным экономическим совещанием в Сибири в 1918–1919 гг., Финансово-экономическим совещанием, созванным Врангелем в Крыму в сентябре 1920 г., Краевым народным совещанием в Чите в 1920 г. Верховной властью обладал единоличный военный правитель, но дело в том, что представительные органы ограничивали его полномочия. К подобным примерам можно отнести: генерал Юденич и Правительство Северо-Западной области; генерала Миллер и Земско-городское совещание; Верховный правитель Колчака и Государственное земское совещание; атамана Семенова и Краевое народное собрание.

Коллегиальными органами выступали, например, Временное правительство в 1917 г., Комитет членов Учредительного собрания, Верховное управление Северной области, Западно-Сибирский комиссариат в 1918 г., Крымское краевое правительство в 1918–1919 гг.

Таким образом, политический курс Белого движения был направлен на восстановление буржуазной государственности и права, но обладая антисоветским характером и военно-диктаторским режимом воздействия, был не способен решить все социально-экономические и политические проблемы, которые существовали на том момент. Именно поэтому оно не получило широкого признания, вследствие чего не имело возможности дальнейшего существования и функционирования как основного. Сформировавшиеся после Февральской революции 1917 г. системы регионального и местного управления не была ориентирована на достижение социального согласия и мира, а напротив, формировала почву для острого социального конфликта и направляла дальнейшее развитие социально-политической ситуации в направлении жесткого гражданского противостояния [6].

Изучение деятельности последователей политического движения белых как альтернативному взгляду на принципы большевизма, является важным с точки зрения представлений о формировании государственных органов и системы управления XX в. в целом.

Список источников

1. Белое движение в гражданской войне. 90 лет изучения. Введение в историографию белого движения : коллективная монография / под ред. д-ра истор. наук, проф. Тормозова В. Т., д-ра ист. наук, проф. Письменского Г. И. Авторский коллектив: Тормозов В. Т., Письменский Г. И., Письменский А. Г., Сафонова С. В., Иванова Е. Ю., Галузинская Г. П., Беликова Л. П., Крючков С. Б., Сиволап Т. Е., Еремеева О. И., Плотникова О. В. М. : Изд-во СГУ, 2008. 332 с.
2. Добровская А. В. Путеводитель. Т. 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 798 с.
3. Кручинин А. С. Белое движение на юге России 1917-1920: Неизвестные страницы и новые оценки. М. : Военно-историческая Библиотека Военной Были, 1997. 56 с.
4. Спирин Л. М. Россия, 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М. : Мысль, 1987. 334 с.
5. Лендбел А. В., Схабо Р. В., Коровин А. А. Социально-экономические и гуманитарные науки : сб. избранных статей по материалам Международной научной конференции (Санкт-Петербург, октябрь 2021). СПб. : ГНИИ «Нацразвитие», 2021. С. 16–18.
6. Цветков В. Ж. Белое движение в России 1917–1922 гг. [Электронный ресурс] // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 56–74.

А. И. Бакшеев

Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого
Красноярск, Россия

ИСТОРИОГРАФИЯ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКИ 1930-Х ГОДОВ В ОТНОШЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ СССР

Аннотация. Проведен анализ научных исследований сталинской политики в отношении статистических органов советского государства. Выделены репрезентативные концепты, отражающие изменение обработки экономических и демографических данных в течение 1930-х гг.

Ключевые слова: статистика, историография, статистические органы, манипуляции

Abstract. The analysis of scientific research of Stalin's policy in relation to the statistical bodies of the Soviet state is carried out. Representative concepts reflecting changes in the processing of economic and demographic data during the 1930s are highlighted.

Keywords: statistics, historiography, statistical agencies, manipulations

История Центрального статистического управления СССР (ЦСУ) наполнена институциональными изменениями: если до окончания первой сталинской пятилетки это был самостоятельный центральный статистический орган, то после 1931 г. состоялось его подчинение структурам Госплана СССР под новым названием – Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ). Формирование послереволюционной статистики СССР долгое время определяли ленинские тезисы о пользе старого земского учета, которому большевики добавили централизованное управление. Определенную автономию Центральное статистическое управление сохраняло и в течение первой половины 1930-х гг. Поэтому в историографии это советское статистическое ведомство, по меткому выражению классика зарубежной советологии Шейлы Фицпатрик, имеет репутацию одного из малочисленных «островов свободы», которые долгое время не трогал маховик сталинских репрессий [1].

В дальнейшем сталинизм стал в определенной степени определяющим явлением для развития советской статистики, что существенно повлияло на освещение темы современной историографией. По свидетельству Марка Тольца, большинство исследований, посвященных развитию статистики СССР, фокусируются именно на 1930-х гг. [2] Это можно объяснить закрытостью темы в советское время из-за тяжелых демографических последствий сталинских преобразований, дестабилизацией текущего учета населения того времени и кардинальными институциональными изменениями, которые ЦСУ претерпело в эпоху первых пятилеток.

Кроме перестроечной и современной историографии, определенную важную информацию о развитии советской статистики 1930-х гг. можно найти в отдельных трудах по исторической демографии СССР, написанных до середины 1980-х гг. Так,

уже в сборнике «Советская статистика за полвека 1917–1967» содержатся статьи по различным аспектам деятельности советских учетных органов.

Интересной для освещения развития теории и практики регистрации народонаселения является исследование советского демографа Аркадия Меркова «История санитарной и медицинской статистики в СССР» [3]. Статья фактически стала одной из первых обобщающих работ о развитии медико-санитарного учета в статистике СССР. К ведению медико-санитарного учета автор отнес пять групп вопросов: изучение санитарного состояния (здоровья) населения в целом и отдельных его групп путем сбора и вычисления статистических данных; изучение связи общего уровня заболеваемости и смертности населения и их зависимости от окружающих факторов; сбор и изучение числовых данных о медико-санитарной отрасли; оценку лечения и профилактики заболеваний; установление степени вероятности результатов исследований клиник и лабораторий [3, с. 219].

Как ни странно, А. Мерков почти не касался статистики народонаселения 1930-х гг., кроме данных предвоенной переписи и связанных с ними исследований массовой заболеваемости в крупных промышленных центрах, которые были потеряны в оккупационный период [3, с. 236]. Интересным замечанием автора стала констатация того, что статистика общей заболеваемости и смертности 1940-х гг. находилась на уровне XI Всесоюзного съезда бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей 1928 г. [3, с. 238] В статье отражены взгляды классической историографии советского периода – умалчивая «белые пятна» развития статистики, она не могла обойтись без периодов «до» и «после» них.

Историографическую ситуацию меняют времена перестройки с ее либерализацией подходов к историческому знанию. Тогда были найдены и опубликованы материалы переписи 1937 г., подробно описаны репрессии состава ЦСУ – «цвета» статистической науки СССР. Так, даже в учебнике «История статистики» 1990-го г. были упомянуты репрессированные фигуры ведущих представителей статистического ведомства: И. А. Кравая, А. А. Квиткина, Л. С. Брандта и др. Причинами немилости власти к статистикам составители назвали демографические последствия репрессий и коллективизации, зафиксированные второй Всесоюзной переписью населения [4, с. 170].

Распад социалистического лагеря обусловил актуализацию темы политического манипулирования статистическими данными на уровне мировой науки. В 1994 г. под эгидой Департамента экономической, социальной информации и политического анализа ООН выходит брошюра «Политика и статистика: независимость, зависимость, взаимодействие?» [5], которая стала результатом исследования соответствия мировых держав недавно принятым «Фундаментальным принципам официальной статистики». Хотя ее составитель Уильям Шелтцер за основу выбрал две фокусные страны США и Нигерию, в книге упоминается и бывший соцлагерь с его практиками использования числовых данных. В частности, автором было упомянуто сворачивание И. В. Сталиным про странной статистики национальных округов, которые ассоциировались с Николаем Бухариным [5, с. 27]. Среди базовых принципов манипулирования данными в социалистическом лагере У. Шелтцером определен диктат наибольшего числа – распространение наибольшего из возможных или существующих показателей [5, с. 32].

С начала 1990-х гг. после введения в учет новых источников и освещения ряда «белых пятен» демографической истории началось широкое обсуждение в российской историографии последствий политического вмешательства в статистику. Классик демографической мысли Анатолий Вишневский на страницах статьи «Трудное возрождение демографии» [6] подводит итоги советского периода в развитии статистики народонаселения на территории бывшего СССР. Эпоха сталинизма определяется им как наиболее деструктивный период, похоронивший достояние

1920-х гг. Полного списка репрессированных сотрудников ведомства не существовало до момента появления этой публикации [6, с. 99]. Вспоминая специфические статьи-доносы, автор констатировал, что с 1930-х гг. демография уничтожалась руками самих демографов [6, с. 101].

К изучению истории формирования советской статистики после распада СССР комплексно присоединилась зарубежная историография. Известные британские историки Роберт Дэвис и Стивен Уичкрофт в главе «Кривое зеркало советской экономической статистики» одной из обобщающих работ, посвященных довоенной экономике СССР [7], подробно проанализировали довольно сложные для историка статистические источники. Авторы отметили, что первые нападки на статистическое управление начались в экономическом секторе из-за планирования заниженных хлебозаготовок [7, с. 28]. Именно тогда, в конце 1920 х гг. началось расширение полномочий Госплана в определении норм сбора хлеба при подчеркивании необходимости статистических данных. Сталинский период западные исследователи называют временем кадровых преобразований и репрессий. Согласно их мнению, с 1937 по 1956 г. публикуется мизерное количество информации, поэтому и советская экономика (и народонаселение, как один из ее формирующих факторов) этого периода видится через «кривое зеркало» [7, с. 29].

Марк Тольц в своих статьях начала 2000-х гг. продолжил развитие проблемы политического влияния на статистику в СССР. Автором были раскрыты непосредственное вмешательство И. В. Сталина в формирование ее данных, а также практика отправки дополнительных переписных листов во время предвоенной переписи населения для сокрытия значительных людских потерь – демография перешла черту, за которой была потеряна связь с реальностью [2]. Сталинскую традицию сохранили и его преемники – в 1970-х гг. не была обнародована информация о внутренних миграциях, недоступными стали отдельные половозрастные показатели из-за высокой детской смертности в стране [8].

Достаточно информативным является исследование известного специалиста по учету и теории вероятностей О. Б. Шейнина «Статистика и идеология в СССР» [9], где рассматривается советская система учета не только с точки зрения истории или демографии, но и математики. Ключевой фигурой, которая, по мнению автора, повлияла на развитие советской статистической науки, стал В. И. Ленин. Так, старая дореволюционная земская статистика усматривала в крестьянстве единое монолитное состояние, однако В. И. Ленин сознательно выделял в его среде кулаков, середняков и бедноту [9]. Учитывая такой подход, статистика в СССР объявлялась исключительно социальной дисциплиной, которая должна была служить советскому обществу. Однако некоторое время старый земский и в то же время новый советский орган существовал довольно спокойно. Автор статьи дал яркую оценку уровня тогдашней статистики: «в годы НЭПа государственная статистика дошла до высокого уровня и заняла влиятельную позицию в обществе, только чтобы потом попасть в рабство» [9].

О. Б. Шейнин также отметил, что с 1927 г. уровень открытости числовых данных значительно понизился вследствие приближения страны к «Великому перелому». Многие «политически неблагонадежные» представители земской статистики были репрессированы, а на смену математике пришла политическая экономия. Ссылаясь на известного математика Уильяма Феллера, автор констатировал, что в конце 1940-х гг. СССР так и не сделал собственного вклада в математическую статистику [9]. Кроме чисто репрессивных событий, номенклатура сокрушительно громила ту теорию, которая могла бы стать основой советского учета. Такой стала довольно интересная концепция В. И. Борткевича, А. А. Маркова и А. А. Чупрова, которая была

признана стремлением буржуазных математиков найти спасение в отличных от марксизма методах [9].

В качестве доказательства невозможности нормальной статистической обработки данных, О. Б. Шейнин упомянул постановление ЦК ВКП(б) 1935 г. о статистических нормах выработки, которые «тормозили» исторический прогресс, ведь стахановцы многократно начали повышать планку учета [9]. В 1930 г. был сформирован демографический институт при АН СССР, но уже через четыре года его распустили. Также в течение 1930–1948 гг. не выходило ведущее печатное издание советской науки о статистическом учете – «Вестник статистики». Статистика, по мнению репрессированного руководителя ЦУНХУ М. Осинского, должна была вскоре умереть как наука, а учет так и остался основой для идеологической констатации свершений социализма [9].

Статья О. Б. Шейнина полезна не только фактографическими свидетельствами и комплексным взглядом математика на проблему манипуляции статистикой в СССР. Исследование разделяет всю советскую систему фиксации числовых данных на две части: учетную и статистическую. Это и выделяет его среди других подобных работ. Автором изложены ключевые вопросы, которые возникали во время взаимодействия власти и статистики – от непонимания наследия Александра Чупрова, автора теории взаимодействия статистических рядов, до банальной травли из чисто идеологических соображений вчерашних критиков буржуазной науки.

Классиками в исследовании советской статистики времен сталинизма являются французские историки Анри Блюм и Мартина Меспуле. Именно они предприняли попытку концептуального освещения кризиса ЦСУ в тяжелые годы демографических катастроф 1930-х гг. Для освещения масштаба институционального хаоса в статистическом ведомстве исследователями был использован концепт бюрократической анархии [10, с. 5]. Подоплека исследования держится на том, что массовые чистки, апогеем которых стал 1937 г., должны были полностью разорвать межличностные связи между членами организации. С 1930 г. сотрудники статистического ведомства имели столь различное социальное происхождение и образование, что это просто не давало завязаться прочным знакомствам, хотя именно последние определяли штат ведомства в 1920-х гг. Такой атомизированный состав должен был разорвать корпоративную солидарность статистиков, но, как считают французские исследователи, этого сделать не удалось. Ими выделяются две причины неудач «бюрократической анархии» в советском государстве: обновление вышеупомянутой солидарности и признание научности статистики, несмотря на все дискуссии об отсутствии ее статуса [10, с. 150].

Кроме самого концепта «бюрократической анархии», М. Меспуле и А. Блюм пытаются найти в изучении ЦСУ социальную логику принятия политических решений, ведь сталинская власть превратила использование чисел в одну из легитимационных основ государства [10, с. 7]. Поэтому в основе исследования французских историков находится не только история статистического ведомства, но и судьбы связанных с ним людей, состояние науки об учете и политическом конструировании статистических категорий.

Критическую оценку работе французских исследователей дал Анатолий Антонов в статье «История отечественной демографии: как и зачем она извращается антинационалистами» [11]. Хотя эта публикация была рецензией на другую книгу Анри Блюма, автор определил его сторонником парадигмы модернизации и контрнатурализма, а его исследования, по мнению А. Антонова, не имеют ничего общего ни с демографической историей, ни с историей демографии [11, с. 45].

Таким образом, на сегодня сформировалась значительная историографическая традиция исследования влияния сталинизма на сбор и обработку экономических и демографических данных во времена первых пятилеток [12].

Анализ историографической традиции по изучению истории статистического ведомства СССР во времена первых пятилеток позволяет сделать вывод, что в начале оно формировалось на основе определенного доверия со стороны партии к старому земскому учету, однако в дальнейшем была наполнена институциональными изменениями, которые закончились очень трагично для его сотрудников. Последующие политические вмешательства обусловили замалчивание опасных тем и фальсификацию количественных данных в 1930-х гг., и такая практика продолжалась и в последствии [13].

Таким образом, литература по этому вопросу преимущественно сосредоточивается на рассмотрении влияния политического аспекта на формирование числовых данных, целенаправленным уничтожением властями достижений 1920-х гг., преобладании учета над чисто математическими расчетами, идеологической и научной основах деятельности ЦСУ. Можно сделать вывод, что 1930-е гг. служат для историографии началом активного вмешательства советского государства в работу по сбору и обработке статистической информации, методы которого впоследствии будут использоваться на протяжении всего времени существования СССР. Современная историография определяет развитие статистического ведомства СССР в контексте институционального натиска сталинизма. «Бюрократическая анархия», «кривое зеркало» статистики, «остров свободы», который некоторое время выживал в условиях репрессий 1930-х гг. — именно этими концептами западные исследователи освещают развитие ЦСУ.

Список источников

1. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Светской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. М. : РОССПЭН, 2008. 336 с.
2. Тольц М. С. Статистика как инструмент политики Советского Союза / пер. с англ. О. А. Оберемко // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 108–125.
3. Мерков А. История санитарной и медицинской статистики в СССР // Советская статистика за полвека 1917–1967. М. : Наука, 1970. С. 219–272.
4. Плошко Б. Г., Елисеева И. И. История статистики : учеб. пособие. М.: Статистика, 1990.
5. Seltzer W. Politics and statistics: independence, dependence or interaction? // Working paper series (UN. Department for Economic and Social Information and Policy Analysis). New York: UN, 1994. 37 p.
6. Вишневский А. Г. Трудное возрождение демографии // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 93–116.
7. Davis R. W., Wheachcroft S. G. The crooked mirror of Soviet economic statistics // The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. Pp. 24–38.
8. Бакшеев А. И., Бобылева О. М. Отечественный опыт государственного содействия переселенцам в Сибирь в первые десятилетия XX века // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3 (36). С. 220–229.
9. Шейнин О. Б. Статистика и идеология в СССР // Российская и европейская экономическая жизнь: опыт Санкт-Петербурга. СПб., 2006. С. 97–119.
10. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / пер. с фр. М. : РОССПЭН, 2008. 328 с.
11. Антонов А. И. История отечественной демографии: как и зачем она извращается антинационалистами (по поводу книжки одного из них — парижского советолога А. Блюма — «Родиться, жить и умереть в СССР») // Демографические исследования. М. : КДУ 2009. С. 37–67.

12. Yatsenko M. P., Malimonov I. V., Shepeleva Ju. S., Baksheev A. I., Rakhinsky D. V. Problems of historical education content improvement as a result of global–geopolitical transformations // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich. Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute. 2020. P. 908–916.

13. Бакшеев А. И. Анализ проблем определения функций государства в период НЭПа // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 102–110.

РАЗДЕЛ 6

НОМО SOVETICUS И НОМО SIBERIAN КАК КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

УДК 94:35.07-057.34(571.1/.5)"1900/1929"

Т. Г. Карчаева

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И РАННИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Аннотация. Проведен исторический анализ положения государственных служащих в системе аппарата управления в поздний дореволюционный и ранний советский периоды. На примере Сибири показаны различия, особенности и сходства статусов «чиновник» и «советский управленец». Сравнение законодательства, местной периодической печати и документационного обеспечения кадров позволило проиллюстрировать сделанные выводы.

Ключевые слова: чиновники, государственные служащие, Иркутская губерния, Енисейская губерния, Забайкальская область, Якутская область, Сибирь

Abstract. We conducted a historical analysis of the position of civil servants in the system of the administrative apparatus in the late pre-revolutionary and early Soviet periods. We have shown the differences, features and similarities of the statuses of "official" and "Soviet manager" on the example of Siberia. In the article, we compared the legislation, periodicals and documentation support of civil servants, which allowed us to illustrate the conclusions drawn.

Keywords: officials, civil servants, Irkutsk province, Yenisei province, Trans-Baikal region, Yakut region, Siberia

Исторический процесс имеет логику движения. При этом дореволюционный и советский периоды – это две близкие по времени и разные по своей сущности исторические эпохи, имевшие принципиальные отличия в системе государственного управления. Человек, живший в начале XX в., застал «интересную» пору происходивших кардинальных изменений, следствием и причиной которых были революции. Центральная и местная власть, существовавшая в системе монархической формы правления, была сломлена, а для управления социалистическим обществом организована со-

ветская власть. Социальные статусы чиновника и советского (как и партийного) управленца в поздний дореволюционный и ранний советский периоды соответственно имели не только кардинальные отличия, но и сходства, так как психологическое восприятие категорий «государственная власть» и «государственный служащий» не могло измениться также быстро, как преобразовалось государство [1, с. 404]. Это можно рассмотреть на примере Сибири в 1900–1920-е гг., а именно восточных ее территорий – на примере Иркутской и Енисейской губерний, Якутской и с 1906 г. Забайкальской областей, в хронологических рамках первой трети XX в. [2, с. 42] Оговорим, что чиновник и советский служащий в системе государственного управления рассмотрены через призму совокупности их взаимодействий (отношений), связанных с осуществлением власти.

В основе методологии работы лежит анализ и сравнение основ законодательства о внутреннем распорядке службы и жизни дореволюционных чиновников и советских управленцев, периодики с отзывами характеристики современниками их работы, документационного обеспечения кадров. При этом данное исследование носит тезисный характер и не раскрывает всех аспектов положения государственных служащих в Восточной Сибири первой трети XX в.

Во-первых, в царской России прием, отставка, перевод, служебные привилегии, пенсионное обеспечение, чинопроизводство курировались сборником узаконений, собранным в «Устав о службе по определению от Правительства», находящимся в третьем томе свода законов Российской империи исправленный по Продолжениям 1906 и 1908 гг., публиковавшийся типографией Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии [3]. Положение чиновников на гражданской службе на территориях Восточной Сибири в начале XX в. несколько отличалось от общего для приезжих («вызванных») в сибирские губернии и области. Служебными привилегиями считались следующие льготы: повышенное жалование за счет добавочных денег за выслугу десятилетий в отдаленных местностях, а также квартирных денег на съём жилья, прогонных денег до места службы, пособий на подъем и обзаведение, более длительный отпуск, возможностей бесплатного обучения детей в учебных заведениях, пенсионные преимущества, пособия семьям умерших на службе чиновников [4, с. 94–96].

В советский период единого закона или сборника законов, которые бы отвечали на вопросы организации государственной службы (наподобие дореволюционных), не было. Конституция РСФСР 1918 г. определяла общие моменты организации советской власти на разных уровнях управления [5, ст. 53–63]. В 1918–1921 гг. были приняты Постановления и Декреты СНК РСФСР о правилах и ограничениях доступа, совместительстве в системе государственной службы [6, 1918, ст. 615; 1919, ст. 449; 1920, ст. 217; 1921, ст. 515]. «Временные правила о службе в государственных учреждениях и на предприятиях» были приняты в декабре 1922 г., которые несмотря на отмену в 1936 г. не утратили свое значение вплоть до 1991 г. [7, ст. 8]

Во-вторых, общим в службе чиновника и советских управленцев в обозначенные периоды была относительная открытость и публичность.

До 1917 г. местные издания (например, газеты «Енисейские / Иркутские губернские ведомости», «Отклики Сибири», «Сибирская мысль», «Енисей» и пр.) «включали рубрики, которые доносили до населения принятые законы, подзаконные акты, освещали рабочие будни местных чиновников [8, с. 3; 9, с. 3; 10, с. 3; 11, с. 3; 12, с. 2]. Для понимания к кому, куда, в какое время обращаться по тем или иным вопросам ежегодно составлялись адрес-календари (памятные книжки, путеводители) с перечнем должностных лиц на ведущих постах [13, с. 19–20, 26–28; 14, с. 30–31, 55–56, 60–61].

Однако, на наш взгляд, революционные изменения не добавили «открытости» в подобных вопросах. Из-за текучести кадров поименные списки государственных

служащих в местной системе советской власти не составлялись. На уровне уезда, губернии или области, а после 1925 г. – района, края периодические издания знакомили читателей с общим положением дел в системе советской власти, сообщали об изменениях на ведущих постах местных советов и исполнительных комитетов (председатели советов, реже – члены исполкомов) [15, с. 1; 16, с. 3; 17, с. 3; 18, с. 3]. Однако, например, о личной жизни (женитьбе, переезде и пр.) знакомых населению советских управленцев в местной периодике не сообщалось.

В-третьих, сравнение положения служащих в системе государственного управления до и после 1917 г. можно осуществить по ряду кадровых документов, обязательно оформлявшихся в процессе службы чиновника и советского управленца.

Местные правительственные структуры при монархической форме правления и в ранний период советской власти имели документы, которые определяли уровень подготовки и содержавшие информацию личного характера: до 1917 г. – формулярные списки, патент на чин, аттестат, свидетельство и др. [19, л. 1–74] В 1920-е гг. – личные карточки, личные дела, анкеты, списки и пр. Сохранялись и внутренние документы учреждений о зачислении на службу, переводе, увольнении со службы, доклады о кадровом составе [20, л. 6–7; 21, л. 2–132; 22, л. 1–42]. Новыми стали учетно-систематизирующие документы (статистические, сравнительные сводки о выборах в советы, в форме таблиц сведения о кадровом составе советов и риков), которые носили организационно-учетный характер [23, л. 57, 58, 61–64, 74, 84–87]. В 1926 г. были введены трудовые списки. Советским учреждениям вменялось ведение его на каждого служащего, в который вносились данные о прохождении службы. Список выдавался на руки трудящимся для представления при переходе на другую работу [24].

Таким образом, близость положения государственных служащих в поздний дореволюционный и ранний советский периоды очевидна, но «чиновник» и «советский управленец» – это не тождественные понятия. Дореволюционный государственный служащий был «оторванным» элементом сибирского общества по причине его не типичного (для большинства населения) социального опыта, то советский государственный служащий не имел того социального дистанцирования, так как система советской власти подразумевала рекрутирование из народа.

Список источников

1. «Where are you from?»: Staffing of the Public service in the Irkutsk and Yenisei provinces from XIX to early XX centuries / T. G. Karchaeva, M. D. Severyanov, A. G. Gryaznukhin., T. V. Gryaznukhina // *Bylye Gody*. 2022. 17 (1), pp. 403–411.

2. Гергилев Д. Н. Исторические особенности административного управления восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2018. № 2 (100). С. 41–45.

3. Устав о службе по определению от правительства // *Свод законов Российской империи*. Т. III, кн. 1, по официальному изданию 1896 г., а также в губерниях западных и Царства Польского, Т. III, ч. 3, по официальному изданию 1906 г. и продолжению 1908 г. СПб.: 1910. 362 с.

4. Громачевский Г. Положение о преимуществах гражданской службы в Сибири // *Сборник узаконений, относящихся до преобразования суда в Сибири*. Житомир : Паровая типо-лит. Угер и Блох. 1897. 108 с.

5. Первая Советская Конституция: (Конституция РСФСР 1918 года) : сб. документов под ред. А. Я. Вышинского. М. : Юрид. изд-во, 1938. 464 с.

6. Собрание узаконений РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1918. № 56. Ст. 615; 1919. № 46. Ст. 449; 1920. № 63. Ст. 217; 1921. № 67. Ст. 515.

7. СУ РСФСР. 1923. №1. Ст. 8
8. Жалоба бывшего вице-губернатора Лубенцова на министра внутренних дел Маклакова. Местные вести // Отклики Сибири. Красноярск. 1915. 8 апр. № 73.
9. Знакомство Гололобова с представителями ведомств. Последние известия // Сибирская мысль. Красноярск, 1915. 8 дек. № 99.
10. Местная жизнь // Сибирские вопросы. 1909. 17 авг. № 30.
11. Награждение // Енисейские губернские ведомости. 1917. 10 янв. № 3.
12. Хроника // Енисейский край. 1916. 27 окт. № 2.
13. Памятная книжка Енисейской губернии с Адрес-календарем за 1905. С. 19–20, 26–28.
14. Памятная книжка Енисейской губернии с Адрес-календарем за 1915. С. 30–31, 55–56, 60–61.
15. Новости дня // Трудовая правда. 1925. 3 окт.
16. В окружных учреждениях // Трудовая правда. 1925. 3 окт.
17. Недочеты сельсоветов и риков // Трудовая правда. 1926. 5 окт. № 2.
18. Волокита // Трудовая правда. 1926. 4 авг.
19. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 45. Д. 325. Л. 1–74.
20. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 67. Л. 6–7.
21. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-631. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–132.
22. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-631. Оп. 2. Д. 2. Т. 1. Л. 1–42.
23. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 732. Л. 57, 58, 61–64; 74, 84–87.
24. О трудовых списках : Постановление СНК СССР от 21.09.1926 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=bGI3rg&base=ESU&n=16463#0xywBiTHmpqL6uO4>.

М. Г. Степанов

Хакасский государственный университет
имени Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

НОМО REPRESSIVUS: БАЗОВЫЕ МАРКЕРЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ЛИБЕРАЛЬНАЯ И РЕПРЕССИВНО- ДОГМАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИИ)

Аннотация. В статье предпринята попытка выделить базовые маркеры социального конструкта *Homo repressivus* периода сталинизма. Также в историографическом контексте дана характеристика «человека репрессированного» в рамках либеральной и репрессивно-догматической концепций политических репрессий в СССР.

Ключевые слова: *Homo repressivus*, политические репрессии, СССР, сталинизм, И. В. Сталин, историография, либеральная концепция репрессий, репрессивно-догматическая концепция репрессий

Abstract. The article attempts to identify the basic markers of the social construct «Homo repressivus» of the Stalinist period. Also, in the historiographical context, the characteristic of the «repressed person» is given within the framework of the liberal and repressive-dogmatic concepts of political repression in the USSR.

Keywords: *Homo repressivus*, political repression, USSR, stalinism, I.V. Stalin, historiography, liberal concept of repression, repressive-dogmatic concept of repression

В 2023 г. исполняется 70 лет со дня смерти И. В. Сталина, с личностью которого напрямую связан такой трагический этап в истории советского государства как политические репрессии. Сейчас практически нет сомнений в научной и научно-популярной литературе по данной проблематике о том, что именно сам И. В. Сталин стал вдохновителем и архитектором всего сложного репрессивного механизма, запущенного в конце 1920-х гг. и подвергнутого демонтажу после его смерти.

Отсюда особый интерес представляет анализ образа советского репрессированного человека, оказавшегося в эпицентре сложных политических, социальных, экономических и культурных процессов периода сталинизма. Предлагаемый социальный конструкт – «Homo repressivus», на наш взгляд, поможет объяснить более детально сам феномен граждан, подвергшихся политическим репрессиям в СССР.

Отталкиваясь от организованных государством репрессивных кампаний, мы можем выделить следующие категории репрессированных граждан, которые необходимо включить в конструкт *Homo repressivus*.

I. Так называемые **бывшие** или **спецы**, обладавшие следующими характеристиками:

- становление профессиональной или политической карьеры связано с дореволюционным периодом;
- нежелание эмигрировать из России;

- изначально маргинальный характер статуса в советской модели классового общества;
- настроенность на сотрудничество с большевистской властью по большей степени из-за возможности заниматься своей профессиональной или творческой деятельностью;
- наличие надежды интегрироваться в новый советский социум.

II. Репрессированные крестьяне (сельские жители в широком понимании) имели следующие характеристики:

- важный экономический статус для государства предопределил желание власти силовыми способами трансформировать бывшего сельского собственника в послушного представителя колхозной системы;
- репрессии в деревне стали механизмом не только хозяйственных, но и мировоззренческих изменений в виде сложного и многоуровневого процесса раскрестьянивания;
- активная пролетаризация крестьянства как способ защиты от карательных акций государства;
- идеальный и массовый «социальный материал» для апробации различных видов репрессий: уголовное преследование по хозяйственным и политическим статьям Уголовного кодекса, ссылка и высылка в административном порядке (заложившая практический фундамент для последующих этнических депортаций), вооруженное подавление крестьянского сопротивления;
- попытка дифференциации крестьянства на основе имущественно-хозяйственного статуса: кулаки, середняки, бедняки.

III. Партийные и советские государственные служащие в центре и на местах имели следующие характеристики:

- перманентная социальная ротация, стимулируемая государством;
- значительная часть (особенно управленческого уровня) имела дореволюционный партийный стаж;
- идейная мотивация замещать государственные должности как в гражданской, так и в военной сферах;
- в период Большого террора (1937–1938 гг.) стала массовой мишенью для органов государственной безопасности;
- отсутствие гарантированного иммунитета от политических репрессий стране (независимо от занимаемой должности);
- стали своеобразным «инкубатором» самих «палачей» и «жертв».

IV. Депортированные народы, обладавшие следующими характеристиками:

- массовый источник для реализации заранее подготовленных репрессивных операций по этническому признаку;
- с частью государств-этно метрополий проживавших на территории СССР народов большевистская власть находилась в прямой или косвенной конфронтации;
- любые установленные факты сотрудничества с врагом (особенно в годы Великой Отечественной войны) а priori рассматривались как повод для массовой депортации;
- наличие статуса «коллективной вины» ряда народов для государственно-политического руководства.

V. Творческая и техническая интеллигенция, обладавшая следующими характеристиками:

- по большей части напрямую оказывала поддержку советской власти;

- частично имела принципиальные взгляды на процесс культурного строительства в СССР, в частности этатизацию искусства и творчества вообще;
- жесткая государственная монополия на процесс научно-технического творчества;
- слабая защищенность от карательных акций, в том числе и публичных личностей.

VI. **Другие категории советского населения**, обладавшие следующими характеристиками:

- выборочно представители рабочих специальностей, попавших под репрессии в результате реализации массовых кампаний или адресных доносов;
- иностранные граждане, обладавшие репрессивными признаками периода массовых операций периода Большого террора (1937–1938 гг.);
- маргинальные или признаваемые таковыми категории населения: уголовники, бывшие кулаки, лишенцы и др.

В современной российской историографии статус и вообще образ репрессированных граждан, сложившийся в результате политических репрессий, получил определенное освещение. Данную специальную историческую литературу мы можем условно разделить на два концептуальных подхода.

Первый подход, или «либеральная концепция», фокусирует свое внимание вокруг понятия «жертва политических репрессий». В этой связи оценка сталинских репрессий вообще носит негативный характер, в результате которых пострадало тотальное большинство ни в чем неповинных советских граждан.

Анализ образа «враг народ» в рамках активной фазы политических репрессий середины – второй половины 1930-х гг. получил освещение в кандидатской диссертации Н. Б. Арнаутова. Так, историк пришел к следующим выводам, изучив целый комплекс как опубликованных, так и неопубликованных источников по проблеме:

«1) процесс существования и распространения образа «врага народа» в советской пропаганде в период «большого террора» базировался на устойчивой в массовом сознании традиционной дихотомии «мы – они», имевшей глубокие социально психологические истоки;

2) с декабря 1934 г. в образе «врага народа» прежняя социальная доминанта («классовый враг») утратила приоритетное значение, ее место занял образ «политического врага» системообразующую роль в котором играл миф о «троцкизме»;

3) в 1935–1936 гг. в системе советской политической агитации и пропаганды реализовывались кампании конфронтационного и консолидационного типа в их сложном взаимодействии и переплетении. Фундаментом пропаганды выступала система идеологических стереотипов – образов, где консолидирующая роль отводилась образам «вождя» и «героя»;

4) с августа 1936 г. в советской периодической печати доминирующие позиции занимали кампании конфронтационного типа, стержнем которых являлось идеологическое сопровождение трех открытых московских политических процессов 1936–1938 гг., направленных против категорий руководящих партийных, хозяйственных и военных кадров различных уровней;

5) идеолого-пропагандистские кампании 1937–1938 гг. призваны были маскировать истинные цели и масштабы государственного террора: этнические «чистки», проводившиеся по приказам НКВД осенью 1937 г. центральной прессой представлялись как борьба с «буржуазным национализмом»; при этом, в региональной прессе было развернуто прямое идеолого-пропагандистское сопровождение «сельских процессов», выступавшее катализатором нового витка репрессий против низовой номенклатуры» [1, с. 12].

Рассматривая образ «кулак», Г. Ф. Доброноженко в историографической статье отметила, что данное понятие в послереволюционный период – это не социально-экономическая группа сельской буржуазии; а социальная группа крестьян, подвергшаяся дискриминации и репрессиям по политическим мотивам [2, с. 92].

Проблема так называемого «спецедействия» получила отражение в исследовании Т. М. Смирновой, которая отметила, что крайне противоречивым было положение «буржуазных» специалистов и «буржуазной» интеллигенции. На словах призывая к бережному отношению к «спецам», власть инициировала «шахтинское» и «академическое» дела, сквозь пальцы смотрела на распространявшееся на предприятиях «спецедействие» и т.д. Неудачи соцстроительства списывались на «вредительство», объявленное новой формой сопротивления «низвергнутых, разгромленных, пущенных ко дну» бывших эксплуататорских классов. В стране складывалась атмосфера «охоты на ведьм», и первыми жертвами ее оказались «бывшие». Дискурсивный анализ показывает, что борьба с проявлением чуждой идеологии ввела в повседневную политическую практику такие пропагандистских клише, как «классовое (социальное, идеологическое) лицо», «политическая физиономия», «социальное (партийное) перерождение» и т. п. Ими все чаще оперировали в повседневной практике, а традиционные понятия «социальное происхождение» или «социальное положение» отходили на задний план. Усиление классовой борьбы на практике означало, прежде всего, нагнетание борьбы политической, борьбы с инакомыслием. К середине 1930-х гг. на уровне государственной политики «бывшие» перестают существовать как социум. По существу, они растворяются в более широкой категории так называемых «социально опасных элементов» или просто «чуждых» [3, с. 37].

Санкт-Петербургский историк В. А. Иванов обратил внимание на следующие обстоятельства реализации репрессивной политики, направленной против «бывших»: «Изучение документов и материалов директивных органов и архивных уголовных дел показало, что репрессирование «бывших» явилось результатом политических комбинаций центральных и местных властей, а выдвинутые в их адрес антигосударственные обвинения никакого отношения к ним не имели. Во-первых, массовое изъятие «бывших» в феврале – марте 1935 г., не планируемое местными властями вообще, после провала основной операции по «зиновьевско-троцкистской организации» приобрело с их точки зрения ключевое значение в деле ликвидации оппозиции в целом. В результате операции к концу марта в Ленинграде было арестовано и выслано свыше 11 тыс. «бывших», из которых около 5 тыс. являлись главами семейств. Позже, в 1937–1938 гг. в местах ссылки среди них прошли массовые аресты, закончившиеся для 4,3 тысяч человек (93,6 %) расстрелом. Во-вторых, Ленинград и регион в целом действительно нуждался в чистке, но не от бывших людей, а от уголовных и деклассированных элементов в рамках гражданского судопроизводства, а не репрессивных паспортных операций. В-третьих, никакой реальной опасности для центральной и региональной властей «бывшие» не представляли. Репрессии против «бывших» были необходимы с позиций сохранения атмосферы «политического натиска» конца 1920-х – начала 1930-х гг. Впервые за многие годы сталинский режим приступил к созданию «железного занавеса», при котором россияне были отстранены от связей с внешним миром, ужесточена цензура и политический контроль, сокращены их личные контакты с иностранцами, стало больше официальной дезинформации» [4, с. 40].

Новосибирский историк С. А. Красильников в типологии общества переходного периода выделяет маргинальные группы – категории лиц, подвергшихся ограничениям или прямым репрессиям – ссыльные и т. д. Под маргинальностью (в её типичной форме) он понимает утрату объективной принадлежности к тому или иному классу, сословию, группе без последующего вхождения в другую подобную общность [5, с. 6].

Кроме того, в отечественной исторической науке следует выделить группу исследователей, изучающих институциональные и структурные изменения в численности, составе, размещении и использовании трудового потенциала различных маргинальных групп, составлявших «теневую» социальную структуру сталинского общества, включая спецконтингент. Объектом их исследования стал механизм формирования, эволюция и практическая реализация законодательно-нормативной базы государства по регулированию статуса маргинальных групп [6, 7].

Второй подход или «репрессивно-догматическая концепция» напротив оправдывает проведение репрессий в СССР как вынужденную меру для сохранения самого генотипа советской власти во главе с ВКП(б) под руководством И. В. Сталина. Отмечается лишь тот факт, что во время проведения репрессивных операций под каток карательной системы могли попасть и случайные добропорядочные советские граждане.

Анализируя публикации, вышедшие в последнее двадцатилетие, мы можем увидеть, что некоторые авторы пытаются реанимировать сталинскую концепцию «большого террора». Данное утверждение хорошо иллюстрирует работа М. В. Назарова, выдвинувшего версию о существовании поддержки противников И. В. Сталина со стороны ряда западных государств. Отсюда, по мнению автора, чистки помешали осуществлению начатой Уолл-стритом политики – превратить СССР в свою подконтрольную колонию [8, с. 117].

Так, например, Ю. В. Емельянов предлагает убрать вызванную политической конъюнктурой «ретушь» очернительства с подлинных черт И. В. Сталина и признать, что все патриоты нашей страны, вне зависимости от своего классового происхождения и политических взглядов, видели в нем единственного руководителя, способного обеспечить независимость страны в сложных внешнеполитических условиях. Ю. В. Емельянов снимает с И. В. Сталина вину за политические репрессии, считая, что Сталин верил всем письменным материалам, представленным ему недобросовестными работниками НКВД, и что жестокость репрессий во многом отвечала господствующим настроениям в обществе [9, с. 117].

Касаясь «большого террора», Ю. Емельянов пишет: «... надо учесть, что наша страна, как и многие другие страны мира, пережившие эпидемии массовой паранойи, находилась в ожидании не только внешнего нападения, но и новой гражданской войны... По этой причине в стране было много людей, готовых найти тайного агента из любой страны «капиталистического окружения» или «неразоружившегося классового врага». Беда всесильного комиссариата внутренних дел была в том, что после прихода Ежова, он действительно стал народным, то есть чрезвычайно открытым для народного вмешательства в вопросах, которые по своей сути требуют профессионализма. Даже наиболее отрицательные фигуры из недр НКВД за два десятилетия следственной работы обрели немалый профессиональный навык и могли воспрепятствовать выдвижению очевидно надуманных обвинений и созданию нелепейших дел. Увольнение профессионалов и приход в НКВД после назначения Ежова множества новых «честных», но абсолютно непрофессиональных людей, готовых слепо довериться своей природной интуиции или прислушаться к мнению простодушных людей, нанесло непоправимый удар по следственной системе СССР» [10].

В целом Ю. Емельянов придерживается следующего взгляда: «Ягода – плохой нарком НКВД СССР, Ежов – хороший» [10]. Безусловно, что данные умозаключения Ю. Емельянова объясняются субъективным видением проблемы, а не детальным анализом исторических источников.

На наш взгляд, нельзя также согласиться с тезисом С. Кремлева о том, что «репрессиям начала и конца 1930-х гг. пока не дана всеобъемлющая объективная оценка» [11, с. 134]. Кроме того, С. Кремлев предлагает развести «два достаточно разных про-

цесса: ликвидация возможной «пятой колонны» в низах общества и ликвидация конкретного антигосударственного (формально – антисталинского) заговора «верхов». Эти две категории репрессий совпали по времени и были, безусловно, взаимно связаны – хотя бы их общей направленностью против антисоциалистических элементов. Но, тем не менее, для того чтобы их понять, их надо четко разграничивать» [11, с. 140]. С. Кремлев ссылается сугубо на опубликованные партийные документы (материалы пленумов ЦК ВКП(б) и др.), причем игнорируя значительную часть доступного к настоящему времени документального комплекса по проблеме.

В рамках той же «репрессивно-догматической концепции» в отечественной историографии следует выделить работу Д. Ю. Лыскова, в которой предпринята попытка объяснить репрессии в СССР правом советского государства обеспечивать себе защиту от «контрреволюционных элементов» общества [12, с. 13].

По мнению С. Миронина, в сталинское время репрессии применялись как кара за содеянное, а не как наказание, адекватное тяжести преступления [13, с. 62]. Опираясь всего лишь на некоторые воспоминания тружеников села, С. Миронин делает категоричный вывод о том, что в 1937–1938 гг. трудовой народ был практически не затронут репрессиями, а пострадал достаточно узкий слой в основном в столице и крупных городах [13, с. 73].

В монографии бельгийского историка Л. Мартенса «Запрещенный Сталин» мы можем увидеть очередную попытку реабилитации исторического образа И. В. Сталина, причем без привлечения новых исторических источников, к тому же в работе вообще отсутствуют какие-либо сноски на архивные материалы. В частности, Л. Мартенс ссылается на следующие опубликованные источники: материалы съездов ВКП(б); работы И. В. Сталина и других партийных функционеров. Также историк активно использует публикации зарубежных ученых в контексте данной проблематики. По мнению Л. Мартенса, «... чистка 1937–1938 гг. добилась успехов в достижении своих целей. Было совершено много ошибок и причинено много вреда, но это, вероятно, было неизбежным, учитывая ситуацию в партии. Большинство мужчин и женщин в нацистской пятой колонне были разоблачены во время чистки. И когда фашисты напали на СССР, в государственном и партийном аппарате у них было мало сотрудников» [14, с. 275].

В целом на фоне масштабных экономических кампаний предвоенного периода развития СССР Л. Мартенс нивелировал роль человеческой личности.

Таким образом, социальный конструкт *Homo repressivus*, на наш взгляд, возможно использовать для общей характеристики граждан, подвергшихся политическим репрессиям в СССР. Предметной плоскостью практического применения данного конструкта могут стать не только теоретико-методологические исследования, но и прикладные, с помощью которых мы можем и далее его модифицировать. В либеральной концепции *Homo repressivus* интерпретируется исключительно как «жертва политических репрессий». В репрессивно-догматической концепции, наоборот, «человек репрессированный» вобрал в себя множество характеристик, с помощью которых реабилитируется роль И. В. Сталина в проведении политических репрессий.

Список источников

1. Арнаутов Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 – ноябрь 1938 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 21 с.
2. Доброноженко Г. Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5. С. 86–94.

3. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917–1936 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 42 с.
4. Иванов В. А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998. 41 с.
5. Красильников С. А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в после-революционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск : Издательство Новосибирского государственного университета, 1998. 91 с.
6. Маргиналы в советском обществе 1920-1930-х годов : историография, источники / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2001. 136 с.
7. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. 456 с.
8. Назаров М. В. Тайна России. Историософия XX века. М. : Альманах «Русская идея», 1999. 736 с.
9. Емельянов Ю. В. Сталин: На вершине власти. М. : Вече, 2002. 544 с.
10. Емельянов Ю. В. Мифы о Сталине. Режим доступа: <http://stalinism.narod.ru/vieux/emelian.htm> (дата обращения: 24.02.2023).
11. Кремлев С. Берия. Лучший менеджер XX века. М. : Яуза; Эксмо, 2008. 800 с.
12. Лысков Д. Ю. «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века. М. : Яуза, 2009. 288 с.
13. Миронин С. Сталинский порядок. М. : Алгоритм, 2007. 272 с.
14. Мартенс Л. Запрещенный Сталин. М. : Яуза; Эксмо, 2009. 416 с.

Д. Ю. Хоменко

Красноярский медицинский техникум

Красноярск, Россия

СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ 1930–1980-Х ГОДОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЗАЙЦЕВА

Аннотация. В статье анализируются воспоминания Н. И. Зайцева – уроженца крестьянской семьи, получившего рабочую профессию, а затем оказавшегося в категории советских служащих. Автор приходит к выводу, что анализируемый источник может быть использован при исследовании крестьянской ментальности в условиях советской модернизации и урбанизации.

Ключевые слова: воспоминания, советская повседневность, урбанизация, освоение Севера, Котельнич, Кировская область

Abstract. The article analyzes the memories of N.I. Zaitsev, a native of a peasant family who received a working profession, and then found himself in the category of Soviet employees. The author comes to the conclusion that the analyzed source can be used in the study of the peasant mentality in the conditions of Soviet modernization and urbanization.

Keywords: memories, Soviet everyday life, urbanization, development of the North, Kotelnich, Kirov region

Воспоминания являются одним из видов исторических источников личного происхождения. В настоящей статье анализируются воспоминания Н. И. Зайцева и выявляется, для решения каких научных проблем этот источник может быть использован.

Николай Иванович Зайцев родился 9 февраля 1930 г. в крестьянской семье. Впоследствии он получил рабочую профессию, не связанную с сельским хозяйством. Позже занимал руководящие должности, относимые к категории служащих. Николай Иванович не был партийным или государственным деятелем, и тем более интересными и уникальными являются его воспоминания, которые представляют собой взгляд изнутри на процессы, происходившие в советском обществе в разные периоды времени. Его воспоминания заканчиваются на событиях 1992 г., поэтому могут быть интересны для исследователей советской повседневности 1930–1980-х гг.

Малой Родиной Н. И. Зайцева была деревня Шушканово Макарьевского района Кировской области. С 13 лет (1943 г.) Николай работал в колхозе. В 1947 г. он поступил в Железнодорожное училище г. Кирова, после окончания которого был направлен на курсы электромехаников в г. Кудымкар Коми-Пермяцкого автономного округа. Вся дальнейшая трудовая деятельность Николай Ивановича была «связана с электричеством». До призыва в Советскую армию он работал в одном из леспромхозов Кировской области. С 1952 по 1955 г. Н. И. Зайцев проходил воинскую службу в ракетных войсках, получив звание старшего сержанта.

После демобилизации Николай Иванович женился на Александре Ивановне Штин и продолжил работать в леспромхозе. Молодая семья искала для себя постоянное место жительства: на Урале (1958 г.) и Кузбассе (1960 г.), но в итоге вернулась в Ки-

ровскую область. В г. Котельниче Николай Иванович с семьёй (супруга и две дочери) проживал с 1961 до 1980 г. Следует отметить, что Котельнич – это ближайший город к родной деревне Н. И. Зайцева.

До 1966 г. Николай Иванович работал электромонтёром и параллельно учился в вечерней школе. С 1966 по 1980 г. – начальник отделения в Энергонадзоре. В этот же период (1967–1971) Николай Иванович получил среднее профессиональное образование в Ивановском заочном энергетическом техникуме.

В начале 1980-х гг. Н. И. Зайцев принял решение перейти на работу на Север. Сначала два года работал в г. Сургут Ханты-Мансийского автономного округа, в 1983–1992 гг. – в г. Новый Уренгой Ямало-Ненецкого автономного округа. В последнем Николай Иванович возглавил местное отделение Энергонадзора и организовал его работу. В 1992 г. он вышел на пенсию, с супругой переехал в Екатеринбург. Однако через полгода Н. И. Зайцев возвращается на работу, в г. Нягань Ханты-Мансийского автономного округа. Именно в Нягани (до 1996 г.) Николай Иванович пишет свои воспоминания. Вероятно, в этот период жизни его личностная потребность изложить на бумаге свой жизненный опыт соединилась с объективными обстоятельствами, позволившими это сделать: в Нягани Николай Иванович проживал один, и написание воспоминаний стало формой его досуга.

С 1996 г. и до смерти 30 сентября 2007 г. Н. И. Зайцев с супругой проживали в г. Котельнич. Ещё при своей жизни Николай Иванович передал чистовой вариант воспоминаний своему внуку. Этот вариант представляет собой связный рукописный текст, написанный в общей тетради. Дочь и внук Н. И. Зайцева расшифровали записи и издали воспоминания в сокращении в 2011 г. [1] Позже вдова Николая Ивановича передала внуку черновой вариант воспоминаний. Перед семьёй в настоящий момент стоит задача публикации полного варианта воспоминаний, с учётом как чистового, так и чернового вариантов.

В биографии Н. И. Зайцева можно выделить следующие характерные особенности. Во-первых, он явился участником модернизационных и урбанизационных процессов. Как указывалось выше, его профессиональный путь являет собой пример перехода из крестьян в рабочие, а позже – в число служащих, что означало и переезд из деревни в город. При этом Николай Иванович регулярно «возвращался к истокам» – и в зрелом возрасте, попытка счастья на разных территориях страны, и на пенсии они с супругой выбрали местом жительства ближайший к родной деревне город.

Стоит отметить, что в начале своего профессионального пути Н. И. Зайцев оказался на острие технического прогресса. Специальность электромеханика оказалась весьма востребованной и прогрессивной, как и последующая работа в Энергонадзоре, поскольку на послевоенный период пришлась электрификация всех отраслей хозяйства и быта, взамен паровой энергии. То же касается и службы в Советской армии: ракетные войска в начале 1950-х гг. были совершенно новым родом войск. Переезд на Север рассматривался Николаем Ивановичем как способ заработать на пенсию (о чём он прямо пишет в воспоминаниях), что было типично для ряда советских граждан.

Воспоминания Николая Ивановича Зайцева могут быть использованы при проведении исследований крестьянской ментальности, характерной чертой которой является ценностное отношение к труду. О труде в колхозе в годы Великой Отечественной войны Н. И. Зайцев пишет следующее: «Люди того времени умели трудиться не покладая рук. Начиная с посевной и до полной уборки урожая ... люди трудились от рассвета до темна» [1, с. 50]. О своём поступлении в Железнодорожное училище Николая Иванович вспоминал следующее: «Нам намеряли норму на день – рыть траншеи, мы свою норму выполняли, а городские ребята и половины не успеют сделать, так мы ещё им помогали» [1, с. 51–52].

В зрелом возрасте Николай Иванович так характеризовал своё отношение к профессии: «Работал с полной отдачей сил, и работа мне очень нравилась» [1, с. 87]. Описывая учёбу в вечерней школе, он подчёркивал, что «по закону я имел право использовать один день отдыха в неделю, или в дни учёбы сокращать рабочий день на 2 часа с оплатой 50 %. Но я ни разу не пользовался этими льготами» [1, с. 85–86].

Исключительная ценность воспоминаний заключается в том, что Николай Иванович часто объясняет мотивацию своих поступков. Касательно поступления в Железнодорожное училище он пишет: «хотя у меня было слабое зрение на левый глаз, учиться было необходимо, и я решил во что бы то ни стало поступить» [1, с. 51]. И хотя в этом фрагменте автор не рефлексировал над причинами своего решения, он демонстрирует ценностное отношение к образованию.

В качестве мотива для женитьбы Н. И. Зайцев указывает следующее: «чтобы мне опять не поселиться в общежитии, мы решили пожениться» [1, с. 80]. Конечно, в данном случае фраза вырвана из контекста: автор был знаком с Александрой Ивановной ещё до призыва в армию, на протяжении трёх лет военной службы будущие супруги регулярно переписывались. Но решающей причиной для заключения брака именно в этот момент стал, по-видимому, «квартирный вопрос».

Отмечалось, что с 1958 по 1961 г. молодая семья три раза переезжала. Николай Иванович объясняет это следующим образом: «поехал поискать своего счастья, всю жизнь в ЛПХ не проживёшь – лес вырубят, и делать будет нечего» [1, с. 82]. Касательно решения работать на Севере объяснение следующее: «Я принял решение вернуться в Новый Уренгой, потому что мы могли бы получить там квартиру, которая бы пригодилась моим дочерям» [1, с. 91].

Воспоминания изобилуют описаниями быта в разные периоды времени. Применительно к 1930-м гг. Николай Иванович вспоминал, что «чай выпивал без сахара, а сахар после сосал во рту, чтоб на дольше хватило» [1, с. 32]. Описывая период конца 1940 – начала 1950-х гг., автор неоднократно повествует о том, как в пунктах общественного питания употреблял алкоголь: «мы ... в столовой взяли горячий обед и по стакану водки» [1, с. 60]; «мы выбежали на улицу и пошли в столовую пить пиво» [1, с. 67]. Эти два случая интересны тем, что употребление алкоголя (в том числе крепкого) за обедом воспринималось нормальным как самим автором, так и сотрудниками столовой. Ещё одно живописное воспоминание – о питании в пассажирских поездах в начале 1950-х гг.: «В то время в поезде ехать было без проблем, если есть деньги: тебя всегда накормят, дадут и выпить, и на закуску чего пожелаешь, и бутерброд с чёрной икрой» [1, с. 72–73].

К бытовой стороне жизни можно отнести эпизод из жизни Николая Ивановича на Кузбассе, который касался выплаты зарплаты: «были введены ДНД – добровольные народные дружины, по городу дежурили энергетики и шахтёры, при этом шахтёры старались ловить больше энергетиков, и наоборот. Если в день полочки дежурили шахтёры, то мы сразу шли домой, не «обмывая» [1, с. 84].

Та часть воспоминаний, которая касается обучения Н. И. Зайцева в Железнодорожном училище, предоставляет богатый фактический материал для исследователей профессионального образования в СССР. Например, автор кратко характеризует систему фабрично-заводского обучения в 1940-е гг.: «В 1946–47 году парней с 1927–28 года мобилизовали через военкоматы в школу ФЗО и ФЗУ (фабрично-заводское обучение со сроком обучения 6 месяцев и фабрично-заводское училище с обучением 1 год). Ещё были ремесленные училища (РУ) и железнодорожные училища (ЖУ) со сроком обучения 2 года. Все ФЗО, ФЗУ, РУ, ЖУ подчинялись Управлению трудовых резервов. Молодёжь с нашей области отправляли в основном на Урал» [1, с. 51].

Представляют интерес и бытовые подробности обучения. Например, на каникулы курсантам «выдали сухой паёк на полмесяца: хлеба, сахара, крупы, макарон, сыру, масла – и мы явились домой очень богатыми по тем временам» [1, с. 52]. Николай Иванович делится в воспоминаниях впечатлениями от первого в своей жизни отпуска: «в начале июня 1948 г. меня и ещё около 20 человек с нашего набора направили в Дом отдыха трудовых резервов ... на месяц. После непосильной работы во время войны и после неё это был первый отдых в моей жизни ... Даже не верилось, что такое возможно» [1, с. 53].

Историки, изучающие историю освоения Севера в 1980-е гг., могут обращаться к воспоминаниям Н. И. Зайцева. Свой первый визит в Новый Уренгой Николай Иванович описывает так: «поместили меня на ночлег в вагончик, а в нём холодина, ноги мёрзнут на кровати». Зато во время второй командировки он «устроился в гостиницу «Русь». Там было своё отличное кафе, в нём можно было прекрасно кормиться» [1, с. 89].

Таким образом, можно отметить, что воспоминания Н. И. Зайцева представляют интерес для исследователей крестьянской ментальности в условиях советской модернизации и урбанизации; историков, изучающих быт 1930–1980-х гг., профессиональное образование в 1940-х гг., освоение Севера в 1980-х гг. Следует отметить, что цитаты приведены в статье в качестве примеров и далеко не исчерпывают потенциал воспоминаний по обозначенным темам.

При этом воспоминания Н. И. Зайцева не представляют интереса для исследователей политической истории и отношений власти и общества. Анализируемый источник абсолютно аполитичен: в нём не упоминаются руководители государства, не даётся оценка государственной политике, не рефлексировано отношение общества или автора к советской власти и коммунистической партии.

Список источников

1. Воспоминания Николая Иванович Зайцева // Устная история: человек в повседневности XX века. Воспоминания и интервью жителей Красноярского края: хрестоматия по истории России. Вып. 2. / гл. ред Н. И. Дроздов; отв. ред. Б. Е. Андюсев. Красноярск : КГПУ, 2011. С. 29–95.

ОСВЕЩЕНИЕ РЕФОРМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ (1953–1964 ГОДЫ) В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ»

Аннотация. В статье рассматривается специфика освещения в периодической печати хода сельскохозяйственных реформ на территории Красноярского края в 1953–1964 гг. Проанализирована тематика публикаций в рассматриваемый период, выявлены основные проблемы на местах, сопровождавшие проведение реформ, а также значение периодической печати в формировании позитивного восприятия преобразований сельского хозяйства среди граждан.

Ключевые слова: *сельское хозяйство, Красноярский край, Красноярский рабочий, периодическая печать, сельскохозяйственные реформы*

Abstract. The article discusses the specifics of the periodical press coverage of the progress of agricultural reforms in the Krasnoyarsk region in 1953-1964. The subject of publications in the period under review is analyzed, the main problems on the ground that accompanied the implementation of reforms are identified, as well as the importance of the periodical press in forming a positive perception of agricultural transformations among citizens.

Keywords: *agriculture, Krasnoyarsk region, Krasnoyarskiy rabochiy, periodicals, agricultural reforms*

Реформирование сельского хозяйства на территории СССР проходило неравномерно и отличалось в своей специфике на местах. На настоящий момент в научном знании недостаточное внимание уделяется изучению сельскохозяйственных вопросов 1950–1960 гг. на территории Красноярского края. Несмотря на существование большого объема источников по этой теме, среди работ исследователей преобладают преимущественно события глобального и общесоветского характера. Однако изучение региональной специфики проведения сельскохозяйственных реформ необходимо для точной оценки причин, хода и результатов преобразований. В связи с этим имеет смысл включение в научный оборот местных источников, периодических изданий, освещавших ход хрущевский реформ сельского хозяйства.

Ведущим и одним из самых массовых изданий Красноярского края является газета «Красноярский рабочий», являвшаяся ежедневным печатным органом красноярского краевого и городского комитетов КПСС. О высоком значении газеты «Красноярский рабочий» в крае говорит и ее тираж в рассматриваемые годы. В начале 1950-х гг. тираж составлял 100 тыс. экземпляров, а в последующие годы охват издания только увеличивался до 120 тыс. в 1958 г. и 140 тыс. в 1964 г.

Газета «Красноярский рабочий» выполняла большую роль в информировании населения. Структура издания из года в год оставалась практически неизменной

и охватывала широкий спектр проблем – в каждом выпуске освещались проблемы сельского хозяйства и промышленности, публиковались заметки и доклады, в которых отчитывались о проведении агитационных или производственных мероприятий на местах, освещались различные бытовые проблемы населения, а также присутствовали новостные сводки о жизни политических руководителей, принятых ими постановлениях, а также информация о событиях в мире. В отдельных выпусках газеты публиковались полные тексты важных постановлений или докладов первых лиц государства.

Тема сельского хозяйства, ввиду ее высокой актуальности, особенно в годы рассматриваемых реформ, была рассмотрена в газете достаточно подробно, что делает «Красноярский рабочий» ценным источником информации по данному вопросу. В течение рассматриваемого периода широко освещались основные постановления, связанные с трансформацией сельского хозяйства; ход выполнения данных решений на местах; проблемы, с которыми сталкивалось местное население, культурная жизнь общества и пр.

Вместе с этим издание было значимым средством пропаганды в крае. Стоит отметить, что в освещении практически всей деятельности партии и отдельных ее членов редакция издания придерживалась исключительно положительных оценок. За публикацией партийных постановлений или докладов на протяжении последующих выпусков, как правило, публиковались различные статьи или заметки, свидетельствующие об однозначной поддержке принятых решений и поставленных партией целей трудящимися края.

Задачей издания было в положительном свете представить любые постановления партии, а также показать широкую поддержку данных решений местным населением. В области сельского хозяйства крупными инфоповодами были, например, сентябрьский пленум 1953 г., объявление задачи освоения целинных и залежных земель от февраля 1954 г., постановление ЦК КПСС от 31 января 1955 г. «Об увеличении производства продуктов животноводства» и т.д.

В вопросе агитационного влияния интерес представляют заголовки «Красноярского рабочего». Для создания решительного настроения общества в отношении объявленных партией целей и задач часто использовались «кричащие» и воинственные заголовки («Битва за урожай будет выиграна!» [1, с. 1], «Расширять фронт полевых работ!» [2, с. 1], «Ударный фронт» [3, с. 1] и пр.). Данный прием продолжал традиции выпусков газет военного периода и использовался в новых условиях для создания и поддержания аналогичного образа трудящегося населения, которое с энтузиазмом и самоотверженностью бросается на выполнение задач, поставленных государством.

Одной из главных проблем рассматриваемого периода является невыполнение плановых показателей практически во всех сферах сельскохозяйственного производства – обязательные поставки продуктов государству, вспашка, уборка, сев, рост поголовья скота, сельскохозяйственное строительство, механизация и т. п. Из года в год эти проблемы оставались актуальным на территории Красноярского края.

Так как решения высшего руководства не подлежали никакой критике, основная ответственность за в той или иной степени недостаточно удовлетворительный ход реформ возлагалась на местное руководство, трудовое население и другие факторы.

Как правило, ответственность за неудачи возлагалась на плохое управление местными руководителями. В выпуске «Красноярского рабочего» от 6 сентября 1953 г. отмечаются недостатки в руководстве сельским хозяйством на местах. В статье говорится о том, что «некоторые партийные организации не уделяют должного внимания широкому распространению опыта передовиков», «слабо контролируют внедрение в производство нового, прогрессивного», а также в том, что на «многих предприятиях,

в колхозах, совхозах и МТС имеет место формализм в организации и содержании социалистического соревнования» [4, с. 1].

Стоит отметить, что данная позиция довольно часто встречается на протяжении советской истории. Одним из наиболее ярких примеров является сталинская коллективизация и известная статья «Головокружение от успехов», опубликованная в № 60 газеты «Правда» от 2 марта 1930 г., в которой вина за катастрофические последствия коллективизации возлагается на местные власти, которые И. В. Сталин обвинял в «головокружении» и «некоторых перегибах в вопросах добровольности» [5, с. 1]. «Красноярский рабочий» следует данной традиции в советской периодической печати.

В последующие годы в «Красноярском рабочем» подобная критика стала встречаться несколько реже, тем не менее критика все еще была. Так, в выпуске № 38 от 14 февраля 1958 г. вновь поднимаются проблемы недостаточной подготовки к посевным работам и сбору урожая, отставания темпов сева, качества ремонта машинно-тракторного парка, нерационального использования земельных угодий в колхозах и совхозах [6, с. 1].

В последний год хрущевских реформ в «Красноярском рабочем» редакция вновь поднимает вопросы о низком качестве семян в отдельных хозяйствах, плохо организованной агротехнической учебе в крае, низких темпах вывозки органических удобрений, отсутствии реакции на эти проблемы со стороны руководителей и специалистов производственных управлений [7, с. 1].

Таким образом, уменьшение критики управления сельским хозяйством со стороны издания в меньшей степени связано с действительным исправлением положения на селе, так как аналогичный комплекс проблем встречается и в последние годы реформ. Постепенно редакция «Красноярского рабочего» сокращала свой интерес к данной теме, переключившись на освещение индустриальных вопросов. Этот период совпадает с началом реформы управления промышленностью и строительством в 1957 г., которая шла значительно успешнее, чем попытки преобразований в сельском хозяйстве, что обусловило постепенное сокращение сельскохозяйственной тематики в издании в пользу вопросов индустриального развития.

В «Красноярском рабочем» в последние годы реформ освещались преимущественно успехи сельскохозяйственной отрасли. Одной из причин сокращения критики являлась необходимость в поддержании положительного образа сельских тружеников, а также государства, достигающего поставленных целей. Также это позволяло отводить внимание читателей от неудач проводимых реформ.

Тем не менее «Красноярский рабочий» нередко обращал внимание на многие реальные проблемы сельского хозяйства. В годы реформ одной из основных была проблема кадров, причем проблемы были связаны как с управленческими должностями, так и со специалистами сельского хозяйства. Для эффективного проведения реформ и своевременной реакции на возникающие препятствия на местах в первые же месяцы хрущевских реформ начала проводиться перестройка всей партийно-политической работы на селе. Главным способом решения проблемы дефицита квалифицированных кадров стало направление специалистов сельского хозяйства и практиков из числа партийного и советского актива на село в качестве руководителей артелей. [8, с. 13] На фоне этого повсеместно усилился рост сельских партийных организаций.

В начале 1960-х гг. нехватка руководителей действительно стала менее частым явлением, о чем свидетельствует в том числе и сокращение публикаций в «Красноярском рабочем» на эту тему. Тем не менее проблема эта все еще сохранялась, правда проявлялась она уже в несколько другом качестве – политика органов власти по решению проблем отставания сельского хозяйства путем замены руководителей на местах привела к высокой текучке кадров, что препятствовало становлению стабильного

и эффективного управления в отдельных хозяйствах, а нередко приводила и к ухудшению качества работы в колхозах и совхозах. Например, в выпуске «Красноярского рабочего» № 15 от 18 января 1964 г. в публикации под заголовком «Разве так надо воспитывать кадры?» корреспондент издания обрушивается с резкой критикой на Ачинское производственное управление за их ротационную политику, в результате которой талантливые руководители совхозов вынуждены были покинуть свои посты, а на их место приходили, по словам автора, «бездельники», приводящие хозяйства в упадок [9, с. 1].

На селе остро ощущался дефицит в квалифицированных и образованных специалистах и механизаторах. Данную проблему партийное руководство решало аналогичным образом. В течение нескольких лет десятки тысяч инженеров и техников из промышленности были направлены для работы в колхозах и МТС. К началу 1960-х гг. кадровый голод стал менее ощутимым.

В связи с дефицитом кадров во многих номерах газеты часто встречался призыв к получению образования, овладению узкими специальностями. Так, в первые месяцы освоения целинных земель выходит статья под заголовком «Каждому механизатору – несколько специальностей» (выпуск № 52 от 3 марта 1954 г.), в которой рассказывается о специалистах Пировской МТС, овладевших новыми специальностями для того, чтобы помочь «колхозам района поднять все отрасли колхозного производства». В целом просветительская работа была одной из главных задач «Красноярского рабочего». На страницах издания довольно часто можно было найти статьи, рассказывающие о передовом опыте отдельных хозяйств, их успехах, также в газете публиковались заметки о проведении массово-агитационной работы, лекций, докладов партийных деятелей и руководителей на местах и т. п. [10, с. 3]

Важной темой было социалистическое соревнование как один из инструментов повышения мотивации тружеников, их личной заинтересованности в повышении производительности труда. «Красноярский рабочий» регулярно призывал граждан к участию, отмечал передовые хозяйства, масштабно освещал ход соревнования. Данная тема оставалась актуальной на протяжении всех лет хрущевских реформ.

Исходя из специфики поднимаемой проблематики на страницах издания, можно установить, какое значение имела периодическая печать в интересах проводимых реформ. Основная функция газеты заключалась в своевременном и доступном информировании населения обо всех значимых партийных решениях в области сельского хозяйства. В издании регулярно публиковались все важные постановления и доклады, за ними часто следовали разъяснения данных постановлений, понятные для граждан.

Агитационная роль газеты заключалась во всестороннем содействии государству в аккумулировании доступных трудовых ресурсов на выполнение решений партии. «Красноярский рабочий» транслировал однозначную поддержку новых преобразований как со стороны редакции, так и со стороны всего населения, регулярно призывал к выполнению принятых постановлений и личной трудовой активности граждан. Подобные приемы должны были способствовать привлечению рабочей силы в сельские хозяйства, мотивировать тружеников повышать количество и качество производимой и получаемой продукции, а также смещать акцент критики и ответственности за неудачи реформ с партийной власти на местных руководителей и отдельные сельские хозяйства.

Тем не менее «Красноярский рабочий» часто освещал реальные проблемы местного населения, с которыми сталкивались сельские труженики в ходе проведения реформ. К ним относились, например, нехватка квалифицированных кадров, плохое управление на местах, недостаточное финансирование сельской инфраструктуры и т. д.

Таким образом, материалы «Красноярского рабочего» являются довольно значимым источником для выявления региональной специфики проводимых реформ

и требует дальнейшего изучения. Несмотря на определенную идеологическую ангажированность, газета содержит уникальные факты, свидетельствующие о трудностях, с которыми сталкивались хозяйства в проведении реформ, а также об их оценке местным населением.

Список источников

1. Битва за урожай будет выиграна! // Красноярский рабочий. 1955. № 86. С. 1.
2. Расширять фронт полевых работ // Красноярский рабочий. 1955. № 90. С. 1.
3. Ударный фронт // Красноярский рабочий. 1964. № 34. С. 1.
4. Красноярский рабочий. 1953. № 211. С. 1.
5. Сталин И. В. Головокружение от успехов: к вопросам колхозного движения // Правда. 1930. № 60. С. 1.
6. Организованно завершить подготовку к весеннему севу // Красноярский рабочий. 1958. № 38. С. 1.
7. Лучше готовиться к севу // Красноярский рабочий. 1964. № 3. С. 1.
8. Бикейкин Е. Н., Задкова Т. Ю. Проблема кадров в аграрном производстве в условиях модернизации второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. (по материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) // Вестник ЧГУ. 2009. № 3. С. 12–20.
9. Разве так надо воспитывать кадры? // Красноярский рабочий. 1964. № 15. С. 1.
10. Правильно использовать механизаторские кадры в зимний период // Красноярский рабочий. 1954. № 52. С. 3.

Д. А. Шлапунов

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА НА СТРАНИЦАХ СЕЛЬСКОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ ТРУДА» КАРАТУЗСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ЗА 1962 И 1965 ГОДЫ)

Аннотация. На протяжении всего периода существования в СССР велась активная идеологическая работа по исправлению организационных недостатков в работе партийных и советских органов, а также перевоспитание антисоциальных элементов – тунеядцев, пьяниц, стяжателей, карьеристов, разгильдяев и активных верующих. В статье производится анализ изображения этой деятельности на местах в сельской прессе в 60-х гг. XX в. на примере газеты «Знамя Труда» Каратузского района Красноярского края.

Ключевые слова: районная пресса, воспитание советского человека, идеологическая работа

Abstract. Throughout the entire period of existence in the USSR, active ideological work was carried out to correct organizational shortcomings in the work of party and Soviet authorities, as well as the re-education of antisocial elements – parasites, drunkards, money-grubbers, careerists, sloppies and active believers. The article analyzes the image of this activity on the ground in the local press in the 60s of the XX century on the example of the newspaper «Znamya Truda» of the Karatuzsky district of the Krasnoyarsk Krai.

Keywords: local press, education of the Soviet man, ideological work

Как известно, в СССР большое внимание уделялось борьбе с недостатками в повседневной действительности – отставанием при выполнении планов, плохой организации работы в различных сферах деятельности, антисоциальными элементами, что хорошо отражено в правительственных и партийных документах. Однако в различные периоды развития советского государства лица, ответственные за эти недостатки, оценивались по-разному. Если в сталинский период недостатки в организационной работе зачастую трактовались как намеренное вредительство, то начиная с конца 1950-х гг. такая деятельность, и тем более антисоциальное поведение, перестала трактоваться исключительно как правонарушение – со многими элементами такого поведения невозможно бороться с помощью правоохранительных органов. По этой причине карательные меры стали заменяться воспитательными и поэтому в воспитании советского человека существенно возросло значение периодической печати и произведений искусства (литература, театр, кино).

Конец 50-х – начало 60-х гг. XX в. стали периодом значительных изменений в государственной и партийной политике Советского Союза. После XX съезда КПСС

в 1956 г. наступило время так называемой хрущевской оттепели, когда, с одной стороны, приветствовалась публичная критика недостатков общества, а с другой – стали менее приемлемы радикальные карательные меры воздействия на виновников этих недостатков. Именно на XXII съезде КПСС (31 октября 1961 г.) была принята III программа КПСС, в которой были обозначены новые «задачи в области экономического строительства», «задачи в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры». В частности, среди этих задач были обозначены: увеличение производительности труда, сочетание потребления и накопления материальных ресурсов, трудовое воспитание, утверждение коммунистической морали (в том числе «Моральный кодекс строителя коммунизма»), всестороннее и гармоничное развитие человеческой личности («...воспитание нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство...»), и преодоление пережитком капитализма в сознании и поведении людей, см. [1, с. 315–320]

Одной из государственных мер проведения этой политики стал Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущим антиобщественный паразитический образ жизни». Данный указ постановил «вести решительную борьбу до полного искоренения этого позорного явления в нашем обществе, создавая вокруг таких лиц обстановку нетерпимости и всеобщего осуждения» [2]. Это в определенной мере переключалось с принятым ранее Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров № 1365 от 1958 г. «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» [3] и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.01.1960 «О мерах борьбы с самогонварением и изготовлением других напитков домашней выработки» [4]. В связи с этим Идеологический отдел (с 1965 г. Отдел пропаганды и агитации) при ЦК КПСС активизировал работу по привлечению к борьбе с антисоциальными элементами деятелей литературы, театра кино и журналистов центральной и региональной прессы. Яркими и общеизвестными результатами такого привлечения являются, например, фильмы Леонида Гайдая, репризы и программы Ленинградского театра эстрады и миниатюр Аркадия Райкина, выпуски киножурнала «Фитиль» за 1960–1970 гг., фельетоны и карикатуры журнала «Крокодил», а также многочисленные фельетоны и критические материалы центральной и региональной печати. Большая популярность этих материалов среди граждан СССР говорит о востребованности данной тематики в обществе.

Однако на местах борьба с недостатками имела определенную (региональную, национальную, районную и т. д.) специфику. Это способствовало формированию определенных образов антисоциальных личностей. В сельской местности состав носителей недостатков и антисоциального контингента отличался от городского. Данные образы нашли свое отражение в сельской (районной) прессе. Таким образом, наша цель – проанализировать примеры типичных недостатков в работе советских органов, антиобщественного поведения отдельных индивидуумов, и мер борьбы с ними, представленных в газете «Знамя труда» Каратузского района Красноярского края, сделать вывод о значимости этих образов в массовом сознании и связи их появления с политикой органов власти.

Рассмотрим деятельность по борьбе с антиобщественными элементами, которая проводилась журналистами газеты «Знамя Труда» Каратузского района Красноярского края в 1962 и 1965 гг. Проанализировав выпуски этой газеты можно выделить следующие направления антиобщественной деятельности, которые критикуют журналисты газеты.

Во-первых, это критика неудовлетворительной организационной деятельности в производстве, строительстве, сельском хозяйстве и партийной/комсомольской работе.

Этой тематике посвящено наибольшее количество газетных материалов – критических статей и сатирических фельетонов. Данные газетные материалы можно разделить на несколько групп. Так, в первую группу вошла критика неудовлетворительных результатов работы производственных предприятий, например в одной из заметок достаточно резко отмечается, что коровник в колхозе Имени XXII партсъезда «строят дорого и плохо» [5], в другом номере гневно пишут о том что МежКолхозСтрой до сих пор не построил мебельный цех, хотя лесоучасток С. Е. Астафьева уже отправил плоты с древесиной (задержали строительство на 3 года!) [6], а также присутствует заметка о бригадире строителей отделочников МежКолхозСтроя, который жалуется на плохое качество инструментов, что приводит к задержке строительства Уджейской школы [7]. Ещё к одной немаловажной группе относятся жалобы на работу сферы обслуживания (магазины, столовые, ателье и т. д.). Критикуется культура работы предприятий потребительской кооперации («продавцы беззаботно относятся к повышению своего мастерства») [8], с негативной стороны оценивается работа столовой, обслуживающей сотрудников МежКолхозСтроя, магазина рядом с этой столовой и пивного ларька на предмет антисанитарных условий [9]. Уделено внимание и работе актива комсомольских организаций, например, в номере от 21 апреля отмечено, некий пропагандист тов. Наумочкин не готовится должным образом к занятиям кружка по изучению проблем строительства коммунизма, причем заметку написала одна из участниц этого кружка [11], а в чрезвычайно резком сатирическом фельетоне «Внештатный апостол Иисуса» описывается деятельность секретаря комсомольской организации Амыльского совхоза Юрия Кондратьева, в частности срыв воскресника по оборудованию стадиона и пьянство [12].

Во-вторых, это хищническое и небрежное отношение к природным богатствам. Например, в газете описывается спасение школьниками косуль, которых ранили безнадзорные охотничьи собаки, за что критикуются их неизвестные хозяева [13], упоминается предотвращение бдительными честными гражданами незаконного вылова карасей («Счастливые караси» были выпущены на свободу) [14].

Порицаются также карьеризм, стяжательство и шабашничество, особенно для представителей органов партийной, советской власти и хозяйственной элиты (директора заводов, леспромхозов). Например, С. Ключников опубликовал в газете фельетон о спекулянте-стяжателе, торговавшемся за градусник в государственной аптеке [15], в одном из номеров газеты изобличается шофер В. Дерин Каратузского совхоза, самовольно использовавший служебный автомобиль для перевозки дров частных граждан за деньги и водку [16], в том же номере описан бывший учитель А. С. Валов, а ныне завхоз Андреевской бригады деревообрабатывающего комбината, прихвативший несколько соток земли к приусадебному участку [17].

Активная борьба ведется и против тунеядства, которое противоречило основному лозунгу социализма: «Кто не работает – тот да не ест». Так, в газете присутствует заметка, в которой комментируются меры по борьбе с тунеядством принятые в стране [2]. В той же заметке рассмотрено дело жителя села Таскино Петренко П. А., который в целях уклонения от уплаты алиментов не имел постоянного места работы. Также упомянут Васильев Ф. А. из села Каратуза, живущий за счет заработка жены и случайных подработок. Петренко П. А. и Васильев Ф. А. были высланы в «специально отведенные места» на сроки 2 года и 5 лет соответственно [18].

Осуждались пьянство и хулиганское поведение. Так, участковый уполномоченный колхоза Имени XXII партсъезда опубликовал в газете заметку, что коллектив осудил пьянство и хулиганское некоего гражданина Н. И. Кирдяшева [19]. Также в одной из заметок директор и учителя Еловской семилетней школы жалуются на семью Швецовых. Глава семьи оказывает негативное влияние на своих сыновей, старший из кото-

рых «курит табак из одного кисета, а также играет в карты и выпивает с ним за одним столом», а младший «встречает каждого прохожего нецензурной бранью» [20].

Антирелигиозная пропаганда также представлена в газете, однако без конкретных упоминаний случаев в Каратузском районе. Например, в газете присутствует заметка, в которой разбираются антирелигиозные произведения, такие как повесть А. Плескачевского «Сестра Алевтина» о сектантах, а также повесть писателя Н. Бочина «Ганна» «о судьбе молодой сектантки» [21].

Данные случаи, описанные в газете Каратузского района Красноярского края «Знамя труда», демонстрируют личностей и их деятельность, которая осуждалась советской властью и общественностью. По материалам газеты видно, что в значительной мере содержание газеты коррелирует с установками партии. Заметки о тунеядстве присутствуют в номерах, вышедших вслед за указом о борьбе с тунеядством [2], публикации о пьянстве стали чаще появляться после постановления ЦК КПСС и правительства СССР о борьбе с пьянством [3], а антирелигиозная пропаганда интенсифицировалась в рамках «хрущевской» борьбы с религией, основанной на третьей программе КПСС [1, с. 319].

Стоит сказать, что описанные в газете антисоциальные элементы не представлены как однозначные враги советской власти. Упор в газетных сделан на исправлении недостатков и перевоспитания нарушителей, что говорит о гуманном отношении к критикуемым индивидуумам.

Интересно отметить, что многие материалы были представлены не профессиональными журналистами газеты или штатными пропагандистами партийных органов, а равнодушными гражданами. В каждом номере встречаются заметки, написанные учителями, участковыми, уполномоченными милиции, работниками предприятий Каратузского района и в большей части этих заметок ощущается желание авторов улучшить окружающую их социалистическую действительность.

Таким образом, мы рассмотрели репрезентативные примеры, описывающие аморальное поведение отдельных личностей в повседневной советской жизни в прессе 1960-гг. на местах и выявили связь большинства материалов с соответствующими решениями Коммунистической партии и Правительства. Можно сказать, что газета «Знамя Труда» во многом отражала настроения местного населения, высказывая откровенную критику в адрес людей, не соответствующих морали нового этапа развития социалистического общества в СССР.

Список источников

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 229–335.

2. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 04.05.1961 «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущим антиобщественный паразитический образ жизни» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18642#gdd72cTmykzjj1Ek> (дата обращения: 21.04.2023).

3. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров № 1433 от 1958 г. «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=50592#wnqA2cTYFDeSM7Cj1> (дата обращения: 21.04.2023).

4. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.01.1960 «О мерах борьбы с самогонварением и изготовлением других напитков домашней выработки» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=22291#JdTmAaTcQRRMFw3p> (дата обращения: 01.04.2023).
5. Другов А. Строят дорого и плохо // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 3. С. 3.
6. Ключников С. Час на спячку, два на раскачку // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 6. С. 3.
7. Гуменюк А. Строительство школы затягивается // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 7. С. 3.
8. Демидов В. За высокую культуру // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 36. С. 3.
9. Климов С. Досадные помехи // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 23. С. 2.
10. Бредкина А. Пропагандист тов. Наумочкин срывает занятие // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 3. С. 3.
11. Ключников С. Внештатный апостол Иисуса // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 11. С. 4.
12. Артюх В. Молодцы ребята // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 25. С. 2.
13. Куданенко И. Счастливые караси // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 26. С. 3.
14. Ключников С. Спекулянт и градусник // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 33. С. 4.
15. Лыков Н. От народа не утаишь // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 38. С. 2.
16. Коронов В. Можно ли так поступать? // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1965. № 38. С. 2.
17. Коробейников М. Общественность в борьбе с тунеядством // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1962. № 12. С. 2.
18. Зуев В. Общественность берет на поруки // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1962. № 37. С. 4.
19. Ломаев Н. Не воспитывают, а калечат // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1962. № 13. С. 3.
20. Мокрушева Г. «Божьи люди», кто они? // Газета «Знамя Труда» Каратузского района. 1962. № 13. С. 3–4.

Ж. А. Гумерова

Томский государственный университет

Томск, Россия

«НАДО ДО КОНЦА ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ» (ДНЕВНИК СУДЬИ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ)

Аннотация. В статье рассматривается дневник судьи А. С. Шагина, который велся с 1967 по 1986 г. Выявляются качества, присущие автору, и те, которые он ценил в человеке, поднимается вопрос об их социально обусловленных параметрах.

Ключевые слова: *дневник, судья, дисциплина, трудолюбие, совесть*

Abstract. The article is devoted to judge's diary, which was conducted from 1967 to 1986. The author's value system is revealed, as well as features those he rates highly in a person. The question of their socially determined parameters is raised.

Keywords: *diary, judge, discipline, hard worker, conscience*

В последние десятилетия XX в. исследователи обращаются к изучению дневников, писем, автобиографий, воспоминаний «простого» человека. Это-источники рассматриваются в контексте выявления особенностей исторической памяти, исследуются с целью воссоздания повседневности, выявления поколенческой идентичности группы, практик социального поведения сквозь призму индивидуального опыта – «экспонируют и мир отдельной личности (Я), и ее социально обусловленные «параметры» (МЫ), позволяя тем самым изучать типы кристаллизации самых разных социальных «пород» – от уникальных до статистических» [1]. Выход на уровень анализа индивидуального сознания, опыта и деятельности дает возможность исследователям ответить на вопрос, связанный с объяснением связи между поведением людей в специфических исторических обстоятельствах и унаследованных культурных традициях и представлениях [2].

В данной работе источником для изучения качеств, присущих автору и ценившихся им в людях, стали дневниковые записи судьи Октябрьского района г. Москвы Александра Сергеевича Шагина, которые велись с 1967 по 1986 г. Записи были изданы в 2004 г. под названием «Дела и Судьбы (Дневник народного судьи)» [3], а также размещаются в электронном архиве «Прожито». Документ содержит, прежде всего, ценную информацию о советском правосудии и особенностях работы судьи – автор фиксирует многолетний опыт профессиональной деятельности (начиная со студенческих лет).

А. С. Шагин – выходец из крестьянской семьи, получил специальность электрослесаря, окончил вечернюю школу, поступил в Московский университет и на последнем году обучения стал народным судьей. Он был успешен в своей деятельности – должность занял, будучи достаточно молодым (вызывал искреннее удивление у людей, узнававших его возраст), получал благодарности от тех, к судьбам кого был причастен. Записи, охватывающие промежуток в неполные 20 лет, показывают рост профессионализма и все большее погружение в работу. В силу чрезмерной загруженности А. С. Шагин делал записи не систематически, иногда – ночью. Помимо информации о судебной

работе в дневнике присутствуют краткие упоминания – фиксации ключевых исторических событий, которые, с одной стороны, не могли пройти мимо советского человека и были связаны с освоением космоса, встречами важных исторических личностей, с другой стороны, для читателя являются больше напоминанием о том, в какое время жил народный судья.

К особенностям написания дневника стоит отнести стремление автора быть максимально беспристрастным и правдивым: «Дневник есть дневник, и хотя иногда неприятно писать о неприятном, но все-таки пишу это ради правдивости» [3, запись от 19 декабря 1973 г.]. Он понимает, что «дневник должен отражать объективную действительность, хотя и через субъективное восприятие» [3, запись от 28 февраля 1973 г.]. А. С. Щагин взвешенно описывает те или иные события, старается не давать им оценку. В предисловии к изданным дневниковым записям он пишет, что их цель – пролить «в какой-то степени свет о судебной работе и о судьях» [3], то есть тем самым учитывает возможность их прочтения. В самом дневнике он использует фразы «дорогой читатель», предполагает ту или иную реакцию, извиняется за нескромность, когда отмечает свои успехи. Отдельные высказывания позволяют предположить, что ведение дневника, обращение к собеседнику все же было обусловлено внутренней потребностью фиксации событий – «и все-таки какое-то непреодолимое желание заставило меня снова вернуться к дневнику, к своим запискам» [3, запись от 26 марта 1969 г.], «целый год я не вел дневник и не собирался его вести. Но целый год мне чего-то не хватало. Казалось порой, что я что-то безвозвратно теряю. И я снова начал продолжать записи» [3, без даты, 1971 г.].

Обращение к косвенному адресату можно связать с поиском автором собственной идентичности. Сквозь описание рабочих будней, взаимодействий с людьми проступает человек со своей системой ценностей, норм и требований. А. С. Щагин с определенной долей гордости упоминает качества, которые были присущи ему, а также, по его мнению, были необходимы любому человеку.

Дисциплина. Автор пишет, насколько важно быть дисциплинированным. Это качество проявляется в сознательном и добросовестном выполнении обязанностей. Он говорит, прежде всего, о трудовой дисциплине, приводит примеры из собственного жизненного опыта, отмечает данную черту, когда дает положительную характеристику своему секретарю.

Трудолюбие. Моральное удовлетворение от хорошо выполненной работы. Внутренняя потребность обуславливалась желанием быть нужным людям, пониманием того, что работа его не напрасна. В одной из записей А. С. Щагин цитирует поэму В. Маяковского «Хорошо», что показывает влияние поэтической идеологии поэта:

«Слушайте,
национальный трутень, –
день наш
тем и хорош, что труден» [3, 19 ноября, 1970 г.].

Дополнить картину об отношении к труду можно словами автора: «Да и критерий жизни не в том, как начальство относится к подчиненным, а в том, как подчиненные, где бы они ни работали, относятся к выполнению своих обязанностей, сознательно ли и добросовестно выполняют их» [3, запись от 24 июля, 1967 г.].

Совесть. Судья, пожалуй, чаще остальных сталкивается с чувством нравственной ответственности перед человеком и обществом. А. С. Щагин пишет о приоритете истины и соблюдения законов перед авторитетами, защите интересов нуждающихся, порой приводящей к конфликту с начальством. Он отмечает, что непросто остаться верным своим принципам, для этого нужно мужество. Автор не идет на компромисс с совестью: «Лучше всего чистая совесть – она дана человеку на всю жизнь. Надо

до конца оставаться человеком» [3, запись от 15 июля, 1980 г.]. И лучшей наградой для него является благодарность людей. «Спасибо Вам, товарищ судья, за веру в человека», – А. С. Шагин с чувством радости фиксирует в дневнике эти слова признательности бывшего осужденного [3, запись от 15 июля, 1980 г.].

Также автором отмечаются *объективность и чувство порядочности* как качества, необходимые судье.

А. С. Шагин имел дело сначала с гражданскими делами, затем – с уголовными. Подходил он к этим вопросам не формально. Перед нами в дневнике предстает человек с четким ценностным каркасом.

Выявленная письменная саморепрезентация вызывает у исследователя вопросы, связанные с типичностью и уникальностью указанных качеств, рассмотрением их как отражения советских норм и идеалов. В ряде работ, посвященных изучению «советского человека», показываются близкие по смыслу положительные качества. Среди них отмечаются обостренное чувство справедливости, абсолютная честность, гуманизм, производственный энтузиазм [4]. Но есть и работы, в которых «советский человек» показан отнюдь не в лучшем свете [5]. В советском идеологическом дискурсе рассмотренные нами качества отмечались как важные, однако нужно быть осторожным с экстраполяцией их на все общество. А. С. Шагин же относился к тем советским людям, которые стремились жить по нравственным законам.

Список источников

1. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (вместо предисловия) // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 8.

2. Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 8.

3. Шагин А. Дела и Судьбы (дневник народного судьи) [Электронный ресурс]. М., 2004 // Электронный корпус «Прожито». Режим доступа: <https://prozhito.org/person/1409>.

4. Сперанский А. В. «Homo sovieticus»: идеологический образ и социокультурный феномен // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. : сб. научных статей, Екатеринбург, 24–25 июня 2015 года. Екатеринбург : Институт истории и археологии УРО РАН, 2015. С. 300–308.

5. Левада Ю. А. Сочинения: проблема человека. М., 2011. 526 с.

БОРЬБА С ПЬЯНСТВОМ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СУРГУТА В 1985–1991 ГОДАХ

Аннотация. В работе рассмотрена практика борьбы с пьянством на рабочем месте в городе Сургуте. Целью исследования является анализ реакционных и профилактических мер по борьбе с пьянством. Нарастающий кризис советского сознания сопрягался с проявлениями девиантного поведения, в том числе с пьянством на рабочем месте. Период Перестройки выбран, поскольку именно в это время произошла последняя попытка Советского Союза решить вопрос с чрезмерным употреблением алкоголя. Наиболее интересно показать эту попытку на примере нефтедобывающего центра Западной Сибири – Сургута, где развернется активная борьба против разлагающего общественного устоя алкоголя.

Ключевые слова: *пьянство, борьба, алкоголизм, рабочие, производство, нарушения*

Abstract. The article considers the practice of combating drunkenness in the workplace in the city of Surgut. The aim of the research is to analyze reactionary and preventive measures to combat drunkenness. The growing crisis of Soviet consciousness was associated with manifestations of deviant behavior, including drunkenness in the workplace. The period of "Perestroika" was chosen because it was at this time that the last attempt of the Soviet Union to solve the issue of excessive alcohol consumption took place. It is most interesting to show this attempt on the example of the oil-producing center of Western Siberia – the city of Surgut, where an active struggle will unfold against alcohol, which decomposes social foundations.

Keywords: *drunkenness, struggle, alcoholism, workers, production, violations*

К середине 1980-х гг. в Советском Союзе стала нарастать проблема пьянства. Одной из причин являлся кризис общественной жизни советского народа. Общее ощущение советской действительности стало видоизменяться, жилищно-бытовые проблемы наряду с неразвитой сферой общественного отдыха побуждали людей всё больше выпивать. Проблемы в быту усугублялись проблемами на работе, нарастал кризис социалистической системы труда [4, с 118].

Согласно исследованию А. В. Немцова, с 1965 г. реальное потребление алкоголя в СССР увеличилось с 9,8 до 14 л. Из-за роста потребления увеличилась также и доля общей смертности, связанной с влиянием алкоголя, с 1,1 % до 2,2 % [1]. Между тем на пороге начала антиалкогольной кампании М. С. Горбачева на страницах сургутской газеты «К победе коммунизма», под лозунгом «Родину славим трудом», повествуется о том, что местный пивзавод пятилетний план по производству пива заблаговременно выполнил, всю выпущенную продукцию реализовал, и в преддверии 9 мая выпустил

новый вид пива – «Адмиралтейское», производство которого начнётся ровно за две недели до начала антиалкогольной кампании [2, с. 4].

Нарастающий кризис не мог не остаться незамеченным. 16 мая 1985 г. вышел Указ «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогоноварения». Сургутский райком профсоюза в конце мая этого же года запланировал комплекс мероприятий, направленных на усиление контроля трудовой дисциплины, пресечение пьянства на рабочем месте. В комплекс мероприятий вошли: развертывание антиалкогольной пропаганды, активизация трудовых коллективов, расширение движения наставничества и прочие. Особенно остро стояла проблема пьянства на производстве. Из-за этого увеличивалось количество прогулов, повышался травматизм на производстве и тормозились темпы выполнения работ [8, л. 114–115].

К возникшей проблеме подошли комплексно, упор был сделан на повседневную жизнь работников. Затруднялась покупка алкогольной продукции, которую можно было купить только в рабочие часы, также увеличивалась цена этой продукции. В местах общественного пользования алкоголь заменялся на безалкогольную продукцию. Ресторан «Ермак» в конце 1985 г. отказался от продажи спиртного и взял курс на проведение трезвых мероприятий, в том числе и безалкогольных свадеб [3, с. 5]. Развивается массовая культурно-просветительская работа в Дворцах культуры, клубах, спортивных сооружениях и прочих местах общественного времяпрепровождения. Вышеперечисленные меры принимались для того, чтобы затруднить потенциальному пьянице доступ к спиртному, а также создать вокруг него атмосферу нетерпимости к алкоголизму.

На производствах проводилась культурно-просветительская работа – лекции и семинары на тему о том, как пьянство препятствует развитию социалистических идей и противоречит заветам социалистического государства. Активно использовалась практика личного примера. Отбирались образцовые работники, в некоторых случаях целые бригады, которые вели разъяснительные беседы, выступали с докладами. Таковой была бригада мастера В. Л. Сидорейко из Сургутского управления буровых работ № 2, его коллектив активно боролся за усиление трудовой и производственной дисциплины, а также активно развивал наставническое движение для воспитания ответственных молодых специалистов [9, л. 31–33].

Организация просветительской работы и надзора за трудовым коллективом возлагалась на местные управления, реализация борьбы с пьянством на разных производствах происходила по-разному. Где-то делался упор на пропаганду, где-то на личный пример и так далее. Целенаправленный надзор (из главных управлений) за реализацией мер по борьбе с пьянством не велся. Из-за этого встречались случаи, когда местные организации неэффективно реализовывали меры по борьбе с пьянством. К примеру, только после проверки прокуратурой треста «Сургутнефтепромстрой» выяснилось, что профилактическая работа по борьбе с пьянством и алкоголизмом выполнялась неудовлетворительно, что отрицательно влияло на трудовую дисциплину и производительность [5, л. 157–158]. Чаще всего, проверки выявляли нарушения только после несчастных случаев на производстве. Так, проверка прокуратуры УТТ НГДУ «Фёдоровскнефть» в 1986 г. выявила недочёты в реализации мер по борьбе с пьянством только после того, как тракторист Д. Х. Хабриев, находясь в состоянии алкогольного опьянения на рабочем месте, нарушил рабочий маршрут и запил с другими трактористами того же управления, в результате чего погиб [11, л. 149–153]. Подобный случай, но уже без несчастного случая, произошел в СПТУ «Сургутнефтегаз» в 1985 г. Только после проверки выяснилось, что реализация мер по борьбе с пьянством проводилась неэффективно. Водители И. А. Цыганков и И. Ю. Матызов, вместо движения по рабочему маршруту, на служебном транспорте ездили за водкой в магазин по улице 50 лет ВЛКСМ, тем самым срывали выполнения работ своего предприятия [6, л. 362]. Подобные случаи

встречаются по причине того, что организовать надзор за работниками, занятыми в сфере автоперевозок, на практике было очень проблематично. И именно по причине того, что алкоголь продавался только в рабочее время, трудящиеся, вместо выполнения работ, отклонялись от маршрута и ехали за алкогольной продукцией либо же пили прямо на рабочем месте. С другой стороны, маршрут предусматривал примерное время прибытия и отбытия, в которое отлучение за водкой в магазин не закладывалась, но работники, отвечающие за надзор за выполнением перевозок, это не проконтролировали.

Среди рабочих, не связанных с перевозками, прослеживается обратная тенденция. Трудящиеся, замеченные в злоупотреблении спиртным, предпочитали и вовсе не приходиться на работу. Те же, кто решался прийти на работу в состоянии алкогольного опьянения, были не способны выполнять свои трудовые обязательства. Масштаб данной проблемы был особенно значителен на примере отдельных сургутских предприятий. Так, в 1986 г. в предприятии АТБ-5 было совершено 386 нарушений, 116 человек, или каждый десятый, совершили прогулы, в результате чего было потеряно 134 человеко-дня, 108 человек не были допущены до работы вследствие алкогольной интоксикации, 20 человек и вовсе были помещены в медвытрезвитель. В результате неэффективной реализации мер по борьбе с пьянством ситуация на производстве усугубилась. Только за первое полугодие 1987 г. вновь было допущено 44 нарушения трудовой дисциплины, из-за прогулов потеряно 19 человеко-дня, до работы не допустили 22 человека, 12 человек помещены в медвытрезвитель. По итогам проверки, прокуратура предписала активизировать работу Товарищеского суда, развернуть пропаганду и использовать силу общественного мнения трудового коллектива [7, л. 216–217]. Более удачная реализация мер наблюдалась в организации «Сургутспецжилстрой», где с помощью мер по борьбе с пьянством, в 1986–1987 гг. удалось сократить количество прогулов в два раза, а также уменьшить количество работников, побывавших в медвытрезвителе с 39 до 15 [12, л. 36–38].

Реальных механизмов противодействия пьянству не хватало, в отдельных случаях методы коллективного принуждения работали, в случаях ежедневного злоупотребления работали методы уголовного и административного кодекса, ограничивающие личную либо материальную свободу лиц, неоднократно уличенных в пьянстве на рабочем месте. Однако в ситуациях, когда человек пьянствовал, но не был опасен обществу и не находился в образцовом коллективе, методов общественного воздействия не хватало. На помощь приходил профсоюз, который, помимо общественного воздействия, оказывал и финансовое давление. В ходе заседания профсоюзной организации, при рассмотрении дела о злоупотреблении спиртным работником предприятия, к нарушителю применялась практика порицания, публичного раскаяния и коллективной ответственности. Осуждали не только самого нарушителя, но и его ближайших коллег за то, что те не уделили должного внимания к нарушителю. Главной целью подобной практики являлось эмоциональное воздействие на выпившего. Из-за многократного нарушения трудовой дисциплины, решением профкома пьяницу могли передвинуть в очереди на получение жилья, либо сдвинуть сроки отпусков [10, л. 47–49]. С другой стороны, проверки зафиксировали и еще более сложные случаи, когда работники, занимавшиеся пьянством на рабочем месте, уже получили жилье и отличались крайне безответственным отношением к своим должностным обязанностям. В таких ситуациях, при нарушении трудовой дисциплины, их обязывали выплачивать деньги в пользу профсоюза либо принуждали к обязательному медицинскому освидетельствованию перед началом работ.

Борьба с пьянством на производстве принесла свои плоды, уже к 1987 г. общий показатель потребления алкоголя в Советском Союзе снизился до 10 л спирта на человека, наблюдалось уменьшение и числа зафиксированных фактов пьянства на рабочем

месте. На практике борьба с пьянством на рабочем месте велась традиционными для советской системы управления средствами – проверками, взысканиями, мерами воспитательного характера. Но она не учитывала многие социально-экономические факторы, которые способствовали пьянству: бытовая неустроенность людей в строящемся городе Сургуте, неразвитость альтернативных форм проведения досуга, культурные традиции питания. Сокращение производства алкоголя и усложнение условий его покупки приводили к развитию самогонарения и употреблению системных спиртосодержащих веществ. Вследствие этого и по мере ослабления антиалкогольной кампании М. С. Горбачева проблема вновь начала нарастать.

Список источников

1. Немцов А. В. Во власти зеленого змия. Сколько алкоголя потребляют в России? [Электронный ресурс] // Демоскоп : электронная версия бюллетеня Население и общество. 2006. № 263–264. Режим доступа: <https://polit.ru/article/2006/11/13/demoscope263>.
2. К победе коммунизма. 1985. № 85 (6533). С. 4.
3. К победе коммунизма. 1985. № 195 (6543). С. 5.
4. Михалишин А. В. Кризис мобилизации труда в эпоху «перестройки»: практики борьбы с дисциплинарными нарушениями на производстве (на материалах города Сургута) // Наука 60-й параллели : тезисы докладов XXVI Открытой региональной студенческой научной конференции имени Г. И. Назина, Сургут, 5 апреля 2022 г. Сургут : Издательский центр СурГУ, 2022. С. 117–118.
5. Муниципальный архив Сургута. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 157–158.
6. Муниципальный архив Сургута. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 362.
7. Муниципальный архив Сургута. Ф. 98. Оп. 1. Д. 42. Л. 216–217.
8. Муниципальный архив Сургута. Ф. 120. Оп. 1. Д. 91. Л. 114–115.
9. Муниципальный архив Сургута. Ф. 120. Оп. 1. Д. 101. Л. 31–33.
10. Муниципальный архив Сургута. Ф. 120. Оп. 1. Д. 101. Л. 47–49.
11. Муниципальный архив Сургута. Ф. 120. Оп. 1. Д. 101. Л. 149–153.
12. Муниципальный архив Сургута. Ф. 120. Оп. 1. Д. 106а. Л. 36–38.

Ю. В. Рябов

Красноярский государственный аграрный университет
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

РЕФЛЕКСИЯ СОВЕТСКОГО В РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЕ 1990-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье рассматриваются примеры рефлексии советского в российской молодежной культуре 1990-х гг., в первую очередь через призму рейв-культуры и электронной музыки. Показаны различные способы обращения акторов 1990-х гг. к культурно-историческому наследию советской эпохи. В результате делается вывод о том, что наступление новой эпохи не привело к разрыву с советским – оно было необходимо для построения новой российской культуры и поиска идентичности в стремительно меняющемся мире 1990-х гг.

Ключевые слова: история СССР, история России, XX в., молодежная культура, рейв, электронная музыка, мода, космос

Abstract. The article deals with the examples of reflection of the Soviet in the Russian youth culture of the 1990s, primarily through the prism of rave culture and electronic music. Different ways of reference to cultural and historical heritage of the Soviet epoch by the actors of the 1990s are shown. As a result, the conclusion is made that the coming of the new epoch did not lead to the rupture with the Soviet past – it was necessary for the construction of the new Russian culture and the search of identity in the rapidly changing world of the 1990th.

Keywords: history of the USSR, history of Russia, twentieth century, youth culture, rave, electronic music, fashion, space

С начала 1990-х гг. прошло чуть больше 30 лет – необходимый срок для возможности полноценного исторического анализа ушедшей эпохи. Интерес к девяностым годам XX в. прослеживается сегодня повсеместно – от поп-культуры до научных исследований. Из недавних исследовательских работ следует отметить сборник «В защиту мейнстрима» [1], представляющий собой междисциплинарный анализ на стыке истории, культурологии и социологии различных явлений 1990-х гг.: от специфики вещевых рынков, обаяния фильмов Д. Астрахана и феномена М. Круга.

И в самом деле, в культуре 1990-х гг. как в зеркале отражались и преломлялись самыми причудливыми образами все как мелкие, так и значимые события и явления эпохи.

Особый интерес представляет собой молодежная культура – проявление настроений нового, активного поколения. Руководствуясь средней нижней возрастной границей в 16 лет и верхней в 30 лет, к российской молодежи 1990-х гг. можно отнести людей 1970–1980 гг. рождения. При этом следует отметить, что данное поколение является последними *homo soveticus* – их личность начала формироваться еще в СССР, мно-

гие из представителей данного поколения успели пройти такие советские социальные институты, как детский сад, средняя школа, пионерский лагерь, а также вуз.

Если же говорить о молодежной культуре, то в узком смысле под ней следует понимать культуру, создаваемую самой молодежью. Не будет ошибкой сказать, что отчасти это также культура, потребляемая молодежью, включая массовую культуру. В целом немалая часть культурной индустрии направлена на удовлетворение запросов и вкусов молодежи – досуга и развлечений, а также потребительских практик: моды, производства одежды, обуви, украшений, косметики и парфюмерии и т. д.

Также молодежная культура в той или иной мере противопоставляет себя официальной, массовой культуре и отчасти – высокой [2, с. 81].

При этом, несмотря на кажущуюся очевидность разрыва советского периода с новым российским, рефлексия советского занимала определенное место в молодежной культуре 1990-х гг., находя выход в самых разных ее проявлениях.

Одной из областей такой рефлексии стала музыка – форма культуры, обладающая наиболее сильным эмоциональным воздействием. Посредством музыки можно не только привносить в рутину жизни поэтику и энергию, но и выражать свои чувства, музыка здесь играет роль не только способа самовыражения, но и средства коммуникации.

Одним из самых значимых трендов в молодежной музыкальной культуре 1990-х гг., в том числе российской, стала рэв-культура – в широком смысле это вечеринки электронной танцевальной музыки с привлечением диджеев и продюсеров. Как правило, такие рейв-вечеринки устраивались в ночных клубах, публичных пространствах, а также в рамках фестивалей на открытом воздухе.

Буквально с первого отечественного рейва возникла прочная связь с советским культурным и историческим наследием.

Рис. 1. Плакат к Gagarin Party работы Андрея Медведева

Первый российский рейв прошел за пару недель до окончательного распада СССР – 14 декабря 1991 г. в павильоне ВДНХ «Космос». Тематика вечеринки была также посвящена космосу и «космической музыке», не случайно было выбрано и название рейва – Gagarin Party (рис. 1). По словам пионера диджеинга и одного из первых российских промоутеров Алексея Хааса, тематика была обусловлена тем, что

«...мы всегда смотрели в Космос, в небо, потому что ситуация была такая» и «...когда началась перестройка и все герои прошлых лет были повергнуты в пепел, единственный реальный, действительный герой был Гагарин. Как первый человек, который полетел в космос и просто как хороший парень, в которого верили и старые, и молодые люди» [3]. Таким образом, тема советского освоения космоса с его романтикой свершений и знакомыми с детства героями, оказалась идеально ассонирующей зарождавшейся в те годы российской электронной сцене. Сама же Gagarin Party стала художественной акцией, прославлявшей новую техно-культуру на фоне хрестоматийных достижений космонавтики, и звуку уделялась ключевая роль [4].

Саму вечеринку удалось организовать не в последнюю очередь благодаря поддержке космонавта Г. Гречко, поддержавшего предложенную организаторами концепцию «фестиваля космической музыки». В качестве VIP-гостей также присутствовали настоящие космонавты: «...Леонов сидел в VIP-зале в окружении коллег и прекрасных девушек за отдельным столиком, заставленным космическими напитками, и от души веселился. «Алексей Архипович, – говорят, – хотим представить вам питерских художников, автора выставки и автора плаката». Первопроходец открытого космоса, который, между прочим, еще и художником был, пожал нам руки, похвалил выставку и в конце, обращая ко мне, произнес: “Хочу уточнить по поводу плаката. Гагарин – всему голова, в этом нет сомнения, но почему именно Севастьянов – ...?” На вопрос мне отвечать не пришлось из-за последовавшего после него взрыва хохота космических коллег Алексея Архиповича» [5] (рис. 2).

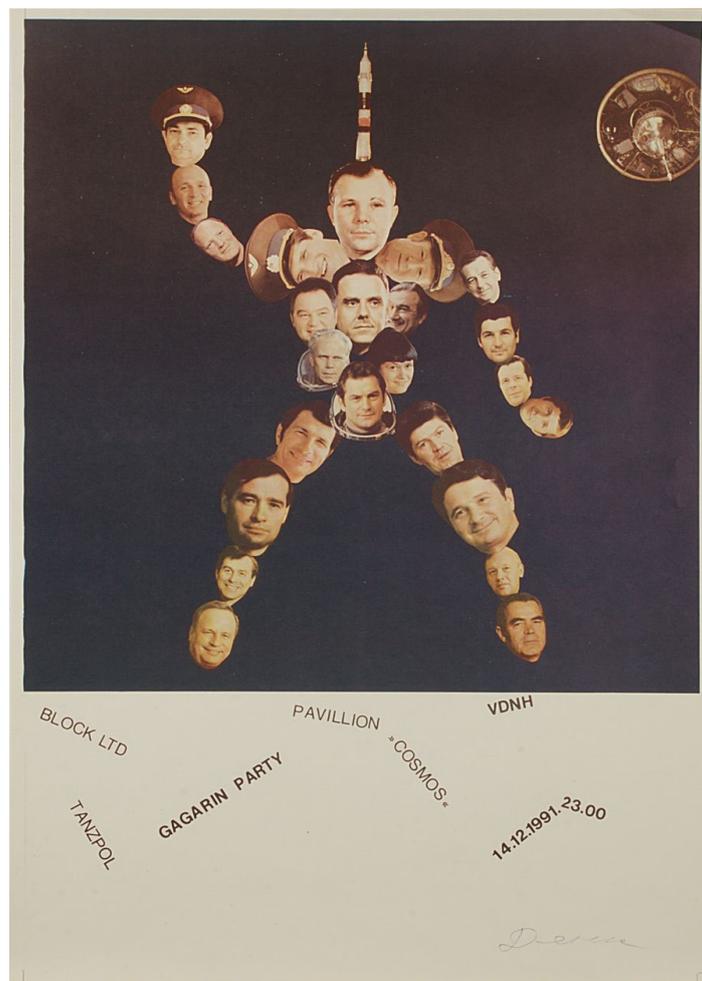

Рис. 2. Плакат к Gagarin Party работы Дениса Егельского

Для поддержания соответствующей атмосферы участникам рейва предлагалось примерить космические скафандры, испытать реальные тренажеры для подготовки космонавтов. Кроме этого, павильон «Космос» являлся в то время настоящим музеем: на постаментах стояли спутники, двигатели, детали орбитальных кораблей, антенны. Несмотря на огромные размеры павильона, места для людей там было совсем немного, поэтому гости нередко танцевали прямо внутри космических кораблей. Творчески была решена и проблема отопления павильона – вышеупомянутый Алексей Хаас выставил обогреватели в одну очень длинную линию: «...и воздух нагрели, и выглядело это красиво» [6, с. 21]. Такой беспрецедентный в своей сути проект стал знаковым событием и собрал под своей крышей около трех тысяч человек (рис. 3).

Элементы модной индустриально-космической эстетики, восходящей к нашумевшей Gagarin Party, перенял открытый Антоном Табаковым и Андреем Деллосом в 1994 г. артистический клуб «Пилот». Арт-клуб располагался в бывшем здании ДК имени Ленина на Трехгорном Валу. Для переустройства изначального интерьера, выполненного в пост-пролетарском стиле, «дизайнеры клуба попытались внести в него новые элементы: разбитую кабину вертолета, фотографии космонавтов, старенький радар и иллюминированный самолет, эффектно подвешенный к потолку – все это ставляло посетителя забыть обо всем земном и погрузиться в хаос цвета и звука» [7].

Нести в массы «космическую музыку» продолжил проект «Новые Композиторы» – одна из самых популярных house-групп в Санкт-Петербурге 1990-х гг. Свою деятельность проект начал еще в 1980-е гг., выпуская треки, чье наполнение было «*усыпано вдоль и поперек многочисленными интервью с первыми советскими космонавтами, ревом ракет и командами операторов*» [8]. Оформление релизов «Новых Композиторов» и названия треков также восходят к эстетике советских научных и научно-популярных изданий.

Также к 1996 г. в электронной музыке набирает популярность использование советских синтезаторов «Аэлита», «Поливокс», «Альтаир», «Электроника». На Западе даже выпускаются целые серии компакт-дисков с сэмплами этих синтезаторов, например Soviet Synths. В 1997 г. своеобразным отголоском первой Gagarin Party стала вечеринка «Невесомость» (в рамках серии фестивалей «Sprite – движущий инстинкт»), организованная радиостанцией «106,8 FM» и молодежным журналом «Птюч» под эгидой компании Coca-Cola в московском Планетарии, вошедшая в историю клубного движения. Планетарий был закрыт для посетителей еще в 1994 г., а его реконструкция затянулась больше чем на полтора десятилетия, однако на период вечеринки планетарий частично возобновил свой старый функционал [9].

В общем и целом через тематику советского наследия покорения космоса молодое поколение осмысливало новую футуристичность 1990-х гг. – проникновение в повседневную жизнь высоких технологий, общую моду на электронную музыку, формируя через связь с прошлым новый и позитивный образ будущего.

Однако, космическая тематика являлась только одной из граней общей волны интереса к 1960–70-м гг.

Музыкальный аспект данного интереса выразился в популярности жанра easy listening, то есть буквально «легкое прослушивание» – «*легкомысленная и, вообще говоря, ненавидимая молодежью интернациональная эстрада 70-х, французский шансон, киномузыка, коктейль-джаз, музыка для баров, музыка эстрадных оркестров, музыка для тех, кому за пятьдесят, мелодии и ритмы зарубежной эстрады, массовая продукция, без каких бы то ни было творческих претензий*» [10, с. 277].

Мода на такую музыку в 1990-х гг. зародилась в Германии и объяснялась социальным феноменом: родители молодежи 1990-х гг. выросли на рок-музыке, с которой ассоциировали свою молодость, активную жизненную позицию и протестные настрое-

ния, поэтому средством протеста прошлому поколению молодежь девяностых выбрала нарочито расслабленную, спокойную и в большой степени поп-ориентированную музыку [10, с. 277].

Рис. 3. Участники Gagarin Party

С некоторым запозданием ко второй половине 1990-х гг. мода на *easy listening* приходит в Россию, переплетаясь с советским культурным наследием. Музыкальные журналисты отмечали, что *«увлечение 60-ми годами – это не ностальгия. Мы живем в конце века. Память пробегает по большому количеству музыки, и оказывается, что 60-е были самыми любимыми музыкальными годами за все столетие. <...> Это просто какое-то тонкое ощущение беспечности 60-х гг.»* [11].

Большую популярность набирают отечественные *easy listening* проекты: Messer für Frau Müller («Нож для Фрау Мюллер»), «Весна на улице Карла Юхана» и др. Источниками вдохновения и сэмплов для российских *easy listening*-экзерсисов служили советские художественные фильмы «Человек-Амфибия», «Москва-Кассиопея», «Тайна двух океанов», а также мелодии Ансамбля Электромузыкальных Инструментов под управлением В. Мещерина – советского музыкального коллектива, с 1958 по 1990 г. официального радиоансамбля при Гостелерадио СССР.

Музыкальная пресса второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. дает весьма яркие и наглядные образы отечественного *easy listening*.

Автор книги «Музпросвет» Андрей Горохов так писал о музыке проекта «Нож для Фрау Мюллер»: *«Мы имеем дело с попом, сделанным из саундтреков советских фильмов 70-х годов, Джеймса Бонда в СССР не было, а были фильмы про отдых в санатории в Крыму. Женщина с большой грудью, но в застегнутой под горло блузке. Мускулистый директор колхоза. Ночь. Искры от костра. Думают о любви, но говорят о звездах... Конечно, мы имеем здесь дело с возвращением к корням, back to the roots. <...> «Нож для Фрау Мюллер» – конечно, cool»* [12].

И в самом деле, такая музыка у многих слушателей и музыкальных критиков находила искренний отклик на основе личного опыта: *«Для меня easy listening – это мое полинявшее олимпийское детство, «воздушная кукуруза» Тома Спенсера из пере-*

дачи «Спортлото», саунд программы «Международная панорама» и надводные прогулки по реке Неве дневных персон – культурно-виртуальные зарисовки Ленинградского телевидения и т. д. <...> и, когда диджеи Кефир и Примат черпают счастье из дискотек пионерлагерей с черноморского побережья 70-х годов, а Олег Гитаркин «приглашает» на запись своих дисков таких певиц прошлого, как Дина Верни и Клавдия Шульженко, они пытаются сделать то, что я называю Ренессанс Транс» [13].

При этом сэмплированием советских фильмов занимались не только проекты в жанре easy listening, но и уже упомянутые «Новые Композиторы», или группа «Гости из Будущего»: до того как стать популярными в поп-направлении, на своем раннем этапе увлечения музыкой *jungle*, в композиции «Прикосновение» альбома «Время песок» (1998) можно услышать сэмплы из фильма «Операция Ы и другие приключения Шурика».

Однако к концу 1990-х гг. накопилась усталость аудитории от easy listening. В прессе появляются заметки с призывом оставить набивший оскомину жанр и идти дальше, создавая новые мелодии.

Таким образом, интерес к 1960–1970-м гг. в некоторых случаях переживался как реальные 1960-е гг. Показательно, что 1990-е гг. от нас сегодняшних отделяет столько же, сколько 1960-е гг. от самих 1990-х гг. Таким образом, 1990-е гг. для сегодняшнего дня являются своеобразными «шестидесятыми» для «девяностых», находя отклик в обеих эпохах.

Отдельного упоминания в рамках обращений актуальной музыки 1990-х гг. к наследию СССР заслуживает уникальный релиз – в 1997 г. выходит альбом ремиксов песен Иосифа Кобзона «Я техно отдал все сполна» (рис. 4) [14]. Инициатором и продюсером такого начинания выступил сын мэтра – Андрей Кобзон. В 1995 г. им был создан клуб «Джусто», который вскоре стал значимым столичным центром лаунж-музыки. В силу своей осведомленности в популярных молодежных направлениях музыки А. Кобзон решил сделать ставку на модную электронную музыку. К 1997 г. рейвы уже пользовались огромной популярностью у широкой аудитории по всей стране, а сами диджеи успели выйти из андеграунда, превратившись в коммерчески успешных артистов.

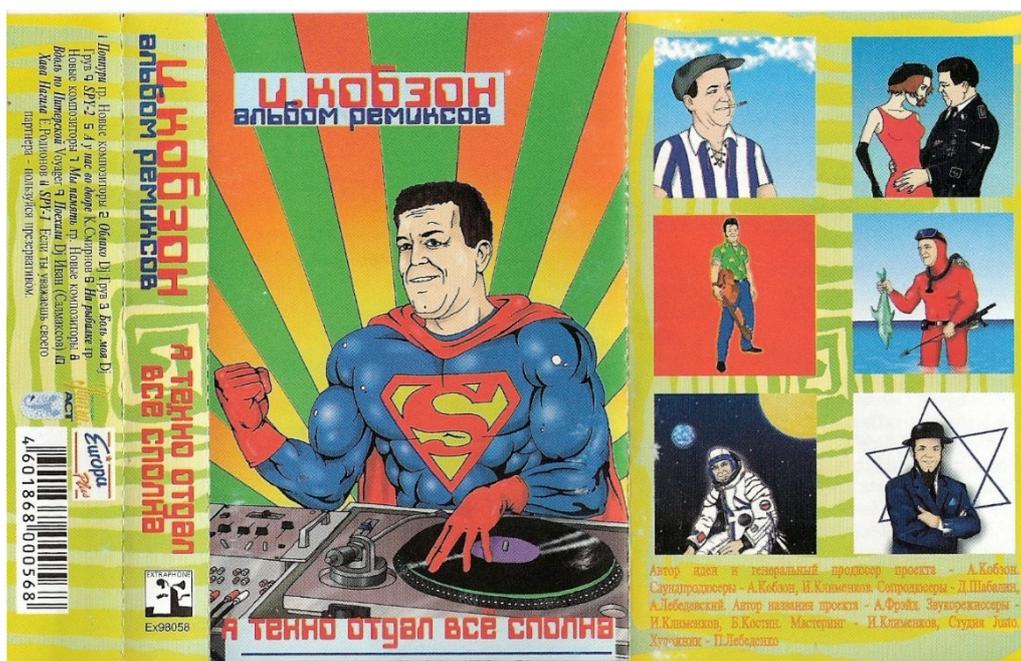

Рис. 4. Оформление кассетного издания альбома

К работе над альбомом были привлечены самые передовые электронные музыканты своего времени, в том числе неоднократно упомянутые «Новые композиторы» и, пожалуй, самый звездный диджей 1990-х – DJ Грув (Евгений Рудин), успевший до этого выпустить альбом ремиксов с рядом других популярных музыкантов, чья слава пришла к ним еще в советское время: Владимиром Кузьминым, группой «Земляне» и Александром Барыкиным.

DJ Грув вспоминал, что И. Кобзон принял новый жанр с энтузиазмом и без презрения: «...пришел на студию, я подготовил ему минус. Он моментально, с первого раза, его спел, ничего не нужно было объяснять. Человек, конечно, профессионал с большой буквы» [15]. Однако сам И. Кобзон относился к записи альбома несколько проще: «Я тоже записывал ремиксы интриги ради. Мой сын Андрей Кобзон однажды взял меня на слабо. В 1997 году он предложил мне исполнить современную музыку. Я ему ответил, что то, чем он занимается, я музыкой не называю, это скорее коммерческое творчество, но, чтобы доказать, что мне не слабо, я спел» [16].

Конечно, такая попытка была не первой коллаборацией актуальной молодежной музыки и советской звезды эстрады – еще в 1993 г. рок-группа «Мегаполис» совместно со Львом Лещенко выпустили музыкальный клип «Там». Интересно и то, что один из участников Мегаполиса – Олег Нестеров – в 1998 г. станет основателем музыкального лейбла «Снегири», где в числе прочего будут издавать easy listening.

Возвращаясь к альбому ремиксов И. Кобзона, следует отметить, что релиз получился абсолютно в духе времени, сочетая такие популярные направления электронной танцевальной музыки как техно и хаус. При этом сам И. Кобзон на одном из рейвов выступил на одной сцене с DJ Грувом.

Нельзя не упомянуть, что DJ Грув на основе сэмплирования «советского» вывел формулу своего успеха. В 1996 г. трек «Счастье есть» с одноименного альбома мгновенно становится хитом – в самом треке были использованы сэмплы из интервью с Михаилом Горбачевым и его женой Раисой.

Как не без сожаления отмечал тогда музыкальный редактор журнала «ОМ» Андрей Бухарин: «Россияне не готовы к техно-музыке без вокала. Толпа всегда ждет узнавания, поэтому в отечественном техно шансы на успех имеют ремиксы столь любимых народом ретро-хитов, фольклорные рулады и вязкие мотивы популярных композиций. Также успех гарантирует использование текстов известных общественных деятелей (в данном случае Раиса и Михаил Горбачевы) или засэмплированные голоса героев культовых советских кинолент. Грув на 100 % разгадал несложную стратегию. Народу нужны слова» [17].

Однако в таких явлениях можно проследить не только желание осовременить старую музыку исключительно в коммерческих целях, но и искреннюю ностальгию – для молодежи 1990-х гг. музыка 1970-х гг. была музыкой их детства, о чем неоднократно говорили и сами исполнители в различных интервью. В любви к 1970-м гг. признавался и популярный во второй половине 1990-х гг. певец Михей (Сергей Крутиков) – участник хип-хоп проекта Vad Balance и сольного проекта Михей & Джуманджи. Для своего дебютного сольного альбома «Сука-любовь» (1999) Михей записал кавер-версию на песню Юрия Антонова «Дорога к морю» и даже исполнил ее вместе с ним на одной сцене в рамках новогодней программы. Также в репертуаре Михея присутствовали каверы на песни Михаила Боярского, Александра Барыкина и т. д.

Случались и обратные примеры – когда группа, считавшаяся проводником актуальной электронной музыки в России, сама постулировала свою преемственность от советской эстрады: как это было с проектом Игоря Матвиенко «Иванушки International».

Упомянутый в данной статье молодежный журнал «Птюч» отмечал: *«Во-первых, группа очень патриотичная. Свои корни они видят в лучших образцах советской эстрады, а ее ценность проверена временем и людской молвой. Одна из песен написана на текст такого эстрадного мэтра, как Леонид Дербенев. Налицо, понимаешь ли, преемственность. Во-вторых, это трио приобщает российских слушателей к мировой культуре. Все-таки «Иванушки» играют в электронном ключе и добились определенных успехов в таких стилях, как хэппи-хаус, транс, хип-хоп. Есть композиция в модном на сегодня стиле трип-хоп, встречаются элементы хардкора. <...> То есть все прогрессивные деятели техно-движения должны бить группе низкие поклоны – она пропагандирует движение на одной шестой части мира. И россияне должны быть благодарны коллективу, что он не забывает народные традиции»* [18].

Конечно, одной лишь музыкой рефлексия советского в российской молодежной культуре 1990-х гг. не ограничивалась, в молодежных журналах того времени встречаются материалы, обращающиеся к быту и визуальной эстетике разных периодов СССР.

Так, в журнале «Птюч» в № 6 (17) за 1997 г. в рубрике «Детали» присутствует отчет о фестивале «История Москвы глазами русских и зарубежных фотографов». В отчете была представлена подборка фотографий (А. Родченко, Н. Грановский, И. Мухин, В. Лагранж) «Молодежь в истории Москвы», специально отобранных организаторами для журнала. Рядом размещена фоторабота Александра Лепешкина, выполненная в 1996 г. и также запечатлевшая современную своей эпохе молодежь. В такой форме просматриваются попытки установить преемственность поколений, увидеть в молодежи прошлого черты себя сегодняшних и наоборот.

К данному направлению рефлексии можно отнести и № 12 за тот же 1997 г., приуроченный к 850-летию юбилею Москвы – на страницах журнала представлена фоторабота Евгения Халдея «Празднование 800-летия Москвы на стадионе Динамо» (1947) в рамках фестиваля «История Москвы глазами русских и зарубежных фотографов» – здесь объектом интереса и точкой преемственности выступает уже не сама молодежь, но тот город, в котором она живет и те смыслы, которыми он был наделен в разные исторические эпохи.

Также следует отметить довольно смелую рекламную кампанию фирмы Levi's, представленную в 1998 г.: на рекламных постерах (рис. 5) были размещены фотомонтажи памятников деятелей культуры дореволюционной и советской эпохи, облаченных в модные джинсовые брюки и куртки: «героями» рекламы стали памятники В. Маяковскому, А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю и др. Такая кампания не несла в себе цели очернить или опорочить образы и обесценить заслуги творцов мирового уровня, но напротив – пыталась сделать их более понятными и близкими современной молодежи, продемонстрировать им, что люди прошлого во многом похожи на нас сегодняшних, а значит, позволить прочнее ощутить связь поколений.

Конечно, приведенные примеры далеко не исчерпывают многообразие рефлексии советского в молодежной культуре 1990-х гг., однако даже они позволяют увидеть, что такая рефлексия действительно была, не носила единичный характер, имела свою специфику и была обусловлена целым рядом факторов. Новую российскую культуру только предстояло создать, частью фундамента этой культуры стала культура еще недавнего советского прошлого; многие акторы 1990-х гг. до начала новой эпохи большую часть жизни прожили в СССР, поэтому ностальгия и осмысление себя через советское стали для них инструментом формирования морально-нравственных опор, позволявших выстоять в по-настоящему непростое и бурное время. Сюда же относится поиск себя и своего поколения в новой реальности, для чего необходимо, в числе прочего, сопоставление себя с поколениями и опытом прошлого.

Рис. 5. Рекламная кампания Levi's, 1998 г.

Следует помнить, что 1990-е гг. – это поистине безграничная эпоха, где было место всему. Этот опыт нам еще предстоит заново для себя извлечь, переосмыслив многое, дабы избавиться от стереотипов как «лихих», так и «святых» девяностых, остерегаясь идеализации или демонизации этого непростого, но важнейшего и интереснейшего периода нашей совсем еще недавней истории.

Список источников

1. В защиту мейнстрима / под ред. Л. Алябевой, А. Горбачева, Л. Данилкина. М. : V-A-C press, 2021. 360 с.
2. Макаренко Е. С. Молодежная культура в современном обществе // Аллея науки. 2019. Т. 2, № 12 (39). С. 79–82.
3. Gagarin Party. Из истории отечественного рейва. Интервью с Алексеем Хаасом // Птюч. 1995. № 2. С. 70.
4. Цодиков О. ВДНХ – 80 лет: вспоминаем, как в павильоне «Космос» в 1991-м прошел первый московский рейв // Афиша Daily. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/cities/12687-vdnh-80-let-vspominaem-kak-v-pavilone-kosmos-v-1991-m-proshel-pervyy-moskovskiy-reyv> (дата обращения: 01.05.2023).
5. Дмитрий Мишенин: «На «Гагарин пати» в VIP-зале сидел космонавт Леонов». Как в Россию пришел рейв // Сноб. Режим доступа: <https://snob.ru/entry/153412> (дата обращения: 01.05.2023).
6. Стогов И. Я. Рейволюция. Роман в стиле техно. М. : АСТ, 2010. 320 с.
7. Ночь. Клубная жизнь. Новости // Птюч. 1994. № 1. С. 7.
8. Интервью с Валерием Алаховым // Птюч. 1995. № 4. С. 39.
9. Шулинский И. 1990-е: на последнем дыхании // Москвич MAG. Режим доступа: <https://moskvichmag.ru/gorod/1990-e-na-poslednem-dyhanii> (дата обращения: 01.05.2023).
10. Горохов А. Музпросвет. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. 536 с.

11. Костров О. 100 % легкость // Птюч. 1997. № 4 (15). С. 62.
12. Горохов А. Есть ли в России какая-нибудь поп-музыка, кроме Тату? // Музпросвет. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20211016170921/https://www.muzprosvet.ru/russ.html> (дата обращения: 01.05.2023).
13. Семеляк М. Easy listening – в массовую моду или возрождая будущее // Птюч. 1999. № 7–8 (40). С. 55.
14. <https://www.discogs.com/release/4794049-Иосиф-Кобзон-Я-Техно-Отдал-Все-Сполна-Альбом-Ремиксов> (дата обращения: 01.05.2023).
15. Айдуев В. DJ Грув рассказал, как записывал с Кобзоном альбом ремиксов: «Он абсолютно адекватно воспринял всю эту идею» // 360tv. Режим доступа: <https://360tv.ru/news/kultura/dj-gruv-rasskazal-kak-zapisyval-s-kobzonom-albom-remiksov-on-absolutno-adekvatno-voSprinjal-vsju-etu-ideju> (дата обращения: 01.05.2023).
16. Иосиф Кобзон: «Современный шоу-бизнес превратился в публичный дом» // Московский Комсомолец. Режим доступа: <https://www.mk.ru/culture/cinema/article/2008/09/11/23724-iosif-kobzon-sovremennyiy-shoubiznes-prevratilsya-v-publichnyiy-dom.html> (дата обращения: 01.05.2023).
17. Голос DJ // Птюч. 1996. № 11. С. 49.
18. Новые проекты. Иванушки, понимаешь ли, Интернешнл // Птюч. 1996. № 9. С. 103.

РАЗДЕЛ 7
«HISTORIA EST MAGISTRA VITAE».
НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВА

УДК 300.36

А. С. Чупров

Благовещенский государственный педагогический университет
Благовещенск, Россия

**РАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ КАК ПАМЯТЬ,
НАУКА И МИФ**

Аннотация. В статье рассмотрены формы и функции «рассказанной истории», а также критерии ее оценки с точки зрения осмысления природы и сущности человека.

Ключевые слова: человек, история, историческое бытие, память, рассказ, миф, наука

Abstract. The article considers the forms and functions of the "told history", as well as the criteria for its evaluation from the point of view of understanding the nature and essence of man.

Keywords: man, history, historical being, memory, story, myth, science

Человек – это не только *homo sapiens* или ζῷον πολιτικόν (политическое животное, наделенное разумом), как определял его Аристотель [1]. Человек – это еще и *homo historicus*, поскольку сам способ его бытия носит исторический характер. Человек – это единственное живое существо на земле, у которого есть не только природная эволюция, но еще и история.

Во всех языках мира понятие истории всегда двойственно.

Во-первых, история как объективный процесс, который имеет начало во времени и неизбежный финал, какими бы внешними и внутренними причинами он не был обусловлен. Недаром Августин Блаженный, которого принято называть первым философом истории, рассматривал ее с момента изгнания Адама и Евы из рая до момента Страшного суда [2, с. 330–331];

Во-вторых, история как рассказ об этом процессе.

Более того, как полагал Гегель, сама история становится историей только тогда, когда она начинает существовать как рассказ о себе самой. Для Гегеля, если нет рассказываемой истории, – нет и самой истории [3, с. 5–16]. Ни у человека, ни у народа, ни у цивилизации. Конечно, достижения современной науки и техники (например, радиоуглеродный

и генетический анализ останков) позволяют проникнуть вглубь веков гораздо дальше, чем когда-то позволяли традиционные материально-вещественные, устные (язык, мифология, рассказы свидетелей) и письменные источники. Однако, каких бы успехов в научно-техническом прогрессе не достигло человечество, мы никогда не начнем отсчитывать человеческую историю ранее, чем *люди стали людьми*, то есть существами, обладающими *сознанием*, осознающими не только внешний мир, но и самих себя. Помимо *самосознания*, человеку присущи такие особенности, которых нет у других живых существ и, в сущности, являются *атрибутами человеческого в человеке*:

Лишь люди обладают даром *речи*, позволяющей не только выражать эмоции и делать предписания, но и формулировать *понятия* и выражать свои *мысли*;

Только люди наделяют свой мир какими-то *смыслами, идеалами и ценностями*, лежащими в основании любой *культуры*;

Только люди руководствуются *вне- или надприродными* принципами *морали и нравственности*, позволяющих им жить каким-либо *человеческим сообществом*.

Только люди *осознают* и преследуют какие-либо *цели*, воплощая их в *результатах* своей деятельности, сохраняя *память о своем прошлом*, и потому являются единственными существами на планете, которые *хоронят* своих соплеменников и почитают *умерших* предков.

Всё это было бы невозможным без *памяти*, которая (подчеркну это особо) – свойство не только человеческого сознания. Она – в отличие от мыслей, ощущений и субъективных переживаний – явление *материальное*, ведь даже у металла, костей и компьютеров есть «память». В сущности, память – это способность материальных объектов сохранять какую-то *информацию*. То, что в свое время В. И. Ленин назвал «отражением» как всеобщим свойством материи вообще [4, с. 91, 109–110]. По этой причине память относится к сознанию как нечто материальное к идеальному, объективное к субъективному. Это, кстати, первый аргумент в пользу *научности* исторического познания и *объективного* характера предмета исторической науки.

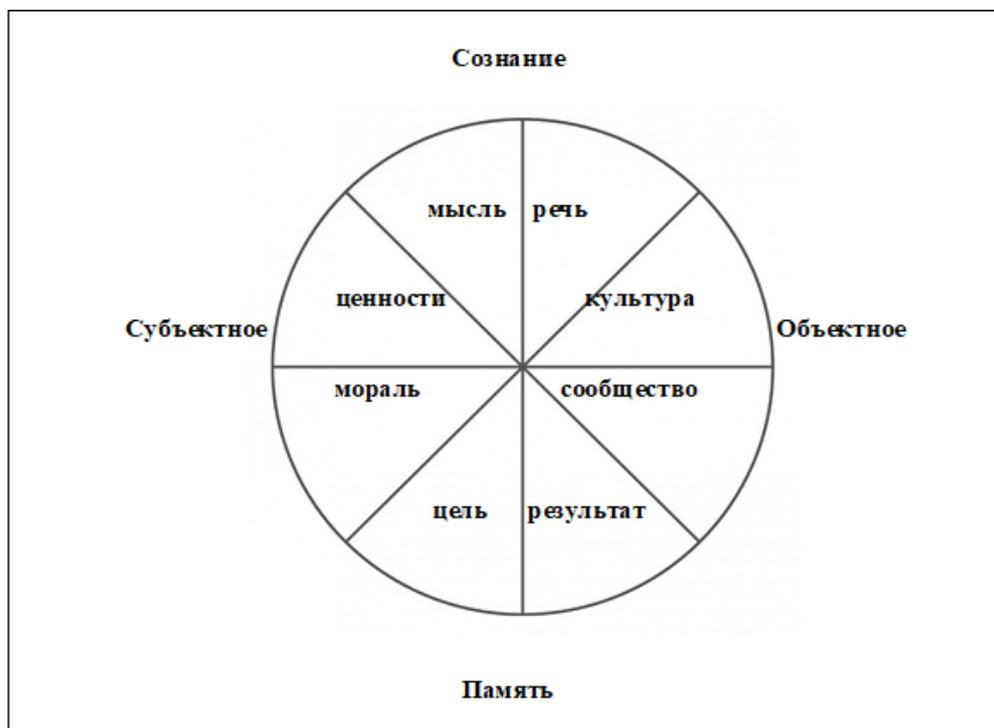

Рис. 1

Эта схема (рис. 1) наглядно демонстрирует взаимосвязь: 1) мышления и речи; 2) смыслов/ценностей и культуры; 3) морали и самой возможности существования сообществ людей; 4) цели и результатов деятельности. Также она показывает *переход* каждого из атрибутов человеческого в человеке «в своё иное» (Гегель) – объективацию, воплощение и опредмечивание: 1) мысли в результатах деятельности; 2) смыслов и ценностей – в интеграцию людей в какое-либо сообщество; 3) морали и ценностей – в существовании культуры; 4) целей – в мысленную, устную и письменную речь.

Без *системы* этих неразрывно связанных атрибутов человек просто не может быть *субъектом*, или *творцом*, собственной истории. Недаром понятие субъекта впервые (в ранней средневековой философии и теологии) появилось и использовалось как для обозначения *Бога*, так и *души человека* с ее интеллектуальными, волевыми и чувственными способностями [5]. Латинское слово *subjectum*, собственно, *буквально* и означает *подлежащее*, то есть то, что лежит под чем-то, тогда как слово *objectus* означало то, что лежит на поверхности бытия как *феномен*, или явление, а то и просто «зрелище» [6]. Лишь с XVII в., начиная с декартовского принципа *Cogito ergo sum*, слово «субъект» стало использоваться для обозначения *частного* лица, или индивида, со своим разумом и «субъективным мнением». Так, к XVIII в. произошла «рокировка» значений слов «объект» и «субъект» [7]. Со средневековым значением слова «субъект» субъекта Нового времени объединяло, пожалуй, только указание на *деятельный* характер его *разума*. Именно на этом принципе *самоопределяемости* разума строил свою философскую систему И. Кант [8].

Если бы речь шла о познании каких-то *физических* процессов, то присущая человеку двойственность субъектного и объектного была бы просто проблемой *уточнения* истины, избавления от каких-либо субъективных «помех» в научном познании, или «идолов», как их называл Фрэнсис Бэкон в своем «Новом Органоне» (1620) [9]. В крайнем случае, это было бы проблемой *учёта роли наблюдателя*, как в современной квантовой физике [10]. Однако, когда речь идет о *человеческой истории*, этот, казалось бы, надежный и простой «рецепт научности» малопригоден. Поскольку речь идет о *самопознании* человека в его историческом бытии, здесь невозможно убрать ни «субъективный фактор», ни «фактор субъекта» (субъектность), не элиминируя при этом сам *предмет* исторического познания.

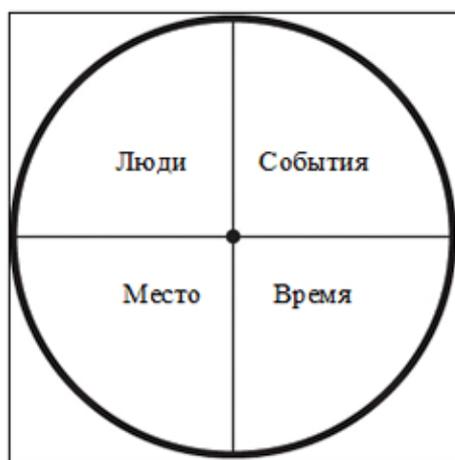

Рис. 2

Чем же в таком случае является этот *непрерывный* рассказ человека о своем прошлом? Можно ли Геродота называть «отцом истории» или, напротив, «отцом лжи», как его прозвали еще при жизни некоторые соплеменники, и не является ли ложь «пер-

вородным грехом» исторической науки? Является ли история *наукой* или она есть просто *миф* как коллективная *память* о реальных событиях вперемешку с фантазиями и субъективными оценками, обусловленными частными интересами людей и их индивидуальными особенностями?

В свое время Артур Шопенгауэр, категорически отказав истории в статусе науки, отнес ее к разряду *эстетики* (и в этом была известная доля истины – недаром люди представляют себе образ прошлого, разные эпохи и цивилизации в первую очередь *эстетически* как череду «картинок»), хотя при этом по *важности* поставил ее выше всякого другого знания для жизни любого народа, сравнив историю с *личной памятью* каждого человека [11, с. 460–466].

Отвечая на вопрос о *научном статусе* истории, следует категорически сказать: «Да, история – это наука», уже хотя потому, что история, как и всякая другая наука, есть *информация* об объективной действительности, о чем уже было сказано выше. В «сухом остатке» любая история – это *хронология*, точнее, топология и хронология, которые сообщают нам *информацию* четырех видов о месте, времени, событиях и людях (рис. 3).

Наукой вообще можно назвать любое относительно *достоверное*, то есть эмпирически проверяемое знание, или *верифицируемое знание*, как принято называть этот признак в теории научного познания XX в. [12], а таковыми являются только такие знания, которые касаются исключительно мира существования *конечных* во времени и пространстве вещей и явлений; в мире, где всё подчинено, или *детерминировано*, естественными причинами. В отличие, скажем, от метафизических и религиозных представлений людей о *вечном и бесконечном*, о замысле и проведении Божьем, о потустороннем, о чудесах и высшем предназначении чего бы то ни было, конечных целях бытия и т. п. Всё это никогда не было и в принципе никогда не будет доступно *никакой* науке (ни математике, ни физике, ни истории), поскольку лежит *за пределами* научного познания и его возможностей, и может относиться либо к *желаниям и страхам* людей, либо к их *религиозной вере*, столь же окончательно не доказуемой, сколь и не опровергаемой (именно по этой причине вера и называется верой). С этой точки зрения, история как наука *ничем* не отличается от математики или естествознания.

Присутствует ли в истории момент *воображения*, моделирования, гипотетичности? Безусловно, как и в любом *познании вообще*, включая повседневно-практическое, математическое или естественно-научное. Кант вообще считал способность к *продуктивному воображению* обязательным свойством чистого разума вообще [13, с. 111]. Таким образом, и по этому признаку история также ничем не отличается от математики или естествознания. Например, еще никому не удавалось *наглядно представить* многомерное (более трех измерений) пространство, которым то и дело оперируют математики или астрофизики. Еще ни один человек не видел, как выглядит атом или ядро Земли. Однако на этом основании мало кому приходило в голову называть математику, физику или геологию *лженауками*. То, что мы называем лженаукой – это отнюдь не разногласия в определении исходных позиций, методологии и методах исследования. Главные причины появления лженауки всегда лежат *за пределами* науки. Это может быть и тщеславие автора, и его полное невежество, и психическое отклонение, и какой-то частный корыстный интерес, толкающий на преднамеренный обман и подлог. А научные споры между сторонниками различных точек зрения всегда были, есть и будут в любой науке. Это *способ ее развития*. Бесспорные знания – это *смерть* науки.

Что же может быть надежным *критерием научности* исторических знаний, помимо *вменяемости и честности* ученого?

Это, во-первых, *верифицируемость*, или проверяемость, *источников*. Источники – это, собственно, и есть та опора, на которой стояла, стоит и будет стоять историческая наука. И главная проблема, с которой сталкивается исследователь любой темы, это *поиск и сбор* или, напротив, *отбор* источников, поскольку их либо катастрофически мало (а те, что есть, нередко не выдерживают никакой критики), либо чрезмерно много, и тогда возникает проблема отбора наиболее достоверных и репрезентативных свидетельств¹.

Во-вторых, *логичность* как гипотетическое отображение *детерминированности* всяких явлений и события, о которой только что сказано выше. Но именно *гипотетическое* (вероятностное), поскольку формальная логика, при всей своей внешней строгости, «девушка не манерная» и всегда готова оказать услугу в обосновании любой позиции, обусловленной *частным* интересом, о чем еще в XVII в. Томас Гоббс образно сказал так (эти слова любил цитировать В. И. Ленин): «Если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, они бы опровергались» [14, т. 2, с. 133].

В-третьих, внутренняя логическая *непротиворечивость* той или иной исторической концепции, а также ее согласованность с имеющимся *эмпирическим* материалом. Конечно, это, скорее, недостижимый *идеал* для ученого в любой области, к которому следует стремиться, но который никогда не возможно реализовать на 100 % на практике. По этой причине развитие любой науки, в том числе истории, есть череда *сменяющихся* друг друга концепций, как правило, совпадающей со сменой *поколений* ученых.

В-четвертых, «*ее величество практика*», хотя и она, как известно, не является абсолютным критерием как раз в силу своей пространственно-временной ограниченности и исторического характера. Кроме того, замечу, что предмет исторической науки относится к *прошлому*, поэтому тут практическим подтверждением истинности какой-либо концепции не может быть какое-то сбывшееся предсказание о будущем, а есть лишь *обнаружение* (чаще всего неожиданное и случайное) нового свидетельства о прошлом, подтверждающего верность конкретной концепции².

История изучает и реконструирует именно *прошлое*, хотя и опирается при этом на доступные сегодня источники и свидетельства. И, кстати, вовсе не с целью объяснить причины того, «как мы дошли до жизни такой». Разумеется, в *прикладном* плане исторические знания можно, а часто и нужно использовать и с этой целью, но профес-

¹ Сошлюсь на собственный опыт. Еще будучи студентом-первокурсником гуманитарного факультета НГУ, я горел желанием исследовать дохристианскую мифологию наших предков, но столкнулся с проблемой дефицита *достоверных* источников, а вот специализироваться на истории советского периода, где этих источников было море, мне не очень хотелось по причине жесткой регламентации в отборе документов, идеологически предписываемых оценок и фактической обезличенности в описании событий. Поэтому я остановился на изучении истории Сибири XVII в., а именно городских волнений. Тут была и доступная мне весьма обширная источниковая база, и не было жесткой регламентации в интерпретации источников, которые позволяли не только реконструировать те или иных события, но и заниматься изучением социальной психологии и личности конкретных участников волнений, чему я посвятил отдельный раздел дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации, в полной мере оценив мысль британского историка и философа Р. Дж. Коллингвуда о том, что отличие историка-профессионала от романиста заключается в том, что историк знает, какие вопросы можно задавать источнику, а какие – нельзя (См.: Блюхер Ф. Н. Философские проблемы исторической науки. М., 2004. С. 10–11).

² В связи с этим вспоминается лекция известного профессора философии на *историческом* факультете одного из ведущих университетов страны, который приводит студентов прямо-таки в шок вопросом о предмете исторической науки: «*Что изучает история?*», – спрашивает лектор у будущих историков. Те, явно ожидания какого-то подвоха, всё же робко отвечают: «Прошкое». «А вот и нет!», – отвечает лектор. «Невозможно изучать то, чего *уже нет*. Изучать можно только настоящее. История тоже изучает настоящее с точки зрения причин, которые определили его нынешний облик». Такой пассаж, конечно, можно, оправдать какими-то целями риторики как прием активизации внимания аудитории, но по существу он не верный. Всё обстоит как раз с точностью «до наоборот».

сиональный историк, как правило, мало озабочен тем, к каким отдаленным последствиям ведет изучаемое им событие прошлого (особенно древнего прошлого), и тем более совсем не озабочен тем, как оно предопределило его собственный облик и сегодняшний образ жизни. Это попросту *не является предметом* исторической науки. Я уже не говорю о *вариативности* дальнейшего развития событий от всякого настоящего момента. Искусственное «привязывание» настоящего к прошлому будет либо не оправданной *модернизацией* прошлого, либо (что еще хуже) не очень добросовестной «подгонкой под ответ».

Таким образом, с одной стороны от исторической науки находится всякого рода *метафизика* о божественном промысле и предопределении; с другой стороны, – *интересы настоящего*, которые провоцируют стремление обосновывать, а тем более предсказывать и даже предопределять какие-то политические или идеологические моменты будущего. Однако это относится уже к области практической жизнедеятельности общества в *настоящем*, которое всегда ориентировано на *будущее*, а вовсе не к собственно *научному* познанию исторического *прошлого*.

Как уже было сказано, сам *предмет* истории – помимо места, времени и событий – информационно включает в качестве *обязательного* такой «элемент», как *люди*. Поэтому «*антропологическое измерение*» в истории *всегда* так или иначе присутствует. Тем более, когда человек становится главным предметом исторического исследования. В этом случае первое, чего не может не учитывать любой историк, это *телесно-духовная природа* человека [15], которая как бы накладывается на двойственную *субъект-объектную* сущность всякого социального отношения.

Две основные оппозиции в существовании человека: дух – природа (вертикаль) и субъект – объект (горизонталь), как бы «пронизывают» и организуют бытие человека. Будучи же очерченным кругом, эти два вектора бытия человека образуют своеобразную «четверицу», где каждый из четырех сегментов символизирует относительно самостоятельную сферу бытия человека: 1) его индивидуально-телесную жизнь; 2) существование в определенной материально-вещественной среде; 3) жизнедеятельность в системе общественных отношений; 4) внутренний духовный мир (рис. 3).

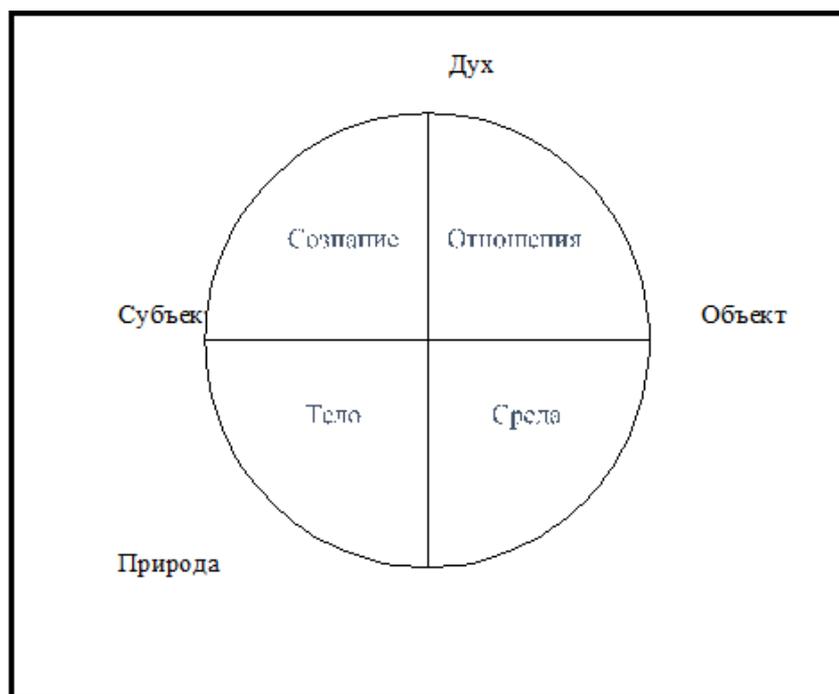

Рис. 3

В этой системе бытия человек как материальное *тело* физически «встроен» в материально-вещественную среду своего обитания, но при этом – благодаря наличию у него *сознания* – выстраивает сугубо *общественные* отношения с себе подобными и формируется как *личность* системой этих отношений. А это, в свою очередь, обуславливает то, что человек – в отличие от Бога – выступает не только в роли субъекта, или творца, собственной истории, но вместе с тем оказывается *перманентным результатом* собственного творения, *продуктом* истории и, таким образом, главным *объектом* исторического процесса.

Конечно, эта схема *метафизична* и не отражает *историчности* бытия человека, *временной* характер его существования. Но она символизирует *инвариантное*, относительно вечное и неизменное в человеке, его константу, которая лишь омывается волнами времени, неспособными изменить его структуру, обозначает неперемennые условия и границы развертывания человеческой сущности. Какой бы *исторический* сюжет мы не исследовали: биографию конкретной личности (не обязательно выдающейся, а просто чем-то нам интересной) или историю народа, цивилизации, сословия, класса, тип личности какой-то эпохи, – ставя задачу исследовать историю в ее *антропологическом измерении*, – мы никогда *не сможем выйти за рамки* обозначенных на схеме подходов, потому что они исчерпывают *все* возможные стороны и формы единого и целостного бытия человека.

Рассказанная история начинается с *мифологии*. Древнегреческое слово *μῦθος*, от которого и произошло слово «миф» во всех европейских языках, в том числе и русском языке, очень многозначно. В языке древних греков словом *μῦθος* означали и слово, и речь (причем искусную), и совет, и предписание, и предмет обсуждения (проблему, как принято сегодня говорить), и замысел или волю богов, и божественную весть, и слухи, и басни, и, конечно, какое-то предание, притчу, повествование, его сюжет или фабулу [16]. Так сказать, «настоящий» миф, – тот, который создавался на заре каждой цивилизации, – это не художественный вымысел и не детская сказка, не историческое предание или легенда, хотя их родство с мифами очевидно [17, с. 11]. Итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико (1668–1744), автор сочинения «Основания новой науки» (1725), недаром называл миф «божественной поэзией», подчеркивая сакральный (священный) характер содержания мифов и особенную форму, делающую их произведением искусства [18].

Согласно символической теории мифа Эрнста Кассирера, мифология (наряду с языком и искусством) – это самостоятельная символическая форма культуры и древнейший вид духовной деятельности человека, отмеченная особым способом символической объективации чувственных данных и эмоций [19]. Символизм мифа заключается в том, что миф может обобщать конкретно-чувственное только становясь знаком, или символом [20].

А. Ф. Лосев так определял сущность (то есть форму, или способ, существования мифа): миф – это непосредственное вещественное совпадение общей идеи и чувственного образа, неразделённость идеального и вещественного, категория мысли и жизни, и даже стихия чудесного, хотя «в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического; это подлинная и максимально конкретная реальность» [21; 22, с. 635].

Подлинный миф, как и живой язык, невозможно просто «сесть за стол и сочинить». Он создается одновременно всеми и никем в отдельности. В мифах выражено вечное – то, что было, есть и будет всегда. Таковы созданные практически одновременно (по историческим меркам, конечно) древнеиндийские «Веды», китайская «Книга перемен», древнегреческие мифы, записанные Гесиодом в «Теогонии», Ветхий завет или скандинавские и финно-угорские мифы. Поэтому Геродот с полным правом мог и дол-

жен был включать в своё сочинение сохранившиеся к тому времени древние мифы и легенды. Однако и сегодня, какими бы строгим критериям научности не старался следовать историк, рассказанная или написанная история по-прежнему выполняет и всегда будет выполнять функцию *мифа* о прошлом. Исторический миф – это способ *самоопределения* как народа, так и всякого человека в историческом пространстве и времени, как в глубокой древности, так и сегодня. *Мифологичность* исторического сознания – это не изъян или недостаток его, а обязательный *атрибут* рассказанной истории, без которого она теряет всякий *смысл* своего существования. И профессиональный историк наряду с деятелями искусства и просто любителями истории всегда так или иначе, намеренно или не отдавая себе отчет, участвует в формировании исторического сознания своего народа и своей эпохи.

Рассказанная история, в которую поверили целые народы или поколения, с годами становится историческим мифом. Но миф мифу рознь. Одно дело миф *героический*: былины о богатырях, легенды о славных походах князей и полководцев, сказания о граде Китеже, о справедливом царе Берендее, «Бородино» М. Ю. Лермонтова, «Война и мир» Л. Н. Толстого, стихи Маяковского о Ленине или строителях Новокузнецка, фильмы «Чапаев», «Баллада о солдате», «В бой идут одни старики», романы «Тихий Дон» и «Молодая гвардия». Совсем другое дело – нарочитая *дискредитация* прошлого вроде байки Сергея Курехина о Ленине, собиравшем в лесу галлюциногенные грибы и в состоянии невменяемости совершивший переворот 1917 г., или фильм «Сволочи», якобы рассказывающий «страшную правду» о Великой отечественной войне, а на самом деле лживый в каждом своем эпизоде, не говоря уже о безнравственности самой затеи создания этой киноленты – дегероизировать и опорочить страну и народ.

Таким образом, содержание мифа обусловлено прежде всего *целью* его создателя. Одно дело – стремление выразить *глубинный смысл* исторического события. Другое дело – желание поёрничать, а то и просто оболгать. Порой исторические анекдоты не менее живучи, чем героические мифы, но – в отличие от подлинного мифа – они *лишены созидательной* силы, социально-исторической *энергетики* и общественно-исторической значимости. *Критерий различения* исторического мифа и фальсификации истории прост – способствует это сохранению *целостности и развитию* личности и общества или, напротив, ведет к их деградации и разрушению: «По плодам их узнаете их» (Матф., гл. 7, ст. 16).

Список источников

1. Аристотель. Политика, I, 1, 1253а // Аристотель : сочинения в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1.
2. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М. : Мысль, 1979. С. 330–331.
3. Гобозов И. А. Гегель и философия истории // Философия и общество. 2017. № 4. С. 5–16.
4. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 91, 109–110.
5. Соколов В. В. Философия как история философии. Фундаментальный учебник. М. : Академический проект, 2010. 843 с. Режим доступа: <http://texts.news/istoriya-filosofii/bog-kak-sverhabsolyutizirovannyiy-predelno-19246.html>.
6. Дворецкий И. Латинско-русский словарь. М. : Русский язык, 1976. С. 687, 964.
7. Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1993. С. 8.

8. Кант И. Сочинения в 6 томах. – М. : Мысль, 1964–1966.
9. Бэкон Ф. Новый органон // Сочинения в 2 томах. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 18–19.
10. Молчанов Ю. Б. Проблема субъекта (наблюдателя) в современной физике // Вопросы философии. 1981. № 7. С. 52–63.
11. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М. : Наука., 1993. Т. 2. С. 460–466.
12. Швырев В. С. Верифицируемость // Новая философская энциклопедия в 4 т. М. : Мысль, 2001.
13. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. С. 111.
14. Гоббс Т. Сочинения в двух томах. М. : Мысль, 1989. Т. 2. С. 133.
15. Корсавин Л. П. О Личности. М. : Изд-во «Директмедиа», 2002.
16. Словарь древнегреческого языка Дворецкого И. Х. Режим доступа: <https://classes.ru/all-greek/dictionary-greek-russian-old-term-42238.htm>.
17. Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира : в 2 т. М., 1997. С. 11–20.
18. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.-К. : ИСА, 1994.
19. Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 т. / пер. с нем. С. А. Ромашко. М.-СПб. : Университетская книга, 2002.
20. Символ. Это слово древнегреческого происхождения: σύμβολον – букв. «совместное бросание», условный знак, сигнал. В древнегреческих мистериях (священных ритуальных таинствах) символом называли тайное слово, пароль, какую-либо вещь, например, половинку разломанной монеты, по которым посвящённые в таинства узнавали друг друга. Позднее символами стали называть предметы, представляющие собой залог какого-либо договора или долгового обязательства либо имеющие тайное значение для определённой группы лиц, корпораций, ремесленных цехов и гильдий, тайных обществ. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
21. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Правда, 1990.
22. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. : Наука, 1993. С. 635. Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/losew03/index.htm>.

А. П. Пручай

*Луганский государственный педагогический университет
Луганск, Россия*

ГЕРОДОТ КАК БИОГРАФ: ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ИСТОРИИ» НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЙ ВОСТОЧНЫХ ЦАРЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности биографических описаний восточных царей в «Истории» Геродота. На примере жизнеописаний варварских правителей анализируются методы и источники Геродота. Особое внимание уделено поэтике биографических сюжетов о восточных правителях, а также их месту в общем сюжете «Истории».

Ключевые слова: *Геродот, История, царь, Крез, Кир, Дарий, Ксеркс*

Abstract. The article deals with biographical descriptions of the eastern kings in The Histories by Herodotus. Author uses the example of barbarian rulers' biographies to analyze Herodotus' methods and sources. Particular attention is also given to the poetics of eastern rulers' biographical storylines and their place in the Histories' plot.

Keywords: *Herodotus, The Histories, king, Croesus, Cyrus, Darius, Xerxes*

Основоположником исторической биографии и как литературного жанра, и как направления исторического исследования принято считать Плутарха, древнегреческого автора римской эпохи, жившего в середине I – начале II в. н. э. Его «Сравнительные жизнеописания» действительно представляют собой образцовый памятник европейской письменной традиции, впервые оформленный как сборник биографий выдающихся исторических личностей. Однако и задолго до Плутарха античные авторы обращались к биографическим сюжетам. Так, в популярном в поздней архаике жанре генеалогий ранние греческие историографы закономерно прибегали к жизнеописаниям отдельных личностей (пусть порой и мифологизированным), повествуя об их родословных. Наиболее ярким же примером использования биографических сюжетов в контексте историописания, конечно, остается «История» Геродота Галикарнасского.

Геродот в самом начале своего труда ясно обозначает цель своего исследования: «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [1, с. 11]. Уже из этого фрагмента видно, что биографические сюжеты в общем повествовании о греко-персидских войнах для «отца истории» играют важнейшую роль. Пожалуй, наиболее ярким примером таких сюжетов в «Истории», можно назвать передаваемые Геродотом жизнеописания варварских царей.

Кроме того, труд Геродота еще с античных времен порождает множество споров: начиная от метода, источников, жанровой идентичности «Истории», заканчивая вопросом о «добросовестности» ее автора. На наш взгляд, биографический материал,

широко представленный в «Истории», предоставляет возможность наглядно ознакомиться с предметом этих споров.

Прежде всего надо сказать, что между греческим историописанием и античной биографией существует устойчивая взаимосвязь. С. С. Аверинцев подчеркивал: «Античная биография возникла и развивалась в отталкивании от монументальной историографии, как порождение центробежных, антимоументалистских тенденций эллинистической культуры. Ее жизненной атмосферой был дух неразборчивого любопытства или педантичного коллекционирования нужных и ненужных сведений; иногда эта бесстрастная акрибия сменялась резкой оценочностью и взвинченной риторической патетикой, и тогда возникал биографически оформленный энкомий или его антипод – «псогос» [2, с. 176].

Сам Плутарх явно противопоставлял избранный собою жанр и историографию: «Мы пишем не историю, а жизнеописания, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека...» [3, с. 360].

Плутарх, судя по всему, крайне негативно относился к труду Геродота; критике «Истории» он посвятил целое сочинение («О злокозненности Геродота»). Основным объектом критики Плутарха стало то, какими средствами пользуется Геродот, описывая жизни и поступки отдельных исторических персонажей, а именно: 1) использует излишне резкие выражения; 2) не к месту упоминает о дурных поступках и пороках; 3) опускает дела, достойные похвалы; 4) из всех имеющихся версий сказания выбирает наихудшую; 5) также выбирает и наихудшее из возможных объяснений чьим-либо поступкам; 6) преуменьшает личные достижения, объясняя их сопутствующей удачей; 7) не верит якобы ложной клевете, которую тем самым скрыто утверждает; 8) скрашивает клевету похвалой, чтобы сделать ее более правдоподобной [4, с. 161–166].

При этом Плутарх очень высоко отзывается о стиле «отца истории»: «Геродот ловко умеет писать, и речь его приятна; его рассказы очаровательны, производят сильное впечатление и изящны <...> Однако его клеветы и злоречия надо остерегаться, как ядовитого червя на розе, – они скрыты за тонкими и лощеными оборотами» [4, с. 202].

Последний пассаж наглядно иллюстрирует сформировавшееся уже в античности двойственное отношение к Геродоту. С одной стороны, «История», заявленная как исследование вполне конкретного исторического события, на первый взгляд представляет собой лишь логографию связанных с ним единичных фактов. Этого основания было достаточно, чтобы уже Аристотель отказал труду Геродота в поэтичности [5, с. 655]. С другой же стороны, «История» содержит в себе слишком много явных неточностей и искажений и даже намеренных авторских правок, чтобы получить признание от древних историков. Уже Фукидид косвенно критикует Геродота за недобросовестное описание исторических событий [6, с. 13]. Так, еще в античности Геродот обрел славу не только «отца истории», но и «отца лжи».

Эту традицию унаследовали и историки последующих поколений: усматривая в труде Геродота строго историческое содержание, исследователи вплоть до середины XX в. были обречены либо критиковать автора именно как «недобросовестного историка», искажающего факты, либо указывать на ненадежность и недоброкачественность его источников [7, с. 281–282]. На наш взгляд, такое отношение прекрасно отражает содержащиеся в «Истории» повествовательную и научную традиции, глубоко исследованные А. И. Доватуром [8].

Биографический материал в «Истории» предоставляет исследователю широкое пространство для анализа источников Геродота и его методов работы с ними. Среди источников Геродота современное антиковедение выделяет три группы: 1) данные ав-

топсии (ἀὐτοψία), то есть личных наблюдений Геродота; 2) устные данные, опрашиваемых Геродотом; 3) письменные данные документов и эпиграфики [8, с. 10; 9, с. 36].

Если сведения устного происхождения наряду с автопсией бесспорно признаются большинством антиковедов несомненным источником Геродота, то по отношению к его работе с документальной прозой существуют серьезные разногласия [7, с. 281]. Среди зарубежных исследователей сегодня распространена тенденция вовсе не брать во внимание факт обращения Геродота к письменным источникам [10, р. 108–115].

Между тем Геродот несколько раз указывает на то, что он знакомился с данными папирусов или той или иной надписи (напр., V.59, VII.228); явно видно также, что Геродот был хорошо знаком с сочинениями Гекатея Милетского (II.143, VI.137). Однако все же прямых ссылок на письменные источники в «Истории» в пять раз меньше, чем ссылок на данные, полученные устно. [11, р. 26]

По мнению А. И. Доватура, о работе Геродота с письменными источниками могут косвенно свидетельствовать стилистические особенности его сочинения, отражающие научную традицию греческой историографии [8, с. 13–14]. «История», например, обильна детальными списками (напр., I.101, 125; II.166; VII.61–99) и «инвентарными» перечнями (напр., I.14, 50–52; II.62; IX.80, 82) с подробными количественными и качественными характеристиками, которые никак не свойственны устной традиции. Значительная часть этих списков помещена в состав логосов о восточных царях.

В качестве примера можно привести списки посвячительных даров и жертв в логосе о Крезе (I.14, 50–52), список мидийских племен в логосе о Деиоке (I.101), список персидских племен в логосе о Кире (I.125), перечень персидских сатрапий в логосе о Дарие (III.90–95), список отдельных контингентов и народов в составе войска и флота Ксеркса (VII.61–99) и многие другие. Что характерно, Геродоту явно присуща попытка несколько скрасить сухость языка научной прозы: он часто пытается разнообразить языковые конструкции при перечислениях [8, 18–22].

В. В. Белов полагает, что изобилие списков и вообще тончайших подробностей политического устройства державы Ахеменидов и персональных сюжетов правящей династии свидетельствуют либо о работе Геродота с официальными или полуофициальными персидскими документами, либо о наличии у него какого-то осведомителя, вполне возможно приближенного к царскому двору [7, с. 286–287]. Второй вариант подводит нас к рассмотрению повествовательной стороны «Истории», отражающей передаваемые Геродотом сведения устной традиции.

Действительно, основным источником Геродота является именно историческая новелла, порождение местного фольклора: сага, легенда, рассказ, анекдот – словом, все то, что сам историк называет словом λόγος. Вместе с этими новеллами на страницы «Истории» перенеслись и их характерные черты: прямая речь, характеристика персонажей через их поступки, конкретика, наглядность, наличие главного героя и т. д. [8, с. 65]

Свое изложение собранных логосов Геродот строит сообразно обозначенной им самим цели всего сочинения. Он упорядочивает передаваемые сюжеты о царях так, чтобы они, в первую очередь, служили раскрытию темы греко-персидских войн. Г. В. Казанцева замечает, что, «ключевые понятия “события – деяния – войны”, поставленные Геродотом в один семантический ряд и составляющие тем самым внутреннее идейнотематическое единство “Истории”, подводят к умозаключению, что творческая сверхзадача автора ограничивалась не только рамками исторического экскурса в прошлое, но и предполагала также и освещение жизнеописаний “деятелей”, творивших и совершавших эти великие события в эпоху античных войн» [12, с. 1516–1517].

Геродот помещает биографии своих царей в широкий этногеографический и политический контекст, следуя в этом традиции логографов. Эпизоды с описаниями

местности, народов и истории отдельных регионов и стран «отец истории» зачастую превращает в органическую часть жизнеописания того или иного правителя данной страны [13, p. 27].

М. Ланг считает, что описание жизни выдающихся людей (в том числе варварских царей) в «Истории» соответствует модели «взлет – падение»: значительная часть описываемых Геродотом царей после успешного начала своего правления затем терпят неудачу. В этом исследовательница усматривает существенное влияние на «отца истории» эпической традиции, а также, возможно, современной ему драматургии [13, p. 120–126].

В рамках этой биографической модели в «Истории» оказываются, прежде всего, такие цари, как Крез, Кир, Дарий и Ксеркс. Описание их судеб вполне созвучно тому ясно читаемому убеждению Геродота о переменчивости счастья, которое он вкладывает в уста Солона (I.30-32).

Кроме того, в биографических описаниях этих царей у Геродота явно прослеживается устойчивая система сюжетных мотивов, среди которых выделяют следующие: мотив надменной дерзости (ὑβρις), за которой следует возмездие (νέμεσις); мотив наказания (τίσις) потомков за деяния предков; мотив мудрого советчика; мотив неизбежности судьбы (χρῆών); мотив неверного толкования пророчества, изречения оракула, приводящий к краху; мотив нарушения границ; мотив «зависти богов» (φθόνος) [14, с. 45; 15, с. 71].

Многих исследователей это наводит на мысль о сознательной обработке Геродотом собранных биографических сюжетов с целью придания им поэтического характера [15, p. 226]. На этом особенно настаивают сторонники т.н. «концепции лжеца», утверждающие, что подлинный метод Геродота вовсе не исторический, но художественный: «Herodotus' method is artistic, not historical» [16, p. 65].

Логос о лидийском царе Крезе удивительным образом сочетает в себе каждый из перечисленных выше мотивов. Геродот начинает свое повествование именно с описания жизни и правления Креза по той причине, что его он считает первым правителем, который разрушил своего рода «стену» между миром эллинов и миром варваров, сделав греко-персидские войны неизбежными (I.6).

Приводимая Геродотом история жизни Креза является хрестоматийным примером греческого понятия спеси, гордыни (ὑβρις), которая представляет собой «дерзостное стремление человека подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка» [17, с. 32].

Так, Крез, получив пророчество оракула о том, что, если он «...пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство» [1, с. 26], толкует его в свою пользу, бросая таким образом вызов самой судьбе и своими собственными действиями воплощая предначертанное.

Неверно истолкованный сон, например, вскрывает страх Кира о своей власти, ведь на пике своего могущества он убежден, что будет свергнут Дарием (I.209-210). Двумя главными причинами похода на массагетов Геродот называет возвысившееся над человеческим самомнение Кира (τὸ δοκέειν πλεόν τι εἶναι ἀνθρώπου) и до сих пор сопутствующую ему в войнах удачу (εὐτυχίη) (I.204). Здесь мы также видим несомненное проявление ὑβρις.

На жизненном пути Креза ему встречается мудрый советчик Солон, который предостерегает царя о переменчивом характере удачи, «ведь уже многим божество [на миг] даровало блаженство, а затем окончательно их погубило» [1, с. 21]. После своего падения Крез и сам становится своего рода советчиком у царя Кира. Дария и Ксеркса аналогично пытался убедить не переходить Дунай и Геллеспонт советчик Артабан

(IV. 83; VII. 10). Египетский правитель Амасис предостерегает самосского тирана Поликрата о том, что удаче свойственно покидать людей (III.40–43, 125).

В жизнеописании Ксеркса снова утверждается безвластие человека над собственной судьбой: каким обдуманым бы не было решения царя, если ему уготовано Роком потерпеть поражение – так оно и будет. «Напротив, тому, кто принял плохое решение, может, если судьба к нему благосклонна, выпасть даже неожиданное счастье, но, несмотря на это, решение остается не менее плохим. ...перуны божества поражают стремящиеся ввысь живые существа, не позволяя им возвышаться в своем высокомерии над другими. Малые же создания вовсе не возбуждают зависти божества» [1, с. 317–318].

Пересечение естественных границ в сюжетах «Истории» о царях становятся своего рода точкой невозврата. Как правило, в качестве этих границ выступают реки или проливы. Переход Крезом Галиса, Киром Аракса, Дарием Дуная, Ксерксом Геллеспонта – все это те моменты, после которых удача покидала царей [18].

На основании изложенного можно предположить, что Геродот поэтически связывает свои логосы о царях единой повествовательной структурой. В их основе лежит вопрос о власти человека (даже такого могущественного, как восточный царь) над собственной судьбой.

В «Истории» также уживаются две версии о вине Креза: лидийская и греческая, в частности дельфийская и ионийская [8, с. 191]. Согласно дельфийскому преданию, лидиец несет ответственность за поступки Гигеса, которому он приходится потомком в пятом поколении. Что интересно, логос о Крезе Геродот начинает вовсе не с рождения лидийского царя, но с описания его родословной. Жизнь Креза «отец истории» описывает с момента его восшествия на престол.

Жизнеописание Кира Великого же не ограничено периодом его правления, но также охватывает и его детство. Надо сказать, что Геродот вообще вполне удовлетворен степенью своей осведомленности о персидском царе: «Я буду описывать деяния Кира так, как передавали мне некоторые персы, желавшие не слишком восхвалять его, но рассказывать только правду. Я, впрочем, знаю, что о Кире и его деяниях существуют также и другие рассказы, а именно три» [1, с. 42].

Кир еще младенцем должен был быть убит по приказу его деда, царя Астиага, ибо тому также явился сон, в котором Кир свергает мидийского правителя. Желая избежать собственного Рока, Астиаг приказывает убить своего внука одному из подчиненных, сам того не зная, обращая предсказанное в действительность.

Сюжет о спасении обреченного на смерть младенца пастухом является очень распространенным во всей индоевропейской традиции. А. С. Сапогов усматривает в передаваемой Геродотом версии значительное влияние восточной традиции митраизма и мидийского культа почитания быка [14, с. 47]. Так, например, приемного отца Кира в «Истории» зовут Митридат, который к тому же является пастухом (*βοῦκόλος* – то есть пастух именно крупного рогатого скота). Пастух, в свою очередь, играет существенную роль в традиции персидской [14, с. 49].

Таким образом, биографические сюжеты о восточных правителях в «Истории», как нам кажется, прекрасно иллюстрируют источники и методы Геродота Галикарнасского. Так, в контексте повествования о жизни царей «отец истории» прибегает к данным, которые он, судя по всему, получил из имеющихся у него под рукой письменных материалов или из прочитанных им надписей. Вместе с тем жизнеописания варварских царей отражают основной источник Геродота – устные предания, собранные «отцом истории» в ходе его путешествий, многие из которых он явно подверг художественной обработке. В некоторых из них видны явные следы собственно восточной традиции, которые в синтезе с классическим эллинским мировосприятием Геродо-

та образуют уникальные образы. Жизнеописания таких восточных правителей как Крез, Кир, Дарий и Ксеркс, подчиненные основной исследовательской задаче «Истории», в передаче Геродота из простого изложения собранных им сказаний обращаются в увлекательные рассказы, понятные любому его современнику-греку, ясно отражающие представления о человеческой жизни самого автора.

Список источников

1. Геродот. История: в 9 кн. Л. : Наука, 1972.
2. Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М. : Наука, 1973.
3. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М. : Пушкинская библиотека, 2004.
4. Плутарх. О злокозненности Геродота // Геродот. М.; Л., 1947. С. 161–203.
5. Аристотель. Поэтика // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.
6. Фукидид. История. Л. : Наука, 1981.
7. Белов В. В. К вопросу о персидских источниках Геродота // XVI Ежегодная богословская конференция. 2006. С. 281–288.
8. Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота в VI–V вв. до н. э. Л., 1957.
9. Соболевский С. И. Геродот // История греческой литературы / под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1955. Т. 2. С. 28–69.
10. Burn A. R. Persia and the Greeks. New York, 1961.
11. Balcer J. M. Herodotus and Bisitun: Problems in Ancient Persian Historiography. Stuttgart, 1987.
12. Казанцева Г. В. Античная биография и монументальная историография: описание жизни «великих» мужей в контексте исторического и биографического повествования // Научный альманах. 2015. № 9. С. 1514–1522.
13. Lang M. Biographical patterns of folklore and morality in Herodotus' History. Michigan, 1944.
14. Сапогов А. С. Образ царской власти Ахеменидов у Ксенофонта : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Саратов, 2007. 185 с.
15. Суриков И. Е. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // История. Мир прошлого в современном освещении : сб. научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. СПб, 2008. С. 67–82.
16. Haywood J., Post D. The Downfall of Croesus and Oedipus: Tracing Affinities Between Herodotus' Histories and Sophocles' Oedipus Tyrannus // Classical World. Vol. 115. 2022. № 3. P. 225–259.
16. Fornara Ch. Herodotus An Interpretive Essay. Oxford, 1971.
17. Суриков И. Е. Чему учила «диалогия» Софокла об Эдипе? // Hypothekai: Журнал научных статей по истории античной педагогической культуры. 2018. № 2. С. 17–33.
18. Сапогов А. С. Кир и Крез у Геродота: проблема пересечения водных границ // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23751>.

Е. В. Бесчастных

*Хакасский государственный университет
имени Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия*

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК МЕТОД ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ)

Аннотация. В рамках данной статьи наставничество рассматривается как метод подготовки кадров в годы Великой Отечественной войны. Опытные сибиряки-железнодорожники помогали в освоении профессиональных навыков выпускникам школ и фабрично-заводских училищ, женщинам, заменившим своих мужей, ушедших на фронт, а также лицам, мобилизованным на работу и не имевшим трудового опыта на стальных магистралях. Сделан вывод о том, что в сложное военное время наставничество способствовало быстрой подготовке квалифицированных кадров и выполнению Красноярской железной дорогой военно-стратегических и народно-хозяйственных задач.

Ключевые слова: *наставничество, Красноярская железная дорога, Великая Отечественная война, квалифицированные кадры*

Abstract. Within the framework of this article, mentoring is considered as a method of training personnel during the Great Patriotic War. Experienced Siberian railway workers helped graduates of schools and factory schools, women who replaced their husbands, went to the front, as well as persons mobilized for work and had no labor experience on steel highways in mastering their professional skills. It is concluded that in difficult wartime mentoring contributed to the rapid training of qualified personnel and the fulfillment by the Krasnoyarsk Railway of military-strategic and national economic tasks.

Keywords: *mentoring, Krasnoyarsk Railway, Great Patriotic War, qualified personnel*

Уровень профессионализма работников является решающим фактором развития любого производства. Теоретических знаний, полученных в период обучения, недостаточно для того, чтобы работник мог справляться с поставленными задачами. Человек должен обладать хорошими практическими навыками, понимать все тонкости производственного процесса, любить профессию, верить в свои силы, уверенно чувствовать себя в коллективе – все это дает наставничество.

Наличие квалифицированных кадров на железной дороге позволяет обеспечивать безопасность перевозок людей и грузов, что является одним из базовых принципов работы данной отрасли. Наставничество стало частью технологического процесса стальных магистралей страны. Представители основных железнодорожных профессий во все времена начинают свою профессиональную деятельность под руководством наставников. Например, «машинисты локомотива, пройдя обучение и отработав в качестве помощников машиниста, в обязательном порядке должны совершить определенное количество поездок под руководством опытного машиниста-инструктора. И только

после этого, с учетом заключения наставника, могут быть допущены к самостоятельной работе» [1]. Диспетчеры и дежурные по станции также в течение некоторого времени стажировались под руководством наставника, потом проходят аттестацию и только после этого допускаются к самостоятельной работе. Наставничество на железной дороге распространяется как на новых работников, так и на тех, кто вступает в новую должность.

Особую значимость и широкое распространение наставничество как метод подготовки кадров получило на железной дороге в годы Великой Отечественной войны. Большинство квалифицированных рабочих ушли добровольцами или были призваны на фронт, к работе на транспорте активно привлекались женщины и подростки. Поэтому опытные железнодорожники стали обучать большое количество новых работников: выпускников школ и фабрично-заводских училищ, а также людей, ранее никак профессионально несвязанных со стальными магистралями, чтобы они смогли приступить к работе в максимально короткие сроки.

Данная тема уже становилась предметом исследования ряда авторов, которые в своих публикациях представили опыт шефства и наставничества на железной дороге при выделении основных этапов развития системы наставничества в Советском Союзе в целом [2; 3]. Значимость наставничества в деле подготовки кадров в суровое военное время отмечена в большинстве статей и монографий, характеризующих вклад железных дорог в победу в Великой Отечественной войне [4–6].

В рамках данного исследования представлены результаты анализа системы наставничества как метода подготовки кадров на Красноярской железной дороге в 1941–1945 гг.

Для написания статьи были использованы документы и материалы, характеризующие производственную деятельность Красноярской железной дороги в период войны и хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края, личные дела железнодорожников из фондов Регионального подразделения по сохранению исторического наследия на станции Абакан, материалы публикаций газеты «Советская Хакассия», а также фрагменты воспоминаний железнодорожников, размещенные и представленные в открытом доступе сети Интернет.

С началом Великой Отечественной войны многие работники Красноярской железной дороги были призваны или добровольцами ушли на фронт. В ряды народного ополчения вступили 78 % работников паровозного депо станции Абакан [7]. Необходимость выполнения железнодорожниками военно-стратегических и народнохозяйственных задач потребовала привлечения к работам значительного числа женщин и молодежи, включая подростков, большая часть из которых не обладала необходимыми знаниями и навыками. Школы фабрично-заводского обучения перешли на ускоренную подготовку рабочих кадров для стальных магистралей. Все перечисленные обстоятельства обусловили широкое использование системы наставничества среди сибиряков-железнодорожников в военные годы.

Молодые рабочие, окончившие школы ФЗО и присланные на постоянную работу в подразделениях Красноярской железной дороги, с первых дней встречали внимание и заботу со стороны хозяйственного руководства. Так, например, 15 молодым рабочим вагоноремонтного пункта депо станции Красноярск «было предоставлено хорошо оборудованное общежитие, оказана помощь в освоении практических навыков» [8, л. 322]. Начальник вагоноремонтного пункта Иващенко¹ и секретарь партийной организации Гребнев проводили повседневную воспитательную работу с вновь прибывшими кадрами, что способствовало их быстрой адаптации в коллективе.

¹ Здесь и далее в материалах архивных документов имена действующих лиц не указаны.

Шефская помощь и наставнические советы в практическом освоении профессиональных навыков способствовали тому, что молодые слесари-вагонники быстро осваивали производственный процесс и являлись примерами исполнительности и дисциплинированности. Начальник Красноярской железной дороги Л. Соболев в своем Приказе № 377 от 18 ноября 1941 г. «Об использовании и закреплении молодых рабочих, окончивших школы ФЗО», отметил то, что производственные задания молодыми рабочими дороги «систематически перевыполняются. Так, в октябре Яценко довел производительность труда до 151 %, Пирогов до 171 %, Горюнов до 177 %, а Вдовин до 284 %» [8, л. 322]. И далее в этом же Приказе начальника дороги: «На станции Абакан работают стрелочниками два бывших учащихся ФЗО т. т. Дикий и Казанцев. Оба работают добросовестно. Особенно тов. Дикий который отлично знает и точно выполняет правила технической эксплуатации и является стахановцем» [8, л. 322].

Безусловно, представленные успехи молодых рабочих напрямую зависели от той системы шефства и наставничества по отношению к выпускникам ФЗО, которая существовала на Красноярской железной дороге в военное время в том числе, направлялась и курировалась руководством дороги. Л. Соболев в своем Приказе четко указывал на необходимость проведения «обмена опытом работы лучших стахановцев и старейших рабочих предприятия с молодыми специалистами», а также на «важность правильного использования молодых специалистов и подготовку из них высококвалифицированных кадров дороги» [8, л. 322].

Даже спустя десятилетия бывшие молодые железнодорожники с большой теплотой вспоминают своих наставников, несмотря на трудности и лишения военного времени. Примером может быть отрывок из воспоминаний бывшего жестянщика вагонного депо станции Иланская О. Силича: «Шла война, мы жили голодно, трудно. Но мне, подростку, лучшей поддержкой на работе было ободряющее слово, хотелось, чтобы заметили, похвалили, поверили. Мой труд новичка был скромным, но все равно когда что-нибудь получалось, светлело лицо у моего наставника, он по-отцовски смотрел на меня и говорил: “Молодец!”. Тогда мой наставник уже тяжело болел и энергично свои чувства не выражал. Но этого мне было достаточно, чтобы поверить в себя, стать жестянщиком» [9].

Помощниками в наставническом движении стали ветераны-пенсионеры железной дороги, которые в годы войны возвращались на свои рабочие места. Одним из первых вернулся на Красноярский паровозовагоноремонтный завод пенсионер Н. И. Юсупов, проработавший на заводе 30 лет. Через газету он выступил с призывом: «Товарищи старые кадровые рабочие! У нас есть богатый опыт и практика, идемте на производство. Давайте учить молодежь. Этим мы освободим для фронта сотни пулеметчиков и танкистов и внесем свой вклад в дело борьбы с фашизмом» [9]. Н. И. Юсупова поддержали десятки пенсионеров-железнодорожников. К работе вернулись 72-летний С. М. Космынин, 70-летний Ф. Т. Карпов, 65-летние А. И. Данилов и П. П. Колегов и многие другие. Ветераны железной дороги вставали к станкам и передавали свой опыт молодым рабочим.

Наставничество пенсионеров-железнодорожников было не только по отношению к молодежи, но также и к женщинам, бывшим домохозяйкам, которые в годы войны активно осваивали транспортные профессии. Характерный случай произошел в Политотделе станции Боготол. Туда пришли жены работников паровозного и вагонного депо Румянцева, Желтова, Ускова, Сабина и Игнатьева, которые попросили направить их на работу с такими словами: «Наши мужья хорошо зарабатывают. Просим работу не из-за того, что нуждаемся в деньгах, а потому, что хотим помочь Красной Армии скорее разгромить и уничтожить фашистов. Направьте нас на любую работу. Весь

свой заработок мы будем отдавать в фонд укрепления обороны страны. Будем овладевать транспортной специальностью, чтобы в случае необходимости стать на место мужчин» [8, л. 76]. Политотдел отделения удовлетворил просьбу женщин, и они были направлены работать на строительство.

В июле 1941 г. в депо станции Боготол группа из 16 домохозяек изучали токарное дело под руководством пенсионера, слесаря высокой квалификации П. Никольского. Руководством депо было выделено несколько станков для этой группы. В письме, адресованном в Политотдел дороги, Хворостова, Титовская и другие женщины-наставницы сообщали: «Товарищ Никольский учит нашу бригаду как отец. Заботится о каждой из нас, обеспечивает материалами. С его помощью мы станем квалифицированными производственниками» [8, л. 76].

На Клюквенской дистанции пути в августе 1941 г. ремонтного рабочего Воронина призвали в действующую Красную Армию. Его жена немедленно приступила к выполнению обязанностей рабочего, заменила своего мужа и под руководством дорожного мастера Зеленцова выполняла производственное задание на 125–130 %. Одновременно она изучала должностные инструкции, правила технической эксплуатации и усиленно готовилась сдать экзамен на бригадира пути.

В последующие периоды Великой Отечественной войны женщины, получившие железнодорожную квалификацию, также, в свою очередь, становились наставницами для своих «трудовых подруг». Таких примеров, подтверждаемых различными производственными документами Красноярской железной дороги, немало. Свердловщица депо станции Красноярск Кошура обучала своим навыкам группу женщин. Старший стрелочник Нарейко стала наставником группы из 11 домохозяек. Жены машинистов Садко (депо станции Иланская), Бабич и Герасименко (депо станции Красноярск) освоили профессии своих мужей, приобрели квалификацию, а затем привлекли еще группу женщин, став им наставниками [8, л. 76].

В 1942 г. на основании Приказа Наркома путей сообщения № 558/Ц о подготовке кадров ведущих профессий паровозного хозяйства начальником Красноярской железной дороги Л. Соболевым было издано распоряжение об организации дорожной стационарно-технической школы паровозных машинистов и их помощников для «подготовки и создания необходимого резерва кадров ведущих профессий паровозного хозяйства» [10, л. 71]. В качестве преподавательского и инструкторского состава было принято решение использовать «инженеров и техников, высококвалифицированных рабочих-стахановцев, кривоносовцев» [11, л. 153], которые освобождались от основной работы на период до 12 часов в неделю и выступали в роли наставников, помогая приобретать практические навыки работника стальной магистрали тем людям, которые были мобилизованы Постановлением ГКО № 1874 от 5 июня 1942 г. и ранее не работали на железной дороге.

По окончании дорожной стационарно-технической школы паровозных машинистов и их помощников все выпускники распределялись на работу в различные подразделения Красноярской железной дороги с обязательной производственной практикой под руководством опытных железнодорожников. Выпускники краткосрочных курсов по овладению различными железнодорожными специальностями также определялись на практику с последующей сдачей испытаний. Период такого наставничества был различным: от 3–5 дней до 1–2 недель, что определялось должностью, сложностью и ответственностью работ на каждом участке дороги. Также наставники определялись тем работникам дороги, которые меняли свою должность и которым требовались новые профессиональные навыки.

Личные дела железнодорожников позволяют проследить весь путь профессионального роста работника и выявить роль наставничества в подготовке рабочих кадров. Например, Артемьева Александра Антоновна, 1918 г. рождения, русская, беспартийная, с образованием 5 классов, после переезда в 1942 г. к своей матери на станцию Капчалы Красноярской железной дороги, после прохождения производственной практики и успешной сдачи испытания на знание должностных инструкций и правил технической эксплуатации была принята на работу по должности стрелочницы [12, л. 9]. Поскольку испытания были сданы со всеми отметками «хорошо», то приказом начальника 4-го отделения службы движения дороги Артемьева с 16 апреля 1942 г. была зачислена в резерв дежурных по станции. В декабре 1943 г. Александра Антоновна прошла пятидневную практику, выдержала испытания и с 21 декабря была назначена на должность дежурного по станции Капчалы [12, л. 15]. В данной должности она проработала до 1946 г., неоднократно получала поощрения руководства дороги.

И таких примеров освоения профессиональных навыков под руководством квалифицированных работников дороги и последующего карьерного продвижения множество. Представим еще одну биографию работника Красноярской железной дороги. Екименко Валентина Владимировна, 1922 г. рождения, русская, беспартийная, с образованием 5 классов, окончила краткосрочные курсы и после практического обучения 14 апреля 1942 г. была принята проводником вагонов пассажирского резерва станции Абакан. В период работы проводником вагонов Екименко отучилась на курсах кондукторов, сдала испытания, с 25 марта 1943 г. была назначена на должность старшего кондуктора приказом начальника 4-го отделения службы движения дороги [13, л. 9]. 15 апреля 1943 г. она была аттестована в должности комиссией по проведению аттестации работников службы движения станции Абакан. Две поездки Валентина Владимировна совершила под контролем инструктора и приступила к самостоятельной работе [13, л. 12]. 5 июня 1944 г. ОТО НКГБ станции Ужур согласовал кандидатуру Екименко для сопровождения воинских, оперативных и особых поездов [13, л. 13]. 20 сентября 1944 г. она была назначена инструктором кондукторских бригад станции Абакан, и менее чем через месяц ей было присвоено звание бригадной движения. На Красноярской железной дороге Екименко Валентина Владимировна проработала до 19 декабря 1945 г.

Таким образом, материалы исследования показывают, что система наставничества на Красноярской железной дороге имеет глубокие исторические корни. Она формировалась в русле общей политики советской власти и носила широкий массовый характер. Применение наставничества на производствах позволяло оптимизировать и ускорять процесс формирования квалифицированных специалистов и рабочих, существенно ускорять период их вхождения в рабочую среду, а также мотивировать работников к качественному выполнению своих обязанностей. Наставническая деятельность в СССР являлась необходимым условием адаптации молодых работников и играла большую роль в их профессиональном становлении.

В годы Великой Отечественной войны наставничество стало важнейшим методом решения кадровой проблемы на Красноярской железной дороге. Наставничеством были охвачены три категории работников: выпускники школ и фабрично-заводских училищ, женщины, заменившие своих мужей-железнодорожников, ушедших на фронт, а также лица, мобилизованные на работу и не имевшие трудового опыта на стальных магистралях. Наставничество предусматривало не только помощь в освоении профессиональных навыков, но также и поддержку в решении хозяйственно-бытовых вопросов. Благодаря наставничеству решалась проблема обеспечения подразделений Красноярской железной дороги квалифицированными кадрами, что, в свою очередь, способ-

ствовало решению военно-стратегических и народно-хозяйственных задач в установленные сроки в суровых условиях военного времени.

Опыт наставничества железнодорожники-сибиряки активно используют и в настоящее время, что подтверждает связь и преемственность поколений в деятельности транспортной отрасли нашей страны.

Список источников

1. Соловьева Ю. Наставничество в РЖД является частью технологического процесса // Gudok.ru. Режим доступа: https://gudok.ru/content/social_policy/1418903.
2. Галагузова М. А., Головнев А. В. Наставничество: из прошлого в настоящее // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 6 (79). С. 16–22.
3. Панюшкина Е. В. Развитие наставничества в советском государстве // Роль и место советского государства в мировой истории: опыт, наследие и взгляд в будущее (к 100-летию образования СССР) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2022. С. 97–102.
4. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под ред. Н. С. Конарева. М., 1987. 591 с.
5. Великая Отечественная война в истории Красноярского края : в 5 т. Т. 1. 1941 год / Б. Е. Андюсев, Н. В. Барсукова, Л. Ю. Буданова [и др.]. Красноярск, 2021. 266 с.
6. Великая Отечественная война в истории Енисейской Сибири : в 5 т. Т. 2. 1942 год / Б. Е. Андюсев, Н. Я. Артамонова, Н. В. Барсукова [и др.]. Красноярск, 2022. 272 с.
7. Советская Хакассия. 1941. 3 августа.
8. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-2381. Оп. 8. Д. 19.
9. Красноярская железная дорога в годы войны // Энциклопедия Красноярского края. Режим доступа: <http://my.krskstate.ru/docs/greatwar/krasnoyarskaya-zheleznaya-doroga-v-gody-voyn>.
10. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 476.
11. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-2381. Оп. 8. Д. 21.
12. Региональное подразделение по сохранению исторического наследия на станции Абакан. ОФ. 3107. Оп. 2. Д. 32.
13. Региональное подразделение по сохранению исторического наследия на станции Абакан. ОФ. 3660. Оп. 2. Д. 308.

«ОБРАЗ БУДУЩЕГО» В УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ И ПРОПАГАНДИСТСКИХ МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ЧАСТИ СССР (1941–1943)

Аннотация. Источниками для данного исследования послужили учебники для VIII класса средней школы, в нацистской Германии и пропагандистские материалы, предназначенные для молодежи оккупированных территорий СССР, изданные в период с 1941 по 1943 г. Впервые предпринимается попытка идентификации коллектива методистов и авторов учебников и учебных пособий, приведены результаты количественного анализа брошюр для молодежи.

Ключевые слова: *НСДАП, школьный учебник, количественный анализ, пропаганда*

Abstract. The sources for this study were textbooks for the VIII grade of secondary school, in Nazi Germany and propaganda materials intended for the youth of the occupied territories of the USSR, published in the period from 1941 to 1943. For the first time, an attempt is made to identify a team of methodologists and authors of textbooks and manuals, the results of a quantitative analysis of brochures for young people are presented.

Keywords: *NSDAP, school textbook, quantitative analysis, propaganda*

Процессы формирования образа будущего в учебниках по истории в нацистской Германии и в пропагандистских материалах для молодежи на оккупированной части СССР всегда представляли интерес для специалистов. На стыке методики преподавания, истории, филологии и краеведения появился целый ряд интересных исследований образовательной политики на оккупированных территориях Советского Союза. Но вопрос о том, являлся ли «немецкий образовательный порядок» системным решением или экспромтом на местах, требует ответа. Для этого может быть уместно сравнение подходов к преподаванию истории в нацистской Германии и их возможное отображение в пропагандистских материалах для молодежи.

В основании каркаса исследований учебников и школьного образования исследование Б. Равдина [9], который обрисовал контуры предварительного реестра школьных учебников оккупированных территорий. Анализ состояния школьного образования в оккупированных районах СССР можно обнаружить у Д. Борисова [2], Е. Кринко [5], Ю. Шикалова [13], В. Селютина [10], В. Агеевой [1], Д. Никадимова [6]. Вопросы книгоиздания, в том числе учебников в оккупированной Белоруссии представлены в работе Ю. Туронака [11;12].

К сожалению, работа, начатая краеведами на северо-западе России и в странах Балтии по созданию реестра школьных учебников оккупированных территорий, не была продолжена. В ФРГ и Австрии вопросы образования и школьных учебников под

диктатурой НСДАП представлены широко и являются не только предметом интереса профессиональных историков, но часто являются темами магистерских работ у студентов [27].

Источниками для данного исследования послужили учебники для VIII класса средней школы, изданные в период с 1941 по 1943 г. в нацистской Германии, и вспомогательные материалы для изучения общественных наук. Автор имел возможность работы с ними в открытой библиотеке Института Георга Экерта (г. Брауншвейг). Для анализа пропагандистских материалов на оккупированных территориях были использованы брошюры, хранящиеся в частных коллекциях и музеях. Например, научно-исследовательский центр по изучению истории казачества и антибольшевистского сопротивления (г. Подольск).

Основная сложность в работе с отобранным материалом заключалась в том, что, в отличие от стабильных немецких учебников, для оккупированной части СССР издавались брошюры без выходных данных. Полевые типографии использовали только специализированные обозначения, позволяющие судить только о месте печати. Немецкие пропагандистские брошюры для молодежи не соотносились с системой образования нацистской Германии, а являлись продуктом пропаганды, направленной на конкретную целевую аудиторию. Работа в библиотеке Института Георга Экерта сняла вопрос об этой преемственности, и мы можем уверенно сказать, что авторы учебников истории не оказали никакого влияния на реконструкцию системы образования на оккупированных территориях. Логично, что сложилось два разнонаправленных образа будущего. Первый предназначался для немецкой молодежи, а второй – для молодежи из СССР.

Несмотря на системную структуру школьного исторического образования в нацистской Германии, непростым для исследователя остается вопрос идентификации авторов учебников. В последние месяцы войны возникал соблазн избежать наказания. Смена фамилий, пробелы в биографии, покровительство католической церкви, позволили затеряться и прожить остаток дней вплоть до 1980-х гг., занимаясь привычным делом. Подобный подход демонстрируют и издательства, выпускавшие учебники истории в нацистской Германии. Они существуют до сих пор, но умело скрывают «коричневые пятна» своей истории.

В нацистской Германии среднее образование было восьмилетним. В шесть лет ребенок поступал в народную школу, где получал образование в течение восьми лет. Существовала целая сеть фабрично-заводских школ, где за три года можно было освоить специальность. После окончания фабричных школ 8–10 % от всех учащихся поступали в высшие учебные заведения.

Наиболее важные темы учебного плана по истории преподавались в 7-8 классе народной школы по единому («стабильному») учебнику.

Для понимания эволюции подходов к формированию образа будущего в учебниках по истории в нацистской Германии обратимся к процессу образования рабочей группы авторов, создавших «стабильный» учебник истории для народных школ «Книга по истории для немецкой молодежи» [22; 23].

Первая попытка слаживания авторского коллектива состоялась в 1924 г., когда праздновался десятилетний юбилей Ассоциации учителей истории. В этом году вышла брошюра «Новый путь в преподавании истории» [15], где учителя-методисты Ульрих Хааке [20], Бенно Шнайдер [26] и Бернхард Кумштеллер разместили свои конспекты уроков истории для средней школы и синхронистические таблицы для обучения.

Кумштеллер Бернхард (Фридрих Людвиг) родился в 1890 г. в Пилькалене. Защитил диссертацию доктора филологических наук в 1912 г. в Грайфсвальде. Учитель

народной школы, а затем директор гимназии в Берлине. Как член правления Ассоциации учителей истории занял ведущее место в будущем авторском коллективе.

Б. Кумштеллер не преминул воспользоваться положением в иерархии и разместил в качестве предисловия к книге «Новый путь в преподавании истории» собственный доклад, прочитанный в Геттингене в июле 1924 г. Его текст позволяет сделать ряд выводов о его методических воззрениях.

«Иллюстрация – как форма представления. Экономическая, политическая история, история культуры представляются в своем различии и многообразии. Никаких абстракций в этой книге. Только индивидуальное и конкретное изложение событий (...). В первую очередь, давая характеристику историческим событиям мы используем индивидуальные характеристики, абстрагируясь от общих понятий (...). Ритм занятия идет не только через картину, но и через язык. Язык военного времени отличается от языка мирного, а глава книги об эпохе Реформации не похожа на заметку о девятнадцатом столетии» [15, с. 7].

Большое внимание Б. Кумштеллер уделял использованию социологических данных в учебном тексте, снабженных графиками и диаграммами.

Сходные представления о новом пути преподавания имели и другие соавторы. Ульрих Хааке родился в Бунцлау в 1890 г. Защитил диссертацию по филологии на тему «Байрон и Данте» в университете г. Мюнстер в возрасте 28 лет. С 1918 по 1937 г. работал в Городской старшей школе (нем. «Städtische Oberrealschule mit Reformrealgymnasium») в Берлине в качестве методиста, а затем директором школы в районе Берлин-Целлендорф. В 1920-е гг. У. Хааке интересовался литературой и историей Нового времени. В 1931 г. выходит его первая историческая книга «Германия между Австрией и Россией» [18], а спустя десять лет, уже после смерти автора, справочник по проведению занятий по истории в народных школах, выдержавший несколько переизданий. Погиб в 1940 г.

Еще один соавтор – Бенно Шнайдер. История Бенно Шнайдера довольно запутана. В магистерской работе Й. Зайдля [27], посвященной анализу учебника «Книга по истории для немецкой молодежи» (Венский университет, проф. М. Миттерауэр, р. 1937–2022), Бенно Шнайдер ошибочно атрибутирован как Бертран Шнайдер, автор публикаций по истории, член Римского клуба и французский дипломат [25].

Вместе с тем данные, содержащиеся в каталоге Немецкой национальной библиотеки, довольно скупы. Нам известны год и место его рождения – 1881 г. Михельбах, возле Франкфурта-на-Майне. Дата смерти, как это часто бывает с бывшими членами идеологического фронта НСДАП, неизвестна. Однако поиск в Архиве центрально-европейской провинции Иезуитов наводит нас на священника этого ордена Буркхарда Шнайдера. В опубликованном некрологе (нем. «Totenzettel»), имеющемся в архиве, изложена биография служителя [14].

Он родился в сентябре 1917 г. В его семье было два брата, отец Альберт Шнайдер имел юридическую практику и в 1920-х гг. перебрался во Францию. Мать и двое мальчиков осели в г. Оффенбург, где Буркхард Шнайдер закончил гимназию. Как общаются братья-иезуиты в некрологе, после прихода к власти нацистов Шнайдер был признан неблагонадежным по религиозным взглядам, что не помешало ему поступить на филологический факультет, прервав обучение только в 1940 г., в связи с призывом на военную службу в авиацию. Его брат погиб в 1942 г. В 1940–1941 гг., получив отпуск, Буркхард Шнайдер вернулся в Берлин, окончил филологический факультет и снова отправился на фронт. В феврале 1945 г. он получил тяжелое ранение и был морем эвакуирован из Восточной Пруссии. После этого мы узнаем его только как священника ордена Иезуитов. Пристрастия у клирика были сугубо исторические. В соста-

ве рабочей группы Ватикана в Риме он изучал и собирал документы по истории Второй мировой войны. Умер в 1976 г., ненадолго пережив свою мать.

Мы не можем достоверно утверждать, что Бенно Шнайдер и Буркхард Шнайдер одно и то же лицо, так как необходимо сравнительное исследование текстов. Однако биография Буркхарда Шнайдера, близость мест проживания, рода занятий – может дать широкий простор для дальнейшей идентификации. Соккрытие членов НСДАП, особенно идеологов, после войны стало одной из задач католических конгрегаций. Однако использовались и поддельные документы, связи. Безусловно, опознать авторов нацистских школьных учебников было невозможно и большинство из них благополучно дожили до 1970–80-х гг.

Рабочая группа в составе Б. Кумштеллер, У. Хаацке и Б. Шнайдер готовила к изданию учебник истории, отвечавший программным документам НСДАП. Учебник «Книга по истории для немецкой молодежи» [22; 23] издавался с 1941 г. в Лейпциге (для Остмарки местом издания была Вена) и был одним из самых массовых в VII–VIII классах средней школы. Для настоящего исследования использовались первое и третье издание (1941 и 1943 г.).

Насколько принципы, провозглашенные Б. Кумштеллером в 1924 г., легли в основу этого учебника? Прежде всего обратимся к языку. Язык авторов особенно интересен ввиду его идеологической окраски. Особенностью учебника является большое количество выразительных, эмоциональных дополнений и комментариев. В них не выражено ничего доказуемого или научного, а видна ориентация на чувства, такие как презрение к врагу или восхваление немецкого народа.

«В первые два года войны немецкий солдат совершал сверхчеловеческие поступки, но германский флот по вине Хольвега все еще простаивал в Нефрите» [22, с. 102].

В приведенной цитате можно увидеть оба аспекта языка. Идеологический – утверждение о том, что «немецкий солдат совершал сверхчеловеческие поступки в первые два года войны» вызывает чувство восхищения и гордости за немецкого солдата и эмоциональный – трудно доказать, что в безынициативности германского флота виноват конкретный человек.

«В конце 1919 года один венский еврей радовался: “Теперь мы, евреи, наверху. Теперь мы хозяева, наши пламенные мечты – сбылись”» [22, с. 161].

Вторая цитата очень хорошо показывает, какая бессмысленная «правда» была придумана для того, чтобы вызвать у молодежи чувство ненависти. Перекладывание вины на кого-то было излюбленным приемом методологов-нацистов. В плохих вещах всегда виноваты евреи, марксисты, масоны или слабое немецкое демократическое правительство. Расистские лексические компоненты в учебнике используются для обозначения народов. Целый народ обречен на сведение к одному человеку. Во всем всегда виноват весь народ – «еврей». Собирательное обозначение придает людям определенный характер. Авторам нравится говорить о нордической расе, но этот термин включает не только немцев, но и англичан, норвежцев, поэтому понятие «арийская раса» авторами практически не используется.

Образ будущего в учебнике Б. Кумштеллера получил эмоциональный окрас. Горизонт прогнозирования в учебнике был рассчитан до 1960 г. и представлял подборку статистических данных, которые невозможно было проверить, но которые подталкивали ученика к определенным выводам. Основываясь на принципах пропаганды и визуализации истории с помощью изображений и языковых приемов учебник получился визуально перегруженным.

Например, четыре диаграммы «Увеличение европейского населения» сопровождают утверждение, что «для немецкого будущего опасно, что славянские народы до-

стигают высоких цифр рождаемости» (299). Согласно данным диаграммы в учебнике, если в 1910 г. население Европы насчитывало 34 % немцев, 24,3 % цыган и 41,7 % славян, то к 1960 г. каждый пятый в Европе будет славянином (50,8 %), каждый третий – немцем (26,9 %) или цыганом (26,9 %) (273–1943). Подобные схемы приводятся и в других разделах, но уже в разрезе по странам-соседям Рейха и опять по состоянию на 1960 г.

Использование визуальных форм передачи информации требовало высокого уровня издательского оформления. Ежегодно печатались новые тиражи. К 1943 г. был заменен шрифт и снизилось качество бумаги. Подряды на печать получило издательство «Квелле и Майер» из Лейпцига. Через 25 лет после основания издательства в каталоге издательства значилось более 2500 доступных наименований. Типография была разрушена во время авианалета на Лейпциг в 1943 г. Поскольку после окончания войны было невозможно начать новый частный бизнес в советской оккупационной зоне, Вернер Шмейл перенес издательство в дом своего отца в Гейдельберг. Издательство «Квелле и Майер» и сегодня издает книги по педагогике и дидактические материалы для школы по естественным наукам.

Еще одним подходом к формированию образа будущего являлось активное использование дополнительной литературы для неформального обучения дома или во время самостоятельной работы. Например, «Национал-политическая книга для чтения» В. Дамера [24]. О ее авторе сведений практически не сохранилось. Писатель и педагог родился в 1890 г. Умер в 1963 г. Его перу принадлежат прозаические произведения: «Народ восстает» (1939), «Наши братья по обе стороны границы» (1938), «Ренегаты» (1931), «Время молчания» (1927).

В «Национал-политической книге для чтения» содержатся прогнозные показатели по численности населения до 2075 г. Столица Рейха – Берлин, насчитывающая к 1925 г. 4 млн горожан, должна была скатиться до уровня районного центра, в 2075 г. население должно было составить всего 100 тыс. человек. График сокращения населения и его последствия для будущего Германии сопровождается текстом по мотивам партийной брошюры Отто Хельмута [21].

Из всех перечисленных выше методистов именно Карл Шпрингеншмидт может считаться наиболее «титованным» нацистом. Австрийский учитель и писатель родился в Тироле в 1897 г. С 1938 г. он вошел в состав органов исполнительной власти в Зальцбурге и был лично ответственен за организацию сожжения книг запрещенных авторов. С 1943 г. был штурм-фюрером СС. В конце войны для сокрытия личности использовал псевдонимы Беатус Штрейтер, Кристиан Кройцхаклер. Известны случаи неправильной передачи его фамилии – Шпрингершмидт, Шпрингенмид. Умер в 1981 г. в Зальцбурге.

Альбом схем «Германия в фокусе геополитики» К. Шпрингеншмидта также предлагает дискуссию на тему народонаселения и жизненного пространства для немецкого народа [16].

Завоевание этого жизненного пространства шло полным ходом и на оккупированной территории СССР уже назревал вопрос об открытии школ и начала первого «оккупационного» учебного года 1941/1942. В отличие от нацистской Германии, при изучении корпуса школьных учебников и пропагандисткой литературы для молодежи нужно обратить внимание на три основных ограничения. Первое – люди в оккупации признавались врагами народа. Второе, сохранность дошедших до нас пособий и учебников была обеспечена частными коллекционерами. Третье – время действия образовательной политики немецких властей ограничено всего двумя учебными годами (1941–1942). Представленные ограничения все равно дают возможность ответить на вопрос о том, какие средства визуальной коммуникации использовались для работы с молоде-

жью и школьниками и как влияла образовательная политика в самой Германии на образовательную политику и школьные учебники на оккупированной территории СССР.

В течение шестнадцати дней после начала войны немецкая армия оккупировала весь северо-запад СССР. В зону оккупации попали Киев, Рига, Таллин, Псков, Минск. Началась блокада Ленинграда. Молодежь на оккупированной территории делилась на три категории: 8–12 лет (обязательное четырехлетнее образование), 12–15 лет (не охватывались образовательной политикой), 15–18 лет несли трудовую повинность. Также к этой категории мы отнесем участников молодежных организаций.

В первом учебном году в школе были разрешены советские учебники, но пересмотрены учебные планы. Например, в 3–4 классе (срок обучения в школе составлял 4 года) количество часов немецкого и русского языка было одинаковым. История была запрещена. Центром издания учебников была Рига и Таллин. За основу брались советские учебники и перерабатывались с обновленным содержанием.

Благодаря предварительному реестру школьных учебников оккупированных территорий Б. Равдина мы можем реконструировать авторские коллективы [9]. Один из авторов учебников – Анатолий Флауме – эмигрировал после войны в США. Деятельность его группы поддерживалась немецкими властями.

Подходы к формированию образа будущего в пропагандистских материалах для молодежи на оккупированной части СССР включали в себя дополнительное чтение и внеурочную самостоятельную работу, а также проведение мероприятий для целевой категории в сельских домах культуры.

Дополнительно к учебникам в школьном курсе использовались народные календари, изданные в 1942 г. Они содержали краткие тексты и сведения о Германии и немецкой политике. Они вводились в 3–4-м классе. Из-за дороговизны бумаги и нехватки типографского оборудования, визуальные средства коммуникации практически не применялись. Мы можем найти только несколько примеров рисунков. Например, после чтения текстов о весне, шел небольшой текст про день рождения вождя немецкого народа в апреле с рисунком. Школьники слабо усваивали политические и идеологические сообщения. Поэтому можно сказать, что с точки зрения образования для младших школьников никаких изменений не произошло. Это не скажешь о тех, кого мы можем назвать выпускниками. Подростки вместо школы, несли трудовую повинность. Также на оккупированных территориях были члены молодежных организаций советской власти. Они не посещали школу, но активно привлекались на внешкольные мероприятия. Обсуждение брошюр идеологического характера проходило в клубе или школьном здании.

Количественный анализ средств визуальной коммуникации у шести распространенных брошюр показал, что только четверть из них были предназначены для подростков. В отличие от взрослых визуальных материалов, призванных дать информацию о жизни, быте и распорядке дня, “подростковые” информационные брошюры имели более широкий набор средств коммуникации (фото, рисунки, навигация, коллажи). Основными темами в них были: работа, приготовление пищи, уход за собой, развлечения, изучение языков и экскурсии.

Подходы к формированию образа будущего в пропагандистских материалах для молодежи на оккупированной части СССР содержали в себе различные темы коммуникативных сообщений – экскурсии и развлечения (песни, концерт, прогулки, спорт). Сочетание сразу нескольких видов визуальной коммуникации позволяло облегчить содержание, придав ему обертку «новой» жизни, возможностью задуматься о том, кем подросток станет завтра.

«Одно они знают наверное: они здесь нужны, они будут работать, дабы своим трудом помочь стране, пославшей своих лучших сынов освободить их родину

от страшного ига большевизма. Они внесут свою долю в дело освобождения родины. В эти дни, когда на полях сражений решается судьба человечества на долгие годы, они не останутся посторонними зрителями. Они будут трудиться» [8, с. 3].

Мотивы изнурительного труда и наказаний сглаживались и прятались. Например, в брошюре для молодежи «Привет из Германии» оформитель вообще чаще говорил о развлечениях, чем о рабочих буднях.

«Воскресная прогулка для знакомства с городом. В каждом рабочем городке организуются регулярные экскурсии с научной и просветительской целью, а также для развлечений» [7, с. 12].

Так как авторитет учителя в сельских местностях был высок, образ школьного учителя также использовался. Интересный пример – текст Алексея Яковлевича Запорожца, школьного учителя из деревни Тышковка Кировоградской области Украины. Ему 27 лет. Он бывал в семьях учеников, видел их быт и плохие условия жизни. Старое поколение еще жило без советской власти. А Алексей искал правду. Нашел он ее только после поездки в Германию.

«Моя профессия – преподаватель средней школы (...). Некоторое время я работал в железнодорожной школе и, имея страсть к путешествиям и экскурсиям, имел возможность таковые совершать легче других (...). Работая с детьми и юношами, не мог не чувствовать их скрытую от нескромных глаз душу (...). Но так мне и не пришлось найти и увидеть правду в Советском Союзе! Потом уже иногда и приходилось слышать ее чистый и прекрасный голос, доносившийся из-за границы, но – больше ничего. Знать, существовала смертная вражда между правдой, с одной стороны и жидами и коммунистами с другой, так что вместе жить они никак не могли» [4, с. 8].

Как правило к чтению и обсуждению таких брошюр привлекали педагогический состав и людей, имеющих начальное среднее образование. Чтение и обсуждение проходило на открытой местности, а в зимнее время в помещении дома культуры или школы. Обычно рассказы для молодежи начинались так.

«Золотая осень. Свежее утро. Садимся в вагон электрички. Совершаем пересадку и небольшой переход. Дальше садимся в вагон метро. Берлинский метро тоже очень хорош. Напрасно «наши» старались изобразить его, как сырую, покрытую плесенью и вредную для здоровья «подземку». Еще делаем пересадку и потом сходим. Здесь близко расположен в окрестностях Берлина большой завод инструментов, куда мы приехали на экскурсию» [4 с. 10].

Нужды в этих брошюрах не было, так как они выпускались по запросу оккупационных властей. Производителя данного визуального контента можно было распознать по литерам, поставляемым в конце брошюры. Литера обозначала номер поездатипографии, пропагандистского поезда. Качество брошюры и их ассортимент зависел от наличия в таком поезде бумаги, шрифта, фотостудии. Один из поездов курсировал на северо-западе России, другой был замечен в окрестностях Калуги. Подобные меры были направлены на молодое поколение, которое было вне школьного образования и имело физическую выносливость, запрос на жизненные цели.

«Высокое качество германской продукции славится во всем мире, и германских специалистов повсюду ценят. В специально оборудованных фабрично-заводских школах мы делаем все, чтобы передать молодежи наш опыт и знания. Учеба длится от двух до четырех лет. Молодежь работает в прекрасно оборудованных помещениях. Чтобы образование не было односторонним, молодежь проводит несколько часов на школьной скамье, приобретая не только практические, но и теоретические познания [3, с. 8–9].

В заключение характеристики отмечу, что брошюры для подростков были идеологизированы, мы не встретим там портретов вождей, сведений о национал-социализме. Это могло бы вызвать негативный контраст с советской действительностью.

стью, предполагавшей наличие портретов вождя в учебном классе и литературе для домашнего чтения. Формирование идеологических установок предполагалось уже после прибытия молодых людей в Германию.

Образовательная политика оккупационных властей решала задачи по формированию нового мировоззрения у подростков 15–18 лет. Школа и учебные планы были примитивными, основные педагогические цели – подготовка к ручному труду, немецкий язык, пропедевтические знания в области математики и родного языка. Средства визуальной коммуникации зависели от целевой группы. Для младших школьников (8–12 лет) они практически не использовались. Для старшеклассников, несущих трудовую повинность, использовались брошюры, имевшие множество средств визуальной коммуникации.

Как показал анализ учебников истории, немецкие авторы и составители не участвовали в создании пособий для оккупированных территорий, считая данную задачу исключительно компетенцией Вермахта и его отделов пропаганды. Формированию «образа будущего» у немецкой молодежи по программным документам НСДАП, с использованием сложных текстов, насыщенных средствами визуальной коммуникации, вступало в противоречие с незнанием языка, культуры молодежи с оккупированных территорий. Кроме того, «упрощение» содержания учебников и пропагандистских материалов для оккупированной части СССР позволило убрать из повестки вопросы «перенаселенности», «жизненного пространства», «недоразвитости», которые стали лейтмотивом в немецких народных школах. Если горизонт прогнозирования для «молодых арийцев» был в пределах промежутка с 1960 по 2075 г., для советской молодежи он мог быть в пределах месяца и полугода, в зависимости от физических и профессиональных особенностей, условий труда.

Список источников

1. Агеева В. А. Политика немецко-фашистских оккупантов в сфере образования на территориях Приазовья (1941-1943 гг.): постановка проблемы // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2008. № 2. С. 130–133.
2. Борисов Д. А. Школьное образование в оккупированном Симферополе 1941–1944 гг. // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4. С. 80–86.
3. За работу! Мы поможем тебе! = Hilft mit! Wir helfen dir. S.l. (B34), 1942. S. 8.
4. Как живет немецкий рабочий. Пленный красноармеец рассказывает = Wer lebt der deutschen Arbeiter. S.l., 1942. S. 8.
5. Кринко Е. Ф. Советская школа в годы нацистской оккупации (1941–1944) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2 (23). С. 40–49.
6. Никадимов Д. А. Образовательная политика немецких оккупантов на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны: современная историография // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. № 2. С. 228–233.
7. Привіт з Німеччини = Gruß aus Deutschland. S.l. (B36). 1942. S12.
8. Рабочий день Марины = Marinas Arbeitstag. S.l. (B48). 1942. S3.
9. Равдин Б. Мама мыла пилораму? Стабильный учебник времен оккупации 1941–1945. Предварительный реестр школьных учебников оккупированных территорий СССР. Режим доступа: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/ravdin-pilorama> (дата обращения: 27.12.2022).
10. Селютин В. Н. О системе образования на оккупированной территории Орловской области // Пространство и Время. 2011. № 3. С. 93–95.
11. Туронак Ю. Беларуская кніга пад нямецкім кантролем (1939–1944) // Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня, 2008. С. 323–372.

12. Туронак Ю. Саюз беларускай моладзі ў Нямецчыне // Беларускі Рэзыстанс. 2004. № 11. Сш.1-2(20-21). Сьнежань. С. 198–218.
13. Шикалов Ю. Г. Школьные учебники периода финской оккупации Карелии (1941–1944 годы) // Новейшая история России. 2018. Вып. 8, № 3. С. 708–724.
14. Archiv Zentraleuropäische Provinz der Jesuiten. Режим доступа: <http://provinzarchiv.jesuiten.org> (дата обращения: 27.12.2022).
15. Der neue Weg im Geschichtsunterricht: Beiträge u. Beispiele. Leipzig; Frankfurt am Main. 1924. 35 S. URL: <https://d-nb.info/1149832096> (дата обращения: 27.12.2022).
16. Deutschland geopolitisch gesehen / K.Springenschmid. Leipzig, 1938. 20 S.
17. Haacke U. Byron und Dante. Münster, Phil. Diss. Wohlau, 1916. 95 S.
18. Haacke U. Deutschland zwischen Österreich und Russland, 1879–1890. Breslau : F. Hirt, [1931]. 95 S.
19. Haacke U. Handbuch für den Geschichtsunterricht an Volksschulen. Leipzig : Quelle & Meyer, 1941. IV, 235 S.
20. Haacke, Ulrich. Katalog der deutschen Nationalbibliothek. URL: <https://d-nb.info/gnd/128232323> дата обращения 27.12.2022.
21. Helmut O. Volk in Gefahr. Der Geburtenrückgang und seine Folgen für Deutschlands Zukunft. München. 1933.
22. Kummsteller B., Geschichtsbuch für die deutsche Jugend, Klasse 8 / Hrsg. von G. Ottmer. Leipzig, Quelle und Meyer, 1943. 305 S.
23. Kummsteller B., Geschichtsbuch für die deutsche Jugend, Klasse 8 / Hrsg. von G. Ottmer. Leipzig, Quelle und Meyer, 1941. 334 S.
24. Nationalpolitisches Lesebuch / Hrsg. von W.Damer. Breslau, Ferdinand Hirt, 1935. 250 S.
25. Schneider B. The first global revolution: a report by The Council of The Club of Rome. 1991. New York.
26. Schneider, Benno / Katalog der deutschen Nationalbibliothek. URL: <https://d-nb.info/gnd/1019849312> (дата обращения: 27.12.2022).
27. Seidl J., 2001, Schulbuchanalyse des Buches "Geschichtsbuch für die deutsche Jugend", München, GRIN Verlag, URL: <https://www.grin.com/document/101969>

А. В. Суржко¹, Т. А. Суржко²

¹Сибирский федеральный университет

²Гимназия № 10

Красноярск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ГИМНАЗИИ № 10 (ШКОЛЫ № 102) ГОРОДА КРАСНОЯРСКА (КОНЕЦ 1980-Х – 2020-Е ГОДЫ)

Аннотация. На примере Гимназии № 10 г. Красноярск рассматривается эволюция системы школьного образования в России начиная с конца 1980-х гг. С опорой на интервью непосредственных участников событий анализируются основные реформы школы, идеологическая и законодательная база реформ. Сделан вывод о несовершенстве и незавершенности реформ.

Ключевые слова: Гимназия № 10, школа, реформа образования, Красноярск

Abstract. Using the example of Gymnasium No. 10 in Krasnoyarsk, the evolution of the school education system in Russia since the late 1980s is examined. Based on interviews with direct participants in the events, the main school reforms, the ideological and legislative basis of the reforms are analyzed. The conclusion is drawn about the imperfection and incompleteness of the reforms.

Keywords: Gymnasium No. 10, school, education reform, Krasnoyarsk

Наметившийся к середине 1980-х гг. кризис советской системы не мог не затронуть столь важную сферу государственной политики как общее (среднее) образование. Не будет большим преувеличением сказать, что именно на этом уровне закладываются интеллектуальная основа и морально-нравственные ориентиры будущих полноправных членов общества.

Несмотря на то, что в целом уровень советской школы оставался на традиционно высоком уровне, все отчетливее просматривались негативные тенденции в ее функционировании. Исследователь данной проблематики Т. А. Султанова к числу таковых относит снижение качества обучения в сельских школах и школах маленьких городов, закрытость школы и ее изолированность от общества, жесткую централизацию учебного и административного процесса [1]. Большое влияние на школу продолжала оказывать марксистско-ленинская государственная идеология, которая постепенно выродилась в набор догм и штампов, что также не способствовало качественному развитию образования.

Постепенно снижалась ответственность школы перед обществом и государством, главным критерием оценивания работы образовательного учреждения становились формальные показатели, творческий потенциал учителей ограничивался выполнением общеобязательной программы. Совокупность этих факторов, безусловно, приводила к снижению престижа образования [1].

Разумеется, советское правительство не могло оставить без внимания данную проблему. Начала вызревать будущая реформа общеобразовательной школы (впослед-

ствии ее называли «андроповской» или «черненковской»), старт которой был положен в 1984 г. Несколько забега вперёд отметим, что начавшаяся в тот момент школьная реформа приобрела перманентный характер и не является завершённой до сих пор. Доктор педагогических наук А. В. Овчинников выделяет следующие направления реформы:

- существенное повышение качества учебно-воспитательного процесса (путем оптимизации и актуализации учебных программ, расширения практических и лабораторных занятий и обучения навыкам пользования вычислительной техники);
- коренное улучшение трудового воспитания, обучения и профессиональной ориентации учащихся (путем соединения обучения с производительным трудом);
- развитие общественного воспитания детей и подростков (путем развития групп продленного дня, организации клубной и кружковой работы по интересам);
- улучшение подготовки педагогических кадров (путем переработки программ педагогических учебных заведений и систематического повышения квалификации учителей);
- усиление моральных и материальных стимулов для педагогических кадров;
- укрепление материально-технической базы учебных заведений [2].

Впрочем, не успев полноценно начаться, «андроповская» школьная реформа достаточно быстро застыла и начала вытесняться более радикальной, перестроечной реформой, краеугольным камнем которой стала демократизация педагогического процесса. Большое внимание уделялось расширению прав школьных коллективов и развитию самоуправления, новаторским движениям в образовании [3]. Для реализации намеченной реформы в 1988 г. был создан временный научно-исследовательский коллектив «Базовая школа», который возглавил педагог-новатор Э. Д. Днепров. Под его руководством были разработаны концепция развития образования и устав школы [3].

Несмотря на то, что официально эти документы утверждены не были, многие школы начали активно апробировать на себя новые общеобразовательные тенденции, среди которых выделялись переход от государственного к общественно-государственному управлению школой, дифференциация школьного образования и деидеологизация школы [3].

В дальнейшем нам представляется актуальным рассматривать проблемы эволюции общего образования в России посредством локальной истории. В качестве локации авторами рассматривается образовательная школа № 102 (ныне Гимназия № 10) в Красноярске, основанная в 1988 г., то есть в самый разгар перестроечной образовательной реформы. Ее главным отличием от других школ в тот период времени стало углубленное изучение отдельных предметов, в особенности – эстетического цикла [4].

Ее первым директором и фактическим основателем стал учитель биологии Сергей Павлович Мыльников. Коллеги характеризуют его как «умного, грамотного руководителя, хорошего психолога и справедливого человека», который никогда не повышал голос на своих подчиненных [5]. Он лично занимался формированием коллектива, беседуя с каждым из претендентов по два-три раза. В этом ему помогала завуч, учитель русского языка и литературы Галина Ивановна Ларина [5].

Так, к началу учебного года был сформирован коллектив соратников и единомышленников. Его отличительной особенностью было большое количество учителей-мужчин, а средний возраст педагогического состава варьировался от 25 до 35 лет. Это были молодые, энергичные и талантливые люди, объединенные общей идеей и взглядами на обучение юного поколения [5]. В число «первопроходцев» вошла и Галина Агафоновна Мальцева – со дня основания школы она бессменно занимает должность библиотекаря. Говоря о первых годах работы в школе, она вспоминала, что «общение

в коллективе было очень доброжелательное, никаких подводных течений, “подсизиваний” не было. Мы очень часто собирались коллективом, выезжали на природу, устраивали спортивные соревнования, выходили на субботники. Школа была родным домом» [5]. При этом большое значение имел энтузиазм.

С начала 1990-х гг. в школе стал полноценно реализовываться проект по эстетическому воспитанию детей. Так, все дети, начиная с 1-го класса, занимались музыкой, рисованием, хореографией, театром. Во 2-м классе школьники и их родители выбирали, каким предметом эстетического воспитания ребенок будет заниматься углубленно. Результатом обучения на эстетическом отделении были музыкальные спектакли, где дети танцевали, пели, показывали свои рисунки. Эта деятельность продолжалась и в старших классах. Активнейшую роль в развитии программы эстетического воспитания школьников сыграли завуч Л. М. Черепанова и учитель музыки Н. М. Болсуновский.

Тем временем, реформа школы продолжалась, несмотря на распад СССР и последовавший за ним социально-экономический кризис. В июле 1992 г. был принят Закон «Об образовании» – первый в российской истории документ, который определял, обосновывал и закреплял структуру и функционирование системы образования в стране [6]. По замыслу реформаторов, ключевыми принципами в функционировании школы должны были стать учет способностей и потребностей учащихся. С этой целью была ликвидирована монополия государства на образование, проводилась децентрализация и муниципализация школ, повышалась их административная самостоятельность. Педагогам предоставлялось право творчества и импровизации в учебном процессе, а учащимся – право выбора школы с учетом индивидуальных особенностей [7].

Впрочем, все позитивные замыслы реформы практически полностью нивелировались тем обстоятельством, что государство не могло финансировать образование в нужных размерах. Глобальную задачу по сохранению престижа образования (в том числе участием в забастовках) простые учителя сочетали с практической задачей элементарного выживания в новых условиях. Как вспоминала Г. А. Мальцева, «в школе, как и по всей стране, зарплаты не платили по три-четыре месяца. Однако коллектив был сплоченный – мы готовили сообща, вместе кушали, каждый что-то приносил из дома. При этом делали все, чтобы на обучении детей эта ситуация никак не отразилась» [5].

Наступившие 2000-е гг. открыли новую эпоху как в истории страны в целом, так и в сфере образования в частности. Перемены носили, безусловно, позитивный характер. Так, увеличились общие государственные и бюджетные расходы на образование, что позволило постепенно улучшать материально-техническую базу школы. Что касается зарплаты учителей, то она становилась одной из самых стабильных в стране, несмотря на то, что ее уровень продолжал оставаться относительно не высоким [8].

В рамках продолжающейся с середины 1980-х гг. реформы школы получили право принимать новый статус (гимназий или лицеев) и переходить на новую организационно-правовую форму (в виде казенных, бюджетных или автономных организаций). Планировалось, что таким образом образовательные учреждения приобретут большую самостоятельность и прозрачность деятельности [8].

В 2004 г. директором красноярской школы № 102 стала Светлана Вениаминовна Садовская. В первые месяцы ее руководства школа была преобразована и получила наименование Гимназии № 10. К этому моменту школа уже являлась членом сети инновационных школ «Эврика», была базовой площадкой по реализации всероссийского проекта «Информатизация системы образования», пилотной площадкой по реализации городского проекта «Эффективные модели профильного образования» [4]. Не в последнюю очередь этих результатов удалось добиться благодаря плодотворным усилиям завуча Татьяны Петровны Багинской. Перед новым директором стояла задача эффек-

тивно встроить учреждение в новые реалии и требования образовательной политики Российской Федерации.

5 сентября 2005 г. Президент России В. В. Путин объявил о начале реализации четырех приоритетных национальных проектов, реализация которых была названа в числе основных направлений социально-экономического развития государства. Одним из таких проектов стало «Образование». Данный проект был направлен на поощрение инноваций в сфере образования; подключение школ к сети Интернет, поддержку талантливой молодежи, дополнительные выплаты и поощрение учителям, укомплектование школ дотационных регионов учебным оборудованием и т. д. На реализацию проекта первоначально было выделено 29 млрд рублей [9].

Красноярская Гимназия № 10 стала активным участником нацпроекта и в 2005–2008 гг. получала регулярную грантовую поддержку от государства. За счет этого в значительной степени была улучшена школьная материальная база для исследовательской и проектной деятельности – были приобретены электронные микроскопы, наборы лего-конструкторов NXT, радиоаппаратура, установлены интерактивные доски, проведен Интернет к трем компьютерным классам. В это же время на базе гимназии был открыт филиал Литературного лицея, создан музей сибирских писателей (долгое время его бессменным руководителем была З. Н. Гудкина), открыт литературный центр Р. Х. Солнцева. Началось благоустройство школьного двора, в частности – строительство футбольного поля с беговой дорожкой. В скором времени инфраструктура Гимназии № 10 стала одной из лучших среди красноярских школ [10].

Как отмечала С. В. Садовская, грантовое финансирование позволяло достаточно подпитывать школу, но не позволяло развивать ее постоянно, вывести на высокий европейский уровень. К тому же, с 2009 г. подобная поддержка значительно сократилось [10]. В качестве причин этого можно отметить начало мирового экономического кризиса, а также снижение общей эффективности реализации нацпроекта «Образование».

В рамках продолжающейся школьной реформы получили развитие внеурочная, проектная и исследовательская деятельность, которая становилась неотъемлемой частью новых учебных планов. В Гимназии № 10 наибольшее развитие получило проектно-исследовательское направление. Кроме того, традиционно большое внимание уделялось постоянному повышению квалификации учителей, работе по профориентации с учащимися.

Однако наиболее известной и одиозной реформой этих лет стало введение единого государственного экзамена (ЕГЭ), основными «лоббистами» которого стали министры образования В. М. Филиппов и А. А. Фурсенко. Новый вид экзамена, который являлся одновременно выпускным и вступительным, впервые был внедрен в 2001 г. в пяти регионах России, а уже в 2009 г. ЕГЭ стал единственной формой выпускных экзаменов в школе.

Учитель математики Е. В. Емельянова по этому поводу отмечала: «Все было разрушено в один момент, обучение свелось к чистому натаскиванию. Был период, когда начиная с 1-го класса дети только решали тесты, у них не было никаких других видов работ» [11]. Введение новой формы экзамена затормозило развитие логического мышления у детей, способности развернуто формулировать свои мысли как в устной, так и в письменной форме, навыков работы с информацией. Наиболее явственно это проявилось при изучении гуманитарных дисциплин.

Лишь в последние несколько лет подход к ЕГЭ изменился: появилось больше логических задач, введена устная часть, а содержание непосредственно тестовой части ежегодно усложняется. Однако многим учителям сложно в очередной раз перестроиться под новые требования, полностью уйти от практики «натаскивания» [11].

Для того чтобы закрепить итоги образовательных реформ, произошедших в начале нового тысячелетия, в декабре 2012 г. был принят новый Закон об образовании. Однако, по справедливому замечанию Т. Л. Клячко, новый закон так и не дал ясного сигнала обществу и профессиональному сообществу о том, куда и как должна развиваться данная сфера. Общая интенция закона – регулирование деятельности образовательных учреждений, а не защита интересов субъектов, включенных в сферу образования [8]. Реформа продолжается.

В настоящее время в сфере школьного образования по-прежнему стоит ряд неразрешенных проблем. Постараемся выделить ключевые из них:

- бюрократизированность учебного процесса. Как следствие – учителя вынуждены жертвовать внеурочной работой, в значительной части формализовать выполнение своих непосредственных обязанностей;

- подрыв уважения к учительской профессии. На это обстоятельство повлиял ряд факторов: относительно низкий уровень зарплаты, бесправность во многих конфликтных ситуациях, создание негативного образа в СМИ и культуре... апофеозом всего стало приравнивание учителей к поставщикам образовательных услуг, что многими было воспринято как личное оскорбление;

- отсутствие стабильности в рекомендованных подходах и методиках преподавания, требованиях содержательных учебно-образовательных и сопутствующих материалов, критериях оценки знаний учащихся и т. д.

С 2020 г. в российском образовании начался технологический скачок, спровоцированный пандемией Covid-19. Школьники и студенты осваивают новые форматы обучения и контроля знаний через дистанционные онлайн-ресурсы. Контроль знаний всё больше переходит в онлайн, появляются комфортные альтернативные варианты для социальной и спортивной активности учеников. Все большей популярностью пользуются онлайн-курсы и онлайн-школы.

Указанные проблемы не обошли стороной и Гимназию № 10. Остается лишь надеяться, что профессионализм, высокая квалификация и большая самоотдача школьного коллектива поможет справиться с перманентными реформами и поддерживать качество образования на достаточно высоком уровне. Ведь уже более двадцати лет гимназия традиционно входит в рейтинги лучших школ города.

В ноябре 2023 г. Гимназия № 10 отметила свой 35-летний юбилей. За эти годы школа не только испытала на себе все реформы, осуществляемые в сфере российского образования, но и достойно их выдержала, а по многим показателям сама задавала тон. В этой связи стоит вспомнить тех учителей, благодаря которым невозможно было достигнуть подобных впечатляющих результатов.

В качестве директоров школу возглавляли шесть человек: Сергей Павлович Мыльников (1988–1997); Марина Алексеевна Захарова (1997–1999); Оксана Анатольевна Гомза (1999–2004); Светлана Вениаминовна Садовская (2004–2018); Елена Анатольевна Енгуразова (2018–2019). С сентября 2019 г. школу возглавляет Елена Викторовна Королева [4]. Под ее руководством в гимназии был сделан косметический ремонт, значительно улучшилась инфраструктура, появились зоны для творчества и отдыха.

Завучами на протяжении многих лет являлись Татьяна Петровна Багинская (проектная работа), Галина Ивановна Ларина (учебная работа), Любовь Михайловна Черепанова (эстетическое отделение).

Со дня основания в школе работали такие замечательные педагоги, как учитель труда Любовь Викторовна Блинникова, учитель музыки Николай Максимович Болсуновский, учитель физкультуры Михаил Анатольевич Подхватилин, учителя начальных классов Татьяна Владимировна Вотинова и Людмила Анатольевна Хоменко. Из первого учительского состава в настоящее время продолжают работать учитель труда Виктор

Константинович Сластенов, библиотекарь Галина Агафоновна Мальцева, учитель математики Любовь Георгиевна Куприянова.

Постепенно коллектив школы пополнялся не менее талантливыми педагогами: учителя математики Алла Андреевна Гришкова и Елена Валерьевна Емельянова, учитель биологии Ольга Владимировна Кузнецова, учитель начальных классов Ольга Степановна Левченко, учитель музыки и вокала Тамара Сергеевна Амирханян, учитель английского языка Татьяна Александровна Суржко, учителя русского языка и литературы Валентина Васильевна Анищенко и Елена Олеговна Пастарнакова и многие другие.

Гимназия № 10 может гордиться своими выпускниками. В разные годы из ее стен выпустились: дипломат Артем Захаров (ныне возглавляет представительство МИД в Красноярском крае), комик и шоумен Илья Соболев, актер театра Александр Петров-Кузнецов. Многие выпускники успешно реализовали себя в бизнесе, науке, медицине, спорте. А кто-то, получив педагогическое образование, вернулся преподавать в родную школу, как, например, учитель русского языка и литературы Ольга Александровна Коптякова и учитель начальных классов Наталья Владимировна Юшкова.

В заключение хочется сказать большое спасибо коллективу учителей Гимназии № 10, поблагодарить их за многолетний добросовестный труд и пожелать удачи на профессиональном поприще.

Список источников

1. Султанова Т.А. Исторический ракурс становления российской школы // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 320-324.
2. Овчинников А.В. О реформе советской школы 1984 года // Пространство и время. 2014. № 4 (18). С. 190-194.
3. Булдаков В.Е. Демократизация педагогического процесса в советской общеобразовательной школе в период перестройки // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. С. 58-62.
4. О школе // МАОУ Гимназия № 10. URL: <https://gimn10-krasnoyarsk-r04.gosweb.gosuslugi.ru/nasha-shkola/o-shkole/> (дата обращения: 15.05.2023).
5. Мальцева Г.А. Интервью. Запись Суржко Т.А. Дата: 16.05.2023 // Личный архив автора.
6. Малькова Т.В. Система образования России в начале 1990-х гг.: традиции и новаторство // Наука и школа. 2008. № 6. С. 67-70.
7. Чередниченко Г.А. Школьная реформа 90-х годов: нововведения и социальная селекция // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 18-27.
8. Клячко Т.Л. Российское образование в 2000-е годы: тенденции развития и реформирования // Актуальные проблемы Европы. 2013. № 2. С. 164-185.
9. Старкова Е.А. Приоритетный национальный проект «Образование»: понятие, содержание и цели // Science Time. 2014. № 3. С. 350-355.
10. Ефанова В.М. Наша новая школа // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. 2010. Май.
11. Емельянова Е.В. Интервью. Запись Суржко Т.А. Дата: 16.05.2023 // Личный архив автора.

МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ИСТОРИКОВ В РОССИИ 2020-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОБЛОГИНГА)

Аннотация. Статья посвящена социокультурным практикам медийной публичной истории. Она имеет цель выявить сочетание публичных активностей, практикуемых медийными историками; классифицировать мотивы публичной деятельности историков в Сети. Наиболее общим объектом данного исследования является культура памяти, конструируемая и распространяемая в русскоязычном интернет-пространстве посредством блогерской деятельности. В качестве предмета изучения выделены особенности функционирования публичного историка. Рассмотрена проблема выбора историками позиции, направленной на сохранение нейтральных идеологических взглядов или чёткое выражение гражданской позиции учёного при научном поиске и репрезентации знания. Анализ данных позволяет сделать вывод: несмотря на общую просветительскую направленность публичной истории, значительная часть экспертов считает важным отражать в материале собственную мировоззренческую оценку событий прошлого и настоящего.

Ключевые слова: социальные медиа, публичная история, цифровая история, культура участия, гражданская позиция

Abstract. This article is devoted to socio-cultural practices of public history in social media. It aims to identify the combination of public activities practiced by historians; as well as to classify the motives for the public activities of historians in the Network. The most general object of this study is the memory culture, designed and disseminated in the Russian-speaking Internet space through blogging. The features of the public historian functioning are highlighted as the subject of study. The article considers the problem of the historians' choice – either the position directed preservation of neutral ideological views or clear expression of the scientist's citizenship in the scientific search and representation of knowledge. Despite the general educational orientation of public history, a significant number of experts consider it important to reflect in material their own worldview assessment of past and present events.

Keywords: social media, public history, digital history, participatory culture, citizenship

Россия сегодня – крайне историко-ориентированная страна. В речах политиков и лидеров общественного мнения отсылки к историческим событиям являются самым распространенной попыткой решения сложных проблем в настоящем путём простого объяснения прошлого. Вместе с возникновением и расширением государственных историко-образовательных и коммеморативных проектов растет число гражданских просветительских инициатив. Уплотняющееся развитие науки истории и археологии, «ар-

живная революция», кросс-дисциплинарное сотрудничество выводят нас на новый уровень коммуникации между наукой и обществом.

В условиях «цифрового поворота» и всеобщей дигитализации разделение на «старые» традиционные медиа (телевидение, радио, печатные издания) и «новые» социальные (YouTube, Rutube, Dzen, VKontakte, Telegram и др.) уже не столь актуально. Поэтому развитие современной науки невозможно без решения задачи её открытости. Объем академического, научно-популярного и, в частности, исторического контента в социальных медиа неуклонно увеличивается, подписчики активно вовлекаются в краудфандинг и краудсорсинг. В связи с этими процессами уже не первый год формируется новый вид публичности историка – медиацифровой. Важно учитывать, что видеоблогерская работа в Сети существенно отличается, например, от телевизионного производства: децентрализацией; высокой пропускной способностью; интерактивностью; гибкостью, открытостью, оперативностью за счет развития технических средств.

Используя системный подход в теоретической части, наши выводы опираются на анализ данных качественных полевых исследований, полученных в 2022–2023 гг. Одним из методов стало глубинное интервью, где в роли экспертов выступили историки, сочетающие преподавательскую деятельность и публичную активность; блогеры с основным историческим образованием; а также блогеры с иной профессиональной подготовкой, создающие преимущественно исторический контент в Сети. Общее количество интервьюируемых составило 45 человек ($N = 45$) в возрасте от 19 до 69 лет, из которых 3 эксперта имеют степень докторов наук и 10 – степень кандидата наук. Это авторы из Москвы (17 информантов); Санкт-Петербурга (11 информантов); других административных центров РФ (15 информантов); Беларуси (1 информант); Германии (1 информант). Данные исследователи репрезентируют исторический контент в своих авторских каналах, а также на площадках Arzamas, «ПостНаука», «Лекторий “Достоевский”», «НаукаPRO», «Центр Архэ», «Антропогенез.ру», «Цифровая история», TacticMedia и многих других. Указанные сообщества с количеством Youtube-подписчиков, превышающим 200 тыс., а также другие, более скромные группы, имеющие серьезный отрыв от лидеров по популярности, являются примером «компромисса между медиаформатом, форматом публичного высказывания, форматом развлекательных жанров и возможностью репрезентировать, представлять (в том числе в образовательных целях) историческое знание», – следуя определению понятия Public History, данного Екатериной Лапиной-Кратасюк. «Одна из основных целей публичной истории – понять, каким образом история может работать в современном мире как на политическом уровне, так и на образовательном. Безусловно, основной формой распространения такого рода исторического знания является медиа», – полагает она [1]. Деятельность некоторых авторов можно было бы смело причислить не к науке истории, а к исторической журналистике; однако проблема соотношения этих сфер неоднозначна и должна стать предметом отдельного научного поиска.

Ирина Савельева, посвятившая немало трудов исследованию публичной истории, определила её как «совокупность подходов и практик, направленных на идентификацию, сохранение, интерпретацию и презентацию исторических артефактов, текстов, структур и ландшафтов во взаимодействии историков-профессионалов с широкой публикой» [2]. Лорина Репина обобщает «весь этот разношерстный набор практик, сопротивляющийся дисциплинарному определению, как комплекс средств для представления научного исторического знания широкой публике и для формирования знания о прошлом в обыденной жизни» [3, с. 63]. Такой подход согласуется с данными нашего исследования и взят нами как основополагающий. В западной терминологии широкое употребление имело понятие Public History, и Applied History (прикладная история) как форма диалога между наукой и обществом. «В то время как термин “applied” относился

прежде всего к сфере Public Policy и политических консультаций, конкурирующий подход, “сфокусированный на навыках” (skill-centered) предусматривал обучение людей для передачи исторического знания» [4]. Оба этих направления, закрепившись в академической среде, вошли в состав того, что называют Public History.

Вместе с тем в начале XXI в. происходила институционализация цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities). В развитии этих направлений в России существовала своя специфика. Во-первых, в нашей стране не имелось финансовых возможностей для реализации крупных проектов по созданию исторических информационных ресурсов, хотя такая работа велась. Во-вторых, в советско-российской науке не прерывалось развитие исторической информатики, которая делала акцент на аналитическую составляющую при использовании компьютерного инструментария [5, с. 16]. Рассматривая соотношение между Digital History и исторической информатикой, Л. И. Бородкин и И. М. Гарскова делают вывод о том, что историческая информатика имеет «... более широкое содержание, чем термин Digital History». По их мнению, цифровую историю следует рассматривать как прикладную область, тесно связанную с приложениями современных цифровых технологий при решении задач создания исторических ресурсов, оцифровки материалов в фондах музеев, архивов, библиотек, учреждений сохранения историко-культурного наследия. Иными словами, цифровая история позиционируется ими как составная часть исторической информатики [6, с. 10].

Поскольку обязательным критерием отбора экспертов являлась их медийная активность в виде лекций в интернете и стримов онлайн, иерархия других практик, в которые вовлечены медийные публичные историки, предстаёт следующим образом. Наиболее распространенной активностью является повседневное ведение личных страниц и сообществ в **социальных медиа**. Далее в рейтинге частоты упоминания следует проведение (помимо онлайн) **научно-популярных лекций офлайн**, включая интервью и программы на **ТВ и радио**. Важное место отводится **презентациям книг** и встречам с читателями. В наименьшей степени респонденты упоминали о своем участии в музейных экскурсиях; исторических турах и outdoor-экскурсиях; фестивалях исторической реконструкции. В данный перечень не включена преподавательская и иная академическая деятельность.

Таким образом, можно говорить о **гибридном и взаимовлияющем характере опосредованной медийной и непосредственной публичной деятельности**. Эффект просьюмеризма проявляется здесь таким образом, что академический историк может использовать цифровые технологии как для использования (потребления), так и для производства нового знания, сочетать традиционную исследовательскую и преподавательскую деятельность с публичной активностью. В свою очередь, историки-популяризаторы, ориентированные преимущественно на публичные практики, также сочетают онлайн и офлайн форматы.

С точки зрения целей и мотивов экспертов в реализации их публичной деятельности в сфере науки истории, мы выделили следующие **роли производителей контента**, которые могут сочетаться в процессе практики, поскольку можно разграничить роли, но нельзя разграничить людей, выполняющих эти роли:

– **информатор** («Распространение знания»; «Обеспечение доступа к знанию»; «Поделиться результатами исследований»; «Подача объективных исторических знаний в массы»);

– **просветитель** («Просвещать в самом широком смысле слова, вовлекать»; «Общее просвещение аудитории, формирование мировоззренческих ориентиров, интерес к истории своей страны»; «Ликбез»; «Распространение знания, ибо оно мертво, если не передается, не развивается и не вдохновляет на интеллектуальную деятельность»);

– **популяризатор-маркетолог** («Продвижение своих проектов»; «Привлечение внимания к исторической науке как можно больше людей»; «Популяризация тематики моих исследований, реклама музея»; «Повышение своей медийности»);

– **пропагандист** («Доносить свою социально-политическую позицию до более широкого круга людей, чем это оказалось бы возможно сделать посредством сугубо публицистических материалов»; «Пропаганда военно-исторических знаний»);

– **терапевт** («В условиях меняющегося мира это попытка оказать помощь, во многом эти встречи терапевтические. В истории было вот так, значит, у нас все не так уж плохо»);

– **борец** («Борьба с фальсификацией истории»; «Борьба с мифологией любого толка»; «Фильтрование разных домислов и некорректных утверждений в исторической публицистике»; «Понимание необходимости утверждения Правды и, в частности, исторической правды доступными мне способами»);

– **коммуникатор-интегратор** («Общение с единомышленниками»).

Григорий Перनावский, главный редактор издательства «Пятый Рим», характеризуя деятелей «альтернативной истории», специализирующихся на сенсационных лженаучных публикациях, использовал определение «**популяризатор-манипулятор**», что, на наш взгляд, отражает суть данного феномена [7].

К схожим результатам приходили З. Гатина и И. Савельева в исследовании публичной истории в России (2014, 2019), утверждая, что в основе многих публичных выступлений лежит «элементарное просветительство». Они же отмечают при этом, что «историк не просто просвещает, он помогает слушателю ориентироваться в социальном и политическом пространстве» [8, с. 394].

Мы полагаем, что публичные историки склонны оценивать свою деятельность как просвещение исходя из общего значения этого понятия – трансляция тех знаний и отношений, благодаря которым происходит развитие человеческого разума, культуры, цивилизации. Это глубинные процессы, направленные на формирование устойчивого научного мировоззрения. В свою очередь, популяризация науки – это действия, направленные на то, чтобы сделать научные знания и методы более востребованными в различных социальных группах и слоях. Благодаря современным методам популяризации («раскрутки», «продвижения») можно сделать что угодно: симулякр, фейк, миф. Популяризация науки может создать потребность в просвещении и способствовать просвещению, а может привести к примитивизации и даже вульгаризации знания. В итоге можно говорить об академическом просвещении, которое активно использует медийные, в том числе цифровые технологии, и о популяризации как разновидности, инструменте и одной из функций просветительской деятельности.

После создания еще Н. М. Карамзиным образа **историка-гражданина** [9], вопрос «должен ли публичный историк проявлять идеологическую нейтральность при подаче исторического материала или, наоборот, важно обозначать свою гражданскую и политическую позицию?» встает перед каждой новой поколенческой когортой учёных и просветителей. Он не вызвал затруднения у большинства респондентов. Практически каждый третий эксперт однозначно высказался за обозначение позиции, каждый пятый – за идеологическую нейтральность. Часть историков высказались собирательно, указывая на необходимость объективности в исследовании, но неотвратимость субъективного характера познания и презентации знания. Обращают на себя внимание такие ответы:

«Необходим баланс. История без оценок и выявления тенденций (которые всегда тем или иным образом окрашены) – простой справочник. С другой стороны, при избытке актуально-политического уходит аналитическая глубина, а её место занимает плоская агитка» (м., 28, Москва);

«Стараться выдерживать нейтральный подход к анализу исторического материала, при этом обязательно ясно и аргументировано выражать свою гражданскую позицию, но не навязывать ее читателям, зрителям» (м., 54, Белгород);

«Публичный историк рано или поздно проявит свою идеологическую направленность, поэтому лучше всего в своем материале представить разные точки зрения и разобрать их» (м., 20, Санкт-Петербург);

«В разных темах – по-разному. Теоретически – первое, на практике это невозможно. Просто с широкой аудиторией при желании легче прятать свои взгляды» (ж., 39, Москва).

Таким образом, мы видим рефлексию по поводу идеи, что невозможно жить в обществе и быть свободным в своей деятельности от социально-политических процессов.

На текущий момент специалисты и исследователи не договорились, является ли публичная история родом деятельности, профессией или дисциплиной. Марко Демантовски, редактор международного блога, посвященного Public History, рассматривая понятие «публичный историк», соотносит его не с профессией, а с пониманием роли в определенном поле практики [10, р. 31–32]. «Историк принимает на себя роль публичного историка, если участвует в дискурсе идентичности, касающемся прошлого, – за семейным столом, на учебном занятии, когда читает книгу, смотрит телевизор, идет на демонстрацию или занимается научным исследованием соответствующих практик. Но если историк в своей историко-научной практике, будь то в архиве, или за рабочим столом на лекции, адресуется к прошлому, не обращаясь к текущим дискурсам идентичности, то он играет роль только историка» [11, с. 17].

«Горячие» темы, будоражащие общественность, становятся центральными местами гражданских инициатив. Отсюда отсутствие требования профессионального исторического образования к автору и феномен соучастия в проведении исследований и распространении их результатов. Но если одна тенденция заключается в постепенном включении в научную среду людей, для которых история изначально являлась лишь сферой интересов и хобби, то другая – в том, что часть медийных историков либо никогда не относились к академическому сообществу, либо рискуют выпасть из него. Заметим также, что почти каждый респондент прямо или косвенно указывает на риск де-профессионализации учёного-исследователя, его скатывания в storytelling (рассказывание историй), а также проблему дефицита ресурсов. В то же время публичная, и особенно медийная, деятельность способствует освоению историком новых знаний, умений и навыков в сфере публичной презентации, маркетинга и менеджмента.

Эффекты пузыря фильтров и эхо-камер не обошли стороной сферу медийной истории. Зачастую потребители подписываются именно на те каналы и сообщества, контент которых отражает и подкрепляет их собственные исторические знания, взгляды и убеждения. Так формируются сообщества единомышленников. Например, по комментариям к материалам Сергея Минаева, Захара Прилепина и Клим Жукова можно сделать вывод о том, насколько различны основные мировоззренческие и идеологические установки аудитории каждого из них.

В заключение констатируем, что историческое знание, уже давно существующее именно как письменный текст, перемещается в формат озвучивания нарративов в Сети. Подписчики исторических видеоблогов являются скорее слушателями, нежели зрителями, проявляя некую форму аудиофилии. При этом не только офлайн перетекает в онлайн, но и онлайн-сообщества выносят свои практики в «живой» формат. Эти процессы имеют комплексные причины, они не объясняются только стремлением человека к познанию. Потребность в коллективных переживаниях занимает в перечне факторов важное место. Отсюда – шаг из цифрового поля в «живую» коммуникацию, который сде-

ляли многие научно-просветительские проекты за последние 10 лет. С другой стороны, интернет, задуманный как объединяющий инструмент, в итоге сильно разъединяет людей, канализируя их круг общения и источники информации. В результате наблюдается тенденция поляризации мировоззренческих концепций как научного, так и обыденного уровней, что, в свою очередь, способствует развитию социальных конфликтов. Всё это говорит о пользе необходимости дальнейшего исследования процесса формирования современных «институций открытости» в нашей стране.

Список источников

1. Что изучает Public History? Екатерина Лапина-Кратасюк // ПостНаука. 06.08.2014. Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/30223> (дата обращения: 20.04.2023).
2. Savelieva, Irina, 'Public History' as a Vocation (June 14, 2013). Higher School of Economics Research Paper No. WP BPR 34/HUM/2013. 29 p.
3. Репина Л. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 3 (157). С. 55–67.
4. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого / Феликс Аккерманн, Якоб Аккерманн, Анна Литтке [и др.] // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html> (дата обращения: 20.04.2023).
5. Бородкин Л. И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 14–30. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31383
6. Бородкин Л. И., Гарскова И. М. Историческая информатика: перезагрузка? // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Т. 16. № 2. С. 5–12.
7. Научна ли популярная история? (Максим Бромберг, Григорий Пернавский). 20.04.2023. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=S4AjqYLfd_M&t=2665s (дата обращения: 20.04.2023).
8. Историки в поисках новых перспектив : коллективная монография / под общей редакцией З. А. Чеканцевой. М. : Аквилон, 2019. 416 с.
9. Сапченко Л. А. «Я не безмолвствовал...» (об особенностях гражданской позиции Н. М. Карамзина) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 6–23.
10. Demantowsky M. What is Public History // Public History and School. International Perspectives / Ed. by Marko Demantowsky. Berlin/Boston : Walter de Gruyter, 2018. P. 1–38.
11. Демантовски М. Публичная история в системе гуманитарного образования // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113). С. 15–22.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАСТАВНИЧЕСТВА КАК ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. Основной задачей любой образовательной организации является обеспечение качественного образования, которое зависит от ряда постоянно меняющихся условий. В этой связи необходим поиск путей, методов и технологий, повышающих качество образовательной деятельности.

Ключевые слова: *наставничество, тьютор, технология, наставник, куратор, социализация, сопровождение*

Abstract. The main task of any educational organization is to provide quality education, which depends on a number of constantly changing conditions. In this regard, it is necessary to constantly search for ways, methods and technologies that improve the quality of educational activities.

Keywords: *mentoring, tutor, technology, mentor, curator, socialization, support*

Древнегреческий философ Сократ считал главной задачей наставника пробуждение мощных душевных сил подопечного. Наставник помогает в самозарождении истины в сознании ученика. Наставники XXI в. уже не просто обучают – они помогают раскрывать потенциал человека, определять его сильные и слабые стороны и указывать направление для развития.

Наставничество в современном понимании рассматривается как процесс, в котором происходит обучение новичка профессиональным навыкам. В этом случае наставник ответственен за профессиональный рост сотрудника, его продвижение по карьерной лестнице и овладение необходимыми навыками.

Наставничество – древнейший институт человеческих взаимоотношений. Так, один из синонимов понятия «наставник» – «ментор» – уходит своими корнями в древнегреческую мифологию. Наставником Телемаха, сына Одиссея, был Ментор – мудрый советчик, пользовавшийся всеобщим доверием. Имя Ментор стало нарицательным, обозначающим мудрого советчика, способного направить, научить новому, пользующегося всеобщим доверием.

Феномен наставничества как значимое социально-педагогическое явление, представляет особый интерес в плане исследования его развития и сохранения традиционных социокультурных оснований.

Наставничество существовало уже в первобытном обществе в виде обряда инициации. Воспитание было нацелено на передачу опыта от старших к младшим, на сохранение жизненного уклада. Главными нормами воспитания были традиции и обычаи. Так появился термин «ментор», или наставник.

Философы с давних времён пытались определить основные задачи деятельности наставника. В поисках истины ученик и наставник должны находиться в равном поло-

жении, руководствуясь тезисом «я знаю только то, что ничего не знаю». По мысли Платона, воспитание надо начинать с раннего возраста, так как оно должно обеспечить постепенное восхождение ученика к миру идей. Осуществлять подобное воспитание был способен, прежде всего, наставник преклонных лет.

Помимо светского понимания традиционно наставничество ассоциируется с духовным воспитанием, то есть наставник – это духовный отец, пастырь, пророк. Соответственно и ценности духовного наставничества отличаются от мирских. Наставник традиционно считался носителем истины, хранителем векового опыта и завета предков, а иногда и источником священного знания. В первых христианских школах ученики находились под надзором, регулярно выслушивая нравственные наставления священника.

Особую роль наставничество приобрело в российской педагогике. В эпоху господства сословно-профессиональной системы образования преподавательская деятельность не могла сложиться в особую, самостоятельную профессию. Преподавательские обязанности в профессиональных школах исполнялись практиками, специалистами отраслей государственной и духовной службы, для которых школы предназначались. Профессиональными в собственном смысле, педагогами являлись разного рода домашние наставники.

Наставничество как способ подготовки специалиста давно уже используется в сфере образования. В настоящее время существует несколько определений понятий «наставничество» и «наставник».

В словаре В. Даля понятие «наставник» толкуется как «учитель или воспитатель, руководитель», наставничество как «звание, должность, дело наставника». Аналогично рассматривается понятие «наставник» и в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. В Советском энциклопедическом словаре под редакцией А. М. Прохорова понятие «наставничество» трактуется как «форма коммунистического воспитания и профессиональной подготовки молодежи на производстве, в профессионально-технических училищах и т.д. передовыми опытными рабочими, мастерами, инженерно-техническими работниками. В различных формах существовало с 30-х годов, особенно распространилось с 70-х годов XX века».

Внимания заслуживает позиция Г. Льюиса, который рассматривает понятие «наставничество» как систему отношений и ряд процессов, когда один человек предлагает помощь, руководство, совет и поддержку другому. Наставник – человек, обладающий определенным опытом и знаниями, высоким уровнем коммуникации, стремящийся помочь своему подопечному приобрести опыт, необходимый и достаточный для овладения профессией.

Наряду со словом «наставничество» стали использоваться слова английского происхождения: «тьюторство», «менторинг», «коучинг».

В современной педагогике используются два термина: «наставничество» и «тьюторство». В большом энциклопедическом словаре тьютор трактуется как наблюдатель за воспитанниками. Тьюторское сопровождение получает в последние годы распространение в системе высшего и среднего образования, что объясняется широкими возможностями индивидуального подхода к обучаемым. Его характеристики – субъектная активность, равноправность ученика и тьютора, выработка индивидуальных норм их взаимодействия, цельность и продуктивная направленность действий, ориентированных на индивидуальность обучаемого. В России тьюторство появилось вследствие распада института наставничества в конце XX в.

Современный этап развития профессионального наставничества в области педагогики имеет целью формирование у молодого педагога потребности в проектировании своего дальнейшего профессионального роста, в совершенствовании знаний, умений

и навыков, полученных в вузе. Субъектами наставничества являются опытные наставники, назначаемые администрацией, объектами – молодые учителя. Однако стройной системы профессионального наставничества на современном этапе не существует, есть отдельные примеры внедрения наставничества.

Таким образом, наставничество имеет большую историю развития от первобытного общества до настоящего времени. В самом общем виде наставничество можно определить как способ передачи знаний, навыков и установок от более опытного человека менее опытному. Наставничество имеет свои особенности в отечественной истории и за рубежом. Однако на современном этапе технология наставничества более развита за рубежом и основная сфера его применения – бизнес, менеджмент, производство.

Наставничество – одна из наиболее эффективных форм профессиональной адаптации, способствующая повышению профессиональной компетентности и закреплению педагогических кадров. В Колледже ОмГТУ сложилась своя система наставничества, которая объединяет деятельность молодых педагогов, куратора, администрацию и наставников. В целях устранения типичных ошибок проводятся психологические семинары, тренинговые игры, семинары общей практики.

В стремительно меняющемся открытом мире главным профессиональным качеством педагога является умение учиться. А это есть – готовность к переменам, мобильность, способность к нестандартным трудовым действиям, ответственность и самостоятельность в принятии решений – всё это характеристики деятельности успешного педагога-профессионала. Современная система образования нуждается в компетентном, ответственном педагоге.

Эффективность института наставничества для решения воспитательных, образовательных, профориентационных и иных важных задач доказана и признана на государственном уровне. Наставничество – универсальная технология передачи опыта и знаний, формирования навыков, компетенций и ценностей через неформальное взаимообогащающее общение, основанное на доверии и партнерстве.

Список источников

1. Кларин М. В. Корпоративный тренинг, наставничество, коучинг : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2018. 288 с.
2. Понятовская А. Г. Проблемы и перспективы современных методов обучения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2013. Т. 174. С. 427–430.

**РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА
В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ
«ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ»)**

Аннотация. В статье рассмотрена роль изучения истории и культуры региона как одного из аспектов духовной культуры России в подготовке будущих педагогов. На примере создания виртуальных экскурсий показан воспитательный потенциал реализации регионального компонента основной профессиональной образовательной программы.

Ключевые слова: *среднее профессиональное образование, воспитание, духовная культура, региональный компонент, виртуальная экскурсия*

Abstract. The article considers the role of studying the history and culture of the region as one of the aspects of the spiritual culture of Russia in the preparation of future teachers. The example of creating virtual tours shows the educational potential of the implementation of the regional component of the main professional educational program.

Keywords: *secondary vocational education, upbringing, spiritual culture, regional component, virtual tour*

Воспитание – неотъемлемая часть образовательного процесса учреждения среднего профессионального образования. Воспитание молодежи в традициях отечественной духовной культуры – общенациональный приоритет, значимость которого подчеркивается в стратегических документах различного уровня. «Воспитание гражданина, знающего и поддерживающего исторические и культурные традиции своей страны» [1, с. 253], малой родины – одна из задач целостной системы нравственно-эстетического и гражданского воспитания, реализуемой в аудиторной и внеаудиторной деятельности колледжа.

Результатом воспитательного процесса являются ценности и идеалы, духовные потребности, способствующие личностному росту студента, его духовному и нравственному самосовершенствованию. Формирование ориентиров невозможно без изучения культуры не только Российской Федерации, но и ее регионов. Формирование и развитие территориальной идентичности позволяет придать специфику воспитательному процессу как неотъемлемой части процесса образования, приобщить будущих педагогов к изучению духовного наследия предков.

Важной частью профессиональной подготовки будущих специалистов сферы общего и дополнительного образования является изучение истории и культуры России и Красноярского края. Изучение предпосылок, особенностей формирования и развития

духовной культуры региона играет роль не только в обеспечении условий для личностного духовного и нравственного роста студента, но и для формирования содержательной базы, которая может лечь в основу разрабатываемых будущими педагогами дополнительных общеобразовательных программ, проектов, конспектов занятий, сценариев досуговых мероприятий, содержание которых должно быть направлено в том числе на «духовное развитие личности» учащегося, соответствовать «российским традициям, культурно-национальным особенностям регионов» [2, с. 1].

Приобщение к региональной духовной культуре во внеаудиторной деятельности возможно посредством различных форм: экскурсий, лекций, конференций, концертов, выставок и т. д.

Региональный компонент может быть включен в содержание рабочих программ в виде дидактических единиц дисциплин и междисциплинарных курсов. Кроме того, отдельные дисциплины основной профессиональной образовательной программы могут быть полностью посвящены изучению истории и культуры региона. Задания, выполняемые студентами в аудитории, должны быть практико-направленными и ориентированными на создание продуктов, которые могут быть использованы в дальнейшем при организации обучения, воспитания и развития в объединениях учреждений общего и дополнительного образования, учреждениях культуры. Одним из подобных заданий является разработка виртуальной экскурсии.

По словам Павла Флоренского, отечественная духовная культура существует в двух формах: духовной и материальной. Памятники архитектуры и скульптуры, живописные полотна, изделия мастеров прикладного искусства воплощают, материализуют, делают зримыми мировоззренческие идеи, порожденные сознанием зодчего, ваятеля, художника, ремесленника. Тематика виртуальных экскурсий и сопровождающих их мини-исследований, разрабатываемых студентами Красноярского педагогического колледжа № 2 в рамках курса «История и культура Красноярского края», на данный момент включает памятники архитектуры и скульптуры, связанные с ключевыми событиями города и края, значимыми личностями, развитием стилей, формированием особенностей в пластических искусствах.

Большой интерес при выборе темы вызывают у студентов объекты, связанные с жизнью и деятельностью людей, внесших значительный вклад в становление и развитие города и края: воеводы А. Дубенского, губернатора А. Степанова, предпринимателя-промышленника Г. Юдина, живописца В. Сурикова, архитекторов Л. Чернышева и В. Соколовского, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), писателя В. Астафьева, графика и живописца А. Поздеева и многих других. Особое внимание уделяется изучению объектов скульптуры и архитектуры, связанных с событиями Великой Отечественной войны (Мемориал Победы, памятники «Воину-освободителю», «Слава народу-победителю», «Союз фронта и тыла», «Журавли», «Детям войны» и др.).

Мини-исследование, выполняемое перед непосредственным созданием экскурсии, включает аспекты: «история и культура» и «искусство». Аспект «история и культура» представлен изучением влияния социокультурных процессов, предпосылок и причин появления того или иного объекта; истории создания; места объекта в творчестве автора, культурной жизни региона или отдельной местности; значимость объекта для духовной культуры края, города и т. д. Аспект «искусство» включает анализ стилевых особенностей выбранного объекта, специфики вида искусства, жанра, разновидности, к которой принадлежит исторический памятник.

В ходе разработки содержания экскурсии осуществляется постановка цели и задач, подбор информационного и иллюстративного материала; интерпретация материалов; адаптация материала для выбранной возрастной категории фото- и видеосъемка, монтаж, подготовка презентации или ролика с применением ИКТ. При

постановке цели и задач особое внимание уделяется гражданскому, эстетическому и нравственному воспитанию; ценностно-смысловому развитию; удовлетворению познавательных потребностей целевой аудитории; стимулированию познавательного интереса к изучению духовной культуры региона; формированию патриотической позиции; осознанию ценности духовного наследия. Экскурсия должна иметь воспитательную доминанту: формирование ценностного отношения к малой родине, народу, культуре и т. д.

Возможно дополнение экскурсии стихотворениями, легендами, загадками, связанными с выбранной тематикой. Экскурсия может сопровождаться вопросами: нацеливающими внимание, активизирующими мышление, стимулирующими деятельность воображения, побуждающими к выводам, суждениям. При создании виртуальной экскурсии для детей дошкольного возраста необходимо дополнить рассказ характеристикой профессии человека, который создал исторический памятник: архитектор, скульптор и т. д.

Методическая составляющая работы, помимо презентации/ролика, может включать конспект, описание вариантов использования виртуальной экскурсии в профессиональной деятельности педагога (дополнительное образование, дошкольное образование и т. п.). Оформление презентации/ролика должно соответствовать возрастным особенностям целевой аудитории, содержать качественные исторические иллюстрации, современное изображение объекта, портрет автора и лиц, связанных с историей выбранного объекта. Возможно включение в визуальный ряд: 1) других объектов, созданных автором; 2) изображений, характеризующих стиль, вид искусства, жанр, разновидность; 3) изображений/видео, характеризующих события эпохи того периода, в котором был создан исследуемый объект, и т. д. Функциональным дополнением может стать настольная игра по мотивам содержания экскурсии. Вопросы по содержанию экскурсии могут стать основой для квестов и игр-путешествий.

Материалы виртуальной экскурсии могут стать составляющей развивающей предметно-пространственной среды кабинета в учреждении дополнительного образования, помещения группы в дошкольном образовательном учреждении; методического портфолио студента. Комплексный характер описанного выше задания подчеркивает его универсальность и возможность применения на разных этапах обучения, в разных дисциплинах и междисциплинарных курсах, на производственной практике. Экскурсии могут создаваться не только как отдельный самостоятельный материал, но и объединяться в комплексы в соответствии со значимыми историческими событиями, стилями, видами искусства, жанрами и разновидностями. Многонациональность Енисейской Сибири, разнообразие истоков культуры, множество ее значимых представителей, исторических событий дает возможность для расширения тематики.

В заключение отметим, что создание виртуальных экскурсий на основе составляющих духовной культуры края способствует профессиональному и личностному совершенствованию будущих педагогов, реализации творческого потенциала, приобщает к распространению традиционных ценностей и идеалов, формирует духовные потребности. Целенаправленная и планомерная реализация регионального компонента позволяет приумножить воспитательный потенциал изучения отечественной духовной культуры, сохранить уважение к культурному и историческому наследию, задать «код» гражданской и региональной идентичности.

Список источников

1. Маланичева М. В. Роль воспитательной работы в образовательных учреждениях системы профессионального образования условиях модернизации российского

образования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 46. С. 252–256.

2. Требования к содержанию и оформлению образовательных программ дополнительного образования детей : письмо МО РФ от 18.06.2003 № 28-02-484/16, утв. На заседании Научно-методического совета по дополнительному образованию детей Минобразования РФ 03.06.2003. Режим доступа: <https://base.garant.ru/6146189>.

В. А. Яровикова

*Алтайский государственный технический университет
имени И. И. Ползунова
Барнаул, Россия*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛА НАСТАВНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦЕНТРЕ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ ФГБОУ ВО АЛТГТУ ИМЕНИ И. И. ПОЛЗУНОВА

Аннотация. Решение проблемы мотивированного выбора выпускниками школ направления дальнейшего образования и адаптации их к этому обучению год от года становится все более сложным и для самих выпускников, и для вузов. Преодоление этой тревожной тенденции невозможно без развития взаимодействия представителей общего и высшего образования, а также всестороннего использования потенциала наставнической деятельности. В статье представлен опыт работы со школьниками и реализации дополнительных образовательных программ в АлтГТУ имени И. И. Ползунова.

Ключевые слова: *высшее учебное заведение, профориентация, довузовская подготовка, наставничество, образование*

Abstract. Solving the problem of a motivated choice by school graduates of the direction of further education and their adaptation to this training is becoming more and more difficult from year to year both for the graduates themselves and for universities. Overcoming this alarming trend is impossible without the development of interaction between representatives of general and higher education, as well as the full use of the potential of mentoring. The article presents the experience of working with schoolchildren and the implementation of additional educational programs at AltSTU. I. I. Polzunov.

Keywords: *higher educational institution, career guidance, pre-university training, mentoring, education*

Задача работы вузов с детьми – это особое внимание к школьникам и поддержка их становления в своих стенах [1, с. 58]. В этой связи мне хотелось бы рассказать об образовательных инженерно-технологических траекториях, профориентационных наставнических проектах, ориентированных на учащихся средних общеобразовательных учреждений и реализуемых в АлтГТУ имени И. И. Ползунова.

В настоящее время деятельность Центра профориентации и довузовской подготовки представлена рядом перспективных направлений, а именно:

- разработкой полиграфической и рекламной продукции;
- реализацией программ довузовской подготовки;
- профориентационными выездными сессиями;
- экскурсионно-профориентационными предложениями;
- федеральными, региональными мероприятиями, а также конференциями и конкурсами;

- олимпиадным циклом и проведением пробных экзаменов;
- научно-популярными образовательными встречами;
- игровыми событиями;
- онлайн-площадками и социальными медиа.

Для визуальной трансляции образа университета, с учетом корпоративного фирменного стиля и идеологии бренда АлтГТУ, а также для знакомства учащейся молодежи с направлениями подготовки, реализуемыми в университете, был разработан комплекс визуально-графических материалов, в числе которых: карта абитуриента, профориентационные лифлеты, визитки, стикеры, а также переработано наполнение профориентационных стендов в школах-партнерах. Новые полиграфические материалы органично вписались в работу приемной комиссии.

В рамках реализации программ довузовской подготовки организована работа подготовительных курсов, центра занимательных наук и физико-технической школы. Преподаватели физико-технической школы осуществляют углубленную естественно-научную и математическую подготовку учащихся школ и профессиональных учебных заведений всех возрастных групп, а также вовлекают учащихся средних образовательных учреждений Алтайского края в научно-исследовательскую работу и техническое творчество. В центре занимательных наук развивают естественно-научное мировоззрение, исследовательские навыки и инженерное мышление детей школьного возраста (1–9 классы). В ряде школ г. Барнаула профессорско-преподавательским составом университета ведется образовательная деятельность по следующим программам: «Технология пищевых производств», «Технология швейных изделий по индивидуальным заказам», «Техносферная безопасность», «Программирование», «Физика».

Одним из ведущих направлений работы центра является информационно-контактное взаимодействие с будущими абитуриентами. В системе выездных сессий организованы и проводятся профориентационные встречи с учащейся молодежью, педагогами и родителями как в городе, так и в районных центрах региона. В числе специальных выездных мероприятий такие события, как «ТехноЛента», «ТехноТочка», студенческие профуроки и посещение родительских собраний.

Важным блоком деятельности центра выступают экскурсионно-профориентационные предложения: «Университетский день школы», выездные экскурсии «ТехноВектор» на ведущие промышленные предприятия г. Барнаула, в числе которых: Алтайский приборостроительный завод «Ротор», Алтайский завод прецизионных изделий, строительная компания «Союз», ООО «Газпром газораспределение Барнаул», Барнаульский завод механических прессов. В свою очередь, следует отметить, что наибольшей привлекательностью для абитуриентов пользуются дни открытых дверей «ТехноГид».

Центр принимает активное участие в мероприятиях федерального и регионального значения, в числе которых: «Фестиваль науки 0+», «Билет в будущее», первенство Алтайского края и Сибирского федерального округа по шахматам, Федеральные и окружные соревнования молодых исследователей «Шаг в будущее», зимний форум юнармейских и военно-патриотических отрядов, краевой конкурс по IT-технологиям. Отдельно следует отметить мероприятие по ранней профессиональной ориентации учащихся 6–11 классов «Билет в будущее», в рамках которого с сентября по декабрь 2022 г. преподавателями нашего вуза было разработано 30 программ и проведено более 120 профессиональных проб.

Олимпиадный цикл представлен проведением олимпиад различного уровня, соответствующих направлениям подготовки в университете, а также репетиционным тестированием по комплексу дисциплин.

Научно-популярные образовательные встречи представлены следующим блоком событий: профильными сменами, проводимыми в каникулярный период как для городских, так и для сельских школьников, научно-популярным проектом «РаздайНауку» [2, с. 67]. В 2023 г. дан старт новому профориентационному мероприятию «Один день из жизни студента».

В условиях повсеместного развития медиа и вовлеченности школьников в интернет-коммуникацию центром разрабатывается в том числе и развлекательный контент. Например, в настоящее время наш университет представлен в мобильном-игровом приложении SkillCity, в котором построен университетский городок, и каждый пользователь может познакомиться с направлениями подготовки вуза и условиями поступления в игровой форме.

Также мы ведем апробацию игровых стриминговых площадок «Твич.тв» и «ВкПлей», которая позволяет собирать в одном месте подписчиков-школьников со всей России.

Для достижения качественно нового уровня взаимодействия с аудиторией ведется работа по наращиванию присутствия в социальных сетях. Так, разработанный образовательный интернет-ресурс postupаем.rf стал новой площадкой взаимодействия со школьниками и их родителями. Запоминаемый адрес характеризует легкость его продвижения. Запись на подготовительные курсы в физико-техническую школу, центр занимательных наук, олимпиады, а также мероприятия центра стали возможны без прямого звонка и участия менеджера. Вместе с тем ведется деятельность по созданию визуально-графического и видеоконтента в рамках интернет-канала «Давай поступим!» С момента разработки и запуска интернет-ресурса postupаем.rf его посетили 4 738 человек, было обработано 250 заявок.

Вместе с тем возможность записаться на курсы и посетить мероприятия реализуется также и через социальную сеть «Вконтакте». В официальной группе «Выбираю АлтГТУ» публикуется самая актуальная информация о событиях центра. Постоянно обновляется и пополняется мероприятиями центра сообщество «Абитуриентская» в мессенджере «Телеграм».

В рамках вывода новых профориентационных предложений на рынок образовательных услуг региона было разработано профориентационное тестирование на площадке LMS, состоящее из 150 вопросов, определяющих личностную и профессиональную ориентированность тестируемого.

Разработана и представлена бонусная программа лояльности для мотивации абитуриентов к поступлению в университет, которая дает возможность поступающему конвертировать баллы единого государственного экзамена на материальные и нематериальные бонусы от АлтГТУ.

Таким образом, возрастающее внимание к развитию научного потенциала школьников обусловлено главной особенностью современного мира – его высокой динамичностью. На данном этапе перед всеми образовательными учреждениями стоит общая задача – развитие детского потенциала [3, с. 183]. Формирование активной просветительской среды средствами реализации дополнительных образовательных программ, профориентационных наставнических проектов – одна из приоритетных задач деятельности АлтГТУ имени И. И. Ползунова.

Список источников

1. Бахмутинский А. Е. Школьная система мониторинга качества образования. Псков : АНО «Центр социального проектирования «Возрождение», 2004. 95 с.

2. Яровикова В. А. Формирование кадрового резерва в университете – особенности и проблемы // Гарантии качества профессионального образования: материалы Международной научно-практической конференции / АлтГТУ им. И. И. Ползунова. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2019. 219 с.

3. Сергеева О. В. Практико-ориентированные подходы в работе с одарёнными детьми // Актуальные вопросы и современные практики естественно-научного и инженерно-технического образования одарённых школьников : сб. трудов Всероссийской научно-практической конференции образовательных центров Фонда Андрея Мельниченко. Екатеринбург : Изд-во ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт», 2019. 292 с.

РАЗДЕЛ 8

«НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

УДК 93/94

П. А. Корнеева

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РОМАНА Ч. ДИККЕНСА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛИВЕРА ТВИСТА»)

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении художественного произведения в качестве исторического источника. При анализе романа использовались методы истории повседневности, работа носит междисциплинарный характер. Были описаны условия жизни детей Викторианской эпохи и выявлены социальные проблемы Великобритании.

Ключевые слова: *Оливер Твист, дети, рабочий дом, Англия, бедность, дети-сироты, Викторианская эпоха*

Abstract. The purpose of the article is to consider a work of art as a historical source. In the analysis of the novel, the methods of the history of everyday life were used, the work is interdisciplinary in nature. The living conditions of children of the Victorian era were described and the social problems of Great Britain were identified.

Keywords: *Oliver Twist, children, workhouse, England, poverty, orphans, the Victorian era*

Викторианская эпоха – это уникальное время в истории Великобритании, которое характеризуется изменениями во всех сферах общественной жизни. Тема детства и воспитания достойна отдельного внимания, поскольку в эту эпоху государство более активно принимает участие в жизни детей, особое внимание уделяется бедным семьям и детям-сиротам. Приюты существовали и ранее, но в XIX в. общество искало более гуманные пути помощи нуждавшимся детям. Помимо этого, именно в Викторианскую эпоху складываются некоторые британские принципы воспитания детей, которые сохранились и до наших дней.

Королева Виктория лично оказала большое влияние на изменение повседневной жизни британцев. У королевы было девять детей, о которых она иногда нелестно вы-

сказывалась. Родив первую дочь, правительница высказала мнение о том, что не хотела бы большой семьи. Младенцы не вызывали у нее умиления, она сравнивала маленьких детей с лягушками. В личных письмах королевы Виктории можно найти записи, в которых она ругает детей или высказывает свое недовольство ими. Возможно, это было связано с тем, что в своем детстве будущая правительница не общалась с другими детьми, большая часть ее детства проходила в окружении взрослых или одиночестве [1, с. 203–207]. Известный писатель Ч. Диккенс был свидетелем Викторианской эпохи, которую сумел отразить в своих произведениях. Роман «Приключения Оливера Твиста» стал резонансным в свое время, открыв глаза обществу на многие социальные проблемы Англии.

Действие романа «Приключения Оливера Твиста» происходит в Англии XIX в. Оливер Твист – главный герой, мальчик-сирота с тяжелой судьбой. В своей жизни он видит только грубость, нищету, безразличие взрослых и подлых людей, для которых он является лишь объектом выгоды, но не человеком со своими детскими чувствами. По воле случая Оливер Твист однажды знакомится с благородными состоятельными людьми, которые в дальнейшем помогут ему выжить и разгадать тайну его появления на свет.

Оливер Твист своим рождением уже «совершил ошибку», поскольку был незаконнорожденным. Его мать нашли беременной на улице в стоптанных башмаках. Фраза врача «Старая история. Нет обручального кольца» [2, с. 5] является показательной. Она описывает стандартную ситуацию, когда незамужняя девушка рождает ребенка. Религиозность общества во многом содействовала пуританскому стилю мышления. Дети сами по себе являлись плодом греха, не говоря уже о тех случаях, когда они рождались вне брака. Каждый вечер детей «выгоняли пинками» для прочтения молитвы, которая должна была избавить их от грехов и пороков [2, с. 14].

Статус «незаконнорожденного» как клеймо остается с мальчиком, предсказывая его судьбу, условия его жизни и отношение к нему окружающих. Будучи мертвой, мать Оливера получила плачевную участь. Ни государственные служащие, ни знакомые мальчика не стеснялись в выражениях, когда говорили о ней. Твисту постоянно напоминали о его статусе сироты, стараясь как можно сильнее задеть его чувства. Самые злостные оскорбления поступали в адрес его матери [2, с. 36].

Оливера Твиста сразу же определили в работный дом, его сослали работать «на ферму». Работные дома существовали в Англии с XVII в., они подразумевали под собой благотворительные учреждения, куда отправлялись мелкие преступники и нищие [3]. Дети-сироты, как беспомощные и беззащитные существа, также попадали туда. За словами о благотворительности скрывались ужасные условия жизни. Жители работных домов подвергались жесткому обращению. С печальной иронией Ч. Диккенс рассказывает о социальных проблемах британского общества. Автор указывает на жесткость законов о бедняках, приводя в пример их «право» на сон: «Какая превосходная иллюстрация к милосердным законам Англии! Они разрешают беднякам спать!» [2, с. 11]. Писатель с насмешкой и сарказмом приводит в пример ряд «мудрых и гуманных распоряжений», которые предприняли чиновники для подопечных работного дома. Бедным людям был предоставлен выбор: «либо медленно умирать голодной смертью в работном доме, либо быстро умереть вне его стен». «Милостивое» право на развод позволяло избежать издержек на долгие бракоразводные процессы [2, с. 11]. Люди из-за бедственного положения не могли содержать свои семьи и, таким образом, члены семей разлучались. Чиновники искренне верили в то, что подопечные любят работный дом, потому что там их кормят, одевают и предоставляют работу. Однако проблема распространения работных домов находится гораздо глубже – это закоренелая бедность населения, которое находится в отчаянном и безвыходном положении. Строгая соци-

альная иерархия общества, нарастающий капитализм, ухудшение положение рабочих, законы о бедных [4, с. 332] создавали замкнутый круг нищеты, из которого было практически невозможно выбраться.

Ч. Диккенс талантливо описал все ужасы заведения, с которыми столкнулся маленький Оливер. Дети называются «преступниками» за свое нищенское происхождение. За ними приставлена надзирательница миссис Манн, которая получает на обеспечение каждого ребенка семь с половиной пенсов. Такой суммы вполне хватило бы на пропитание и одежду каждому ребенку, как полагалось по закону, но служащие дома устанавливали свои правила жизни. Большую часть полученных денег миссис Манн забирала себе, тем самым заставляя детей жить впроголодь [2, с. 5]. Эпизод, в котором Оливер Твист попросил дополнительную порцию каши, наглядно демонстрирует, что дети недоедали. За свою просьбу мальчик получил черпаком по голове и множество оскорблений, затем неделю сидел взаперти в темной и пустой комнате, отбывая наказание за «проступок» [2, с. 13]. Автор в красках описывает голодные глаза детей, их жадное поедание небольших порций еды. Оливер представлял собой «мешок с костями», что говорит о неполноценном питании. Миссис Саурбери, в семью которой мальчик ненадолго попал, дала ему мясо, которым «пренебрегла бы собака», и это было невиданной роскошью [2, с. 25].

В романе имеется множество сцен, демонстрирующих жестокое обращение с детьми. «Кулак слишком часто оставлял отпечатки на его теле» [2, с. 9] – именно так Оливер Твист описывает методику воспитания миссис Манн. Удары тростью по голове и спине, шлепки по шее – только малая часть телесных наказаний, в эффективность которых воспитатели искренне верили. Публичное сечение перед другими воспитанниками так же активно использовалось для предотвращения проступков других мальчиков.

Оказавшись на свободе, Оливер Твист встретил подлых людей – воров, которые занимались продажей краденных вещей. Их ласковое отношение к мальчику поначалу вызвало у него доверие, истинные намерения недоброжелателей проявились позже. При первой «работе» воров сообщники Оливера подстроили ситуацию так, чтобы подозрение в краже пало именно на него, за что тот мог получить серьезное наказание [2, с. 56]. На протяжении всего романа мальчик имеет дело с преступной бандой, которая при каждом удобном случае подставляет его. В итоге оказывается, что глава группировки, старый еврей, преследовал своей целью получить средства Оливера, оставленные ему матерью.

Оливер Твист с рождения столкнулся с несправедливостью мира, с детства на себе прочувствовал тяготы жизни. Отдельного внимания стоит психологическое состояние ребенка, который оказался в тяжелом положении. Мальчик никогда не видел к себе хорошего отношения: «Ни одно ласковое слово, ни один ласковый взгляд ни разу не озарили его унылых младенческих лет» [2, с. 9]. Позитивные моменты в жизни Оливера отсутствовали, он постоянно испытывал страх, чувство обиды и несправедливости. Мальчик рос без близких любящих людей, поэтому его сопровождало глубокое одиночество. Можно предположить, что, находясь в такой обстановке, в человеке закладываются неуверенность в себе и понимание того, что такую прочную социальную систему, в которой ты занимаешь самое низкое место, невозможно сломать. Отсутствие каких-либо предпосылок для становления здоровой успешной личности является одним из факторов продолжения плодящейся бедности. Такой человек не сможет получить достойное образование и принести свой вклад в общественное обогащение, его участь – это доживать отведенное ему время в бедных условиях. Нищенское положение и тяжелые условия жизни толкают главного героя на побег в Лондон, где он связывается с настоящими преступниками. Оливеру повезло не остаться в этой компании надолго, но подобный исход событий вполне вероятен при таких обстоятельствах. Бедность по-

рождает преступные элементы в обществе. Автор подчеркивает, что многое зависит от наставника, людей и среды, которые оказывают конструктивную или же деструктивную роль в жизни детей.

Сильное социальное расслоение, отсутствие правовой защищенности рабочих и нищих и проблемы, которые создает бедность, усиливают жестокость в обществе, в том числе по отношению к детям. «Глубоко в человеческом сердце заложена страсть травить кого-нибудь» [2, с. 56] – так Ч. Диккенс описывает неукротимое желание людей сделать Оливера Твиста виновником преступления (кражи). Собравшаяся публика судит о нем по его внешнему виду и слухам от свидетелей происшествия. Общественность не делает разделения между ребенком и взрослым – преступник должен быть пойман и наказан по закону. Дети воспринимаются как полноценные дееспособные члены общества, к ним относятся строго и холодно. Таким образом, произведение «Приключения Оливера Твиста» отражает детство Викторианской эпохи.

В романе нашли отражение серьезные проблемы общественного и экономического развития Англии: социальное неравенство, строгая социальная иерархия, условия жизни в работных домах, воспитание детей-сирот. Используя роман как исторический источник, мы можем почерпнуть из него информацию о многих аспектах жизни того времени: менталитет и ценности людей, их быт, а также методы воспитания детей и отношение общества к ним. Работные дома должны были стать инструментом благотворительности для обездоленных детей, но в итоге стали местом заключения и жесткого обращения. Дети ходили в обносках, получали скудное питание и регулярно подвергались жутким наказаниям за малейшие проступки. Произвол государственных служащих и враждебная настроенность общественности лишь усугубляли положение детей.

Список источников

1. Коути Е., Гринберг К. Женщины Викторианской Англии: от идеала до порока. М. : Алгоритм, 2013. 320 с.
2. Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста М. : Художественная литература, 1986. 355 с.
3. Лобакова О. Воспитание детей из бедных семей [Электронный ресурс]. Минск, 2017. Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/165234/1/Лабкова_О.%20ВОСПИТАНИЕ%20ДЕТЕЙ%20ИЗ%20БЕДНЫХ%20СЕМЕЙ.PDF.
4. Мортон А. Л. История Англии. М. : Издательство иностранной литературы, 1950. 464 с.

В. В. Чернышов

*Государственный архив Красноярского края
Красноярск, Россия*

ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ О НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ РУБЕЖА XIX – XX ВЕКОВ (ПО ДОКУМЕНТАМ КГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ»)

Аннотация. В статье на основе документов КГКУ «Государственный архив Красноярского края» рассказывается о значении деятельности обществ попечения о начальном образовании для социокультурного развития Енисейской губернии.

Ключевые слова: *Общество попечение о начальном образовании, Енисейская губерния, Енисейск, начальное училище*

Abstract. The article, based on the documents of the KSCU "State Archive of the Krasnoyarsk Territory", tells about the importance of the activities of primary education care societies for the socio-cultural development of the Yenisei province.

Keywords: *Primary Education Care Society, Yenisei province, Yeniseisk, primary school*

В последние десятилетия XIX в. и в первые десятилетия XX в. в культурной жизни Енисейской губернии произошли значительные изменения. Открывались музеи, библиотеки, росло число учебных заведений, повсеместно устраивались лекции, выступления, культурно-тематические вечера, направленные на просвещение населения. Изменения эти были бы невозможны без усилий большого количества совершенно разных людей – купцов и промышленников, чиновников и священников, врачей и учителей, мещан и крестьян, о чем свидетельствуют многочисленные документы, находящиеся на хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края».

Изучая эти документы, становится очевидным, что одной из основных форм участия населения в тех или иных общественных начинаниях была деятельность различных обществ и союзов. Этому способствовала регламентация общественной жизни со стороны властей, отсутствие в Енисейской губернии, как и в Сибири в целом, земских учреждений, что отсекало от участия в органах самоуправления служащую интеллигенцию, но давало возможность в рамках того или иного общества вполне легально обсуждать, поднимать, а иногда и решать волнующие общественность вопросы, пусть даже они не совсем соответствовали деятельности общества, прописанной в уставе. Сами уставы, как правило, содержали достаточно либеральные положения о членстве, и в состав того или иного общества при уплате определенных взносов мог войти любой желающий, без различия звания и пола, что также вызывало интерес к их деятельности [8, л. 7].

В результате к 1912 г. только в одном Красноярске действовало множество обществ совершенно разной направленности. Некоторые из них представляли собой кружки по интересам (например, Красноярское общество правильной охоты), другие,

наоборот, проводили серьезную работу, направленную на улучшение различных сфер жизни населения. Общество врачей Енисейской губернии, например, занималось вопросами улучшения народного здравоохранения, Общество обывателей и избирателей города Красноярска своей целью ставило благоустройство города, Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества занимался научной работой, гимнастическое общество «Сокол» способствовало развитию спорта среди населения и т. д. Быть членом какого-либо общества, сотрудничать с ним, оказывать ему финансовую помощь становилось все более и более почетным занятием. Так, член Общества для пособия нуждающимся сибирякам, учащимся в городе Москве, В. Альбанский в своей заметке, опубликованной в газете «Красноярец», писал, что когда Сибирский комитет общества, воспользовавшись его двухнедельным пребыванием в Красноярске, поручил ему взять на себя роль члена-соревнователя, то есть представителя Общества, который бы собирал членские взносы и привлекал новых членов, он практически нигде не встретил отказа. Вступить в ряды Общества согласились многие известные красноярцы: П. И. Гадалов, И. И. Кузнецов, И. А. Ицин, С. С. Франкфурт, В. А. Смирнов, Н. А. Ставровский, П. С. Троицкий, а член окружного суда П. С. Троицкий и мировые судья А. М. Ветров и Л. П. Терских согласились стать его членами-соревнователями в городе.

Особое место среди общественных организаций, действовавших в губернии, занимали общества по поддержке народного образования. От других обществ они отличались своей многочисленностью, разветвленностью, постановкой более широких задач. Как видно из архивных документов, попытки создания таких обществ относятся еще к 60-м годам XIX в. Так, еще 20 февраля 1864 г. жители города Минусинска направили прошение енисейскому губернатору П. Н. Замятнину о разрешении открыть Минусинское общество по распространению грамотности и сведений по улучшению сельского хозяйства. Интересно, что в этом прошении напрямую связывались вопросы экономического развития округа с развитием образования и просвещения населения. Падение скота в результате эпидемий, потери от лесных и степных пожаров, злоупотребление начальства, грубость нравов, все это, по мнению подписавших прошение, происходит из-за неграмотности населения, а для преодоления такой неграмотности необходимы усилия государства и общества. В нем говорилось: «Ввиду правительственных преобразований народу необходимо идти на помощь правительству, но когда у людей нет ясных и правдивых понятий о правах и обязанностях человека, то об этом не может быть и речи. Пассивное принятие закона не приносит пользы, до тех пор, пока смысл закона не усвоен теми, к кому он относится; только то и прочно, что принимается сознательно. При настоящем состоянии семьи в крестьянской среде разумное воспитание невозможно. Чтобы пробудить к нравственности, преодолеть грубость, одичалость, нравственную испорченность нужно энергическое содействие со стороны более разумных людей» [8, л. 3–3об]. Впрочем, прошение минусинской общественности так и не было удовлетворено, и первые общества попечения о начальном образовании были учреждены в Красноярске и Енисейске только в июле 1884 г. [6, л. 11об] Затем последовало открытие подобных же обществ в городах Минусинске и Канске.

Как следует из документов, поводом для учреждения обществ послужила плохая ситуация с начальным образованием среди городского населения. Например, согласно уставу Общества попечения о начальном образовании в городе Енисейске его целями объявлялись: содействие материальными средствами городскому общественному управлению в улучшении положения начальных городских училищ и в их увеличении; учреждение в каждом приходском училище по два отделения младшего и старшего, для более удобного преподавания с учителем и учительницей в каждом отделении; органи-

зация нового приходского женского училища, в случае наличия материальных средств [5, л. 5].

Но даже такие, казалось бы, скромные задачи требовали значительных денежных средств. Поэтому через несколько месяцев после создания общества в Енисейске его председатель Александр Игнатьевич Кытманов обратился к енисейскому губернатору с просьбой разрешить ему чтение публичных лекций в пользу приходского женского училища, которое в скором времени предполагается открыть в городе Енисейске, а также в пользу других приходских училищ города. На первой лекции А. И. Кытманов рассказал об электричестве, его главных проявлениях и законах, электрической машине и других электрических приборах, электрических грозах, электромагните, телеграфе [2, л. 4об]. Вторая лекция была посвящена воздуху, его физическим свойствам, весу, химическим свойствам, значению воздуха для жизни животных и растений, барометру, вентиляции и дезинфекции, а третья – свету, его свойствам, отражении и преломлении, оптическим приборам, очкам, микроскопам, телескопам, органам зрения, фотографии, спектральному анализу [2, л. 5]. Тем самым, кроме вопросов финансирования, Общество практически с самого начала своего создания приступило к решению и задач по просвещению населения, хотя на первом этапе его существования эти задачи все же играли второстепенную роль.

Кроме проведения публичных лекций совет Общества призвал жителей города жертвовать в пользу образования все, что им уже не нужно, но что имеет хоть какую-нибудь ценность. Для приема пожертвований были организованы три пункта: в доме самого председателя совета А. И. Кытманова, в магазине казначея Н. Н. Дементьева и в публичной библиотеке Н. В. Скорнякова. В отчете Общества сообщалось: «Ныне таких пожертвований (старое платье) накопилось у председателя совета довольно значительное количество, которое и было продано и от продажи выручено 46 рублей» [3, л. 4].

Население довольно охотно жертвовало на нужды народного образования, причем не только в крупных городах. В 1886 г., например, потомственная почетная гражданка Евдокия Петровна Кузнецова, узнав о планах организовать в селе Шелаболинском Тесенской волости Минусинского округа Общество попечения о начальном образовании, не дожидаясь утверждения его устава, пожертвовала 100 руб. [4, л. 14], а в пользу организуемого Каптыревского общества попечения о начальном образовании – 130 руб. [4, л. 15] В том же году в пользу организуемого Шелаболинского общества чиновником Виктором Александровичем Даниловым было пожертвовано 100 руб., а его доверенным дворянином Корженевским еще 25 руб. [4, л. 17об]

Участие населения в финансировании обществ попечения быстро давало свои результаты. В Енисейске силами местного общества за несколько лет его существования было открыто младшее отделение с особым законоучителем и учительницей при 2-м приходском училище. Для его открытия Обществом было установлено жалование учительницы в размере 180 руб. в год, а законоучителю – 50 руб. в год. Кроме того, Общество наладило снабжение училищ учебниками, которые выдавались бесплатно или по крайне низкой цене [3, л. 4об]. Бесплатно выдавались также письменные принадлежности, бумага, карандаши, перья, материал для рукоделия ученицам женского училища, одежда, обувь [3, л. 4об].

Последние было особо востребованы. В отчете Общества за 1886 г. сообщалось: «Громадное большинство учеников и учениц наших приходских училищ дети совершенно бедных родителей. По неимению теплой одежды, особенно при наших зимних морозах, они часто вынуждены бывают пропускать уроки, что не может не отразиться на их успехах в учение. Для устранения этого... в течение нынешнего года было выдано 5 шуб, 8 пар сапогов, 8 пар ботинок, 14 пар пимов» [3, л. 5].

Однако по мере решения задач материального обеспечения начальных училищ деятельность обществ попечения о начальном образовании претерпевала определенные изменения. Так, 29 марта 1894 г. на заседании общего собрания Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске был заслушан вопрос об изменении задач общества и расширении программы его деятельности. Это было связано с поступившими от частных лиц и Енисейского мещанского общества заявлениями о необходимости открыть при Обществе в городе книжный склад, курсы ручного труда, проводить больше народных чтений [7, л. 3]. В результате общее собрание предложило наравне с целями по улучшению народного образования и материальной поддержки учащихся устраивать народные чтения, открывать воскресные, повторительные классы, народные читальни, музеи, книжные склады, вводить в курс приходских училищ профессиональное образование [7, л. 3об]. Через три года, в декабре 1897 г., изменения в уставе были одобрены в Министерстве внутренних дел [7, л. 67].

Подобные изменения происходили и в других городах. 21 сентября 1892 г. совет Общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске обсудил предложение председателя совета Н. А. Шепетковского об учреждении при Обществе постоянного торгового склада дешевых народных изданий и руководств воспитанников начальных училищ. Подобное учреждение, по мнению членов совета, было крайне необходимо, поскольку «среди беднейшего грамотного населения города и деревень, редко попадаются хорошие, толково составленные книги... в больше части случаев, среди этой группы населения вращаются книги и картины лубочного издания, части сомнительного содержания в нравственном отношении... необходимо, насколько возможно, стремиться парализовать такое нежелательное явление» [9, л. 2].

Кроме крупных городов попытки создать общества попечения о начальном образовании предпринимались и в сельской местности. Так, 11 мая 1886 г. жители с. Каптыревское Минусинского округа составили прошение енисейскому губернатору с просьбой содействовать созданию в селе общества попечения о начальном образовании [4, л. 1]. Инициатором создания общества выступил учитель Каптыревского приходского училища Ф. Коков, который писал в своем рапорте окружному исправнику: «...Безвыходное состояние вверенного мне училища навело меня на мысль – учредить общество попечения о начальном образовании в селе... Предложение мое жителями Каптыревой было встречено сочувственно, от лица одиннадцати членов учредителей уже дано представление об утверждении общества начальнику губернии» [4, л. 9]. В число учредителей, кроме самого Ф. Кокова, вошли священник Каптыревской Пророко-Ильинской церкви Иоанн Арестов, дьякон Николай Силин, и несколько крестьян села Каптыревского. Интересно, что большинство из них сами были неграмотными, и за них подписи поставили грамотные учредители [4, л. 6–7].

Важно ответить на вопрос, что двигало этими людьми, ведь кроме прошения необходимо было составить устав общества, изучить законодательство, то есть затратить личное время, которого у сельского учителя и сельского священника – единственных грамотных людей среди учредителей – наверняка было не так много. Ответ можно найти в самом прошении, где сообщается, что здание училища пострадало во время пожара, училище находилось на частной квартире, и сельское общество платит только за аренду помещения и жалование учителя, а «на библиотеку и прочие потребности деньги не собираются» [4, л. 1]. Но главное было то, что, несмотря на эти трудности, учащихся на момент составления прошения уже было 48 человек и, как писали учредители, «есть надежда, что с улучшением материального положения училища число учащихся увеличится» [4, л. 1-1об].

Однако, как свидетельствуют документы, далеко не все сельские общества поддерживали подобные идеи. 30 июня 1886 г. минусинский окружной исправник нап्रा-

вил рапорт енисейскому губернатору, в котором сообщил, что крестьяне села Шелаболинского в отзыве, составленном ими, и в лице своего доверенного крестьянина Гаврила Мухина довели до исправника свое мнение о нежелании ими образовывать общество попечения о начальном образовании [4, л. 17]. Сам исправник в беседе с Мухиным и другими доверенными от общества пытался разъяснить пользу создаваемого общества и пользу грамотности, но успеха в этом деле достичь не смог [8, л. 17об]. В своем отзыве крестьяне указывали, что они в создании общества они не находят надобности, так как в селе училища нет, а если бы оно и было, «можно с уверенностью сказать, что даже и те, которые имеют скудные средства, вряд ли бы пожелали искать посторонней помощи к образованию своих детей, потому что сами по возможности будут заботиться о материальном положении своих детей ввиду той пользы, какую они должны ожидать от грамотности» [4, л. 18об–21]. Эту позицию в результате поддержали волостные сельские начальники, собравшиеся в Минусинске на волостном ходе [4, л. 25].

Такие случаи были не единичны и во многом вытекали из-за сложности процедуры создания обществ. Ведь для организации общества, как уже говорилось выше, заинтересованные лица должны были составить устав общества, положения которого, в свою очередь, должны были соответствовать законодательству. Далее устав передавался с соответствующим прошением губернатору, и если он проходил согласование в Енисейском губернском правлении, то направлялся дальше – генерал-губернатору Восточной Сибири, и только потом в Министерство внутренних дел. Не многие инициаторы могли составить уставы, удовлетворяющие требованиям для их регистрации. Так, когда в 1881 г. преподаватели Красноярской гимназии попытались создать местное общество для оказания пособий учащимся и направили регистрацию разработанный устав, главный инспектор училищ Восточной Сибири обратил внимание, что он составлен на основе другого устава, уже утвержденного для подобного общества в г. Иркутске, «а так как действие этого устава распространяется на всю Восточную Сибирь, то всякое отдельное общество не должно иметь свой отдельный устав» [1, л. 4-4об]. И это произошло в губернском Красноярске, что тогда говорить про сельскую местность.

Но, несмотря на все трудности в регистрации, финансировании, отношения со стороны властей или части общественности, создание обществ попечения о начальном образовании, их деятельность представляло собой важный и необходимый шаг в деле поддержки народного образования.

Список источников

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Д. 517.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Д. 517.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1869.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2418.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2439.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2780.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5053.
8. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5489.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4.

Н. А. Баранцева

Хакасский государственный университет
имени Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ-ДЕТОУБИЙЦЫ СИБИРСКОГО КРАЯ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ 1920-Х ГОДОВ)

Аннотация. В статье на основе материалов Сибирского краевого суда г. Новосибирска 1929 г. подводятся итоги рассмотрения уголовных дел по детоубийствам, а также предпринимаются попытки раскрыть социально-психологический портрет матерей-преступниц с учетом обстоятельств совершения преступлений.

Ключевые слова: детоубийство, мотивация, социальный статус преступницы, внебрачные дети

Abstract. Based on the materials of the Siberian Regional Court of Novosibirsk in 1929, the article summarizes the results of the consideration of criminal cases on infanticide, and attempts made to reveal the socio-psychological portrait of criminal mothers, taking into account the circumstances of the commission of crimes.

Keywords: infanticide, motivation, social status of criminals, illegitimate children

В структуре женских насильственных преступлений значительное место занимали детоубийства. В исторической и юридической мысли сложились разные подходы в объяснении женской преступности. Сторонники либерального подхода (Д. Мацкевич, Н. Котляревский, П. Бакунин, В. Хвостов и др.) исходили из нерешенности «женского вопроса», неравенства женщин в семейно-имущественных отношениях. Знаменитый судья XIX в. А. Ф. Кони воспринимал «женскую преступность как отклик на несправедливость общества». Женщина рассматривалась как жертва обстоятельств. Консервативный (государственно-охранительный) подход, характеризуя преступления как «нравственную деградацию человека», нарушение заповедей Божьих, рекомендовал «ограничить права женщин и еще более подчинить их власти мужа и свекра» [1, с. 43–44]. Оценки либерального и консервативного подходов в отношении детоубийств в определенной мере можно использовать и для советского периода.

Исторически сложилось, что в дореволюционной и советской России среди простого народа наблюдалось достаточно равнодушное отношение к смерти детей, поэтому особого порицания женщины-детоубийцы не вызывали. Большой обузой для матери-крестьянки было рождение детей в страду. Ребенку не уделяли должного внимания, плохо кормили, а если он умирал, то говорили «бог прибрал». Об отношении к детской смертности можно судить по пословице: «Первые детки – соколятки, последние – воронятки», колыбельной «Бай, бай, да люли! Хоть сегодня умри. Сколочу тебе гробок из березовых досок. Завтра мороз, снесут на погост». По народным поверьям, умерший крещеным младенец попадал в рай, а некрещеных уносили черти. Поэтому женщины, убившие некрещеных детей, осуждались народом [1, с. 46]. Тяготы жизни, изнуритель-

ный труд, частые роды и осложнения после них ввиду отсутствия элементарной гигиены, толкали женщин на преступления. Иногда они выдавались за случайность. В случае если мать «приспала» ребенка, она могла избежать уголовной ответственности.

В начальный советский период проблемы женской преступности в значительной степени были обусловлены модернизацией репродуктивного и матримониального поведения населения, изменением социальных и культурных стратегий общества. С одной стороны, политика советской власти в сфере равноправия полов, «либерализации института семьи, сексуальной жизни и репродуктивных прав женщин» являлась одной из самых прогрессивных в мире [2, с. 135]. С другой стороны, появление у женщины функций гражданки и работницы не освобождало ее от материнства и выполнения репродуктивных обязанностей перед обществом. Пролетарское государство считало, что «материнство есть социальная обязанность женщины» [3, с. 235]. На женщину возлагалась тройная нагрузка: трудовые и общественные обязанности, рождение и воспитание детей, работа по дому. Трансформация в советском обществе этических и религиозных норм, вовлечение женщин в производство обусловили легализацию с 1920 г. абортов, ранее рассматривавшихся как «грех» и приравнивавшихся к детоубийству. В Российской империи вплоть до конца XIX в. практика искусственного прерывания беременности была редкой вследствие высокой смертности детей, половина из которых не дожила до 20 лет [4, с. 31].

В течение 1920-х гг., в связи с наметившейся тенденцией к росту абортов, в городских местностях выросло число частных кабинетов, акушерок, «специалистов-абортистов», а в сельских населенных пунктах – бабок-повитух, не имевших отношения к медицине. В Сибирском крае за первые полгода 1926 г. специалисты абортных комиссий отказали в операциях по социальным и медицинским показаниям почти 13 % женщин. В результате отделы охраны материнства и младенчества Сибирского края зафиксировали факты «подкидывания младенцев» и увеличения криминальных убийств новорожденных [5, с. 37, 39]. В 1929 г. отдел здравоохранения при исполкоме Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся, ввиду сокращения рождаемости, предложил закрыть абортные комиссии, возложить проведение прерывания беременности на врачей. Акцентировалось внимание на необходимости усиления санитарного просвещения, пропаганды применения контрацептивов. Женщины, имевшие не менее трех детей, в первую очередь, «батрачки», колхозницы, жены красноармейцев, работницы предприятий, получили преимущественное право на бесплатные аборты [5, с. 40]. Было запрещено прерывать первую беременность женщин, а также тем, кто делал операцию менее полугодом ранее [6, с. 82]. С 1930 г. операции стали платными, их стоимость зависела от имущественного положения членов семьи. Необходимость совмещения трудовых и семейных обязанностей побуждали женщин разных социальных групп, семейного статуса, достатка прибегать к абортам, которые рассматривались как средство контроля над рождаемостью.

Большая часть крестьянок не знали о легальном праве на искусственное прерывание беременности либо боялись операции: «выскабливая, потеряешь здоровье», «боюсь смерти», «носи да носи» ... По свидетельству Г. П. Синкевича, «не желавшие иметь детей могли избавиться от родившихся уже, оставляя их без ухода: “больно жизнь хороша без детей”, – говорила мать, у которой умерли все восемь рожденных ею» [7, с. 128].

Материалы устной крестьянской истории показывали, что «от нежеланного ребенка можно было избавиться через аборт или детоубийство». По воспоминаниям У. М. Стуколовой, 44-летней крестьянки из Псковской области, в 1925 г. стало известно, что одна из 16-летних девиц забеременела, а сожитель отказался жениться. Отец выгнал дочь из дома. Голодная, не имея возможности работать, «хотела она родить

в роще и удушить ребенка; у нас есть роща такая возле деревни, в ней все девки рожают да ребят душат». Однако, народ, гуляющий в роще, помешал ей. Пожилые односельчане приютили девушку, она родила. Потом отец разрешил ей вернуться домой. Однако вскоре ребенок умер [8, с. 113].

Социальный портрет женщины-детоубийцы рассмотрим на основе анализа делопроизводственной документации Сибирского краевого суда, проходившего в 1929 г. в Новосибирске [9, с. 60–61]. Суд подвел итоги рассмотрения дел убийств новорожденных за 1926 г. Социальное происхождение преступниц было следующим: беднячек-крестьянок насчитывалось 43,3 % (в том числе две комсомолки), батрачек – 18,4 %, середнячек – 13,4 %, служащих – 3,3 %, домработниц – 3,3 %, безработных – 1,7 %. Большая часть преступниц происходила из сельской местности, не располагавшей медицинскими учреждениями, органами охраны материнства и младенчества. На селе родами и прерыванием беременности занимались бабки-повитухи [10, л. 58].

Отечественный криминолог М. Н. Гернет, исследуя детоубийства, отмечал, что их причиной является не жестокость женщин-матерей, а «известные взгляды современного общества на внебрачное рождение» [11, с. 58]. Мотивацией женщин, совершивших преступления в отношении своих новорожденных детей, являлись стыд, «укрытие следов греха», страх осуждения, боязнь потери работы и нищеты. Имели место случаи, когда женщина, находясь в измененном состоянии психики, связанным с родовыми муками, не отдавала отчета в своих действиях, убивая или оставляя ребенка без помощи. Нередко женщина, рожая без помощи медиков, в полном одиночестве, могла не кормить новорожденного, бросить на длительный срок, что приводило к смерти младенца [12, с. 233–234].

Другим мотивом убийства новорожденного нередко становилось то, что сама преступница являлась жертвой насилия. Женщины нередко рассматривались не как «равноправные участницы сексуальных отношений, а лишь как объект мужского желания» [3, с. 237]. Материалы Сибирского краевого суда 1929 г. подтверждают сложившуюся практику в отношении незаконнорожденных детей – жертв преступлений. В протоколах суда отмечалось, что убитые дети родились большей частью от случайных связей (63,4 %, из них в двух случаях после изнасилования), сожительства (23,3 %). Только 6,7 % убитых младенцев родились в зарегистрированном браке. В 3,3 % случаев убитые являлись внуками, в 3,3 % – падчерицами [10, л. 60].

По социальному и имущественному статусу в 58,4 % случаях отцы убитых детей остались неизвестны. Следовательно, мать не имела возможности взыскивать алименты с отца, могла остаться без средств существования, лишившись работы. В 15 % отцами убитых младенцев были крестьяне без указания имущественного положения, 15 % составляли середняки, 5 % – бедняки, 3,3 % – служащие, еще 3,3 % – рабочие [10, л. 59].

По мнению современного исследователя Н. А. Соловьевой, у женщин, «совершивших неонатид (убийство новорожденного в первые 24 часа) под влиянием психотравмирующих и конфликтных ситуаций» (разногласия с отцом будущего ребенка, членами семьи, материальные затруднения и пр.) может проявиться «аутоагрессия», направленная на убийство младенца. В состоянии растерянности, беспомощности, кажущейся или реально неразрешимой ситуации, роженица может совершать агрессивные импульсивные или осознанные действия по отношению к младенцу во время или сразу после родов путем утопления, удушения, нанесения ударов различными предметами [13, с. 76].

Суд констатировал следующие методы детоубийств в Сибирском крае: удушение (47,4 %), утопление (14 %), замораживание (12,3 %), закапывание живьем в землю (3,5 %), неизвестные способы (5,3 %) [10, л. 60].

Причинами убийств 40 % женщин назвали боязнь позора семьи, 25 % – бедность и одиночество, 10 % – нежелание иметь ребенка, 5 % – ревность, 1,7 % – нежелание отца ребенка платить алименты [10, л. 58].

Сибирский краевой суд в г. Новосибирске в 1929 г. признал безусловно осужденными по 52 детоубийствам, совершенным в 1926 г., 33 женщины (63,5 % преступников), условно осудили 19 преступниц (36,5 %) (табл. 1).

Таблица 1

Судебные наказания за детоубийства в Сибирском крае в 1926 г.

Срок лишения свободы	Всего чел., %	Осуждены условно, всего чел., %	Осуждены безусловно, всего, чел., %
До 6 месяцев	5 (9,7 %)	1 (20 %)	4 (80 %)
До 1 года	22 (42,3 %)	9 (40,9 %)	13 (59,1 %)
До 2 лет	9 (17,3 %)	5 (55,6 %)	4 (44,5 %)
До 3 лет	8 (15,4 %)	4 (50 %)	4 (50 %)
До 4 лет	1 (1,9 %)	–	1 (100 %)
До 5 лет	4 (7,7 %)	–	4 (100 %)
До 6 лет	2 (3,8 %)	–	2 (100 %)
До 8 лет	1 (1,9 %)	–	1 (100 %)
Всего	52 (100 %)	19 (36,5 %)	33 (63,5 %)

Составлено по: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Ч. II. Д. 4029. Л. 60.

В уголовном Кодексе РСФСР 1922 и 1926 гг., в отличие от дореволюционного законодательства, не было разграничения в оценке преступлений в отношении законных и незаконнорожденных детей, произошел отказ от выделения детоубийств в качестве «самостоятельного привилегированного состава преступления» [14, с. 90].

Верховный Суд РСФСР и ВЦИК, с учетом исключительных обстоятельств совершения преступлений, а также психологических особенностей преступниц, внесли существенные коррективы в решение Сибирского краевого суда и освободили от наказания или дали условный срок лишения свободы 24 обвиняемым (72,7 %) [10, л. 62]. В качестве мотивов смягчения «карательной политики» были указаны «социальная опасность» отдельных преступниц и целый ряд смягчающих вину обстоятельств (низкий культурный уровень, бедность, неудовлетворительная бытовая обстановка, отсутствие средств к существованию). Нередко суды применяли одновременно статьи 28 и 36 УК РСФСР. Эти статьи предусматривали назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного статьей 142 УК РСФСР (до 8 лет), и одновременно условного осуждения. Обе статьи были применены практически ко всем женщинам, которые обвинялись в убийстве своих новорожденных детей [15, с. 47–52].

Инструктивное письмо 1926 г. Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР разъясняло нецелесообразность следовать в русле «уголовной репрессии» в отношении матерей-детоубийц. Было рекомендовано «идти по пути улучшения материальной обеспеченности женщин-одиночек и изживания вековых предрассудков, еще глубоко коренящихся, в особенности в крестьянских массах...». Вместе с тем неукоснительное исполнение закона и отказ от применения мягких мер социальной защиты допускались применительно к «достаточно культурным матерям», проживавшим «при сравнительно благоприятных материальных условиях» [16, с. 102–103]. Все изложенное позволяет заключить, что советское государство применяло дифференцированный подход при назначении наказания матерям-убийцам.

Материалы устной истории также дают примеры лояльного отношения советской власти к женщинам-детоубийцам в других регионах. Так, в Саратовской области в одной из тюрем конвоиром была заключенная из уголовных преступниц. Осуждена она была за то, что родила ребенка «и в смородину его закопала, а сосед доказал... Ей дали три года ...вот она при тюрьме там помогала» [8, с. 112].

В целом положительно оценивая либеральное законодательство советского государства в сфере модернизации семьи, брака, репродуктивного поведения, повышение социального статуса женщины как работницы, следует констатировать, что оно фактически сосуществовало с сохранившимися патриархальными нормами общества, которые дискриминировали женщин, допускали насилие и гендерное неравенство в семье.

Как свидетельствуют делопроизводственные архивные материалы по Сибирскому краю второй половины 1920-х гг., основная часть преступниц-детоубийц были матерями-одиночками, по социальному составу – выходцами из крестьян и городских низов, в меньшей степени из служащих и интеллигенции. Основными причинами преступлений матерей в отношении новорожденных были: личностные факторы, включая немотивированную агрессию и жестокость, конфликтные отношения в семье; социально-экономические проблемы, связанные с низким уровнем жизни, проблемами с жильем, работой; фактическое неравенство в распределении семейных обязанностей; господство патриархальной идеологии, общественного мнения, не позволяющее одиноким женщинам «нагулять» ребенка и подталкивающие их на аборт или убийство младенца. Важнейшими средствами для решения проблемы детоубийства должны были стать укрепление института семьи, повышение социального статуса женщины, поддержка материнства и детства, борьба с бедностью.

Список источников

1. Куликова С. Г. Женщины-детоубийцы в России второй половины XIX – начала XX века // Научный портал МВД России. 2012. № 3. С. 41–48.
2. Бобровская Е. В. Государственный феминизм в СССР: особенности гендерного (не)равенства в советской России // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 133–140.
3. Скорнякова С. С. История гендерного равноправия в России в советский период // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 232–243.
4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Новое издательство, 2006. 608 с.
5. Васеха М. В. Проблемы актуализации практик плодоизгнания в условиях демографической модернизации в 1920-х гг. (на материалах Западной Сибири) // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 21 (2). С. 37–41.
6. Шелест М. В. Искусственное прерывание беременности как социальная практика: процесс становления в России // Logos et Praxis. 2022. № 21 (1). С. 78–86.
7. Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998. 432 с.
8. Нахимовский А. Д. Устная история снизу. Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке // Крестьяноведение. 2021. № 6 (1). С. 91–125.
9. Баранцева Н. А. К вопросу о детоубийстве в Сибирском крае в 1926 г. (по архивным материалам: историко-социальный аспект) // Эволюция государственно-правовых систем. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2022. С. 60–61.

10. Выписка из протокола заседания пленума Сибирского краевого суда. Новосибирск. 7 января 1929 г. // Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-2. Оп. 1. Ч. II. Д. 4029.

11. Кунц Е. В. Исторический подход к проблеме женской преступности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 6. С. 57–59.

12. Стратонов В. Н. Слинко С. В., Слинко Д. С. Исторический анализ возникновения ответственности за убийство новорожденного // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 230–235.

13. Соловьева Н. А. Механизм трансформации жертвы в преступницу под влиянием насилия (в художественной литературе) // Legal Concept. 2016. № 2 (31). С. 75–79.

14. Хатуев В. Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // Lex Russica. 2019. № 1 (146). С. 83–96.

15. Габдрахманов Ф. В. Практика рассмотрения Марийским областным судом уголовных дел по первой инстанции по УК РСФСР 1922 года // Марийский юридический вестник. 2008. № 6 (1). С. 39–53.

16. Мурзина Л. И. Генезис уголовной ответственности за детоубийство // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2008. № 11. С. 101–104.

А. Н. Щукина¹, Г. М. Луцаева²

^{1, 2}Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

СОСТОЯНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ БЕСПРИЗОРНЫХ В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. Период 1920-х гг. стал временем формирования государственной системы социальной защиты детей. Механизмом решения данных задач стало создание сети государственных учреждений: детских домов, домов младенца, домов матери и ребенка. Однако созданная система социальной защиты детства, ввиду сложностей финансового характера, организационных трудностей, нерешенного кадрового вопроса, была недостаточно эффективной и не удовлетворяла постоянно возрастающим потребностям населения. В данной статье показано состояние и функционирование специальных учреждения для беспризорных.

Ключевые слова: беспризорность, специальные государственные учреждения для беспризорников, система социальной защиты

Abstract. The period of the 1920s was the time of the formation of the state system of social protection of children. The mechanism for solving these tasks was the creation of a network of state institutions: orphanages, infant homes, mother and child homes. However, due to financial difficulties, organizational difficulties, unresolved personnel issues, the created system of social protection of childhood was not effective enough and did not meet the ever-increasing needs of the population. This article shows a comparison of the state and functioning of special institutions for the homeless.

Keywords: homelessness, special state institutions for street children, social protection system

Проблема детской беспризорности представляется актуальной в современном мире. Многие исследователи обращались к теме исторического опыта сокращения борьбы с беспризорностью. Например, можно выделить крупные общероссийские исследования В. М. Волохатовой «Сиротские учреждения Советской России: история становления и проблемы функционирования» [1] и А. А. Славко «Детская беспризорность в первое десятилетие Советской власти» [2], в которых рассматривается детская беспризорность в первые десятилетия Советской власти.

Что касается регионального аспекта, то в исследованиях он практически не освещается, за исключением нескольких работ. Среди них статья Н. В. Рябининой [3], в которой автор показывает опыт искоренения детской беспризорности на основе материалов из губерний Верхнего Поволжья 1920-х гг., акцентируя внимание на влиянии беспризорности на формирование подростковой преступности. К числу работ, в которых рассматривается непосредственно Енисейская губерния, относится совместная статья Е. И. Ивановой и Т. А. Катциной «Положение беспризорных детей в Енисей-

ской губернии в 1920-е годы», которая в 2003 г. была представлена на конференции «Люди и судьбы. XX век» [4, с. 18–19]. В ней на основе документальных материалов из региональных архивов приведен обзор состояния детских учреждений Енисейской губернии и их количества, показана неоднозначность и специфика планируемых мер, направленных на решение проблемы детской беспризорности, но это лишь фрагментарное исследование с большой перспективой для развития и изучения.

Несмотря на то, что есть некоторое количество региональных работ по теме, этого недостаточно для полного и всестороннего освещения вопроса беспризорности. Чаще всего феномен беспризорности рассматривается касаясь всей территории России или же носит локальный характер, но относительно других регионов. Поэтому можно говорить не только об актуальности исследования, но и о новизне работы в этой сфере.

Следом за установлением и укреплением Советской власти по территории страны на территориях регионов происходил перевод детских учреждений, возникших в годы гражданской войны, в ведение отделов социального обеспечения. В частности, такой процесс происходил и в Енисейской губернии. Значительный рост в стране количества детей, оставшихся без попечения родителей, повлек за собой необходимость расширения сети государственных учреждений для данной категории детского населения.

Появлялись детские дома, трудовые детские городки, коммуны общественного трудового воспитания, интернаты, приемники-распределители. Самым универсализированным типом учреждений для беспризорных несовершеннолетних были детские дома [5].

На 1 января 1921 г. в детских домах Енисейской губернии размещалось 2 328 детей. В большей степени количество беспризорных детей содержалось в детдомах Красноярского (707 чел.) и Ачинского (745 чел.) уезда, наименьшее – в Минусинском (209 чел.) и Енисейском (255 чел.) уездах [6]. В 1922 г. на территории Енисейской губернии действовало 36 детских домов, два трудовых детских городка, в которых воспитывалось 250 детей, одна коммуна общественного трудового воспитания с 150 детьми, один интернат на 50 человек и четыре приемно-распределительных пункта на 85 мест [7, с. 269].

В 1924 г. по всей стране начался общегосударственный процесс централизации и укрупнения детских домов. Реализовывалась процедура слияния ряда мелких детских домов в более крупные. При этом процесс сокращения количества детских домов шел уже с 1923 г. Так, по всей стране по сравнению с 1922 сеть детдомов сократилась с 6 до 3 тысяч, а количество детей, содержащихся в них, уменьшилось с 540 тыс. до 253 237 человек [8, с. 38].

Постепенно назрела проблема переполненности детских домов. В начале 1920-х гг. схема противостояния детской беспризорности была предельно простой: с улицы ребенок попадал в детский приемный пункт, а оттуда – в детский дом. Однако такой порядок очень скоро вновь привел к переполнению детских домов, которые государство и без того было не в силах самостоятельно содержать. Это стало причиной для осуществления с 1925 г. политики по сокращению количества воспитанников в детских домах. Эта деятельность выражалась в том, что из детдома выводились дети старше 16 лет, имеющие родственников, подлежащие реэвакуации на родину. Подобный процесс затронул и Енисейскую губернию. В частности, в Енисейской губернии 20 подростков старше 16 лет были направлены в Рыбинскую сельскохозяйственную школу, 44 реэвакуированы на родину [9].

К концу 1920-х гг. в рамках страны формально существовали уже только три категории детских домов: дошкольные детские дома, детские дома для учащихся, детские дома с профессиональным обучением. Кроме того, имелись трудовые колонии и трудо-

вые коммуны для трудновоспитуемых детей, находившиеся в ведении органов НКВД и ОГПУ. Существовали также детские дома лечебного и полулечебного типа, детские дома для инвалидов, включая слепых и глухонемых.

Таким образом, в изучаемый период система учреждений для беспризорных детей представляла собой совокупность трех видов: собственно детские дома, учреждения трудового типа и учреждения лечебного типа.

Помощь детям младенческого возраста в Красноярске была представлена целой системой органов. В целом этой деятельностью занимался подотдел охраны материнства и младенчества. В ведении этого подотдела с 1924 г. в Красноярске находились Дом матери и ребенка имени Октябрьской революции, Дом младенца имени Семашко, Ясли № 1 им. Розы Люксембург, Ясли № 2 им. В. П. Лебедевой [10, с. 60]. Таким образом, помощь получали дети младенческого возраста, дети дошкольного возраста, а также матери с младенцами.

Дом матери и ребенка – уникальное для того периода учреждение – в Красноярске был основан в 1922 г. Данное учреждение было предназначено для проживания в нем необеспеченных безработных беременных женщин за два месяца до рождения ребенка и до достижения младенцем двух месяцев. Дом матери и ребенка в Красноярске содержался на бюджетные средства губернского отдела здравоохранения и средства, собранные общественными организациями, то есть финансирование было двусоставным – бюджетное и от благотворительных пожертвований. Это учреждение было рассчитано на пребывание в нем одновременно 20 детей и 10 матерей [11]. Женщины здесь должны были самостоятельно осуществлять всю бытовую работу: заниматься уборкой помещения, готовить обед, стирать. Однако все же отпускаемых финансовых средств катастрофически не хватало, что приводило к отсутствию требуемого удовлетворительного уровня питания, необходимого постельного белья и одежды для детей и женщин.

Дом младенца имени Н. А. Семашко был создан в Красноярске в октябре 1921 г. Он был предназначен для пребывания одновременно 60 детей в возрасте от одного до четырех лет [12]. В 1923 г. в связи с сокращением бюджетного финансирования количество мест для детей уменьшилось до 50 [13]. Такие же дома младенцев были открыты в уездах Енисейской губернии: в Минусинске и Енисейске – на 25 детей, в Канске и Ачинске – на 50 детей соответственно [14]. В 1924 г. в Красноярске работал Дом ребенка, рассчитанный на единовременное пребывание 130 детей. С детьми трудились 11 человек педагогического персонала и 12 технических работников [15].

Концентрация детей в домах младенца, нехватка персонала и финансирования неизбежно приводили к определенным проблемам. В частности, в домах младенца и домах ребенка Енисейской губернии в данный период наблюдался крайне высокий уровень младенческой и детской смертности. На заседаниях местных органов власти эти учреждения нередко называли «домами смерти». Смертность подкинутых детей в дома младенца и дома ребенка в Красноярске в 1925 г. составила 38 % от общего числа поступающих детей. Основными причинами смертности детей в учреждениях закрытого типа являлись недостаток грудного молока, отсутствие квалифицированной врачебной помощи, эпидемические заболевания [16].

Также развивалась система органов, оказывающих помощь и поддержку выпускникам приемных и приемно-распределительных пунктов. В частности, беспризорные дети после пребывания в приемных и приемно-распределительных пунктах направлялись в специальные учреждения интернатного типа, в которых создавались условия для их дальнейшей реабилитации и социализации. На протяжении периода 1920–1930-х гг. неоднократно менялись подходы к комплектованию данных учреждений, изменялась их численность и появлялись новые виды.

В целом на протяжении 1920-х гг. общегосударственная система детских домов претерпевала постоянные реорганизации, в результате чего оформилась система учреждений с углубленной спецификой работы. Прежде всего в этой работе необходимо было преодолеть огромный разрыв между школой и детским домом. Кроме того, была разработана система серьезных мер поощрения лиц, берущих на обучение и производство подростков из детских домов. В частности, особая Комиссия подготовила проект о наделении земель крестьян, которые взяли на обучение беспризорных подростков и воспитанников детских домов, а также о предоставлении льгот мастерам-кустарям, к которым в качестве учеников поступают на обучение подростки из детских домов [17, с. 29].

В результате такой политики детские дома стали представлять собой учреждения, в основе которых лежали три теоретических и практических принципа: самоуправления, самодеятельность и самообслуживание. Эти принципы составляли своеобразную идеологию работы детских домов в конце 1920-х гг. в СССР. Тем самым власть пыталась «выйти» из упомянутого ранее «замкнутого круга», когда беспризорников стало очень много, и детских дома не могли справиться с их количеством, а государство не могло решить проблему содержания переполненных детских домов. Теперь к их финансированию привлекли иные средства помимо государственных, а сами дома обязали к обслуживанию самих себя путем активного вовлечения в труд и получение рабочих профессий подростками.

Таким образом, первый этап (1922–1923 гг.) характеризуется следующими тенденциями. При большом росте беспризорных наблюдалась острая нехватка учреждений для детей всех возрастов. Их положение в специализированных учреждениях было тяжелым, и задачей государства являлось прежде всего обеспечение естественных потребностей несовершеннолетних – обеспечить более-менее удовлетворительное питание и предоставить крышу над головой. Также стояла задача физически спасти детей – от голода, холода, эпидемий, беззакония. Однако реализация даже этих первичных целей была для государства в условиях экономической ослабленности очень сложной. Тем не менее именно в этот период были заложены основы системы государственной социальной защиты беспризорных, а также матерей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В этот период впервые на территории Енисейской губернии появились дошкольные учреждения, которые были призваны выполнять воспитательную и социально-бытовую функцию в отношении детей. Появление на территории Енисейской губернии детских консультаций вносило вклад в улучшение медицинского обслуживания детей. Однако ввиду сложностей финансового характера, организационных трудностей, нерешенных кадровых вопросов созданная система социальной защиты детства была недостаточно эффективной, не удовлетворяла постоянно возрастающих потребностей населения.

Второй этап охватывает период с 1924 г. до конца 1920-х гг. Здесь происходит централизация и укрупнение детских домов, предпринимаются усилия по улучшению условий жизни в них. Проблема беспризорности выносятся в качестве государственной социальной проблемы и начинаются системные попытки ее решения. Изменяется сущность детских домов как учреждений. Теперь это трудовые коммун, финансирование которых государство частично с себя сняло.

Итак, на протяжении первой половины 1920-х гг. учреждения для беспризорных детей в Советской России прошли всестороннюю эволюцию: сущностную, содержательную, идеологическую, субъектную, финансовую и др.

Список источников

1. Волохатова В. М. Сиротские учреждения Советской России: история становления и проблемы функционирования : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2005. 178 с.
2. Славко А. А. Детская беспризорность в первое десятилетие советской власти : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2005. 190 с.
3. Рябинина Н. В. Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы (по материалам губерний Верхнего Поволжья) : учеб. пособие. Ярославль, 1999. 58 с.
4. Иванова Е. А., Катцина Т. А. Положение беспризорных детей в Енисейской губернии в 1920-е годы // Люди и судьбы. XX век. Красноярск, 2003. С. 18–19.
5. Педагогическая энциклопедия : в 3 т. / под ред. Н. В. Шаповалова. Т. 1. М., 1964. 193 с.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 262. Л. 35.
7. Отчет Енисейской губернии экономическому совещанию (1921–1922 гг.). Красноярск, 1923. С. 269.
8. Беляков В. В. Сиротские детские учреждения России. Исторический очерк. М., 1993. С. 38.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 480. Л. 3.
10. История Красноярского края : в 4 т. Т. 3. Медицина / под ред. В. В. Бибиковой. Красноярск, 2008. С. 60.
11. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 76. Л. 6.
12. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 245. Л. 17.
13. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 91. Л. 6.
14. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 91. Л. 6.
15. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.
16. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.
17. Детская беспризорность и детский дом : сб. / под ред. С. С. Тизанова. М., 1926. С. 29.

В. В. Славкова¹, А. С. Кузьменко²

^{1, 2}Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАГИЧНОЙ СУДЬБЫ РАБОЧЕГО: ОТ УНИЖЕННОГО К ПОБЕДИТЕЛЮ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКИХ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ 1920-Х ГОДОВ)

Аннотация. В статье анализируется переходное состояние образа рабочего в советском кинематографе 1920-х гг. Дело в том, что на начальном этапе формирования власти необходимо было показать населению перспективы нового строя. Этот процесс начался с ключевой позиции в идеологии – с рабочего класса. На примере становления образа рабочего показывается изначальное угнетенное положение населения при монархическом режиме и их конечное успешное состояние в советском строе как «нового» человека.

Ключевые слова: СССР, пропаганда, кинематограф, Гражданская война, образ рабочего

Abstract. The article analyzes the transitional state of the worker's image in the Soviet cinema of 1920. The fact is that at the initial stage of the formation of power, it was necessary to show the population the prospects of a new system. This process began with a key position in ideology – the working class. The example of the formation of the image of the worker shows the initial oppressed position of the population under the monarchical regime and their final successful state in the Soviet system as a «new» person.

Keywords: USSR, propaganda, cinema, Civil War, the image of the worker

В современной России существуют определенные идеи, которые распространяются в общественной среде для формирования облика людей. Это нужно для поддержания политики, которая существует в каждом из государств. Например, идеи о патриотизме, самопожертвовании. Они выявляются по мере производства фильмов с определенным историческим подтекстом. Например, это большой пласт фильмов, посвященных Великой Отечественной войне («Сестренка», «А зори здесь тихие» (фильм 2015 г.) и др.). Подобные идеи распространялись и в СССР 1920-х гг., только они были объединены в несколько образов. Например, таким был образ рабочего, из которого выделялись черты, которые впоследствии легли в образ «нового» советского человека в целом. Исходя из изложенного, целью статьи является изучение идеологического фундамента в виде образа рабочего в СССР в 1920-е гг. и выделение ключевых моментов, которые легли в основу теории и практики ведения успешной пропагандистской деятельности.

Если кратко обозначить степень изученности вопроса, то прежде всего следует обратить внимание на зарубежных исследователей – Э. Аронсон [1] и Э. Пратканис [2]. В советской историографии кинематограф рассматривался с технической стороны, например, в исследованиях Н. И. Клеймана [3]. В 1980–1990-е гг. изучение советского кинематографа расширяется, анализируются его особенности и функции [4]. На совре-

менном этапе существуют попытки соотнесения кинематографа с историей развития страны, но тема пропаганды и кинематографа со всеми художественными особенностями (сюжет, образы) остается неизученной. Во многом по той причине, что это требует комплексного междисциплинарного подхода.

Настоящая статья была написана с упором на междисциплинарный подход, который направлен на рассмотрение образа рабочего, сложившегося в кинематографической традиции 1920-х гг. в СССР. Для работы с выявлением образа и его эволюции был выбран иконографический метод и метод исторического анализа. Они позволяют анализировать визуальную составляющую и объединять ее с советскими реалиями, а также выявить в образе рабочего характеристики, которые легли в основу формирования советской идентичности.

Одним из наиболее ярких образов является образ «товарища». Обычно в кинолентах он представлен рядовым гражданином, а его предыстория имеет несколько вариантов. Первый вариант – это человек, живущий в монархическом государстве, который попадает в несправедливую ситуацию, сложившееся под действием господствующего режима, и считает своим долгом исправить устоявшуюся многовековую форму правления, основанную на неравенстве людей и капитализме. Так, например, в фильме «Конец Санкт-Петербурга» [5] показана судьба с 1913 по 1917 г. «безымянного пролетария», которого за участие в заводском бунте отправляют в тюрьму, где он начинает общаться с революционерами. «Просветившись», главный герой понимает, что больше к тяжелой и прежней жизни не вернется, и в первых рядах идет на штурм Зимнего дворца.

В этом фильме акцент сделан только на борющихся за свою «цивилизованную» жизнь крестьянах и рабочих, главные политические лица той эпохи в фильме не присутствуют. Обычно при таких вариантах развития сюжета рабочий «умирает» при монархии, а «воскресает» при совершенно ином государстве, в котором он другой человек, и его ждет другая жизнь. «Конец Санкт-Петербурга» подразумевает этот переход в новую жизнь, но акцент делается на революционной борьбе. А вот в фильме «Обломки империи» [6] главный герой в прямом смысле перерождается: он потерял память во время Гражданской войны и начинает вспоминать о своей прошлой жизни, когда перед ним уже совершенно другая эпоха.

Второй вариант предыстории «товарища» – это человек, живущий при советском государстве, который предпринимает действия по укреплению действующей власти. Так, например, в фильме «Аэлита» [7] главные герои осуществляют идею мировой революции. В фильме она представлена в космическом пространстве, ведь герои должны совершить революцию на Марсе, хоть все это и оказывается только сном.

В этом фильме образ «товарища» показывает, что обычный рядовой гражданин должен содействовать в создании «международной Советской республики» путем проведения революции. Капиталистический Марс, как далекая, но похожая на Землю планета, является символом Запада, который должен в скором времени перейти в новую фазу прогрессивного развития социализма. Но концовка фильма, а именно то, как один из главных героев – инженер Лось – сжигает чертежи интерпланетонефа со словами о том, что нужно сделать «много настоящих дел на Земле», должна была подвести зрителя к самой главной мысли, что актуальная задача – это укрепление Советского государства.

В «Аэлите» эта миссия рядового гражданина в полной мере не освещена, но есть трилогия Я. Посельского, в том числе короткометражный агитационный фильм, который посвящен содействию и укреплению обороны и сельского хозяйства СССР – «Как Пахом, понюхав дым, записался в Доброхим» (к сожалению, кинолента не сохранилась). Хотя фильм и является агитацией, но образ «товарища» в лице Пахома заставляет

людей задуматься пусть не о таких мировых идеях, как в «Аэлите», но о «стоящих делах» в укреплении обороны Советского государства.

Таким образом, образ рабочего в СССР в 1920-е гг. эволюционирует, приближается к канонам «нового» человека. Основные его черты – это преданность, готовность любыми методами осуществить качественный переход к «новому» государству и дальнейшая его поддержка. За счет особенностей кинематографа, демонстрации динамики и движений, черты переходности образа показаны в развитии. Происходит движение от «низшего» к «высшему», где первое – это угнетенное положение, близкое к описанному выше «безымянному», а второе – советский пролетарий, который строит свой идеальный мир.

Список источников

1. Аронсон Э. Современные технологии влияния и убеждения: эпоха пропаганды. СПб. : Прайм-Еврознак, 2008. 543 с.
2. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: повседневное использование и злоупотребление убеждением. СПб. : Прайм-Еврознак, 2001. 384 с.
3. Клейман Н. Кадр как ячейка монтажа // Вопросы киноискусства. 1968. № 11. С. 94–131.
4. Джулай Л. Н. Документальный иллюзион: отечественный кинодокументализм – опыты социального творчества. М. : Материк, 2005. 238 с.
5. «Конец Санкт-Петербурга» (реж. В. Пудовкин, 1927).
6. «Обломок империи» (реж. Ф. Эрмлер, 1929).
7. «Аэлита» (реж. Я. Протазанов, 1924).

А. С. Ковалев

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

ОБРАЗ ИНВАЛИДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1960-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ «РАБОЧИЙ ПОСЕЛОК»)

Аннотация. В статье рассматривается образ инвалида Великой Отечественной войны, представленный в советском кинофильме «Рабочий поселок» режиссера В. Венгерова по повести В. Пановой. Через анализ содержания повести и кинотекста изучаются социально-психологические черты незрячего инвалида послевоенной эпохи, его отношение к жизни и восприятие инвалидности, причины социальной исключенности из общества и способы реинтеграции в советский социум.

Ключевые слова: *визуальная история, инвалид Великой Отечественной войны, послевоенная повседневность, советский кинематограф*

Abstract. The article examines the image of an invalid of the Great Patriotic War, presented in the Soviet film «Workers' Settlement» directed by V. Vengerov and based on the story by V. Panova. Author analyses of the content of the story and the film text, the socio-psychological features of the blind invalid of the post-war era, his attitude to life and perception of disability, the causes of social exclusion from society and ways of reintegration into Soviet society.

Keywords: *visual history, invalid of the Great Patriotic War, post-war everyday life, Soviet cinema*

В Советском Союзе существовала одна из самых развитых за всю историю человечества систем социального обеспечения, распространявшаяся на разные группы социально уязвимых категорий населения. Одной из самых привилегированных категорий получателей помощи во второй половине XX в. были инвалиды Великой Отечественной войны, которые получали повышенную пенсию, льготы, особые условия лечения и реабилитации и т. п. Однако этот особый статус они приобрели только через несколько десятков лет после завершения войны, а в 1940-х гг. ветераны были лишь одной из групп получателей социальной помощи. В отечественной историографии существует достаточное количество исследований, в разной степени описывающих специфику оказания такой помощи. Однако в сферу внимания историков крайне редко попадают сюжеты, связанные с восприятием самой инвалидности в годы Великой Отечественной войны, отношением к ней со стороны как общества и государства, так и самих инвалидов. И практически совсем отсутствуют исследования, изучающие вопросы репрезентации инвалидности в послевоенное время в советском искусстве, особенно в кинематографе. Пожалуй, можно выделить разве что публикацию Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова, рассматривающих «иконографию инвалидности в советском визуальном дискурсе» [1].

В своем исследовании указанные авторы обратили внимание на то, что в советском кинематографе инвалидность чаще всего «обозначается через нетипичную внешность, обозначаемую при помощи грима и через психическую “ненормальность”, которая делается заметной благодаря нетипичному поведению». При этом справедливо их замечание относительно того, что «редко когда инвалид находится в центре повествования, чаще всего он появляется в эпизодах» [1, с. 290].

В то же время, когда на экране в период позднего сталинизма появляется инвалид прошедшей войны, советские режиссеры используют расхожее клише: «силу народа представляет герой-инвалид, нашедший в себе мужество победить недуг благодаря силе духа и патриотизму» [1, с. 291] – имеются в виду картины «Повесть о настоящем человеке» (реж. А. Столпер, 1948), «Павел Корчагин» (реж. А. Алов и В. Наумов, 1956), «Председатель» (реж. А. Салтыков, 1964) и др., в которых инвалид представлен как «суперкалека», преодолевающий все преграды. Советскому кинематографу удалось создать удачную галерею персонажей с инвалидностью, со свойственной им отвагой, и Алексей Мересьев из «Повести о настоящем человеке» – типичный положительный герой эпохи соцреализма, который оказывается борцом, руководителем, утверждающим веру в победу коммунистических идей, с честью выходящего из всех испытаний.

Любопытно, что авторы отыскивали в фондах РГАКФД 70 кинолент, в которых обнаружили сюжеты, посвященные инвалидам, но в их внимание не попала картина «Рабочий поселок» [2], о которой далее пойдет речь, хотя именно там представлен образ инвалида, совершенно не вписывающийся в героический нарратив советской послевоенной эпохи.

Коротко характеризуя саму киноленту, следует отметить, что это двухсерийный черно-белый фильм, который был поставлен на киностудии «Ленфильм» в 1965 г. режиссером Владимиром Венгеровым по одноименной повести Веры Пановой, написанной годом ранее. Премьера состоялась 25 апреля 1966 г.

В центре сюжета находится Леонид Плещеев, роль которого блестяще исполнил Олег Борисов. Вернувшись с войны слепым, в послевоенное время инвалид оказался выброшенным из жизни. У него есть жена и 10-летний сын, которые страдают от того, что инвалид посвящает свои дни выпивке и постоянно выражает недовольство тем, что общество не может воздать ему, потерявшему здоровье на войне, по заслугам. В конце концов, его супруга не выдерживает, забирает сына и вместе с ним сбегает. На одной из станций мальчик оставляет мать и возвращается к отцу, а она едет дальше. Плещеев, разозленный на жену, принимает сына и вместе с ним попрошайничает в поездах. Своим образом жизни он вызывает осуждение соседей, подвергается товарищескому суду, в котором участвуют представители руководства рабочего поселка и местной партийной организации. Но инвалид продолжает вести асоциальный образ жизни до того момента, как в рабочий поселок возвращается его друг и однополчанин, который наставляет Плещеева «на путь истинный», и тот со временем возвращается к привычной трудовой жизни.

Большую часть фильма зритель переживает его личную трагедию: чтобы заглушить боль, Плещеев прибегает к спиртному, он безвольный и нравственно опустившийся человек, ради выпивки воруящий у собственных жены и ребенка. Несмотря на то, что Плещеев до войны на экране практически не появляется (в фильме представлен только инвалидом), на протяжении всей картины ощущается произошедшая с ним перемена: война поглотила счастливого мужа и отца и породила другого человека – черного от недельной щетины и беспробудного пьянства, в приступе ярости регулярно закатывающего истерики. Сам инвалид пытается оправдать свое падение: он пострадал на войне и теперь на все имеет право. Инвалид Великой Отечественной войны оказыва-

ется не героем, а обычным человеком, выбитым из колеи, неспособным проявить себя в работе и в социальной жизни.

Анализируя кинофильм, стоит обратиться к первоисточнику, на основе которого был написан его сценарий. Повесть Веры Пановой [3] во многом дополняет образы, представленные в фильме, а некоторые характеристики и диалоги полностью вошли в кинофильм. Так, о самом главном герое автор сообщает: «Плещеев много времени уделял семье» – отсылка к семье показывает, что инвалид боится потерять тех, кто рядом, потому, что без них он окажется никому не нужен. «Вернулся живой, с руками и с ногами вернулся, но слепой» – его привычный мир изменился, он постоянно испытывает чувство собственной недостаточности, неполноценности. «Связался с пьяницами, друг дружку взбадривают» – характерное для многих вернувшихся инвалидами с Отечественной войны развитие девиаций, чаще всего связанных со злоупотреблением спиртным.

В пространство инвалидности включена семья главного героя, находящаяся в типичных отношениях созависимости [4], когда неблагополучие одного члена семьи способствует саморазрушительному поведению других, при котором наблюдается зависимость чувств, мыслей и поведения от партнера. Созависимый человек поглощен чужими проблемами и не заботится об удовлетворении своих потребностей. Но подобное поведение не устраняет затруднения, а способствует их обострению, поскольку оно основано на эмоциональной привязанности к человеку, но приводит к психическому истощению. Каждый из созависимых членов семьи ощущает себя жертвой, убеждая себя и остальных, что ничего не может сделать со сложившейся ситуацией, и все усилия тщетны.

Например, сам Плещеев говорит о себе как о ненадежном человеке: «Я на себя не могу положиться». Показательны реплики супруги инвалида: «Никакого просвета. Что ни дальше, то хуже»; «На коленях стою, плачу – не губи нас!.. И сын все видит. Дождался отца...»; «Не могу я больше так мучиться!»; «Как до дела – он слепой, а для выпивки – это он зрячий»; «Идешь домой как на пытку» [2].

Подобные чувства испытывает и сын Плещеева: «Смятение в его душе вызывали отец и мать... Ему было хорошо вдвоем с отцом и вдвоем с матерью, а с обоими вместе – плохо»; «В школе, среди сверстников, он был веселый и беззаботный, а дома – серьезный и много старше своих десяти лет»; «Отец плакал, и слезы его были для сына ужас и мучение... Стыдно было перед ребятами» [3].

Интересно представлены отношения Плещеева с женой. После того, как в одном из эпизодов инвалид пропивает все семейные карточки, она кричит: «За что ты ребенка обездолил! Да есть ли сердце у тебя, есть ли у тебя сердце, или все в тебе фашисты убили?!» В ответ она получает оригинальное, «политически окрашенное» суждение: «Ничего такого страшного нет. Скажешь, что потеряла, – не могла потерять, что ли? Придумают, помогут... У нас не капиталистические джунгли, где человек человеку волк. У нас все за одного...» [2].

Типичное восприятие себя в качестве жертвы еще больше проявляется у жены Плещеева, когда они с сыном убегают из дома. Она пытается оправдать свой поступок: «Ну что ж, у него пенсия, проживет... А моих сил нет больше этот воз везти. Должно же и мне что-то от жизни быть...». На замечание попутчиков, что «кроме пенсии уход требуется», женщина отвечает: «Вот пусть его приятели за ним и ухаживают...». Когда же она обнаруживает, что сын спрыгнул с поезда, чтобы вернуться к отцу, то последовать за ним отказывается со словами: «Нет! Вернись – больше не вырвусь до смерти, так и пропадет жизнь!» [2].

Сам Плещеев не понимает, что именно он стал причиной бегства супруги, что он превратил ее в жертву созависимости. Узнав, что жена с сыном убежали, он дает са-

мые нелицеприятные отзывы о супруге: «Она подлая!.. Она мразь!.. Конечно, со зрячими лучше жить, чем со слепым. Распутничать легче, чем за инвалидом ухаживать!.. Мерзавка, дрянь...» [3]. Налицо явная неустойчивость к травмирующим событиям, формирование «порочного круга» умозаключений.

После того, как Плещеев становится единственным кормильцем сына, в его характере проявляются психическое переутомление и пассивность. В беседе с ним он говорит о бессмысленности своего «инвалидного» существования: «Сынок, ты книжку можешь почитать, верно? Вечером в кино убежишь, верно? А мне что? Умирать?» [3]. Однако не один слепой Плещеев появляется в повести – другие инвалиды то и дело проникают в послевоенную повседневность рассказываемой Верой Пановой истории. То женщина, у которой на войне убили мужа, жалуется: «Где вы мужчин нашли? Остатки одни, инвалидная команда», то появляется «правильный инвалид, который «сапожничал... с одной ногой, сидя на полу и разложив вокруг себя свой товар» [3].

Значительное место в произведении уделяется и взаимоотношениям инвалида с социумом. Уже после войны общество оказывало ему помощь: «Самим бы, конечно, ничего не построить. Но приходили люди: кто на час, кто на два – и помогали». Однако главный герой относится к заботе со стороны крайне подозрительно. В одном из эпизодов к нему приходит «женская делегация». Соседки приносят отцу с сыном бутылку молока и судок с едой и заявляют, что прибыли «по поручению общественности». И когда Плещеев спрашивает, что понадобилось общественности от инвалида, то от старшей из них он получает отповедь: «Глаза бы мои на тебя не смотрели!». На это слепой отвечает: «А мои на тебя давно не смотрят. Ты на мое место себя поставь, и тогда ты со мной говори» [2].

Женщины требуют от инвалида: «Возьми ты себя в руки, имей рабочую гордость. Нам надо, чтоб вы себя вели, как нормальный советский человек. И чтобы ваш мальчик регулярно посещал школу, как всякий нормальный советский ребенок». Однако инвалид равнодушно отвечает: «Свяжите меня, положите меня в угол, как полено, чтоб не портил вам вид, вам же этого надо?» [3].

Соседки заявляют, что они решили установить над ним и его сыном шефство: «Коллективно будем за вами присматривать. В отношении питания, уборки, стирки и так далее. Чтоб жили вы, как люди». Но в ответ инвалид хватая бутылку водки и, угрожая посетительницам, кричит: «Сынок, слышишь, как жить будем, – уборка и так далее. Нянечки за нами присмотрят, чтоб мы... все как люди. Сейчас мы не люди, нет... Нянечки добрые веником помахают, и мы станем как люди... А идите вы с уборкой знаете куда?!» [2].

Здесь чувство стыда у главного героя соединяется с боязнью изменений, настроенностью ко всему внешнему, наблюдается хроническое состояние фрустрации, недовольство своей жизнью – он застрял в переживании собственного статуса и в ответ на помощь прибегает к образам, отличным от реальных. Апатия и негативизм сменяются агрессией, неуравновешенность и склонность к конфликтам приводят Плещеева к постоянной готовности обороняться, а предлагаемая помощь представляется ему признанием собственного ничтожества.

Еще один показательный эпизод – это «суд» над Плещеевым и его собутыльниками, в ходе которого представители «советской общественности» требуют поставить инвалида на место: «Мы обязаны быть принципиальными и непримиримыми до конца! Тут... всякое проявление либерализма – преступление! Мы не можем терпеть личностей, потерявших облик! Каленым железом будем их выжигать из своей среды!». Другие апеллируют к его рабочему прошлому и верят, что инвалид снова начнет трудиться: «Плещеева мы разве не помним, как замечательного слесаря? И разве исключено, что

товарищ Плещеев вернется на завод?.. Я убежден, что он сможет вернуться, если захочет...» [3].

Однако сам Плещеев отвечает: «Лично я ничего слева не купил, и не тянул ничего, и пью на свои заработанные... Я вашего суда не признаю. Я за вас жертвы принес, а не вы за меня» [2]. Инвалид страдает от эмоциональной уязвимости, вызванной продолжительностью переживаний, он готов к воспроизводству деструктивных жизненных стратегий, лишь бы подтвердить собственную значимость и ценность. Показательно, что еще один характерный персонаж – молодая, спивающаяся вдова, озлобившаяся и отчаявшаяся, – «заступается» за Плещеева: «Им ничего не стоит разобрать человека по косточкам...», параллельно всего одной фразой представляя жизненные взгляды послевоенных маргиналов: «Но разве может быть, как было? Как было – никогда уже не будет» [3].

Конечно, это бы не был советский фильм, если бы главный герой не изменился. Триггером для инвалида, возвращающего его в нормальную жизнь, в советское общество, становится возвращение в поселок друга Плещеева и его однополчанина Шалагина. Беседуя с ним, крайне эгоцентричный главный герой, отвечая на вопрос друга, как он думает жить дальше, обижается и жалуется на общество, которое презирает его и заставляет работать: «По-вашему, человек пострадал в бою – этого мало, чтоб его уважать?.. Имею право на уважение, даже если не буду работать в социалистической промышленности!». Кроме того, он демонстрирует явную склонность к суициду, которой прежде у него не наблюдалось: «Какое у меня может быть дальше?.. Как вообще жить, если нет “дальше”? И не надо бы... Я не жилец уже» [2].

В конце концов, он признается, что живет только ради сына. Именно семейная неустроенность становится той болевой точкой, на которую в результате умело воздействует однополчанин инвалида. Он сообщает Плещееву горькую правду, о том, что жена его сбежала не от «разбитого сердца», а от отвращения к мужу. Затем говорит, что это сын Плещеева живет ради отца, но однажды ему надоеет с ним нянчиться, и скоро он на отца «покрикивать начнет». На реплику испугавшегося инвалида: «Не посмеет!», его друг заявляет: «Вырастет – посмеет. И будет тебе тогда [не сладко]... Сын подрастет – он же тебя стыдиться будет, а что ты думал? Разве что и его погубишь...» [2].

Раздавленный тем, что и сам он понимал, но не решался самому себе сказать, Плещеев в последний раз пытается представить себя жертвой: «Слушай, а какое ты имеешь право меня оскорблять?», и получает в ответ: «Ты себя не видишь – я вижу и обязан сказать. А то он страдалец, понимаешь!.. Надо, значит, стать на такую позицию, чтоб сын тебя уважал. А попробуй на завод. Что-нибудь подходящее подберем...» [3]. Монологизация мышления и недопущение чужого мнения, противоречащего его мнению, соединяются у инвалида с неверием в возможность что-либо изменить. В этой ситуации он очевидно нуждался в своевременной эмоциональной поддержке, которую ему оказывает Шалагин – он пытается способствовать восстановлению у инвалида положительного отношения к себе и чувства ответственности за воспитание сына.

С этого момента начинается долгий процесс реабилитации главного героя средствами вовлечения в трудовую деятельность: «Снова, как когда-то, шел Плещеев утром на завод. Он был побрит и почищен» [3]. Он еще не уверен в своем решении, он дает себе возможность повернуть назад: «Я – только попробовать!.. Не получится – бывайте здоровы!.. Не понравится – уйду, и ты ко мне тогда не приставай» [3]. Но обратной дороги для него, конечно, уже не будет.

Насколько трудно было инвалиду возвращаться в социум, картина не показывает – история продолжается через 10 лет. Плещеев преобразился – они с сыном живут в новом доме, за ними «присматривает» друг Шалагин, женившийся на той самой «алкоголичке». Об инвалиде в статье «Жизнь – подвиг» пишет местная пресса, хотя сам Пле-

щев нечего геройского в своем поступке не видит, называя его «житейским делом». Но о том, как он изменился, о чем он переживает, говорят его отдельные реплики. Сыну, который прежде неотрывно был с отцом, он говорит: «Чего тебе со мной сидеть, иди гуляй!». Он не стал трезвенником, и иногда может позволить себе «перебрать», за что непременно себя корит. Однако, когда его зовет с собой один из бывших собутельников, Плещеев отвечает: «...Бросил я. Соблюдаю норму, а с тобой разве соблюдешь...». После выхода статьи он вспоминает о жене: «...Может, и она про нас прочтет?», и супруга возвращается к нему. Он ее прощает, но говорит: «Я просто дождаться не мог, когда ты вернешься, чтоб сказать тебе, что это моя во всем вина» [2].

История для инвалида Плещеева завершается типичным советским хэппи-эндом. Впрочем, значимость этого кинофильма для исторического исследования заключается в первую очередь в изучении его первой части, где вчерашний фронтовик показан простым, психически опустошенным человеком со своими проблемами. И ни государственная помощь в виде пенсии, ни социальная в виде соседского участия не могут ему преодолеть главную беду – принять инвалидность, смириться с ней и попробовать жить дальше.

Реального прототипа у Плещеева не было. Но, создавая повесть «Рабочий поселок», Вера Панова детально изучила историю Ижорского завода, много раз там бывала и общалась с рабочими завода и их семьями, многие из которых сталкивались с подобными людьми и были осведомлены об их судьбе. Изначально повесть представляла собой документальную хронику одного поселка, но затем писательница обнаружила, что жизненные истории неоднократно повторялись, и «Рабочий поселок» превратился в обобщенную художественную историю о трудностях послевоенной повседневности.

Следует отдать должное и художественному мастерству писательницы. Сам А. Т. Твардовский, который не был любителем жанра «киносценарий», с охотой опубликовал его в «Новом мире», заявив, что Панова «...и сценарий сделала прозой, его читать можно, как настоящую прозу... Чувство слова настоящему писателю никогда не изменят» (цит. по: [5]). Исполнительница роли жены Плещеева Л. Гурченко, отмечала, что это «прекрасный литературный сценарий, в котором можно было найти убедительные психологические мотивировки, бытовые подробности, тонкие наблюдения», а также указывала на одну интересную черту: в сценарии в процессе постановки «не была изменена ни одна реплика, ни одно авторское слово», и что над ним «все работали с огромным увлечением» [6].

Интересны отзывы зрителей о фильме, обнаруженные на просторах интернета. Один критикует саму идею того, что инвалид должен трудиться: «Как рабочий совершено не воспринимаю идею трудоустройства слепого инвалида на завод. Это ерунда. Слепой – это первая группа. И упреки окружающих в том, что он не работает, выглядят диковато. Пьет – боритесь, как положено. Но содержать таких ветеранов должно общество». В другом встречается призыв соблюдать этические нормы, которыми должен руководствоваться любой человек: «Уход героини от слепого фронтовика можно приравнять к предательству. Мизерная пенсия, слепота – человек был обречен. И только сын не дал ему погибнуть. А как же наш нравственный код “Русские своих не бросают”?». Но есть и такие отзывы, где инвалидность и связанные с ней испытания вообще будто бы не замечаются: «Очень запомнилось, как молодые, здоровые и счастливые герои радуются летнему солнечному дню!».

Подводя итоги, для начала стоит сказать, что «Рабочий поселок» – это довольно честный и едва ли не единственный советский фильм об инвалиде Великой Отечественной войны. В нем личность пострадавшего на фронте человека не соответствует героическому образу, характерному для кинематографа эпохи «Большого стиля». Здесь инвалид представлен инвалидом, который с трудом преодолевает свою исключенность

из общества. При этом представлены все ресурсы, которыми может пользоваться инвалид – и государство, предоставляющее пенсию и позволяющее не работать (что довольно гуманно в условиях, когда все «правильные» инвалиды были обязаны трудиться), и общество, готовое в трудную минуту прийти на помощь, и друг, который стал для инвалида проводником по дороге к социальной инклюзии. Но, по большому счету, долгое время инвалидов не может задействовать самый главный ресурс – себя самого, и как только это происходит, он успешно возвращается в общество. Тем самым основной посыл фильма можно свести к тому, что в центре любой социальной проблемы и средством ее решения является сам человек, который сам выбирает для себя жизненную стратегию в условиях конкретного исторического времени.

Список источников

1. Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 289–331.
2. Рабочий поселок [художественный фильм] : в 2 сер. / Реж. В. Я. Венгеров. СССР, Киностудия «Ленфильм», 1965.
3. Панова В. Ф. Рабочий поселок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coollib.com/b/308985/read>.
4. Шорохова О. А. Жизненные ловушки зависимости и созависимости. СПб. : Речь, 2002. С. 6–16.
5. Кондратович А. «Ровесник любому поколению». Документальная повесть. М., 1984. С. 330.
6. Гурченко Л. Желанная роль // Работница. 1966. № 2. С. 15.
7. Рабочий поселок (1965). Отзывы и комментарии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/5899/forum>.

Л. А. Королева

Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства
Пенза, Россия

РАЗВИТИЕ СТУДЕНЧЕСКОГО ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГОДОВ

Аннотация. Статья посвящена вопросам содержания и организации работы добровольного спортивного общества «Буревестник» по физическому воспитанию обучающихся пензенских институтов во второй половине 1960-х гг. На основе архивных материалов исследованы основные направления и формы деятельности ДСО «Буревестник»; изучены результаты участия пензенского студенчества в соревнованиях различного уровня; выявлены главные тенденции и сложности в развитии физкультурно-спортивного движения в вузах.

Ключевые слова: СССР, физическое воспитание, физическая культура, спорт, ДСО «Буревестник», Пензенская область

Abstract. The article is devoted to the issues of content and organization of work of the voluntary sports society «Burevestnik» for physical education of students of Penza institutes in the second half of the 1960s. Based on archival materials, the main directions and forms of activity of the Burevestnik Children's Society were studied; the results of participation of Penza students in competitions at various levels were studied; The main trends and difficulties in the development of the physical education and sports movement in universities have been identified.

Keywords: USSR, physical education, physical culture, sports, children's and recreational community «Burevestnik», Penza region

Ключевыми задачами физкультурно-массовой и спортивной работы в советских вузах были осуществление общей физической подготовки студентов, совершенствование спортивного мастерства обучающихся, популяризация спортивного образа жизни среди молодежи, подбор и тренировка спортивного резерва для сборных команд. Созданное в 1957 г. студенческое добровольное спортивное общество «Буревестник» выступало организатором физического воспитания в студенческой и преподавательской среде высших учебных заведений.

Изучением развития физвоспитания в вузах и студенческого спорта в СССР занимались С. В. Алексеев [1], А. М. Вишневецкий [2] и др.; вопросов истории ДСО «Буревестник» и его деятельности в советских вузах – С. Ф. Иванов [3], В. И. Линдер [4], А. А. Напреенков [5] и др.; собственно в Пензенской области – А. Г. Вазерова [6, с. 30–37], Е. А. Нурдыгин [7], В. В. Павленко [8, с. 72–76] и др.

Членами пензенского «Буревестника» были студенты и преподаватели местных Инженерно-строительного (ИСИ), Педагогического (ПГПИ), Политехнического (ППИ)

и Сельскохозяйственного (СХИ) институтов. В каждом вузе функционировали спортклубы, которыми руководили советы правления из 9–13 членов. На всех факультетах создавались советы коллективов физкультуры. Планы работы спортклубов согласовывались с кафедрами физвоспитания.

Из общего количества обучавшихся в пензенских институтах члены ДСО «Буревестник» составляли около 85 %. Однако необходимо подчеркнуть, что если на первых курсах свыше 60 % студентов было охвачено обязательными занятиями по физвоспитанию, то на старших курсах количество занимавшихся на отделениях спортсотвершенствования уменьшалось в два раза.

Соревнования, которые проводили областной совет ДСО «Буревестник» и спортклубы институтов, были многоуровневыми: первенства курсов и групп на факультетах, спартакиады вузов, спартакиады облсовета по определенным видам спорта. Сборные команды потом принимали участие в городских, республиканских чемпионатах и первенствах, соревнованиях ЦС ДСО.

1965 г. стал успешным для пензенского Общества. На VIII Всесоюзной летней спартакиаде профсоюзов спортсмены заняли общее 1-е место; ППИ – 1-е место в первой группе; СХИ – во второй группе. Общее количество участников летней спартакиады – членов пензенского «Буревестника» составило 11 908 спортсменов. В 1965 г. по результатам смотра развития физкультуры и спорта ЦС Общества пензенскому облсовету было присуждено 2-е место среди республиканских общественных облсоветов. Определенным уровнем признания достижений пензенского облсовета явилось поручение ему со стороны ЦС «Буревестника» провести ряд серьезных состязаний – зону РСФСР по спортивной гимнастике и ЦС по волейболу (мужские и женские команды), городки летней спартакиады профсоюзов) и др. Облсовет справился с заданием, за что был награжден грамотами Центрального Совета ДСО. В середине 1960-х гг. почти треть всех спортсменов команд области составляли члены местного «Буревестника» [9, л. 355-365].

В 1966 г. состоялись три спартакиады облсовета, в которых приняло участие 4 345 спортсменов: «Здоровье» – среди профессорско-преподавательского и обслуживающего персонала; спартакиада физкультурников институтов; спартакиада ДСО. В зимней спартакиаде народов РСФСР участвовало в лыжных гонках 3 058 членов ДСО; в конькобежном спорте – 225; в хоккее – 51. В 1966 г. в профсоюзно-легкоатлетическом кроссе участвовало 2 086 чел. В V студенческих играх на всех ступенях (группа, факультет, институт, область) по 16 видам спорта заявили 14 995 спортсменов Общества. Было установлено 7 рекордов вуза, 5 городских, 3 областных [10, л. 3-4об; 11, л. 38].

Проверявшая в мае 1966 г. комиссия Всероссийского Спортсоюза отметила некоторое улучшение состояния физкультурно-спортивной работы в вузах региона. По итогам 1966 г. примерно 72 % пензенских студентов являлись спортсменами Общества «Буревестник» (более 6 000 чел.). Однако на совещании областного профсоюзно-физкультурного актива отмечалось, результаты работы спортклубов должны быть более высокими, поскольку именно в вузах сосредоточены ведущие специалисты в области физической культуры и спорта и имеется солидная материально-техническая база, «и народ более подготовлен» [12, л. 24]. Действительно, в институтах работали самые высококвалифицированные специалисты в регионе – у 95% из них было высшее профильное образование. Регулярную проверку кафедр физвоспитания и спортклубов проводила вузовская комиссия при облсовете ДСО и Спортсоюзе во главе с известным пензенским тренером В.А. Духно [13, л. 83]. Для повышения эффективности системы подготовки спортсменов были закреплены опорные виды спорта в пензенских институ-

тах: ИСИ – гимнастика и волейбол; ПГПИ – волейбол и лыжи; ППИ – легкая атлетика и лыжи; СХИ – лыжи [13, л. 166].

На III пленуме облсовета Общества (26 декабря 1966 г.) отмечались определенные достижения Общества, но и вскрывались значительные недостатки в его работе. Говорилось, что практика спортклубов и кафедр физвоспитания в институтах не соответствовали задачам, обозначенным руководством государства; не были достигнуты заданные показатели массовости спортсменов среди студентов и преподавателей, свыше 30 % обучавшихся не состояли в ДСО. Подчеркивалось, что пензенские команды и отдельные спортсмены институтов, являвшиеся чемпионами и рекордсменами областного уровня, в республиканских соревнованиях не поднимались выше второй половины команд. Пленум принял решение о создании межвузовских объединенных отделений спортивного совершенствования для ведущих спортсменов, что уже давно было распространено в других регионах.

В юбилейном 1967 г. – в честь 50-летия Великого Октября физкультурно-спортивная работа проводилась под лозунгом «Спорт – в массы, спортивное мастерство – через массовость». Всего в течение года в состязаниях различного уровня (внутривузовские – группа, курс, факультет; первенство ЦС; Всесоюзная зимняя спартакиада, Летняя спартакиада народов СССР) участвовало свыше 30 тыс. студентов пензенских институтов (одного студента учитывали как отдельного спортсмена на разных соревнованиях). Областной совет организовал Спартакиаду факультетов институтов по конькам, лыжам, весеннему легкоатлетическому кроссу и туристскому ориентированию, в которой участвовало 1,5 тыс. студентов 15 факультетов. Призерами стали строительный факультет ИСИ (1-е место), санитарно-технический факультет ИСИ (2-е место), механический факультет ППИ (3-е место) [14, л. 55–56]. По итогам социалистического соревнования по выполнению плана развития физкультуры и спорта в 1967 г. пензенский облсовет ДСО «Буревестник» занял 1-е место и получил переходящее Красное Знамя.

На VI областной конференции «Буревестника» 20 ноября 1968 г. председатель Общества В. А. Лебедев обозначил «принцип пирамиды» работы ДСО: от массовости – к повышению спортивного мастерства [15, л. 10].

Таким образом, физкультурная и спортивная работа в институтах выполняла две основных задачи: оздоровление и поддержание физической формы студентов и повышение их спортивного мастерства. Систематические внутриинститутские и межвузовские соревнования способствовали складыванию конструктивной состязательной среды.

Список источников

1. Физическая культура и спорт в образовательном пространстве России / С. В. Алексеев, М. Я. Виленский, Р. Г. Гостев, С. Р. Гостева, А. В. Лотоненко, С. И. Филимонова. М., Воронеж, 2017. 500 с.
2. Вишневский А. М. За массовый студенческий спорт. М., 1958. 30 с.
3. Иванов С. Ф., Шаров Р. Н. Олимпийский полет «Буревестника». М., 1979. 96 с.
4. На крыльях «Буревестника»: история студенческого спорта / В. И. Линдер, П. И. Андрианов, И. В. Прасканова, С. В. Шилов; под общей ред. О. В. Матыцина. М., 2019. 272 с.
5. Напреенков А. А., Рогаткин А. В. Имена и дела студенческого «Буревестника»: к 55-летию образования СДСО : справочник. СПб., 2012. 303 с.

6. Вазерова А. Г., Давыдов А. С. Деятельность добровольных спортивных обществ в Пензенской области в начале 1950-х гг. // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2019. № 1 (20). С. 30–37.

7. Нурдыгин Е. А., Королева Л. А. Добровольные спортивные общества в СССР во второй половине 1940–1950-х гг. (на примере Пензенской области). Пенза, 2016. 176 с.

8. Павленко В. В., Королев А. А. Студенческое добровольное спортивное общество «Буревестник» в СССР (конец 1950-х гг.) // Первые шаги в науку третьего тысячелетия: материалы XVII Всероссийской студенческой научно-практической конференции (Нефтекамск, 12 апреля 2021 г.). Уфа, 2021. С. 72–76.

9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2361. Оп. 1. Д. 57.

10. ГАПО. Ф. Р-2361. Оп. 1. Д. 105.

11. ГАПО. Ф. Р-2361. Оп. 1. Д. 156.

12. ГАПО. Ф. Р-2361. Оп. 1. Д. 195.

13. ГАПО. Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 72.

14. ГАПО. Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 78.

15. ГАПО. Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 89.

Т. Н. Семенова

Чувацкий государственный педагогический университет
имени И. Я. Яковлева
Чебоксары, Россия

РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В 2010-Х – НАЧАЛЕ 2020-Х ГОДОВ: ОПЫТ ЧУВАШИИ

Аннотация. Волонтерская деятельность является важной частью гражданского гуманистического общества. Она направлена не только на удовлетворение личных потребностей, но и реализуется по принципу альтруизма – не ради своих интересов, а ради других людей. Волонтерство обращает внимание государства на острые социальные проблемы, пытается их решить самостоятельно, улучшает психическое и физическое здоровье добровольцев. Данные аспекты отражены в представленной статье. Также в статье раскрываются особенности волонтерского (добровольческого) движения в Чувашской Республике. Приводятся некоторые примеры волонтерской деятельности студентов факультета дошкольной и коррекционной педагогики и психологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева в отношении детей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: волонтер, волонтерское движение, доброволец, благотворительность, Чувашская Республика, дети с ограниченными возможностями здоровья

Abstract. Volunteer activity is an important part of the civil humanistic society. It is aimed not only at satisfying personal needs, but is also implemented on the principle of altruism – not for the sake of their own interests, but for the sake of other people. Volunteering draws the attention of the state to acute social problems, tries to solve them independently, improves the mental and physical health of volunteers. These aspects are reflected in the presented article.

Keywords: volunteer, volunteer movement, volunteer, charity

Для работы с представленной темой прежде всего нужно сформулировать определение, что такое «волонтерство». Термин «волонтерство» произошел от латинского слова *voluntas* (добрая воля) и изначально понимался как добровольческая деятельность. Постепенно слово «волонтерство» изменило свое значение. Например, в советском энциклопедическом словаре: «волонтер – это человек, добровольно поступивший на военную службу». В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой представлено еще более широкое понятие термина: «волонтер» – это тот, кто добровольно согласился на какую-либо работу (большой частью снова имелся в виду добровольно ушедший в армию)». Такая дефиниция слова «волонтер» не случайна, ведь до второй половины XIX в. волонтерские батальоны были распространены.

В Советском Союзе действовали спортивные, научно-технические добровольческие объединения трудящихся. Не стоит забывать и об октябрятах, пионерах и комсомольцах, которые принимали активное участие в общественно значимой добровольной

деятельности. Однако особенностью этих движений являлось больше нравственно-трудовое воспитание подрастающего поколения, чем помощь нуждающимся.

Подводя итог советским трактовкам, можно сказать, что понятие «волонтер» понималось в то время только в военном контексте. В настоящее время оно обозначает форму участия граждан в общественно значимых делах и один из эффективных способов коллективной коммуникации для решения актуальных социальных проблем. Главными показателями волонтерства являются добровольность, осознанность, безвозмездность, общественная полезность. Сегодня в нашей стране добровольцы работают на основе самоопределения, без государственной регистрации.

Во Всемирной Декларации Добровольчества пишется, что волонтерство является фундаментом гражданского общества. Действительно, один из факторов существования гражданского общества – это определенный тип личности, который характеризуется достаточным уровнем самостоятельности по отношению к социуму и государственной власти. Он результативно взаимодействует с другими людьми для решения социальных трудностей и проблем, которые подобный тип личности рассматривает как свои собственные, а значит характеризуется развитой социальной ответственностью. Таким образом, в гражданском обществе конкретный индивид своими действиями способен влиять на это общество.

В настоящее время в России общественность значительно дистанцирована от главных центров принятия решений, но для развития гражданского общества третий сектор должен влиять на государство. Сегодня некоммерческие организации (НКО), которые в том числе включают волонтерские объединения, максимально пытаются привлечь внимание государственной власти к актуальным социальным проблемам, но государство достаточно вяло относится к таким инициативам. В ответ на пассивность государства НКО сами пробуют разрешить существующие проблемы, что может вызвать даже недовольство российских государственных структур. Однако функционально НКО никак не противоречат государственным интересам, а скорее наоборот. Тот факт, что в нашей стране немало людей с активной общественной позицией, которую они реализуют через волонтерскую деятельность, свидетельствует о том, что построение гражданского общества реально, но оно в этом отношении, несомненно, зависит от стратегии государства. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 7 октября 2022 г. № 394-ФЗ – это яркое проявление стратегии государства, которая положительно влияет на развитие волонтерства.

Основной мотив волонтера – стремление помогать другим и делать мир лучше. Нередко волонтер – это альтруист, то есть человек с такими нравственными принципами поведения, которые дают возможность бескорыстно жертвовать собственными интересами в пользу интересов другого человека. Альтруист тратит время, деньги и силы ради благополучия других, не рассчитывая получить что-то взамен, кроме, возможно, искренней благодарности. Мотивация волонтера также может базироваться не только на альтруистических качествах человека, но и на его потребностях. Например, на потребности принадлежать к определенной социальной группе, то есть актуализировать потребность в общении. Коммуникация волонтера может быть двух видов: взаимодействие с коллегами (как профессионального, так и дружеского характера) и общение с благополучателем.

Зачастую мотивацией для волонтерской деятельности человека является и потребность в признании и уважении как со стороны себя самого, так и со стороны общества. Самоуважение – значимое качество для поддержания адекватной самооценки. Уважение и признание со стороны других людей также значительно повышает самооценку человека, что особенно актуально для тревожных и неуверенных в себе. Кроме этого, волонтерство помогает человеку удовлетворить потребность в самореализации.

Добровольцами создаются и реализуются различные проекты, реализуя таким образом свои знания, умения и способности в волонтерской деятельности.

Волонтерская деятельность выполняет различные функции. Во-первых, как отмечалось выше, волонтерские движения стараются привлечь внимание государства на проблемы общества, особенно глобального характера, которые волонтеры чаще всего не в состоянии решить самостоятельно. Например, точечные экологические организации, которые борются с пожарами, сажают деревья на местах выгорания и прочее, но решить мировую экологическую проблему данного плана они не могут. В случае выполнения определенной работы лучше самого государства волонтерство таким образом стимулирует его к непосредственному участию в решении проблемы, а также волонтеры могут напрямую обращаться к правительству с помощью сбора подписей, петиций, митингов. Во-вторых, волонтерские организации стараются помочь людям, испытывающим острые социальные трудности: больным, сиротам, лицам с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, пенсионерам, людям без определенного места жительства и др. В-третьих, учеными доказано, что волонтерство как образ жизни улучшает психическое и физическое здоровье добровольцев. Это объясняется тем, что человек вовлечен в осмысленную, приносящую пользу деятельность, он чувствует свою нужность, становится меньше подвержен стрессовым ситуациям, улучшается сон и т. д.

Постепенно волонтерское движение в России получает все большее распространение. Исследования показывают, что сегодня процент занятости населения в волонтерстве составляет 5–8 %. Большинство добровольцев во всем мире – это молодые люди. Кроме того, вовлечение молодых людей, в том числе и студентов, в разностороннюю общественную деятельность является одним из главных направлений Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации [2]. Так, на факультете дошкольной и коррекционной педагогики и психологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева успешно реализуется студенческий социальный проект «Включайся! (волонтеры инклюзии)» под руководством доцента кафедры коррекционной педагогики Т. М. Кожановой.

15 ноября 2019 г. студенты 3–4-го курса направления подготовки «Специальное (дефектологическое) образование» под руководством старшего преподавателя кафедры коррекционной педагогики И. В. Смирновой в составе волонтеров храма Новомучеников и исповедников российских г. Чебоксары посетили г. Санкт-Петербург. В школе-интернате № 2 Кировского района Санкт-Петербурга для детей с нарушениями зрения встречали чебоксарских волонтеров с тактильной выставкой картин чувашских художников «Мы живем в Мире». Студенты, владея навыками тифлокомментирования, ярко рассказали историю сюжета тактильных картин, подробно представили детям все детали.

В сентябре 2020 г. студентки 1-го курса направления «Специальное (дефектологическое) образование» приняли участие в благотворительной акции по изготовлению открыток ко Дню пожилых, организованной вузовской волонтерской Корпорацией Добра. В качестве добровольцев они помогли детям с ограниченными возможностями здоровья 3-го класса БОУ «Кугесьская общеобразовательная школа-интернат» министерства образования и молодежной политики Чувашии изготовить поздравительные открытки, которые впоследствии были подарены пожилым людям 1 октября.

В рамках проекта «Цифровое волонтерство» студенты 3-го курса профиля «Логопедия» под руководством доцента кафедры коррекционной педагогики Т. Н. Семенович сняли видеорекомендации родителям детей с задержкой речевого развития в современной сегодня форме влога, но носящего не развлекательный, а больше обучающий характер. Студенты наглядно показали несложные, но эффективные игро-

вые логопедические технологии, которые можно использовать в условиях семьи для развития речевой активности у неговорящих детей.

В течение всего 2021/2022 учебного года студентами 1–3-х курсов были проведены мастер-классы для студентов очной и заочной формы обучения других факультетов университета (не дефектологических) по дактилологии, жестовому языку, рельефно-точечному шрифту: «Говорящие руки», «Искусство жестовой песни», «Тактильные книги для незрячих детей», «Адаптированные книги для детей с ОВЗ» и др. Такая работа направлена на ознакомление будущих учителей с особенностями детей с ОВЗ и формирование их готовности осуществлять свою педагогическую деятельность в условиях инклюзивного образования.

26 января 2022 г. магистранты направления 44.04.02 «Психолого-педагогическое образование» организовали творческую поездку к воспитанникам БОУ «Цивильская общеобразовательная школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья № 1» министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. Магистранты П. И. Антонов и Л. С. Простова совместно с сотрудниками Детского агентства «Золотая рыбка» провели «Шоу мыльных пузырей», подарили детям настольные развивающие игры, энциклопедии, канцелярские товары.

С марта по июнь 2022 г. первокурсниками были проведены коррекционно-развивающие игровые занятия с детьми, имеющими особенности развития, на базе факультета дошкольной и коррекционной педагогики и психологии. Они прошли в Леко-теке при храме Новомучеников и Исповедников Российских г. Чебоксары.

Анализ практики волонтерства показывает, что желание помогать более слабым, нуждающимся характеризует довольно успешных, социально зрелых людей, опыт которых доказывает принцип жизни – «через отдавание и служение» или «помогая другим – помогаешь себе». Поэтому с опорой на исследования И. А. Рудневой [1] обозначим основные принципы волонтерской деятельности более подробно: добровольность (никто не может быть принужден быть волонтером); безвозмездность (работа волонтера никак не оплачивается, это безвозмездная помощь); добросовестность (волонтер обязан довести до конца взявшую на себя работу); солидарность (труд волонтера направлен на реализацию задач соответствующего движения или организации и не должен противоречить их принципам); законность (деятельность добровольца не должна противоречить законам Российской Федерации); равенство (волонтеры принимают равные возможности участия каждого в общей деятельности); самосовершенствование (добровольцы осознают, что добровольческая деятельность совершенствует их личностные качества, помогает приобретать новые знания и умения, способствует самореализации); нравственность (волонтеры должны следовать в своей деятельности морально-этическим нормам, содействуя распространению в обществе духовно-нравственных ценностей социального служения).

В настоящее время в Чувашской Республике зарегистрировано четыре волонтерских организации: Чувашская Республиканская молодежная общественная организация «Волонтерский центр “Содружество”»; Чебоксарская городская молодежная общественная организация «Волонтерский центр города Чебоксары»; Чувашская республиканская молодежная общественная организация «Молодежное добровольческое объединение Чувашии»; Чувашское региональное отделение Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы». А также два волонтерских центра включены в состав Ассоциации волонтерских центров России – это волонтерский центр г. Чебоксары и волонтерский центр Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Кроме официально зарегистрированных волонтерских организаций, на базе большинства вузов и ссузов республики работают волонтерские объединения.

Самым крупным волонтерским центром является Волонтерский центр города Чебоксары, который функционирует с начала 2013 г., а официально зарегистрирован в середине 2015 г. В октябре 2016 г. по результатам всероссийского конкурса он стал одним из двадцати Центров подготовки волонтеров XIX Всемирного фестиваля молодежи. Волонтерским центром получено более 1 800 заявок (около 630 заявок от кандидатов из Чувашии). Всего за 2 месяца активисты из рабочей группы Волонтерского центра в 60 человек провели на данном фестивале более 1 100 собеседований.

Анализ социальной ситуации показывает, что обществом особенно востребовано социальное волонтерство – это дети в тяжелой жизненной ситуации, дети с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, а также их родители, замещающие семьи, тяжело больные люди, молодые родители и др. К сожалению, в отличие от событийного волонтерства, когда оказывается помощь в организации крупных значимых мероприятий, в социальном волонтерстве нет конкурса по десять претендентов на место. Каждый волонтер в социальной сфере – «на вес золота».

Региональное отделение Всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики» было создано в Чувашской Республике в 2016 г. и по сей день осуществляет активную волонтерскую деятельность по следующим направлениям: помощь медицинскому персоналу в лечебных учреждениях; санитарно-профилактическое просвещение населения; помощь в профориентации школьников; помощь в медицинском сопровождении мероприятий. Однако организация помощи медицинскому персоналу является главной задачей работы ВОД «Волонтеры-медики». Начиная с 2017 г. установлено сотрудничество с такими лечебными учреждениями, как ФГБУ «Федеральный центр травматологии, ортопедии и эндопротезирования» Министерства здравоохранения Российской Федерации, БУ ЧР «Больница скорой медицинской помощи» министерства здравоохранения Чувашской Республики, БУ ЧР «Городская детская больница № 3» министерства здравоохранения Чувашской Республики.

Для помощи в осуществлении санитарно-профилактической работы волонтеры-медики обязательно проходят предварительное обучение в дистанционном формате. Далее они призваны проводить профилактические лекции по распространенным в обществе заболеваниям и популяризации идей здорового образа жизни.

Не менее активно развивается добровольческое направление молодежной общественной организации Чувашского регионального отделения Молодежной общероссийской общественной организации «Российские Студенческие Отряды».

Растет и количество зарегистрированных волонтерских объединений, в настоящее время в Чувашии их семь. Три объединения добровольцев (БОУ ЧР ДО «Центр молодежных инициатив» Минобразования Чувашии; Волонтерский центр г. Чебоксары и Волонтерский центр ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И. Н. Ульянова») включены в Ассоциацию волонтерских центров России.

В целом волонтерские объединения действуют в двадцати шести муниципальных волонтерских штабах, практически во всех образовательных организациях созданы центры по сбору гуманитарной помощи, более триста волонтерских отрядов и волонтерских центров в образовательных учреждениях Чувашской Республики. Ведется работа по популяризации единой информационной системы «Добровольцы России».

Для поощрения волонтеров указом Главы Чувашской Республики в 2020 г. были учреждены Почетная грамота и нагрудный знак «За развитие добровольчества (волонтерства) в Чувашской Республике». Ежегодно волонтеры становятся обладателями специальных стипендий Главы Чувашской Республики для представителей молодежи за особую творческую устремленность и обладателями Государственных молодежных премий Чувашской Республики за успешную реализацию социально значимых проектов, достижения и инновации в волонтерской деятельности.

В Центре молодежных инициатив министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики ежегодно проходит Школа добровольцев, целью которой является обучение работе с лицами с ограниченными возможностями здоровья. Благодаря Школе в волонтерскую деятельность привлекаются студенты, нивелируется безграмотность в отношении людей с нарушениями развития, формируется равное отношение к лицам с инвалидностью. Программой Школы предусмотрено освещение таких тем, как «Психологические основы коммуникации с человеком, имеющим ОВЗ и/или инвалидность: как корректно предложить помощь и правильно ее оказать», «Уроки русского жестового языка», «Недоступная «Доступная среда», тренинг «Мир, который мы не знаем: погружение в мир незрячих, глухих и людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата». В результате формируется отряд волонтеров для дальнейшей работы с общественными организациями для лиц с особенностями развития.

Одними из главных задач государственных и общественных организаций по оказанию помощи людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и/или инвалидностью являются их включение в общественную и культурную жизнь, реализация и пропаганда принципов инклюзии во всех сферах жизнедеятельности. Волонтерская деятельность может помочь решить эти задачи.

Список источников

1. Орлова Ю. В. Добровольческая деятельность как средство формирования социальной ответственности студента // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2013. № 4. С. 165–169.
2. Руднева И. А. Волонтерская деятельность как средство позитивной социализации детей и молодежи с ограниченными возможностями здоровья // Aktuální Pedagogika. 2017. № 4. С. 28–31.

РАЗДЕЛ 9 ИСТОРИЯ НАУКИ В ЛИЦАХ И БИОГРАФИЯХ

УДК 94(47).073+355.231

А. Н. Гребенкин

*Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
Орел, Россия*

РУССКИЙ ПЕДАГОГ ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ ПОЛОВЦОВ В ЗЕРКАЛЕ ЕГО ДНЕВНИКА

Аннотация. В работе дается анализ деятельности педагога В. А. Половцова на посту помощника инспектора классов Павловского кадетского корпуса, основанный на его неопубликованных дневниковых записях. Сделан вывод о том, что Половцов стремился к всестороннему развитию воспитанников и творчески подходил к решению стоявших перед ним задач.

Ключевые слова: *Российская империя, военное образование, Виктор Андреевич Половцов, Павловский кадетский корпус, учебно-воспитательный процесс, мемуары*

Abstract. This paper analyzes the activities of the teacher V. A. Polovtsov as an assistant inspector of classes of the Pavlovsky Cadet Corps, based on his unpublished diary entries. It is concluded that Polovtsov aspired to the comprehensive development of pupils and creatively approached the solution of the tasks facing him.

Keywords: *Russian Empire, military education, Viktor Andreevich Polovtsov, Pavlovsky Cadet Corps, educational process, memoirs*

Виктор Андреевич Половцов (1803–1866) был даровитым педагогом, внесшим большой вклад в развитие военного, народного и женского образования. Свои мысли и наблюдения, связанные с организацией учебной и воспитательной деятельности, он заносил в дневник, который вел более 20 лет. К сожалению, этот ценный исторический источник, хранящийся в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, еще не опубликован.

Дневниковые записи открываются 1839 г., когда Половцов уже второй год являлся помощником инспектора классов Павловского кадетского корпуса (в общей сложности он прослужит в этом заведении девять лет, с 1835 по 1844 г.) [1, с. 494]. Книги дневника, относящиеся к петербургскому периоду жизни Половцова, позволяет

проследить формирование его педагогической концепции, которую он пытался воплотить в жизнь во всех военно-учебных заведениях, бывших местами его службы.

В качестве помощника инспектора классов Павловского корпуса В. А. Половцов уделял большое внимание интеллектуальному, нравственному и эстетическому развитию воспитанников. Задачу кадетских корпусов Половцов формулировал следующим образом: «Дело наше состоит не в том, чтоб пройти известное количество уроков, а в том, чтоб сообщая познания, развивались умственные способности, водворять и укреплять добрую нравственность, и чтоб обращать внимание на каждого кадета в особенности» [2, л. 62]. Он разработал своеобразный свод правил, которые стремился внушить своим подопечным: «1) все, что услышишь от учителя, представь себе ясно и живо, 2) разбери умом, разжуй, а не глотай как попало, 3) когда совершенно поймешь, перескажи товарищу, а если нужно, так и выучи твердо, 4) не упускай времени: нисколько не откладывай, и то, что сегодня задано, то сегодня же и повтори, 5) если слаб, ищи помощи сильного, 6) если силен, помогай слабому, 7) поощряй других и радуйся чужой радости, 8) теряйся совершенно своей личностью в общности: один виноват все виноваты, 9) знай, что можешь и понизить и повысить целый класс, чувствуй это и трудись всеми силами, 10) не упускай ничего к своему совершенствованию и в учении и в поведении, 11) будь проникнут кротостью и смирением, 12) но гордись своим государем и восхищайся славой Отечества» [2, л. 67об.].

Будучи глубоко верующим человеком, Виктор Андреевич не мог не заботиться о религиозном воспитании своих подопечных. Он стремился к тому, чтобы сделать его как можно более эффективным. 18 февраля 1839 г. помощник инспектора классов писал в своем дневнике: «Пастор Флитнер давно говорил мне о своем желании говорить очередные катехизические проповеди. Об этом стоило бы подумать, и слова дела: к месту и в меру они очень действуют и бывают долго памятливы» [2, л. 1об.]. Отступления от правил поведения в церкви во время богослужений вызывали у него удивление и возмущение.

Половцов уделял большое внимание вновь поступившим в подготовительный класс кадетам. Он читал им выдержки из «Истории России в рассказах для детей» А. О. Ишимовой, посвященные правлению Владимира Мономаха, после чего задавал письменное изложение услышанного, а в свободные часы разучивал народный гимн «Боже, Царя храни», немецкие и французские песни. По итогам вокальных упражнений воспитанники делились на голоса и составляли общий хор, с которым занимались не только помощник инспектора классов, но и учитель пения. Со временем Половцову удалось включить пение в перечень обязательных занятий. Репетиции проходили по вечерам. Его целью было то, «чтоб полкорпуса узнали музыку в короткое время лучше, чем знают ее певчие, которые только рутинной доходят до пения обедни и прочего тому подобного» [2, л. 23об.]. Обучение пению имело и воспитательное значение. В мае 1839 г. кадеты разучивали «Боже, Царя храни». Когда один из кадет отвлекся на шалости, Половцов сказал ему: «Знаешь ли ты, чему учишься? Гимну, который делает честь всем 50 миллионам русских, русскому народному гимну, который играют во всех концах Европы, и можно сказать, что в лице моем вся Европа передает тебе наши родные звуки, которых не знать – стыдно!» [2, л. 37об.]

Большое внимание Виктор Андреевич уделял организации гимнастических упражнений. По инициативе Половцова в вечерние часы проводились часовые лекции по гимнастике. Немало заботил его и вопрос о преподавателях. В марте 1839 г. Половцова потрясло известие о смерти известного организатора подготовки учителей гимнастики профессора Г. Г. де Паули, в течение пяти лет работавшего в России. Помощник инспектора классов пытался привлечь на службу в корпус учителя гимнастики из нидерландского города Бреда, но не сумел достичь этой цели. Будучи обременен много-

численными трудами, Половцов тем не менее всегда находил время, чтобы принять непосредственное участие в организации физического воспитания. Так, 3 мая 1839 г. он обстоятельно беседовал с вновь поступившим в корпус преподавателем гимнастики Дераном. Разговор шел о помощниках преподавателей гимнастики, пользе и вреде некоторых упражнений, плавании, организации физического воспитания в учебных заведениях Швеции и т. п. Благодаря такому руководству кадеты полюбили гимнастику. Разрешение работать на некоторых гимнастических снарядах было для них лучшим поощрением. Итогами своей работы помощник инспектора классов был весьма доволен: «Гимнастика была сегодня – дело! Расчет во фронте по шеренгам уж показывает, что дело бывает дельно. Сгибание и выгибание спины; сгибание колен и протягивание ноги; да приготовление к прыжку и самое прыгание через веревку, которое было очень порядочно и живо-весело» [2, л. 37об.].

Всеми доступными средствами помощник инспектора классов стремился расширить кругозор своих подопечных. 26 апреля 1839 г. В. А. Половцов водил кадет неранжированной роты в Технологический институт, где они видели приготовление пряжи, изготовление тканей и нанесение на них рисунка путем набивки. 1 мая 1839 г. кадеты-павловцы вместе с питомцами других военно-учебных заведений были в Александринском театре и смотрели там пьесу И. Н. Скобелева «Кремнев, русский солдат». 11 июня 1839 г. Половцов побывал с самыми маленькими кадетами на Каменном и Аптекарском островах, отвел их на могилу Петра Великого, поднимался вместе с ними на шпиль Адмиралтейства. 26 июня группа воспитанников Павловского корпуса посетила Александро-Невскую лавру, где осмотрела могилы Н. М. Карамзина, Н. И. Гнедича, М. В. Ломоносова, А. В. Суворова, М. А. Милорадовича. У могилы Карамзина кадеты читали отрывок из десятого тома «Истории государства Российского», посвященного избранию на царство Бориса Годунова, на могиле Гнедича – его стихи «Зевс» и «Бессмертные боги». 28 июня помощник инспектора классов вместе с кадетами совершил прогулку в Екатерингоф, где читали Ишимову, катались на качелях и пели песни.

Большое внимание уделялось стимулированию учебной деятельности воспитанников. Половцов тщательно проанализировал ведомости с оценками кадет и разделил воспитанников на три группы: 1) очень хороших, 2) хороших и 3) удовлетворительных. Зачисление в соответствующий разряд носило официальный характер и объявлялось ко всеобщему сведению, а учителя должны были использовать наименования кадет очень хорошими и т. п. при обращении к ним во время занятий. Прочие пункты не совсем ясны. Половцов писал: «...г) из очень хороших: двое на доску, прочим листы, из хороших выберем монитеров и всем по грифельн. или т.п., д) и удовлетворительных разделить надвое: первой половине по листу оберточной бумаги, второй ничего» [2, л. 17]. Это можно трактовать следующим образом: двое лучших учеников во время классных занятий становились у доски, прочие писали на листах бумаги, хорошие ученики (некоторые из них избирались мониторами, то есть помощниками учителя) писали на грифельных досках, половина худших учеников писала на оберточной бумаге, а остальные не получали никаких письменных принадлежностей. Возможен и такой вариант: фамилии двух кадет из числа очень хороших заносились на красные доски, существовавшие с 1835 г. во всех корпусах [3, п. 2], прочие отнесенные к этому разряду получали похвальные листы (либо, что более вероятно, на их столах во время занятий лежали листы бумаги, позволявшие выделить их из кадетской массы), хорошие ученики во время занятий писали на грифельных досках, которые и служили их знаками отличия, на партах половины худших учеников лежали листы оберточной бумаги, остальные же не имели никаких «регалий». Половцов полагал, что введенная им система рангов и соответствовавших им символов должна была содействовать умственному и нравственному прогрессу: «Это будет маленькое царство, где даются награды не-

большие, но соразмерные заслугам, и где заслуги-то ценятся достойно, следовательно, кто как повысится в умственно-нравственном отношении, столько тот и получит. Кто ж не захочет повыситься? А если он будет стремиться к повышению по делам своим и сегодня, и завтра постоянно и неослабно, так это обратится в его вторую натуру» [2, л. 17]. Наградками, по его мнению, следовало пользоваться разумно: «Большие поощрения могут поселять чувства зависти между товарищами, а малые – это кажется лучшее средство доставить удовольствие» [2, л. 98].

В 1830–40-е гг. в большинстве российских военно-учебных заведений (и Павловском корпусе в том числе) кадеты не стремились к тому, чтобы хорошо учиться. Общим идеалом был тип не обремененного познаниями офицера-строевика либо столь же далекого от наук лихого кавалериста. Половцов, судя по его дневникам, стремился искоренить негативное отношение к учебе. 27 февраля 1839 г. он провел опрос кадет, желая выяснить причины их неуспешности. Результаты его возмутили: «Не хотят учиться! Думают, что не спросят, полагают, что учитель не придет, и даже встретилось, что пренебрегают нулем» [2, л. 4]. Виктор Андреевич вызвал к себе всех 12 воспитанников, давших подобные ответы, но, понимая, что репрессии мало помогут делу, ограничился наказанием лишь одного из них. В целом взгляды Половцова на средства воспитания шли вразрез с тогдашней репрессивной политикой. Он писал: «Розги кажутся мне таким отвратительным средством, что они вместе с устранением наружного беспорядка непременно вкореняют в сердца воспитанников страх, принуждение и холодность» [2, л. 98]. Вместе с тем, когда нужно, Половцов был строг и взыскателен и не останавливался перед применением розог, если понимал, что они станут эффективным методом воздействия на виновных. Так, 23 февраля 1839 г. он «высек вдруг шестерых кадет: двоих за ложь в показании того, что выучили из священной истории, а четверых за нули у г. Грунта» [2, л. 3]. Не терпел помощник инспектора и тех, кто перекладывал свою вину на других. 28 февраля 1839 г. он велел дать 8 ударов розгами воспитаннику, который сказал ему, что попал в штрафной список за неуместный смех лишь потому, что его смешил товарищ. По мере возрастания вины наказание усиливалось: 16 марта 1839 г. кадет Цигебауер получил 26 розог «за неприличную брань и бегство» [2, л. 12об.]. 8 марта 1841 г. кадет Майдич, вырвавший из учебника лист и использовавший его в качестве шпартгалки, был наказан 40 ударами. Время от времени помощник инспектора устраивал показательные порки, на которых в качестве зрителей (часто на коленях!) присутствовали кадеты, получившие дурные баллы.

Не относясь к числу идейных «секунов», помощник инспектора отдавал себе отчет в том, что телесные наказания не способны оказать ни малейшего воздействия на некоторых закоренелых лентяев. Так, после того как однажды Половцов утром высек двух кадет в присутствии их товарищей (это наказание считалось одним из наиболее тяжелых), вечером они вновь получили дурные отметки. При этом один из этих кадет, князь Валериан Багратион-Мухранский, учился в 1-м приготовительном классе уже четвертый год. Поэтому ставка делалась на моральное, а не физическое воздействие на воспитанников. При необходимости воздействия на массу дурных воспитанников Половцов использовал традиционные для того времени разносы с публичным отчитыванием виновных. В такие дни в дневнике появлялись записи о том, что помощник инспектора «шумел». Поводом для «шума» могли стать грубость учителю или коллективные шалости. В этих же целях проводились и показательные порки. 12 апреля 1839 г. Виктор Андреевич устроил, по его собственным словам, «Страшный суд»: «Я уж их и попугал сегодня! Цевловского 1-го и Кулакова высек, но выбрал из всего класса не десятого, а пятого, негодяев своим чередом; созвал туда же 2-е отделение приготовительного класса, получившее за поведение 2 балла, и не представился, а дей-

ствительно был гневный судья. Все рыдало, ревело! И вероятно поправится» [2, л. 21об.].

Половцов активно обращался к опыту деятельности других военно-учебных заведений. Так, в дневнике мы можем встретить упоминание о том, что во 2-м кадетском корпусе балльные ведомости прочитывались в присутствии всех воспитанников, причем лучшие воспитанники выходили на середину залы и раскланивались, а дурные также выходили на середину залы, после чего им объявляли, какое наказание их ждет. В практику вошло постоянное награждение воспитанников за учебные успехи тетрадами и рисунками, и это, в частности, «возбудило в черкесах особую охоту учиться» [2, л. 67]. В свою очередь, помощник инспектора классов радовался, когда результатами его трудов пользовались руководители других военно-учебных заведений. Так, командир Дворянского полка генерал-майор Н. Н. Пущин, узнав о занятиях пением в Павловском кадетском корпусе, приказал «всему полку петь гамму» [2, л. 15]. Половцов был в восторге и написал в дневнике: «Ей-ей, это был бы шаг к моральному усовершенствованию военно-учебных заведений» [2, л. 15].

В николаевское время в кадетских корпусах господствовали жестокие нравы. Новички, как правило, должны были пройти через «испытание», заключавшееся в приставаниях и издевательствах. Половцов запрещал воспитанников обижать новеньких и внушал им «правило обращаться со вновь вступающими как с гостями и милыми родными братьями» [2, л. 3об.].

Виктор Андреевич был одним из немногих руководителей, стремившихся уйти от чисто формальных, командно-строевых отношений к педагогике сотрудничества: «Я стараюсь, чтоб кадеты были не солдатенками, а моими содействителями, а если можно, и собеседниками» [2, л. 8об.]. Для этого он приглашал по 5–10 человек к себе на чай, по праздничным дням ходил вместе с ними в церковь. 14 мая 1839 г., на Троицу, вспомнив, что исполнился ровно год, как в корпус поступил кадет Жебровский, сын израненного капитана и безродный поляк, Половцов принес ему десяток апельсинов «и сказал, чтоб он за этот год поблагодарил Бога да помолился о Государе нашем благодетеле» [2, л. 34]. При этом помощник инспектора классов прекрасно понимал, что таким образом можно воздействовать лишь на некоторых воспитанников, но отнюдь не на всю их массу. Вместе с тем он умел так разговаривать с кадетами, что после беседы у большей их части были слезы на глазах. Мечтой Половцова было «довести кадет до того, чтоб взгляда учительского достаточно было для исправления воспитанника» [2, л. 67].

Одной из своих главных задач Половцов считал создание в каждом классе позитивной атмосферы: «Дух класса! Вот что кажется мне всего важнее: он во 2-м отделении установился, следовательно увлечет за собой и таких воспитанников, которые пошаливают, а в 1-м пятеро из 2-го помогут способствовать духу благонравия и рвения к успехам» [2, л. 5об.].

По отношению к учителям Половцов был строг и взыскателен. Некоторые из них говорили помощнику инспектора, что он нападает на них. Он не останавливался и перед тем, чтобы сделать выговор офицеру за обнаруженную неисправность. Обладая большим педагогическим опытом, Виктор Андреевич, подобно директору 1-го кадетского корпуса М. С. Перскому, увековеченному Лесковым в рассказе «Кадетский монастырь», лично замещал своих подчиненных, пропускавших занятия. Как и в отношении воспитанников, Половцов стремился выработать систему поощрения педагогов в зависимости от успехов кадет по их предмету. Опытный методолог, он обращал внимание на то, что «некоторые учителя задают большие уроки, тогда как у воспитанников ученье два раза в день и вовсе нет времени для повторения уроков» [2, л. 41об.].

В. А. Половцов полагал, что в деле воспитания важна каждая деталь, ибо даже несущественные обстоятельства могут нанести ощутимый урон кадетам: «Как странно, что держат при воспитанниках и дурных служителей! Все, что окружает их, должно дышать благородством!» [2, л. 31об.]

Виктор Андреевич сильно расстраивался, когда сталкивался с равнодушием, безразличием, черствостью своих подопечных. Увидев на одной репетиции хора во время исполнения гимна невыразительные лица кадет, он записал в дневнике: «Господа! Да Русские ли вы? Дети ли? Люди ли вы, если не молитесь за своего Государя, отца и благодетеля? Вы живете, растете и совершенствуетесь, боитесь наказания, жаждете награды, веселитесь с товарищами, радуете своих родителей. Это составляет вашу жизнь, ваше счастье. Обратиться в статую, в кусок дерева было бы для вас бедствие. Не правда ли, гораздо лучше усиливать чувство своего благополучия, развивать способности, возвышать достоинство? А как достигнуть этой чудной цели? Смотреть за собой на каждом шагу и поправляться» [2, л. 40].

В качестве средства воспитательного воздействия В. А. Половцов стремился использовать праздники и иные торжественные мероприятия. Он полагал, что даже «обычные праздники имеют высокую цену, если служат не одним только отдохновением, но, сосредоточив в нас чувство жизни и счастья, придают новые силы действовать на пользу ближних» [2, л. 43об.]. Особое значение, по его мнению, имела процедура раздачи наград, когда в корпус прибывали родственники кадет и почетные гости.

Половцов отдавал себе отчет в своих ошибках и промахах и сильно переживал по их поводу. Так, 8 марта 1839 г. он увидел в журнале плохие отметки и узнал, что учитель Баумгартен поставил одному из кадет нуль за то, что тот не имел тетради. Возмутившись, помощник инспектора пришел в класс и сделал в присутствии воспитанников преподавателю выговор за несправедливо поставленные баллы, отсутствие оценок за поведение и неряшливые записи. Когда Баумгартен сказал, что выскоблит замаранные места, а кадеты принесли ему нож, раздраженный Половцов швырнул нож на пол. Внося запись об этом инциденте в дневник, он сделал пометку на полях: «Ошибка моя» [2, л. 7об.].

Павловский корпус стал для В. А. Половцова хорошей школой, подготовившей его к переходу на следующую служебную ступень. В 1843 г. он был назначен инспектором классов еще не открытого Орловского Бахтина кадетского корпуса. В Орле Виктору Андреевичу предстояло применить все знания и умения, приобретенные им в Санкт-Петербурге. Он успешно выполнил поставленную задачу и с удовлетворением отметил в дневнике: «Был при открытии, машину завел и уехал» [4, л. 115]. Принял Половцов активное участие и в создании Михайловского Воронежского кадетского корпуса, в котором он также занимал должность инспектора классов. В конце 1852 г. Виктор Андреевич, прослуживший к тому времени в ведомстве военно-учебных заведений 18 лет, неожиданно для себя был уволен в отставку с производством в генерал-майоры. Окидывая взором пройденный путь, он пришел к выводу, что дал русской военной школе все, что был в состоянии ей дать, и что необходимо расширять сферу профессиональной деятельности. Всю оставшуюся жизнь – а судьба отмерила ему еще 14 лет – Половцов неустанно трудился, стремясь принести пользу своему Отечеству. До 1860 г. он служил в корпусе лесничих в должности вице-инспектора. Выйдя в отставку, В. А. Половцов активно и плодотворно занимался организацией женского и народного образования, а также методической работой вплоть до своей безвременной кончины от простуды.

Список источников

1. Петров А. Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома. 1798–1898 гг. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1898.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1285.
3. Приказ № 45 Главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка от 25 января 1835 г.
4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1311.

УДК: 811.161.1

М. В. Турилова

Независимый исследователь

Россия, Калуга

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ О СВЯТИТЕЛЕ ФЕОФАНЕ ЗАТВОРНИКЕ В НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Аннотация. В статье представлен обзор публикаций о святителе Феофане (Говорове), Затворнике Вышенском, святом проповеднике и богослове XIX в., в научных журналах Калужской духовной семинарии «Богословско-исторический сборник» и «Труды по русской патрологии». Это ценный источник исторической биографии для исследователей истории Сибири.

Ключевые слова: богословие, история, Калужская духовная семинария, научная биография, научный журнал, Русская Православная Церковь, русский язык, святитель Феофан (Говоров) Затворник Вышенский

Abstract. The article produces a review of articles about St. Theophan (Govorov), the Recluse of Vysha, the holy preacher and theologian of the 19th century, in scholarly journals of the Kaluga Theological Seminary “Theological Historical Collection” and “Works on Russian Patrology”. This is a valuable source of historical biography for researchers of the history of Siberia.

Keywords: history, Kaluga Theological Seminary, Russian, Russian Orthodox Church, scholarly journals, scientific biography, St Theophan (Govorov) the Recluse of Vysha, Theology

Богословские труды и личность святителя Феофана (Говорова) (1815–1894), Затворника Вышенского, епископа, проповедника и богослова XIX в., прославленного в лике святых, изучаются в Калужской, Владимирской Свято-Феофановской, Тамбовской духовных семинариях. Тематика многоаспектных исследований согласована, координируется руководством учебных заведений. Исследования преподавателей и учебно-научная работа студентов являются одним из важных этапов работы по изданию трудов святителя Феофана Затворника, сохранению его наследия. Результаты публикуются в журналах семинарий. Научные журналы Калужской духовной семинарии «Богословско-исторический сборник» [1] и «Труды по русской патрологии» [2] – это ценный источник исторической биографии для исследователей истории Сибири.

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин) пишет о сотериологии в трудах свят. Феофана Затворника («Выбор духовного пути (по святителю Феофану Затворнику)» [1, вып. 6, с. 5–12]), различных периодах служения святителя, его административных, педагогических, воспитательных принципах («Служение святителя Феофана смотрителем Киево-Софийских духовных училищ» [1, вып. 10, с. 113–123]).

В статьях протоиерея Василия Петрова упоминаются переводы свят. Феофаном святоотеческих трудов: в статье «Жизнь и труды преподобного Никодима Святогорца» [1, вып. 3, с. 74–95], в предисловии к переводу с древнегреческого языка «Диалога

со схоластиком» прп. Симеона Нового Богослова [1, вып. 4, с. 40]. В статье «К вопросу о природе души и ангелов в учении свят. Феофана Затворника» протоиерей Василий Петров представляет полемику свят. Феофана в труде «Душа и ангел – не тело, а дух» со свят. Игнатием (Брянчаниновым). Показано, что свят. Игнатий (Брянчанинов) точно следует святоотеческим трудам (св. Иоанну Дамаскину). Свят. Феофан Затворник, не соглашаясь с учением св. Симеона Нового Богослова, при переводе его трудов опускает большие части текста, по его мнению противоречащие учению Церкви, и повторяет некоторые неточности, бывшие в новогреческом переводе прп. Никодима Святогорца [1, вып. 24, с. 13–22].

Диакон Димитрий Шатов в статье «Историко-богословский портрет Валаамского старчества» цитирует поучение свят. Феофана «Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения» [1, вып. 7, с. 88].

В статье «Развитие богословия в Русской Церкви в XIX в.» иеромонах Иоанн (Король) отмечает особенную значимость русского перевода «Добротолубия» свят. Феофана Затворника, выполненного «вне академического поприща, в затворе», являющегося «собранием аскетической мысли Византии, спустя некоторое время отвергнутой школьным богословием в лице... проф. Тареева» [1, вып. 8, с. 166–167].

В работе «Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков) и его исторические труды» [1, вып. 14, с. 91–107] иеромонах Иоанн (Король) несколько раз упоминает свят. Феофана Затворника. В 1841 г., на последнем году обучения в Киевской духовной академии, Г. В. Говоров (будущий свят. Феофан Затворник) вместе с М. П. Булгаковым (будущим митрополитом Макарием) приняли монашеский постриг [1, вып. 14, с. 94]. С 1844 по 1847 г. свят. Феофан Затворник читал лекции по нравственному богословию на кафедре богословия Санкт-Петербургской духовной академии, где в это время преподавал архимандрит Макарий (Булгаков). С тех пор между ними сохранялись дружеские отношения и переписка [1, вып. 14, с. 96]. Вслед за архимандритом Макарием в 1857 г. он был назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии. В 1859 г. свят. Феофан Затворник стал преемником епископа Макария на Тамбовской кафедре [1, вып. 14, с. 98].

О ректорстве свят. Феофана Затворника в Санкт-Петербургской духовной академии – упомянутая иереем Владиславом Баганом («К истокам “Церковного законовещения”: анализ церковноправового наследия протоиерея Иоанна Скворцова» [1, вып. 27, с. 57–78]) книга И. А. Чистовича «С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.)» [1, вып. 27, с. 78].

Свят. Феофан Затворник назван в ряду других русских религиозных философов XIX–XX вв. в статьях «Теоцентрическая методологическая установка в системе современного психологического человекознания» А. В. Шувалова [1, вып. 11, с. 150], «Психология духовного опыта человека в творческом наследии Ивана Александровича Ильина» А. А. Гостева, Н. В. Борисовой, А. В. Шувалова [1, вып. 14, с. 150]. Труд свят. Феофана Затворника «Православие и наука» упомянут М. Н. Мироновой в статье «О мировоззренческих основаниях практической психологии» [1, вып. 19, с. 158].

Впервые опубликованы «Заметки епископа Феофана Затворника на статью о греко-болгарской схизме» (о греко-болгарских церковных взаимоотношениях во второй половине XIX в.) [1, вып. 12, с. 21–39]; подготовка к публикации, предисловие и примечания иеромонаха Иосифа (Королева).

Некоторые доклады на осенней сессии Международного Оптинского форума в Калужской духовной семинарии 22 октября 1918 г. были связаны с личностью святителя Феофана Затворника. Архимандрит Зосима (Шевчук) в докладе «Церковь – свидетельница мерил бытия» [1, вып. 13, с. 9–20] рассматривает библейскую и святоотеческую сотериологию как то, чему священнослужители призваны научить свою паству.

В числе примеров гомилетики приведена проповедь свят. Феофана Затворника, произнесенная 4 октября 1864 г. на Владимирской и Суздальской кафедре: в ней он призывает читать Православный Катехизис, знать и понимать Символ веры, неопустительно ходить на богослужения, внимательно слушать читаемые там Апостол и Евангелие. Религиозное мировоззрение «молчаливого сословия» – мещанства рассматривается в докладе В. Д. Орловой «Отражение в источниках происхождения личного православного мировоззрения тамбовского обывателя второй половины XIX в.» [1, вып. 13, с. 134–141]. Е. Д. Першин в докладе «Польза православного воспитания на ранних этапах развития ребенка» [1, вып. 13, с. 174–181] упоминает работу «Путь ко спасению» свят. Феофана Затворника. В ней святитель пишет, что в Крещении в младенце полагается семя жизни во Христе, действующее как образующая сила; в дальнейшем ребенок сознательно, «свободным произволением посвятит себя Богу и желательным, радостным и благодарным восприятием усвоит себе обретенную в себе благодатную силу»; выделяет средства христианского воспитания, говорит о необходимости частого причащения детей Святых Христовых Тайн и благочестивой жизни родителей [1, вып. 13, с. 178].

Те же слова о крещении младенцев из сочинения свят. Феофана Затворника Миронова М. Н. в полемической статье «Каверзный вопрос» истолковывает следующим образом: «Крещение не отменяет последовательность развития, но делает его более правильным, стремящимся к идеалу» [1, вып. 20, с. 157]. Для проверки верности выстроенной автором статьи иерархии смыслов культуры дается ссылка на работу свят. Феофана Затворника «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» [1, вып. 20, с. 172]. Тот же автор в статье «Попытка синтеза представлений о свободной воле в христианской психологии» [1, вып. 22, с. 105–139] сопоставляет учебник С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» с работой свят. Феофана Затворника «Начертания христианского нравоучения»: структуру волевого акта с действием человеческой воли в общественной и домашней деятельности [1, вып. 22, с. 113], утверждение о слабости некоторых людей с болезненно развитым воображением, связанным с «раздуванием» визуализации, и слова свят. Феофана Затворника о необходимости переломить волю: освободиться от рабства греховного, очистить душу от скверн и для этого возненавидеть грех, возжелать противиться ему, истребить противление Божию закону и возжелать желание ходить в нем [1, вып. 22, с. 136].

Отношение свят. Феофана Затворника к старческому духовному руководству показано в статье протоиерея Сергия Третьякова «Феномен старчества как разновидность христианского подвига» [1, вып. 14, с. 34–35].

Отрывок из письма свят. Феофана Затворника о необходимости понимать то, что читается и поется во время богослужения в храме, приводит А. В. Антишкин в работе «Проблема понимания богослужебных текстов и ее решение на примере толкования Феодора Продрома» [1, вып. 17, с. 43].

Толкование свят. Феофана Затворника на отрывок о сомнениях апостолов в Воскресении Христовом из «Мыслей на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия» приводится в статье «Имена Христа в Евангелиях как отражение мессианских воззрений во время земной жизни Спасителя» А. А. Чепеля [1, вып. 16, с. 89].

В статье «Особенности приветствия в послании апостола Павла к Римлянам по толкованиям святых отцов и экзегетов» А. А. Чепель сообщает, что свят. Феофан Затворник отмечает обычай времени апостола Павла указывать имена адресанта и адресата перед письмом, комментирует особенности надписи и приветствия в Послании к Римлянам [1, вып. 19, с. 31–39].

Та же работа свят. Феофана Затворника «Толкование Послания апостола Павла к Римлянам» цитируется в статье иерея Максима Горбунова «Епитимийная практика согласно памятникам церковной письменности II–IV вв.» [1, вып. 20, с. 112].

М. А. Киреев в работе «Глинская Рождество-Богородицкая пустынь и святитель Феофан Затворник» приводит переписку свят. Феофана Затворника и настоятеля Глинской Рождество-Богородицкой пустыни игумена Исаии (Гомолко) об устройении нового Дальнего (Спасо-Илиодоровского) скита. Свят. Феофан Затворник объясняет, зачем и каким образом жить в скиту, каковы необходимые условия для желающих там жить [1, вып. 22, с. 24–31].

Протоиерей Сергей Третьяков в статье «Учение преподобных старцев Оптинских о первоначальном состоянии человека» цитирует работу свят. Феофана Затворника «Начертание христианского нравоучения»: тело есть «ближайшее орудие души и единственный способ обнаружения ее вовне в настоящем мире», своим устройством оно приспособлено к силам души [1, вып. 26, с. 26–40]. В работе «Учение преподобных старцев Оптинских о грехопадении человека» он ссылается на ту же работу свят. Феофана Затворника, в которой характеризуется развитие греха из пагубных привычек человека [1, вып. 27, с. 37].

В. В. Каширина в статье «Публикации святителя Феофана Затворника в “Афонских листках”» описывает 35 публикаций в 26 выпусках издания русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне [1, вып. 27, с. 91–109].

Представлена хроника Феофановских чтений, других богословско-исторических и прочих конференций, в которых с докладами принимали участие преподаватели и студенты Калужской духовной семинарии. Также в журнале затрагиваются разнообразные вопросы мировой и отечественной истории, истории Православной Церкви, в том числе разнообразных расколов, схизм, революционных волнений; проблемы развития системы образования и воспитания в России, святоотеческое учение о монашеской аскетике, исихазме и умном делании, принципы перевода святоотеческих трудов.

Научный журнал Калужской духовной семинарии «Труды по русской патрологии» выходит с 2019 г. В нем опубликованы статьи, посвященные наследию святителя Феофана Затворника, в том числе его переводам древних святоотеческих поучений на русский язык, исследованиям Священного Писания и литургических текстов на церковнославянском, русском и других языках, а также исследования трудов других русских богословов и святителей.

Список источников

1. Богословско-исторический сборник. Калуга: Калужская духовная семинария, 2003–2023. Вып. 1–27.
2. Труды по русской патрологии. Калуга: Калужская духовная семинария, 2019–2023. Вып. 1–16.

ВЛИЯНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ВУНДТА НА РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. В статье поднят вопрос о важности личности в развитии научных направлений в психологии. Рассмотрены научные труды Вильгельма Вундта. Определен жизненный и профессиональный цикл и вклад в науку. Выделен метод изучения сознания – интроспекция.

Ключевые слова: психология, сознание, элементы, интроспекция, наука

Abstract. The article raises the question of the importance of personality in the development of scientific directions in psychology. The scientific works of Wilhelm Wundt are considered. The life and professional cycle and contribution to science are defined. The method of studying consciousness – introspection is highlighted.

Keywords: psychology, consciousness, elements, introspection, science

Психология как наука основана на философских размышлениях исследователей. Первоначально возник миф, главным достоинством которого является то, что в нём было всё понятно, но особым образом. В процесс многолетних размышлений, когда появились первые философские школы, где осуществлялся поиск причинно-следственных связей устройства мира, появилась на стыке размышлений – психология. Основателем психологии как науки принято считать немецкого врача Вильгельма Вундта.

Вильгельм Вундт (1832–1920) – крупный учёный, физиолог, философ, физик. После окончания местной школы продолжил своё обучение в Тюбингенском университете, позже стал ассистентом Германа фон Гельмгольца [1].

В основе своих исследований Вильгельм Вундт видел экспериментальное подтверждение. Он считал, что все необходимо подвергать сомнению и проводить экспериментальные исследования. На основании личного материала была выпущена книга «Лекции о разуме человека и животных».

В 1875 г. Вильгельма Вундта назначили на должность профессора философии Лейпцигского университета. Немного позже он основывает первую психологическую лабораторию, состоящую с четырех аудиторий. Именно здесь проводились эксперименты профессора. Совместно с учениками в аудиториях записывались наблюдения, первоначально за собственными психологическими реакциями. Далее проводилось обучение испытуемых, где они самостоятельно учились наблюдению за собственными ощущениями, психологическими реакциями, психическими впечатлениями (метод интроспекции).

Сначала Вильгельм Вундт хотел построить психологию как естественную научную дисциплину, основанную на основе элементов. Первым предметом является сознание, а первый метод – интроспекция. Прибор, с которого начинается изучение сознания, – это метроном. Согласно Вундту сознание содержит объективные элементы, та-

кие как ощущения и представления, и субъективные элементы, такие как чувства и эмоции.

Сознание, согласно Вундту ритмично, а значит организовано или структурировано. Элементы внутри поля сознания образуют связи. Таким образом, поле сознания – есть структура и в её центре есть фокусная центральная точка. Эту фокусную точку окружает определённая область, которая называется «Поле внимания».

Вундт установил, что это поле внимания субъекта является ограниченным. Количество элементов, на которые обращено внимание, имеет определённый предел от 3-4 до 6 элементов. Он ввёл понятие объёма сознания и заключил, что количество мест увеличить нельзя, а вот на каждом месте можно образовать другую единицу сознания, которая может интегрироваться в другую систему или заменяться.

Вильгельм Вундт в своих исследованиях использует метод интроспекции. Суть метода в том, что Вундт и его коллеги (предварительно обученные интроспекции) замечали за собой в разнообразных ситуациях и вели отчёт, в котором записывали свои ощущения и переживания.

Важный момент при интроспектировании – нельзя называть предмет, потому что название предмета это всегда какой-то термин, а за термином может стоять понятие. Предметы с помощью соответствующих понятий изучаются в других науках. А психология изучает не предмет, а те впечатления и переживания, которые вызываются предметами. Именно поэтому при интроспектировании важно описать отдельные чистые ощущения.

Главный труд всей жизни профессора Вильгельма Вундта – «Принципы физиологической психологии», туда вошли многие исследования, которые проводились в течение всей жизни психолога [2].

Вильгельм Вундт со своими учениками в психологической лаборатории за 20 лет провели более 100 экспериментов. В начале ставились эксперименты по изучению таких чувств как обоняние, слух, зрение и т. д. Вильгельм Вундт уделял особое внимание, изучая время реакций. Он выяснил, что реакция на раздражитель делится на этапы: восприятие раздражителя, осознание раздражителя, проявление воли. Но у него не получилось выяснить среднее значение реакции, потому что этапы протекания реакций было трудно разграничить [3].

Вильгельм Вундт внёс значительный вклад в развитии психологии. В системе Брайля легко заметить шесть элементов, из которых построена вся система для плохо видящих и слепых людей. Количество знаков не превышает 6 элементов по Вунду. Это основано на теории Вильгельма Вундта, который утверждал, что объём внимания ограничен 6 элементами. Его книги и результаты экспериментов актуальны до сих пор.

Список источников

1. Воробьев В. С., Малых Т. Б. К 100-летию со дня смерти Вильгельма Вундта (1832–1920) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2020. № 4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-100-letiyu-so-dnya-smerti-vilgelma-vundta-1832-1920>.
2. Мазилев В. А. Методология психологической науки: История и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017.
3. Подвойский Д. Г., Хайруллина Л. М. Социологические идеи Вильгельма Вундта // Социологический журнал. 2001. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-idei-vilgelma-vundta>.

О. И. Ивонина

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

КЛИО И КРЕСТ ГЕОРГИЯ ФЕДОТОВА

Аннотация. В статье прослеживается эволюция исторической концепции Г. П. Федотова в контексте его личной и творческой биографии. Сделан вывод об эвристической значимости исследовательской стратегии изучения историком русского зарубежья традиционной для представителей русского религиозного Ренессанса проблематики судьбы России и ее культуры.

Ключевые слова: *Георгий Федотов, историки русского зарубежья, православие, христианский социализм*

Abstract. The article traces the evolution of G.P. Fedotov's historical concept in the context of his personal and creative biography. The conclusion is made about the heuristic significance this strategy of studying the fate of Russia and its culture problem, traditional for representatives of the Russian religious Renaissance/

Keywords: *Georgy Fedotov, historians of Russian diaspora, Orthodoxy, Christian socialism*

Интерес современных исследователей к творчеству Георгия Петровича Федотова (1886–1951), одного из представителей исторической науки русской эмиграции, определяется как тематическим многообразием его работ, так и синтетическим характером его методологии, гармонично объединившей достижения историко-культурной антропологии и философии истории.

Приверженность революционному марксизму и ярко проявившиеся способности выпускника Воронежской гимназии к гуманитарным наукам предопределяют вектор творческих исканий будущего историка на пути синтеза христианского социализма, изучения философии истории и духовной культуры.

На историко-филологическом факультете Петербургского университета с 1908 по 1913 г. его учителями были египтолог Б. А. Тураев, историк Рима М. И. Ростовцев, знаток античной культуры Ф. Ф. Зелинский, профессор философии Н. О. Лосский, специалист по международному праву М. М. Ковалевский, профессора русской истории С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, М. И. Туган-Барановский, новист Н. И. Кареев и медиевист И. М. Гревс. Возможно, этим объясняется интерес Г. Федотова к философии истории, сравнительной культурологии, истории отечественной и западной духовной культуры.

Научная карьера Г. Федотова складывалась удачно: после окончания университета он был зачислен в магистратуру по кафедре всеобщей истории, где после блестящей защиты диссертации в 1916 г. получил должность приват-доцента.

Будучи учеником Ивана Михайловича Гревса – основоположника Петербургской школы медиевистики, Г. Федотов, следуя методу своего учителя, стремился создавать отдельные человеческие образы, выражавшие собой дух эпохи, квинтэссенцию ее культуры. Такой метод постижения истории как биографии рода человеческого

он называл индивидуацией культурно-исторических типов. Эффективность данного метода, продемонстрированная в его первой научной работе – «Исповедь» бл. Августина как источник для его биографии и для истории культуры эпохи», была прозорливо оценена его учителем как перспективная методологическая и жанровая новация, позволяющая сочетать остроту «суровой и мелочно точной критики» источников с «мягкой и тонкой поэтической интуицией».

Органичное сочетание логики, поэтики, аксиологии и психологии в исследовательском арсенале Федотова найдет отражение и во всех последующих его работах. Представляется, что такое понимание ремесла историка, как служителя музы Клио, предвосхитило методологические новации современной исторической науки на путях междисциплинарного синтеза.

Опыт изучения средневековой религиозности повлиял и на мировоззренческие позиции Г. П. Федотова. Обращением в христианство в 1919 г. был сформирован новый вектор его творческих исканий: от истории Средневековья к философским размышлениям о смысле и направленности всемирно-исторического процесса, от агиографии Западной Европы к осмыслению феномена древнерусской святости, от изучения русской религиозности к пониманию национального призвания России и ее исторической судьбы.

Возвращение Г. П. Федотова в лоно православной церкви было закономерным, хотя, на первый взгляд, парадоксальным, поворотом в идейных исканиях русской интеллигенции. Личная неустроенность, опустошенность, угроза голодной смерти и кажущейся гибели России в лихолетье войн и революций, социальный хаос первых лет советской власти – все это делало церковь единственным «спасением побежденных» от отчаяния, символом «нетленной красоты в окружающем мире уродства и насилия» [1, с. XI].

Пафос религиозного возрождения, охвативший российскую интеллигенцию, был проявлением ее исконного радикализма и жертвенности: чуждаясь церкви господствующей, представители интеллектуальной элиты устремились в церковь гонимую, стремясь к ее обновлению на началах свободы и соборности.

Участие самого Федотова в многочисленных христианских кружках и братствах 1918–1924 гг. было отражением его личных надежд и ожиданий на способность русской православной церкви стать силой творческого обновления русской жизни на путях «свободы духа». Освобожденная от союза с государственной властью новая церковь должна была соединить правду социализма и правду христианства, трагически разорванные революцией. Вот что он писал об этом в редакционной статье журнала «Свободные голоса» (издание религиозно-философского общества «Воскресение»): «Социализм, который вел человечество к Царству Божьему на земле, а привел к бездне, должен найти в себе силы для возрождения, для нового рождения... Дерзновенна эта цель, но время требует подвига: спасти правду социализма правдой духа, и правдой социализма спасти мир» [2, т. 1, с. 41].

Позже в эмиграции автор признавал несбыточность надежд русской интеллигенции на синтез христианского духа свободы, демократии и духовного братства, объясняя неудачу русского религиозного Ренессанса спецификой его движущих сил. По мнению Федотова, в движении религиозного обновления произошло подчинение неофитов христианства традиционно обскурантистскому типу религиозности – чуждому социальной проблематике и духовного творчества [2, т. 1, с. 272–273].

В 1925 г. Федотов уезжает для работы в архивах в Берлин, а оттуда – в Париж. В Париже Г. Федотов откликается на предложение своего сокурсника по семинару И. М. Гревса и сотоварища по религиозному братству «Христос и Свобода» С. С. Безобразова стать преподавателем Свято-Сергиевского богословского института. Г. П. Фе-

дотова, как и его коллег по богословскому институту – С. Булгакова, Г. Флоровского, В. Зеньковского, Б. Вышеславцева, В. Ильина, К. Мочульского – объединяло желание послужить будущей России «сохранением ее духовного наследия и содействием раскрытию его вселенского призвания». Одновременно с преподаванием агиологии, латыни и истории Западной церкви в Богословском институте, Г. П. Федотов активно участвовал в работе социалистической Лиги. Общим мотивом педагогической и общественно-политической деятельности русского мыслителя в эмиграции было стремление к преобразению хаоса русской социальной и духовной жизни в упорядоченный космос. Христианство с его духом аскезы и внутренней дисциплины и социализм с его идеалом хозяйственной организации представлялись Федотову двумя созидательными историческими силами, способными организовать новый гуманистический порядок [3].

Новый социальный проект мыслился ему реализуемым в активной жизненной позиции интеллектуала. Такую позицию демонстрировал он сам, участвуя в Русском студенческом христианском движении (РСХД), организации «Православное дело» и многочисленных религиозных объединениях. Возникшие как миссионерские организации, они постепенно превратились в союз единомышленников, стремящихся найти христианские решения актуальных социально-политических и мировоззренческих проблем.

В обстановке непрекращающейся борьбы различных течений эмиграции вокруг «русской идеи» Г. П. Федотов создает школу «русского дела» – строительства новой православной русской культуры. Основные черты этого религиозно-культурного проекта получили отражение на страницах созданного им совместно в И. И. Бунаковым-Фундаминским и Ф. А. Степуном журнала «Новый Град: философский, религиозный и культурный обзор». В первом номере Г. П. Федотов так определял задачи этого издания: «Признание свободы личности отделяет нас от большинства т. н. пореволюционных течений русской политической мысли, с которыми нас роднит понимание политического кризиса и воля к новой организации жизни... Мы должны быть с теми, кто готов бороться, готов странствовать – не в пустыню, а к Новому Граду, который должен быть построен нашими руками, из старых камней, но по новым зодческим планам» [4, с. 374–375].

Метафизические рассуждения новоградцев имели вполне конкретный адрес и предмет анализа – Россию в ее прошлом и будущем, национальном и вселенском. Позже, в брошюре «Зачем мы здесь?» Федотов прямо указывал на то, что единственное оправдание и признание русской эмиграции в том, чтобы «стать голосом всех молчащих там», чтобы восстановить целостность русского духа, осуществить дистилляцию духовной эссенции и стать живой связью между вчерашним и завтрашним днем России» [5, с. 439–440].

Полифония «Нового Града» была объединена общей темой судьбы России, размышлениями над альтернативами ее истории и духовной культуры. «Новый Град» искал Россию Христа за внешней личиной России Ксеркса. Это предопределило и общность авторского подхода к российской феноменологии – Россию Христа можно было увидеть только глазами православного верующего в нее. Поиск сокровенного лица России отразился во всех последующих трудах Г. П. Федотова: «Святые Древней Руси», «Стихи духовные», «И есть и будет», «Русское религиозное сознание», «Сокровища русской духовности».

Идейное богатство русского мыслителя дополнялось его блестящим литературным стилем, позволившим опубликовать сотни очерков, эссе, полемических заметок и аналитических статей в самых разных органах русской эмиграции: евразийских «Вестах», бердяевском «Пути», «Новой России» Керенского, эсеровском «За свободу», «Современных записках», «Числах», «Православной мысли», «Вестнике РСХД».

По воспоминаниям М.В. Вишняка, «автор сразу привлек к себе внимание блеском пера, большой эрудицией, часто рискованными историческими аналогиями, оригинальными парадоксами, страстной эмоциональностью. Богданов-Федотов (литературный псевдоним автора – О. И.) начал с того, что рассчитался со всеми: с народниками и марксистами, реакционерами и анти-большевиками – демократами, с русским народом и его интеллигенцией... Сам автор ратовал за всеобщее просвещение светом Христовым... за прояснение особого призвания России» [6, с. 250].

Слава «Герцена нашего времени», «первого публициста эмиграции» позволила акцентировать внимание широкой общественности на проблемах войны и революции, культурного декаданса Европы, эволюции пореволюционной России, «сталинокрапии», национальной идентичности и нового российского патриотизма.

1939 г. стал рубежным в творческой и личной биографии историка. Либеральный тон публикаций Г. Федотова в эмигрантской прессе по актуальным проблемам политической и культурной жизни Европы руководство Богословского института сочло несовместимым со статусом профессора и потребовало отставки Федотова. Выступить в защиту своего коллеги осмелился только Н. Бердяев, прозрачно намекнувший в своей статье «Есть ли в православии свобода мысли и совести» на традиционный обскурантизм и сервилизм исторического православия, унаследованный и современной церковью: «Нет ничего ужаснее тех выводов, которые были сделаны в историческом православии из идеи смирения и послушания. Во имя смирения требовали послушания злу и неправде. Это превратилось в школу угодничества. ...Русское духовенство, Иерархи церкви всегда трепетали перед государственной властью, приспосаблились к ней и соглашались подчинить ей церковь. Это осталось и сейчас, когда нет уже, слава Богу, лживого "православного государства"» [7, с. 46–54].

В 1939 г. вышел последний, 14-й номер журнала «Новый Град», а в 1940 г., после оккупации Парижа, Г. Федотову пришлось перебраться на юг Франции, а оттуда, благодаря содействию Американского Еврейского рабочего комитета, в США. С 1941 по 1943 г. Г. П. Федотов преподавал в семинарии Йельского университета, а с 1944 г. – в Свято-Владимирской православной семинарии в Нью-Йорке.

Американский период творчества Г. Федотова отмечен его сотрудничеством с «Новым журналом», где были опубликованы его статьи, подводившие итог авторским размышлениям об исторической судьбе России: «Загадки России» (1943), «Рождение свободы» (1944), «Россия и свобода» (1945), «Судьба империй» (1947), «Христианская трагедия» (1950).

В соответствии с замыслом «философской истории России», Г. Федотов стремился найти объяснение особенностей ее исторического развития, используя предельные метафизические категории Царства Божьего, Преображения, Апокалипсиса. Он полагал, что трагедия русской революции сделала главной задачей постреволюционной историографии философское изучение русского исторического процесса на путях пересмотра прежних традиций, западной и славянофильской, ... освобождения от исторических предрассудков» [2, т. 1, с. 125].

Квинтэссенцией христианской историософии Г. П. Федотова является понимание человеческой истории как всемирного процесса манифестации свободы человека. Свободное творчество представлялось русскому мыслителю в контексте извечного выбора между культурой и варварством, универсализмом и национализмом, приближением к божественным идеалам и отпадением от них.

Г. П. Федотов полагал ошибочным представление о линейно-прогрессивной направленности всемирной истории. Г. П. Федотов противопоставил ему свое понимание истории, где главным действующим фактором является свобода человека, и это значит, что исход истории не предрешен, так как в ней взаимодействует множество

альтернативных векторов развития и невозможно предугадать заранее победу какого-либо из них.

Такое понимание альтернативности истории, созвучное мироощущениям его коллег и единомышленников (Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка), было усилено личным опытом переживаний вакханалии революции и гражданской войны в России, торжества европейского тоталитаризма и катастрофы Второй мировой войны.

Драма русской истории представлялась Г. Федотову трагедией противоборства свободы и социальной справедливости, ориентализации и вестернизации, предопределившей неизменную альтернативность русского исторического процесса. Пожалуй, никто из русских историков не выразил с такой полнотой, как это сделал Г. П. Федотов, представления о России как потенциально-западной стране, подвергающейся насильственной ориентализации и ответной революционной вестернизации.

В свою очередь, альтернативность русской истории определялась как внешними, так и внутренними факторами. К внешним факторам автор относил географическое положение страны на периферии Востока и Запада, обусловившее противоречивое влияние на нее соседних социокультурных образований.

Внутренним фактором русской истории автор считал особенности религиозного сознания народа. По мнению историка, массовое религиозное сознание отличали как неполнота понимания христианства, так и актуальность языческих глубин массовой психики. Автор полагал, что русские лучше всех других культурных народов сохранили природные, дохристианские основы народной души [8, р. 371].

В атмосфере переживания далекого и жестокого Бога сформировался чуждый подлинному христианству «религиозный национализм» – представление о богоизбранности и мессианском характере русского этноса – носителя вечной божественной правды с его особо строгим, обрядовым благочестием и религиозной ревностью, доходящей до самоотречения от всего сугубо человеческого. Результатом победы такого самосознания становится утрата Церковью дистанции относительно государства, поскольку и само государство сакрализуется как орудие божественного избранничества, оплот подлинной веры [9, с. 74].

В работах американского периода творчества историк окончательно противопоставляет имперский характер российской государственности задачам социокультурной модернизации страны. Современная Россия демонстрировала, по его мнению, трагический разрыв с классическим культурным наследием, языческий комплекс имперского сознания, чреватый срывом страны в пропасть «нового варварства». Мыслитель писал: «Имперское сознание питалось не столько интересами государства – тем менее народа, – сколько похотью власти: пафосом неравенства, радостью унижения, насилия над слабыми. Этот языческий комплекс ... обозначил кричащее противоречие между политической государством и заветами ее духовных вождей. Русская литература была совестью мира, а государство – пугалом для свободы народов» [2, т. 2, с. 327].

Таким образом, Империя ставится автором в жесткую оппозицию русской культуре и ее вселенскому призванию – преобразению мира на путях создания всемирного братства народов, фундаментом которого должны стать идеалы свободного творчества и христианского социализма.

Историческая концепция Г. П. Федотова по-своему обозначила итог размышлений историков русского зарубежья над проблемой судьбы России и христианской культуры. Несмотря на трагический тонус авторской историософии, следует признать, что синтез православия и социализма оставался жизненным и творческим кредо Георгия Федотова на протяжении всего эмигрантского периода его творчества – с 1925 по 1951 г.

Список источников

1. Федотова Е. Н. Георгий Петрович Федотов // Федотов Г. П. Лицо России. Paris, 1988.
2. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. Т. 1. СПб. : София, 1991. 350 с.; Т. 2. СПб. : София, 1991. 372 с.
3. Федотов Г. П. Идея России и формы ее раскрытия (Ответ на анкету Революционного клуба) // Новый Град. 1934. № 8.
4. Федотов Г. П. Новый Град // Новый Град : сб. ст. Нью-Йорк, 1952.
5. Федотов Г. П. Зачем мы здесь? // Современные записки. 1935. № 58.
6. Вишняк М. В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, Indiana. 1957. 333 с.
7. Бердяев Н. А. Существует ли в православии свобода мысли и совести? // Путь. 1939. № 59.
8. Fedotov G. P. The Russian Religious Mind. Vol.1. Kievan Christianity. The Tenth to the Thirteenth Centuries. Cambridge, Mass., 1946. xvi, 431 p.
9. Федотов Г. П. О святости, интеллигенции и большевизме. СПб. : Изд-во С. Петербург. ун-та, 1994. 149 с.

Е. В. Севостьянова

Читинский институт (филиал)

Байкальского государственного университета

Чита, Россия

**«МНОГИЕ И САМИ ОСОЗНАЮТ ТОТ ВРЕД,
КОТОРЫЙ ПРИЧИНЯЮТ, НО ПО СОБСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЕ
ВРЯД ЛИ ПРЕКРАТЯТ...»:
ФОРМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Аннотация. Рассматриваются направления и формы негосударственных (общественных) инициатив просветительской экологической направленности в неземской Забайкальской области. Лидерство инициирования общественного участия первоначально принадлежало государству, но к началу XX в. общественность организовала и опробовала многообразие форм.

Ключевые слова: Забайкальская область, общественные инициативы, экологическое просвещение, научные общества, культурно-просветительские общества

Abstract. The author examines the directions and forms of non-governmental (public) initiatives of an ecological orientation in Trans-Baikal region. The leadership of initiating public participation originally belonged to the state, but by the beginning of the XX century, the public had organized and tested a variety of forms.

Keywords: Trans-Baikal region, public initiatives, environmental education, scientific societies, cultural and educational societies

К проблемам от которых зависит существование человечества, несомненно, относятся связанные с сохранением природной среды, в решении которых важное место занимает формирование природосообразной ментальности и экологической компетентности [1]. В рамках заявленной проблематики исследователями рассматривалась динамика экологического законодательства, роль государства и научных обществ Байкальского региона в природоохранной деятельности, формы привлечения населения к исследованиям [2–5]. Цель статьи – анализ форм негосударственных (общественных) инициатив экологической направленности, рассчитанных на широкие круги населения, выявление инициаторов и динамики.

Необходимость формирования экологической культуры населения осознавалась деятелями культуры и представителями забайкальской власти. Так, описывая природу Забайкалья в 1852 г., Н. Щукин отмечал, что лесов здесь «такое изобилие, что жителям и в голову не приходило сбережение их» [6]. Варварское истребление лесов в Забайкальской области отмечал военный губернатор. По его оценке, лесом владеют, «пользуются и распоряжаются все без исключения и в этом своем праве не поступаются ни перед кем, на сбережение его не тратиться ничего». По подсчетам Нерчинского горного округа, на удовлетворение нужд населения (промышленность, винокурение, стро-

ительство) за 1853–1885 г. ушло 1 152 000 десятин. Если в области в 1853 г. было 23 586 250 десятин леса, а в 1884 г. – около 5 469 200 десятин лесов, следовательно, было «истреблено непроизводительно» около 16 965 052 десятины. Губернатор предлагал запретить рубку леса вблизи городов и селений, упорядочить вырубку разметкой просек, ввести в обязательство очищение вырубленного пространства, «неуклонно требовать», чтобы на борьбу с пожарами выходили жители ближайших селений. Как писал военный губернатор, «в правдоподобии этого вывода не усомнится тот, кто видел область весной, когда она представляет общее пожарище горящих лесов, дым от которого застилает солнце» [7, с. 17–19]. Природоохранные инициативы власти приветствовала региональная пресса. Так, в 1892 г. газета «Восточное обозрение» сообщала, что генерал-губернатор А. Д. Горемыкин выехал в Петербург с целым рядом проектов, направленных на преобразование разных сторон жизни Восточной Сибири, в том числе «учреждении штатов лесных ревизоров», «устройства лесного хозяйства близ больших городов и сплавных рек» [8]. Однако ни материальных, ни людских ресурсов у власти не было: «если и утвердить особый надзор за употреблением лесов, то по обширности таковых и малонаселенности края, надзор этот должен быть сделан в огромном размере ... иначе он не принесет существенной пользы» [9, с. 38].

Низовые природоохранные инициативы упоминаются в исследованиях и источниках, но они были редки. Так, корреспондент журнала «Забайкальский хозяин» писал, что в станице Могойтуевской еще в 1871 г. особым приговором станичного общества склон горы с рощей площадью до 300 десятин был объявлен «защитным», жители выбрали особого «полесовщика», освободили его от всех податей и отправили караулить склон, чтобы «никто, никогда, ничего не рубил» [10, с. 25]. Для массового поведения были характерны другие установки. Корреспондент «Восточного обозрения» из Горного Зерентуя Забайкальской области в 1899 г. просил «обратить уже внимание на беспощадное истребление лесов», в результате которого за 10–12 лет исчез не только строевой лес, но и березки толщиной в полтора вершка. Из жителей окрестных селений «едва ли 20 %» рубили лес для хозяйственных нужд в местах для этого отведенных, остальные предпочитали «вырубать все дочиста» вблизи селений. По мнению корреспондента, несмотря на то, что «многие из них и сами осознавали тот вред, который причиняли», но тем не менее, «по собственной инициативе вряд ли прекратят» хищническое истребление [11]. Устойчивой традицией было «пускание палов» с апреля по июнь. Современники не раз сетовали, что казаки ближайšie леса вырубали или выжгли, «отчего великолепные некогда пастбища и луга теперь не существуют». В условиях Забайкалья приграничное казачество спасала возможность использовать монгольские пастбища, сенокосы и леса на протяжении «едва ли не всей границы». Нередки были сообщения о том, что леса поджигаются специально, с целью получить сухостой. В целом общественность осознавала последствия хищнического отношения к природе: уменьшение промыслового зверя, иссушение рек и озер, уменьшение плодородия почвы, изменение климата, когда «конечным результатом станет невозможность существовать в области ни одному живому существу». В рассматриваемый период все чаще пресса утверждала, что в условиях региона спасти природные ландшафты с помощью административных мер нет никакой возможности, остается одно – «пробудить сознание общественной ответственности за растрату национальных благ» и «общей солидарности в деле их сохранения». Однако привить такие социальные свойства можно только путем длительного воспитания в общественной самодеятельности и социальном творчестве [12].

Во второй половине XIX в. в Российской империи, в связи с существенным «оскудением дичи», правительство стало стимулировать появление специальных охотничьих обществ. В 1872 г. был утвержден Устав Императорского общества размноже-

ния охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, которое стало стимулом и организационной основой для объединения охотников в губерниях и областях империи. В уставе было записано, что основная цель – способствовать размножению животных, «направить русские промыслы и охоты на более рациональный путь», сохранять полезных и истреблять «вредных» животных [13, с. 4]. Инициатива была актуальна для Забайкалья, с его промысловым обилием. Избыточный промысел был характерен и в целом для Восточной Сибири, на которую правила об охоте периода 1882–1892 гг. не распространялись. Так, в 1902 г. газета «Восточное обозрение» писала, что истребление маралов (рога имели особую ценность в Китае) «каждый год было столь безжалостно, что от животного не остается и следа» [14]. В системе традиционного хозяйствования коренных народов существовали ограничения в виде табу или традиций на добычу рыбы и зверей («чрезмерную добычу», отстрел птенцов), на способы охоты (промысел копытных по насту). У крестьян Забайкалья были маральи и изюбриные питомники. Однако массового распространения опыт не имел. Селенгинские буряты жаловались, что если они «стараятся соблюдать правила охоты в своих лесах», то переселившиеся крестьяне, особенно семейские, не обращают на эти устои «ни малейшего» внимания и «беспощадно истребляют леса»: вырубает лучшие строевые деревья, жгут лес, чтобы приманить на эти гари косуль. В 1892 г. селенгинский корреспондент «Восточного обозрения» сетовал, что на первый взгляд тайга и горы по р. Чикой еще сохраняли «девственный вид», но «истребительный звериный промысел, практиковавшийся надвинувшимися русскими пионерами», уже дал «печальные результаты» [15]. В 1912 г. сельскохозяйственный съезд Забайкалья высказался за крайнюю необходимость распространить на область общее законодательство об охоте [16].

В 1887 г. «для сохранения промысловой фауны» был создан Забайкальский отдел Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, действовавший в Чите до 1917 г. Через год в Обществе состоялось 79 действительных членов (обязательно рекомендованных двумя членами, выбранные тайным голосованием и с взносом единовременно 500 руб., или 50 руб. ежегодно), 4 непременных (лица, участие которых «желательно и полезно для Общества по их ученым трудам, личному или общественному положению», от взносов они были освобождены, но Общество надеялось на их «нравственное содействие») и 40 членов-любителей (избранные открытым голосованием и «исполняющие поручения Общества») [17]. В 1898 г. действительных стало 130, непременных 6, любителей 8. У Общества были ипподром, библиотека, начали собирать музей, ввели правила охоты. Однако широкой просветительной программы не было, охота для членов Общества была способом проведения досуга, спортом.

С конца XIX в. вопросы изучения, охраны и рационального использования природных богатств ставили научные общества, прежде всего филиалы Императорского Российского географического общества (ИРГО). Активизация научной деятельности была связана с изменением геополитической роли Забайкалья. Имперская и региональная власти понимали, что реализация новых целей невозможна без создания местного культурного и научного потенциала. В Забайкалье были открыты отделения Приамурского отдела ИРГО в Чите и Троицкосавске (в 1894 г.), которые внесли значимый вклад в развитие науки. В 1897 г. в Читинском отделе было 182 человека (из них горожан 88, в основном чиновников и военных), в Троицкосавско-Кяхтинском к 1 января 1903 г. – 116 (27 иногородних) [18, с. 41]. Долгое время последний был единственным уездным, в 1916 г. поступило ходатайство об открытии подотдела в г. Верхнеудинске. Пресса отмечала, что два отделения на всю область явно недостаточно, но стоит приветствовать «осознание необходимости привлечь к делу изучения страны мало-мальски сочувствующих и пригодных». Д. М. Головачев в статье «Организация местных исследований» при-

звал активнее привлекать к естественно-историческому наблюдению местных жителей, всех, «у кого есть желание принести пользу краю». Автор был убежден, что при отсутствии земства, малочисленности населения, огромных расстояниях, крайне малом количестве образованных людей, все же можно найти тех, кому не чужды «умственные интересы»: учителя, священники, врачи и «те случайные люди, которые волею судеб попали в сибирскую глушь», могли бы принести пользу своими наблюдениями при наличии специально составленной программы, рассчитанной на таких любителей. Более утилитарные цели ставили Общества изучения Сибири – не только изучать, но и содействовать проведению социальных и экономических преобразований, широко заниматься просвещением. Забайкальское стало первым в Восточной Сибири отделом Общества изучения Сибири. Количество членов Общества на всём протяжении деятельности было небольшим (от 43 до 57), но более демократичным.

Одной из первых форм просвещения стали музеи, открытые в Чите, Троицкосавске и Нерчинске. Об интересе населения свидетельствуют быстрые темпы увеличения коллекций. Например, Нерчинского музея: 1887 г. – 1479 экспонатов; 1888 – 4 027, а к 1892 – 14 133 [18, с. 7]. В 1904 г. председатель Читинского отделения ИРГО Д. М. Головачёв, отмечал, что основная часть пожертвований была внесена малыми суммами. В период Первой мировой войны интерес возрос: почти ежедневно в музей обращались с запросами, приносили для определения горные породы («никогда не выполнялось столько разнообразных практических задач»). В начале XX в. появляются музеи в сельских поселениях и малых городах. Читинское отделение ИРГО способствовало организации музеев в с. Усть-Кяхта, с. Ундинское, в г. Акше, на ст. Бухэду КВЖД. Отметим, что в 1903 г. пресса сообщала о существовании музея в Илеме Нерчинского округа, созданного крестьянином, который «всю жизнь посвятил изучению ископаемых своей окрестности». Музей содержался в образцовом порядке, высылал экспонаты на читинскую выставку, в Нерчинский музей. Члены научных Обществ создавали атмосферу общественного интереса, переходили к просветительской деятельности путем привлечения населения созданию музеев. А. К. Кузнецов писал в 1893 г., что при помощи музеев «будет пробита стена, отделяющая университетскую науку от народных масс». В целом музеи рассматривались как хранилище редкостей, собрание учебного материала, как справочный пункт; происходила постепенная демократизация и популяризация исследовательской деятельности, так или иначе влиявшая на формирование общественного сознания. Огромное образовательное значение музеям придавал В. П. Вахтеров, рассматривавший их как научно-образовательные и просветительские центры, а «в мечтах» – с богатыми местными коллекциями, лабораториями, курсами, съездами для учителей, мастерскими для дешевых наглядных пособий. опытным полем [20, с. 166–170].

Таким образом, в целом количество лиц, проводивших научные изыскание в Забайкалье, оставалось небольшим, но формы привлечения населения расширялись. Формированию общественного интереса способствовали: издательская деятельность (Троицкосавско-Кяхтинское отделение за 1894–1914 г. опубликовало 174 работы 65 авторов), проведение открытых собраний, публичных общедоступных лекций; создание библиотек и музеев и привлечение населения к сбору экспозиции; привлечение к эмпирическим наблюдениям по специально составленной программе и к участию в анкетировании.

Стремление интеллигенции повлиять на формирование нового типа общественного сознания породило разные формы внешкольного просвещения детей [20]. К формам экологического просвещения можно отнести праздники древонасаждения, сбор музейных коллекций, экскурсии разных типов и длительности. Это соответствовало как общественной потребности, так и передовым педагогическим теориям. Так, в 90-е гг.

XIX в. Московский комитет грамотности и II съезд деятелей по профессиональному и техническому обучению провели анкетирование «лиц, близко стоящих к школе и народу» о всеобщем обучении, программах и планах преподавания в народной школе. Большое число опрошенных отмечали необходимость сообщать в начальных школах сведения о природе. Респонденты писали о необходимости в процессе обучения учитывать формирование «сознательного отношения к природе», о «наглядном и разностороннем знакомстве с окружающим миром», как с «главными условиями существования человека». Много писал об образовательном, воспитательном и практическом значении экскурсий (географических, природоведческих, геологических и т. п.) В. П. Вахтеров, сам их проводил и описал методику проведения. Он был убежден, что воспитание внимания и любви к природе обусловлено живым наблюдением («видят, слышат, держат в руках, нюхают») во время «беседы в поле, в лесу, на экскурсии, на прогулке», во время путешествия. Изучая естественные науки, формируя представление о законосообразности в природе, с раннего детства наблюдая природу, человек «определяет свое место в ней»: что может и что не в силах изменить, в какой мере зависит от природы и в какой мере природа может быть изменена «под влиянием человеческих усилий». Книги Вахтерова пользовались огромной популярностью в поздней имперской России. В начале XX в. полезность экскурсий признали и учебные власти. Так, в 1914 г. МНП рекомендовало как справочник по организации экскурсий журнал «Русский экскурсант» [21, л. 56].

Забайкальское общество учителей отмечало, что школьное обучение необходимо дополнить внешкольным. Как считали современники, пребывание в течение хотя бы части дня в педагогически контролируемой среде сублимирует интересы и «оздоравливает привычки». Некоторые учителя полагали, что в начальной школе экскурсии должны преобладать над классными занятиями, поскольку дают такое богатство восприятия, которое не могут дать учебники или наглядные пособия [23]. В программе Читинского отделения Санкт-Петербургского Родительского кружка, открытого 3 декабря 1913 г, важное место занимали естественно-научные знания: ознакомление с миром растений, животных, физическими явлениями. Отметим, что с этой же целью Читинское отделение ИРГО организовало научный кинематограф. Предполагалось до минимума сократить использование учебников и увеличить количество образовательных прогулок и экскурсий, которые особенно важны для городских детей, чтобы «подружить с природой», но в условиях официальной системы образования сделать это было сложно. В открытом Читинским филиалом Санкт-Петербургского Родительского кружка общественном детском саду (дети до 9 лет) старшие группы летом ходили в лес, где проводились образовательные беседы о флоре и фауне, дети собирали грибы, ягоды, им устраивали чаепития на природе. Для педагогов и родителей периодически устраивали лекции («Как использовать лето для знакомства детей с природой», «О знакомстве детей с природой по системе американской школы») [24, л. 65, 66]. В начале XX в. полезность детских садов признала забайкальская Дирекция народных училищ.

Отметим, что после смены политического режима идеи экологического просвещения не исчезли. В 1917 г. И. Н. Жуков адаптировал для Забайкалья скаутское движение и разработал масштабную игру-экскурсию «Забайкальский экспедиционный корпус» (600 детей), где во время длительного похода дети учились находить и самостоятельно определять виды флоры и фауны, собирали минералы [25]. Инициатива стала исходить и от самих учеников. Так учащиеся читинских школ в 1918 г. решили создать ученический кооператив «Первый шаг», при котором была секция естествознания, открытая с целью «посильного» исследования природы (первоначально окрестностей Читы). Для сбора экспонатов для музея экскурсии проводил археолог В. Я. Толмачёв [26].

Еще одна инициатива начала века – праздники древонасаждения для детей. Активным популяризатором их был член ИРГО М. Любомудров – автор брошюры «О необходимости общественной инициативы в успехах отечественного лесоводства и древонасаждения». Автор, рассылая брошюру по всем общественным объединениям, уверял, что лесоразведение как дело новое требует проявления общественной инициативы, имеет не только практические цели, но и воспитывает бережное отношение к природе [19]. В 1902 г. съезд Забайкальских инспекторов народных училищ решил, что организацию праздников древонасаждения нужно всячески и повсеместно поощрять, но денег на их проведение администрация не выделяла. Поэтому праздники, требовавшие значительных материальных затрат, не стали ежегодными. Из уездных городов проведены в Акше, в Нерчинске устраивали показательные уроки по посадке деревьев. Широкою трудовую и просветительскую программу имел приют на переселенческом пункте в Бушулее, который был открыт 15 декабря 1915 г. [27] Но в силу времени реализовать ее не удалось. Однако в целом идеи лесовосстановления стали популярны. Весной 1916 г. Войсковое хозяйственное правление Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) заложило питомник с целью снабжения учреждаемой при ЗКВ лесной опытной станции и лесничеств области саженцами для возобновления облесившихся вырубок и гарей, а также для борьбы с песками [28, с. 2–8]. В 1916 г. была произведена подготовка участка и 30 апреля 1917 г. – посадка саженцев кустарников (акация Маака, смородины, малины, желтой акации, сирени) и деревьев (бальзамического тополя, сосны, лиственницы, ели, кедра и др.)

Таким образом, природоохранное и экологическое просвещение отставало от осознания существующих проблем на десятилетия. Лидерство инициирования общественной помощи первоначально принадлежало государству (общества охотников, отделения ИРГО), однако к началу века общественные инициативы породили многообразие форм экологического просвещения (как непосредственных, так и опосредованных). В условиях Забайкалья охват населения был небольшим, однако направления в целом соответствовали общероссийским. С начала XX в. активно развиваются формы экологического просвещения детей. В целом в начале века понимание необходимости рационального использования и охраны природы стало сферой взаимодействия общественности и власти.

Список источников

1. Сборник материалов и докладов VI Всероссийской научно-практической конференции по экологическому образованию / под общ. ред. В. А. Грачева. М. : Неправительственный экологический фонд имени В. И. Вернадского, 2020.
2. Кренке А. Н., Чернавская М. М. Развитие экологического законодательства в дореволюционной России (1649–1855) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2009. № 4. С. 17–27.
3. Кренке А. Н., Чернавская М. М. Экологическое законодательство России в период 1855–1913 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2010. № 5. С. 17–30.
4. Островская И. М. История становления и развития природоохранной деятельности государства в дореволюционной России // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 1. С. 197–201.
5. Курьшова И. В. Научные общества и вопросы охраны природы в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7, № 1. С. 60–72.

6. Щукин Н. Забайкальская область // Мосвитянин. 1852. № 13. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/Burjatia/XIX/Sukin_N/text1.htm.
7. Обзор области. Приложение к отчету военного губернатора Забайкальской области за 1884 г. // Обзор Забайкальской области за 1884 г. Чита, 1885.
8. Вагин В. Новые проекты // Восточное обозрение. 1892. № 38. С. 1–4.
9. Олейникова Ю. В. Влияние государственного вмешательства в природо-пользовательную деятельность сибирских крестьян в середине XIX в. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII – XX вв. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 1999. С. 38–40.
10. А. Ш. из Могойтуя // Забайкальский хозяин. 1913. № 6. С. 25–27.
11. Корреспонденции. Горный Зерентуй // Восточное обозрение. 1899. № 38. С. 2–3.
12. Обыватель. Экономическое положение Баргузинского уезда // Восточная заря. 1910. № 170. С. 2–3.
13. Устав Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, состоящего под председательством Великого князя Владимира Александровича. Аккерман : Тип. И. Малая, 1887.
14. Сибирские вести // Восточное обозрение 1902. № 136. С. 1.
15. В глухом углу // Восточное обозрение. 1892. № 38. С. 11–12.
16. П. Ш. Сельскохозяйственный съезд // Думы Забайкалья. 1912. С. 2–3.
17. Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=5223>.
18. Севостьянова Е. В. Формы привлечения широкой общественности к научной деятельности и проблемы популяризации науки в Забайкалье (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Восточно-сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2 (7). С. 41–46.
19. Севостьянова Е. В. Основные направления реализации общественных инициатив в сфере внешкольного просвещения детей в Восточной Сибири в последней четверти XIX – начале XX вв. // Педагогика и просвещение. 2021. № 2. С. 54–76.
20. Вахтеров В. П. Предметный метод обучения. М. : Тип. Тов. И. Д. Сытина, 1918.
21. Государственный архив Иркутской области. Ф. 124. Оп. 1. Д. 498.
22. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 286.
23. Арепьев Н. Ф. Родительский кружок в Петербурге. СПб. : Тов. художественной печати, 1906.
24. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 26а.
25. Константинов А. В. Скауты и юнисы И. Н. Жукова // Гуманитарный вектор. 2009. № 1. С. 21.
26. Севостьянова Е. В. Общественные объединения в Чите в период Гражданской войны и режима атамана Г. М. Семёнова (1918–1920): основные направления деятельности // Забайкалье историческое : материалы IX Межрегиональной научно-практической конференции. Чита : Забайкальский государственный университет, 2020. С. 47–54.
27. Севостьянова Е. В. Опыт создания земледельческой колонии в Забайкалье в период Первой мировой войны: неизвестная страница истории // Забайкалье историческое : материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции. Чита : Забайкальский государственный университет, 2018. С. 56–63.
28. Кузнецов С. Первый год существования центрального войскового питомника // Забайкальский хозяин. 1917. № 2. С. 2–8.

А. С. Карелин

*Кемеровский государственный институт культуры
Кемерово, Россия*

А. Н. КОРОБЕЦКИЙ – ВЕТЕРАН СПОРТА И ТАЛАНТЛИВЫЙ ОРГАНИЗАТОР ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОРОДЕ КЕМЕРОВО

Аннотация. В послевоенный период советское государство прикладывало немалые усилия для развития массового физкультурно-спортивного движения. Это требовало самоотдачи, инициативы и активной гражданской позиции от людей, непосредственно отвечавших за выполнение поставленной задачи. В этом отношении для города Кемерово важную роль сыграл А. Н. Коробецкий, который более 30 лет посвятил развитию там физической культуры и спорта, а также внедрению новых форм организации массовой физкультурно-спортивной работы в городе.

Ключевые слова: *физическая культура и спорт, производственная гимнастика, физкультурно-оздоровительная работа, массовый спорт, спортивные соревнования*

Abstract. In the postwar period, the Soviet state made great efforts to develop a mass physical culture and sports movement. This required dedication, initiative and active citizenship from the people directly responsible for the task. In this regard, an important role for the city of Kemerovo played A.N. Korobetsky, who spent more than 30 years devoted to the development of physical education and sports there, as well as the introduction of new forms of organization of mass physical culture and sports work in the city.

Keywords: *physical culture and sport, industrial gymnastics, physical culture and health work, mass sports, sports competitions*

В послевоенный период в Советском Союзе силами государственных и общественных организаций активно велась работа по созданию условий для развертывания массового физкультурно-спортивного движения в стране и повышения уровня спортивного мастерства. Подчеркивалось, что занятия физической культурой и спортом (далее – ФКиС) помимо их общедоступности должны были являться важным средством укрепления здоровья граждан, их всестороннего развития и выполнять функцию социализации личности.

Проблемы развития массового физкультурного движения в Кемеровской области обсуждались на III Областной конференции ВКП(б), которая проходила 22–24 февраля 1949 г. Помимо этого, проводились собрания партийного, комсомольского и физкультурного актива, где кроме разработки мер, направленных на увеличение числа коллективов ФК и усиление работы по вовлечению городской и сельской молодежи в физкультурно-спортивное движение, звучала также критика в отношении недостатков в работе областного Комитета по делам ФКиС [1, с. 4]. В этой связи к середине 1950-х гг. наблюдалось заметное увеличение руководством области бюджетной статьи расходов на финансирование массового спорта в регионе [2, с. 102–103].

В этих условиях свою трудовую деятельность в Кемеровской области начал Андрей Николаевич Коробецкий (1910–1978), уроженец г. Ростов-на-Дону, где до Великой Отечественной войны он работал инструктором по легкой атлетике в разных спортивных обществах. После службы в рядах Красной Армии в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. его дальнейшая судьба и карьера оказались тесно связанными с Кемерово.

Благодаря материалам, обнаруженным в фонде «Д. 115: Коробецкая Е. П.» архива Музея физической культуры и спорта Кузбасса (далее – Музей ФКиСК) удалось установить, что Андрей Николаевич в 1946–1947 гг. работал в областном КФКиС вначале тренером по легкой атлетике, а затем заместителем председателя Комитета А.Д. Краснова. В этот период он лично продолжал участвовать в спортивных соревнованиях по легкой атлетике. Однако уже в июле 1948 г. он был переведен на должность инструктора по физической культуре Кемеровского азотно-тукового завода. Позднее в апреле 1959 г. он занял должность председателя Кемеровского городского союза спортивных обществ и организаций (далее – Горспортсоюз). Наконец, с 1964 по 1976 г. А. Н. Коробецкий был директором кемеровского стадиона «Химик» [3].

В течение 1950-х–1960-х гг. в Кемеровской области, как и в СССР в целом, получили распространение различные формы массового привлечения граждан к занятиям ФКиС. Одной из таких форм являлось повсеместное внедрение производственной гимнастики. Советскими медиками было доказано, что гимнастика и физические упражнения быстро создавали благоприятные условия для продуктивной деятельности коры мозга, что развивало внутреннюю дисциплину и собранность. Само ее проведение рекомендовалось через 2–3 часа после начала работы в среднем по 5–7 минут [4, с. 29–31].

Производственная гимнастика обычно проводилась в форме утренней гимнастической зарядки, физкультминутки и физкультпаузы. Благодаря справкам, составленным А. Н. Коробецким как председателем Горспортсоюза, известно, что в Кемерове в 1961 г. производственная гимнастика проводилась в 35 организациях города с числом охвата 11 201 чел. [5, л. 6–7] Контролируя это направление работы, Андрей Николаевич хорошо понимал принципы ее организации, так как он имел опыт проведения подобных мероприятий как инструктор физической культуры на азотно-туковом заводе, который в то время являлся одним из передовых в Кемеровской области в организации физкультурно-спортивной работы среди трудового коллектива.

Необходимо также отметить, что ФКиС наделялись также и функциями социализации личности, что было направлено на ее подготовку к успешному выполнению своих обязанностей в обществе. Такая социализация проводилась через деятельность объединений спортсменов и физкультурников, спортивных организаций. Более того, в спорте широко представлено межличностное общение, оно проявляется как в тренировочном процессе, так и в период проведения соревнований. Поэтому состязания определялись как особая форма деятельности, которая проявлялась в разных сферах жизни общества [6, с. 172].

В этой связи для вовлечения в занятия ФКиС людей самого разного возраста использовалась еще одна форма организации массовой физкультурной работы, связанная с организацией таких занятий по месту жительства. В ее основе лежала идея внедрения ФКиС в быт каждой семьи. В соответствии с этим в некоторых городах при домовых комитетах были созданы общественные советы физкультуры и здоровья. Это создавало условия для физкультурно-оздоровительной работы по месту жительства трудящихся, проведению спартакиад домоуправлений. Мероприятия, как правило, проводились на общественных началах силами физкультурного актива [7, с. 4].

Так, в 1962 г. председатель Горспортсоюза А. Н. Коробецкий выступил с инициативой организовать физкультурно-оздоровительную работу по месту жительства в микрорайонах города Кемерово. Опыт его работы был одобрен газетой «Советский спорт», Центральным Советом ДСО «Труд». Кроме того, в 1966 г. Кемеровское книжное издательство выпустило книгу «А у нас во дворе» под авторством Андрея Николаевича, где был обобщен его положительный опыт.

Наиболее успешным примером стал дом, где проживал он сам в городе Кемерово, на улице Орджоникидзе № 7. В этом доме вел активную функцию дворцовый совет физкультуры. Надо сказать, что опыт такой деятельности был одобрен и поставлен в пример газетой «Советский спорт» и Центральным советом ДСО «Труд», что подтверждало высокий уровень организации работы дворцового совета [8, с. 1; 9, с. 1].

В фондах архива ФКиСК содержится подробная информация о соревнованиях, проводившихся среди жильцов шести подъездов упомянутого дома в 1963 г. На основании полученной информации можно утверждать, что соревнования отличались разнообразием и включали в себя эстафету, блицтурнир по волейболу, блицтурнир по шашкам, первенство по футболу и хоккею с мячом, соревнования «День бегуна» и «День метателя», а также Первую летнюю спартакиаду, главным судьей на которой выступил сам А. Н. Коробецкий. Наконец, там осуществляли работу спортивные секции. Например, зимой 1963 г. имелись секции по конькам (ей руководил сам А. Н. Коробецкий), хоккею с мячом и лыжам [3].

Андрей Николаевич Коробецкий также сыграл важную роль в строительстве и благоустройстве кемеровского стадиона «Химик». Именно он провел и закончил реконструкцию трибун, а также в середине 1960-х гг. ему удалось предотвратить потерю территории стадиона, на которую рассчитывал завод КЭМЗ. Только благодаря решительным действиям А. Н. Коробецкого, который добился личной встречи с первым секретарем обкома А. Ф. Ештокиным, принимавшим большое участие в развитии спорта в области, стадион был сохранен для города [10, с. 3].

За активную работу по развитию ФКиС, проведение соревнований различного уровня А. Н. Коробецкий многократно награждался грамотами Кемеровского горкома КПСС и Исполкома Кемеровского Городского Совета депутатов трудящихся, грамотами и наградами Облспортсоюза. Он также имел и правительственные награды: медаль «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия В. И. Ленина (23 марта 1970 г.); юбилейные медали «20 лет Победы в ВОВ» (27 июня 1967 г.) и «За победу над Германией в ВОВ» (17 апреля 1959 г.); знак «Победитель соцсоревнования» №72/34 Министерства Химпромышленности и ЦК профсоюза (1973 г.) [3].

Таким образом, А. Н. Коробецкий внес немалый вклад в развитие физкультурно-спортивного движения г. Кемерово. В своей деятельности стремился во многом повлиять на увеличение массовости в занятиях ФКиС, повысить их социальную роль и значимость. При этом он сам являлся примером активности, инициативы, твердой гражданской позиции и верности своему делу.

Список источников

1. Собрание спортивного комсомольского актива области // Кузбасс. 1949. 11 февраля.
2. Сычев С. Е. Причины увеличения финансирования ФК и С в Кемеровской области во 2-й половине 1950-х гг. // Наука и образование: тезисы докладов Второй научно-практической конф. (26–27 апреля 2001 г.). Белово : БФ КемГУ, 2001 С. 101–103.
3. Архив ФКиСК. Д. 115. Коробецкая Е. П.

4. Асеев С. М., Норкина Т. Е., Флеровский Е. А. Умственный труд и физическая культура. М., 1961. 48 с.
5. ГАК. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 36. Л. 6–7.
6. Колесников А. Б. Физкультура и спорт в СССР как социальная «лаборатория» конструирования идеала советского человека // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 170–178.
7. Рязанов Ю. Доброго пути доброму почину // Комсомолец Кузбасса. 1963. 9 января.
8. Коробецкий А. Утро начинается с зарядки // Советский спорт. 1963. 13 апреля.
9. Шипунов Б. Дом, в котором ты живешь // Советский спорт. 1965. 24 июня.
10. Лидванский С. О старом «Химике» замолвим слово... // Кемерово. 2003. 25 июля.

Е. А. Петровская

МАДОУ «Гармония», д/с «Одуванчик»

Новоуральск, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УСПЕХА УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ Н. А. КУЗНЕЦОВОЙ (1911–2003)

Аннотация. В статье проанализирована ситуация психологического благополучия в профессии учителя начальной школы Н. А. Кузнецовой. Это пример профессионального благополучия учителя и его учеников в советской педагогической модели воспитания и обучения. Основа успеха состоит из политики государства, направленной на поддержание высокого статуса учителя как создателя нового поколения людей, строителей коммунизма, из правильного профессионального выбора человека, стремления честно служить делу воспитания и обучения.

Ключевые слова: психологическое и профессиональное благополучие, советская модель воспитания и обучения

Abstract. The article analyzes the situation of psychological well-being in the profession of primary school teacher N. A. Kuznetsova. This is an example of the professional well-being of a teacher and his students in the Soviet pedagogical model of education and training. The basis of success consists of the state policy aimed at maintaining the high status of the teacher as a creator of a new generation of people, builders of communism, from the right professional choice of a person to honestly serve the cause of education and training, from understanding the importance of students to learn and be needed by society and the state.

Keywords: *psychological and professional well-being, the Soviet model of education and training*

Методология устной истории, микроистории позволяет ввести и рассмотреть жизнь многих простых людей. Их судьба кажется обыденной и ничем не привлекает исследователя. Итальянские историки в своих работах в 1970-х гг. опровергли это мнение [1, 2]. После распада СССР в России возникли разные исторические направления исследования прошлого. В Екатеринбурге развивается научная школа канд. ист. наук Я. А. Самоделкина, основанная на устной истории [3, 4]. В рамках этого научного направления построена моя статья.

Хочу рассказать о своей бабушке, Нине Александровне Кузнецовой, которая всю жизнь проработала учителем: сначала в начальных классах, а затем преподавала русский язык и литературу. Она работала в пгт Верх-Нейвинск, Свердловской области в 1935–1972 гг. Неоднократно назначалась директором пионерского лагеря. Награждена медалью «Ветеран труда».

Бабушка мне рассказывала об уважительном отношении к ней как детей, так и их родителей. Как только дети увидят, что учительница идет в школе по коридору, сразу уступали дорогу, расходились в разные стороны. Говорили: «Смотрите, смотрите, учительница идет». Здоровались. Если увидят на улице, приподнимают фуражку или

кепку, голову наклоняют в поклоне. Ежегодно приходил в школу фотограф. Делали групповые фотографии, что сплачивало школьный коллектив (рис. 1).

Рис. 1. Коллективная фотография учащихся

Уважали и прислушивались к советам педагога и родители. Слово педагога для детей и родителей был закон. Учитель пользовался почетом и авторитетом, как у детей, так и у родителей.

Бабушка занималась с отстающими детьми после уроков, оставалась в школе, да и домой приходили к ней заниматься.

На переменках дети не просто бегали, а она играла с ними в подвижные игры, например, «золотые ворота» и разнообразила с пользой их свободное время. Бабушка с детьми ставила разные спектакли, разучивала танцевальные номера. Например, «мы матрешки». Костюмы и атрибуты шила и изготовляла сама, и помогали родители детей. Придумывала сама сценарий праздников, например, к Новому году и проводила их с детьми. Дарила им сладкие подарки, мешочки изготовляла сама (рис. 2).

Рис. 2. Фотография сценического выступления

Ее ученики, как мальчики, так и девочки, писали ей поздравительные открытки, поздравляли с праздниками. К Новому году, 8 Марта, ко Дню рождения и др. По почте приходило очень много поздравительных открыток от её учеников. Открытки приходили каждый год. Они начинались словами: «Здравствуйте, моя первая учительница, Нина Александровна» или «Уважаемая Нина Александровна» (рис. 3).

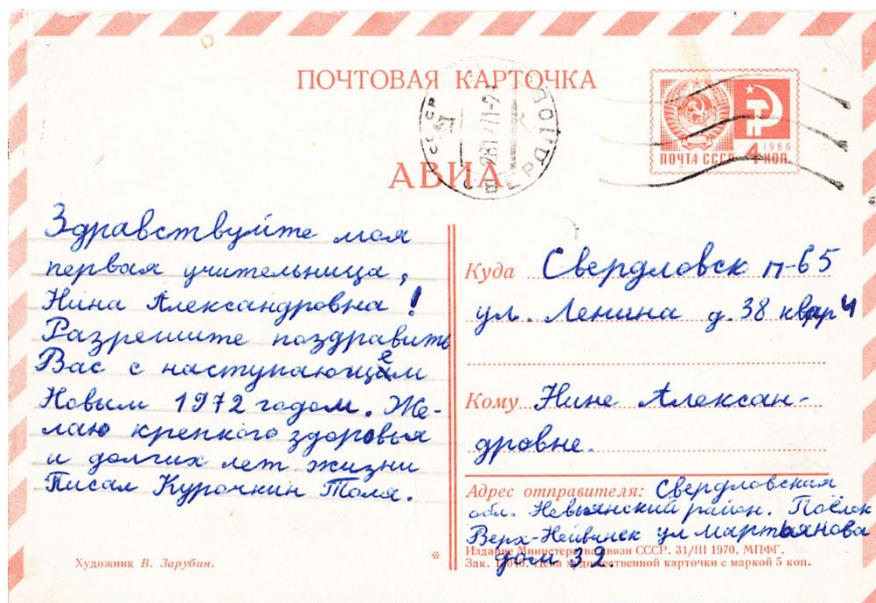

Рис. 3. Открытка от ученика Т. Курочкина

В открытках были написаны добрые, теплые слова с пожеланиями. Бабушка отвечала им и отправляла поздравительные открытки. У неё был специально составлен список имён и фамилий учеников. Она отмечала, кому написала, ставила напротив имени плюс, чтобы не забыть и всем ответить.

Многие её ученики приходили в гости к моей бабушке. Интересен случай, когда бывшая её ученица стала врачом-хирургом, уехала жить в Свердловск, а потом сделала моей бабушке операцию.

Так и писали, поддерживали связь с бабушкой на протяжении всей ее жизни до тех пор, пока её не стало. Она для учеников стала близким человеком.

Список литературы

1. Гинзбург К. Загадка Пьеро: Пьеро делла Франческо. М. : Новое литературное обозрение, 2019.
2. Гинзбург К. Судья и историк: Размышления на полях процесса Соффи. М. : Новое литературное обозрение, 2021.
3. Самоделкин Я. А. Конструирование социальной памяти детей блокадного Ленинграда // Молодежь и наука. 2022. № 4.
4. Самоделкин Я. А. Повседневный быт 1942–1944 гг. в социальной памяти учеников концентрационных лагерей // Молодежь и наука. 2022. № 9.

ИДЕИ ЕДИНСТВА И ЦЕЛОСТНОСТИ ДАГЕСТАНА КАК ЛЕЙТМОТИВ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА Р. М. МАГОМЕДОВА

Аннотация. В статье рассматривается творческий, профессиональный путь профессора Р. М. Магомедова, который стоял у истоков дагестанской науки и образования. Расул Магомедович занимался исследованием проблемных тем истории Дагестана, Кавказа. В статье раскрывается личность Р. М. Магомедова как педагога, ученого, мудрого руководителя, который сыграл значимую роль не только в развитии кавказологии, но и в становлении ряда ученых и педагогов.

Ключевые слова: *ученый, история, кавказология, просвещение, творческий путь*

Abstract. The article discusses the creative, professional path of Professor R.M. Magomedov, who stood at the origins of Dagestan science and education. Rasul Magomedovich was engaged in the study of problematic topics in the history of Dagestan and the Caucasus. The article reveals the personality of Magomedov R.M. as a teacher, scientist, wise leader, who played a significant role not only in the development of Caucasian studies, but also in the development of a number of scientists and teachers.

Keywords: *scientist, history, caucasology, education, creative way*

Историк, известный далеко за пределами республики Дагестан, просветитель, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР и ДАССР, лауреат Государственной премии Республики Дагестан – это далеко неполный перечень почетных званий и ученых степеней Расула Магомедовича Магомедова, выдающегося ученого-историка и общественного деятеля.

Р. М. Магомедов родился в 1910(14) г. в селении Гапшима Акушинского района, окончил исторический факультет Дагестанского педагогического института в 1934 г., прошел аспирантскую подготовку при Московском Институте философии, истории и литературы под руководством видного политического деятеля и ученого историка Алибека Тахо-Годи в 1934–1937 гг. Защитил в 1937 г. кандидатскую, а в 1948 г. докторскую диссертации. Работал младшим научным сотрудником Института истории СССР (в 1936–1937 гг.), директором НИИ национальной культуры (позже Институт истории, языка и литературы) – в 1937–1941 гг., заместителем председателя Дагестанской базы АН СССР в 1945–1950 гг., народным комиссаром просвещения ДАССР в 1943–1945 гг. С 1950 г. – заведующий кафедрой истории СССР Дагестанского государственного университета. Принимал активное участие в Великой Отечественной войне, уйдя на фронт добровольцем.

Р. М. Магомедов – ведущий специалист в области кавказоведения, один из создателей профессиональной исторической науки в Дагестане. Ему принадлежит более

400 публикаций, посвященных истории, этнографии и культуре народов Дагестана. Из них более 20 работ – фундаментальные монографии по наиболее актуальным вопросам истории Дагестана. Во всех своих работах он проявляет себя как мудрый и вдумчивый исследователь-интернационалист.

Красной нитью через все его работы проходит мысль о прогрессивном развитии народов Дагестана в ходе непрерывного политического, экономического и культурного сотрудничества с Российским государством, другими сопредельными народами, об органическом единстве исторических судеб народов Кавказа и, в первую очередь, народов Дагестана, об обусловленности их культурного и экономического прогресса взаимосвязью и поддержкой великого русского народа. Он всегда подводил своих читателей к мысли о необходимости освоения уроков истории, то есть целесообразности учета ошибок прошлого при последующем выборе пути развития.

Необходимо акцентировать внимание на наиболее значимых периодах его профессиональной деятельности. В 1957 г. вышла его монография «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII–XIX вв.» [1], которая наряду с трудами Хаджимурада Хашаева, Сакинат Гаджиевой, Владилена Гаджиева заложила методологическую и научную основу для работ ученых историков во все последующие годы. Более поздние работы ученого носят историографический и обобщающий характер и отражают весь комплекс мнений об антиколониальной и антифеодальной борьбе горцев Северо-Восточного Кавказа и деятельности имама Шамиля [2, с. 101]. Важным рубежом творчества Р. М. Магомедова стало издание двух томов книги «Даргинцы в дагестанском историческом процессе» [3]. Мудрость и дальновидность историка заключается в том, что он не пытается тянуть одеяло на себя и изобразить исключительность даргинского народа, как это делают некоторые близорукие историки и околонучные дилетанты истории, а характеризует их в системе общedaгестанского исторического процесса как часть дагестанского суперэтнуса в контексте деятельности всех остальных народов. Венцом его профессиональной деятельности стала последняя его книга «Вековые ценности Дагестана» [4], которая систематизировала общественно-политические и философские аспекты исторического единства народов Дагестана. Подготовку и издание этой книги следует оценить как научный подвиг Расула Магомедовича.

Единство и целостность Дагестана, проходит через все его творчество. Казалось бы, чего еще осталось недосказанного и непонятого? Кто еще не согласен с этой очевидностью, и кто, собственно, возражает? Но, оказывается, нет несогласных, есть непонимающие и не усматривающие в факторе единства Дагестана особого смысла и значения. Есть какое-то общественное равнодушие и апатия к проблемам единства, языка и культуры Дагестана. Все еще тлеет этносепаратизм, затаились экстремисты и националисты, чуждые исторической и социальной природе дагестанцев. Оказывается, есть еще острая необходимость повторять важные слова, доносить их смысл, формировать, уточнять, углублять идеи, взгляды, убеждения. Последняя работа Расула Магомедовича несет в себе послы к консолидации дагестанского общества. Как писал академик Гаджи Гамзатович Гамзатов: «Надо, оказывается, иметь слова и доводы, которые бы оборачивались смыслом избранного курса движения, поведения, поступков. И этот курс, оказывается, надо уметь выработать и внедрять. Такого рода даром доносить слова и внедрять их смысл, талантом аргументировать цели и задачи, как мы не раз убеждались, обладал именно Расул Магомедович Магомедов».

Он аккумулировал все лучшее, что было у дагестанцев, и призывал сохранять и умножать это богатство народов Дагестана. Последний капитальный труд Р. М. Магомедова «Вековые ценности Дагестана», изданный в 2005 г., уже после его смерти, это манифест единства народов Дагестана. В нем лаконично, последовательно, в строгом

академическом стиле и в доступной форме прослежен весь исторический путь развития нашего края с древнейших времен до наших дней. Дагестан рассмотрен в окружении соседних – ближних и дальних – стран и народов, в обширном поле взаимодействия с ними. Определены и охарактеризованы источники, предпосылки, факторы становления и развития полиэтнического дагестанского сообщества в исторических и социальных измерениях, географических и природных реалиях, духовно-нравственных и художественных началах, в совокупности всех прочих проявлений вековых традиций, обычаев, культурных и религиозных особенностей, горского этикета и поведения в самых разных ситуациях. Отсюда и объективная, закономерная, историческая сложившаяся реальность единства Дагестана во всем его многообразии и своеобразии. Собственно, к выявлению и формулированию этой закономерности сводились логика и смысл всей научной и гражданской идеологии жизни и деятельности Расула Магомедовича.

Большой интерес представляют суждения Расула Магомедовича о дагестанском джамаате (коллективе, общине) как ключевом элементе в понимании и толковании живой истории Дагестана. Идея интеграции джамаатских традиций в современное местное самоуправление и сегодня не лишена определенного смысла.

Важна и ценна позиция осуждения современного этносепаратизма, который уже в далеком прошлом был нейтрализован, нивелирован джамаатскими порядками и исламскими концепциями. В свете этих наблюдений все очевиднее становится, что этнический национализм и политический экстремизм глубоко чужды дагестанской исторической традиции. На что Расул Магомедович указывает на многих страницах своей книги.

Следует отметить прекрасно выраженный в книге фактор исторически сложившегося единства художественных традиций нашего региона. Дело в том, что идейно-тематическая и эстетическая канва национальных литератур и национальных искусств настолько близка и едина, что в их лице мы имеем вполне определенную реальность, именуемую «дагестанской литературой» и «дагестанским искусством». Речь идет не о сумме отдельных ценностей, а об их синтетическом единстве. При всем этом следует обратить внимание на конкретный исторический фон, на котором раскрываются все прелести добрых традиций горского общества и социального имиджа горца.

Очень важно, что труд был создан и вышел в свет в переломный исторический момент – в первые годы нового столетия и нового тысячелетия, в силу чего книга Р. М. Магомедова «Вековые ценности Дагестана» – это явление уникальное: в ней сосредоточен, выкристаллизован, обобщен огромный материал, опыт научной и творческой деятельности выдающегося ученого и гражданина, прожившего жизнь, полную испытаний, преодолений и огромных достижений. Не случайно вместо заключения в своей книге Расул Магомедович поместил небольшую главу «Наше место в семье народов Российской Федерации», где отметил, что «О России как о факторе целостности и гаранте единства Дагестана можно было бы сказать еще немало, но сказанного, видимо достаточно, чтобы понять, что и сегодня, и в обозримом будущем это положение сохранится. Отсюда самоочевидна и другая сторона дела: в меру наших сил и возможностей и нам со своей стороны следует поддерживать наше общее Отечество – Российскую державу. Ведь это наш общий дом, и что случится с ним, то и не минует нас. 1999 г. наглядно показал, что в случае серьезного кризиса, опасной угрозы только Россия действительно окажет необходимую поддержку и обеспечит необходимый баланс сил – военных, политических, экономических. Напомню, как был заметен в те дни поворот всего российского общественного мнения, самых массовых симпатий в сторону Дагестана – это уловил и президент страны, высоко оценивший в те дни активную позицию дагестанцев. Но к этому нужно добавить: даже Аллах помогает лишь тем, кто

готов помогать себе сам. Без нашей внутренней воли к сохранению единства Дагестана с Российской державой нам не сможет помочь никто» [4, с. 550].

Р. М. Магомедов сегодня с высоты своих прожитых лет оставил своеобразное напутствие для следующих поколений соотечественников, обращаясь именно к проблеме единства и целостности родного края как краеугольного камня его будущего, выживания и процветания его народов. При этом сам являет собой образец воплощения человеческого, интеллектуального и гражданского начал личности, одно из самых выдающихся явлений XX в. Дагестана, жизнь и творчество которого составляет бесценный вклад в культуру Дагестана и всего Кавказа.

Список источников

1. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала : Дагкнигиздат, 1957.
2. Абдурагимова С. Н. Расул Магомедов Патриарх дагестанской исторической науки // Известия ВГПУ. 2014. № 3 (88). С. 101–103.
3. Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 1, 2. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1999.
4. Магомедов Р. М. Вековые ценности Дагестана. Махачкала : изд-во «Юпитер», 2005.

В. В. Никуленков

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

**ФИГУРА А. А. ВОРОБЬЕВА В ИСТОРИИ
НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ КНР И СССР
В 1950-Е ГОДЫ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ
ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
И ПЕКИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Аннотация. В статье обзорно анализируется роль руководителей сибирских вузов в 1950-е гг. в установлении и поддержании народных научных связей с вузами Китайской Народной Республики. На примере директора ТПИ А. А. Воробьева автор демонстрирует роль советской профессуры в выстраивании дружеских связей между Томском и Пекином через линию научной дипломатии и помощь в установке высокотехнологичных производств.

Ключевые слова: *А. А. Воробьев, Томский политехнический институт, научная дипломатия, бетатроны, сотрудничество*

Abstract. The article reviews the role of the leaders of Siberian universities in the 1950s in establishing and maintaining people's scientific ties with the universities of the People's Republic of China. Using the example of TPI director A.A. Vorobyov, the author demonstrates the role of Soviet professors in building friendly ties between Tomsk and Beijing through scientific diplomacy and assistance in setting up high-tech industries.

Keywords: *A. A. Vorobiev, Tomsk Polytechnic Institute, scientific diplomacy, betatrons, cooperation*

Научное сотрудничество регионов КНР и СССР в первое десятилетие после признания Китайской Народной Республики являлось одним из приоритетных направлений, поскольку решало предметные задачи по становлению наукоемкой экономики молодой народной республики. В рамках так называемого десятилетия дружбы была заложена основа модернизации государства. Прямым примером может стать помощь СССР в строительстве 156 промышленных предприятий. Продолжение углубленного сотрудничества СССР и КНР шло в рамках передачи научно-технической информации, обмена специалистами в рамках научного сотрудничества. Важно, что коллеги из КНР также стараются освещать вопросы экономического сотрудничества. Одна из последних книг, переведенных в 2015 г. на русский язык, принадлежит перу Шэнь Чжихуа – «Советские специалисты в Китае (1948–1960)». Очевидно, что идея индустриализации Китая была сквозной после создания республики и была отражена в речи Мао Цзедуну на первой сессии Народного политического консультативного Совета Китая 21.09.1949 г. в Пекине; в Законе об Организации Центрального народного правительства Китайской народной республики (27.09.1949); в общей программе Народного политического

консультативного совета Китая (29.09.1949); в материалах советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14.02.1950; в Конституции КНР от 1954 г.

Научно-техническое сотрудничество в 1950-е гг. стало одним из главных факторов быстрого восстановления народного хозяйства КНР. Комплексная помощь советских ученых в Китае способствовала восстановлению экономики, а также решала важную задачу, связанную с получением возможности более глубоких исследований советских китаеведов внутри Китая. Как следствие, возросла популярность изучения Китая, а советские граждане узнавали больше информации об этой стране. Прибывавшие в КНР советские ученые, прежде всего, интересовались областью технических и естественных наук, таких как электроэнергетика и физика, химия, сельское хозяйство, ботаника.

Сотрудничество выстраивалось также по линии соглашения между Министерством высшего образования СССР и Министром просвещения КНР от 18 января 1953 г. о совместном проведении важнейших исследований в области науки и техники и приказом Министерства высшего образования СССР № 433 от 15 апреля 1958 г.

Так, в архивах мы находим письмо ректору Пекинского университета Ма Ин-чу за подписью заместителя директора Томского политехнического института по научной работе доцента Г. Н. Кок от 7 декабря 1959 г. В письме он просит «сообщить о работе индукционного ускорителя производства ТПИ в лаборатории университета». В случае необходимости Томский политехнический институт предлагал оказать любую посильную помощь в деле успешной эксплуатации ускорительной установки в Пекинском университете. Данный документ свидетельствует о том, что руководство регионального советского вуза получать обратную связь о качестве работы технологий, переданных КНР. В данном случае, стоял вопрос про эксплуатацию бетатрона после отъезда сотрудников Томского института. Коллеги интересовались, в каких деталях и узлах к бетатрону Пекинский университет нуждался. 7 октября 1958 года китайская сторона сообщила об успешной наладочной работе приборов советскими специалистами В. И. Горбуновым и Л. М. Ананьевым, командированными для этой задачи в Китай. Директор политехнического института Томска после этого согласовал пребывание ученых в Китае до одного года для продолжения выполнения ими работ по монтажу и регулировке бетатронов. Речь идет о бетатроне – индукционном ускорителе, в котором энергия электронов увеличивается за счет вихревого электрического поля, создаваемого изменяющимся магнитным потоком, направленным перпендикулярно к плоскости орбиты частиц. У истоков создания и модернизации бетатронов стоял выдающийся томский ученый А. А. Воробьев.

Александр Воробьев – советский учёный-физик, доктор физико-математических наук (1939), профессор (1940), директор (ректор) Томского политехнического института имени С. М. Кирова (1944–1970), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1960), член-корреспондент Академии педагогических наук СССР (АПН СССР) при Министерстве просвещения СССР (1970).

Родился 12 сентября 1909 г. в городе Стерлитамаке (Стерлитамакский уезд, Уфимская губерния, Российская империя), в семье служащего. В семье Акима Александровича и Анны Георгиевны Воробьевых было семь детей: пять сыновей и две дочери. Александр был четвёртым сыном. В 1926 г. окончил девятилетнюю школу в Красноярске и поступил в Красноярский мелиоративный техникум, где проучился один год.

В 1927 г. поступил, а в 1931 г. окончил физико-математический факультет Томского университета по специальности «Исследования материалов». В 1931–1934 гг. учился в аспирантуре Сибирского физико-технического института (СФТИ), одновременно работал на кафедре физики Томского университета. В январе 1935 г., в возрасте

двадцати пяти лет, защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата физико-математических наук, которая была ему присвоена в апреле 1935 г. В этом же году был назначен старшим научным сотрудником СФТИ и избран по конкурсу доцентом ТГУ. В 1935–1937 гг. – заместитель директора СФТИ по научной части.

В 1938 г. зачислен в штат Томского индустриального института (ТИИ), доцентом кафедры электрических станций, сетей и систем. В 1939 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора физико-математических наук в Ленинградском индустриальном институте (ЛИИ). В апреле 1940 г. назначен деканом энергетического факультета Томского индустриального института (ТИИ).

19 октября 1940 г. протоколом ВАК был утверждён в учёном звании профессора и избран на должность заведующего кафедрой электрических сетей, систем и техники высоких напряжений ТИИ. С 15 ноября 1940 г. по 15 апреля 1944 г. занимал должность заместителя директора по учебной и научной работе ТИИ. В 1941–1946 гг. – заведующий кафедрой физики ТИИ. С 1944 по 1970 г. – директор (ректор) Томского политехнического института имени С. М. Кирова (ТПИ). В 1945 г. – член Томского областного комитета ВКП (б). В 1950–60-х гг. – депутат Томского городского и областного советов депутатов трудящихся. С 1959 по 1971 г. – депутат Верховного совета РСФСР V, VI VII созывов от Томской области.

С 1963 г. – председатель Межвузовского координационного совета. В 1970 г. избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР (АПН СССР) при Министерстве просвещения СССР.

Александр Воробьёв является основателем известных научных школ, в которых под его руководством подготовлено 20 докторов наук, более 100 кандидатов наук, а также автором более 500 научных статей, 27 монографий, более 10 изобретений, около тысячи публикаций в виде научных, методических, общеобразовательных и прочих статей.

Скончался 3 сентября 1981 г. в городе Томске. Похоронен на Бактинском кладбище. Будучи директором Томского политехнического института профессор А.А. Воробьёв в ноябре 1958 г. обменивается поздравительными телеграммами с заведующим физическим институтом Пекинского университета Ху-Цзи-Мин, директором Чжэцзянского политехнического института Чжоу Юнь-сином; с директором Хуачжунского политехнического института Ча Цзянь. Поздравительное письмо было отправлено в ответ на поздравление коллектива Томского института с 41 годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Поздравительные тексты к коллективам факультетов и лабораторий всегда содержали идеологическую смысловую нагрузку, связывающую успехи в науке с идеологией в государстве. Так, в письме от 3 ноября 1958 г. от директора Хуачжунского политехнического института Ча-Цаянь (г. Ухань, КНР) было отмечено, что советский народ под руководством великой коммунистической партии готовится новыми трудовыми успехами встретить XXI съезд КПСС, самоотверженным трудом добивается неоднократных побед в строительстве коммунизма. Мы твердо верим, что блестящие достижения СССР еще больше будут способствовать укреплению мира и сил лагеря социализма. Нерушимое единство Китая и СССР, нерушимая сплоченность стран лагеря социализма во главе с Советским Союзом разобьет всех империалистов и поджигателей войны. Это был типичный пример риторики в телеграммах ректоров китайских вузов своим коллегам в СССР.

20 мая 1958 г. заместитель директора по научной работе ТПИ профессор В.К.Нечаев получил информацию от китайских коллег о том, что первый в КНР бетатрон был создан в текущем году и 26 февраля был доставлен. В письме отмечалось, что прибор будет играть большую роль в деле подготовки кадров для ядерной науки Китая и научно-исследовательской работы. Сообщалось, что в Пекинский университет был

также доставлен и второй бетатрон. Со ссылкой на посольство КНР в СССР от 11 мая 1958 г. ректор пекинского университета сообщил, что ТПИ готов отправить двух специалистов для монтажа, настройки и чтения лекций, в связи с чем был задан вопрос о специальностях тех ученых, которых готовят к командированию в КНР.

Китайская сторона сразу же выражает просьбу о том, что в данный момент они изготавливают бетатрон на 5 Мэв и собираются выходить на большие показатели, то советская наука может помочь следующими материалами:

– основные проектные материалы и технические чертежи бетатронов на 15 и 25 Мэв;

– опубликованные работы по бетатрону в научных изданиях, таких как Известия ТПИ, том 87, 1957 г., том 82, 1956 г.

В просьбах предоставить диссертации, посвященные бетатрону, декан инженерно-физического факультета Пекинского политехнического института Цин Хуа отмечает, что если у советской стороны нет лишних копий, то они готовы вернуть их после ознакомления.

Плодотворно работая в области физики диэлектриков и высоковольтной техники, А. А. Воробьев, начиная с середины сороковых годов, нацелил свои усилия на новое научное направление – физику и технику ускорения электронов. Обостренное чувство нового, научная смелость и предвидение Александра Акимовича позволили ему преодолеть бытовавшее в сороковых годах официальное мнение о бесперспективности ускорения электронов до высоких энергий, что нужно заниматься ускорением только протонов.

Осознав необходимость создания ускорителей заряженных частиц, которые могли бы стать основой развития ядерной физики в практических и учебных целях, Александр Акимович определил в качестве индукционного ускорителя электронов – бетатрон. Он организовал на кафедре техники высоких напряжений группу сотрудников ТПИ, в которую вошли доценты В. Н. Титов, М. Ф. Филиппов, А. К. Потужный, старший научный сотрудник К. С. Гришин, а также аспирант Т. Ю. Могилевская, дипломники Н. Я. Пугац, В. С. Мелихов, студент Л. М. Ананьев энергетического и электрофизического факультетов.

Кроме того, он своим ректорским решением в 1947 г. создал в составе электрофизического факультета специальную группу студентов из 6 человек, в числе которых были В. А. Москалев, Г. Г. Андреев и др. Группа предназначалась для подготовки специалистов-электрофизиков по новому, тогда секретному, направлению «Ускорители заряженных частиц». Лекции по специальным дисциплинам для студентов этой специальности читали ведущие доценты Б. Н. Родимов, В. Н. Титов, М. Ф. Филиппов и др., а основной курс по ускорителям заряженных частиц читал профессор А. А. Воробьев.

Таким образом, мы видим наглядную иллюстрацию полного сопровождения советскими учеными пуско-наладочных работ предметов высоких на от момент технологий в КНР на примере бетатрона. Письма свидетельствуют о том, что руководители советских вузов на примере томского политехнического института одновременно выполняли и роль дипломатов от научной деятельности, организуя переписку на высоком уровне с научными коллегами из КНР и всесторонне поддерживая политику партии изучаемого периода, когда дружба и сотрудничества между КНР и СССР достигла своего пика. Однако, очевидно, что взаимный вклад в науку не был равновеликим. И если советские инженеры буквально создавали фундамент для будущей первой экономики мира – КНР, своими руками и знаниями, то КНР открывал для советских ученых свою страну больше с гуманитарной точки зрения. Например, Известные советские историки-востоковеды, такие как Р. Ф. Вяткин, по результатам командировки в провинции Шэньси получивший возможность перевести на русский язык оригинальный текст

древнекитайского произведения «Исторические записки» (Ши цзи) Сыма Цяня. Проблемами Древнего Китая занимался советский востоковед Т. В. Степугина, древние коллекции народов Дальнего Востока в Шэньси изучал советский археолог С. В. Киселёв. Фигура директора ТПИ А. А. Воробьева является примером ученого, наставника и научного дипломата в отношениях с КНР. Прежде всего, нужно отметить вклад в отечественную науку через создание научной школы, ведь молодые ученики А. А. Воробьева, продолжая работы по дальнейшему совершенствованию конструкций бетатронов, увеличению их энергии и мощности дозы излучения, расширению областей их применения, существенно повысили свой научный и служебный потенциал. Многие занимали руководящие должности в научных организациях и вузах, получили звания заслуженных деятелей науки и техники РФ, некоторые преподавали в иностранных вузах за рубежом. А профессор В. А. Москалев, кроме участия в многочисленных международных конференциях, был экспертом ЮНЕСКО по физике в Делийском университете (Индия) и в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, работал в качестве сотрудника и руководителя отделов высшего образования на советских выставках в Нью-Йорке и Праге.

Впоследствии бетатроны на 5,15 и 25 МэВ работали в НИИ Москвы, Ленинграда, Киева, Казани, Днепропетровска, в Китае и др. В 1959 г. институт получил диплом I степени ВДНХ СССР за разработку и изготовление бетатрона Б-3. Воробьев был награжден большой золотой медалью выставки и ценной премией.

Список источников

1. Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.
2. Чжан Гу. Летописи величайшей дружбы (о книгах и брошюрах, написанных членами китайских делегаций, посетивших Советский Союз). Народный Китай. 1954. № 4. С. 35–36.
3. Лю Юньань. Ученые Китая в борьбе за социализм // Вестник АН СССР. 1957. № 10. С. 138–141.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-816 (Томский политехнический институт). Оп. 1. Д. 2148.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-816. Оп. 1. Д. 83.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 30. Д. 29.

СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ КАК АКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО ТРАНСФЕРА (ПО МАТЕРИАЛАМ НИФХИ ИМЕНИ Л. Я. КАРПОВА)

Аннотация. В статье рассматривается роль советских ученых в международном научном трансфере в 1950–1960-е гг. Автор вводит в оборот ранее не использовавшиеся письма сотрудников Физико-химического научно-исследовательского института им. Л. Я. Карпова. Анализ корреспонденции позволил выявить процесс установления и развития международного научного сотрудничества.

Ключевые слова: СССР, советский ученый, международный научный трансфер, международное научно-техническое сотрудничество, НИФХИ им. Л. Я. Карпова, международная переписка

Abstract. The article examines the role of Soviet scientists in the international scientific transfer in the 1950s and 1960s. The author introduces previously unused letters from the staff of the L.Ya. Karpov Research Institute of Physical Chemistry. The analysis of correspondence revealed the process of establishing and developing international scientific cooperation.

Keywords: USSR, Soviet scientist, international scientific transfer, international scientific and technical cooperation, NIFHI named after L.Ya. Karpov, international correspondence

Сложные международные отношения в XX в., обусловленные противостоянием двух систем, не могли не отразиться на развитии науки и техники в целом и на научных контактах советских ученых с западными коллегами в частности. Несмотря на все противоречия и политические заявления властей, полного отказа от обмена научными идеями не произошло даже в самые «мрачные годы» изоляции (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.), поскольку мысль невозможно сдерживать ограничениями и запретами. После 1953 г. новое партийное руководство взяло курс на обновление советского общества, что способствовало налаживанию внешних связей, в том числе и в области науки. В итоге 1950–1960-е гг. стали периодом активного научного трансфера между советскими учеными и иностранными специалистами. В последнее время эта тема активно изучается отечественными исследователями. Рассматриваются теоретические аспекты понятия трансфера [1; 2], определяются пути обмена и механизмы взаимодействия [3; 4]. Много работ посвящено анализу результатов международного сотрудничества [5; 6]. В данной статье мы бы хотели рассмотреть роль непосредственных участников процесса – ученых и научных сотрудников институтов – в установлении контактов и налаживании сотрудничества. Ценным источником при изучении данного вопроса являются письма советских специалистов 1950–1960-х гг., сохранившиеся

в фонде Физико-химического научно-исследовательского института имени Л. Я. Карпова (далее – НИФХИ им. Л. Я. Карпова) [7].

Традиционными способами научного общения являются обмен научными статьями, монографиями, результатами экспериментов; совместное участие в международных конференциях, выставках, симпозиумах; деловая и личная переписка; взаимные визиты научных делегаций с посещением лабораторий и учебных заведений; прохождение стажировок и выполнение совместных научно-исследовательских работ.

Самым распространенным каналом научного обмена в 1950–1960-е гг. в СССР был обмен печатной научной информацией, как централизованный – между академиями, институтами, библиотеками, лабораториями, так и индивидуальный. Что касается централизованного обмена, то здесь советские специалисты зачастую сталкивались с определенными сложностями, связанными, главным образом, с организацией выписки иностранных журналов и качеством научно-технической информации, получаемой через профильные вышестоящие учреждения. Так, в 1964 г. в НИФХИ им. Л. Я. Карпова через Государственный комитет по химической промышленности при Госплане СССР и Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ поступила зарубежная научно-техническая документация, носившая, по оценке сотрудников, информационный характер и не относившаяся непосредственно к тематике проводимых институтом работ [7, д. 744, л. 4].

Приобретение современной иностранной литературы было осложнено тем, что научные учреждения были лишены права самостоятельного выбора книг. Заказ осуществлялся через Центральную научно-техническую библиотеку министерства. Кроме того, средств, выделяемых на закупку, было недостаточно даже для того, чтобы приобрести минимум необходимой литературы. Например, в 1953 г. НИФХИ им. Л. Я. Карпова было выделено 350 руб., и этой суммы хватило только на покупку 4 справочных изданий [7, д. 348, л. 318]. В следующем году расходы по этой статье увеличились до 500 руб. В результате библиотека НИИ пополнилась 3 справочниками, 4 журналами, 5 небольшими монографиями и несколькими циркулярами Национального бюро стандартов Америки [7, д. 367, л. 318]. С течением времени ситуация не менялась, и спустя 10 лет в 1965 г. институт опять просит об увеличении ассигнований на приобретение иностранной технической литературы [7, д. 773, л. 99]. Таким образом, централизованным способом доставлять советским ученым необходимые им сведения о достижениях западной науки удавалось с большим трудом. Ситуация стала улучшаться после нормализации отношений СССР с зарубежными странами, что позволило советским исследователям завязать научные контакты с иностранными коллегами и использовать личное общение как канал трансфера научных знаний и технологий. По словам биохимика Ж. А. Медведева, индивидуальный обмен информацией между учеными с близкими интересами приводил к наибольшей взаимной выгоде [8, с. 147]. Нужно отметить, что подобные сложности в получении информации испытывали и иностранные исследователи. Например, в 1958 г. на имя сотрудников НИФХИ им. Л. Я. Карпова Н. И. Грушко и Е. Н. Гурьяновой пришло письмо от специалиста химического факультета новозеландского университета Отаго Б. Дж. Свитмана, в котором он, ссылаясь на недоступность советских научных журналов, просит авторов прислать ему информацию о методике экспериментов, которые те использовали в своих исследованиях с алифатическими тиолсульфонатами. Эти данные были ему необходимы для собственных опытов в инфракрасном диапазоне [7, д. 484, л. 105].

Общение с помощью переписки помогало ученым и в тех случаях, когда проблем с получением научной литературы не было, но после прочтения статьи оставались неясными некоторые выводы или результаты экспериментов. Так, в 1959 г. на имя профессора НИФХИ им. Л. Я. Карпова Я. М. Колотыркина пришло письмо от профессора

Мюнстерского университета Т. Хойманна, в котором немецкий ученый просил ответить на ряд возникших у него вопросов после прочтения статьи Колотыркина «Электрохимическое поведение и механизм анодной пассивации некоторых металлов в растворах электролитов», опубликованной в немецком журнале «Zeitschrift für Elektrochemie». В качестве ответной любезности профессор Хойманн предложил прислать советскому ученому свои наработки по теме пассивности хрома и Fe-Cr сплавов [7, д. 522, л. 54].

Международная корреспонденция советских научно-исследовательских институтов находилась под строгим контролем. В каждом случае, даже если это было формальное благодарственное письмо или поздравительная открытка, запрашивалось специальное разрешение директора учреждения. Все полученные и отправленные НИИ международные письма регистрировались в специальном журнале с отметкой об отправителе и получателе, а копии писем и служебные записки подшивались в отдельные книги. Тексты писем советских ученых проходили обязательную проверку на содержание секретных сведений. Проверку писем осуществляло руководство НИИ, а в случае отправки за границу тезисов или рукописи статьи требовалось обязательное разрешение иностранного отдела руководящего ведомства, которому подчинялся НИИ. Например, научная корреспонденция НИФХИ им. Л. Я. Карпова на рубеже 1950–1960-х гг. перлюстрировалась иностранным отделом Государственного комитета по химии.

Как показывает анализ корреспонденции, сохранившейся в делах НИФХИ им. Л. Я. Карпова, интенсивность переписки между советскими и зарубежными учеными нарастала с каждым годом. В 1958 г., когда в институте был введен учет почтовой переписки, в журнале регистрации было сделано 82 записи о получении или отправлении иностранной корреспонденции [7, д. 473, л. 1об.–8об.]. В 1964 г. на адрес института поступило уже 1 400 сообщений, а отправлено 780 [7, д. 74, л. 1–2]. Количественный рост корреспонденции объясняется увеличением числа личных контактов ученых, установленных во время конференций, симпозиумов или стажировок. Самыми активными участниками международной переписки с советской стороны были ученые, получившие признание мировой научной общественности. В 1950–1960-е гг. это были директор НИФХИ им. Л. Я. Карпова профессор Я. М. Колотыркин, академики В. А. Каргин и С. С. Медведев, профессора Г. К. Боресков, Н. А. Фукс, А. И. Шатенштейн, Х. С. Багдасарьян и др. [9]

Личное общение между учеными устанавливалось разными путями. Это могло быть восстановление прежних, ранее ограниченных по политическим причинам, контактов, но чаще всего научный обмен, а порой и дружеские связи, зарождались после совместного участия в каком-либо научном мероприятии.

Еще одним способом завязывания научных связей в рассматриваемый период являлся обмен специалистами по линии СЭВ или в рамках научно-технического сотрудничества. В советских НИИ ежегодно стажировались специалисты из стран Восточной Европы и Азии, писались квалификационные работы – дипломы, диссертации на основе экспериментов, проведенных в научных лабораториях. Советские специалисты с ответным визитом посещали иностранные научные и учебные организации, промышленные предприятия. Установленные контакты обычно не утрачивались после окончания командировки, а развивались в последующей переписке и обмене сведениями. Например, в 1962 г. в лаборатории радиационной химии НИФХИ им. Л. Я. Карпова под руководством В. И. Веселовского на основании межправительственного соглашения между Советским Союзом и Польской народной республикой о сотрудничестве в деле мирного использования атомной энергии прошел шестимесячную стажировку недавно получивший докторскую степень Ежи Собковски. После возвращения в Польшу Собковски сохранил контакты с коллегами из советского НИИ и уже в почтовой

переписке обсуждал с ними результаты полученных экспериментов, совместные публикации, поздравлял с государственными праздниками и т.д. [7, д. 610, л. 1–177; д. 662, л. 216; д. 699, л. 49–51]

Еще один пример международного сотрудничества, начавшегося со стажировки вьетнамского аспиранта Фам Зуи Хиена в рентгеновской лаборатории НИФХИ им. Л. Я. Карпова. Хиен, являясь аспирантом научно-исследовательского института ядерной физики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, готовился к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. Для завершения работы над темой «Температурные эффекты при резонансном поглощении γ -квантов в кристаллах» ему понадобилось провести анализ мессбауэровских спектров образцов сегнетоэлектриков, имевшихся в НИФХИ. В работе ему помогали научные сотрудники лаборатории Ю. Веневцев и А. Висков. В итоге Фам Зуи Хиен успешно защитил диссертацию, подготовил вместе с советскими специалистами 4 публикации, и в дальнейшем продолжил общение посредством переписки. Вернувшись на родину, Хиен стал сотрудником физического факультета Ханойского педагогического института и задумался о создании небольшой лаборатории для проведения работ по сегнетоэлектрике. Чтобы осуществить задуманное, он обратился к коллегам из НИФХИ им. Л. Я. Карпова с просьбой составить список необходимого для этой цели оборудования, что они охотно и сделали. Кроме того Ю. Н. Веневцев подобрал необходимую литературу и переслал ее Фам Зуи Хиену с пожеланиями наладить во Вьетнаме исследования сегнетоэлектриков и ферритов, которые до этого никто там не проводил [7, д. 739, л. 41–42]. Научные контакты с советскими, а затем и с российскими учеными продолжались и в последующие годы, когда бывший аспирант МГУ возглавил Институт физики Социалистической республики Вьетнам и стал вице-президентом Вьетнамской комиссии по атомной энергии.

Иногда научное общение между исследователями завязывалось из профессионального интереса к какой-либо конкретной проблеме или эксперименту. Так, например, установилась переписка и затем дружеские связи между профессором НИФХИ им. Л. Я. Карпова Х. С. Багдасарьяном и молодым сотрудником Института органической химии И. Н. Юхновским, будущим председателем Болгарской академии наук [10, с. 189–190].

В корреспонденции НИФХИ им. Л. Я. Карпова 1950–1960-х гг. особо выделяется переписка профессора Н. А. Фукса, адресатами которого были исследователи из Великобритании, ФРГ, США, Японии, Чехословакии и других стран. Николай Альбертович, будучи арестованным по ложному доносу, 8 лет провел в заключении. В 1945 г. его освободили и впоследствии реабилитировали, но запрет на выезд за границу, за исключением стран социалистического лагеря, сохранялся до конца его жизни. В результате переписка с иностранными коллегами стала для него единственной возможностью получить научную информацию из первых рук. Ему удалось установить контакты с самыми известными в то время учеными – аэрозольщиками и добиться признания не только отечественных, но и зарубежных коллег. По воспоминаниям жены Н. А. Фукса – М. С. Гусевой, профессор за время новогодних праздников ежегодно получал 50–60 поздравлений с разных концов света – из Европы, США, Японии [11, с. 79]. Самому Фуксу удалось побывать за границей лишь дважды – в 1966 г. он был гостем Чехословацкой Академии наук, а в 1972 г. участвовал в конференции по фильтрующим материалам в Дрездене [9].

Из анализа переписки советских ученых с иностранными коллегами прослеживается и такой любопытный момент, как личные контакты помогали решать вопрос с дефицитом расходных материалов. Так, в 1962 г. в лаборатории изотопных реакций НИФХИ им. Л. Я. Карпова проходил стажировку научный сотрудник Института мак-

ромолекулярной химии Чехословацкой академии наук Мирослав Кубин. В одном из разговоров он пообещал после возвращения в Прагу достать 0,5 кг стеклянных шариков диаметром 0,1 мм для хроматографической колонки. Привести обещанный груз в Советский Союз поручили С. И. Жданову, коллеге из другого НИИ, бывшему летом 1962 г. в научной командировке в Праге. Присланные шарики были использованы для фракционирования полистирола осадительной хроматографией и, по отзыву научного сотрудника Н. А. Правиковой, эксперимент дал хорошие результаты. В последующем стороны договорились о посылке шариков диаметром 0,2 мм, а в качестве перевозчика выступили разные люди, включая директора института Я. М. Колотыркина, который в сентябре 1962 г. был в рабочей поездке в Чехословакии [7, д. 662, л. 238, 352, 414]. Описываемый нами пример не был единственным случаем, и иллюстрирует одну из главных проблем отечественной науки, не только советской, но и российской – недостаток качественного оборудования и расходных материалов для проведения научных экспериментов. Советские ученые, в свою очередь, также оказывали техническую помощь в случае необходимости. Так, в 1960 г. в НИФХИ им. Л. Я. Карпова пришло письмо из Пекинского НИИХП с просьбой изготовить и передать для них циркуляционный насос. В ответ было отправлено сообщение о том, что НИФХИ уже передал в КНР 2 насоса и техническую документацию по ним, и теперь китайские специалисты могут самостоятельно изготавливать такие насосы. Если же у них встретятся затруднения в изготовлении стеклянных трубок с поршнями и клапанных коробок, то «карповцы» могут выслать им 2–3 комплекта стеклянных частей установки [7, д. 573, л. 71–72].

Советские физикохимики имели деловые контакты по всему миру. Главным условием для установления общения, завязывания связей являлись общие научные интересы, работа над схожими проблемами. Например, ученых из США привлекали фундаментальные научные исследования НИФХИ им. Л. Я. Карпова в области защиты металла от коррозии, работы по аэрозолям и катализу. Французские ученые отмечали эксперименты советских коллег в радиационной химии, итальянцы – в молекулярной спектроскопии и хроматографии, японцы интересовались вопросами радиационной полимеризации. Очень тесные связи установились у НИФХИ им. Л. Я. Карпова и Лейпцигского института физических методов разделения вещества. Специалисты из ГДР неоднократно проходили стажировку в советском НИИ, так как в социалистическом лагере только эти 2 страны занимались анализом стабильных изотопов, и поэтому они перенимали опыт друг у друга [7, д. 521, л. 24–25]. Между сотрудниками двух институтов существовала активная переписка, и не последнюю роль в этом, как мы думаем, играл тот факт, что директор немецкого института Ю. Мюленпфордт 10 лет проработал в Советском Союзе, участвуя в разработке проекта советской атомной бомбы.

Изучение корреспонденции НИФХИ им. Л. Я. Карпова позволило заметить одну особенность в общении советских ученых с зарубежными коллегами, связанную, вероятно, с политической конъюнктурой. Контактные коммуникации – совещания, стажировки, выполнение совместных научно-исследовательских тем, участие в конференциях чаще всего присутствовали в общении с учеными из социалистических стран. Например, в 1964 г. среди посетителей Физико-химического института им. Л. Я. Карпова 81 человек были представителями соцлагеря (чаще всего из Венгрии, Чехословакии и Польши) и только 29 – из капиталистических стран (прежде всего из Японии и Великобритании) [7, д. 744, л. 16–21]. При этом в переписке такого перекося не наблюдается. Наоборот, суммарно количество писем от западных исследователей несколько больше, чем от коллег по СЭВ, таким образом, переписка возмещала недостаток личного общения с представителями западной науки.

Общение ученых порою из делового превращалось в неформальное, что являлось немаловажным аспектом того времени – времени преодоления политики изоляции

онизма. Дружеские контакты способствовали формированию положительного имиджа страны, распространению знаний о культуре, музыке, литературе, истории, то есть работали на укрепление международных связей, в том числе научных. Так, М. Н. Штединг, сотрудница лаборатории коллоидной химии, вела переписку с коллегами из Франции, обменивалась с ними открытками и книгами. Например, 20 декабря 1963 г. М. Н. Штединг в качестве подарка к Новому году отправила во Францию комплект открыток и повесть А. И. Куприна «Поединок», 21 января 1965 г. – «Алые паруса» А.С. Грина, осенью 1966 г. – «Молодую гвардию» А. А. Фадеева. Из Франции же ей пришла бандероль с французской беллетристикой [7, д. 699, л. 17; д. 776, л. 98; д. 813, л. 51; д. 81, л. 61].

Общение с зарубежными специалистами для некоторых советских ученых стало важным стимулом для изучения или углубления знаний иностранного языка. Об этом писал, например, профессор Фукс своему американскому коллеге В. Ла Меру после его отъезда из Москвы: «Я и мои коллеги посылаем вам наши наилучшие пожелания. Ваш визит пошел им на пользу: они решили начать учиться говорить по-английски» [7, д. 777, л. 98].

Таким образом, научное взаимодействие ученых разных стран, безусловно, зависит от государственной политики, от характера международных отношений, но долгое изолированное состояние научного знания приводит к застою, параллелизму и снижению темпов развития науки и техники. Поэтому, как только изменилась внутренняя ситуация в Советском Союзе, научный обмен с иностранными учеными был восстановлен и получил мощный стимул для развития. С другой стороны, международные научные контакты можно рассматривать, как канал взаимодействия в непростых внешнеполитических условиях.

Список источников

1. Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700–1917) // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М. : НЛО, 2010. С. 5–13.
2. Солнцева Е. А., Капитонов А. А. Концепция истории трансферов в современных исторических исследованиях // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2014. № 5. С. 112–116.
3. Бурганова Л. А. Трансфер технологий в Германии (на примере химической промышленности) // *Вестник экономики, права и социологии*. 2012. № 4. С. 31–35.
4. Кочеткова Е. А. Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий в 1953–1964 годах: случай Энсо-Светогорска // *Laboratorium*. 2013. № 3. С. 13–42.
5. Курапова Е. Р. Советско-болгарское экономическое и научно-техническое сотрудничество по материалам РГАЭ (1950-е–1970-е гг.) // «О чем поведают архивы... Российско-болгарские отношения и связи. М. : Институт славяноведения РАН, 2011. С. 107–117.
6. Черняховская Ю. В. Международный трансфер технологий и локализация: истории успеха в атомной энергетике // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2016. Т. 7. № 2. С. 38–47.
7. Российский государственный архив в г. Самаре. Ф. Р–16. Оп. 2–6. Д. 74, 318, 348, 352, 367, 473, 484, 521, 522, 573, 610, 662, 699, 739, 744, 773, 776, 777, 813.
8. Медведев Ж. А. Международное сотрудничество ученых и национальные границы. Тайна переписки охраняется законом. London: Macmillan, 1971.

9. Сумбунова Е. И. «Пионеры» советской физикохимии (материалы к биографиям Я.М. Колотыркина и Н.А. Фукса) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2022. Т. 4. № 3. С. 88–97.

10. «Золотое двадцатилетие» советской науки: СССР и международный трансфер технологий в 1950–1960-е гг.: монография / С. Ю. Заводюк, С. В. Занин, Е. И. Золотухин, Е. Б. Калашникова, А. А. Капитонов, О. Е. Солдатова, Е. А. Соленцова, Е. И. Сумбунова, Н. Ф. Тагирова; отв. ред. Н. Ф. Тагирова, Е. А. Соленцова. Самара : ИП Малянов Семен Константинович, 2022.

11. Guseva-Fuchs Marina. My husband's life story/ Marina Guseva-Fuchs // Nicolai Albertowich Fuchs – The Pioneer of Aerosol Science – Biography. Delft: Delft University Press, 1998.

Н. В. Амергазина

*Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник
имени А. И. Кытманова
Енисейск, Россия*

ПАМЯТИ АННЫ ФИЛИППОВНЫ АРХИПОВОЙ – УЧИТЕЛЯ И ХУДОЖНИКА

Аннотация. В данной статье представлена биографическая история личности учителя и художника Архиповой Анны Филипповны. В статье освещены её судьба и становление в послевоенное время, приезд из Белоруссии в Коми АССР, преподавательская и творческая деятельность в Енисейске и Санкт-Петербурге. Несмотря на сложные повороты судьбы, Анна Филипповна осталась преданной своему призванию, принося своим творчеством минуты истинной радости, щедро делясь профессиональным опытом с многочисленными учениками.

Ключевые слова: *учитель, личность, художник, объединение «Енисей», Енисейск, Ленинград, ученики*

Abstract. This article is dedicated to the biography description of Anna Phillipova Archipova, the artist and a teacher. The article highlights her life in the postwar times, moving from Belorussia to Komi ASSR, teaching and artistic activities in Yeniseysk and Saint Petersburg. Despite the difficulties on her way, Anna Phillipovna has managed to stay dedicated to her pedagogy mission, sharing her professional expertise with lots of her students.

Keywords: *a teacher, a personality, an artist, students, the artists' union «Yenisey», Yeniseysk, Leningrad*

Есть люди, которые в любые времена, в разные, порой сложные периоды своей жизни, каким-то невероятным образом не отступают от выбранной раз и навсегда начертанной судьбой магистральной линии. Такая судьба не для многих, подобные люди удивляют, притягивают и создают вокруг себя не менее интересное и содержательное окружение из своих единомышленников, коллег, учеников просто талантливых самобытных людей. Вот именно такой яркой личностью была Анна Филипповна Архипова – человек действия, преобразующий реальность.

2023 г. в России был объявлен Годом педагога и наставника. Пристальный взгляд на проблему роли «маленького человека» в формировании локальной истории как части глобальной, через судьбы отдельных личностей, даёт возможность понять нам их значение в обществе и меру ответственности за него. В данной статье реализована попытка осмысления биографии яркой личности, какой была Анна Филипповна Архипова, член Союза художников России с 1997 г., педагог [1]. Член творческого объединения художников «Енисей». «Я знаю и верю, что ваше искусство укрепляет духовную силу земли Сибирской» скажет губернатор Красноярского Края – Валерий Михайлович Зубов в 50-летний юбилей творческого объединения художников «Енисей» [2].

Участница первой Российской международной выставки-биеннале художников-пастелистов в Санкт-Петербурге 2002 г., второй международной в 2003 г., многих

и многих выставок города Енисейска, Лесосибирска, Красноярска, Санкт-Петербурга. Работы Анны Филипповны Архиповой находятся в частных коллекциях России, Германии, Франции, Израиля, Канады, Финляндии, более 500 работ – в Швеции.

Художница работала в технике масляной живописи и пастели [1; 3]. Многочисленные ученики Анны Филипповны работают в Красноярском крае и далеко за его пределами. Выдержки из книги отзывов персональной выставки «Это Я» к 60-летию народного объединения художников «Енисей» говорят сами за себя: «Феерическая выставка! Буйство красок, море чувств! Впечатляет, захватывает! Спасибо Анна Филипповна! Ждём новых свершений, новых необыкновенных работ!» «Прцветания тебе Аннушка, и целую поляну анютиных глазок в подарок для твоей новой картины [4].

Яркие жизнеутверждающие работы Анны Филипповны полюбились жителям Енисейска её глазами они по новому, увидели родную природу, простые предметы в натюрмортах, вместе с ней прочувствовали лирический дух старинного города.

Анна Филипповна родилась в деревне Мазнева Молодечненской (Полоцкой) области в Белоруссии 10 декабря 1944 г. [5] В тяжёлое послевоенное время трёхлетняя Аня оказывается в Полоцком детском доме. Всё её детство сопровождает одна мечта – встретиться с мамой. Научившись писать, она станет сочинять письма, которые всегда будут начинаться одинаково: «Мама, здравствуй». Куда их отправить она не знала, но ей очень надо было излить свою боль. В письмах она просила у мамы купить ей сумочку, мороженое: «...нас тут плохо одевают, и кормят тоже плохо». В детдоме Аня плакала, сокрушаясь, что на всём белом свете нет у неё никого из родных, и очередное письмо опять уходило в некуда. И всё-таки, мать и дочь встретились. Через 10 лет! [6].

Разыскать мать упрямой девочке помог завуч детского дома, после чего оставаться в детском доме она уже не смогла. Трудное детство без родительского тепла и опеки сделало её сильной и решительной, упрямой и напористой. Вспоминая своё детство, Анна Архипова благодарит бога за всё.

На одной из немногих детских фотографий можно увидеть Аню-ученицу средней школы города Полоцка: задумчивая девочка в кругу одноклассников и учителей. Затем Аня уезжает с матерью в Коми АССР, где тогда жил её старший брат. Преодолевая житейские трудности, мама вскоре определила её учиться в интернат. Жизнелюбивая девочка снова оторвана от близких людей, оторвана, но не покинута ими. Несмотря ни на что, в ней не было надлома, в детском коллективе она всегда отличалась своей активностью, занималась музыкой, танцами, спортом, посещала изостудию и участвовала в оформлении школы к праздникам.

До окончания школы Аня успела в 1961 г. приобрести свою первую профессию. Марцинкевич Анна Филипповна получает удостоверение аттестационно-квалификационной комиссии в том, что проходила обучение по специальности маляра и 24 июня 1961 г. сдала государственный экзамен на 2 разряд.

Поступив в 1957 г. в Сосновскую среднюю школу города Сосногорска Ухтинского района Коми АССР, Анна окончила полный курс школы в 1962 г. После окончания шестого класса художественной школы она не прекращала заниматься живописью, как происходит с большинством детей. Живопись стала её главным увлечением в жизни. Тогда она еще не осознавала, что это увлечение не просто радость творчества, но и возможно будущая профессия.

В восемнадцать лет Анна Филипповна продолжила посещать художественную студию Новодвинска. Как-то побывав на экскурсии в Ленинграде, Аня решила, что непременно поедет туда учиться. Так и случилось, выбор пал на Ленинградский текстильный институт. Это было не совсем то, что она хотела, о чём мечтала, но зато в городе своей мечты. Здесь она выходит замуж. Брак был недолгим. Учась на четвёртом курсе института ей пришлось уйти в академический отпуск в связи с рождением ребён-

ка. И как часто бывает в жизни, академический отпуск растянулся на неопределённое время и закончился тем, что учёбу пришлось оставить [7].

Следуя своему призванию, Аня поступает и заканчивает заочное художественно-оформительское отделение Московского народного университета искусств имени Н. Крупской. Именно тогда она начинает принимать активное участие в художественной жизни Новодвинска и Архангельска, участвуя в выставках. Тогда знакомство с творчеством художников и общение с ними нашли благодатную почву в душе молодого художника-оформителя [7].

Этот бесценный опыт взаимодействия в творческой среде во многом определил всю последующую жизнь Анны Филипповны, ей стало ясно, что заочного образования ей недостаточно для достижения творческих вершин. Жить, как и прежде было негде, Аня жила в коммунальной квартире под Архангельском, работая в городе художником оформителем. «Знакомые, видя её увлечённость живописью, посоветовали поступать в высшее художественно-промышленное училище им. В. Мухиной. Это престижное училище славилось на уровне художественного института им. Репина. Выбор был сделан, однако попытка поступления оказалась неудачной, и тогда по совету художника Михаила Ильича Ивеницкого Анна Филипповна в 29 лет поступила в Ленинградский пединститут на художественно-графическое отделение.

Педагогическое образование давало ей возможность после окончания учёбы вместе с работой получить жильё. Сдав вступительные экзамены, она вновь была поставлена перед нелёгким выбором либо получать стипендию, но оказаться без жилья, либо жить в общежитии. «Раз Господь меня, упирающуюся и сопротивляющуюся, привёл в этот институт, значит, он и дальше мне поможет», – решила Анна и выбрала общежитие. Сашеньку пришлось устроить в интернат. Забирала она его на выходные, селясь на два дня у знакомых или снимая на выходные квартиру. Накоплений от продажи картин на жизнь не хватало, но это обстоятельство не могло остановить молодую женщину в движении к своей цели, совершенствоваться в своём призвании.

Со временем трудности студенческой жизни стали восприниматься иначе, как самое светлое время жизни. Общение с институтскими друзьями, работа в студенческом научном обществе, постоянные выставки с подробным разбором достоинств и недостатков искусствоведами, преподавателями, творческие вечера – всё это давало Анне Филипповне дополнительный импульс к развитию, не менее важный, чем академические занятия. В этот период жизни Анне Филипповне также было непросто, необходимо было на минимальные средства самостоятельно решать житейские вопросы семьи, рассчитывая только на свою энергию и оптимизм, не откладывая на лучшие времена своё призвание, свою цель. В институте, видя её целеустремлённость, в качестве исключения позволили подрабатывать. Она устроилась лаборанткой в свой институт, а уже через полгода сдала сессию на повышенную стипендию. Летом Анна Филипповна вместе с Сашей ездила в пионерские лагеря: он – на отдых, она – работать художником оформителем [7].

В творческих поисках, трудах прошли пять лет обучения в институте. Дипломная работа «Архангельские мотивы» под руководством профессора М. А. Канеева из серии листов в технике монотипия получила высокую оценку приёмной комиссии и рекомендации в члены Союза художников – такой оглушительным успех вдохновлял на новые свершения.

Выпускница Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, художественно-графического отделения 1979 г. после окончания пединститута должна была сделать выбор, куда отправиться работать после института – в Белгород или Енисейск. Тогда выпускники получали распределения на место работы, лучшие ученики имели возможность выбирать. То, что в Енисейске ей давали квартиру, а не общежитие,

как в Белгороде, определило её выбор в пользу Енисейска: сын Саша подрастал, а собственного жилья так и не было.

В далёком сибирском городе Енисейске в 1968 г. в педагогическом училище было открыто художественно-графическое отделение. Ныне учебное заведение продолжает существовать, но уже в статусе педагогического колледжа, выпуская наряду с другими специальностями учителей черчения и рисования, сегодня – учителей изобразительного искусства.

Анна Филипповна всегда совмещала обучение и работу. До поступления в Енисейское педагогическое училище общий стаж работы Анны Филипповны составлял уже 16 лет. В Енисейске она начинает работать в 1979 г., молодому специалисту пришлось преподавать 16 специальных предметов: живопись, рисунок, черчение и другие. В Енисейском педучилище в сложившемся коллективе коллег необходимо было время, чтобы утвердиться. Для многих из них были не понятны мотивы приезда Анны Филипповны из центрального столичного города Ленинграда с его возможностями в маленький провинциальный Енисейск.

На тот момент в преподавательский коллектив художественно-графического факультета входили Ковтун Иван Иванович, Осипенко Виктор Сергеевич, Федосеева Валентина Григорьевна, Жданов Юрий Владимирович, а также Безруких Гера Яковлевна, одна из первых педагогов этого отделения, их ученицы Краева Антонина Станиславовна, Жданова Галина Петровна, Ковтун Людмила Николаевна, преподавал Пашук Александр Константинович. Анна Филипповна была истинной женщиной, она восхищалась и вдохновлялась цветами, природой и музыкой. Художница отмечала и замечала красоту в простых вещах [3].

Всё, за что бралась Анна Филипповна, она делала с необыкновенной страстью и увлечённостью, такова была её суть. Педагогическая работа захватила её, погружая в новые планы и творческий профессиональный поиск. В училище она взялась курировать группу первокурсников. С ними у неё сложились необыкновенные, поистине близкие дружеские отношения, которые сохранялись затем в течение всей её жизни. Кузакова Диана, Гавеллер Виктория, Харченова Лариса, другие учащиеся её группы, заразившись творчеством, наполнившись отраженным светом пламени своего педагога, впитав всё лучшее, что им дал коллектив учителей, не закончили свою творческую биографию, выйдя из стен педагогического училища. Для них, многим из которых не удалось окончить даже художественную школу, открылась широкая, непростая дорога в искусство, наполненная цветом и светом.

Работы выпускников Анны Филипповны отличались крепким рисунком, интересными композиционными решениями, сложным колоритом. В это же самое время вместе с дипломниками Анна Филипповна представляет в здании педучилища и свою персональную выставку. Увлечённость, необыкновенная энергия, целеустремлённость позволяли Анне Филипповне совмещать насыщенную педагогическую деятельность с творческой.

Вступив в 1980 г. в народное объединение художников Енисейска и Лесосибирска «Енисей», она нашла единомышленников и друзей, одним из таких товарищей стал в её жизни Пашук Александр Константинович, преподаватель педучилища, художник, живший в её доме по соседству, «через стенку».

В объединении Анна Филипповна много работает, становясь неотъемлемой частью творческого коллектива. Оценив все лучшие качества коллеги, художники выбирают её своим руководителем. Работы этого периода – «Земля-матушка», «Автопортрет», «Девушка на фоне черёмухи». Художница не останавливается на достигнутом, самостоятельно выставляется в Красноярске среди профессиональных художников.

Проработав в педагогическом училище семь лет, в 1986 г. она принята педагогом в Детскую художественную школу Енисейска, а затем в этом же году стала её директором. Тогда ДХШ не имела своего здания, ютилась в здании Дома пионеров. Каким-то образом Анне Филипповне удалось убедить администрацию города пойти ей навстречу, и школа получила просторный двухэтажный старинный особняк, пусть и требующий масштабного ремонта. Анна Филипповна засучив рукава начала преобразования художественной школы. Справилась с организацией ремонта, очищением подвальных помещений от завалов. Взвалила на себя поиск строительных материалов, средств на ремонтные работы, привлечение рабочих. Из воспоминаний о здании школы: «Не скрою, не очень приятно было сюда заходить: обшарпанные, узкие коридоры, мало света, грязная лестница, тёмные двери и маленькие неуютные кабинеты»... «Можно только представить, сколько энергии, нервов, здоровья понадобилось Анне Филипповне, чтобы всё это было сделано» [8].

Её трудами у города появилась великолепная школа со своим выставочным залом и просторными мастерскими по дереву в задействованном подвальном помещении. В этот напряжённый период она не прекращает выезжать на этюды и писать, писать, писать свои яркие эмоциональные работы. Художественная школа стала центром притяжения художников объединения «Енисей», частые встречи с учениками поддерживали атмосферу творчества. Художники объединения встречались дважды в месяц, планировали будущее, говорили об искусстве и, ждали, как товарищи примут новую работу [7].

В это счастливое для творчества время образуется целое отделение народного объединения «Енисей» в посёлке Геофизиков, практически микрорайона города Енисейска. В него входили В. Катцын, В. Кузнецов, А. Болдырев, И. Гресько. В 70-е, 80-е вплоть до начала 90-х гг. творческая жизнь достигла своего пика активности [9].

В начале 90-х гг. сложные переломные времена в нашем государстве влияют на все стороны жизни общества, в том числе и на работу художников. Некоторые художники в лучшем случае переехали в столичные города, в краевой центр, многие в период перестройки прекратили принимать участие в выставках: одни ушли в добывания средств существованию, другие организовали своё дело [9].

Для Анны Филипповны и в этот непростой период важно было продолжать заниматься своим делом – живописью. Так вышло, что друзья-художники, уезжая на длительное время из города на Неве, оставляют на попечение Анне Филипповне свою мастерскую. Это была возможность снова окунуться в свою любимую творческую среду города, полюбоившегося ещё с юности, со студенческих времён. В Ленинграде она снова активно участвует в выставках: «Осенний Петербург», выставка в музее истории Ленинграда, выставка в Летнем саду, постоянная выставка в музыкально-художественной галерее в городе Пушкино – вот далеко не полный список выставок с её участием в это время.

С конца 90-х гг. Анна Филипповна разрывается между Санкт-Петербургом и Енисейском. В Санкт-Петербурге в 90-е гг. продолжается её педагогическая деятельность. Анна Филипповна трудится в Негосударственном образовательном учреждении высшего профессионального образования Институте декоративно-прикладного искусства в должности заведующей кафедры рисунка и живописи. В Енисейске остаётся часть её души, здесь с семьёй живёт сын, любимый внук, близкие друзья, ученики. Анна Филипповна любила природу Енисейска, атмосферу купеческого города, чем-то напоминавшего Ленинград.

Когда-то в детстве музыка стала для Анны Филипповны источником вдохновения, началом приобщения к миру искусства. Владея игрой на фортепьяно и скрипке, Анна Филипповна переносила свои музыкальные впечатления на холст [10]. Продолжая активно участвовать в выставках, в 1997 г. художница становится членом Россий-

ского союза художников. Анна Филипповна совмещала педагогическую деятельность с творческой, но кто сказал, что педагогика – это не творчество?

Умирает брат, и Анна Филипповна перевозит в Енисейск свою маму. С 2000-х гг. Анна Филипповна всё больше времени проводит в Енисейске, общаясь с семьёй, воплощая свои новые идеи в работах. Здесь она организует студию для художников-любителей самых разных возрастов и профессий; её воспитанники принимали участие в городской выставке. Казалось, ничто не могло укротить энергию Анны Филипповны, казалось, она неиссякаема. Всё также к Анне Филипповне тянулись люди, чувствуя в ней глубокую симпатию, направленную к каждому в её окружении. Всё так же для многих она была непререкаемым авторитетом в творчестве, всё так же к ней приезжали её любимые ученики, давно ставшие коллегами по творчеству и просто близкими друзьями.

Анны Филипповны не стало 21 января 2020 г. Последние годы она провела в семье сына, в той самой квартире, которой они так радовались с Сашей, получив её в Енисейске. Квартира и сегодня наполнена светом её многочисленных работ. Когда-то приехав из Белоруссии в Коми АССР, затем в очаровавший её Ленинград, она сделала свой, как казалось тогда, отчаянный выбор – обосноваться в далёком сибирском городке Енисейске, о чём, как ни странно, никогда потом не жалела. В этом уютном старинном городе любят и помнят творчество художницы. Такие люди, как Анна Филипповна, наполняют смыслом и красотой окружающие их пространство, формируют умение видеть, любить и отражать свой прекрасный край [11]. Духовный и профессиональный потенциал, упорство и жизнелюбие пробуждают в их окружении веру в свои силы.

Анна Филипповна Архипова среди учеников
Енисейской художественной школы

Список источников

1. ЕВЗ НВ Ф. 1238.
2. ЕКМ. ОФ. 10297-3.
3. Ушенина Т. Енисейский городской выставочный зал. Ровно год назад ушла из жизни Анна Филипповна Архипова. 21.07.2020. Режим доступа: <https://m.ok.ru/group/57157599101103/topic/152066910378927?ysclid=lhd1a7czc6566640398>.
4. Колесник Т. Анна // К 60-летию народного объединения художников «Енисей» // Заря Енисея. 2008. № 39.
5. ЕГВЗ НВФ КП 5302.
6. Журавлёва М. Аннушка // Енисейская правда. 21.01.2010.
7. Семёнов Г. Художники Енисейска. Анна Архипова. 14.05.1997.
8. Енисейская правда «Здесь поселилась красота» 15.09.1992.
9. Никитин Ю. Вовремя. Ю. Никитин // 20.02.1998 Л. 4
10. МБУК ЕГВЗ НВФ 4505.
11. ЕКМ ОФ 10297-1.

П. В. Сорокун

*Ачинский филиал Красноярского государственного
аграрного университета
Ачинск, Россия*

ИСТОРИЯ МАЛЫХ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ В ТРУДАХ УЧЕНОГО-ИСТОРИКА Д. Я. РЕЗУНА

Аннотация. Российская историография на сегодняшний день имеет богатые традиции изучения локальных общностей, которые в свое время были заложены отечественным краеведением. Весомый вклад в изучение истории сибирских городов до советского периода внес замечательный ученый-историк Д. Я. Резун. По его мнению, роль и история малых городов Сибири, которые являлись связующими и детерминированным звеном в исторической противоположности город/деревня, до сих пор еще не заняла достойного места в собственно исторических исследованиях, хотя в ряде общих работ последнего времени и получила очерковое освещение.

Ключевые слова: *история, город, биография, историк, Сибирь, городские поселения, исследование, научный труд*

Abstract. Russian historiography today has a rich tradition of studying local communities, which at one time were laid down by Russian local lore. A significant contribution to the study of the history of Siberian cities, before the Soviet period, is represented by the works of the remarkable scientist-historian D. Ya. Rezun. In his opinion, the role and history of small towns in Siberia, which were the connecting and deterministic link in the historical opposition of the city-village, has not yet taken its rightful place in historical research proper, although it has received essay coverage in a number of general works of recent times.

Keywords: *History, city, biography, historian, Siberia, urban settlements, research, scientific work*

Малые города как одна из самых устойчивых во времени и пространстве форм всегда составляли и составляют большинство поселений городского типа почти в любой стране. Вплоть до настоящего времени в большинстве стран Западной Европы по законодательному статусу городами считаются поселения, имеющие не менее 2-5-10 тысяч жителей, а в некоторых странах минимальное число жителей города составляет лишь несколько сот человек [1, с. 4].

Каждая научная проблема имеет ряд горизонтов, «срезов» своего решения. На сегодняшний день сибирская историческая наука характеризуется тем, что история крупных в прошлом городов Сибири – Тобольска, Тюмени, Томска, Енисейска, Красноярска, Иркутска, Якутска и Нерчинска – изучена достаточно фундаментально.

Одними из первых родоначальников обозначивших значимость русских городов в исторической судьбе Сибири являлись Г. Ф. Миллер, П. Н. Буцинский, П. М. Головачев. Сибирские города XVIII в. в большей степени представляли собой военно-оборонительные поселения или торгово-промышленные центры. В рамках их изучения ученые-историки опирались на письменные документы-указы, записные книги, грамо-

ты, отписки, а также на материалы, которые были собраны путешественниками и участниками экспедиции [1, с. 568–569].

История небольших городских поселений до сих пор еще является актуальной для исследования, так как многие ученые при изучении истории регионов Сибири не брали в расчет малые города как форму городских поселений. Что противоречит объективности, так как каждый крупный город «возглавлял» целую взаимосвязанную систему острогов, окруженных заимками и погостами.

Весомый вклад в историческую науку изучения малых сибирских городов внес Дмитрий Яковлевич Резун. Его труды стали настоящими бестселлерами [2–6]. Жизнь и научное творчество ученого нашли отражение в историографической литературе [7–9].

В биографических материалах Д. Я. Резуна, сформированных на основании его личного дела, указывалось следующее: Дмитрий Яковлевич Резун, родился 6 февраля 1945 г. в Омске в семье рабочего. Отец умер в 1952 г. Мать, Резун Надежда Семеновна, работала табельщицей в областной психбольнице г. Омска. В 1961 г., окончив 9 классов средней школы № 65, по семейным обстоятельствам пошел работать лаборантом в химико-механический техникум (г. Омск), в 1962 г. окончил 10 классов школы рабочей молодежи № 1 (г. Омск). До института, кроме техникума, работал еще инструктором трудовой терапии в областной психбольнице (г. Омск), коллектором пикетажистом Омского отделения Новосибирского треста инженерно-изыскательских работ (г. Омск) [9, с. 8–9].

В 1964 г. поступил на исторический факультет педагогического института им. А. М. Горького и в 1968 г. окончил его. С 1968 по 1971 г. работал по распределению учителем истории и обществоведения средней школы № 1 в г. Называевске Омской области. В 1971 г. по семейным обстоятельствам переехал в Махачкалу, где работал старшим библиотекарем в научно-методическом отделе Республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина, и там в июле 1972 г. вступил в члены КПСС. В ноябре 1972 г. опять переехал в Омск, где работал преподавателем истории в школе рабочей молодежи № 15. В процессе осуществления своей научной деятельности Д. Я. Резун публиковал свои изыскания в международных изданиях Германии, Польше, США [9, с. 5–8]. Также в отечественных периодических изданиях, таких как «Земля Сибирская Дальневосточная», «Вечерний Новосибирск», «Енисей».

В отзывах и характеристике за 1998 г. подчеркивалось, что «самый значительный вклад Д. Я. Резун за последние пять лет внес в науку созданием и изданием «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» [12]. Особое значение также отводится замечательному труду: «Русские в среднем Причулымье в XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибирь)», издание 1984 г. основано на различных архивных источниках, показан генезис малых городских форм как исторически закономерных и обусловленных форм проявления процесса хозяйственно-культурного освоения Сибири в указанный выше период. Рассматриваются вопросы основания и строительства русских острогов в Причулымье, развития и взаимосвязь различных сфер городской экономики: сельского хозяйства, торговли и транспорта, ремесла городских поселений среднего Причулымья.

В связи с преждевременной кончиной в 2012 г. ученый не успел закончить разработку новых больших тем «Немцы и поляки в Сибири в XVII в.», «Шведские военнопленные в Сибири в XVIII в.», «Участие иноземцев в начальном этапе освоения русскими Сибири», Д. Я. Резун успел лишь частично реализовать новые материалы в научных публикациях и выступлениях на конференциях и симпозиумах разного уровня [11, с. 10].

Ученый оставил после себя огромный массив материалов, среди которых особое значение имеют копии источников архивных документов, все они во многом остаются еще неизученными и не введенными в научный оборот.

Список источников

1. Резун Д. Я. Русские в Среднем Причудлымье XVII–XIX вв.: проблемы социально экономического развития малых городов Сибири. Новосибирск: Наука, сибирское отд., 1984.
2. Жуков В. В. К истории исследований русских городов Сибири: от первоначальных знаний к археологическим открытиям // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемое прошлое, неопределенное будущее : сб. материалов XVI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 2021. С. 568–573.
3. Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск : Наука, 1993.
4. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
5. Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в.: ярмарки Западной Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб.изд.фирма, 1992.
6. Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в.: Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. изд. фирма, 1993.
7. Ивонин А. Р. Сибирский историк Дмитрий Яковлевич Резун (к 60-летию со дня рождения) // Проблемы социально-экономического развития Сибири XVII–XX вв. : сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 3–11.
8. Ламин В. А., Ус Л. Б. Историк по призванию // Проблемы социально-экономического развития Сибири XVII–XX вв. : сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 299–300.
9. Каменецкий И. П. Д. Я. Резун – ученый, педагог, человек: к 60-летию со дня рождения историка // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 1 (15). С. 5–10.
10. Каменева В. А. Д. Я. Резун – грани таланта // Проблемы социально-экономического развития Сибири XVII–XX вв. : сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 12–15.
11. Каменецкий И. П., Комлева Е. В., Туманик Е. Н. Последний проект историка: к биографии Дмитрия Яковлевича Резуна // Исторический курьер. 2018. № 2. С. 1–12.
12. Резун Д. Я., Терешков Д. М. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири : в 4 т. Новосибирск, 1994–1999.

СРЕДА ОБИТАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА КРАСНОЯРСКИХ УЧЕНЫХ-ФИЗИКОВ 1960-1980-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье рассматривается среда обитания и организация свободного досуга красноярского сообщества ученых-физиков в 1960–1980-е гг. Изучается процесс того, как на базе красноярского Академгородка формировалась и транслировалась идентичность локального научного сообщества, которое занимало весьма автономное место в «городской» среде обитания. В настоящее время актуально показать формы самоорганизации и культурный уровень профессионального сообщества, направления досуговой деятельности. Цель статьи – проанализировать социокультурные аспекты становления и развития личности ученого, выявить типичные варианты формирования социокультурной среды и социокультурных практик.

Ключевые слова: Академгородок, Л. В. Киренский, Институт Физики, среда обитания, творчество, досуг, научное сообщество

Abstract. The article examines the organization of free leisure of the Krasnoyarsk community of physicists in the 1960s – 1980s. What was the cultural level of the community and how it changed. The process of how, on the basis of the Krasnoyarsk Akademgorodok, the identity of the local scientific community was formed and broadcast, which occupied a very autonomous place in the "urban" environment, is studied.

Keywords: Akademgorodok, L. V. Kirensky, Institute of Physics, creativity, leisure, scientific community

Среда обитания красноярского академического научного сообщества непосредственно связана с районом, получившим название Академгородок. Такие «академические городки» традиционно строились в отдалении от городского центра, на лоне природы, в окружении рощ и лесов. Красноярский академгородок – это одновременно подражание города-сада и наукоград. Он был заложен по образцу и подобию своего старшего брата – Новосибирского академгородка – как часть структуры СО РАН. Однако, в отличие от него, окончательного разрыва с территорией г. Красноярска так и не произошло. Академгородок так и остался, хоть и обособленной, но частью Октябрьского района города, под него не была сформирована отдельная территориальная единица. Мало этого, научные объекты перемежаются спортивными. Лесные аллеи Академгородка традиционно являются местом активного и досугового отдыха всех горожан. Район остается весьма привлекательным в экологическом плане. В этом отношении Академгородок является динамично развивающейся частью миллионного города, его общественно-рекреационной зоной. Здесь сформирован антропогенный ландшафт – территориальная система, в которой взаимосвязаны природные и антропогенно-техногенные элементы.

Отдельная социальная среда обитания Академгородка формировалась скорее как часть процесса самоорганизации ученых и предполагала формирование автономных культурных практик этого района города Красноярска. Досуг и повседневность красноярских физиков и биофизиков во многом входили в социально-структурные аспекты организации науки и были связаны с развитием потенциала личности ученого в свободное от непосредственной производственной работы времени. К свободному времени традиционно относили отдых, развлечения, любительскую самодеятельность, а также занятия физкультурой и спортом.

При анализе среды проживания, социокультурных практик представителей научного сообщества использовались наработки историков повседневности, в первую очередь теоретические положения Н. Л. Пушкаревой, С. В. Любичанковского, согласно которым «предметом изучения история повседневности является комплексное изучение повторяющегося, «нормального» и привычного стиля и образа жизни» представителей различных слоев и стратов населения, мотивация их поведения. Таким образом, в сфере внимания историков оказывается как публичная повседневность, сфера частной повседневной жизни, так и восприятие повседневности индивидом и группой [1].

В работе также использовались труды А. Людтке, который, изучая повседневные (повторяющиеся) практики рядовых людей в конкретных жизненных ситуациях, в том числе в трудовой сфере, сделал вывод о возможности создания некоторой автономности, индивидуальности среды обитания того или иного человеческого сообщества [2].

При изучении организации их деятельности применялся структурно-функциональный метод, который позволил выявить приемы организации среды обитания учеными, стратегии поведения людей науки в свободное от работы времени, их предпочтения в сфере досуга [3]. В настоящее время данные аспекты освещаются в ряде статей сибирских авторов [4].

В статье использовались опубликованные и неопубликованные источники. Решения Красноярского горисполкома (Ф. Р-631) дают представление о формировании среды обитания: передаче земли в безвозмездное пользование под научные учреждения, объекты жилищного и социального строительства; застройке красноярского Академгородка научно-исследовательскими учреждениями и создании жилого района. Решения позволяют проанализировать процесс.

К опубликованным источникам возможно отнести документы о создании и первых годах работы Красноярского института физики, о личностях ученых, размещенные как в отдельных трудах, газетных публикациях, так и на сайте Института физики им. Л.В. Киренского СО РАН [5]; фотолетопись с комментариями представителей института физики о создании среды обитания физиков – Академгородка г. Красноярска [6]. Кроме этого, в статье использовались записи интервью жителей Академгородка, что позволило воссоздать социокультурные практики красноярского научного сообщества.

В настоящее время в основном исследуются типичные сообщества горожан или сельских жителей – образцы поведения людей определенной эпохи и определенной местности [7].

Значительно реже – уникальные человеческие образования, к которым можно отнести и научные. Люди науки стремились внести инновационность в сферу социокультурной деятельности. Они не были склонны к шаблонам и рутине, хотя и пытались закрепить выработанные образцы поведения как некий эталон. Творческая составляющая представителей науки оценивается в работе М. Г. Ярошевского «Человек науки как историческая фигура» [8] в трех координатах – познавательной, социальной и личностной.

Феномен автономных отечественных наукоградов исследовался, в основном, новосибирскими учеными. В середине 1950-х гг. академики М. А. Лаврентьев, С. Л. Со-

болевы и С. А. Христианович обратились в правительство с предложением создать в короткие сроки междисциплинарный центр в Сибири в соответствии с современными трендами мировой науки. Идею поддержал Н. С. Хрущев. Он согласился ассигновать средства на его развитие. Как указывает Н. А. Куперштох, «развитие науки на востоке страны шло ускоренными темпами: в 1959–1965 гг. объем капиталовложений в развитие СО АН СССР в пять раз превысил финансирование остальной части АН СССР. В феврале 1957 г. идея создания междисциплинарного центра была обнародована на общем собрании АН СССР. Его задачами провозглашались развитие фундаментальных исследований, передача научных разработок в практику, подготовка научных кадров, развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока. Новый центр науки впервые объединял научные учреждения за Уралом и организационно, и территориально. В мае 1957 г. практически одновременно были приняты постановления СМ СССР и ЦК КПСС о создании Сибирского отделения Академии наук СССР. В документах определены ключевые направления региональной стратегии, предусматривающей поэтапное развитие научных центров на территории Сибири и Дальнего Востока» [9].

Отдельные аспекты истории формирования Академгородка и становления научных коллективов нашли отражение в книгах по истории Института физики [10], Октябрьского района г. Красноярска [11].

Н. А. Куперштох, В. А. Ламин и др. обратили внимание на влияние личности ученого, приоритетных научно-исследовательских тем на практическую деятельность локальных научных сообществ Сибири и формирование местной академической среды [12].

Одновременно с созданием научных школ начинает формироваться и автономно организованное место жительства красноярских ученых – Академгородок. Первоначально, еще не возникло идеи отдельно строящегося района, Институт физики получил здание в центре города, недалеко стали селить и сотрудников института. В январе 1957 г. Институту решением Красноярского крайисполкома было передано здание по ул. К. Маркса, 42, в котором раньше помещался Центральный районный комитет КПСС и райсовет. В 1963 г. ему было передано здание рядом [13]. Здесь же были размещены двухэтажные мастерские (декабрь 1957 г.) [14].

Была выделена усадьба для строительства жилого дома по ул. Сталина (ныне – Мира), 100 (декабрь, 1959 г.) [15], а также началось строительство домов около завода телевизоров на пр. Свободный (№ 6 и № 8) (февраль 1959 г., позднее эти два дома были переданы Заводу телевизоров); на юго-западе около Завода телевизоров было построено еще два дома [16].

Из интервью В., 1948 г. р.: «Когда учились, проходили практику в Институте физики в старинном здании на Маркса, там был еще первый кабинет Киренского, помоему, на втором. Помню особняк. Во дворе фонтан старый. И была конюшня, там располагалась наша лазерная лаборатория. А потом они уже построили здание в Академгородке и переехали [17]».

Л. В. Киренскому удалось начать строительство нового корпуса в будущем Академгородке, за чертой города, что он обосновал наличием значительных площадей для возведения в будущем все новых и новых научных корпусов. Он считал, что на этом месте со временем вырастет мощный научный центр с десятком НИИ.

В январе 1958 г. Институт физики был передан свободный от леса земельный участок площадью 1000 га в городской лесной даче. Местонахождение данного участка было определено западнее радиостанции ЕНУРПа, южнее и севернее дороги на Дом отдыха (пос. Удачный). Участок отдавался в бессрочное пользование [18]. Как мы видим, пока название «Академгородок» еще не возникло.

В июле 1960 г. город распорядился провести озеленение территории, сосредоточить жилое строительство, которое было начато без согласования с ним, на площадке, которая сейчас носит название Нижнего Академгородка, часть территории была отведена под будущий дендропарк [19].

В 1961 г. земельный участок под строительство был значительно расширен до 175 га. Прежняя территория была включена Решением Красноярского исполкома горсовета от 16.06.1961 № 359 и разработанного в соответствии с ним Архитектурно-планировочным заданием от 16.02.1963 «На составление проекта жилого микрорайона комплекса научно-исследовательских институтов Сибирского отделения Академии наук СССР в г. Красноярске» [20] предусмотрена комплексная застройка земельного участка, расположенного на левом берегу реки Енисей, юго-западнее города, в городской лесной даче, южнее дороги в дом отдыха, в составе микрорайона жилых домов, включая учреждения социально-бытового обслуживания населения и комплекса научно-исследовательских институтов. Первоначально требовалось провести строительство Института физики, далее – Института леса и древесины, а также Института синтеза биологически активных соединений. Для жилых домов было отведено 25 тыс. кв. м. Все объекты строительства предполагалось возводить на свободных от лесных насаждений площадях. Все лесонасаждения предполагалось полностью сохранить, провести их реконструкцию с целью оздоровления и перевести их в дендропарк [21].

Необходимо отметить заинтересованность местных властей в развитии науки в Красноярском крае. Академик И. И. Гительзон вспоминал, что все проблемы решались очень быстро, партия уважала и помогала проведению научных исследований. Среди тех, кто поддерживал, – Аверкий Борисович Аристов, Павел Стефанович Федирко. Владимир Иванович Долгих даже завел в крайкоме традицию научных чтений [22].

Удаленный от основных городских построек Академгородок стал средой обитания ученых, своеобразной лабораторией, в которой они жили, взаимодействовали друг с другом. Здесь формировался своеобразный стиль жизни, в основу которого были положены интеллектуальные и спортивные занятия, немаловажную роль играли музыка и театр. Семья, детские учреждения являлись трансляторами этого человеческого опыта и существенно влияли на формирование картины мира в научной среде.

Планка культурного времяпровождения была заложена еще Л. В. Киренским. Киренский очень любил природу, Столбы, Енисей. Он был хорошим фотографом, на вечерах, проводящихся в Институте физики, часто играл на разных музыкальных инструментах, например, на аккордеоне, умело владел столярными и слесарными инструментами, любил своими руками сделать все необходимое по дому и получал от этих занятий большое удовольствие. Был азартным спортивным болельщиком [23].

До конца своих дней жизни сохранил Леонид Васильевич и юношескую страсть к поэзии. Немногие знали, что он пишет стихи. Поэзия, как считали многие, сделала его обаятельным, интересным человеком, чутким к чужой радости и беде, доброжелательным и внимательным к людям, наделили его удивительной притягательной силой [24]. Поэтический архив Л. В. Киренского не богат. Сохранилось несколько десятков стихотворений. В большинстве случаев они разбросаны по записным книжкам. Часто это торопливые строчки на случайных листах, записи на книжных переплетах, иногда в письмах. Дополнительно к этому сохранилось несколько разрозненных страниц мемуарного плана, попыток размышления над прожитой жизнью. Есть среди стихов Леонида Васильевича сравнительно большая, но незаконченная поэма «Шаги жизни», по замыслу она должна была быть основана на истории его жизни [25].

Демократизация общественной жизни 1960-х гг. привела к заметному оживлению в области культуры. Она не могла не сказаться и на занятиях красноярских физи-

ков. Известно, что Л. В. Киренский в свои последние дни читал А. И. Солженицына. Как вспоминал И. И. Гительзон: «В последний вечер своей жизни он говорил о своей глубокой озабоченности делами в стране. Может быть последнее, что он читал в больнице, – книга Солженицына – побудила его поделиться своей тревогой. “Неладно что-то в нашем государстве”, – сказал он словами Гамлета. И это – в 1969 г. Такими мыслями был полон последний день Леонида Васильевича Киренского» [26].

Ученые любили и хорошую компанию, шутки. Любили и умели петь задушевно хорошие песни. Из воспоминания об А. Родичеве: «Особенно потрясали в его исполнении некоторые песни Б. Окуджавы. Сашино исполнение придавало им такую прозрачную чистоту и сдержанность, какой не всегда, по-моему, удается добиваться автору, когда он сам поет их, или артистам. Мы готовы были слушать Сашу часами» [27].

Значимое место в культурной и общественной жизни Института физики занимал самодеятельный театр, который организовывали сами работники института. Е. В. Кузьминым, одним из первых сотрудников теоретического отдела Института физики СО АН СССР, в 1966 г. был поставлен спектакль-опера «Архимед». Евгению Всеволодовичу Кузьмину доводилось, будучи студентом Московского государственного университета (МГУ), выступать в аналогичном спектакле на сценах МГУ, Курчатовского института, в Московском доме литераторов. В московской версии «Архимеда» прекрасным образом излагались основы атомной физики в ариях, дуэтах и хоровом исполнении. На концертах в разные годы присутствовали Нильс Бор, Л. Ландау, Константин Симонов, и везде выступления самодеятельного спектакля пользовались огромным успехом. Опера «Архимед» в красноярской трактовке не раз исполнялась на сцене Красноярского городского Дома учителя, в ДК «Первое Мая», в институтах города Красноярска, на научных конференциях и совещаниях по магнетизму, проводившихся в Красноярске. По отзывам зрителей, видевших тот и другой спектакль, красноярский вариант был ничуть не хуже московского. В основном составе солистов были: Л. Левин, А. Фиш, В. Спиров, З. Синегубова, Е. Кузьмин, О. Хрячков. В хоре пели ученые Института физики, а также преподаватели и студенты Красноярского государственного университета [28].

Научными сотрудниками Института физики Сибирского отделения АН СССР Олегом Артемьевичем Баюковым и Николаем Сергеевичем Чистяковым создана удивительная книжка дружеских шаржей и эпиграмм на сотрудников института, которая называется «Музей друзей». Она вышла в 1967 г. к 10-летию начала работы института. Вышла небольшим тиражом в 100 экземпляров и распространялась строго по списку, то есть лично в руки. Узнать себя на страницах книги смогли 48 самых ярких и заметных личностей молодого института. Позже вышла вторая книга под таким же названием. Что побудило их взяться за такой труд, они подробно изложили в предисловиях к книгам [28].

В 1970-е гг. эпоха свободы творчества сменилась эпохой организации досуга. Досуг – это не только отдых, забава или развлечение, это, прежде всего, средство формирования и укрепления социальной общности. Все занятия традиционно делятся на активные (спорт, туризм) и пассивные (просмотр телевизора). Интервью жителей Академгородка показывают, что в будни абсолютно преобладающими в ученой среде были чтение книг, прием и посещение гостей.

О популярности книг вспоминает Н.: «Сейчас часто заказывают статьи в интернете, тогда же каждую неделю в институтах организовывалась выставка литературы. Все ученые приходили туда, каждый понедельник. Все столы были заняты. Была и художественная литература, и научно-популярная» [29].

В выходные выезжали за город, были заядлые туристы, многие участвовали в спортивных и публичных мероприятиях. Особой популярностью пользовались Стол-

бы, хакасские озера. Ездили в дома отдыха – Институт физики выдавал путевки в санатории и дома отдыха. Например, в Минусинск, дома отдыха были по краю. За пределами края почти не были [30].

Из интервью Н.: «Очень популярны были домашние концерты. Также люди ходили в походы. Иногда даже в рамках похода проводились научные конференции. Зачастую в экспедиции ездили прямо семьями, даже заводя там детей» [29].

Кино смотрели в ДК, которое находилось в административном 12-этажном здании. Там был приспособлен экран. Чаще всего это было по выходным. Еще в этой 12-этажке был Английский клуб ИФ для сотрудников. Им по работе это надо было читать статьи, а кто-то ездил и в командировки за границу [29].

Будничная жизнь детей складывалась из посещения детского садика или школы, прогулок и игр после школы. Многие их тех, кто уже родился в Академгородке, хорошо помнят «белый» и «красный» садики, где они провели первые годы своей жизни. Из интервью И.: «Родилась я в 5-м роддоме. Мама у меня работала в Институте физики. Себя я помню лет с 3–4-х. Тогда я уже пошла в младшую группу детсада, в нижнем Академгородке. Это был «красный» садик – был еще «белый», можно сказать, что они противопоставлялись. Сейчас «красный» садик заброшен. Со мной в садик ходили дети ученых – родители их работали в разных институтах. Не было никакого деления, что туда-то идут дети химиков, а в другой садик – физиков» [30].

В советское время, как и сейчас, в Академгородке, действовала всего одна школа – № 41. Бывшие ученики о ней очень тепло отзываются. Рассказывают, что в школе была практика шефства – класс, который был старше, шефствовал над младшими товарищами. Преподаватели были очень хорошего уровня. Как вспоминает И., она со своим «троешным» английским без проблем поступила в универ. Мой собеседник с гордостью говорит: «Я считаю, что тот факт, что я много знаю – вроде бы не особо нужные знания – делает меня образованным человеком» [30].

В школе действовали общие советские практики. Мои собеседники вспоминали пионерскую организацию, однако комсомол они уже не застали. Из интервью М.: «У нас не было комсомольцев – это нужно понимать. Кто-то был «достойным» пионером, а кто-то обычным. Достойных могли отправить в Почетный караул у Вечного огня – это был высший пилотаж. Я в караул никогда не ходила – потому что у меня не было пятерок по всем предметам. Я училась хорошо, но не была перфекционисткой» [31].

Из негативного мои собеседники вспомнили «клановость» школы, где в 1980-е гг. все дети уже делились на «высокостатусных» и «обычных». К «высокостатусным» относили тех детей, чьи родители имели особый ученый статус, должность, часто выезжали за границу, что в то время также было показателем успешности. «Высокостатусные» дети общались, обычно, только между собой. Они были лучше одеты. Были «нейтралы». С ними общались и «высокостатусные», но отношения были не особо тесными [30].

Игровые активности были в шаговой доступности. Как вспоминает М.: «Можно было позвать детей на игру, просто стоя во дворе, – все окна были открыты, через 5–10 минут во дворе уже толпились дети. Можно было запросто собрать на казаки-разбойники 18 детей» [30].

Летом выезжали сажать картошку, собирать общественные овощи. Дач почти не было. Сажали тут же. Распаханные участки тянулись вдоль Енисея. Очень интересно сажали, например, картофель: «Но биофизики не просто сажали картошку – кто-то красил клубни синим, кто-то приделывал бирки – чтобы параллельно провести какой-то эксперимент. После, вечером, был пикник» [31].

В сферы организации досуга были вовлечены почти все жители научного городка. Долгое время в Академгородке существовала традиция массовых праздников.

Устраивали лыжные соревнования, праздник «Урожая» с выставкой овощей, выращенных на своих дачных участках, отмечали день рождения Академгородка и др. В центре Академгородка располагалась площадка с небольшой эстрадой для выступлений и концертов.

В Академгородке в 1970–1980-е гг. был создан детский клуб «Радуга». Клуб организовывал досуг детей городка. Работали кружки и секции, объединяющие детей по интересам: футбольная секция (руководители И. Н. Флеров и М. Л. Афанасьев), секция фигурного катания (руководитель В. Веденков), кружок живописи (руководитель Т. Костина), кружок макраме (руководитель О. Фомина), кружок изготовления мягких игрушек (руководитель Л. Фатеева), хоровая студия (руководитель Л. В. Русина). Работала лыжная база (руководитель А. Молчанов), а также секция карате, авиамодельная секция, существовала хоккейная команда, кружок шитья и др. В разные годы клубом руководили Валентина Никифоровна Астраханцева и Клара Гехт [28].

Из интервью И., 1976 г. р.: «... я ходила в секцию рукопашного боя (Радуга), ей занимался один энтузиаст, и с ней мы ездили в Хакасию, на Белё, в Саяны. Мне нравился спорт, кроме рукопашного боя, я занималась бегом, лыжами. Всяких секций было много – может, не было условного балета, но самое основное – было» [30].

Из интервью М., 1973 г. р.: «Горнолыжный спорт (основал Молтянский, сейчас управляет его сын), в целом, очень важна тут Блин-гора. В горнолыжную секцию брали всех. Также было много зимних беговых лыж – природа позволяет. Почти в каждой семье были лыжи. У нас в семье была традиция по воскресениям – всей семьей ходить на лыжах с отцом во главе. Сейчас мы, переходя дорогу, отстегиваем лыжи, когда мы были детьми, в этом не было нужно, транспорта было мало.

Летом были разные спортивные активности у разных возрастов. Играли в шахматы. Мартин Линстрем, когда приезжал, увидел, что люди играют на улице в шахматы, он был удивлен [31].

Дом ученых появился благодаря Вячеславу Бабаеву. Сейчас Дом ученых ассоциируется в основном с банкетным залом, баней и сауной. Они и тогда были. Но там проводились очень много различных мероприятий, в том числе и спортивных, действовал Английский клуб [30].

Из интервью Н.: «Там было здание, принадлежащее какой-то автобазе. Сейчас это вообще не похоже на то, что было. Дом был изумительно оборудован самим Бабаевым. На стенах висели различные гербарии и так далее. В Доме ученых были прекрасные вечера – зачастую до утра. Вообще, была классная самодеятельность. После появился местный театр – мы сами писали сценарий и готовили спектакли.

С. даже хотел провести вечер вальса, как на Павловском вокзале, но этого не случилось. Однако были вечера, посвященные Шаляпину. Интернета тогда не было, телевизор был – 2 черно-белых канала, вечером особенно никто домой не стремился. Делали совместно праздники, стенгазеты. 8 Марта всегда отмечался в зале, всегда был концерт, событие, обычно на тему науки.

Также в Доме ученых проводились встречи с В. Астафьевым – жалко, что не было диктофона, он так интересно выступал, рубил правду-матку так, что со смеху поминирали [29]».

Таким образом, одновременно с формированием научной составляющей труда ученых, на базе красноярского Академгородка формировалась и транслировалась идентичность локального научного сообщества, которое занимало весьма автономное место в «городской» среде обитания. Преобладали активные формы досуга: спорт, туризм, художественная самодеятельность, все, что способствовало развитию творческого начала. У ученых была тяга к чтению книг и просмотру художественных фильмов.

Сформировалось несколько социально значимых практик: увлечение туризмом и спортом, формирование детского клуба «Радуга», деятельность Дома ученых.

Список источников

1. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 8, 9.

2. Журавлев С. В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М. : РОССПЭН, 2010. С. 3–19.

3. Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект / отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск : Наука, 1988.

4. Дворецкая А. П., Гарин Е. Н., Гергилев Д. Н. Деятельность Всесоюзного Арктического научно-исследовательского института в период эвакуации в Красноярске (1941–1944): складывание региональных исследований по Енисейскому Северу и Арктике // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 245–255; Павлов А. Е., Дворецкая А. П., Терскова А. А. Вклад красноярских биофизиков в изучение космоса // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1 (39). С. 140–147; Терскова А. А. Из истории становления Красноярского государственного университета // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 1 (15). С. 126–133.

5. Леонид Васильевич Киренский, 1909–1969 / Н. С. Чистяков, Р. П. Смолин; [отв. ред. И. А. Терсков]. М. : Наука, 1981; Академик Леонид Васильевич Киренский / [сост. Д. И. Захарова; отв. ред. П. И. Емельянова; лит. ред. Л. А. Шилова]. Якутск : Бичик, 2009.

6. Фотолетопись Института физики им. Л. В. Киренского СО РАН. Режим доступа: <http://photo.kirensky.ru>.

7. Рафикова С. А. Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. Красноярск : СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2019.

8. Ярошевский М. Г. Человек науки как историческая фигура // Историческая психология науки. СПб., 1995. С. 9–102.

9. Куперштох Н. А. Шесть десятилетий академической науки Сибири: СО РАН СССР в советский период // История науки и техники. 2017. № 2. С. 3–14; Куперштох Н. А. Проблема «центр – периферия» через призму организации научного центра в Сибири в 50–60-е гг. XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центров и регионов в истории России : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб. : ЛГУ, 2018. С. 126–127.

10. Институт физики имени Л. В. Киренского / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние; сост. Э. М. Смокотин. Красноярск, 1982.

11. Очерки истории Октябрьского района г. Красноярска: 50 лет / науч. ред. М. Д. Северьянов. Красноярск: Красноярский университет, 1988.

12. Куперштох Н. А. Очерки о лидерах академической науки Сибири. Новосибирск : Гео, 2011; Куперштох Н. А. Академик Л. В. Киренский – организатор института физики Красноярского научно-образовательного комплекса // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 90–95; Академические научные школы Красноярска в области физических и биофизических исследований / А. А. Долголюк, В. И. Исаев, Н. А. Куперштох и др.; отв. ред. В. А. Ламин // Разработка и реализация проектов эко-

номической и социальной модернизации Сибири в XX веке. Новосибирск: Автограф; Институт истории СО РАН, 2015. С. 54–60; Шелегина О. Н., Куперштох Н. А., Запороженко Г. М. Покровский Н. Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 117–122.

13. Фотолетопись Института физики им. Л.В. Киренского СО РАН. URL: <http://photo.kirensky.ru/>

14. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 938. Л. 2.

15. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 906. Л. 30.

16. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 1022. Л. 66.

17. Интервью В. Запись 23.06.2020.

18. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 948. Л. 49.

19. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 1018. Л. 22,

23.

20. Проектное задание «Жилой микрорайон комплекса научно-исследовательских институтов Сибирского отделения АН СССР в г. Красноярске» // Т. 1: Пояснительная записка, исходная документация и чертежи. Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов и лабораторий «ГИПРОНИИ» АН СССР, 1963.

21. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 1057. Л. 118–120.

22. Бурлаку С. Науку движет неугасимое любопытство // Наш Красноярский край. 2014. № 75.

23. Красноярцы-исследователи. Преданный рыцарь науки // Красноярский рабочий. 1984. № 82.

24. Чистяков Н. С. Поэзия в жизни Л. В. Киренского. Режим доступа: http://photo.kirensky.ru/tvorchestvo-sotrudnikov/article_chistyakov/n-s-chistyakov-poeziya-v-zhizni-l-v-kirenskogo/view.

25. Чистяков Н. С., Смолин Р. П. За Сибирь мы особый ответ держать перед совестью будем // Красноярский комсомолец. 1973. № 42.

26. Гительзон И. И. Галактика Киренского // Красноярский рабочий. 1999. № 68.

27. Игнатченко В. А. Физик Александр Родичев // Красноярский комсомолец. 1966. № 6.

28. Интервью Н. Запись 02.06.2020.

29. Интервью И. Запись 15.06.2020.

30. Интервью М. Запись 16.06.2020.

Е. В. Карпенко

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

РАЗВИТИЕ ВНУТРИВУЗОВСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В КРАСНОЯРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ВЫБОРЫ РЕКТОРА 1989 ГОДА

Аннотация. В статье на основе анализа материалов фонда Музея Сибирского федерального университета представлена характеристика одного из этапов развития внутривузовской демократии в Красноярском государственном университете в период Перестройки – выборы ректора университета.

Ключевые слова: Красноярский государственный университет, перестройка, ректор, Подуфалов, газета «Университетская жизнь», внутривузовская демократия

Abstract. The article contains an analysis of the materials of the Museum of the Siberian Federal University (SFU). The author presented the characteristics of the stage of development of intra-university democracy during the period of «perestroika». The article is devoted to the election of the rector at the Krasnoyarsk State University (KSU) in 1989.

Keywords: the Krasnoyarsk State University, «perestroika», the rector, Podufalov, newspaper «University Life», intra-university democracy

История развития системы высшего образования в России неразрывно связана с политической историей страны. Университет всегда являлся отражением общественно-политической ситуации в стране, внутренняя жизнь вуза зависит от ряда внешних факторов, важнейшим из которых является правительственная политика. Внутривузовская демократия, степень автономности университетов всегда являлись важными вопросами не только для студенческой аудитории и преподавательско-профессорского состава, но и для составителей нормативно-правовой базы образовательной системы. Исследование различных аспектов, связанных с демократизацией системы высшего образования в целом представляет серьезный научный интерес. Последние десятилетия опубликованы работы, посвященные истории развития высшего образования в стране. Однако стоит обратить внимание, что история демократизации отдельных университетов (даже ведущих в стране) представлена весьма слабо.

Данная статья посвящена первым выборам ректора в Красноярском государственном университете (КГУ). События весны 1989 г. ярко иллюстрируют не только общие процессы развития вузовского образования, но и дают возможность определить отношение студенческой молодежи, работников высшего образования к общественно-политической ситуации в стране. Кроме того, анализ подобных событий позволяет утверждать, что, несмотря на изменения в государственной политике, демократизация университетской жизни всегда тесно связана с внутренними традициями и устоявшимися стереотипами в самом вузе.

Серьезные изменения в общественно-политической жизни после 1985 года коснулись нормативно-правовой базы системы высшего образования. До 1987 г. в СССР

ректоров назначали приказами по министерству. Демократизация советской высшей школы включала выборность руководителей учебных заведений. Курс на «перестройку и обновление» по всей стране привел к появлению ректоров, избранных тайным голосованием коллектива вуза.

Деятельность Красноярского государственного университета началась в качестве филиала Новосибирского государственного университета в 1963 г., с 1969 г. филиал НГУ получил статус университета. Несмотря на небольшой срок существования, к концу 1980-х гг. КГУ представлял собой один из ведущих университетов страны. Кардинальные изменения в политике коснулись различных сфер университетской жизни. Было открыто экономическое отделение, началась реализация эксперимента по коллективному способу обучения (В. К. Дьяченко), создана широко известная Школа Космонавтики в Железногорске, в университете было введено свободное посещение всех лекций, кроме эстетического цикла, физической культуры и практики. Выборы ректора весной 1989 г. стали важным этапом в развитии вуза.

За период 1963–1989 гг. в КГУ сменилось три ректора: филиал возглавляла Г. Р. Балуева, с 1969 до 1975 г. во главе университета был назначен А. И. Дрокин, с 1975 по 1988 гг. – В. С. Соколов. В 1988 г. В. С. Соколов с уходом на пост второго секретаря Красноярского краевого комитета КПСС покинул пост ректора университета, исполняющим обязанности ректора был назначен В. А. Сапожников. На март 1989 г. были назначены выборы ректора в соответствии с принятым Положением.

Согласно воспоминаниям доктора исторических наук, профессора В. В. Гришаева, КГУ всегда отличался от других «царившим в нем революционным духом» [1, с. 1]. В. В. Гришаев описывает университет 1970–1980-х гг. как демократичный вуз, указывая именно на особую роль ректора Вениамина Сергеевича Соколова: «Он человек решительный, и для него не было проблемой вступить в конфликт с властями» [1, с. 1]. В качестве примера свободолюбия В. В. Гришаев рассказывал о плакате с надписью «Мы – умы, а вы – увы...», вывешенному в корпусе на Маярчака, 6, накануне «дня дурака». В. С. Соколов принадлежал к лицам, поддержавшим перестройку в образовании. Неоднократно он публично выражал идеи о важнейшей роли системы образования в период перемен. Однако он же подчеркивал, что не стоит далеко заходить «в заигрывании с молодежью, потакая безвкусице, безделию, безответственности, индивидуализму... под видом борьбы за демократию и плюрализм мнений» [2, с. 2]. Такие выступления в среде студенческой молодежи формировали образ консервативного ректора. Общественное мнение студентов и части преподавателей связывало руководство вузом В. С. Соколова с прежними установками и режимом. Однако часть студентов высоко оценивала заслуги ректора («видит цель, знает, как ее достичь, и широкий человек, не боящийся нового» [3, с. 2]).

Первоначально кандидатами на должность ректора были выдвинуты В. А. Сапожников (выдвинут математическим факультетом), А. С. Проворов (выдвинут советом юридического факультета и кафедрами), Н. Д. Подуфалов (выдвинут советами юридического и математического факультетов), Е. В. Кузьмин (выдвинут кафедрой теоретической физики). В выборах ректора КГУ принимали участие три кандидатуры (А. С. Проворов снял свою кандидатуру): Подуфалов Николай Дмитриевич, Кузьмин Евгений Всеволодович и Сапожников Валентин Алексеевич. 20 февраля 1989 г. на расширенном заседании совета были утверждены кандидатуры, опубликованы их программы.

Программы всех трех кандидатов были опубликованы для ознакомления и всеобщего обсуждения. Согласно материалам публикаций, все кандидаты поддерживают принятый февральским 1988 г. постановлением КК КПСС план реализации стратегии развития университета. Кандидаты отмечают заслуги предыдущего ректора, не выра-

жают в отношении его политики в университете негативных оценок и критики. Н. Д. Подуфалов отмечал, что предыдущим ректором была достигнута цель превращения университета в один из ведущих вузов страны, следующим шагом является выход на международный уровень [4, с. 1]. В. А. Сапожниковым в основу программы был положен принцип «принцип преемственности в делах развития деятельности университета» [4, с. 3].

Все три кандидата отмечают общие проблемы: социально-бытовые трудности, строительство университетского корпуса, отношения с Красноярским научным центром СО АН СССР (КНЦ СО АН СССР), необходимость расширения международных связей. Все три кандидата выступали за развитие сотрудничества с Красноярским научным центром. Е. В. Кузьмин видел в интеграции с КНЦ возможности для концентрации сил в научно-исследовательской работе в вопросах решения региональных проблем [5, л. 1]. Посредством интеграции университета с КНЦ на условиях долевого участия в жилищном строительстве предполагали решить проблемы обеспечения жильем сотрудников [5, л. 1].

В университетской газете «Университетская жизнь» от 1 марта 1989 г. (№ 6-7) три страницы из четырех были посвящены приближающимся выборам: на каждой странице была размещена программа кандидата, замечания и сомнения со стороны различных представителей университетской общественности, в том числе и с открытых собраний. Газета «Университетская жизнь» отличалась весьма свободным стилем изложения, подбором материала. Можно охарактеризовать ее как «перестроечное», демократичное издание. Студенты открыто выражали свое мнение на страницах «Университетской жизни», что являлось непосредственной заслугой действующей администрации. Несмотря на стремление редакции газеты максимально сохранять нейтралитет, содержание интервью и заметки к ним позволяют сделать вывод о линии коллектива редакции. Наиболее подходящим кандидатом на должность ректора редакция газеты считает Н. Д. Подуфалова, проректора по научно-исследовательской работе – Е. В. Кузьмина. Весьма категорично газета отзывается о В. А. Сапожникове: «Сапожников на месте ректора либо сужает значение ректора до руководителя НИР + административная власть, либо растягивает проректорство до рамок ректора» [4, с. 3].

В мартовском выпуске «Университетской жизни» накануне выборов ректора были выдвинуты следующие тезисы, характеризующие состояние университета в текущий момент. Во-первых, отмечалось, что университет находится в кризисном, переломном положении. Во-вторых, выбор ректора означает победу одной из двух тенденций: «в университете нет никаких проблем, не надо никаких ломок» и «есть серьезные проблемы, которые широко не обсуждаются». Что касается демократических тенденций, то редакция газеты озвучила сомнения части университетской общественности: «начинают говорить о демократии люди, которые ее в жизни не видели, и у них, стало быть, нет понятия о демократии» [4, с. 3]. Экспресс-интервью сотрудников университета о кандидатуре будущего ректора демонстрирует наличие нескольких серьезных проблем. Во-первых, большинство сотрудников университета обеспокоены вопросами финансирования. Так как первый этап развития университета завершен (университет построен, создана материальная база), то такого потока финансов в развитие университета уже не будет, необходимо подготовить новый этап. Во-вторых, в период общественно-политических изменений в стране обострились социально-бытовые проблемы. Важнейшим вопросом для сотрудников университета являлся жилищный. Треть преподавательского состава не имели жилья. Согласно данным председателя профкома В. А. Вишневого, в период 1984–1989 гг. свыше 30 преподавателей уехали, основная причина – непредоставление жилья [3, с. 1].

В. А. Сапожников занимал должность проректора по научно-исследовательской работе в КГУ. Деятельность В. А. Сапожникова весьма высоко оценивали в коллективе университета как специалиста, организатора и человека. Он сам участвовал в разработке программы развития университета до 2000 г., поэтому его программа была полностью нацелена на претворение в жизнь уже утвержденного проекта. Именно участие в разработке программы развития университета стало преимуществом В. А. Сапожникова для преподавательского состава. Считалось, что человек, непосредственно участвовавший в формировании программы, знает все ее тонкости, наиболее способен ее реализовать [4, с. 3]. Главными трудностями на пути реализации программы развития университета В. А. Сапожников считал необходимость развития фундаментальных исследований в новых условиях развития страны, освоение хозрасчета и самофинансирования [4, с. 3]. Расширение самостоятельности факультетов и кафедр Сапожников тесно связывал с процессом повышения ответственности на местах, сокращением «бюрократизма и согласования» [4, с. 3]. В кандидатуре Сапожникова видели человека, который «умеет разумно объединить коллектив» [4, с. 3]. В программе «Чистый Енисей» под руководством Валентина Алексеевича были объединены математики, биологи и физики. В. А. Сапожников на должности проректора по НИР работал над активизацией международных связей. Успешным можно назвать его сотрудничество с Болгарией, была намечена программа контактов с Францией по использованию космического пространства в мирных целях.

Кандидатуру В. А. Сапожникова поддерживали как фигуру, известную в министерстве, представляющую университет. Кроме того, ректорство Сапожникова считалось менее болезненным в отношении неизбежной ломке традиций [3, с. 1]. Однако многие связывали кандидатуру Сапожникова с прежними установками, считали, что В. А. Сапожников, работая при В. С. Соколове проректором по НИР, в должности ректора останется между «молотом и наковальней» [3, с. 1]. К началу марта 1989 г. фигуру В. А. Сапожникова представляли как «дух технического прагматизма, идею затыкания дыр» [4, с. 3]. Для многих выбор ректором Сапожникова означал отрицание проблем, потерю темпов развития.

К основным тезисам предвыборной платформы Е. В. Кузьмина относились оптимальное сочетание фундаментальной и целевой подготовки, расширение научно-исследовательской работы, в том числе среди студентов. Научно-исследовательская работа преподавателей и студентов виделась Е. В. Кузьмину основой развития университета. Гуманитарное направление в программе Е. В. Кузьмина было представлено как «вспомогательное», решающее задачи приобщения студентов к общемировым ценностям, задачи «гуманитаризации» естественных факультетов [5, л. 1].

Весьма интересным представляются тезисы Е. В. Кузьмина об управлении университетом: федеративность факультетов, гласность, сопоставление различных мнений при обсуждении вопросов на всех уровнях и во всех подразделениях. КГУ Е. В. Кузьмина – технический университет с широкой самостоятельностью факультетов, ведущих активную научно-исследовательскую работу.

Выбор ректором Кузьмина означал «ломку», признание проблем, на обсуждениях которых университет сможет развиваться [4, с. 3]. Сторонники Е. В. Кузьмина считали, что он, как активно работающий ученый, необходим университету в качестве руководителя для того, чтобы повысить «дух стремления к науке» [4, с. 2]. Однако довольно большая часть студентов и сотрудников университета видели Е. В. Кузьмина скорее проректором по научно-исследовательской работе. Отсутствие опыта административной работы у Е. В. Кузьмина, его нежелание «бегать по министерствам» создавали впечатление неподготовленности кандидата к посту руководителя университета [4, с. 2].

Н. Д. Подуфалов являлся выпускником математического факультета КГУ. Работал на кафедре математики Красноярского политехнического института, в 1978 г. был избран деканом математического факультета, став самым молодым деканом в стране. В 34 года Подуфалов защитил докторскую диссертацию. В 1983 г. он был назначен ректором КИСИ (Красноярского инженерно-строительного института) [6, л. 1]. Являясь председателем городского совета по народному образованию, депутатом городского совета Николай Дмитриевич выступал за активизацию политики в области образования. Стоит отметить, что активная общественная деятельность кандидата, его знание механизма «связей» в министерствах, на разных уровнях выделялись и в качестве достоинства кандидата, и в качестве недостатка («стереотипы уходящего в прошлое руководства» [4, с. 1]). Кандидатура Н. Д. Подуфалова также привлекала тем, что он являлся крупным ученым с международным авторитетом. Именно Н. Д. Подуфалова противопоставляли прежней системе управления, называя ее безличной [5, л. 11]. Полагали, что кандидатура «пришлого» Подуфалова наиболее подходящая: «если ректор будет из университета, то мы не надеемся на перемены для нашего факультета» [3, с. 1].

В период обсуждения предвыборных программ кандидатов появился тезис о присутствии «социалистической бюрократии» в университете. Агитационная листовка за кандидатуру Н. Д. Подуфалова содержит подробное описание признаков «социалистической бюрократии» в университете. Анализ листовки позволяет не только выделить основные тезисы программы кандидата Н. Д. Подуфалова, но и отражает общественно-политические реалии второй половины 1980-х гг. Понятие «бюрократия» в листовке носит крайне негативную окраску. Под «бюрократией» понимают «канцелярскую власть», призыв выбрать ректором Н. Д. Подуфалова сводится к призыву бороться с бюрократией в университете [7, л. 1]. Именно его выдвигали как единственного кандидата, способного реализовать в жизнь основные элементы борьбы с бюрократией. В объявлении о проведении собрания студенческой фракции Ученого совета университета 20 февраля 1989 г. повестка собрания была обозначена единственным вопросом: «Кто нам нужен – ректор или марионетка?» [8, л. 1].

Важно отметить отношение кандидатов к роли студентов в управлении университетом. Перестроечные процессы привели к актуализации вопросов, связанных с самоуправлением. Студенты-филологи обозначили самоуправление «дохлой собакой», которую пытаются оживить в попытках всеобщей демократизации университетской жизни [3, с. 2]. Участие студентов в выборах ректора оценивалось многими студентами как профанация: «... часто ли сталкивались студенты... в совместной работе (учебе) с кандидатами?» [3, с. 2].

Н. Д. Подуфалов причину проблем развития студенческого самоуправления характеризовал сведением вопросов самоуправления к самообслуживанию, то есть решению только бытовых проблем, когда быт пытаются перекладывать на плечи студентов, внедряя самоуправление «сверху» [4, с. 1]. Степень участия студентов в управлении университетом Н. Д. Подуфаловым определялась следующим образом: «если найдены интересные и значимые дела, то вопросов о самоуправлении не возникает, а четкое разделение обязанностей между администрацией и студентами в решении вопросов быта позволит более эффективно развивать студенческое самоуправление в общежитиях» [4, с. 1]. Таким образом, Н. Д. Подуфалов отводил второстепенную роль студентам в управлении, ограничиваясь вопросами самоуправления в общежитиях, с которого и предлагал начинать развитие настоящей системы студенческого самоуправления. При этом кандидат подчеркивал, что эффективное решение задач, стоящих перед университетом, невозможно без самого активного участия студентов и студенческих организаций. Е. В. Кузьмин выражал большой интерес к повышению роли студентов во всех

сферах деятельности университета [5, л. 1]. Наряду с повышением роли студентов в управлении университетом выдвигался тезис об ответственности за принятые решения. Однако конкретных идей и принципов участия студентов в системе управления предложено не было ни одним из кандидатов. В. А. Сапожников наиболее четко сформулировал позицию в отношении роли студентов: «студенты университета на равных правах с преподавателями должны быть ответственны и за качество своей подготовки, и за свое знание, и за свое умение, и за свое духовное и физическое здоровье» [4, с. 3]. В. А. Сапожников считал, что со стороны администрации необходимо показать студентам их значимость, способствовать их сознательному участию в жизни вуза. Он обращает внимание на пессимистический настрой студентов в отношении предстоящих выборов.

Действительно, анализ материалов студенческой газеты «Университетская жизнь» позволяет сделать вывод о некоторой аполитичности студентов в отношении выборов ректора. Зимой-весной 1989 г. у студентов сформировалась позиция равнодушия к вопросу о том, кто станет новым ректором университета. Часто можно увидеть фразы типа «непосредственной зависимости нашей жизни от того, какой ректор, наверное, нет» [3, с. 1]. Несмотря на демократические процессы в стране, расширение гласности, студенты КГУ не осознавали себя реальными участниками политического процесса. Часть студентов (среди которых студенты юридического факультета) выражали безразличие: «мы, наверное, не следим за кампанией по выборам, поэтому не знаем ни кандидатов, ни кто из них предпочтительнее» [3, с. 2].

В номере за 14 февраля 1989 г. были опубликованы результаты небольшого опроса студентов и сотрудников университета. Согласно опросу, студенты хотят видеть на должности ректора «перестроечника», однако считают такой поворот событий практически невозможным: «этого не будет, потому что местное руководство занимает другие позиции. Выберут того, кого нужно... И вообще (извините за грубость сравнения) – выбирают ли насекомые нового хозяина квартиры, и главное – что это им дает?» [3, с. 1]. Небольшая часть опрошенных верила в честность и открытость выборов («убеждены, что выборы не профанация и пройдут демократически» [3, с. 2]). В вопросе о выборе из трех кандидатур мнения студентов разделились. Часть студентов видели в Н. Д. Подуфалове «варяга», которого приглашать не хотелось [3, с. 1]. Студенты видели необходимость обновления технической базы университета по современным стандартам. В кандидатуре Е. В. Кузьмина они видели поддержку «экспериментаторства» и продолжение лучших традиций управления Соколова [3, с. 2].

Согласно материалам студенческой встречи с кандидатами на должность ректора, 46 участников встречи путем тайного голосования выразили свое одобрение кандидатуры Н. Д. Подуфалова, за кандидатуру Е. В. Кузьмина проголосовали 17 человек, В. А. Сапожникова – 13 [9, л. 2].

В состав расширенного Ученого совета по выборам ректора КГУ вошло 127 человек, среди них 47 членов Ученого совета, 6 членов парткома, 14 членов профкома преподавателей и сотрудников, 19 членов профкома студентов, 12 членов комитета ВЛКСМ [8, л. 1]. Стоит отметить, что треть состава – студенты (34 чел.). Таким образом, на выборах ректора были представлены представители всей университетской общности. На открытом заседании расширенного совета 6 марта 1989 г. ректором был избран Н. Д. Подуфалов.

Выборы ректора в Красноярском государственном университете в 1989 г. стали продолжением процесса демократизации университетской жизни. С началом общественно-политических изменений в стране происходили изменения в различных областях внутри вуза. Анализ представленных выше материалов позволяет охарактеризовать один из этапов развития внутривузовской демократии. Студенческая молодежь

и сотрудники университета ждали от выборов ректора серьезных изменений. Подавляющая часть университетской общественности поддерживала перестроечные лозунги. Часть студентов скептически относилась к происходящим событиям, не все видели перспективы реальных изменений. Стоит отметить, что, несмотря на стремление со стороны кандидатов расширить студенческое самоуправление в университете, сами студенты к данному вопросу относились либо с большой долей пессимизма, либо с безразличием. Кандидатуры на должность ректора представляли во многом схожие программы (решение социально-бытовых проблем, дальнейшее строительство вуза, выход университета на международный уровень), аудитория университета большое внимание уделяла результатам деятельности трех кандидатов в различных сферах, опыту административной работы.

Список источников

1. Дятлова А. Мы – умы // Вечерний Красноярск. 31.03.1999. С. 1–2. Музей СФУ. Ф. 172 Д. 93.
2. Соколов В. С. Ау, человечиче // Комсомольская правда. 01.09.1988. № 201 (19301). С. 1–2.
3. Университетская жизнь. 14.02.1989. № 4 (459).
4. Университетская жизнь. 01.03.1989. № 6–7 (461–462).
5. Кузьмин Евгений Всеволодович. Основные тезисы предвыборной платформы. Музей СФУ. Ф. 172. Д. 23.
6. Биографическая справка. Николай Дмитриевич Подуфалов. Музей СФУ. Ф. 172. Д. 20.
7. Агитационная листовка «Голосуйте за проверенного, молодого, перспективного Н. Д. Подуфалова». Музей СФУ. Ф. Оп. 172. Д. 24.
8. Пригласительные билеты на собрание студенческой фракции Ученого совета университета 20 февраля 1989 г. Музей СФУ. Ф. Д. 25.
9. Сценарий студенческой встречи с кандидатами на должность ректора. Музей СФУ. Ф. 172. Д. 22.

И. А. Шереметова

*Государственная универсальная научная библиотека
Красноярского края
Красноярск, Россия*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА КРАСНОЯРСКОЙ НАУКИ В БАЗАХ ДАННЫХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье освещена деятельность Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края (ГУНБ КК) по созданию тематических краеведческих баз данных, направленных на раскрытие информации об ученых, научных организациях и их творческих изысканиях. Акцентировано внимание на работе сайта «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых». Предпринята попытка охарактеризовать персоналии ученых, отраженных на сайте, в рамках их научной деятельности на территории Красноярского края. Обозначены проблемы сбора биографических данных и их влияние на восстановление исторической картины региональной науки.

Ключевые слова: *краеведческие базы данных, научные краеведческие сайты, история науки региона, биографии ученых, биографические проекты, научное наследие, научное краеведение*

Abstract. The article covers the activities of the State Universal Scientific Library of the Krasnoyarsk region (SUSL KR) to create thematic local history databases aimed at disclosing information about scientists, scientific organizations and their creative research. Attention is focused on the site "Science of the Krasnoyarsk region in persons and works of scientists." An attempt has been made to characterize the personalities of the scientists presented on the site in the framework of their scientific activities in the Krasnoyarsk region. The problems of collecting biographical data and their impact on the reconstruction of the historical picture of the regional science are outlined.

Keywords: *local history databases, scientific local history sites, history of science in the region, biographies of scientists, biographical projects, scientific heritage, scientific local history*

В рамках Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации особое внимание уделяется повышению доступности информации о российской науке и выдающихся ученых [1]. На сегодняшний день в виртуальном пространстве общая картина науки российских территорий представлена фрагментарно и практически не отражает историю и современное состояние региональной науки [2, с. 101; 3, с. 218].

Красноярская краевая научная библиотека на протяжении многих лет аккумулирует информацию о научном ландшафте региона и транслирует научные знания на территории Красноярского края. Активно развиваются электронные краеведческие ресурсы, частично раскрывающие материалы о красноярской науке [4, с. 84–85]: электронная краеведческая библиотека «Красноярский меридиан» [5, с. 154], сайты «Красноярская

книга года» [6, с. 5], «Мемориальные доски Красноярья» [7, с. 117], базы данных «Персоналии и организации», «Изобретения и изобретатели» [8, с. 11], ежегодник «Календарь знаменательных и памятных дат: Край наш Красноярский» [5, с. 56].

В Год науки и технологий был запущен проект по созданию биобиблиографического электронного ресурса «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых» (<https://science.kraslib.ru>) [9]. Новый, динамически развивающийся ресурс позволил объединить на едином сайте биографии красноярских ученых, их научные труды, краткие справки о научных организациях региона.

На сегодня в базу введено более 500 биографий ученых, внесших значительный вклад в науку и оставивших заметный след в истории Красноярского края, более 50 организаций и несколько тысяч научных изданий с конца XIX в. по сегодняшний день, среди которых немало полнотекстовых краеведческих редких изданий [10, с. 46].

Исторический портрет деятеля науки дополняют фото, личные биографические данные, сведения о времени, темах диссертаций, научной карьере, наградах, достижениях. Здесь же располагаются сведения об именных конференциях, конкурсах, а также учреждениях и улицах, названных в честь ученого, памятниках и мемориальных досках. Научная деятельность кандидатов и докторов наук, членов-корреспондентов и академиков АН, изобретателей и рационализаторов составляет сущность научных микроисторий [11, с. 51–52].

Ресурс раскрывает биографии ученых, как родившихся на территории края, так и приехавших работать из других регионов страны. Яркие примеры ученых-красноярцев: Горчаковский Павел Леонидович (1920–2008, д-р биол. наук, проф., эколог), Назаров Игорь Павлович (1938–2022, д-р мед. наук, проф., акад., анестезиолог-реаниматолог), Коропачинский Игорь Юрьевич (1928–2021, д-р биол. наук, проф., дендролог) и др. Известные личности трудились на территории нашего региона в период Великой Отечественной войны: Рубинштейн Моисей Матвеевич, 1880–1953, д-р филос. наук, проф., работал в 1941–1942 гг. в Красноярском педагогическом институте; Лурье Яков Соломонович, 1921–1996, д-р филол. наук, проф., в 1941–1942 гг. преподавал в Енисейском государственном учительском институте.

Яркими представителями интеллектуальной биографии Красноярья стала плеяда изобретателей в различных областях науки. Среди них имена известных изобретателей: Смирнов-Васильев Константин Геннадьевич (1927–2003, д-р техн. наук, проф., инженер-конструктор), Абовский Наум Петрович (1929–2012, д-р техн. наук, проф., инженер-строитель), Граков Борис Степанович (1931–1994, д-р мед. наук, проф., хирург) и др.

На сайте также представлены биографии ученых, которые не жили в Красноярском крае, но их деятельность связана со строительством (Дмитриев Александр Иванович, 1878–1959, д-р архитектуры, автор проекта Коммунального моста через р. Енисей), разработкой местных месторождений (Комаров Сергей Григорьевич, 1909–1969, д-р техн. наук, проф., консультировал Красноярское геологическое управление при нефтегазопромысловых работах в Южно-Минусинской котловине), открытием новых организаций на территории края (Озерецкий Николай Иванович, 1893–1955, д-р мед. наук, проф., психиатр, первый ректор мединститута) и др.

Особого внимания заслуживают имена ученых, отбывавших ссылку на территории Красноярского края. Это Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович, 1877–1961, доктор медицины, выдающийся хирург и богослов; Анисимов Сергей Матвеевич, 1901–1970, проф., металлург; Тимченко Евгений Константинович, 1866–1948, д-р филол. наук, проф., и др.

Значительный интерес представляют биографии людей науки, не имеющих научных степеней, но внесших значительный вклад в развитие нашего региона (Лопат-

тин Иннокентий Александрович, 1839–1909, геолог, географ, археолог, действительный член Географического общества, участник экспедиций в низовья Енисея; Еленев Алексей Сергеевич, 1856–1914, краевед-археолог, географ, этнограф, преподаватель Красноярской учительской семинарии).

Таким образом, можно сказать, что из множества микроисторий ученых различных исторических периодов формируется исторический ландшафт науки Красноярского края. Уникальность судьбы каждого из представителей науки объясняется атмосферой его времени, среды, ближайшего окружения.

Серьезное беспокойство вызывают разные версии биографических дат и событий в источниках. Принятие решения о занесении сведений в биографию носит субъективный характер, разночтения в источниках фиксируется в программе для последующего возвращения к проблеме. Так, в биографии Моисея Матвеевича Рубинштейна указано, что он в 1905 г. получил степень доктора философии в Фрейбургском университете, защитив диссертацию на тему «О смысле жизни», но при этом в Википедии зафиксировано, что он доктор педагогических наук.

Другим событием, вызывающим сомнения, являются годы деятельности на территории Красноярского края Бантова Владимира Дмитриевича (1910–1951, д-р мед. наук, проф., хирург). В красноярских изданиях (Профессора КрасГМА, 1942–2002, 2002; Бердников Л. П. 200 лет на бессменном дежурстве, 2022) утверждается, что он руководил кафедрой госпитальной хирургии с 1942 по 1950 г. По другим данным Владимир Дмитриевич приехал в Красноярск после демобилизации в 1945 г. и преподавал по 1951 г.

Были ли возможны такие ситуации в реальности? Допущены ошибки в биографиях или описываются реальные жизненные обстоятельства? Возникающие вопросы рождают стимул к новым историческим изысканиям.

Даты рождения и смерти по старому и новому стилю, время защиты диссертаций и присвоения ученой степени чаще всего содержат ошибки и могут служить темой отдельного исследования. Источники искажают даты, составители биографий не всегда указывают, по какому календарю оформлены личные биографические данные. После оформления биографии нередко остаются вопросы, требующие доработки и дополнительного изучения проблемы, расширяя поиски необходимых сведений.

Лакуны в биографиях ученых образуют задел для последующих исследований в области региональной биографики и налаживания сотрудничества с научными и образовательными организациями края.

Для составления научной биографии используются печатные фонды ГУНБ КК, изучаются сайты научных и образовательных организаций, некрологи, тематические, научные сайты, порталы, страницы в соцсетях.

В персональных профилях собрано интеллектуальное наследие людей науки: монографии, сборники научных трудов, материалы конференций, авторефераты диссертаций, препринты, отчеты о НИР, учебные, справочные издания, статьи из научных журналов из фондов ГУНБ КК. Для расширения представления о деятельности ученого к странице прикреплены публикации о нем.

Интеллектуальные биографии людей науки непосредственно связаны с открытием и деятельностью научных, образовательных организаций, научных обществ, исследовательских центров, промышленных предприятий. Профили ученых привязаны к организациям и предприятиям края, к которым они имели отношение. Страница научной организации знакомит с датой основания, переименования организации, указывает важные вехи в развитии учреждения, его достижения, награды.

До текущего времени база данных выполняла мемориальную функцию, однако сегодня меняется вектор развития проекта и усилия направляются на пополнение ре-

курса современными именами ученых. Важнейшим направлением работы становится популяризация ресурса «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых» среди научного сообщества, приглашение к участию в проекте и максимальное пополнение сведений о красноярских ученых-современниках.

Необходимо отметить, что Краевая научная библиотека обладает значительным ресурсным потенциалом в области популяризации краеведческих научных знаний. Действительно, создание веб-ресурса региональной науки содействует реконструкции прошлого красноярской науки и способствует развитию краеведческих просопографических исследований. Широкое распространение информации о научных разработках красноярских ученых различных исторических периодов способствует продвижению региональных научных исследований и отражает динамику историко-культурного развития Красноярского края.

Список источников

1. Программа популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности и план действий по ее реализации одобрены поручением Правительства Российской Федерации от 21.12.2018 № ТГ-П8-9172 // Научно-техническое развитие Российской Федерации. Режим доступа: <https://нтр.пф/events/programma-populyarizatsii-nauchnoy-nauchno-tehnicheskoy-i-innovatsionnoy-deyatelnosti-i-plan-deystv/>.

2. Тараненко Л. Г. Основные направления библиотечного краеведения в электронной среде // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 2. С. 95–102.

3. Костякова Ю. Б. Использование интернет-ресурсов в реконструкции биографий исторических персон // Философия и методология истории : сб. научных статей IX Всероссийской научной конференции. 2021. С. 214–223.

4. Мандригина Л. А., Рыкова В. В. Информационная основа краеведческой деятельности библиотек Сибири и Дальнего Востока // Труды ГПНТБ СО РАН. 2020. № 4 (8). С. 82–91.

5. Похабова К. Ю. Электронная краеведческая библиотека «Красноярский меридиан»: на пути к пользователю // Электронные ресурсы и технологии библиотек: современные решения, инновации, возможности : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. 2021. С. 151–157.

6. Андроненко А. К. Электронный информационно-библиографический ресурс «Красноярская книга года» на примере Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края // Электронные ресурсы и технологии библиотек: современные решения, инновации, возможности : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. 2021. С. 4-8.

7. Похабова К. Ю. Краеведческие исследования (практика работы Государственной универсальной научной библиотеки красноярского края) // Труды ГПНТБ СО РАН. 2016. № 10. С. 115–121.

8. Дорогавцева А. А. В помощь Кулибиным. Разработка и создание электронной базы данных «Изобретения и изобретатели Красноярского края» // Библиотечное дело. 2012. № 1 (163). С. 11–12.

9. Шереметова И. А. Биобиблиографический электронный ресурс «Наука красноярского края в лицах и трудах ученых» как средство сохранения и продвижения научного наследия Красноярского региона // Цифровая трансформация библиотек: преемственность и вектор развития : материалы IX Международного конгресса «Библиотека как феномен культуры», посвященного 100-летию Национальной библиотеки Беларуси. 2022. С. 91–96.

10. Вольская Т. А. Книжное наследие Красноярского края в цифровой среде // Книжные памятники в цифровой среде : сб. научных трудов / научный редактор Е. Д. Жабко. Сер. Электронная библиотека. 2020. № 10. С. 45-51.

11. Шереметова И. А. Биографии ученых Красноярского края как отражение истории науки Сибирского региона // Гришаевские чтения : материалы V Международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В. В. Гришаева. 2023. С. 49–54.

РАЗДЕЛ 10

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕАЛОВ

УДК 94 (5)

Д. П. Шульга

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Сибирский институт управления РАНХиГС
Новосибирск, Россия*

МЕЖДУ СТЕПЬЮ, СИАНЕМ И КОНСТАНТИНОПОЛЕМ: КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В РАНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ СЕВЕРНОМ КИТАЕ

Аннотация. Великий Шёлковый путь являлся не только сетью торговых маршрутов. В крупнейших политических и экономических центрах раннего Средневековья происходило смешение культур. В этой работе мы на основе эпитафий «служилых иноземцев в Китае» рассмотрим процесс взаимного влияния культур кочевого, китайского, восточно-иранского и греко-романского мира.

Ключевые слова: Шёлковый путь, христианство, Китай, тюрки, эпитафии

Abstract. The Great Silk Road was not only a network of trade routes. In the largest early Middle Age political and economic centers, a mixture of cultures took place. In this work, based on the epitaphs of «serving foreigners in China», we will consider the process of mutual influence of the cultures of the nomadic, Chinese, Eastern Iranian and Greco-Roman worlds.

Keywords: Silk Road, Christianity, China, Turks, epitaphs

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (№ 22-78-10121)

Важным источником для изучения межкультурной коммуникации в раннее Средневековье являются эпитафии выходцев из Центральной Азии, обосновавшихся в Поднебесной. Примечательно, что, помимо явных следов китаизации, мы часто видим артефакты, восходящие к греко-романской традиции. В настоящей работе мы приведем два примера, демонстрирующих разных по роду занятий и происхождению «служилых иноземцев в Китае», у которых, однако, прослеживается знакомство с ранневизантийским культурным влиянием (пусть и в разной форме).

Первой мы рассмотрим эпитафию Ми Цзифэня (714–805), которая была обнаружена в 1955 г. в западном пригороде Сианя (район Тумэньцунь). Несмотря на то, что находка сделана уже почти 70 лет назад, русскоязычные исследователи обошли ее своим вниманием (в англоязычных работах сообщения имеются [1, с. 50]). Уникальность приводимого текста в том, что он свидетельствует о сплетении в рамках одной семьи трех культурных традиций. Во-первых, степной кочевнической, имеющей прямое отношение к раннесредневековым каганатам на территории Южной Сибири, Монголии и Северного Китая (Ми Цзифэнь происходил из тюргешей). Во-вторых, китайской, ибо рассматриваемых деятель сделал карьеру в империи Тан, и его эпитафия написана иероглифами. В-третьих, ранневизантийской, так как Ми Цзифэня посвятил себя служению в несторианском храме.

Для придания эпиграфическому источнику большей известности, а также ради большей наглядности приведённых выше суждений, приведем свой перевод. Полное название звучит так: 唐神策军散府将游骑将军守武卫大将 军兼试太常卿上柱国米继芬墓志铭, что можно перевести примерно как «Эпитафия Ми Цзифэня, командира конной дворцовой гвардии, сановника, высшей опоры государства». Текст (в художественном переводе Д. П. Шульги) гласит: «Носитель запретного для написания имени Цзифэнь происходил из аристократического рода княжества Миго в Западном Крае, имел множество талантов и добродетелей. Дед достопочтенного носителя запретного имени (имеется в виду Цзифэнь – прим. Д. Ш.) занимал в своей стране высокий пост помощника министра. Отец, хотя *был по происхождению из народа тюргешей*, даже находясь далеко [от Поднебесной], жаждал испытать облагораживающее влияние добродетельного царствования, он прибыл в столицу, где удостоился милостей и был приглашён ко двору, получил назначение на должность «левого» командующего, оберегающего государство. Сын (имеется в виду Цзифэнь – прим. Д. Ш.) *воспитывался в китайской традиции и унаследовал таланты и положение отца, поступив в гвардию*. [Цзифэнь] с юности проявлял почтение к старшим, уважение к родственникам, ревностно служил государству, он культивировал в себе семь достоинств и четыре добродетели. Его поведение всегда было прямодушным, поступки – честными, он всегда, даже в сложных ситуациях, следовал моральному долгу. Словом, таланты и достойные подражания личные качества были подобны спелым плодам, что склоняют ветви деревьев или глубочайшим озёрам. В почтенном возрасте его сразили недуги. В конце концов свершивший столькие подвиги и благодеяния ушёл от нас навсегда. В первый год царствования под девизом Юнчжэнь, на девятый месяц в двадцать первый день он скончался в уезде Лицюань в собственном доме. На тот момент ему было девяносто два года. Девятнадцатого числа двенадцатого месяца тело было помещено для временного погребения в столице, Чанане, у Ворот дракона. Вдова, госпожа Ми Ши вскоре последовала за мужем, не выдержав горечи утраты. У усопшего осталось два сына. Старший [по имени Гоцзин] хорошо продвинулся на государственной службе, став одним из «правых» командующих, служил в Ниньюане, а также занимался охраной столицы. Младший [по имени Сьюань] окружил себя мудростью и выбрал путь монаха, *поселился при храме религии Великой Цинь*¹. Траур по усопшему был долгим. Все предавались неподдельной скорби и соблюдали ритуалы. В конце концов, погребальные мероприятия были завершены в должной форме и была создана эта недостойная

¹ Великая Цинь (大秦) – название сперва Единой, а затем Восточной Римской империи, принятое в Китае. Соответственно, «Религия Великой Цинь» в раннее Средневековье – это христианство. Традиционно считается, что таковое в Северном Китае относилось к несторианскому толку [2] (действительно, несториане дали серьёзный миссионерский импульс [3]), однако достоверно реконструировать христологию раннесредневековых христиан Китая довольно сложно.

эпитафия, лишь отчасти передающая неисчислимые достоинства покойного. Говорится: судьба государства трудна, но беззаветная преданность и чувство долга остаются в веках. Доблестный и могучий всегда обретает славу. Достоин тот, кто, даже рискуя жизнью стремится проявлять лучшие качества. Сокрушающий козни становится достойным почёта. Умерший был высокопоставленным военачальником, прожил долгую жизнь в уважении и ушёл в высокие залы блаженства после болезни. Стойкий и непоколебимый, как сосна и кипарис, он ушёл в чертоги запада. И потому помещена сия эпитафия». Следует отметить, что случай Ми Цзифэна не был уникальным, и тюрки-христиане на китайской службе в Китае встречались не столь уж редко [4].

Другой пример, который мы рассмотрим, связан с проникновением в Китай выходцев из оседлых регионов Средней Азии. Весной 2004 г. к северу от Сианя было исследовано погребение периода Северной Чжоу. Согласно найденной в погребении эпитафии, имя ее хозяина – Е¹, а его когномен – Юаньцзи. Кан Е был потомком правящего дома одного из небольших княжеств в районе Самарканда. Его отец был назначен на пост даяньчжу (досл. «большой небесный предводитель») в десятый год девиза правления Датун в государстве Западное Вэй (544 г. н. э.), скончался в третий год девиза правления Баодин в государстве Северного Чжоу (563 г. н. э.)². Сам Кан Е выступил в качестве следующего даяньчжу, вырастил трех сыновей, скончавшись на шестом году девиза правления Тяньхэ в Северном Чжоу (571 г. н.э.) в возрасте шестидесяти лет. Посмертно ему было присвоено символическое звание управителя Ганьчжоу (находится на территории совр. пров. Ганьсу). Имена старшего и среднего сыновей усопшего по-китайски переданы как Бяньсюянь (冱休延) и Паньто (槃陟), это явно транскрипция для записи иероглификой некитайских имен. Третий сын был назван вполне по-китайски – Хочжу (货主, досл. «владелец товаров»). Это иллюстрирует характер согдийцев как специалистов в торговле, при том что сам Кан Е занимался как минимум не только купеческим делом [5]. На момент рождения младшего сына Кан Е, очевидно, несколько «китаизировался», отчего последний отпрыск и получил характерное для ханьцев имя [6]. Явных связей Кан Е с несторианской традицией не прослеживается, однако в его рот посмертно была помещена качественная копия восточно-римского солида. Это явно указывает на важность византийских монет в погребальном обряде на территории Китая (случай Кан Е отнюдь не единичен). Автор настоящей статьи не склонен напрямую связывать положение артефакта во рту с традицией «обола Харона», хотя такая точка зрения высказывается в науке и имеет определённые основания [6].

Таким образом, рассмотрев эпитафии, нам удалось подтвердить суждение о существовании в раннесредневековом Северном Китае сложного симбиоза китайской, среднеазиатской, кочевой и греко-романской традиций.

Список источников

1. Ashurov B. Tarsākyā. An analysis of Sogdian Christianity based on archaeological, numismatic, epigraphic and textual sources: PhD Thesis. SOAS University of London, 2013. 229 p.

2. Гэ Чэньюн. Тандай Чанань игэ сутэ цзятин дэ цзинцзяо синьян [葛承雍。唐代长安一个粟特家庭的景教信仰 // 历史研究 2001 年第 3 期] Несторианские верования согдийской семьи в Чанане в период династии Тан // Лиши яньцзю. 2001. №3. С. 181–182

¹ Часто данный деятель фигурирует как Кан Е, где первая часть может трактоваться не только как фамилия, но и как название государства Кан на территории Согдианы.

² Северное Чжоу стало, во многом, правопреемником Западного Вэй.

3. Чжан Сюйшань. Цзинцзяо дунцзянь цзи чуань жу чжунго дэ сила-байчжаньтин вэньхуа [张绪山。景教东渐及传入中国的希腊 — 拜占庭文化 // 世界历史 2005 年 6 期] Распространение несторианства на восток и греко-византийское культурное влияние в Китае // Шицзе лиши. 2006. №6. С. 76–88.

4. Ню Жуцзи. Чжунго туцзюэ юй цзинцзяо бэймин вэньсянь гай шо [牛汝极。中国突厥语景教碑铭文献概说 // 民族语文 2000 年第 4 期] Обзор тюркских несторианских надписей в Китае // Миньцзу юйвэнь. 2000. № 4. С. 62–67.

5. Cheng Linquan, Zhang Xiangyu. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. Chinese Archaeology, 2008. Vol. 9. P. 26–31.

6. Шульга Д. П. Социокультурная среда бытования раннесредневековых согдийских торговцев в северо-западном Китае (по материалам гробницы Кан Е) // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2018. № 1 (14). С. 46–53.

7. Шмоневский Б. Ш. Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территориях (VI–VIII вв.) // Краткие сообщения Института археологии. 2016. № 244. С. 254–274.

О. Н. Шульбаев

Хакасский государственный университет
имени Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ И ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье на основе материалов движения декабристов и междисциплинарного подхода, с использованием концепции М. Вебера об «идеальных типах» этики рассмотрены мировоззрение, мораль, нравственность декабристов, выявлены основные этические принципы, определявшие их поведение.

Ключевые слова: декабристы, христианство, сибирская ссылка, религиозность, М. Вебер, этика поведения, нравственность, междисциплинарный подход

Abstract. The article, based on the materials of the Decembrist movement and an interdisciplinary approach, using M. Weber's concept of "ideal types" of ethics, examines the worldview, morality, the morality of the Decembrists, the basic ethical principles that determined their behaviour are revealed.

Keywords: Decembrists, Christianity, Siberian exile, religiosity, M. Weber, ethics of behaviour, morality, interdisciplinary approach

Изучение вопросов, связанных с религиозным сознанием и поведенческой этикой декабристов, получило широкую разработку в постсоветской историографии. В советской историографии данная проблема рассматривалась, как правило, в русле изучения атеистических взглядов декабристов. В первые десятилетия 2000-х гг. проблема «декабристы и религия» становится весьма актуальной, так как позволяет через изучение религиозности декабристов понять их мировоззрение, мораль и этику поведения.

На современном этапе развития исторической науки этику поведение декабристов можно рассмотреть с использованием междисциплинарного подхода, с опорой на социологию. Например, ряд теоретических подходов, концепций, понятий, выработанных социологией, могут быть полезными историкам при постановке исследовательских задач. Последнее стало возможным в связи с тем, что социолог, «описывая нормативную структуру общества, использует термины, употребляемые также и историками: социальный институт, традиция, религия, статус, престиж и т. д. В то же время термин «социальный институт» относится как к организованным системам действий, так и к правилам и нормам поведения, принятым и признаваемым индивидами и группами» [1, с. 32]. В этой связи при изучении религиозного сознания и поведенческой этики декабристов представляется целесообразным использование концепции М. Вебера, который выделил «два различных «идеальных типа» этики, с которыми может соотноситься культурно-нравственная позиция личностей и социальных групп: «этику убеждения/служения» и «этику ответственности/успеха»» [2, с. 93].

В отечественной историографии достаточно широко освещены идейно-политические и мировоззренческие взгляды руководителей движения декабристов. В настоящем сообщении предпринята попытка рассмотреть религиозное сознание и этику поведения рядовых участников декабристского движения на примере декабристов: братьев А. П. и П. П. Беляевых, Н. А. Крюкова, С. И. Кривцова, А. Ф. Фролова и других, находившихся в ссылке в Минусинском округе.

Как известно, философские воззрения декабристов и их религиозные ориентации были разнообразны и противоречивы. По мнению В. М. Боковой, «абсолютное большинство декабристов было глубоко верующими христианами, хотя были и деисты, но не было, по сути, ни одного атеиста. При этом, не принимая иной раз формально церкви и ее обрядов, деятели этого движения все равно оказывались подлинными христианами во всех своих поступках и нравственных устремлениях, основывающихся на христианских принципах, которые помимо бытового поведения, во многом определяли и их мировоззрение и даже, как ни парадоксально это звучит, – действия» [3].

В свою очередь историк Г. В. Вернадский, характеризуя декабристов, отмечал, что «у них было два лика: один рационалистический, интернационально-революционный, карбонарский. Другой – религиозный, патриотический, бытовой» [4, с. 92]. Рассматривая психологию декабристов, Г. В. Вернадский указывал, что она основывалась, прежде всего, на «трепетном отношении к присяге и религиозном освящении власти» [4, с. 87]. При этом он подчеркивал, что «горячее религиозное чувство лежало в основании жизненного плана многих декабристов... и религиозная стихия – почва душевной жизни очень многих членов тайных обществ. Но, однако, далеко не всех» [4, с. 89–90].

Исходя из этого, этику поведения декабристов необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с их христианским мироощущением и нравственными представлениями людей православных. Как отмечает Т. А. Перцева, понятия нравственности и морали конца XVIII – первой половины XIX в. в русском обществе «связывались обычно с религией, без которой они не мыслились». Большинство декабристов, искренне считавших себя христианами, и не противопоставляли себя церкви, исполняя необходимые правила принятого тогда поведения. Участие в тайных обществах и стремление к изменению несправедливого, с их точки зрения, мира большинством из них не воспринималось как нарушение существующих нравственных норм» [5, с. 171].

Весьма показательным в этом плане является послание декабриста С. И. Кривцова из ссылки своим родным, в котором отмечено, что «может быть, я уже невозвратно погиб для вас, но я не знаю за собой преступления. Я мог заблуждаться, но душа моя чиста, душа моя и теперь пылает святой любовью к Отчизне, я не знал тщеславия, когда ставил себе целью добродетель .. я избрал неверный путь, увлекся мечтаниями, впредь я всегда буду удалять от себя пустые мечтания и подчинять рассудку бурные желания сердца» [6, с. 152].

Использование междисциплинарного подхода, на наш взгляд, позволяет рассмотреть этику поведения декабристов, опираясь на концепцию «идеальных типов» этики М. Вебера, согласно которой «всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментальным, непримиримым противоположным максимумам: оно может быть ориентировано либо на “этику убеждений”, либо на “этику ответственности”» [7, с. 696].

Согласно учению М. Вебера, «этика убеждения основывается на вере в безусловный авторитет нравственных и духовных ценностей, предписывает следование изначально четко и однозначно заданным моральным стандартам. Такая система соблюдения нравственных норм преобладала в традиционных обществах с преимущественно религиозным сознанием. Представляется, что к этике долга близка этика слу-

жения, предполагающая наличие у индивида или группы ряда обязанностей, выполнение которых воспринимается в качестве нравственного долга и условия полноценного членства в обществе» [2, с. 93].

Анализируя религиозность и поведенческую этику декабристов, можно заметить, что они соответствуют и укладываются в рамки «этики убеждения». Особенно ярко это прослеживается при оценке деятельности братьев П. П. и А. П. Беляевых. Так, в своих воспоминаниях декабрист А. П. Беляев отмечал, что «мы с братом были верующими христианами по своему образу мыслей... и мы считали чистую нравственность неизменным условием при стремлениях к такой высокой цели. Мы были даже несколько фанатиками, вроде пуритан Кромвеля, по примеру которых на Библии, неправильно понятой, основывали свою идею республики» [8, с. 164].

Важно подчеркнуть, что между «этикой убеждения» и «этикой ответственности», с одной стороны, и между двумя выведенными М. Вебером типами социального действия (ценностно-рациональным и целерациональным) – с другой, существует тесная связь [9, с. 33]. Так, «этика убеждения» соответствует ценностно-рациональному действию, которое представляется М. Вебером в следующем ключе: «чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, религиозных предначертаниях, благочестии или важности “предмета” любого рода» [7, с. 629].

Указанное в полной мере можно отнести к деятельности декабристов – членов общества «Соединенных славян», из числа которых на поселении в Минусинском округе находились А. Ф. Фролов, И. В. Киреев и др. Как указано в «Записках неизвестного из “Общества объединенных славян”», членов этой организации связывала «страшная клятва, обязывающая членов оного посвящать все мысли, все действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать всей жизнью для достижения сей цели, произносилась на оружии» [10, с. 445]. Далее отмечалось, что для участников общества «Соединенных славян» «..деятельность сделалась потребностью их души, жаждущей овладеть желаемым и... они поклялись, жертвуя всем, достигнуть цели, при этом «считали смерть (за освобождение России – авт.) верховным благом, искали и требовали оной» [10, с. 459, 465].

В воспоминаниях декабрист А. Ф. Фролов в целом охарактеризовал декабристов, как «людей, быть может, сильно увлекшихся, но горячо любивших свое отечество, преследовавших лишь одно – общее благо» [11, с. 481].

Как видно, основными этическими принципами, определяющими деятельность декабристов, являлись, прежде всего, принцип патриотизма, понимаемый как служение отечеству, принцип справедливости, базирующийся на просветительской концепции человека, и личной ответственности. Служение общественному благу воспринималось как обязанность, долг каждого члена тайного общества, каждого истинного гражданина» [12, с. 221]. В рамки этих принципов вписываются рассуждения декабриста Н. А. Крюкова, который отмечал, что «..энтузиазм к благу общему, чувствительность, человеколюбие, желание служить своему народу, снискивать его почтение, его нежность, признательность – вот законные побуждения, которые должны одушевлять честного человека» [13, с. 426].

Анализируя мировоззренческие взгляды А. П. Беляева, следует отметить, что здесь сталкиваются два нравственных начала: христианское и интернационально-революционное (по определению Г. В. Вернадского – авт.), при этом ценности первого явно преобладают. В частности, в своих воспоминаниях он писал, что «только с каменным сердцем и духом зла, ослепленным умом, можно делать революции и смотреть хладнокровно на падающие невинные жертвы и на все бедствия и страдания, с ними сопряженные. Тут я увидел, что не кичиться должен был своим подвигом, а каяться

в преступлении, и молиться за несчастные жертвы» [8, с. 135]. Как отмечает К. Е. Троицкий, «представитель этики убеждения либо отрицает насилие, либо верит в его окончательное упразднение, но в любом случае для него характерно приравнивание насилия ко злу» [9, с. 35–36].

Следует заметить, что в своих воспоминаниях А. П. Беляев, размышляя с христианских позиций о проблемах общественного переустройства России, склоняется к точке зрения, что последнего возможно достичь путем самопожертвования. Это отражено в его мыслях о том, что «только тот подвиг высок, свят и никогда не влечет за собой раскаяния, в котором добродетельный человек жертвует своим счастьем, своими радостями, даже своей жизнью для блага людей и вообще для истины, но только своей жизнью, а не чужой» [8, с. 189].

В этом плане действия декабристов носили элементы жертвенности, а в политике они были склонны придерживаться принципов морали и в конечном счете отвергали лозунг «цель оправдывает средства» [14, с. 267].

Безусловно, многие из декабристов, находясь в ссылке Сибири, обратились в христианскую религию и стали глубоко верующими людьми. Прежде всего, речь идет о декабристе А. П. Беляеве, который, характеризуя свое душевное состояние, в тюрьме писал, что «молился горячо, предаваясь с покорностью воле божией, так как в сердце своем сознавал, что крест этот я нес по собственному своему решению, из любви к человечеству» [8, с. 132]. Рассуждения А. П. Беляева можно также интерпретировать в рамках принципа «взаимодополнительности» двух противоположных этик, которое нашло свое отражение в известном веберовском замечании, что «этика убеждения» отнюдь не означает безответственности за результаты своих действий». Подробнее см.: [15, с. 92–93].

По мнению В. Д. Юшковского, «нравственные страдания и невзгоды обострили, но не вызвали, как принято думать, религиозное чувство: будучи лишь приглушенным, оно, по сути, не исчезало. Обращение к исконным, заложенным с детства свойствам природы стало признаком силы, а не слабости, вопреки утверждению некоторых исследователей, для которых «обратившиеся в веру» декабристы были «люди слабые, потрясенные крушением высоких замыслов», люди, сломавшиеся и опустошенные из-за выпавших на их долю несчастий.. Страдания позволили многим «выздороветь», вернуться к себе, к своей сущности, а не привели к душевному нездоровью» [16]. Такое духовное перерождение, можно проследить на примере декабриста Н. А. Крюкова, как известно, придерживавшегося действских взглядов. В частности, он отмечал, что в свое время «не послушал гласа совести и только находясь в крепости (под следствием – авт.) образумился. “Здесь только увидел я мое заблуждение и усмотрел вред безверия.. и, вникнув в святое евангелие и послания святых апостолов, обратился к христианству”» [17, с. 215].

Таким образом, использование междисциплинарного подхода с опорой на концепцию двух типов этики поведения личности, разработанную М. Вебером, позволяет, «опираясь на внутренний мир человека, воссоздать связь между его мировидением и поведением» [18, с. 175]. Религиозность декабристов предопределила их поведенческую этику, которую можно глубоко осмыслить и понять через «этику убеждения», основывавшуюся на таких принципах, как верность долгу, патриотизм, справедливость, служение общественному благу. Это наглядно прослеживается при анализе мировоззрения и поведенческой этики декабристов, пребывавших в Минусинской ссылке, которые являлись представителями различных слоев дворянства и чиновничества российского общества, а также тайных обществ декабристского движения. Символично и то, что декабристы, морально подавленные арестом и последующей ссылкой в Сибирь, вновь обратились к христианству, которое было близко их нравственным убеждениям и моральным принципам.

Список источников

1. Поршнева О. С. Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. 2006. № 2 (6). С. 31–39.
2. Зарубина Н. Н. Между этикой убеждения и этикой ответственности: трансформации нравственной позиции российской молодёжи // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 92–108.
3. Бокова В. М. Декабристы и их время // Декабристы и их время : сб. трудов Государственного Исторического Музея / сост. В. М. Бокова. М. : ГИМ: Эпифания, 1995 Режим доступа: <http://www.history.ru/content/view/892/87/> (дата обращения: 20.04.2023).
4. Вернадский Г. В. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 81–92.
5. Перцева Т. А. Нравственный кодекс христианства и поведенческая этика декабристов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2011. № 1. С. 170–181.
6. Гершензон М. О. Декабрист Кривцов и его братья. М. : М. и С. Сабашниковы, 1914. 299 с.
7. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. 804 с.
8. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и переживаемом: 1805–1850. СПб. : А. С. Суворин, 1882. 507 с.
9. Троицкий К. Е. Этические идеи Макса Вебера. М. : ИФРАН, 2016. 130 с.
10. Записки от неизвестного из Общества объединенных славян // Русский архив. 1882. № 2. С. 435–554.
11. Фролов А. Ф. Воспоминания Александра Филиповича Фролова (по поводу статей И. И. Завалишина) // Русская старина. 1882. Т. 34. № 5. С. 465–482.
12. Бондаренко Л. И., Овчинникова Е. А. Концепт «служения» в нравственной культуре России // Дискурсы этики: Альманах / под ред. В. Ю. Перова. Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2012. С. 215–222.
13. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов : к 125-летию восстания декабристов. 1825–1950: в 3 т. / общ. ред. и вступит. статья И. Я. Щипанова. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 2 [Южное общество]. Т. 2. 1951. 568 с.
14. Панкова А. М. Социальная психология дворянской интеллигенции на рубеже XVIII–XIX вв. (к вопросу об истоках декабризма) // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. № 1. С. 263–269.
15. Давыдов Ю. Н. Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой // Этическая мысль. 2006. № 7. С. 83–109.
16. Юшковский В. Д. «Отсутствие божества есть погибель»: религиозное сознание декабристов и восприятие церкви: к вопросу о развитии взглядов. Томск, 2011. Режим доступа: <https://www.elib.tomsk.ru/elib/data/2011/2011-0068/2011-0068.pdf> (дата обращения: 24.03.2023).
17. А. Н. Радищев и декабристы: Из атеистического наследия первых русских революционеров: сб. / сост. и авт. коммент. и указ. Л. В. Поляков. М. : Мысль, 1986. 269 с.
18. Жук С. И. Макс Вебер и социальная история // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 172–177.

Д. В. Кускашев

Красноярский государственный аграрный университет

Красноярск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы эволюции политико-правовой культуры городских обывателей окружных городов Енисейской губернии в последней трети XIX в., в ходе осуществления городской реформы 1870 г. Проанализированы тенденции складывания механизма взаимодействия городского сообщества с органами муниципальной и государственно-административной власти по предмету организации и проведения выборов должностных лиц городского самоуправления. Раскрыты основные направления контрольно-надзорной деятельности со стороны государства по вопросам санкционирования организации и результатов муниципальных выборов.

Ключевые слова: выборы, гласные, городской голова, городская дума, городская управа, политико-правовая культура, муниципальная власть

Abstract. The article deals with the evolution of the political and legal culture of the urban residents of the district towns of the Yenisei province in the last third of the 19th century, during the implementation of the urban reform of 1870. The trends in the formation of the mechanism of interaction between the urban community and the municipal and state-administrative authorities on the subject of organization and holding elections of officials of city self-government. The main directions of control and supervisory activities on the part of the state on the issues of sanctioning the organization and the results of municipal elections are revealed.

Keywords: elections, vowels, city дума, city government, political and legal culture, municipal government

Реформа городского самоуправления 1870 г. способствовала некоторой демократизации политической жизни в городах Енисейской губернии, но вместе с тем ключевую роль продолжали играть устоявшиеся традиции прошлого. По свидетельству современников гласные городских дум стремились избирать на должность городского головы преимущественно представителей богатой верхушки города, при этом игнорируя их профессиональные и морально-нравственные качества. Так, известный сибирский историк и публицист С. Чудновский отмечал, что «... при выборах городского головы не обращается никакого внимания на интеллектуальные и нравственные свойства кандидатов... во внимание принимается только содержимое кармана» [1, с. 194].

Подобная практика долгое время оставалась характерным и типичным явлением для всех окружных городов Енисейской губернии, когда ведущим критерием при выборе городского головы являлся критерий богатства.

По мнению гласного Енисейской городской думы Н. В. Скорнякова, причина заключалась в господстве традиций патернализма в сознании подавляющего большин-

ства горожан, что являлось пережитком дореформенного времени и следствием низкого уровня политической культуры избирателей, отсутствием у них необходимого опыта участия в решении городских дел. «Традиции старого времени остались в нас; мы и теперь не перестаем ожидать всяких благ и улучшений от городского головы; для нас гласные, эти выборные представители общества, которым когда-нибудь суждено играть видную роль в жизни городов, – для нас они почти не существуют. Мы не видим в них своих представителей, не признаем их хозяевами города, не признаем их старшими в нашей городской иерархии, – для нас, по старому, голова – полное олицетворение хозяина города. Город наш беден ресурсами; поэтому мы стараемся избирать в головы человека богатого, надеясь на его собственную помощь, на его солидное положение, которое по преданиям старого времени, дает нам ручательство в успешности наших ходатайств перед начальством. Это первая причина, почему в головы выбираются люди богатые; вторая – та, что мы не можем давать жалованье своему представителю, и вот богатые люди делаются несменяемыми» [2].

В целях обеспечения контроля и надзора за организацией и проведением выборов и деятельностью органов городского самоуправления в Енисейской губернии было создано Енисейское губернское по городским делам присутствие под председательством губернатора. В его состав входили: председатель губернского правления, управляющий казенной палатой, губернский прокурор и красноярский городской голова. Постановления губернского по городским делам присутствия можно было обжаловать в Правительствующий Сенат [3, с. 23–28; 360].

После проведения первых городских выборов в адрес Енисейского губернского по городским делам присутствия обрушился целый шквал жалоб горожан, связанных с нарушениями установленного законом порядка выборов. Целый ряд подобных нарушений был связан с неправильной трактовкой, а нередко и с незнанием статей и положений избирательного закона 1870 г. должностными лицами, на которых были возложены полномочия по организации и проведению выборов. Нередко результаты выборов приходилось отменять по причине незаконного участия в них лиц, привлеченных к уголовной ответственности [4].

10 июня 1891 г. постановлением Енисейского губернского по городским делам присутствия были отменены результаты выборов в Ачинскую городскую думу по 2-му избирательному разряду, состоявшиеся 22 мая 1891 г. Основанием к рассмотрению указанного дела, послужили жалобы избирателей, возмущенных фактом незаконного участия в выборах и избрания гласными думы группы лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности [5].

Данное происшествие стало возможным благодаря халатности городского головы и должностных лиц Ачинского городского самоуправления, обязанных тщательно проверять списки избирателей и следить за соблюдением установленного законом порядка выборов.

Характерной особенностью городских выборов была парадоксальная с точки зрения современного избирателя ситуация, когда лицо, избранное на должность гласного думы, члена управы, либо на иную должность отказывалось от исполнения своих обязанностей и направляло в адрес Енисейского губернского по городским делам присутствия жалобы на неправильное и незаконное его избрание.

После окончания городских выборов на второе четырехлетие, прошедших в Ачинске осенью 1879 г., купец второй гильдии М. Ф. Суриков направил жалобу в Енисейское губернское по городским делам присутствие, в которой указал на незаконное избрание его членом городской управы, поскольку он не обладал имущественным цензом. Очевидно, М. Ф. Сурикова избрали членом городской управы без его согласия [6].

Енисейское губернское по городским делам присутствие, рассмотрев указанную жалобу, на основании Указа Правительствующего Сената от 29 декабря 1872 г. за № 44655, согласно которому служба по городским выборам не признавалась обязательной повинностью горожан, приняло решение предложить Ачинской городской думе провести повторные выборы на эту должность [7].

В целом массовый отказ гласных и членов управ исполнять свои обязанности был характерен для многих сибирских городов.

Так, в четырехлетие 1880–1884 гг. в Иркутскую городскую думу поступило 14 заявлений с просьбами освободить от обязанностей гласного. В следующее четырехлетие было зафиксировано семь подобных заявлений [8]. В Красноярскую городскую думу только в 1884 г. поступило 10 таких заявлений [9].

Следующая не менее актуальная проблема состояла в том, что многие гласные в силу разного рода причин систематически уклонялись от посещения заседаний городских дум. По свидетельству документов в среднем только одна треть избранных гласных регулярно посещала заседания думы [10].

Все это не могло не вызывать серьезной обеспокоенности властей. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел усматривал причину в том, что гласными городских дум избирались лица, видевшие в этом лишь материальную пользу или выгоду [11].

Многие купцы предпочитали посещению думских заседаний ведение своих коммерческих дел, находясь в отъездах, поэтому с наступлением торгового сезона на заседания городских дум выносились лишь незначительные вопросы, для рассмотрения которых не требовалось присутствие более половины состава гласных.

На наш взгляд, причины данного явления заключались в отсутствии законодательно закрепленной системы оплаты труда муниципальных служащих (городских голов, членов городских управ, гласных городских дум). Муниципальные служащие не были приравнены по статусу к государственным служащим, а, следовательно, не имели тех льгот и привилегий, которые являлись несомненным атрибутом государственной службы. В итоге общественная работа в должностях по городскому самоуправлению рассматривалась многими горожанами в лучшем случае как лишняя обуза, отнимающая свободное время, поэтому от нее стремились отказаться. В худшем случае предприимчивые горожане рассматривали ее всего лишь как источник личного обогащения и процветания за счет лоббирования своих коммерческих интересов либо путем обыкновенного и бесхитростного воровства и мошенничества.

Выход из сложившейся ситуации представители сибирской общественности видели, прежде всего, в расширении социальной базы городского самоуправления путем распространения избирательного права на широкие слои городского населения, включая квартиросъемщиков и интеллигенцию. Ставилась задача постепенного преодоления политической и правовой неграмотности избирателей.

Таким образом, вопросы эволюции политико-правовой культуры городских обывателей окружных городов Енисейской губернии в последней трети XIX в. имели комплекс причин и факторов. К их числу следует отнести, особенности менталитета, низкий уровень грамотности местного населения, отсутствие необходимого опыта участия в политической и правовой жизни, чрезмерный административный надзор за деятельностью городских дум и управ, увеличение цензовых ограничений в использовании избирательных прав, все это обуславливало узость социальной базы городского самоуправления, закрепляло его корпоративность и замкнутость.

Список источников

1. Чудновский С. Енисейская губерния. К 130-летнему юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды). Томск, 1885.
2. Сибирь. 1881. 14 июня, № 23.
3. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. М. И. Мыш. СПб., 1890.
4. Государственный архив Иркутской области. Ф. 70. Оп. 2. Д. 1603. Л. 8.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 19. Д. 4809. Л. 66, 78–144, 178–186.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. 628. Оп. 1. Л. 33–38.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф. 628. Оп. 1. Л. 40–44.
8. Государственный архив Иркутской области. Ф. 70. Оп. 2. Д. 822. Л. 104; Ф. 70. Оп. 2. Д. 1602. Л. 206.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф. 161. Оп. 1. Д. 49. Л. 76.
10. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 27. Д. 640. Л. 17.
11. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 27. Д. 640. Л. 1–2.

А. В. Тонковидова

*Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
Краснодар, Россия*

ЭТАЛОН ПЕРЕУСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА: ЦЕРКОВНО-СВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ ФИЛОСОФИИ С. БУЛГАКОВА)

Аннотация. В философии С. Булгакова мы можем определить складывание концепта церковно-светской социальности, состояния Богочеловечества, в основании которого лежит идея соборного единства, идея единства во множестве. Проект церковно-светской социальности предполагает преодоление односторонности церковной социальности и светской социальности. Символом церковно-светской социальности выступает «подвижничество». Эталон переустройства общества существует в настоящем в царстве Божественном.

Ключевые слова: *С. Булгаков, церковно-светская социальность, подвижничество, соборность*

Abstract. In the philosophy of S. Bulgakov, we can define the formation of the concept of church-secular sociality, the state of God-manhood, which is based on the idea of conciliar unity, the idea of unity in the multitude. With the formation of church-secular sociality, religion will be overcome as an artificial link between man and God, their organic unity will arise. The symbol of ecclesiastical and secular sociality is «asceticism». The standard for the reorganization of society exists in the present, in the Divine realm.

Keywords: *S. Bulgakov, ecclesiastical and secular sociality, asceticism, sobornost*

В центре рассмотрения мыслителя С. Булгакова находится вопрос возможности реализации в исторической действительности идеального общественного устройства, в основании которого лежит идея соборного единства. Соборность определяется им в качестве онтологического основания социальной реальности. В пределах как исторически оформившихся моделей общественного устройства, так и существующих в современной философии исторической ситуации нет определяемой им должной формы общественного устройства, или церковно-светской социальности, в которой соединяются в гармоническом взаимодействии личность, общество, церковь, государство, Бог [5, с. 4–8, 6, с. 34–39].

Примечательно, что описание, определяемой нами в работах С. Булгакова церковно-светской социальности можно проследить в текстах Вл. Соловьева, который отмечает противоречивость и сложность нахождения путей, методов ее воплощения в исторической действительности современного общества

Носящий черты утопизма проект церковно-светской социальности предполагает диалектическое преодоление ограниченности церковной социальности и светской социальности. При складывании церковно-светской социальности произойдет преодол-

ние религии как искусственной связки между человеком и Богом, возникнет их органическое единство.

Для описания церковно-светской социальности С. Булгаков применяет термин «подвижничество». Соборность как основание социальной действительности актуализуется в деятельности, и, исходя из текстов философа, именно религиозные основания присутствуют в каждом типе социальности – от церковной до светской [3, с. 96].

В одной исторической действительности мы можем наблюдать актуализацию соборности в церковной социальности и светской социальности [3, с.166].

В церковной социальности достижение соборности в исторической действительности невозможно. Оно переносится в сферу трансцендентного. Вследствие промежуточного положения личности, устремленной в сферу трансцендентного, возникает снятие вопросов внешнего социального неравенства [4, с. 276, 277, 331].

В светской социальности, по С. Н. Булгакову, снижается возможность реализации соборности, лежащей в основании идеального общественного устройства, в связи с уменьшением значимости личности и увеличением роли общественного максимализма. Противоположной формой соборности в данном случае, по мнению мыслителя, становится «стадность» [2, с. 92]. Личность утрачивает способность к свободному действию [2, с. 284]. Уходит возможность согласованности в исторической перспективе создания совершенного общественного устройства. Трансцендентные основания деятельности отрицаются в светском типе социального устройства. Возникает имманентное понимание морали и нравственности.

В проекте церковно-светской социальности создается соборная личность в рамках подвижнической деятельности, направленной на самореализацию личности [2, с. 312].

Соборность в церковно-светской социальности представляется С. Булгаковым как модель для становления личности, идеальный образец общественного устройства. Мы можем проследить «религиозно-культурные» основания церковно-светской социальности» [2, с. 310].

Личность рассматривается не изолированно, а в целом с соборным народом, реализующим подвижничество. При этом избранность отрицается [2, с. 301, 305].

В утопическом проекте С. Булгакова отмечается такое свойство соборности, как иерархичность. Национальность, народ, класс, государство выступают ступенями на пути к соборному единству в церковно-светской социальности [2, с. 330].

Булгаков отмечает значимую роль народности, «национального чувства» в установлении государственности и хозяйственных отношений [2, с. 322]. В концепции церковно-светской социальности С. Булгакова прослеживается «персонализация национальностей» [2, с. 323, 327], а народность рассматривается им в качестве идеальной ценности [2, с. 332]. Домом для народности выступает государство [2, с. 338], в котором центральным звеном является национальный эгоизм, ограниченный национальным аскетизмом [2, с. 339]. Душа национальности – язык и вера народа [2, с. 341]. С. Булгаков находит основу возникновения церковно-светской социальности и возможности реализации ее в исторической действительности в присущей имманентно миру софийности, где будет возможна реализация идеи братства народов, а не безнародных, атомизированных граждан, утративших значение родины [2, с. 311]. Шкала ценностей имеет в своем основании трансцендентную основу, возникает ситуация соборного единства общества.

В проекте церковно-светской социальности С. Булгакова, определяемом нами во многом как утопический, мы наблюдаем расширение соборных оснований общечеловечности, расширение религиозности.

Список источников

1. Бойко П. Е. Россия и всемирно-исторический кризис 2020–2022: философско-теологические аспекты // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности : сб. статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием : к 85-летию Краснодарского края, Сочи, 4–08 ноября 2022 года / отв. ред. А. А. Зайцев. Краснодар: Образовательный издательско-полиграфический центр «Перспективы образования», 2023. С. 67–78.
2. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2011. 560 с.
3. Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 672 с.
4. Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. М. : Астрель, 2008. 784 с.
5. Орлов М. О., Черевичко Т. В. Светские и религиозные аспекты современной культуры: социально-философский и теологический анализ. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 1. С. 34–39.

Н. Н. Якунин¹, М. Д. Северьянов²

^{1, 2}Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ: ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КРАСНОЯРЬЯ В ПЕРИОД БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

Аннотация. Статья посвящена теме отношений человека и власти в истории России. В качестве примера таких отношений рассмотрены трагические судьбы некоторых ярких представителей красноярской творческой интеллигенции в период Большого террора.

Ключевые слова: период, власть, интеллигенция, контрреволюционная, сталинский, диктатура

Abstract. The article is focused on the subject of relations between human and authority in the USSR of the 1920s-1930s. The tragic destinies of some prominent representatives of the Krasnoyarsk art intelligentsia during the «great terror» are represented, as an example of these relations.

Keywords: period, authority, counter-revolution, Stalinist, dictatorship

Вопрос сталинских репрессий впервые был поднят на государственном уровне в период «хрущевской оттепели» в начале 1950-х гг. и с тех пор не теряет своей актуальности в исторической науке и обществе. Во многом этому способствуют такие факторы, как невозможность подлинного установления количества жертв сталинского террора, что, соответственно, не позволяет отчётливо выявить его реальный масштаб, а также сохранение и продление сроков засекречивания множества документальных источников, которые бы позволили глубоко осмыслить и объяснить многие события, выстроить логические связи между ними. Как следствие, существует множество теорий при отсутствии методов трактовки, которые сказываются на диаметрально противоположных оценках этого исторического периода обществом и научным сообществом.

Установление советской власти в результате Октябрьской революции 1917 г., последовавшая Гражданская война с политикой «военного коммунизма» и дальнейший переход к новой экономической политике не решили вставшие перед властью противоречивые задачи по созданию нового общества на основе марксистско-ленинской идеологии и назревшую борьбу с его инакомыслием. Для этого требовалось «выкорчевать буржуазные предрассудки», «все буржуазные и мелкобуржуазные теории», связанные не только с вопросами экономики, но и культуры – это стало главной задачей высшей партийной верхушки во главе со Сталиным [1, с. 230–232].

Сталинизм особо выделился тем, что усвоил и значительно «усовершенствовал» большую часть приёмов выяснения политической неблагонадёжности, применявшихся до этого в Российской империи – ложь, клевета, физическое насилие, отступление правосудия от законодательных норм (фабрикация уголовных дел), самооговоры – всё это сформировало сущность наступающего государственного политического террора.

Волна репрессий, поднявшаяся в 1920-е гг. на фоне борьбы с идеологическими врагами, шпионами и предателями молодого советского государства, захлестнула всю страну и достигла своего пика в середине 1930-х гг., став характерной чертой установившегося политического режима и механизмом реализации государственной власти. Этот период получил название «Большой террор» и стал одним из самых трагичных и спорных в истории нашего государства, и в то же время одним из самых показательных в отношении «человек и власть». За этот небольшой период были уничтожены и покалечены жизни миллионов советских людей, а его кровавый отпечаток навсегда останется в истории.

Как во всей стране, в Красноярском крае период массовых репрессий носил масштабный характер. Так, с лета 1937 г. по осень 1938 г. «тройками» УНКВД Красноярского края было обвинено 19 625 человек при общей численности населения 1 692,4 тыс. человек [2, с. 30–32]. По политической ст. 58-10 и 58-11 к расстрелу было приговорено 12 603 человека, к отбытию срока заключения в лагерях – 5 529 человек. При этом количество приговорённых к 10-15-летнему сроку заключения превышало общесоюзный показатель. За период с 1934 по 1938 г. в Красноярском крае было репрессировано около 30 000 человек [3].

Красноярская творческая интеллигенция в полной мере испытала на себе могущество и жестокость власти, а трагичные судьбы её лишь некоторых ярких представителей являются тому доказательством и, что особенно страшно, типичны для периода сталинского правления.

В период 1920–1930-х гг. интеллигенция Красноярья была довольно разнородной: в её состав входила местная интеллигенция, получившая университетское образование в области юриспруденции, медицины, химии и других наук, а также окончившие учительскую и духовную семинарии и другие учебные заведения. Также в ряды местной интеллигенции вошли её представители, попавшие в Красноярск в период революции и Гражданской войны и обосновавшиеся в нём, а также высланные в административную ссылку ещё при царизме и после революции представители московской и петербургской интеллигенции. Вероятно, будет правильным считать, что именно они стали фундаментом для образования общества красноярской творческой интеллигенции. Казалось бы, что за прошедшие с начала революции 1917 г. два десятка лет красноярская интеллигенция, и в том числе творческая, доказала свою политическую благонадежность, верность делу Ленина и советской власти, отсутствие инакомыслия, но, когда по стране покатила волна репрессий, в расчёт уже ничего не принималось. Государственная карательная система, со свойственной ей в те годы одержимостью, обрушилась на красноярскую творческую интеллигенцию – массовые аресты и репрессии деятелей культуры начались летом 1937 г. Этому предшествовал пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в феврале-марте 1937 г., на котором наркомом НКВД Ежовым было заявлено о подготовке в Сибири восстания при непосредственном участии Бухарина и местных «врагов». Вследствие этого, все силы НКВД оказались брошены на скорейшее раскрытие и ликвидацию в Сибири контрреволюционной организации [4]. Интеллигенция, как особо неблагонадежный, по мнению власти, класс, попала под безжалостный пресс сталинских репрессий. Чем ярче, самобытнее, талантливее и заметнее был человек, тем с большей вероятностью он попадал под пристальное внимание власти, и тем меньше у него было шансов уцелеть. Опасаясь возмущения масс, власть задавливала репрессиями, морально подавляла, уничтожала физически лучших представителей общества с одной лишь целью – обезопасить своё правление от проявления любого инакомыслия у советского человека. Отношение власти к этому вопросу нашло своё отражение в словах Сталина о том, что «диктатура пролетариата является государственным понятием и обязательно включает в себя насилие. В свою очередь, насилие

без диктатуры не бывает, если диктатуру понимать в точном смысле этого слова» [5, т. 8, с. 42].

Одним из ярких примеров, свидетельствующих о диктатуре власти и её безжалостном отношении к человеку, являются судьбы музыкантов красноярского симфонического оркестра драмтеатра имени Пушкина под руководством Абрама Леонтьевича Марксона. В те годы ни одно культурное мероприятие в городе не обходилось без участия этого симфонического оркестра. В 1937 г. были арестованы, отправлены в лагеря, в которых и погибли, два музыканта этого оркестра – В. Л. Турский и Н. В. Буянов. В начале февраля 1938 г. были арестованы ещё девять музыкантов оркестра вместе с его дирижёром и обвинены в участии в контрреволюционной организации, целью которой являлось свержение советской власти. Через 6 дней после ареста А. Л. Марксон [6] был осуждён по 58-й «контрреволюционной статье» и приговорён к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение в Красноярске 26 февраля 1938 г. Остальные музыканты также были расстреляны [7, с. 31–33].

По той же 58-й статье были объявлены «врагами народа» и погибли в застенках НКВД балалаечник-виртуоз, организатор и руководитель Красноярского великорусского оркестра народных инструментов Г. И. Трошин [8], хормейстер и дирижер С. Ф. Абоянцев [9], пианисты Э. А. Гроника [10] и М. Г. Окнинский [11], главный художник драмтеатра И. В. Дедуль [12], художник И. И. Ляхов [13], хормейстер С. С. Виноградов [14], руководитель драматического коллектива М. В. Лисовский [15] и еще многие другие деятели культуры, внёсшие огромный вклад в развитие культуры Красноярья.

Вячеслав Петрович Косованов – российский учёный-геолог, профессор Красноярского педагогического института, краевед, библиограф, автор научных трудов, исторических исследований, крупнейшего краевого библиографического справочника в четырех томах «Библиография Приенисейского края» был арестован 12 июня 1937 г. и обвинён по 58-й контрреволюционной статье в принадлежности к эсеровскому центру «сколачивания повстанческих кадров». После 10-минутного суда в июле 1938 г. был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян сразу после суда [16]. Косованов В. П., которого называли «наш красноярский профессор», был реабилитирован только в 1956 г. [17]

Судьба знаменитого сибирского краеведа, ученого-ботаника, педагога, мемуариста, библиофила, коллекционера, художника-любителя, поэта, преподавателя Красноярского педагогического института, сотрудника Музея Красноярского подотдела ВСОИРГО (Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества, первого директора государственного заповедника «Столбы» Яворского Александра Леопольдовича немногим менее трагична – он смог уцелеть, пройдя через кровавую машину сталинских репрессий. Был арестован 22 сентября 1937 г. во время лекции по обвинению в контрреволюционной деятельности и осуждён по ст. 17, 58-8 и 58-10 УК РСФСР на 10 лет с правом переписки. Наказания отбывал в «Вятлаге» Кировской области, где получил открытую форму туберкулеза. В 1947 г. Яворский А. Л. вернулся в Красноярск. Полностью был реабилитирован только в 1956 г. уже после смерти Сталина. Умер и похоронен в Красноярске в 1977 г. Собранные материалы по истории Красноярска и края, летописи, рассказы, стихи, фотографии, рисунки и другие документы А. Л. Яворский передал в Государственный архив Красноярского края, внося огромный вклад в пополнение культурного наследия Красноярья [18].

Устинович Николай Станиславович – известный советский писатель, посвятивший своё творчество людям и природе родного сибирского края. В августе 1937 г., находясь по личным делам в Нижнеингашском районе Красноярского края, был арестован органами НКВД и заключен в Канскую тюрьму. Поводом для возбуждения уго-

ловного дела послужил вышедший в 1933 г. в Хабаровске сборник «Листопад», одним из четырёх авторов которого был Устинович [19]. Писателя обвинили в участии в контрреволюционной группе, занимающейся изготовлением и нелегальным распространением антисоветской контрреволюционной литературы, призывавшей на борьбу с существующим государственным строем. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР Устинович Н. С. был приговорён к лишению свободы сроком на 10 лет. Из Унженского лагеря Горьковской области он был досрочно освобождён по состоянию здоровья через пять лет. Вернулся в Красноярск инвалидом без нескольких пальцев рук и ног [20]. До своей реабилитации в 1962 г. Н. С. Устинович не дожил четыре месяца.

Истории репрессированных красноярцев, составляющих в 1930-е гг. культурный генофонд Красноярья, являются лишь малой толикой в море лжи, доноительства, предательства и унижения от проводимой в стране политики партии, направленной на поиск шпионов, «врагов народа» и уничтожение любого инакомыслия в обществе. Человеческая трагедия каждого из них – как страшный пример противостояния человека и власти, больше похожего на необъявленную войну власти со своим народом. Власть под руководством Сталина подавила и уничтожила большую часть несогласной с официальной линией интеллигенции, и она также делала всё возможное для формирования класса «новой советской интеллигенции» из числа рабочих и крестьян, которые уже были воспитаны на марксистско-ленинской идеологии и должны были пополнить высшие партийные ряды, став для неё верной и надёжной опорой и поддержкой [21, с. 667–687].

Фактически в 1930-х гг. в стране воцарилась безграничная и авторитарная власть абсолютного диктатора и немногочисленной правящей верхушки, которая всё больше отдалялась от народа, но продолжала править от его имени. Беспредельная и деспотичная система управления государством охватила практически все стороны жизни общества и поддерживалась властью на всех уровнях, а «плановые задания» на поиск и уничтожение «врагов народа» должны были оправдать беззаконие и произвол сталинского руководства. В результате сталинского террора 1930-х гг. общество было повергнуто в атмосферу двойной морали, безысходности и постоянного страха, с которым приходилось жить, а вернее – выживать.

«Смерть одного человека – трагедия, смерть миллионов – это уже статистика». Это изречение принадлежит перу Э. М. Ремарка, но его часто приписывают Сталину, вероятно потому, что в нём четко и жестко отражен смысл сталинской политики, сформулировано отношение власти к человеку и к народу в целом.

Период сталинских репрессий, пик которых пришёлся на 1930-е гг., навсегда вошел в историю под названием «Большой террор» – период, когда высшее партийное руководство целенаправленно, методично и беспощадно уничтожало талантливейших людей, нанося невосполнимый урон профессиональному и культурному генофонду страны с одной лишь целью – удержать свою беспредельную власть над народом.

Список источников

1. Северьянов М. Д. Нэп и современность: полемические заметки. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1991. 318 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги : сб. документов и материалов. М. : РОССПЭН, 2007. 320 с.
3. Абдин Н. 1937 год – год «Большого террора». 2007. Режим доступа: <http://memorial.krsk.ru/Public/2007/2007062.htm>.

4. Исторические материалы. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. Режим доступа: // <https://istmat.org/node/30053>.
5. Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. М. : ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. 661 с.
6. Открытый список. Марксон Абрам Леонтьевич (1888). Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Марксон_Абрам_Леонтьевич_\(1888\)](https://ru.openlist.wiki/Марксон_Абрам_Леонтьевич_(1888)).
7. Гаврилова Л. В. Страницы истории музыкальной культуры Красноярска. Красноярск : Красноярский краевой научно-учебный центр кадров культуры. 2013. 127 с.
8. Открытый список. Трошин Георгий Ильич (1896). Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Трошин_Георгий_Ильич_\(1896\)](https://ru.openlist.wiki/Трошин_Георгий_Ильич_(1896)).
9. Открытый список. Абоянцев Сумуил Федорович (1889). Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Абоянцев_Самуил_Федорович_\(1889\)](https://ru.openlist.wiki/Абоянцев_Самуил_Федорович_(1889)).
10. Открытый список. Гроника Эрнст Артурович (1883). Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Гроника_Эрнст_Артурович_\(1883\)](https://ru.openlist.wiki/Гроника_Эрнст_Артурович_(1883)).
11. Открытый список. Окнинский Михаил Григорьевич (1905). Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Окнинский_Михаил_Григорьевич_\(1905\)](https://ru.openlist.wiki/Окнинский_Михаил_Григорьевич_(1905)).
12. Открытый список. Дедуль Иосиф Викентьевич (1898). Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Дедуль_Иосиф_Викентьевич_\(1898\)](https://ru.openlist.wiki/Дедуль_Иосиф_Викентьевич_(1898)).
13. Открытый список. Ляхов Иван Иванович (1890). Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Ляхов_Иван_Иванович_\(1890\)](https://ru.openlist.wiki/Ляхов_Иван_Иванович_(1890)).
14. Открытый список. Виноградов Сергей Сергеевич (1892). Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Виноградов_Сергей_Сергеевич_\(1892\)](https://ru.openlist.wiki/Виноградов_Сергей_Сергеевич_(1892)).
15. Открытый список. Лисовский Михаил Васильевич (1900). Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Лисовский_Михаил_Васильевич_\(1900\)](https://ru.openlist.wiki/Лисовский_Михаил_Васильевич_(1900)).
16. Открытый список. Косованов Вячеслав Петрович (1880). Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Косованов_Вячеслав_Петрович_\(1880\)](https://ru.openlist.wiki/Косованов_Вячеслав_Петрович_(1880)).
17. Косованов, Вячеслав Петрович. Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых. Режим доступа: [https://science.kraslib.ru/?C21COM=S&I21DBN=NAUKA_ATHRA&P21DBN=ATHRA&S21ALL=\(<.>I=КоВП-970157<.>\)&S21FMT=briefweb_nauka_ATHRA&S21CNR=1](https://science.kraslib.ru/?C21COM=S&I21DBN=NAUKA_ATHRA&P21DBN=ATHRA&S21ALL=(<.>I=КоВП-970157<.>)&S21FMT=briefweb_nauka_ATHRA&S21CNR=1)
18. Яворский Александр Леопольдович // Литературная карта Красноярского края. Режим доступа: https://litkarta.kraslib.ru/index.php?I21DBN=ATHRA_LITER&P21DBN=ATHRA&C21COM=S&S21ALL=<.>I=ЯВАЛ-729988<.>&S21FMT=ath_liter
19. Архивы Красноярского края. К 100-летию сибирского писателя Н. С. Устиновича. Режим доступа: <http://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh/news/pamyatnye-daty/124>
20. Красноярский рабочий. Сердце, широко открытое всему доброму. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Yrq66raOz1LtLBJV>.
21. XVIII съезд ВКП(б): стенографический отчет. М. : ОГИЗ, 1939. 742 с.

Т. Б. Хоммиев

*Туркменский государственный университет
имени Махтумкули
Ашхабад, Туркменистан*

ЭПОС «ГЁРОГЛЫ» – ОБЕРЕГ ДЛЯ ТУРКМЕНСКИХ ВОИНОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны немало было туркменских воинов, которые, уходя на фронт, брали с собой из дома книги или дутар. Так поступил и Гулназар Пенаев, родом из села Акгуйы, что в предгорьях Балханских гор. Когда его призвали армию, то он с собранными вещами положил в полевой вещмешок и книгу «Гёроглы». В данной статье прослеживается судьба туркменского воина, отправившегося на войну и забравшего с собой из дома книгу «Гёроглы». Когда Гулназар Пенаев погиб в бою, то его боевые товарищи отправили книгу его родственникам. Книга как семейная реликвия переходит из рук в руки, но позднее ее следы теряются. Сохранились лишь фотографии некоторых страниц. Также есть сведения и о книге «Гёроглы», которую пробила навывлет пуля. В начале 1990-х гг. в туркменской прессе публиковались различные статьи о поиске и нахождении этих книг. Но, к сожалению, судьба этих книг до сих пор остается неизвестной.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, книга, эпос «Гёроглы», туркменский воин, отвага, храбрость, книголюбие, потеря*

Abstract. There are many Turkmen young men who fought in the Great Patriotic War. This article traces the fate of the Turkmen soldier who went to war with the Gorogly epic. When the brave young man Gulnazar Penayev was called to war from the village of Akgyuy in the foothills of the Balkan mountains, He kept the book «Gorogly» in his pocket. When a soldier dies in the war, his comrades send the book of Gorogly to the deceased, and it is buried in his guardians. This book then passes from hand to hand and is eventually lost. A photograph of some of its pages has been prepreserved. There is also information about searching and finding these books. The fate of those books still remains unknown.

Keywords: *Great Patriotic War, Gorogly epic, turkmen soldiers, bravery, love to he books, loss*

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. подвергла туркменский народ, как и все другие народы СССР, тяжелым испытаниям. Мужество, самоотверженность и героизм сыновей и дочерей туркменского народа на полях сражений и в тылу Великой Отечественной войны золотыми буквами вписаны в историю. В годы войны были написаны десятки и сотни книг, созданы произведения о нелегком труде оставленных в тылу во имя Победы. Произведения, созданные видными представителями туркменской культуры и искусства на военную тему, поднимали боевой дух народа в то поистине трагическое и одновременно героическое время. Многие работники газет и журналов, писатели и поэты оставили свои привычные рабочие места, взяв в руки оружие, «сменив ручки на штыки». В годы войны многие известные деятели культуры и искус-

ства Туркменистана выступали перед воинами на фронтах и исполняли песни и музыку, поднимавшие их боевой дух. Перед воинами читали стихи такие известные туркменские писатели и поэты, как Б. Кербабаев, Г. Сейитлиев, Р. Сейидов. На передовой бойцы тепло встречали выступления таких известных туркменских бахши и певцов, как С. Джембарова, Н. Адыевой, Н. Нурмухаммедовой, Г. Аманова, К. Гельдымурадова, Х. Аннаева, Х. Аннадурдыева, артистов Г. Бердыева, Г. Бобровского. Выступления Р. Мередова на гитаре и музыкантов Туркменского театра на аккордеоне всегда сопровождались бурными аплодисментами бойцов. Выступления этих известных работников культуры и искусства показывали пример единения фронта и тыла. Музыкальные коллективы в составе артистов из Туркменистана с 27 октября 1941 г. по 6 декабря 1942 г. дали 48 концертов на Центральном и Калининском фронтах и 130 на Северо-Западном фронте. Всего было направлено десять концертных бригад, которые дали более тысячи концертов и спектаклей [7 с. 121].

Есть немало примеров, когда туркменских воины уходили на Великую Отечественную войну, забирая с собой книги и национальный музыкальный инструмент дутар. Одной из таких книг, которую часто брали с собой на фронт, был эпос «Гёроглы». На страницах эпоса на протяжении всей книги освещалась тема защиты Родины и своего народа. Это произведение является одним из величайших сокровищниц нашей литературы, повествующим о великой былой жизни туркменского народа. Признанием великого общемирового значения этого произведения стало включение в 2015 г. эпоса «Гёроглы» в список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО.

Через образ Гёроглы туркменский народ создал личность отважного богатыря, героически стоящего на защите своей Родины и своего народа против всех его врагов и недругов, вне зависимости от их положения, будь то коварный царь, хан или же алчный бек [3, с. 200]. Рождение Гёроглы, его отвага и доблесть в юности, конь Гырат, сорок всадников, стрельба из лука, его способность сражаться против огромных полчищ врагов и одоление таких могущественных правителей, как падишах Рейханарап и Хункар – все эти примеры были источником вдохновения от млада до стара.

Имя Гёроглы упоминается среди имен отважных исторических личностей в письмах-наказах, которые были адресованы от имени туркменского народа воинам, сражающимся на фронте [8, с. 127]. Сохранились интересные сведения о том, как эпос «Гёроглы», являющийся одним из лучших образцов духовного наследия туркменского народа, занял свое достойное место в истории Великой Отечественной войны. Эпос «Гёроглы» был спутником и вдохновением для воинов, сражавшихся на фронте. В воспоминаниях фронтовиков сохранились упоминания, что у некоторых туркменских воинов всегда с собой был эпос «Гёроглы» [4, с. 9]. Бойцы читали книгу «Гёроглы» кто лично для себя, а кто и вслух в кругу своих боевых товарищей в момент короткое затишье между боями или на привале.

Известный туркменский литературовед Мяти Косаев первым написал об эпосе «Гёроглы», сопровождающем туркменских воинов в Великой Отечественной войне. М. Косаев так пишет об эпосе: «Книга “Гёроглы” была боевым товарищем туркменского воина по имени Гулназар из Гызылэтрекского этрапа. На полях книги много заметок, написанных рукой Гулназара. Тот молодой человек сначала попал в боевую армию, потом был ранен и госпитализирован. Он присоединился к партизанам, сражавшимся в тылу врага в Крыму, героически сражался и был убит вражескими пулями 28 февраля 1944 год» [4, с. 9].

Также в своей статье Мяти Косаев приводит полностью письмо, написанное на пустой странице в конце книги его боевыми соратниками родственникам Гулназара.

В письме они написали дату смерти Гулназара, что похоронен он возле села под названием Маяк, и поклялись перед его могилой, что отомстят фашистам за Гулназара.

Те, кто отправился на поиски родственников хозяина книги «Гёроглы», побывавшей на войне, не нашли их в Гызылэтрекском (ныне Этрекском) этрапе. В этих окрестностях не нашлось никого, кто знал бы этого молодого человека или его родственников.

От его младшего брата Аннамурата, которому было десять лет, когда началась война, позже узнали, что название настоящего места рождения героя-солдата по неизвестным причинам было указано неверно, а его фамилия была Пенаев. Пенаевы были родом не из Этрека, а из нынешнего Туркменбашинского района (бывший Красноводск), точнее из аула Акгуйы. Фотография Гулназара в военной форме позже была помещена в очерке, написанном на основе рассказов Аннамурата [1].

По словам его младшего брата, Гулназар, раз за разом перечитывая «Гёроглы», наизусть заучивал его стихи. Вечером вокруг него всегда собирались жители села. Тогда Гёроглы «располагался» с сорока юношами в этом степном селении. Выразительное чтение и художественный талант Гулназара уводили жителей села в сокровенные глубины древней истории. Тогда кто-то мечтал стать одним из сорока всадников Гёроглы, а кто-то грезил о том, как бы сам проявил себя в безвыходной ситуации.

Когда над Родиной нависла смертельная опасность, Гулназар не смог в эти тяжелые времена расстаться с «Гёроглы». Первое, что он положил в вещмешок, была книга. Так Гулназар и его книга из степного аула вместе отправились на войну. Вдали от родного села она была ему советником, другом и соратником. Они были вместе и в окопе, вместе в бою устремлялись на врага, они в месте дрались за каждую пядь родной земли с рвением Гёроглы, с его неукротимой страстью и его гневом к захватчикам.

Пока Гулназар сражался вместе с Гёроглы, его односельчане и родители самоотверженным трудом ковали победу в тылу. Отец Гулназара, Пена Атагараев, который был сторонником советской власти в Туркмении и сражался с оружием в руках, прошел через разные трудности и помогал фронту всем, чем мог. Во время записи на военный заем Пена Атагараев получил облигации на сумму 4 тысячи рублей и все их он отдал наличными деньгами. Кроме того, Пена передал в Фонд обороны 43 тысячи рублей, заем на 20 600 рублей, 10 овец [1]. Но самое родное и дорогое, что он отдал фронту – это четверо из шести его сыновей, ушедших на фронт. Двое из них, Курбанназар и Гулназар так и не вернулись домой с войны.

Хотя получение похоронки и разбило сердца его близких, но Гулназар оказался живым. В одном из ожесточенных боев он был ранен и отстал от своих товарищей. И здесь его охранил боевой дух и твердость веры Гёроглы. Когда Гулназар пришел в себя, то первым делом он проверил на месте ли книга «Гёроглы» и обнаружив ее за пазухой под левой рукой он успокаивается. Нет, он не один. Рядом с ним Гёроглы, храбрый воин и защитник. Теперь его мысли о том, как побыстрее присоединиться к своим собратьям-воинам с книгой Гёроглы.

Гулназар быстро достигает своей цели, и он снова со своими боевыми соратниками идет в бой. В феврале 1944 г. он погибает в кровопролитном бою, прижав «Гёроглы» к груди. Пуля, поразившая Гулназара, пробила и эту прекрасную книгу, его алая кровь пропитала страницы книги. Этот скромный юноша, отличившийся своей храбростью в бою, так и не сообщил своим родным, что был награжден орденом Красной Звезды. Возможно причина этого – его природная застенчивость.

Так односельчане Гулназара Пенаева получили уже второй раз известие о его смерти. На этот раз эта весть оказалась более горькой, чем раньше. Весть о его смерти навсегда осталась на странице, написанной о смерти Гёроглы. И Гулназар заканчивает

свою жизнь в конце этой книги. Но он живет на страницах книги «Гёроглы», в народной памяти и в памяти родных.

Гулназар Пенаев – лишь одно из многих имен туркменских воинов, ушедших на войну с эпосом «Гёроглы» за спиной. Та книга «Гёроглы» навсегда вписала имя нашего героя в страницы истории.

Хотя и удалось узнать судьбу хозяина книги «Гёроглы», ушедшего на войну, проследить последующую судьбу самой книги было сложно. После того, как очерк появился в прессе в 1990-х гг., надежда на то, что редакция получит какие-нибудь новости, не оправдалась. К огромному сожалению, ничего не было найдено.

Журнал «Дияр», вернувшись к этой теме, напечатал обращение-просьбу с вопросом «Где книга “Гёроглы”, в которую попала пуля?» в первом номере 1994 г. [2, с. 55] Только после этого в редакцию позвонил писатель Ягмыр Пиргулыев и сообщил, что видел эту книгу тридцать лет назад у Ходжаберди Ханова, преподавателя Туркменского государственного университета, и даже сфотографировал две страницы «Гёроглы». Вернувшаяся с войны книга «Гёроглы», оказавшаяся в руках преподавателя, казалась еще тогда писателю очень интересной. Ягмыр Пиргулыев, сфотографировавший две страницы книги, сам еще не понимая какое благородное дело он сделал, сам еще того не ведая, помог сохранить это волнующее событие, связанное с историей нашего народа. Тот факт, что писатель хранил эти фотографии более тридцати лет, позднее вызвало у него огромное чувство удовлетворенности от сделанного ранее.

На первом фото вверху главы «Свадьба Овеза» были записи, относящиеся к Бердиназару Пенаеву, брату Гулназара, хозяину прострелянного «Гёроглы». Трудно полностью разобрать записи этого храброго человека, прошедший через огонь войны и потерявшего ногу. Не удалось выяснить, как относящиеся к нему записи вообще попали в книгу Гулназара.

В записях на втором фото его однополчане написали сообщение о гибели Гулназара. Казалось, что найдена зацепка о прострелянном «Гёроглы», но продолжения не было.

Товарищи сделали запись в книге и отправили ее по адресу, который был найден у Гулназара. Этот адрес принадлежал тете Гулназара, которая в то время жила в Красноводске. Его тетя передала книгу своему родственнику Маммедаману Исламу, преподавателю Туркменского государственного университета. Книга «Гёроглы», ставшая свидетельницей войны, впоследствии досталась Ходжаберды Ханову. Предположительно, Ходжаберди Ханов подарил ее своему коллеге Мяти Косаеву, потому что тот писал научную статью о «Гёроглы».

По свидетельству ученых Аллаберди Оразтаганова и Ораза Язымова, та самая книга, которая читалась на полях сражений войны 1941–1945 гг., вдохновлявшая туркменскую молодежь к героизму, пронзенная вражеской пулей, долгое время хранилась у Мяти Косаева, известного ученого Туркменистана [1]. Он был намерен передать музею этот уникальный историко-духовный памятник. После этого судьба книги нам неизвестна.

У туркмен есть поговорка: «Если есть война, есть Гёроглы». «Гёроглы» побывал с туркменскими воинами на многих полях сражений. Хотя один из обладателей книги «Гёроглы» так и не вернулся в родные места в прямом смысле этого слова, а остался далеко, книга «Гёроглы», которая поддержала его в трудную минуту, помогла ему пережить тяжелые военные тяготы. При помощи книги он вдохновлялся и учился, и сама книга вернулась на туркменскую землю. Она нашла свое место у Мяти Косаева, знающего цену слову и способствовавшего тому, чтобы эпос «Гёроглы» дошел до нашего народа в виде книги. Следует отметить тот факт, что Мяти Косаев хранил книгу как зе-

ницу ока, свидетельствует о его глубоком почтении к памяти смелого юноши Гулназара.

В своей книге ученый М. Косаев упоминает о прострелянной книге «Гёроглы». В ней ученый приводит в качестве примера статью, опубликованную в одном из номеров 1944 г. журнала «Советская литература», издававшегося в то время в Туркмении: «Недавно, когда Гафуров, старший лейтенант связи, вернулся в Москву с Юго-Западного фронта, показал нам простреленную книгу «Гёроглы», которая была пристегнута к ремню тела туркменского солдата, который был убит при нападении нашей части» [4, с. 9]. Также М. Косаев сообщает, что до него дошла новость о том, что прострелянная книга «Гёроглы» хранится в военном музее в Москве [4, с. 9].

Филолог А. Оразтаганов отметил, что необходимо воспитывать детей на примере этого юноши, отправившегося на поле боя с книгой «Гёроглы» [5, с. 9]. В 1995 г. в книге «Туркменская литература», предназначенной для школьников, было написано, что Г. Пенаев ушел на фронт с эпосом «Гёроглы» и таким образом впервые наше молодое поколение услышало об этом [6].

В начале 1990-х гг. в туркменской прессе публиковались различные статьи о поиске и нахождении этих книг. Однако судьба этих книг до сих пор остается неизвестной. Нет слов, чтобы сказать, как важно найти эти два экземпляра книги «Гёроглы», которые были с нашими воинами на поле боя. Возможно те, кто читает эту статью, расскажут нам о книгах «Гёроглы», прошедших по тем боевым дорогам.

Список источников

1. Байрыев А. Гёроглы сөвеш ёлдашы // Эдебият ве сунгат. 13.04.1990.
2. Байрыев А. Ок деген Гёроглы ниреде? // Дияр. 1994. № 1. С. 55.
3. Бертельс Е. Э. Литературное прошлое туркменского народа // Совет эдебияты. 1944. № 9–10. С. 181–201.
4. Көсаев М. Эдебият барада сөхбет. А. : Түркменистан, 1972. С. 238.
5. Оразтаганов А. Окувчылар интернационал тербие бермек (VIII–X класлар). А. : Магарыф, 1982. С. 22.
6. Түркмен эдебияты. А. : Түркменистан, 1995. С. 428.
7. История Советского Туркменистана. Часть вторая (1938–1967). А. : Ылым, 1971. С. 400.
8. Туркменистан в период Великой Отечественной Войны Советского Союза 1941–1945 гг.: сб. документов. Т. I. А. : Туркменского государственное издательство, 1962. С. 416.

Р. Р. Галлямов

*Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
Уфа, Россия*

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ БАШКОРТОСТАНЕ: ПОПЫТКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

Аннотация. В статье приводятся предварительные результаты реализации просопографического метода при анализе исламоведения в современном Башкортостане – одном из самых полиэтничных и многоконфессиональных регионов нашей страны. Автор добавляет штрихи к социальному портрету исследователей различных отраслей общественнознания, занимающихся проблемами ислама, реальными и потенциальными приверженцами которого являются более половины населения этого одного из крупных и развитых субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: *исламоведение, просопографический метод, Башкортостан*

Abstract. The article presents preliminary results of the implementation of the prosopographic method in the analysis of Islamic studies in modern Bashkortostan – one of the most multiethnic and multi-confessional regions of our country. The author offers touches to the social portrait of researchers of various branches of social studies dealing with the problems of Islam, whose real and potential adherents are more than half of the population of one of the large and developed subjects of the Russian Federation.

Keywords: *Islamic studies, prosopographic method, Bashkortostan*

С началом радикальных общественных преобразований на всей территории бывшего СССР ислам, как одна из традиционных конфессиональных общностей нашей страны, стал значительным фактором социально-политической жизни не только прежних «мусульмански ориентированных» советских республик (Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан), но и Российской Федерации в ее современных границах. Можно утверждать, что последнее десятилетие XX и начало XXI в. стали для России и всего постсоветского пространства эпохой не только «взбунтовавшейся этничности», но и «исламского ренессанса». Этот процесс совпал со стремительным возрастанием роли ислама во всем мире и его радикализацией, с самыми неоднозначными последствиями. Это позволило некоторым специалистам заявить даже о максимальной актуализации «исламской угрозы» для всего человечества [1, 4].

Как известно, в пределах современной России, в которой проживает до 15 млн мусульман, принято выделять два основных социокультурных ареала, которые определяют масштаб и направления возрождения мусульманской конфессии – Северо-Кавказский и Волго-Уральский. Крупные российские города (Москва, Санкт-Петербург и т. д.), которые также имеют в своем составе большие мусульманские анклав, не оказывают доминирующего влияния на основные тенденции развития исламской уммы в силу значительной мультикультурности своей социальной среды и ее урбанизирован-

ности. Исторически сложилось так, что ведущими российскими регионами Урало-Поволжья, в которых ислам имеет устоявшиеся традиции и наибольшее количество последователей, являются Башкортостан и Татарстан.

Республика Башкортостан, географически находящаяся в Приуралье и на Южном Урале, с точки зрения территориального (143,6 тыс. кв. км), демографического (почти 4,1 млн чел.) и экономического потенциала занимает первое место в Приволжском федеральном округе и седьмое место в Российской Федерации. Башкортостан является одним из самых полиэтничных регионов в масштабах всего Российского государства, по индексу этнической мозаичности (смешанности) он занимает прочное второе место после Дагестана, образно называемого «Страной ста народов» [2, с. 24–34]. Этническую основу населения Республики Башкортостан, согласно официальной статистике (по результатам переписи 2010 года), составляют башкиры (29,5 %), русские (36 %), татары (25,4 %), а также несколько тюркских (чувашаи – 2,7 %), финно-угорских (марийцы – 2,6 %, удмурты – 0,5 %, мордва – 0,5 %) и славянских народов (украинцы – 1,0 %, белорусы – 0,3 %), издревле проживающих на этой территории [3, с. 5–8].

Одновременно, с точки зрения конфессиональной представленности и сложности межрелигиозных отношений (на основе чрезвычайно дисперсного и чересполосного расселения этносов), Башкирия лидирует не только в масштабах Российской Федерации, но и в пределах всего бывшего Советского Союза. В количественном отношении, если исходить из статистических расчетов этнической принадлежности граждан, исторически ориентированных на тот или иной вид религиозности, в Башкирии проживает сегодня 2 млн 182 тыс. реальных и потенциальных мусульман, что составляет около 55 % населения республики.

Необходимо признать, что Башкортостан играет особую роль в формировании и становлении российской исламской уммы. Как справедливо подчеркнул во время своего недавнего краткосрочного пребывания в Уфе Президент РФ В. В. Путин: «Уфа – столица республики, где мы сейчас находимся, так сложилось тоже исторически, – всегда была одним из значимых, наиболее важных центров российского ислама, ислама просвещенного, творческого и очень уважаемого в исламском мире и в то же время патриотически ориентированного, настроенного на взаимодействие со всеми другими традиционными конфессиями нашей страны. В этом смысле можно сказать, что Башкирия всегда играла особую, значимую роль в жизни, в истории и в судьбе России» [4].

Процесс возрождения мусульманской религиозности в современной России вызвал бурный рост познавательного и исследовательского интереса к проблемам ислама как экспертов и специалистов, так и в среде многочисленных журналистов, блогеров и широкой общественности в целом. Нельзя не согласиться и с мнением о том, что дополнительный импульс всеобщего интереса и научным исследованиям российской исламской уммы был дан в 2007 г. Распоряжением Правительства РФ от 14.06.2007 № 775, предусмотревшим реализацию федеральной «Комплексной программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, содействия развитию исламского образования, формирования толерантного сознания и профилактики экстремизма» [5, с. 3].

Вместе с тем, несмотря на более чем тридцатилетний опыт осуществления постсоветских исламоведческих исследований в нашей стране, отсутствует более или менее их систематический и историографический анализ, плохо развита тематическая классификация, за отдельным исключением, не представлено описание ведущих персоналий в области научного исследования и научно-популярного описания тенденций и противоречий российского ислама. Имеющиеся в этом смысле новейшие издания отличаются чрезвычайной отрывочностью, неполной представленностью ведущих авторов, в особенности работающих в регионах, а следовательно – не могут претендовать на полный системный

анализ проблемы. Например, авторы выше процитированного сборника, основывая свои выводы только на результатах разосланной по электронной почте анкеты (непонятно по какому принципу была осуществлена выборка респондентов и их опрос), «обнаружили», например, в Башкирии только пять не самых известных авторов, занимающихся исламоведением, проигнорировав даже довольно авторитетных и маститых обществоведов республики, посвятивших непосредственно изучению различных аспектов ислама несколько десятков диссертаций и фундаментальных монографий [5, с. 6–79].

Общепризнанно, что на современном этапе развития обществознания во всем мире исламоведение уже стало институализированным направлением науки, которое понимается как «религиоведческая дисциплина, изучающая ислам: его догматику, историю, культуру, право, экономику мусульманских народов и пр. Исламоведение не занимается ни критикой ислама, ни его апологетикой, а служит источником непредвзятой информации об исламе, духовных ценностях и ориентирах его последователей. На отделениях исламоведения в университетах наряду с исламоведческими дисциплинами глубоко изучают арабскую письменность и язык, а также персидский, турецкий и другие языки мусульманских народов» [6].

Признанием сформированности исламоведения как научного направления в нашей стране является, например, существование и успешное функционирование нескольких исламоведческих научных журналов, в том числе с одноименным названием («Исламоведение»), включенных даже в список, рецензируемый ВАК РФ. Именно поэтому автор в процессе подготовки библиографического сборника считал возможным озаглавить его «Исламоведение в современном Башкортостане: просопографический словарь-справочник». Обосновывая вторую часть названия представленного сборника, мы исходили из того, что используем именно просопографический метод, который намного шире и глубже, чем простое библиографическое описание, и предполагает «создание коллективных биографий, выявление определённого круга лиц, постановка ряда однотипных вопросов о датах рождения и смерти, о браке и семье, социальном происхождении, месте жительства, образовании, роде деятельности, религии и т. д. Просопографический метод выявляет определённые типы» [7].

Разработанный и готовящийся автором к публикации просопографический словарь-справочник не претендует на высокий уровень инновационности издания, а во многом является продолжением сложившейся уже в отечественной науке традиции аналогичных публикаций о востоковедах, тюркологах и религиоведах [8–11].

Характеризуя источниковую базу, на основе которой разрабатывался упомянутый сборник, необходимо подчеркнуть несколько обстоятельств.

Во-первых, отбор представленных в сборнике авторов осуществлялся первоначально на основе детального изучения их творчества, представленного в электронной библиотечной системе Лайбрани. Затем с большинством описываемых персоналий был установлен личный контакт и запрошена информация (отправка официального обращения).

Одновременно мы попросили выявленных нами авторов предложить в качестве возможных претендентов других коллег, которые по значимости и количеству имеющихся публикаций могли бы войти в готовящийся сборник. В результате кропотливой работы были обнаружены и описаны 51 (то есть более, чем в десять (!!!) раз больше, чем в сборнике московских коллег) исламовед Башкирии: как ныне живущие, так и, к сожалению, недавно покинувшие этот мир.

Во-вторых, все присланные нам довольно разноразличные материалы были приведены к единому редакторскому виду и ограничены установленным объемом, за редким исключением, по количеству представленных публикаций. К сожалению, не все выявленные нами исламоведы, проживающие в республике, откликнулись на неоднократные обращения, по непонятным нам причинам проигнорировали их. В этом случае для состав-

ления их персонального профиля нам пришлось обратиться к открытым источникам в Интернете и общероссийской информационно-библиотечной системе Лайбрани.

В-третьих, в связи с тем, что автор сборника лично знаком, тесно сотрудничал или близко контактировал с абсолютным большинством исламоведов, персональный профиль которых публикуется, они сочли возможным, в рамках реализации просопографического метода, дать краткую, максимально объективную характеристику исламоведческого потенциала и его реализации в научном творчестве описываемых специалистов.

Анализ собранной информации о 51 найденном и отобранном ученом позволил нам подготовить предварительные данные о своеобразном социальном портрете исламоведов Башкортостана, которые мы приводим ниже в виде статистических расчетов и комментариев к ним.

Гендерное распределение авторов, занимающихся в республике исламоведением, позволяет сделать вывод о его существенно маскулинном характере: 43 автора (84,3 %) представляют мужской пол и только 8 (15,7 %) – женскую половину человечества. Причем из специалистов высшей научной квалификации (15 докторов наук) женщины составляют уже треть экспертов – 5 человек.

Важным фактором, характеризующим становление исламооведа как профессионала, являются различия в сельско-городском характере его социализации. В этом смысле соотношение авторов приблизительно одинаковое: в сельской местности родились и выросли 26 (51 %) из них, а в городской – 25 (49 %). При этом преимущественно городской характер происхождения экспертов, по объективным причинам (последствия новейшей урбанизации) резко возрастает в более молодых возрастных группах, а в старших когортах сохраняется роль выходцев из сельской местности.

В целом возрастные особенности социального портрета исламоведов Башкортостана в основном коррелируют с имеющейся группой обществоведов республики и представляют собой следующие соотношения. В возрасте от 30 до 40 лет находятся 8 человек (15,7 %), от 40 до 50 – 10 (19,6 %). Следующая возрастная группа, от 50 до 60 лет, – 9 авторов (17,6 %). Наконец, почти половину исламоведов – 24 (47 %) насчитывают представители самого старшего научного поколения, свыше 60 лет. Причем почти половина из них приближается к 70-летнему рубежу или перешла его, что говорит о существенной тенденции геронтизации исламоведческого научного сообщества.

Важнейшими критериями социального портрета исламоведов являются уровень и направления их образования, а также – изначальная профессиональная специализация с точки зрения полученной вузовской аттестации. В этом смысле, 88,2 % (45 чел.) изначально получили светское образование; 17,6 % (9 чел.) – имеют так называемое комбинированное образование, то есть окончили впоследствии духовные учебные заведения со специализацией по исламу, либо, имея первоначальное духовное образование, «закрепили» его светским. Еще 23,5 % (12 чел.) духовного или специального религиозно-исламоведческого образования не имеют, то есть выступают своеобразными «автодидактами», рассуждающими о смыслах ислама как бы «со стороны». Из исламоведов, имеющих специальное духовное образование, 11 авторов закончили отечественные мусульманские вузы или академию, а 9 – зарубежные мусульманские учебные учреждения на разном уровне обучения.

Как уже отмечалось выше, 15 (30,6 %) представителей башкирского исламоведения имеет российскую степень доктора наук, еще 21 (41,2 %) – являются кандидатами наук, 2 человека (3,9 %) – защитили диссертации в зарубежных исламских вузах на соискание степени PhD (Турция). Непосредственно по проблемам ислама подготовили и защитили диссертации кандидата/доктора наук 9 (17,6 %) исламоведов, а по другой проблематике – 26 (51 %) авторов. С точки зрения первоначального (базо-

вого) образования исламоведы Башкирии распределились, в убывающей последовательности, следующим образом: историки – 14 (27,5 %), философы – 14 (27,5 %), богословы – 11 (19,8 %), педагоги – 6 (11,8 %), политологи (социологи) – 6 (11,8 %).

Важным индикатором, характеризующим направления развития исламоведения, выступает начало занятий авторами соответствующей исследовательской деятельностью. Диахронный анализ показывает, что в «лихие» 1990-е гг. приступили к изучению ислама 12 авторов (23,5 %), а в начале 2000-х гг. – еще 5 (9,8 %). Резко возросло количество, интересующихся исламоведением в конце 2000-х гг., их было уже 21 человек (41,2 %). Наконец, начиная с 2010-х гг. к исламоведению приступили еще 13 (25,5 %) специалистов. Этот исследовательский феномен (буквальный «взрыв интереса» к исламу начиная с конца 2000-х гг.), скорее всего, основан именно на том, что большая группа философов, историков и педагогов активно занялась изучением различных аспектов ислама именно на основе реализации уже упомянутой федеральной «Комплексной программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, содействия развитию исламского образования, формирования толерантного сознания и профилактики экстремизма», которая начала функционировать в 2007 г. С одной стороны, возможность теперь свободного размышления на религиозно-исламские темы, с другой – существенное финансовое обеспечение соответствующих изданий и смешанного (светско-духовного) образования, во многом подтолкнули интенсификацию исламоведческих публикаций и соответствующих исследований.

К интересным результатам приводит анализ преимущественной исследовательской тематики исламоведов Башкортостана, хотя итоги подобного исследования имеют относительный характер в силу того, что многие авторы берут на себя смелость рассуждать на самые разнообразные темы, касающиеся ислама, видимо считая себя специалистами самого широкого профиля в этом смысле. Вместе с тем, если рассчитывать именно преимущественную специализацию авторских публикаций, то тематическое распределение выглядит следующим образом. Необходимо оговориться, что общее количество авторов, имеющих тематические предпочтения, превышает число исламоведов в силу имеющихся разнообразных публикаций. Но для составления общего представления это расчет может быть полезным. Итак, историческим аспектам развития исламской уммы посвятили свои исследования 12 авторов. Вторым направлением, по количеству специализирующихся, выступают эксперты в области исламского образования и педагогики – 11 авторов. На третьем месте идут авторы, занимающиеся исламским богословием, – 10 человек. Преимущественно политологические аспекты рассматривают 6 экспертов. Джадидизмом и суфизмом увлекаются 5 исламоведов. Философии ислама посвятили свои труды 5 авторов. По 3 автора отнесли свое творчество к доисламским верованиям, народному исламу и персоналиям выдающихся богословов. Наконец, 2 автора издадут в основном переводы исламских текстов.

Естественно, что исламоведы Башкирии работают в самых различных вузах и научных учреждениях республики, и в этом смысле, формируют (хотя бы организационно) несколько научных школ. Эти школы создаются, в основном вокруг пяти ведущих исследовательских центров. Абстрагируясь здесь от оценки научной значимости и вклада каждой из научно-исследовательских групп, а также – персоналий, что является предметом отдельного анализа, отметим лишь, что в количественном смысле **наибольшую группу**, что вполне естественно, представляют исламоведы, работающие в **Российском Исламском Университете Центрального духовного управления мусульман России (г. Уфа), таковых 11 человек**. Понятно, что эти авторы уже по характеру своей деятельности должны быть исламоведами, хотя уровень их профессиональной компетентности весьма диверсифицирован: наряду со сложившимися специалистами имеются представители, только приступающие к данной деятельности. Здесь

имеется только один кандидат педагогических наук и два автора, имеющие степень PhD. **Вторую** по численности группу исламоведов Башкортостана составляют учёные **Института этнологических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (УФИЦ РАН), их 10 авторов.** В этом исследовательском центре имеется единственный на всю республику специализированный отдел религиоведения, научный потенциал данного центра наибольший: в нем работают из числа исламоведов пять докторов и три кандидата наук. **Третью** значительную исследовательскую группу исламоведов составляют специалисты из **института Истории, языка и литературы УФИЦ РАН, их количество достигает 7 авторов** – кандидатов наук. **Четвертые** по количеству исламоведов – эксперты из **Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан**, здесь работает 5 остепененных специалистов (кандидаты наук). **На пятом месте** – профессорско-преподавательский состав вновь учрежденного **Уфимского университета науки и технологий** (образован 1 ноября 2023 г. на основе слияния классического Башкирского государственного университета и одного из крупнейших в России технических вузов – Уфимского государственного авиационного технического университета), здесь работают 4 исламоведа, из которых 3 кандидата наук. Наконец, отдельную группу исламоведов составляют индивидуальные авторы (14 человек), работающие в так называемом «одионом автономном плавании».

Таким образом, реализованный автором просопографический метод позволяет не только прийти к определенным предварительным выводам относительно персоналий исламоведов одного из традиционно «мусульманских» российских регионов, но и, что важнее, сформировать значительную источниковую базу для дальнейших исследований в указанной области отечественного обществознания.

Список источников

1. Малашенко А. В. Бродит ли призрак «исламской угрозы»? М., 2004, 24 с.
2. Галлямов Р. Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа, 1996, 200 с.
3. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года : статистический бюллетень. Уфа : Башкортостанстат, 2012, 58 с.
4. Интервью Президента РФ В. В. Путина перед отлётом из Уфы 13 января 2023 года телеканалу «Россия 1». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70350> (дата обращения: 25.04.2023).
5. Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017) : библиографический справочник. М., 2018. 84 с.
6. Аликберов А. К. Исламоведение как научная дисциплина. Режим доступа: <http://www.islamica.ru/islamic-studies/?uid=120> (дата обращения: 20.04.2023).
7. Просопография. Режим доступа: <ru.wikipedia.org> (дата обращения: 22.04.2023).
8. Милибанд С. Д. Востоковеды России, XX – начало XXI века = Russian orientalists of the 20th and Early 21st Centuries : библиографический словарь : в 2 кн. М. : Восточная литература, 2008.
9. Милибанд С. Д. Востоковеды России, XX – начало XXI века. Дополнения и указатель. М. : Восточная литература, 2009.
10. Библиографический словарь отечественных тюркологов: дооктябрьский период / подгот. А. Н. Кононов. 2-е изд., перераб. М. : Наука, 1989.
11. Библиографический словарь. Кто есть кто в российском религиоведении. Режим доступа: <https://rusoir.ru/06articles/06articles-biblio>.

УДК 792.02.

Т. П. Урожаева

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х – 2000-Е ГОДЫ

Аннотация. Театральная культура является значимым показателем развития культуры и общего состояния общества. С одной стороны, затяжной экономической кризис стал сложным временем для городских театров Приангарья в 1990–2000-е гг. (было поставлено под угрозу сохранение театральных объединений); с другой – на рубеже веков открывались новые грани театральной деятельности.

Ключевые слова: *городской театр, театральный фестиваль «Золотая осень», театральная премьера*

Abstract. Theatrical culture is a significant indicator of the development of culture and the general state of society. On the one hand, the protracted economic crisis became a difficult time for the city theaters of the Angara region in the 1990s-2000s (the preservation of theatrical associations was threatened); on the other hand, at the turn of the century, new facets of theatrical activity were opening up.

Keywords: *city-theater; theater festival «Golden Autumn»; theater premiere*

Реформирование театрального сектора отечественной культуры началось в период Перестройки – со второй половины 1980-х гг. Начало 1990-х гг. характеризовалось глубоким кризисом театров городов Иркутской области. Этап со второй половины 1990-х гг. до начала 2000-х гг. отмечен возрожденческими подвижками и стабилизацией культурно-театральной жизни региона.

Включение театра в рыночные отношения побудило деятелей каждого отдельно взятого театра к выработке индивидуальной стратегии самовыживания в непривычных для них условиях, когда искусство тоже становится своеобразным «продуктом» торговли. Государственной дотации едва хватало на выплату заработной платы театральным работникам, причем со значительным отставанием. Слабое развитие спонсорства и почти полное отсутствие меценатства приводит к тому, что театры во всем должны полагаться на себя. Экстремальные условия существования городского театра стимулировали, как ничто другое, стремление показать все, на что был способен театральный коллектив. Но, получив в результате реформ полную творческую свободу, театр для выживания в рыночных условиях вынужден работать не столько на перспективу, сколько на текущие потребности.

В сентябре 1998 г. на участие в самом престижном фестивале любительских театров, который проводился один раз в четыре года в Монако в рамках конгресса АИТА, оргкомитетом фестиваля было получено 33 заявки. В число театров, получивших право принять участие во Всемирном фестивале любительских театров, вошел и театр из России под названием «Факел» из г. Ангарска (режиссер А. Кононов) со спектаклем «Женитьба Бальзамина» по А. Островскому [1, с. 1].

Летом 1999 г. отметил свое 45-летие народный театр «Чудак». Поздравить коллег во Дворец культуры нефтехимиков приехали театралы из Иркутска, Усоля-Сибирского, были почитатели из Черемхова, других городов Иркутской области и, конечно же, лучшие творческие коллективы ангарских Дворцов культуры. Сами виновники торжества подарили зрителям фрагменты из двух новых спектаклей «Васса Железнова» М. Горького и «Русская народная почта» О. Богаева [2, с. 1].

«Факел» был старейшим коллективом Дворца культуры (г. Ангарск), образец коллективов самодеятельности, какие должны существовать в идеале, родился в 1968 г. Его возглавлял заслуженный работник культуры России А. Кононов, основоположник регионального фестиваля «Сибирская рампа». Театр «Факел» был представлен на международных фестивалях в Лондоне и Монте-Карло. С успехом демонстрировался спектакль «Женитьба Бальзамина» [3, с. 2].

В мае 2003 г. на малой сцене ДК «Нефтехимик» (театра «Чудак») прошел заключительный в этом сезоне спектакль под названием «Страсти по Голландии». Его премьера состоялась в апреле 2003 г. Работа над ним шла более года, а по жанру это была необычная постановка – музыкальная фантазия на темы сказок В. Гауфа [4, с. 3].

В марте 1998 г. Братский драматический театр был награжден «Золотой пальмой» французской театральной ассоциации «Монде Санс Фронтайре». Необычная премия была вручена в итальянском Сан-Ремо, где состоялся фестиваль «Партнерство ради театра». На эту церемонию во время празднования Международного дня театра был приглашен главный режиссер Братского драматического театра А. Мельников. На самом деле местный драматический театр переживал большие финансовые трудности, и если бы не бескорыстная помощь меценатов, многие спектакли так бы и не дошли бы до зрителя [5, с. 2].

В октябре 1998 г. сезон «Братск-арта» открылся гала-концертом, а в кукольном театре – премьерой спектакля «Ай да Мышик!», в котором будут заняты актеры, любимцы маленьких зрителей: заслуженная артистка России А. Овсянникова, Л. Харламова, Э. Кочергина, В. Ефимов и др. [6, с. 1]

В 1999 г. братскому театру кукол исполнилось тридцать лет. Были времена, когда театры могли выезжать на гастроли, их хорошо знали и любили в Рязани, Ленинграде, далекой Австрии, где они были участниками международного фестиваля. Актеры В. Ефимов, Р. Сафина, Э. Кочергина, Л. Харламова и, конечно, заслуженная артистка России А. Овсянникова стали мастерами сцены, влюбленными в свой театр [7, с. 2].

В марте 1999 г. спектаклем «Пеппи Длинный чулок» детского музыкального театра «Трубадур» в Братске открылся форум северных городов России «Дети и культура». «На наши спектакли собираются полные залы, – говорил режиссер детского театра К. Магидин. – Но мы рады, что в этот раз на премьеру собрались не только братчане, но и гости многих северных городов России» [8, с. 2].

В 2000 г. «Дни Братска» прошли в рамках фестиваля «Сияние России» и 150-летнего юбилея академического драматического театра имени Н. П. Охлопкова. В подарок театру и зрителям братчане привезли «Дядю Ваню» А. П. Чехова. На постановку был приглашен режиссер из г. Петропавловска-Камчатского В. Зверовщиков. Состоялась премьера спектакля «Женитьба Бальзамина» А. Островского [9, с. 2].

Однако самое большое ожидание горожан было связано с тем завершения реконструкции здания бывшего кинотеатра, в который должен был переехать БДТ. Реконструкция здания велась на средства федерального и городского бюджетов. Оказывали спонсорскую поддержку и промышленные предприятия: так строители ОАО «Братскпромстрой» справили театру новоселье в 2002 г. [10, с. 2]

В 2003 г. 10 лет исполнилось Братскому детскому музыкальному театру «Трубадур». Руководил им заслуженный работник культуры России К. Магидин. За время сво-

его существования театр выпустил множество спектаклей, в основном это театральные версии известных произведений для детей, среди которых «Пэппи Длинный чулок», детская опера «Гуси-лебеди», «Кузнечик Кузя» и др. [11, с. 1]

В апреле 2007 г. Братск радушно принимал любительские коллективы из Тулуна, Железногорск-Илимского, Киренска. Одной из доминирующих тем фестиваля стала тема одиночества, одинаково тревожащая душу мужчин, женщин, детей. Пронзительно она прозвучала в спектакле «Загадка Таинственного секрета, или Большая меховая папа», поставленного режиссёром Е. Тумаковой по пьесе К. Драгунской народным театром «Импульс» совместно с детским образцовым «Театром + К» из города Киренска [12, с. 2].

Черемховский драматический театр был открыт в 1939 г. по приказу наркома тяжелой промышленности. Взлетное время – 1960-е гг., когда премьеры становились событиями в городе, спектакли шли с аншлагом по месяцу. А играли черемховские актеры замечательно, в 1998 г. на областном фестивале актриса А. Гуляева стала лауреатом за роль в спектакле «Печка на колесе». Отличным ансамблем сыграли А. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше» и ветераны сцены Л. Мошкина, Г. Слухаев, а также заслуженная артистка Казахской ССР С. Перевалова, Н. Скоморовская, А. Гуляева, молодой актер В. Бутаков [13, с. 2].

Черемховский музыкальный театр в начале 1999 г. получил статус областного. Для коллектива это был вопрос жизни, поскольку смета на расходы и оплату труда возросла почти втрое. Еще в 1997 г. директор театра Т. Радыгина обратилась к черемховскому депутату областного Законодательного собрания С. Шишкину с просьбой о помощи бедствующему театру. На встрече интеллигенции с Б. Говориным. Губернатор области пообещал, что театр драмы будет взят на баланс областного Комитета по культуре. Черемховский театр получил существенную подпитку в канун очередного юбилея, 60-летия со дня его создания [14, с. 2].

В ноябре 1999 г. черемховцы получили приятный подарок от Вампиловского театрального фестиваля: в город на встречу с земляками прибыл драматург В. Гуркин. Перед показом его последнего кинофильма «Кадриль» в зале Дворца культуры «Горняк» зрители имели возможность послушать рассказ автора о творчестве и судьбе, задать вопросы [15, с. 1].

Сезон 2000 г. у Черемховского театра драмы стал шестидесятым, юбилейным. В череде премьер, праздничных мероприятий событием стал бенефис актера Г. Слухаева. Запомнились его главные роли в «Беседах с Сократом» Э. Радзинского, в «Святом и грешном» М. Варфоломеева, во многих комедиях и сказках. Под знаком «60» прошел и премьерный спектакль Черемховского театра «Мой бедный Марат», посвященный 55-летию Великой Победы [16, с. 1].

В декабре 2002 г. в Черемхово в качестве режиссера работал известный в России и за рубежом драматург В. Гуркин. Владимир Павлович готовил с актерами черемховского театра спектакль по своей пьесе «Кадриль». Пьеса В. Гуркина пользовалась популярностью в России, была поставлена во многих театрах, по ней был снят кинофильм. По мотивам пьесы в г. Братске поставили «Братскую кадрили» [17, с. 2].

В г. Черемхово в декабре 2003 г. (через год после «Прибайкальской кадрили») драматург В. Гуркин поставил второй спектакль – по своей пьесе «Плач в пригоршню». Поскольку «родная» сцена черемховского театра находилась на ремонте, премьеры состоялась во Дворце культуры «Горняк», в большом зале, вмещающем вдвое больше зрителей. Аншлаг был полный. Более 700 зрителей в тот вечер погрузились в собственную историю [18, с. 1]. Черемховский театр с нетерпением ждали жители ленских и других городов области. В сентябре 2004 г. состоялись гастроли в гг. Усть-Куте, Усть-Илимске, Нижнеудинске [19, с. 2].

В феврале 2008 г. в Черемховском театре драмы состоялась премьера нового спектакля по пьесе С. Лобозёрова «По соседству мы живём». В зале был полный аншлаг, мест свободных не было. Пьесы С. Лобозёрова были написаны на бытовые сельские сюжеты (например, «Семейный портрет для постороннего»). Комедии юмористические, добродушные, а по организации действия и сюжету – комедии нравов и характеров [20, с. 2].

В народном театре «Экспромт» (Нижеудинск) журналист Э. Белоглазов был одним из ведущих актеров [21, с. 1]. Герои инсценированного рассказа «Свидание» в театре-студии «Шанс» г. Нижеудинска под руководством С. Новопашиной отыгрывали на сцене пьесу «Стечение обстоятельств», в которой сначала соединили молодых людей, а потом разлучили их.

Нижеудинский народный театр «Экспромт» и его режиссер Г. Каминская долго вынашивали идею постановки «Леса» А. Н. Островского. В апреле 1999 г. премьера состоялась. Для любительского театра было характерно то, что названия в репертуаре появлялись по инициативе участников. Известный в г. Нижеудинске педагог, многолетний лидер «Экспромта» Н. Мовшович примерила на себя роль героини «Леса» Гурмыжской, и это явилось импульсом к постановке [22, с. 1].

«Экспромт» жил и показывал спектакли, начиная с 1983 г., за это время он стал театром-семьёй, в котором беды и радости общие. В этом коллективе были актёры – представители самых разных профессий: были журналисты, литераторы, студенты, работники культуры и даже вице-мэр Нижеудинского района. В 2008 г. постановщик спектакля «Загнанная лошадь» Г. Каминская поставила спектакль о поздней любви, которая осталась с героем до конца [23, с. 1].

В феврале 1999 г. Усть-Илимск принимал региональный фестиваль любительских театров. Победителями фестиваля в трех главных номинациях стали: Е. Пиндюрин дважды – как режиссер и актер, и Е. Таксиди – незабываемо живая, тонкая и точная в реакциях, невероятно многообразная в характеристиках и притом цельная «Барбарина» – лучшая женская роль [24, с. 3].

Апрель 1998 г. подарил железногорским поклонникам Мельпомены яркое событие. В рамках районного фестиваля народного творчества «Весеннее вдохновение» в Железногорске-Илимском впервые прошли театральные смотрины. Самодеятельные артисты из п. Коршуновский представили на суд зрителей и жюри спектакль «Дом окнами в поле» по пьесе А. Вампилова, а детский театр из п. Рудногорск показал занимательную постановку «Вредный витамин» [25, с. 1].

На сцене малого театра Усть-Илимска выступили гости из Железногорска-Илимского. В двух следующих спектаклях в разной степени проявилась та же избыточная серьезность, что и в «Бессмертии тишины» у саянцев [24, с. 3].

В июле 1997 г. стартовал фестиваль любительских театров на берегу оз. Байкал, в п. Утулик. Он проводился в рамках российского форума «Байкальские встречи у Вампилова». Именно здесь, начиная с 1989 г., собирались актеры-любители со всей области на «смотрины» Главным в программе стал просмотр постановок по произведениям А. Вампилова. Это и «Провинциальные анекдоты», и «Прошлым летом в Чулимске», и «Утиная охота» [26, с. 3].

В 1998 г. на фестивале «Театральная осень» были представлены две пьесы А. Островского – «Счастливы день» театра «Ковчег» из г. Усолья-Сибирского (режиссер Л. Медведева) и «На всякого мудреца довольно простоты» театра «Зеркало» из г. Железногорска-Илимского в постановке И. Бушуевой. Режиссер А. Кононов и его театр «Факел» из г. Ангарска показали спектакль детективно-мистического жанра, полный тревожного предчувствия, сценических эффектов и напряженных ритмов – это «Женский стол в охотничьем зале» по пьесе В. Мережко [27, с. 1].

В последнюю декаду августа 1999 г. традиционно в п. Утулик проходил фестиваль любительских театров «Театральная осень на Байкале». По предложению председателя совета ангарского театра «Чудак» на десятую «Байкальскую осень» приглашались театры – участники первого театрального сбора, который состоялся в 1990 г. [28, с. 2]

Были на фестивале две незабываемые встречи – спектакли, сыгранные на лоне природы: это – «Акулина» театра «Ковчег» г. Усолья-Сибирского. Два коллектива – братский «Откровение» и драмы и комедии из г. Усть-Илимска могли по праву называться профессиональными (хотя статуса такого не имели). В режиссуре О. Чернигова и Е. Пиндюрина сыграли самые яркие спектакли фестиваля. Театр «Откровение» пьесу В. Гуркина «Кадриль по-сибирски» назвал «Кадриль по-братски» и разыграл ее феерически смешно [29, с. 2].

В октябре 1999 г. в Иркутске начал работу Всероссийский фестиваль «Байкальские встречи у Вампилова». Фестиваль проводился на конкурсной основе, среди участников были представлены муниципальные театры – драматические из гг. Братска и Черемхова, театр актера, куклы, маски «Тирлямы» из Братска [30, с. 4].

В мае 2000 г. в п. Магистральный Казачинско-Ленского района состоялся областной региональный фестиваль любительских театров «Театральная весна-2000 на БАМе». Благодаря усилиям областного центра народного творчества и досуга фестиваль получил статус регионального. В фестивале участвовали театры гг. Усть-Кут, Железногорск-Илимский, Северобайкальск (три взрослых театральных коллектива и два детских). Фестиваль был поддержан мэром Казачинско-Ленского района Н. Наумовым [31, с. 3].

В мае 2002 г. в г. Иркутске прошел областной фестиваль любительских кукольных театров «Первые шаги». Были представлены театральные коллективы из гг. Ангарска, Зимы, Нижнеудинска, Тулуна, Шелехова. Органично вписались в фестиваль «взрослые» любительские театры: например, «Затяя» (г. Шелехов, ростовые куклы) и «Обыкновенное чудо» (г.Иркутск) [32, с. 4].

«Прикосновение к классике», под таким названием ежегодно в Дни русской духовности и культуры проходил областной фестиваль любительских театров. В 2003 г. организованный центром народного творчества и досуга, за это время он представил спектакли лучших коллективов области: «Чудаков» из г. Ангарска, «Ковчега» из г. Усолья-Сибирского, театров Нижнеудинска, Братска и Железногорска-Илимского [33, с. 3].

В 2006 г. в Ангарске состоялся театральный фестиваль «Театральная капель на Байкале». В 2008 г. проходил фестиваль «Театральные каникулы на Байкале». г. Ангарск вновь стал столицей фестиваля, и это было естественно: ангарчане неоднократно были участниками и лауреатами театральных съездов – это детский образцовый театр «Росток» под руководством А. Говорина и детский образцовый театр «Родничок» под руководством Т. Хамитова [34, с. 1].

Организаторы театрального фестиваля – отдел по культуре Ангарского муниципального образования и театр «Чудак» из ДК нефтехимиков дали три спектакля в Доме культуры п. Утулик. Клуб творческой молодёжи «Ковчег» из г. Усолья-Сибирского показал в саду Н. Осипенко сказку «Золотые шишки». Один из фестивальных спектаклей назывался «Послевкусие» [35, с. 4].

В целом, несмотря на все трудности и перипетии, театральная жизнь в городах Приангарья не потускнела в социальных коллизиях. Ни один театр не закрылся. Более того, театральное пространство региона пополнилось как репертуарными, так и экспериментально-альтернативными театрами. Если творческие коллективы находили своего зрителя, значит, они выполняли важную социальную миссию культурного обогащения и были нужны обществу. С появлением фестивалей, гастролей снова стало формиро-

ваться театральное пространство, активное возобновление культурных контактов, включая международные, с конца 1990-х гг. продолжалось в 2000-е гг.

Список источников

1. Монако аплодирует Ангарску // Свеча. 1998. 5 сент. С. 1.
2. Козырев С. «Чудак», украшающий мир // Время. 1999. 17 июня. С. 1.
3. Мазурова С. Современный «Современник» // Время. 2000. 19 окт. С. 2.
4. Немченко А. «Страсти по Голландии» // Пятница. 2003. 31 мая. С. 3.
5. Монахов В. Золотую пальму посадят в Братске // Знамя. 1998. 23 марта. С. 2.
6. Жартун С. Новый сезон Братск-арта // Братский металлург. 1998. 21 окт. С. 1.
7. Жартун С. Кто в тридцать лет играет в куклы // Знамя. 26 янв. С. 1.
8. Монахов В. Детский смех счастливый... // Знамя. 1999. 31 марта. С. 2.
9. Без скидок на Север // Знамя. 2000. 5 окт. С. 1.
10. «Старший сын» на сцене БДТ // Братский металлург. 2001. 4 окт. С. 2.
11. Световостоков А. С юбилеем, «трубадуры»! // Знамя. 2003. 15 марта. С. 1.
12. Попутного ветра, «Алые паруса»! // Братский лесохимик. 2007. 5 апр. С. 1.
13. Ковальская Т. Действующие лица // Черемховский рабочий. 1998. 11 янв. С. 2.
14. Ковальская Т. Под крыло области // Черемховский рабочий. 1999. 21 янв. С. 2.
15. Радость встречи взаимная // Черемховские новости. 1999. 16 ноября. С. 1.
16. Ковальская Т. Под знаком «60» // Черемховский горняк. 2000. 24 мая. С. 1.
17. Подарок родному городу // Черемховские новости. 2002. 28 дек. С. 2.
18. На сцене – наши судьбы // Черемховский рабочий. 2003. 2 дек. С. 1.
19. Огни черемховской рампы // Черемховские новости. 2003. 3 сент. С. 2.
20. Страсти деревенские // Свирская энергия. 2008. 21 февр. С. 2.
21. Савельев Н. Не играет – живет // Тракт. 1998. 2 февр. С. 1.
22. Кирюнин В. Последние романтики // Тракт. 1999. 15 апр. С. 1.
23. Неугасимый огонь любви // Тракт. 2008. 27 февр. С. 1.
24. Захарян С. Вертопрахи с Севера // Кстати, в Усть-Илимске. 1999. 13 апр. С. 3.
25. Золотухин Ю. «Весеннее вдохновение» // Приилимье. 1998. 22 апр. С. 1.
26. С именем Вампилова на устах // Губерния. 1997. 20 июля. С. 3.
27. Жартун С. Фестиваль артистов // СМ-номер один. 1998. 3 сент. С. 1.
28. Беспрозванный Л. Ждем «Осени на Байкале» // Время. 1999. 20 февр. С. 2.
29. Жартун С. Только ли дождь виноват? // СМ-номер один. 1999. 7 сент. С. 2.
30. В Иркутск, на Байкал, к Вампилову // Губерния. 1999. 19 окт. С. 3–4.
31. Тяпкина Т. Возвращение к традиции // СМ-номер один. 2000. 20 мая. С. 2-3.
32. Колесникова Т. Первых шагов первые радости // Курьер. 2002. 22 мая. С. 3–4.
33. «Прикосновение к классике» // Конкурент. 2003. 9 окт. С. 3-4.
34. Царев И. Под весенний звон капли // Время. 2008. 6 мая. С. 1.
35. Театральная осень на Байкале // Иркутский репортер. 2008. 10 окт. С. 3–4.

РАЗДЕЛ 11

ЧЕЛОВЕК НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР И НАРОДОВ

УДК 929:930(517+470)

ББК 63.1-81(Мон+2Рос)

Ю. В. Кузьмин

Байкальский государственный университет

Иркутск, Россия

ИРКУТСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК А. В. ИГУМНОВ И АКАДЕМИК Я. И. ШМИДТ: ПЕРВЫЙ СЛОВАРЬ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА?

Аннотация. Представлена современная информация о монголо-русском словаре иркутского переводчика А. В. Игумнова и словаре академика Я. И. Шмидта. Предложена новая версия о начальном этапе становления российского монголоведения и роли А. В. Игумнова, его научном вкладе в создании первых грамматик и словаря монгольского языка. Словарь А. В. Игумнова определяется как первый многотомный словарь в российском монголоведении.

Ключевые слова: переводчик А. В. Игумнов, монголо-русский словарь, российское монголоведение, Я. И. Шмидт, творческая биография

Abstract. The article presents up-to-date information about the Mongolian-Russian dictionary of the Irkutsk translator A. V. Igumnov. A new version is proposed about the initial stage of the formation of Russian Mongolian studies and the role of A. V. Igumnov, his scientific contribution to the creation of the first grammars and a dictionary of the Mongolian language. A. V. Igumnov's dictionary is defined as the first multi-volume dictionary in Russian Mongolian studies.

Keywords: Translator A. V. Igumnov, Mongolian-Russian dictionary, Russian Mongolian studies, Ya. I. Schmidt, creative biography

Финансирование. Грант РФФИ 20-59-44008 Монг_а «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

В последние тридцать лет российское монголоведение значительное внимание уделяет истории развития российского монголоведения, в том числе его начальному этапу научного становления. Современная наука возвращается к тематике русского во-

стоковедения и монголоведения, восстановлены творческие биографии забытых и репрессированных российских монголоведов первой трети XX в. Однако по-прежнему остаются еще «белые пятна» в ее истории, особенно начального периода развития.

Вопрос о создании первых грамматик монгольского языка, первых монголо-русских и русско-монгольских словарей остается еще открытым при известности данных исторических событий и конкретных фактов науки. Творческая биография иркутского переводчика Александра Васильевича Игумнова (1761–1834) в целом изучается в российском монголоведении [1–4], тем не менее целый ряд периодов его научно-исследовательской деятельности в сфере монголоведения, особенно судьба монголо-русского словаря в четырех томах и грамматик монгольского языка, нуждаются в уточнении и дальнейшем изучении. Судьба его некоторых и других рукописных работ до сих пор не ясна. Специального изучения заслуживает и вопрос о статусе первого российского монголоведа. Кто занимает эту позицию: немецкий ученый Я. И. Шмидт или русский переводчик А. В. Игумнов? Чьи словарь и грамматики были первыми в русском монголоведении? В большинстве публикаций в российском монголоведении называется имя Я. И. Шмидта и только в редких случаях – А. В. Игумнова.

А. В. Игумнов родился в Забайкалье, в Кударинской крепости на границе с Цинской империей. В прошлом году исполнилось 250 лет со дня рождения сибирского переводчика, есть повод вспомнить добрым словом этого служителя науки. Его дед и отец служили переводчиками монгольского, маньчжурского, китайского языков, поэтому он с детства овладел данными языками, живя среди монголов и бурят. Отец Василий Константинович в 1749–1774 гг. служил пограничным комиссаром, трижды сопровождал православные миссии в Пекин. Дед и отец Игумновы составляли словари восточных языков и накопили значительный словарный материал по монгольскому языку. В 1771–1777 гг. А. В. Игумнов обучался в специальной школе монгольского языка и служил толмачем в Кяхтинской пограничной канцелярии [2]. В 1781–1782 гг. он в качестве переводчика сопровождает Русскую духовную миссию в Пекин, изучает восточные языки и собирает этнографический материал и наблюдает жизнь народов Монголии и Китая. С 1787 г. А. В. Игумнов стал составлять Словарь монгольского языка (значительно раньше немецких ученых). Затем А. В. Игумнов служит переводчиком и чиновником в различных городах Сибири: Верхнеудинске, Кяхте, Нерчинске, Иркутске, Чите.

Постоянно занимался переводческой и преподавательской деятельностью. Переводил на русский язык фольклор монгольских народов, опубликовал монгольские поговорки и пословицы, переводил законы степных народов. Издал первое в России историко-этнографическое описание страны – «Обозрение Монголии», ставшее настольным пособием для дипломатических работников Российской империи. А. В. Игумнов сформировал четырехтомный словарь монгольского языка по корням слов, затем стал издавать его по алфавиту [3]. В Кяхтинском музее сохранилось три тома Словаря монгольского языка, четвертый том сгорел во время пожара, а третий том частично (обложка) поврежден пожаром [4]. Данный словарь был передан А. В. Игумновым в училище китайского языка в Кяхте в 1832 г., а бумага, на которой он изготовлен, 1819 г. Это свидетельствует о приоритете русского переводчика в подготовке первого словаря монгольского языка, более ранней подготовке словаря.

В современной российской историографии пальма первенства отдается в основном первому академику России в области монгольского языка и тибетского языка Я. И. Шмидту. Совсем немногие исследователи (Н. П. Шастина, Ш. Б. Чимитдоржиев, Ю. В. Кузьмин) придерживаются другого мнения на этот счет и называют первым российским монголистом иркутского переводчика А. В. Игумнова. Попробуем обосновать свою позицию по этому вопросу.

В российской историографии сложилось устойчивое положение, что первым российским монголоведом является Я. И. Шмидт (1779–1847) [6]. Считается, что первый российский монголист является составителем первой грамматики и первого словаря монгольского языка. В коллективной монографии по истории российского востоковедения в частности отмечается, что «важным событием в истории монголоведения стали публикации первой в России грамматики монгольского языка (в 1831 г. на немецком языке, а в 1832 г. – на русском) и монгольско-немецко-русского словаря (1835 г.) Шмидта» [6, с.275]. Монголо-русский словарь в 4 томах А. В. Игумнова был уже готов в 1832 г. или ранее.

Перевод Я. И. Шмидтом сложных христианских текстов на монгольский язык натолкнулся на значительные языковые препятствия. Для помощи он привлек переводчиков-бурят из Забайкалья. Как сегодня известно, Я. И. Шмидт привлек в Петербург для этой работы бурятских переводчиков – учеников А. В. Игумнова. Эти переводчики имели рукописные словари, подготовленные на основе Монголо-русского словаря А. В. Игумнова. Необходимо отметить, что Я. И. Шмидт был хорошо информирован о состоянии изучения монгольского языка в Сибири не только через администрацию Восточной Сибири, но также родственников жены и участников Британской духовной миссии, работавшей в Забайкалье, которая высылала ему собственные качественные наработки монголо-английских словарей и грамматик.

Можно предположить, что ученики А. В. Игумнова, привлеченные Я. И. Шмидтом в Петербург для перевода священных книг, использовали части рукописного монголо-русского словаря своего учителя. Факт обращения Я. И. Шмидта к иркутским переводчикам для сбора русско-монгольских словарей, а затем привлечения их к работе свидетельствует о выявлении немецким академиком всех рукописных материалов по монгольскому языку в Сибири, привлечение носителей и практических знатоков монгольского языка для составления научного словаря и грамматики монгольского языка. Иркутский переводчик Василий Новоселов еще в 1817 г. составил Я. И. Шмидту записку «о манжуро-монгольских лексиконах» и возможности их приобретения [7, с. 8–9]. Как известно, сам Я. И. Шмидт никогда не был в Забайкалье и Монголии, мог только получать письменный материал о монгольском языке.

В обстоятельной книге сибирского священника и востоковеда В. Н. Флоренсова «Из истории переводческого дела в Иркутской епархии» (1908 г.) дана оценка уровня познаний монгольского языка и качестве переводов священных текстов А. В. Игумновым и Я. И. Шмидтом. В. Н. Флоренсов – знаток монгольского и бурятского языка, известный сибирский монголист, переписывался с известными монголоведами Б. Я. Владимирцовым, В. Л. Котвичем, Ц. Жамцарано. Известна низкая оценка А. В. Игумнова качества переводов Я. И. Шмидта на монгольский язык: «Рассматриваемыми в Иркутске перевод этот признан до того неудовлетворительным, что опытейший из цензоров переводчик статский советник Александр Игумнов выразился о переводе таким образом: “В самоуважнейших местах и словах против подлинного Нового Завета сделаны в переводах сих перемены, излишности, упущения и даже самые вопиющие нелепости, каковых не токмо слух благочестивого Христианина, но даже слух грамотного идолопоклонника без возчувствования особенного негодования переносить не могут”» [8, с. 19]. Также довольно болезненно реагировал А. В. Игумнов, когда академик Я. И. Шмидт пригласил двух бурятских переводчиков, его учеников, в Петербург для перевода священных текстов, а также подготовил подробный критический анализ перевода Я. И. Шмидта. В Государственном архиве Иркутской области сохранилась рукопись А. В. Игумнова с подробным анализом данного перевода, которую стоит опубликовать.

В работах Шмидта, по мнению Н. П. Шастиной, «много недостатков, искажений и ошибок». Его работам «свойственна ограниченность как в попытках постановки вопросов, так и в способах их разрешения. Он некритически подходил к тексту, поэтому пользовался опубликованными им материалами необходимо с осторожностью».

Критические замечания в адрес академика Шмидта ранее были высказаны еще Д. Банзаровым. Он упрекал Шмидта за излишне «вольный перевод» Чингисова камня, говорил об изменении словарного запаса, строя языка, его исторической эволюции – историческом подходе к языку. В 50-60-е гг. XX в. в ряде публикаций Г. И. Михайлова, Н. П. Шастиной вновь проявилось негативное отношение к личности И. Я. Шмидта и его трудам, противопоставляли его «прогрессивным ученым»: П. С. Савельеву, В. В. Григорьеву, О. М. Ковалевскому. Филолог Г. И. Михайлов критиковал подход Шмидта к изучению монгольского языка. По его мнению, Шмидт искал в монгольском языке те же явления, какие имелись в индоевропейских языках и «подгонял под нормы европейских языков и те факты, которые явно в эти рамки не умещались».

Профессор В. Л. Успенский об источниках «Монгольско-русско-французского словаря» О. М. Ковалевского называет несколько рукописных и опубликованных словарей, в том числе рукописный неоконченный словарь А. В. Игумнова. «О. М. Ковалевский имел возможность ознакомиться с неопубликованными словарями во время пребывания в Восточной Сибири в 1828–1833 гг. По-видимому, все эти словари были утрачены, поскольку отсутствуют во всех имеющихся архивах» [8, с. 1335]. Публикации А. Н. Хохлова и Ю. В. Кузьмина отмечают сохранность этого Словаря. Знаменитый словарь О. М. Ковалевского также базировался на основе Словаря и грамматик А. В. Игумнова, что подтверждал и его составитель в предисловии.

На основе проведенного нами анализа выясняется, что в основе двух известных в мировом монголоведении словарей И. Я. Шмидта и О. М. Ковалевского лежит неопубликованный 4-томный словарь русского переводчика А. В. Игумнова и его грамматика. Профессор О. М. Ковалевский в предисловии к своему Словарю и письмах подтверждает это обстоятельство, однако степень заимствования словарных материалов А. В. Игумнова до сих пор не изучена лингвистами.

Таким образом, имеются довольно веские исторические основания для уточнения начального этапа становления российского монголоведения и определения достойного места иркутского переводчика А. В. Игумнова в истории русской науки о Востоке.

Список источников

1. Пучковский Л. С. Александр Васильевич Игумнов // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник Ш. М., 1960. С. 166–195.
2. Чимитдоржиев Ш. Б. Монголовед А. В. Игумнов // Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980. С. 155–160.
3. Кузьмин Ю. В. Эрхуугийн монголч А. В. Игумнов // Дорнодахины судлал. Улан-Батор, 1991. № 2. С. 67–68.
4. Кузьмин Ю. В. А. В. Игумнов – первый иркутский монголовед // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность : мат. межд. науч. конф. 31 мая – 1 июня 2013 г. Барнаул, 2013. С. 156–163.
5. Хохлов А. Н. А. В. Игумнов – составитель первого в России большого монгольско-русского словаря // VI Международный конгресс монголоведов. Докл. рос. дел. Ч. 1. М., 1992. С. 222–225.
6. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М. : Наука, 1990. 435 с.

7. Яхонтов К. С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске. СПб., 1994. 144 с.
8. Флоренсов Н. В. Из истории переводческого дела в Иркутской епархии. Иркутск : Тип. А. Сизых, 1908. 51 с.
9. Успенский В. Л. Источники «Монгольско-русско-французского словаря» О. М. Ковалевского // Ученые записки Казанского университета. 2018, Т. 160, кн. 6. С. 1334–1340.

ВЗГЛЯД РУССКИХ НА КИТАЙ XVIII–XIX ВЕКОВ В РАБОТАХ ЯНЬ ГОДУНА

Аннотация. Благодаря особому географическому положению двух стран и культурному обмену между Китаем и Россией понимание Китая у россиян расширилось. Сформированные взгляды русских на Китай важны для понимания истории китайско-российских культурных обменов. В статье рассмотрен взгляд русских на Китай в XVIII–XIX вв. в контексте истории культурного обмена. Дан анализ работ по истории культурного обмена между странами, опубликованных ведущими специалистами России и Китая. В статье представлен обзор работ китайского историка Янь Годун, профессора Нанькайского университета, известного ученого в области изучения взглядов русских на Китай в XVIII–XIX вв. Кроме того, проанализированы основные выводы, сделанные исследователем.

Ключевые слова: Янь Годун, Китай, взгляд русского на Китай, интеллигент, Екатерина II

Abstract. Thanks to the special geographical position of the two countries and the cultural exchange between China and Russia, Russians' understanding of China has expanded. In the context of these events, the formed views of Russians on China became especially important in the history of Sino-Russian cultural exchanges. The article deals with the problems of Russian views on China in the 18th – 19th centuries, in the context of the history of cultural exchange between Russia and China. An analysis is given of works on the history of cultural exchange between Russia and China, published by leading experts in Russia and China. The article presents an overview of the works of the Chinese historian Yan Guodong, a professor at Nankai University, an outstanding scholar in the field of studying Russian views on China in the 18th – 19th centuries, which are dedicated to this topic. In addition, the main conclusions made by the researcher are analyzed.

Keywords: Yan Guodong, China, the Russian's view of China, intellectual, Catherine II

Особенность географического положения Китая и России делает культурный обмен между двумя странами удобным и беспрепятственным. Самые ранние зафиксированные на территории современной России упоминания о Китае восходят к XVII в., но с момента зарождения русского китаеведения в XVIII в. взгляды русских на Китай претерпели значительные изменения. Основная причина заключается в увеличении обмена между двумя странами. Российские китаеведы стали проводить исследования по китайской истории, религии, философии и т. д., опубликовали большое количество работ по данным тематикам. Увеличение числа контактов способствовало культурному обмену между Китаем и Россией, а также улучшило понимание Китая русскими.

Янь Годун родился в 1965 г. В 1986 г. окончил Институт международных отношений в Нанкине. В настоящее время является руководителем аспирантуры института иностранных языков и института истории Нанкайского университета. Одними из глав-

ных научных направлений деятельности профессора Янь Годуна являются история российского китаеведения и история культурного обмена между Россией и Китаем. Он был научным руководителем проекта Государственного фонда общественных наук «История и достижения российского китаеведения», а также руководил рядом научных проектов Государственного фонда общественных наук.

Из статей и монографий, изданных Янь Годуном, можно узнать, что, помимо трудов по общей истории российского китаеведения, у него есть и другие работы, раскрывающие аспекты позиции русских относительно Китая и их мнение о стране. В частности, при поддержке Государственного фонда общественных наук в 2008 г. он провел исследование взглядов русских на Китай времен династии Цин и добился определенных результатов изучения. По результатам его исследований объекты изучения можно разделить на две группы: правящий класс и интеллектуалы. Из его статей можно сделать вывод, что главенствующее положение в обществе того времени занимали ученые и интеллектуалы в разных академических областях. Среди них М. В. Ломоносов, известный русский ученый, просветитель и основоположник русской материалистической философии, Д. И. Менделеев, крупный деятель в области химии, В. П. Васильев, основоположник российского китаеведения XIX в. Исследования Янь Годуна сосредоточены на ученых, что, можно сказать, определяется историческим фоном того времени. Причина заключается в том, что с XVIII в. традиционная философская мысль и автократическая система Китая были подхвачены императрицей Российской империи Екатериной II, и ее правящая философия распространилась на Россию, сделав Китай центром внимания российской культурной элиты [1].

Янь Годун первым начал исследовать господствующий класс и Екатерину II в частности и выявлять их отношение к Китаю. Основная причина в том, что у этой императрицы можно увидеть разные уровни взглядов на Китай. Другая причина заключается в том, что «ее политические мысли в значительной степени отражали национальную волю России, а ее взгляд на Китай на самом деле являлся концентрированным выражением понимания Китая российским высшим классом» [2]. Из результатов исследования видно, что мнение российского общества в отношении Китая времен Екатерины II Янь Годун излагал, разделив их на трех уровня: первый уровень – политический уровень – одобрение и принятие китайского феодального строя. Данный уровень находился под влиянием просветительного движения и европейского взгляда на Китай. Потому что политическая мысль, которую она отстаивала, совпадала с политической системой Китая того времени, и императрица обращала внимание на китайскую систему управления, чтобы улучшить и укрепить российскую самодержавную монархию. Второй уровень, национальный, представлялся в стремлении завоевать Китай. Екатерина II хотела занять бассейн реки Хэйлунцзян, чтобы открыть новые колониальные пути и выходы к морю. В рассматриваемых исследованиях Янь Годуна мы также увидели предостережение М. В. Ломоносова Китаю в написанной в 1763 г. оде:

Китай, предупреждая бедство,
Не тратя времени, блюдишь
Гордыней раздражить соседство
И гневу Россаго страшишь.

...

И сей послушный наш любитель,
Каков твой бег и победитель,
С Парнасса свету возвестит [3].

Третий уровень, личностный, заключается в увлечении шинуазри, использовании традиционного китайского искусства в европейской живописи, архитектуре. Янь Годун процитировал высказывание советского китаеведа О. Л. Фишмана: «Екатерина

II, которой был свойствен большой размах во всем, не изменила себе и в увлечении Китаем. Стремясь продемонстрировать перед Западной Европой не только знакомство с новой модой, но и свой космополитизм» [4].

Важным продолжением научных исследований Янь Годуна стало дальнейшее изучение интеллектуальных групп. В опубликованном в 2011 г. труде «М. В. Ломоносов. Взгляд на Китай» он показал взгляд агрессивизма на Китай через оды (1747, 1762, 1763) [3], написанные М. В. Ломоносовым. Янь Годун считал, что его взгляд на Китай основан на интересах правящего класса [5], что совпадал с политическим курсом императоров. Кроме того, созданное в 1752 г. «Письмо о пользе стекла» [6] М. В. Ломоносова иллюстрирует его личные воззрения на Китай. На мнение писателя повлиял исторический контекст того времени. Прежде всего, он активно поддерживал самодержавие. В частности, Екатерина II славилась своей политикой просвещённого абсолютизма, при ней национальная сила России продолжала расти, что сделало Ломоносова абсолютным сторонником самодержавия. Кроме того, этот период был периодом «шинуазри» в Европе и распространения его в России, где оно было глубоко любимо русским правящим классом. Таким образом, взгляд М. В. Ломоносова на Китай имел две стороны: он восхвалял китайский фарфор, трудолюбие и мудрость китайского народа, но в то же время выражал в своих одах недовольство Китаем и агрессией с его стороны.

После 2011 г. Янь Годун продолжил изучение интеллектуальных групп. Взгляд Д. И. Менделеева на Китай отражен в его опубликованных статьях и трудах, где повествуется о подъеме китайской цивилизации и будущем Китая. Кроме того, мнение Д. И. Менделеева о Китае также показывает представление о русско-китайской дружбе и союзе в XIX в. [3]

Янь Годун провел комплексное исследование взглядов интеллигенции XVIII в., в основном представленной Н. И. Новиковым, Д. И. Фонвизиным, А. Н. Радищевым. Из исследования видно, что их взгляд на Китай заключается в том, чтобы выражать свои политические требования ненасильственным способом, заимствуя образ Китая.

Следует отметить, что еще одной важной особенностью воззрения россиян на Китай в произведениях Янь Годуна является созданная им детальная классификация. Взгляды русских на Китай в XVIII–XIX вв. он разделил на взгляды на китайскую историю и культуру и взгляды на китайскую литературу. В своей опубликованной статье он точно указал, что мотивом формирования взглядов российских китаеведов на историю и культуру Китая в XVIII–XIX вв. была в основном потребность в дипломатии с Китаем и развитии науки [7]. Иными словами, формирование такого взгляда на историю и культуру Китая отвечало потребностям государства и имело прагматическую цель, а во-вторых, отвечало личным научным интересам китаеведов. Благодаря этому исторический и культурный фон России того времени позволил русским более объективно описывать историю Китая и современное положение [8]. Таким образом, точка зрения русских на историю и культуру Китая, обладала достаточной объективностью, могла полно представить миру китайскую историю и культуру. Взгляд на китайскую литературу представлял В. П. Васильев, который издал первую в мире монографию по истории китайской литературы в 1880 г. Основываясь на исследованиях Янь Годуна, взгляды В. П. Васильева на китайскую литературу были отражены в «Очерке истории китайской литературы». Судя по структуре и содержанию его произведений, его взгляд на китайскую литературу стремился к принятию и пониманию ценности прошлого и произведений древности. И это подтверждал он сам, когда писал, что «в науке утвердилась концепция о широком составе письменной литературы в периоды древности и Средневековья, включавшей не только исторические и философские памятники, но и простонародные жанры» [9].

Представленные в изучении Янь Годуна взгляды русских на Китай в XVIII–XIX вв. являются репрезентативными, позволяют наглядно увидеть отношение русских к Китаю и его правительству того времени. В своем исследовании автор представил взгляд россиян на Китай всесторонне. Исследования Янь Годуна являются важным достижением в области китаеведения и истории обмена между Китаем и Россией. Кроме того, эти достижения показывают перспективы дальнейших исследований на тему китаеведения.

Список источников

1. Янь Годун. Идеализированный взгляд на Китай российской культурной элиты в 18 веке // Тяньцзиньские общественные науки. 2012. № 3. С. 116–119.
2. Янь Годун. Взгляд Екатерины II на Китай // Элосы яньцзю (Изучение России). 2010. № 5. С. 9–21.
3. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8 : Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л., 1959. 1289 с.
4. Фишман О. Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 544 с.
5. Янь Годун. Взгляд Ломоносова М. В. на Китай // Русская литература и искусство. 2011. № 2. С. 90–94.
6. Янь Годун. Отношение Менделеева Д. И. к Китаю и взгляд на Китай // Общественные науки в китайских университетах. 2015. № 3. С. 100–159.
7. Янь Годун. Взгляды российских синологов на историю и культуру Китая в XVIII веке // Вестник университета Цзинань. 2014. № 7. С. 122–129.
8. Янь Годун. Мысли об углублении исследований истории китайско-российского культурного обмена – на примере исследования китайских историко-культурных взглядов российских китаеведов до 1917 г. // Исследования новой и новейшей истории мира. 2008. Том 5. С. 115–126.
9. Янь Годун, Взгляды русского сиолога Васильева В. П. на китайскую литературу // Литературное наследие. 2014. № 6. С. 133–140.

Loiko Alexander I.

*Belarusian National Technical University
Minsk, Belarus*

THE CROSSROADS OF CULTURES AND PEOPLES:

I.A. GOSHKEVICH

Abstract. The influence of cross-cultural features of culture on the formation of a person at the crossroads of cultures and peoples has been studied. Belarus was a region of similar culture in Eastern Europe. The local youth was influenced by Orientalism and Romanticism. From this influence stemmed her interest in the culture of different peoples. One of these researchers was I.A. Goshkevich.

Keywords: *man, culture, people, orientalism, romanticism, Goshkevich*

Аннотация. Исследовано влияние кросс-культурных особенностей культуры на формирование человека на перекрестке культур и народов. Регионом подобной культуры в Восточной Европе была Беларусь. Местная молодежь находилась под влиянием ориентализма и романтизма. Из этого влияния проистекал ее интерес к культуре разных народов. Одним из таких исследователей стал И. А. Гошкевич.

Ключевые слова: *человек, культура, народ, ориентализм, романтизм, Гошкевич*

The subject of study is a person at the crossroads of cultures and peoples. I.A. was such a person from among the natives of Belarus. Goshkevich. He came from a region of the Russian Empire, whose population was always characterized by tolerance and the neighborhood of peoples and religions. Sarmatism became a unique phenomenon, which integrated the neighborhood of Slavic and Turkic life at the everyday level.

The young people of Belarus, who were interested in Eastern cultures under the influence of romanticism, took advantage of the situation of the formation of the tradition of Eurasian Orientalism in Russia. One of the first Belarusian researchers of Belarusian origin is Adam Kamensky-Dluzhik. In the actualization of his role in the study of the peoples of Siberia, an important role was played by B.M. Field [1].

In the XVIII century, as a result of captivity, Ludvik Senitsky ended up in Yakutia [2]. E. Felinskaya presented extensive information about the spiritual culture of the peoples of Siberia in her memoirs [3]. She comes from the German family of Wendorffs. Her ancestors settled within Belarus.

In the second half of the 19th century, the function of studying Siberia was introduced into the duty of the highest Siberian administration in order to integrate the region into the Russian economy [4]. Military threats were also taken into account. Before the opening of the Tomsk Imperial University in 1878, the main research tasks in the eastern part of the Russian Empire were carried out by Kazan University. A school of historical and comparative linguistics functioned here.

The main interests of the school were concentrated on the eastern periphery of the Russian Empire, bordering China, Mongolia, Tibet, Dzungaria, and Central Asia. Comparative linguistics taught by G.E. Groddek at the University of Vilna, formed an interest in orien-

tal culture among a native of Belarus O.I. Senkovsky [5]. He was actively engaged in literary creativity and popularization of the principles of artistic modeling [6].

Orthodox missions abroad played an important role in the development of Eurasian Orientalism. The role of the Russian Orthodox Church in creating conditions for research activities within the framework of missionary activity is indicative. This was facilitated by the institution of the Russian spiritual mission in China [7].

I.A. Goshkevich, who has a great merit in the study of the Chinese language and culture, in the forties of the XIX century was part of the twelfth spiritual mission in Beijing. He came from a family of clergymen of the then Minsk province. He received his spiritual education at the Minsk Theological Seminary. He continued his studies at the Theological Academy of St. Petersburg. The Asian Department became the source of information about possible participation in the spiritual mission. The mission was updated in 1839. She was assigned missionary and diplomatic tasks, since during this period China was in the conditions of the first opium war.

Archimandrite Polycarp became the head of the spiritual mission. The members of the spiritual mission met in Kazan. The archimandrite knew I.A. Goshkevich to study at the Theological Academy. The mission included priests, students, including I.A. Goshkevich, doctor, orientalist and artist K.I. Korsalin. He quite fully reflected the urban landscapes of Beijing on his canvases.

Members of the spiritual mission studied the Chinese language, history and nature of the country. Subsequently, they became sinologists. This was facilitated by sources on Buddhism. The library of the spiritual mission contained texts of Buddhist manuscripts in Chinese and Manchu.

I.A. Goshkevich took up dictionaries and translations. He combined this activity with writing reports, collecting botanical and zoological collections, and meteorological observations. He presented his research in the form of short articles. One of them was called "The method of preparing ink, white and blush among the Chinese" [8], I.A. Goshkevich read many Chinese books and conducted a large number of experiments. He noticed that many manuscripts were written in China about the production of ink. But they were written by authors who themselves were not engaged in production. Therefore, the methods for producing carcasses were simply beautifully recorded. Its quality could not be vouched for.

Only one manuscript, from which I. A. Goshkevich borrowed the composition of the ink, turned out to be useful. I.A. Goshkevich discovered the original manuscript of 1398 by Shen-chi-sun. This author has been producing ink for thirty years. The young scientist noticed that the Chinese continued to make ink in the old way. She was of high quality. In addition to the history of the creation of the carcass, I. A. Goshkevich described the devices, the process and the dosage of its creation. Interest in ink was due to the fact that Chinese ink was famous for its quality in the European region. It was delivered to Russia in dry plates in the shape of a lotus. Diluted with water during use. Its composition contained thirteen components. But the dosage was not given. I. A. Goshkevich became convinced that for the production of carcasses, carbon black and glue of good quality are needed. The latter is the main component of good ink and ink.

The subject of consideration I.A. Goshkevich became Chinese whitewash. He described their raw material basis and production technology [8, p. 381]. He also described the technology of extracting rouge from safflower and the use of raw materials for the production of rouge, lipstick, paint for artists [8, p. 381]. He was interested in Chinese counting technology [9]. He described the type of Chinese accounts. In the article "Imperial, or fragrant, millet (early)" [10], I. A. Goshkevich proved that the production of this grain in Russia would be of great benefit. In the article "On sericulture" [11], he described the process of creating silk. His conclusion reads: "The news about silk is very important and has received the gen-

eral interest and attention of manufacturers. Sericulture is an important branch of industry and it would be useful to present a translation of a Chinese essay on this subject" [11, p. 414]. A native of Belarus could not ignore potatoes [12]. He described the technology of its landing in detail.

On August 14, 1842, the name of I. Goshkevich appeared in the document "On the Promotion of Members of the Mission of Collegiate Secretaries Alexander Tatarinov, Iosif Goshkevich and Vladimir Gorsky to Titular Counselors". It was a well-deserved recommendation, since I. A. Goshkevich was a unique linguist. He studied Chinese, Manchu, Korean, Mongolian. He studied history, literature, art and philosophy, architectural monuments. He was engaged in astronomical observations. He also collected a rich collection of plants. After completing his activities as part of the spiritual mission, in 1850 in St. Petersburg, he published seven articles in the Works of the Members of the Russian Spiritual Mission in Beijing. He was invited to serve in the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire as an official for special assignments in the Asian Department.

I. A. Goshkevich returned to China as part of the mission of V.V. Putyatin in the 50s. XIX century. He was in Hong Kong. He described the island in detail in the article "Honkon (Hong Kong), from the Notes of a Russian Traveler". He described the geographical location of the island and the bay. He noticed that there were no horses on the island. People have replaced them. He noted the ability of the Chinese to be content with a minimum of needs. He described his acquaintance with the British and their studies of the flora and fauna of the island [13].

I.A. Goshkevich continued his activities as part of the delegation of the Russian Empire. Its goal was to establish a dialogue with the Japanese authorities. Dialogue required patience and delicacy. Ultimately, diplomatic relations between the Russian Empire and Japan were established. I.A. Goshkevich was appointed the first Consul General of the Russian Empire in Japan. The consulate was located on the island of Hokkaido. One of the main achievements of I.A. Goshkevich was the creation of a Russian-Japanese dictionary. This was important for establishing cultural contacts in the space of the Far East [14]. The publication of the dictionary was awarded a special Demidov Prize.

At the end of February 1866, I.A. Goshkevich was dismissed. He returned to Belarus, where he bought an estate. He devoted time to publishing a Russian-Japanese dictionary in Vilna. This dictionary was the result of his participation in the diplomatic mission in Japan.

References

1. Полевой Б. М. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. О сочинении Адама Каменского-Длужика // Советская этнография. 1965. № 5. С. 122–129.
2. Сеницкий Л. Документ особого милосердия божьего // Советская этнография. 1972. № 1. С. 32–38.
3. Билявская В. С. Эйдос дороги в «мемуарах из жизни» Евы Фелинской // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии. М. : Макс Пресс, 2013. С. 37–39.
4. Игумнов Е. В. Высшая сибирская администрация и организация изучения Сибири во второй половине XIX века // Научный диалог. 2017. № 6. С. 205–219.
5. Алексеев П. В. Сирия в мифопоэтике О. И. Сенковского // Вестник Томского государственного университета. Филология: журнал. 2014. № 1 (27). С. 63–74.
6. Милюков А. П. Знакомство с Сенковским. Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 151–158.

7. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / под ред. Н. И. Веселовского. СПб. : Типография Главного Управления Узлов, 1905. 16 с.
8. Гошкевич И. Способ приготовления туши, белил и румян у китайцев // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине : в 4 т. СПб. : Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1852. Т. 1. С. 361–382.
9. Гошкевич И. О китайских счетах // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине : в 4 т. СПб. : Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1853. Т. 2. С. 169–194.
10. Гошкевич И. Императорское, или благовонное, пшено (скороспелое) юй-дао-ми или сень-дао-ми // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине : в 4 т. СПб. : Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1857. Т. 3. С. 127–129.
11. Гошкевич И. О шелководстве (перевод с китайского) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине : в 4 т. СПб. : Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1857. Т. 3. С. 413–450.
12. Гошкевич И. О разведении шань-яо. *Dioscorasa alata* (картофель) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине : в 4 т. СПб. : Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1857. Т. 3. С. 121–124.
13. Гошкевич И. Хонкон (Гонконг), из записок русского путешественника // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине : в 4 т. СПб. : Типография Главного Штаба Его Императорского Высочества по Военно-Учебным Заведениям, 1857. Т. 3. С. 393–409.
14. Гошкевич И. А. О корнях японского языка. Вильно : Издатель Завадский, 1899. 109 с.

С. А. Сергеев

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И КРИЗИС НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1876–1878 ГГ.

Аннотация. Борьба балканских славян за свою независимость в XIX в. непосредственно послужила поводом для будущей Русско-турецкой войны 1876–1878 гг. В дальнейшем, в начале XX в., балканский вопрос также сыграл немаловажную роль в начале Первой мировой войны, став одной из основных причин её начала. Российское общество, вне зависимости от каких-либо факторов, будь то сословная принадлежность или финансовое положение, играло важную роль в поддержке балканских славян, участвуя как в сборе средств на благотворительность, так и напрямую в боевых действиях на стороне балканских славян силами добровольцев.

Ключевые слова: Балканские славяне, Славянские комитеты, благотворительность, борьба за независимость, общественная реакция, российское общество

Abstract. The struggle of the Balkan Slavs for their independence in the XIX century directly served as the reason for the future Russian-Turkish War of 1876–1878, and in the future, already at the beginning of the XX century, also played a crucial role in the beginning of the First World War, becoming, so to speak, the basis of the powder keg of Europe, which became the catalyst for the first world war. Russian society, regardless of any factors, be it class affiliation or financial situation, played an important role in supporting the Balkan Slavs, participating both in raising funds for charity and directly in the fighting on the side of the Balkan Slavs by volunteers.

Keywords: Balkan Slavs, Slavic committees, charity, struggle for independence, public reaction, Russian society

В настоящее время, когда у нашей страны довольно непростые внешнеполитические отношения с некоторыми странами, ряд балканских государств, в особенности такие страны, как Сербия и Черногория, открыто выражают свои симпатии и поддержку России. Причем касается это не только правительств, но и населения этих стран, которые считают русский народ братским и стремятся поддерживать его. Поэтому изучение истории таких взаимоотношений, корни которых исходят из событий XIX в., то есть времени национальной борьбы славянских народов за свою независимость, во время которой Россия, и в частности русский народ, стремились помочь в стремлении балканских славян обрести независимость от турецкого владычества.

Разработкой тематики российско-славянских отношений в 1947 г. занялся Институт славяноведения АН СССР. Целью стало укрепление образования социалистического лагеря, куда входили Югославия и Болгария; требовалось обосновать давние историко-культурные связи между народами этих стран и Россией. Советские ученые, в частности С. А. Никитин, рассматривали историю Восточного кризиса 1875–1878 гг.

и сопутствовавшего ему общественного движения в России [1] более подробно, чем предшественники. К примеру, В. Рюстов [2], изучавший балканские восстания ранее, не затрагивал тему общественных настроений в России детально и подробно. Или другой автор, С. Татищев, отмечал, что в России в период балканских восстаний царило воодушевление и готовность помочь братским славянским народам в борьбе за их независимость от турок, но при этом подчеркивал и то, что находились те, кто не разделял всеобщего энтузиазма и выступал против помощи балканским народам [3]. М. Покровский в своих трудах отмечал, что, по сути, вся агитация за помощь славянам на Балканах была не более чем акцией славянофилов, и отрицал наличие в российском обществе какого-либо широкого желания оказать им помощь. В 1950-е гг., помимо С. Никитина, эту тему изучал Т. Снытко, – он высказывает мнение, что само движение за помощь балканским народам исходило не от правительства, а от самого общества, желавшего помочь братьям-славянам [4]. Нельзя не отметить и другую значимую работу по данной теме – «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878». В этом исследовании были использованы ранее не опубликованные документы и источники. Труд «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы», выпущенный в 2008 г., раскрывает тему вклада российских дипломатов в оказание помощи Балканам. В частности, затрагивается деятельность консула А. Н. Кудрявцева из Сараево и А. С. Ионина из Дубровника [5].

Российское общество и его вклад в помощь балканским славянам

Прежде всего, необходимо отметить, что вопрос об отношении русского общества к происходившим на Балканах событиям и непосредственно перед войной 1877–1878 гг. необходимо рассматривать через призму мнений о нем современников тех событий, а также через деятельность так называемых Славянских комитетов, которые оказывали довольно важную и, что немаловажно, необходимую поддержку славянскому населению Балкан.

Многие из современников тех событий во многом признали всеобщий энтузиазм и желание помочь братским славянским народам в их борьбе за свободу. К примеру, они говорили о том, что многие в патриотическом порыве уезжали добровольцами в ополчения и армии стран народов Балкан. Так, С. Ю. Витте вспоминал, что «из России в сербскую армию ехала масса добровольцев» [6], и сам Витте, в дальнейшем крупный политик, способствовал этому, поддерживая идею о независимости балканских стран и народов.

Однако не только видные члены общества, но и рядовые его участники, испытывая сочувствие к страданиям балканских славян, в особенности болгар, восстание которых было жестоко подавлено турецким правительством, старались не оставаться в стороне и охотно жертвовали деньги на нужды балканских народов. Так, Л. И. Ровнякова приводила подобные строки в своем исследовании: «Начальник Петербургского жандармского управления Н. С. Бирин сообщал 25 октября 1876 г. в III отделение в частности следующее: “...сочувствие к южным славянам полное и, по моему мнению, оно явственнее обрисовывается в простом необразованном классе”» [7]. Но не только в столице и ее окрестностях господствовали подобные настроения – донесения, аналогичные этому, поступали также и из других областей: Московской, Полтавской и других губерний. Образно суммируя информацию из всех подобных донесений, шеф жандармов Н. М. Мезенцев в своем докладе императору от 12 ноября 1876 г. писал следующее: «...в губерниях с коренным русским населением бедствия балканских славян вызвали общее сочувствие, выразившееся значительными денежными пожертвованиями».

«Народ сёл и деревень, морской рыболов, волжский судорабочий, самарский и саратовский пахотник, уральский заводский и рудничный батрак <...> не жалел своих крохотных сбережений, чтобы оказать пострадавшим посильную помощь» [8], – так писал описывая свою поездку путешественник и журналист В. И. Немирович-Данченко. Им приводятся также сведения и о том, что «крестьяне устраивали сходки, на которых решали, с кого сколько брать на “славянское дело”, и вся инициатива исходила от самого народа, родилась в самом народе», то есть исходя из этих данных можно заметить, что основной «поток» финансовой помощи исходил из низов – крестьян и рабочих, и по свидетельствам современников «во многих губерниях суммы, пожертвованные крестьянами, существенно превышали пожертвования дворян, купечества, мещан» [9]. Н. И. Цимбаев отмечал ту же тенденцию: «Характерным было огромное количество мелких пожертвований от крестьян, рабочих, городских ремесленников. Движение в поддержку южных славян, всероссийский сбор пожертвований, по мысли исследователя, имели подлинно народный характер, чуждый всякой правительственной, церковной или иной регламентации» [10]. Можно ли, исходя из этого, сделать вывод, что высшие слои населения не испытывали тех чувств, которые охватили остальные слои населения и не желали помочь балканским славянам в их борьбе? Отнюдь, ведь несмотря на то, что подавляющее число пожертвований шло с «низов», дворяне, купцы и другие более обеспеченные, чем крестьяне и рабочие, слои населения также жертвовали свои финансы, но и, что не менее важно, занимались агитацией за помощь славянским народам. Так, к примеру, Ф. М. Достоевский «Дело освобождения славян» считал «совсем русским» и «близким России» и в 1876 г. Находясь за границей, он убеждал своих соотечественников совершать пожертвования в пользу балканских славян [11]. Другой писатель – А. А. Фет – вспоминал о материальной помощи южнославянской борьбе от русских крестьян – «...воззвание в пользу сербов облетало наши убогие веси, осуществляя пословицу: “с миру по нитке”. Бабы отличались усердием в приношении холста» [12].

Общественная поддержка балканских славян заметно усилилась после начала войны Сербии и Черногории с Турцией. Так, по воспоминаниям военного министра С. А. Милютин, к сербам и черногорцам: «...на помощь ... из России стремятся в большом числе и офицеры, и врачи, и сёстры милосердия; даже много волонтеров из простонародья. Трудно было ожидать такого одушевления, такого порыва. В этом отношении явление утешительное. Государь, по-видимому, поощряет всё, что делается в пользу балканских славян со стороны частных лиц и общества, но остаётся в твёрдом намерении не оказывать никакого вмешательства официального» [13].

Общественная реакция на происходившие на Балканах события была без преувеличения колоссальной – подавляющее большинство населения Российской империи, от низших до высших сословий, яро поддерживали балканских славян, всецело считая их борьбу против Османской империи благородной и праведной, и не скупясь поддерживали их не только «духовным единением», но и материально, зачастую отправляясь в армии балканских стран добровольцами.

Не менее весомый вклад в поддержку балканских народов сделали и Славянские благотворительные комитеты, которые также являются отражением царившего в то время настроения и желания помочь южнославянским народам. Важно отметить, что подобные общества и комитеты возникли еще до обострения Восточного вопроса – в 1858 г. первой подобной организацией стал Славянский благотворительный комитет под руководством А. Н. Бахметева. Данный комитет и иные схожие с ним организации ставили своей целью следующее – оказание финансовой помощи славянским народам на Балканах. И во многом эта деятельность включала в себя также оказание финансовой поддержки религиозным заведениям. В силу того, что среди балканских славян бы-

ло немало православных, также можно отметить и такую цель, как распространение знаний о славянстве в России и помощь тем, кто подвергался гонениям за рубежом за идею «панславизма». К участию в сборах средств для деятельности комитетов привлекали широкую общественность – начиная от мещан и заканчивая приближенными императора и членами его семьи.

Разумеется, события на Балканах в середине XIX в. не могли не привлечь внимание подобных организаций – любая посильная помощь оказывалась ими балканским славянам с момента появления первого Московского комитета. В подобной деятельности зачастую участвовали люди, которые лично бывали в османских провинциях на Балканах, и соответственно подобные персоналии понимали реальное положение дел в них.

После начала на Балканах событий 1870-х гг., деятельность Славянских комитетов активизировалась – началась более активная благотворительная деятельность, для которой 23 августа 1875 г. император разрешил Санкт-Петербургскому славянскому комитету вести сбор средств для помощи герцеговинцам. А 4 сентября был утвержден циркуляр Министерства Внутренних дел о содействии в организации сборов. Активно помогали в сборе необходимых средств и священники православной церкви – так, митрополит Исидор разрешил собирать средства в церквях [14]. Возник также и Дамский кружок, который своей целью ставил аналогичные Славянским комитетам цели. Помимо этого, Славянские комитеты наладили тесное взаимодействие с Красным крестом, сотрудничество с которым после начала русско-турецкой войны лишь усилилось.

Чтобы лучше понять объёмы материальной помощи, направленной Славянскими комитетами балканским славянам, можно привести данные отчета о собранных средствах, записанные одним М. Г. Кузнецовым, делопроизводителем Воронежского местного управления – «Из села Верхнего Икорца: от священника Станского 1 рубль, супруги священника М. М. Станской 50 копеек, от дочери священника Юлии Станской копеек; от священника Александра Владыкина 1 рубль. 990 рублей 76 копеек отослано. [...] От крестьянки Дарьи Васильевны Ашихминой 80 рублей, от воспитанников Воронежской Нечаевской школы 20 копеек, от жителей Придаченской волости Воронежского уезда 100 рублей 35 копеек [...] Верхне-карачанского волостного старшины Лаптева – 1 рубль, от жителей Старомеловской волости 65 аршин холста» – и все эти средства лишь малая часть тех средств, которые были собраны на благотворительность [15].

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что в период обострения Восточного вопроса и начала восстаний и войн балканских славян против турецкого владычества, население Российской империи всецело поддержало своих южных братьев, оказывая им практически любую поддержку – начиная от финансовой помощи и заканчивая отправкой на Балканы добровольцами. Крестьяне, мещане или дворяне, все зависимости от того, кем они были, охотно жертвовали свои средства, по сути, события тех лет стали поводом для национального подъёма и настоящего бума патриотических настроений, когда большинство населения всей страны преследовало единую цель.

Список источников

1. Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. 362 с.
2. Война в Турции: Положение дел и события на Балканском полуострове в 1875 и в 1876 годах / [Соч.] В. Рюстова; Пер. с нем. под ред. А. Риттера. Вып. 1–2. Санкт-Петербург: тип. В. С. Балашева, 1876–1877. 2 т.
3. Татищева С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Том 2. Издание А. С. Суворина, 1903. 734 с.

4. Снытко Т. Г. Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875–1876 гг. // *Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии*. М., 1957. 106 с.
5. Данченко С. И. Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русское общество: проблема отечественной историографии // *Славяне и Россия*. 2015. № 1. С. 209–235.
6. Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары : в 3 т. Т. 3. М. : АСТ, Минск : Харвест, 2002. 608 с.
7. Ровнякова Л. И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX века) : очерки. Л. : Наука, 1986. 284 с.
8. Цимбаев Н. И. Освобождение Болгарии и русское общество // *Россия и освобождение Болгарии*. М., 1982. С. 158–160.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание... Т. 26. Л., 1984. 522 с.
10. Фет А. А. Воспоминания : в 2 т. Т. 2. М. : Культура, 1992. 408 с.
11. Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютина : в 3 т. Т. 2. М. : Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, 1949. 292 с.
12. Градовский Г. К. Русское общество пред лицом бедствий в Боснии и Герцеговине в 1875 году // *Братская помощь*. 1876. 494 с.
13. Поповкин А. А. Посредническая деятельность Славянских комитетов в годы кризиса и войны 1870-х годов – гуманитарный и культурный аспекты. С. 186–188.

С. Т. Гайдин¹, Г. А. Бурмакина²

Красноярский государственный аграрный университет

Красноярск, Россия

ДИСКУССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА

Аннотация. В статье на основе публикаций государственных чиновников, ученых, общественных деятелей в XIX – начале XX в. выявляется эволюция взглядов на проблемы жизни малочисленных народов Енисейского Севера и пути их решения как в рамках конкретной губернии, так и в масштабах страны.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Енисейский Север, тунгусы, остяки, самоеды, хлебные магазины

Abstract. The article, based on the publications of government officials, scientists, public figures in the XIX – early XX century, reveals the evolution of views on the problems of life of the small peoples of the Yenisei North and ways to solve them, both within a specific province and nationwide.

Keywords: indigenous peoples, the Yenisei North, Tunguses, Ostyaks, Samoyeds, bread shops

В созданной в 1822 г. Енисейской губернии, проживали малочисленные аборигенные народы Енисейского Севера. Ее первый губернатор А. П. Степанов, председатель губернской казенной палаты И. С. Пестов и председатель губернского суда А. И. Мартос в своих книгах рассказали об особенностях, проблемах и перспективах их жизни в составе Российского государства [1–3].

В последующие 95 лет до установления советской власти об их жизни писали государственные чиновники, ученые, общественные деятели. В советский и постсоветский период приведенные ими сведения и размышления были многократно интерпретированы учеными разных научных специальностей. Мы попытались на основе публикаций XIX – начала XX в. выявить эволюцию взглядов на проблемы жизни малочисленных народов Енисейского Севера и пути их решения как в рамках конкретной губернии, так и в масштабах страны.

Губернатор А. П. Степанов рассказал о местах кочевий разных родов и указал количество мужских душ в каждом из них. В частности, 4 рода самоедов (энцев) насчитывали 229 мужских душ, 2 рода юраков (ненцев) – 249 мужских душ, 2 рода якутов – 296 мужских душ, 9 родов остяков (кетов) – 1 299 душ мужского пола и 24 рода тунгусов (эвенков) – 1 879 душ мужского пола [1, с. 49, 50].

По нашим подсчетам, численность коренного северного населения по мужским душам составляла 4 152 человека, или 3,9 % от общего количества мужского населения губернии (посчитано по: [1, с. 49, 65]).

А. П. Степанов и другие авторы обратили внимание на то что, несмотря на малочисленность родов, в их хозяйственной деятельности и образе жизни имелись суще-

ственные различия. Так, тунгусы были охотниками на зверей и копытных животных. Остяки, которые жили на территориях, где было мало мха для оленей, ездили на собачьих упряжках и больше занимались выловом рыбы для себя и собак, чем охотой. Якуты, обитавшие возле Туруханска, держали коров, занимались охотой и рыболовством. Самоеды и юраки специализировались на оленеводстве, а также занимались охотой и рыболовством. Самоеды, юраки, тунгусы жили в чумах, якуты в бревенчатых домах с печками, остяки зимой жили в землянках, а летом в берестяных чумах [1, с. 50, 77, 85, 153, 154, 161]. То есть маленький по количеству людей и разнообразный по своим особенностям мир разных родов имел свой образ жизни и специализацию в использовании природных ресурсов Крайнего Севера.

Больше всего проблем администрации Туруханского края создавали самоеды, кочевавшие на севере Таймырского полуострова. Начальник Енисейского округа в середине 50-х гг. XIX в. А. А. Мордвинов писал, что еще недавно они уклонялись от уплаты ясака, грабили хлебные магазины и бросали чиновников в тундре и тайге. Они не знали счета денег и почти не употребляли хлеба [4, с. 45].

Исследователь А. Ф. Миддедорф, который по поручению Императорской Академии наук в 40-е гг. XIX в. изучал природу и население Таймырского полуострова, писал, что мир северных народов очень изменчив и различия между ними быстро стираются. Самоеды поглощались тунгусами, тунгусы – якутами. Тунгусы, которые брали в жены якуток, заимствовали язык и обычаи якутов, и в начале XIX в. стали называться долганами. Некоторые долганы брали в жены русских женщин. Часть долган заимствовали язык и обычаи самоедов. В свою очередь, малочисленные русские, осевшие на Крайнем Севере, перенимали образ жизни аборигенов [5, с. 628, 692, 693, 697].

По утверждению историка П. А. Словцова, приход русских в районы проживания северных аборигенов вызвал эпидемии «русских болезней» (оспы, кори и сифилиса) в среде аборигенов. Он писал, что в 1731 г. некоторые волости Туруханского края чуть «дотла» не вымерли [6, с. 73, 74, 277]. И эти болезни преследовали коренных северян на протяжении всего рассматриваемого нами периода. Это было следствием контакта разных народов, проживавших отдельно друг от друга. Американский историк Уильям Макнил, писал, что распространение болезней на протяжении тысяч лет всегда было следствием дальних военных походов, развития караванной торговли, открытия Нового Света [7].

В основу управленческой деятельности по отношению к коренным жителям был положен утвержденный в 1822 г. «Устав об управлении инородцев», который отнес их к категории диких и бродячих народов. Многие исследователи рассматривают его как предоставление аборигенам права решения внутренних проблем на основе родовых традиций управления и суда.

Но его также можно трактовать и как отказ государства от участия в решении проблем, которые возникали в процессе общения аборигенов друг с другом, с государством и разными категориями русского населения. К такой мысли подводят слова томского губернатора В. С. Хвостова, который после поездки в 1808 г. в Туруханский край писал об экономическом ущербе государству от использования российского уголовного судопроизводства в отношении аборигенов. Они не знали российских законов, заключение их в тюрьму нередко приводило не только к гибели заключенных, но и членов их семей, оставшихся без кормильцев. А государство при этом теряло и без того немногочисленных плательщиков ясака [8].

Являясь подданными России, аборигены оказались в сфере государственной национальной политики, которая по утверждению А. П. Степанова, была направлена на крещение аборигенов, создание хлебных магазинов, обустройство путей сообщения для завоза хлеба и вывоза пушнины. Так как эти направления сохранялись на протяже-

нии всего рассматриваемого периода, то мы попытались определить проблемы и результаты их реализации.

Подводя итоги политики русского культурного воздействия и крещения аборигенов, председатель губернского суда А. И. Мартос писал, что русские не смогли передать им своих нравов, языка, религии [3, с. 216, 275].

Результат был предсказуем, так как священники и аборигены не знали языка друг друга. Священники, попадая на Север, попутно занималась скупкой пушнины. По крайней мере, историк П. А. Словцов утверждал, что еще в начале XVIII в. правительство было обеспокоено корыстолюбием сибирских священников и требовало наблюдать за ними, чтобы под видом духовных треб они не занимались торговлей [6, с. 148]. Деятельность церкви по крещению аборигенов имела непрерывный характер. Сначала она носила экспедиционный характер, но со временем в Туруханском крае стали создаваться монастыри и строиться церкви.

Губернатор А. П. Степанов писал, что большинство крещеных аборигенов имеет христианство наружное. Из-за отсутствия храмов они не посещают церковных служб, не проводят венчания, крещения детей и отпевания покойников. Из всех родов он выделил якутов из с. Шорохино, которые лучше других соблюдали христианские обряды [1, с. 51, 161].

Председатель губернской казенной палаты И. С. Пестов рассказывал об ангарском тунгусском роде Чапогиров, который имел «благоговение» к святителю Николаю, и некоторые члены которого давали церкви от 1 до 8 соболей [2, с. 182]. Но, по утверждению ученого А. Ф. Миддендорфа, даже в 40-е гг. XIX в. тунгусы Норильского края уклонялись от принятия христианства [5, с. 693].

Енисейский окружной начальник А. А. Мордвинов распределил северные роды по относительно добросовестному исполнению обязанностей христиан. На первом месте он назвал якутов, затем долган, тунгусов, тазовских юраков. Причем добросовестность исполнения определялась им по наличию крестиков, икон и пожертвований в пользу церкви. Вместе с тем он признавал, что самоеды на р. Таз не проявляли интереса к христианству [9, с. 61, 64].

Формальную принадлежность аборигенов к христианству подтверждали С. Л. Чудновский, Н. В. Латкин, которые писали, что крещеные аборигены не знают основ веры, но знают, что за крещение ребенка, венчание или отпевание покойника надо дать батюшке белку, песца, лисицу или ценную шкурку другого зверя [10, с. 46; 11, с. 127, 143]. Безусловно, были священники, которые пытались нести аборигенам слово Божье, но в работах светских авторов мы не встретили их имен.

Отчет о поездке губернатора Л. К. Теляковского в Туруханский край в 1893 г. свидетельствует о том, что аборигены считали, что Бог есть только в храме. Поэтому в повседневной жизни они обращались к своим верованиям и к своим шаманам [12, с. 336].

Историк П. А. Словцов писал, что после торжественного крещения остяцкой орды почти не видно в ней искреннего христианства, порядочных храмов, не видно желания учиться по-русски. Не было ревнителя, наблюдавшего, произрастает или зарастает засеянная евангельская нива [6, с. 20]. То есть налицо кампанейский подход, когда дело было сделано, но его последствия были пущены на самотек.

Другим направлением государственной политики в отношении аборигенов было создание хлебных магазинов. Одну из версий предыстории появления хлебных магазинов изложил И. С. Пестов, который писал, что воевода Василий Масальский, заложивший Мангазейский острог, для привлечения остяков использовал многолетнюю и бесплатную раздачу им муки. Они привыкли к небольшой по весу, быстро насыщающей

углеводной пище, и взамен не только несли в острог пушнину, но приводили другие роды, которые еще не встречались с русскими [2, с. 197].

Действия В. Масальского можно было бы рассматривать как удачный эксперимент по сбору ясака. Но со временем мука стала неотъемлемой частью питания большинства аборигенов, а хлебные магазины, которые открывались государством для поддержки аборигенов в случае неудачного промысла, стали форпостами России на северных территориях, местами сбора ясака и одним из главных инструментов контроля российской администрации за аборигенами.

Как писал отдельный заседатель П. Третьяков, управлявший Туруханским краем в 60-е гг. XIX в., в них были заинтересованы аборигены, представители администрации и вахтеры. Аборигены считали, что магазины созданы для обеспечения их продовольствием и брали хлеб, не думая об оплате. Начальству было удобно через прикрепление аборигенов к магазинам их контролировать и собирать ясак. А недобросовестные вахтеры магазинов занимались припиской хлеба на должников и даже на тех, кто его не брал. По утверждению П. Третьякова, имевшийся в губернии опыт судебного преследования чиновников и вахтеров за хищение средств при доставке муки в хлебные магазины и при выдаче хлеба аборигенам, показал, что это бесполезная трата времени, сил и энергии [13, с. 445, 446, 450].

Подтверждением его слов, является неудачная деятельность тобольского гражданского губернатора А. М. Корнилова по борьбе с хищениями. Для этого он в 1806 г. отстранил от должности нескольких вахтеров и за счет изменения системы закупок хлеба добился снижения стоимости пуда муки для коренного населения с 95 до 55 копеек [14, с. 85].

Но это ударило по финансовым интересам многих чиновников и, не исключено, что стало одной из причин его ухода с должности гражданского губернатора.

В отчете о поездке на Север губернатора Теляковского в 1893 г. говорится о том, что хлеб стал одним из основных продуктов питания аборигенов, и в периоды его нехватки много инородцев умирало от болезней и голода [12, с. 303].

Кроме крещения аборигенов и создания хлебных магазинов, имевших функциональное значение в системе управления, мы не заметили каких-либо государственных мер, направленных на поддержку и развитие коренных народов Севера.

Далее мы бы хотели выяснить, как под влиянием русской торговли на Севере менялась жизнь и хозяйственная деятельность его коренных народов. Следом за сборщиками ясака туда пришли торговцы, предлагавшие аборигенам в обмен на пушнину табак, винтовки, бисер, козлий мех, шелковые платки, сукно и железные мелочные вещи, без которых они обходились раньше [1, с. 105, 111].

Внедрение в пищевой ассортимент хлеба, алкоголя, чая, соли, а в повседневную жизнь товаров из русского обихода, не только вело к изменению традиционных потребностей коренных народов, но и сопровождалось разрушением мира аборигенов, который сложился в экстремальных условиях Крайнего Севера. Он мог существовать только как часть северных экосистем, изымая из них необходимое количество зверей для поддержания собственной жизни. Формирование новых потребностей требовало увеличения добычи пушных зверей, что неизбежно вело к нарушению стабильности хрупких северных экосистем.

Первыми от этого, по мнению А. Ф. Миддендорфа, пострадали енисейские остяки, которые утратили способность самостоятельно обеспечивать себя продуктами питания. В такой же ситуации могли оказаться тунгусы, которые кочевали на линии соприкосновения с русскими поселениями [5, с. 743].

Его слова оказались пророческими. На протяжении первых 30 лет после создания Енисейской губернии в ней наблюдалось прогрессирующее сокращение добычи

пушных зверей. Если в 1825 г. из Туруханского края, по данным С. Чудновского, было вывезено 28 000 соболей, то в начале 50-х гг. их добыча на всей территории губернии составила примерно 3 000 штук [10, с. 94]. От снижения добычи пушнины, в первую очередь, пострадали тунгусы-охотники.

Отдельный туруханский заседатель П. Третьяков писал, что из-за проблем с уплатой аборигенами ясака Туруханский край стал убыточным, и на его содержание казне пришлось тратить 14 945 руб. 55 коп. в год [13]. Поэтому не приходилось рассчитывать на поддержку коренных народов Севера со стороны государства.

Второй серьезной причиной отказа аборигенов от традиционной для них хозяйственной деятельности стало использование их труда купцами-рыбопромышленниками на рыбном промысле. В начале 60-х гг. XIX в. купцы стали применять для вывоза рыбы пароходы, которые уходили в низовья Енисея, где охотники до этого редко встречались с русскими.

Купцы давали им кредиты или «обстановку» и превращали в пожизненных сезонных рабочих на рыбном промысле. Аборигены не успевали летом готовить запасы на зиму, а мизерные суммы, которые они получали в качестве оплаты, не покрывали их минимальных потребностей [13, с. 508].

Сокращение добычи пушных зверей и втягивание охотников в рыбный промысел, обусловили существенные изменения в традиционной хозяйственной специализации аборигенов. С. Чудновский отмечал, что часть тунгусов, которая занималась оленеводством и охотой, вынуждена была откочевать на север и перейти на рыболовство [10]. Остяки жаловались на снижение уловов, так как, судя по официальному описанию Туруханского края, рыбопромышленники захватили лучшие рыбопромысловые угодья остяков на реках Хете и Хатанге [15, с. 293]. Меньше других от развития рыбной промышленности и ограбления купцами пострадали самоеды, которые занимались оленеводством, практически не употребляли хлеба и были обеспечены традиционным питанием, жильем и одеждой [13, с. 530].

Падение уровня доходов заставляло аборигенов чаще, чем прежде, брать у купцов ружье, припасы, одежду, муку, что оборачивалось пожизненной кабалой [10, с. 55, 90, 93]. А. А. Мордвинов писал, что в условиях сокращения добычи пушнины и роста ее стоимости, к скупке пушнины подключились вахтеры хлебных магазинов, казаки

на сугланах, а также зажиточные жители станков [9, с. 39]. В официальном обзоре Туруханского края к концу XIX в. в скупку пушнины втянулось большинство русских крестьян, проживавших в Туруханском крае [15, с. 291]. В описании Туруханского края, составленном по материалам губернского Статистического комитета в 1889 г., говорилось о том, что неэквивалентная торговля давала от 50 до 300 % прибыли [15, с. 297].

По утверждению многих авторов, купцы и торгующие крестьяне превращали аборигенов в наследственных должников, и продавали их вместе с долгами другим торговцам. Государство также вносило свою лепту в алкоголизацию коренного населения. По официальной статистике начала 90-х гг. XIX в. откуп со спиртного и табака в Туруханске давал 700 руб., или почти седьмую часть от сбора Туруханского края [12, с. 301].

По мнению С. Чудновского, усложнение добычи пушных зверей, превращение охотников в рабочих рыбных промыслов, сопровождалось падением доходов аборигенов и ростом их смертности [10, с. 48].

В научных кругах до сих пор ведутся дискуссии о последствиях русского воздействия на жизнь северных аборигенов. Для поиска ответа на этот вопрос мы взяли специализированное исследование сотрудника Министерства государственных имуществ С. К. Патканова. Сделанный им анализ данных о численности аборигенного населения Туруханского края за 1838–1897 гг. показал, что рост населения наблюдался у народов, жизнь которых незначительно изменилась под русским воздействием. К ним относились самоеды, юраки, которые обеспечивали себя продовольствием, одеждой

и жильем за счет традиционного оленеводства, и якуты, которые перешли на хозяйство, аналогичное хозяйству русских крестьян. Рост численности юраков составил 1,8 %, самоедов – 7,51 %, якутов – 9 %. Рост численности имел место у долган.

Напротив, наблюдалось сокращение численности народов, втянувшихся в сферу интересов русских купцов и предпринимателей и вынужденных отказаться от традиционного образа хозяйственной деятельности. Сокращение численности наблюдалось у тунгусских родов Енисейского округа. У остяков отсутствовал естественный прирост населения, их численность за 1838–1897 гг. практически не изменилась. А численность Сымско-Касового рода за это время сократилась в 10–12 раз [16, с. 59, 90, 118, 165].

Енисейский губернатор А. Н. Гирс, побывавший в 1908 г. на Енисейском Севере, подтвердил, что отношение к коренному населению за время существования Енисейской губернии почти не изменилось. Продолжалось спаивание аборигенов купцами и торгующими крестьянами с превращением их в вечных должников. Он считал недостаточным, что на территории Туруханского края с 11 тыс. населения, из которых 2/3 относились к коренному, работали всего 1 врач и 4 помощника, 1 почтовое отделение и 5 церковно-приходских школ [17].

Анализ предложений по спасению и развитию коренных народов Енисейского Севера енисейского губернатора А. Н. Гирса, енисейского окружного врача М. Ф. Кривошапкина и других авторов позволяет сделать вывод, что они предлагали развивать совместную хозяйственную деятельность русского и аборигенного населения на территориях их проживания [17; 18].

Начальник Енисейского округа А. А. Мордвинов и отдельный туруханский заседатель П. Третьяков, считали, что государство должно было оказывать адресную поддержку вымирающим осякам, а также взять на себя содержание убогих и немощных аборигенов [9, с. 40; 13, с. 343, 449]. Статистик С. Л. Чудновский предлагал сконцентрировать усилия на защите промысловых угодий аборигенов от захвата предпринимателями, пришлым русским населением, их уничтожения пожарами от золотых приисков, упрощения приобретения боеприпасов [10, с. 96].

Эти и другие предложения, высказанные в разное время, на протяжении рассматриваемого нами периода, в целом совпадали с представлениями сибирских областников и, в частности, Н. М. Ядринцева. В одной из первых своих работ он писал: «Не наступило ли время в деле обмена с сибирскими племенами внести более здравый экономический смысл и расчет, причем не на разорении и гибели низших племен должно создаваться богатство господствующей расы, а на поднятии культуры и содействии экономическому развитию опекаемых низших племен» [19, с. 83].

Одним из оппонентов сибирских областников был кандидат богословия М. А. Миропиев, который считал, что Россия растрчивает себя, ставя на первое место интересы окраин, и критиковал Н. М. Ядринцева за чрезмерную и бездоказательную защиту интересов аборигенов. Он писал: «мы дальше будем вести борьбу с административным и купеческим произволом и очищать сибирскую администрацию от дурных элементов». Но, М. А. Миропиев считал, «что при помощи христианской благотворительности нельзя спасти угасающие народности. Великая историческая миссия и нравственная обязанность русского народа заключатся в подчинении своему влиянию и обрусению туземцев» [20, с. 297, 343].

Список источников

1. Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск : Горница, 1997. 223 с.
2. Пестов И. С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М. : Университетская типография, 1833.

3. Мартос А. И. Письма о Восточной Сибири. М. : Университетская типография, 1827. 291 с.
4. Мордвинов А. А. Записки о Туруханском крае // Записки Императорского русского географического общества по общей географии». Том второй. С.-Пб. : Типография В. Безобразова и комп., 1860.
5. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть II. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел VI Коренные жители Сибири. СПб., 1878.
6. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири: Кн. 1-2. М. : тип. А. Семена при Медико-хирург. акад., 1838–1844. С 1742 по 1823 год. Санкт-Петербург : тип. К. Крайя, 1844. 524 с.
7. Макнил Уильям. Эпидемии и народы. Вспоминая опыт прошлого // Россия в глобальной политике. Т. 18. № 3 (103). Май – июнь 2020. С. 10–23.
8. Хвостов В. С. О Томской губернии и о населении большой Сибирской дороги до Иркутской губернии. СПб. : Императорская Академия наук, 1809. 107 с.
9. Мордвинов А. А. Записки о Туруханском крае// Записки Императорского русского географического общества по общей географии» (Отделения географии физической и математической) том второй. СПб. : Типография В. Безобразова и комп., 1860.
10. Чудновский С. Л. Енисейская губерния: к трехсотлетнему юбилею Сибири. (статистико-публицистические этюды). Т. : Типография «Сибирской газеты», 1885. 195 с.
11. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб. : Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1892.
12. Из поездки г. Енисейского губернатора в 1893 году в Туруханский край // Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1 января 1896.
13. Третьяков П. И. Туруханский край//Записки императорского Русского Географического общества Т. 2. Издан под редакцией в отделении географии физической И. Семенова. СПб., 1869. С. 215–530.
14. Корнилов А. М. Замечания о Сибири сенатора Корнилова. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1828.
15. Туруханский край. Описание, составленное из официальных документов статистического комитета. Подпись: На материалах комитета обработал и составил Г. Хотунцов. Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год с адрес-календарем / сост. под ред. Г. А. Хотунцова. Красноярск: издание Енисейского губернского статистического комитета, 1889.
16. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1911.
17. О предполагаемых преобразованиях в Туруханском крае // Памятная книжка на 1909 год. Красноярск: Енисейская губернская типография. Литературный отдел. С. 29–55.
18. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Издание Русского географического общества, тип. В. Безобразова, 1865.
19. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц.// СПб. : Издание И. М. Сибирякова, 1891. 83 с.
20. Миропиев М. А. О положении русских инородцев. СПб. : Синодальная типография, 1901.

КРАСНОЯРСК НАЧАЛА XX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ АНГЛИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА М. Ф. ПРАЙСА

Аннотация. В статье представлены отдельные особенности повседневной жизни жителей губернского города Красноярска, которые привлекли внимание Моргана Ф. Прайса (Morgan Philips Price), английского путешественника, побывавшего в Енисейской губернии летом 1910 г. и зафиксировавшего свои впечатления от увиденного в книге воспоминаний «Сибирь» («Siberia»).

Ключевые слова: Красноярск, Енисейская губерния, начало XX века, повседневная жизнь, горожане, источники личного происхождения

Abstract. Following the memoirs «Siberia» by Morgan Philips Price (London, 1912), the article aims to analyse daily life of Krasnoyarsk urban residents in 1910 and some of its characteristics resonating with interests of present day researchers.

Keywords: Krasnoyarsk, Yenissei province, the beginning of the XX century, daily life, urban residents, ego-documents

Несмотря на более чем солидный фундамент научных исследований, посвященных жизни и быту горожан Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX в. [1–3], работ, посвященных повседневности жителей губернского города Красноярска, не так много. Гораздо чаще сибирские ученые обращаются к исследованию городского социума уездных городов губернии – Енисейска, Минусинска [4–10]. В историографии вопроса широко представлены источники личного происхождения сибиряков, однако эго-документы представителей зарубежных стран используются значительно реже. Во-первых, немногие из иностранных путешественников по возвращении домой брались за перо. Во-вторых, далеко не все литературное наследие оказалось переведенным на русский язык или изданным в России.

В этой связи введение в научный оборот не изданных в России и не переведенных на русский язык источников личного происхождения иностранных путешественников, побывавших в регионе в рассматриваемый период, остается актуальным.

Одним из таких уникальных документов являются воспоминания британского предпринимателя, журналиста и политического деятеля Моргана Филиппа Прайса (Morgan Philips Price) в 1910 г. оказавшегося в Сибири. Поездка и почти годовое пребывание вдали от цивилизации произвели на английского путешественника настолько неизгладимое впечатление, что по возвращении на родину путешественник написал книгу воспоминаний, которую он так и озаглавил – «Сибирь» (“Siberia”). И уже в 1912 г. книга была опубликована одним из лондонских издательств [11].¹

© Бершадская С. В., 2024

¹ Воспоминания Ф. М. Прайса, касающиеся пребывания в сельском социуме, подробно рассмотрены автором в работе «Потехе время: досуг сельской молодежи глазами английского путешественника в 1910 году» [15].

Важной темой, затронутой в воспоминаниях англичанина, становится, не потевшая своей актуальности, по мнению современных англо-американских исследователей [12–14], тема преодоления существующих предрассудков. О своих предубеждениях Прайс пишет: «Когда я был еще ребенком, я представлял себе Сибирь как страну, населенную одетыми в меховую одежду охотниками, жившими в заснеженных деревянных домах, и каторжниками, работавшими на золотых приисках до тех пор, пока они не умирали от холода и голода» [11, с. 17]. По признанию автора, именно общение с местными жителями способствовало разрушению сложившихся стереотипов.

Одна из глав книги – «Сибирский торговый город (Красноярск)» – содержит описание отдельных особенностей повседневной жизни жителей Красноярска, привлечших внимание английского путешественника, и позволяет верифицировать имеющуюся в распоряжении ученых информацию о жизни городского социума административного центра губернии.

В город Красноярск англичанин прибыл по Транссибирской железной дороге летом 1910 г.

Первой темой, на которой останавливается Прайс, является несоответствие увиденной окружающей действительности административному статусу города. Так, описывая свое перемещение от железнодорожного вокзала, находящегося «как это принято в России на расстоянии не меньше мили от городской черты», автор в какой-то момент был удивлен тем, что он уже оказался на центральной улице города – «как раз там, где проживает губернатор». Однако, тут же Прайс отмечает и сходство «ощущений» от увиденного с теми впечатлениями, которые у него остались от посещения двумя годами ранее одного из канадских городов [11, с. 16–17]. Необходимо отметить, что на протяжении всей книги британский предприниматель и журналист неоднократно обращает внимание своих читателей на своеобразную родственность повседневности жителей провинциальных территорий, удаленных друг от друга на тысячи километров. Таким образом, представляемая книга воспоминаний британского общественного деятеля начала XX в. может быть интересна для ученых, опирающихся в своих исследованиях на возможности компаративного анализа.

Другой темой, как и положено любому путешественнику, вне зависимости от времени путешествия, становится тема размещения в городской гостинице. Прайс отмечает «терпимые» стоимость – «2 руб. за ночь» – и «уровень чистоты» красноярской гостиницы, ставший приятным сюрпризом для прибывшего в «дикую часть России». Недовольство английского путешественника вызвало состояние «удобств», после посещения которых автор решил использовать для исполнения утреннего и вечернего омовения расположенную недалеко реку Енисей [11, с. 17]. В целом, описывая условия жизни горожан, автор называет их «примитивными» и отмечает «имитацию» западной культуры жителями города, которая была заметна для британца «на каждом шагу» [11, с. 25].

В рассматриваемой главе М. Ф. Прайс указывает не только точную численную информацию о городских жителях Красноярска 1910 г. (Прайс указывает цифру в 52 000 чел. [11, с. 16]), но и останавливается на социальном составе населения губернского города, отмечая его специфический характер. «Представители разных сословий Красноярска, – пишет автор – мало чем отличаются друг от друга. Мое общее впечатление состоит в том, что такая особенность характерна для многих молодых стран, в которых я побывал, особенно на американском континенте...» [11, с. 32]. Прайс обращает внимание на отсутствие в городском сообществе социальных барьеров, а также на сложности определения принадлежности встреченных им людей к городским или сельским жителям: «Бедные горожане, торговцы и даже мелкие чиновники живут в одинаковых условиях и общаются, когда они не находятся при исполнении своих

обязанностей, друг с другом на равных», – отмечает английский путешественник [11, с. 32].

Для того чтобы понять особенности городского социума, автор рекомендовал сходить в любой популярный местный ресторан, в котором можно было встретить и купцов из европейской части России, «торгующих всем от мятных леденцов до пианино», и золотоискателей с низовьев Енисея, и еврейских торговцев мехами, и продавцов соленой рыбы. О торговых успехах, по мнению автора, свидетельствовали объемы потребляемых в ресторанах продуктов и алкогольных напитков [11, с. 17–18].

Упоминает также Прайс о встрече в одном из ресторанов с неким «сибирским джентльменом», поразившим англичанина своими рассуждениями о перспективах развития Западной и Центральной Сибири, недовольством политикой столичного правительства, «отправляющего ссыльных в Сибирь и наносящего значительный вред общественной жизни... Мы хотим, чтобы Сибирь развивалась для сибиряков» – приводит Прайс в своих воспоминаниях слова жителя Красноярска. Попенял упомянутый джентльмен на нежелание соотечественников Прайса изучать «наши местные условия» и русский язык. «Вы считаете, что все должны говорить на английском», – приводит Прайс слова своего собеседника, и складывается впечатление, что и более чем век спустя цитата не потеряла своей актуальности [11, с. 20]. Не меньший интерес представляют свидетельства мемуариста об интересе красноярцев к вопросам международной политики и международного положения. «Если бы вы, англичане, были больше заинтересованы в связях с Сибирью, то вы никогда бы не поддержали японцев в войне против России», – цитирует автор сибирского джентльмена [11, с. 20–21].

Еще одной местной достопримечательностью, которую посетил английский путешественник, стал Красноярский городской музей, экскурсия в который оказалась поводом для размышлений автора о роли государства и городского сообщества в формировании культурного пространства. Сама «идея» музея в Сибири показалась представителю Британской империи «поначалу более чем странной», однако коллекции местного музея были оценены автором как «замечательные» и «интересные». Отмечает Прайс и «помощь деятельных граждан» при формировании музейных коллекций, которые собирали их «за свой собственный счет». Тем не менее именно в связи с посещением местного музея на страницах воспоминаний английского путешественника вновь упоминается тема «имитации» западной культуры, теперь уже со стороны представителей органов государственной власти, которые, «ощущая необходимость идти в ногу со временем», копировали западноевропейские образцы и «втискивали» их в «сибирские рамки», вне зависимости от того, подходили ли данные образцы для воспроизведения их в Сибири или нет. Кроме того, автор воспоминаний отметил и недостаточное финансирование музея со стороны органов власти, указав, что на нужды музея не тратилось «ни одного пенни». Для удовлетворения бюрократических умов сотрудники местного музея были вынуждены «скрупулезно» подсчитывать ежегодное количество просителей [11, с. 24–25]. И это еще одно наблюдение автора начала XX в. не потерявшее своей злободневности в начале века XXI.

Таким образом, с ростом интереса исследователей к роли «маленького человека» в истории привлечение новых источников личного происхождения продолжает оставаться актуальной темой. В этой связи воспоминания о Красноярске 1910 г. британского предпринимателя, журналиста и политического деятеля Моргана Ф. Прайса являются уникальным историческим источником, позволяющим уточнить многие важные моменты жизни провинциальных горожан – от бытовых условий и специфического характера городского социума до способов проведения свободного времени и бытовавших в обществе настроений – с точки зрения представителя другой культуры.

Список источников

1. Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. Абакан : ООО «Книжное издательство «Бригантина», ООО «Кооператив журналист», 2012. 312 с.
2. Кискидосова Т. А. «Городская повседневность» в региональной периодике второй половины XIX – начала XX века: обзор современной историографии // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 3. С. 73–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-3-73-81.
3. Шеин И. В. Сибирский публичный стол. XIX – начало XX в. Красноярск: Английский клуб. 2020. С. 22–23.
4. Гони́на Н. В. Енисейск на рубеже XIX–XX вв. Черты модернизации в провинциальном городе // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). 2019. С. 71–74.
5. Аксенова А. В., Гони́на Н. В. Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. Красноярск, 2017.
6. Аксенова А. В., Гони́на Н. В. Общественный досуг в городе Енисейске в конце XIX – начале XX века // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.). 2017. С. 297–302.
7. Поздеева Н. В. Кытмановы: истории из жизни Енисейского купеческого рода // IX Краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории. Красноярск, 2022. С. 256–262.
8. Кискидосова Т. А. Енисейск конца XIX – начала XX века глазами местных жителей: дневник М. П. Миндаровского // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 4. С. 79–84.
9. Кискидосова Т. А. Енисейск второй половины XIX – начала XX в. в мемуарах современников // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 4. С. 12–16.
10. Кузьмина Т. Г. Неизвестные страницы в истории дореволюционного кинематографа в Минусинске // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. С. 556–562.
11. Price M. P. *Siberia*. London: Read Books, 1912. 352 p.
12. Hartley J. M., *Siberia. A History of the People*. Yale University Press, 2014. 312 p.
13. Wood A. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. Bloomsbury Academic, 2011. 289 p.
14. Haywood A. J. *Siberia. A Cultural History*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. 297 p.
15. Бершадская С. В. Потехе время: досуг сельской молодежи глазами английского путешественника в 1910 году // Проблемы современной аграрной науки : материалы международной научной конференции. Красноярск, 2021. С. 444–446.

А. В. Филинов

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина
Москва, Россия

ВЗГЛЯДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПАРТИЙНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ НА ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД МАНЬЧЖУРСКОГО КРИЗИСА (СЕНТЯБРЬ 1931 – МАРТ 1935)

Аннотация. В статье анализируются взгляды представителей органов ВКП(б) и государственной власти СССР на социально-экономические проблемы Дальневосточного края, которые приобрели особое военно-политическое значение вследствие захвата Японией Маньчжурии и продвижения Квантунской армии в направлении советских границ.

Ключевые слова: Маньчжурский кризис, советский Дальний Восток, социально-экономическое развитие, органы государственной власти, органы ВКП(б), трудовая миграция, красноармейское переселение, коммунально-жилищное строительство, иностранные концессии

Abstract. The article analyzes the views of representatives of the VKP(b) bodies and the government of the USSR on the socio-economic problems of the Far Eastern Territory, which have acquired special military and political significance due to the capture of Manchuria by Japan and the advance of the Kwantung Army towards the Soviet borders.

Keywords: Manchurian crisis, Soviet Far East, socio-economic development, state authorities, bodies of the VKP(b), labor migration, Red Army resettlement, public housing construction, foreign concessions

Маньчжурский кризис представлял собой внешнеполитическую ситуацию, складывавшуюся с сентября 1931 г., когда японские войска начали захват Северо-Восточного Китая, постепенно продвигаясь в сторону границ СССР. Ситуация в рамках кризиса не была статичной и в разные его периоды вызывала ту или иную реакцию руководства Советского Союза – И. В. Сталина, В. М. Молотова, А. И. Микояна и др. Эта реакция проявлялась в том числе в мероприятиях социально-экономического характера, предпринимавшихся, в первую очередь на территории советского Дальнего Востока. Данные мероприятия позволяли выявить те или иные имевшиеся проблемы в развитии региона, относительно которых ответственные работники как центральных, так и местных партийных и государственных органов высказывали своё мнение в различных докладных записках, телеграммах и пр., направлявшихся ими вышестоящим представителям номенклатуры.

Среди направлений социально-экономического развития Дальневосточного края (ДВК), недостаткам в развитии которых были посвящены сообщения в вышестоящие

инстанции представителей партийных и государственных органов, можно выделить следующие: организация промышленного и сельскохозяйственного переселения, в том числе красноармейского, жилищно-коммунальное строительство, деятельность иностранных (японских) концессий.

Высокие темпы роста промышленного производства в начале 1930-х гг. создали острый дефицит трудовых ресурсов во всех сферах экономики ДВК. Лишь на одном Северном Сахалине на начало 1931 г. плановая потребность в рабочих руках составляла 19,5 тыс. чел., а уже в 1932 г. нехватка трудовых ресурсов на всём Дальнем Востоке составляла 75 тыс. чел. [1, с. 73] Подобный дисбаланс отчасти объясняется содержанием справки (исходя из текста, составленной после 21 января 1932 г.) и предназначенной, судя по всему, руководству СНК и СТО СССР. Согласно документу, к началу года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило только красноармейское строительство и переселение в Дальневосточный край и то лишь в размере 19 тыс. семей [2, л. 31].

Эта ситуация явно вызывала беспокойство, в частности, среди представителей местных органов государственной власти. Так, в конце 1931 – начале 1932 г. председатель Дальневосточного крайисполкома А. И. Буценко в своём сообщении поставил перед главой СНК В. М. Молотовым вопрос об урегулировании вопросов переселения на Дальний Восток. Буценко был обеспокоен тем, что «если сейчас достигнута ясность в отношении переселения демобилизованных красноармейцев, то в отношении промышленного и промыслового переселения до настоящего времени этой ясности нет: до сего времени не определён контингент переселенцев, источники финансирования, порядок вербовки и, несмотря на то, что сроки уже проходят – подготовительные мероприятия к организации и обслуживанию промышленных и промысловых переселенцев ещё не разработаны» [3, л. 1].

Как отмечали некоторые исследователи, как до, так и особенно после начала маньчжурского кризиса, Москва пыталась сделать Дальневосточный регион более самодостаточным в экономическом плане [4, р. 83]. При этом местное руководство ещё в конце 1931 – начале 1932 гг. сигнализировало центру об имеющихся трудностях не только в связи с проведением миграционной политики. Вышеупомянутый А. И. Буценко писал В. М. Молотову, что «...Контрольные цифры народного хозяйства и культуры ДВК на 1932 г. в таком виде, в каком они сейчас составлены, не дают решительных сдвигов в сторону реализации неоднократных постановлений Правительства о ДВК». В связи с этим «...Далькрайком просит Вас о пересмотре контрольных цифр по ДВК на 1932 год под углом более внимательного рассмотрения основных требований ДВК...» [3, л. 3]. Это, очевидно, было связано с тем, что первый и второй пятилетние планы предусматривали для Дальнего Востока, помимо всего прочего, развитие сельского хозяйства на основе коллективизации и хозяйственное освоение новых территорий.

Например, в ноябре 1931 г. Наркомат земледелия СССР выделил красноармейским колхозам 23 млн 589 тыс. руб., из них безвозвратных ссуд 8 млн 501 тыс. руб. [5, с. 107] Однако этого было явно недостаточно. Судя по телеграмме в СНК и Представительство Далькрайисполкома в Москве от председателя ДКИК А. И. Буценко от января 1932 г. для нормальной работы Дальсельстроя в текущем году красноармейское строительство нуждалось в выделении ещё 13 млн руб. оборотных средств и принятии на промышленное снабжение 23 612 чел. [2, л. 34] Всего же, по некоторым данным, для Особого Колхозного корпуса было ассигновано 79 млн 892 тыс. руб. [6, с. 112] Кроме того, необходимо было не менее 320 высококвалифицированных специалистов (инженеров, бухгалтеров) и 5 000 рабочих, для которых требовалось выделить 5 000 пайков по списку № 1 [2, л. 33]. Однако заместитель наркома снабжения СССР П. Я. Волков в феврале 1932 г. сообщил в СТО В. В. Куйбышеву, что «Наркомснаб, не имея возмож-

ности произвести дополнительное выделение фондов по сп[иску] № 1, ввиду отсутствия резервов продовольствия, это ходатайство отклонил» [2, л. 41].

Как уже указывалось ранее некоторыми исследователями, на социально-экономическую политику советского руководства в Дальневосточном крае, в том числе в период маньчжурского кризиса оказывали влияние несколько факторов. Это и климатические условия, и то обстоятельство, что Дальний Восток был наиболее удалённым от густозаселённых районов страны краем, а также приоритет политико-идеологических установок и военно-мобилизационных усилий советского руководства [7, с. 40–41]. Примерно то же видение причин, в том числе социально-бытовых неудобств, характерных для жизни в Дальневосточном крае, сложилось и у представителя «Главрыбы» Ф. И. Андрианова. Он побывал во Владивостоке летом 1932 г. (датировка по содержанию и записке управляющего секретариатом Наркомснаба С. А. Латышева от 7 августа 1932 г.) и изложил своё видение ситуации в письме к наркому снабжения А. И. Микояну. Судя по тексту, становится ясно, что большинство проблем являлось прямым следствием интенсивной военизации ДВК. Например, недостаток продуктов, в частности, овощей, которые «Военвед весной забрал себе», повлёк за собой распространение на рыбных промыслах такого заболевания как цинга. Это в свою очередь, вынуждало закупать овощи у «вероятного противника» – Японии, причём за счёт валютных средств, выделенных на вербовку японской же рабочей силы [8, л. 14].

Недостаток иностранной рабочей силы трудно было восполнить за счёт собственных трудовых резервов, поскольку нехватка продуктов, особенно хлеба, в свою очередь, вела к «волынкам» (невыходам на работу) и значительному росту цен на товары и услуги. При этом местные власти зачастую были не способны решить возникающие трудности с продуктами за счёт местных запасов (например, заменить недостающие животные жиры имевшимися в наличии соевыми бобами и рыбными жирами), а также транспортные проблемы (затягивание на месяцы погрузок пароходов, 1,5–2-часовые очереди на вокзалах к поездам дальнего следования) [8, л. 14, 15]. Причину этого Андрианов видел в частности в том, что руководство «не было подготовлено к военным требованиям». Хотя при этом ответственный работник «Главрыбы» и соглашался, что всё-таки «люди...загружены», а кроме того, несмотря на рост Владивостока за последние 5 лет (то есть с 1927 по 1932 г.) «коммунальный и жилищный фонд остался тот же самый». Это приводило к ситуации, когда даже в лучшей гостинице города, в которой проживал представитель Наркомснаба, не было воды, а электричество горело с большими перебоями [8, л. 15, 15об].

Эти наблюдения очевидца подтверждаются исследованиями, согласно которым в 1930-е гг. рост населения в городах Дальнего Востока заметно опережал темпы строительства. В результате этого жилищная проблема не только не получила решения, но и действительно приобрела устойчивый характер одной из самых острых социальных проблем [9, с. 109], наряду с материально-бытовыми трудностями, а также иногда и с полным безразличием со стороны некоторых представителей местных органов власти, с которым сталкивались на новом месте как молодые переселенцы, как и демобилизованные воины [7, с. 41]. Особенно заинтересованные представители местного руководства ДВК пытались исправить создавшееся положение хотя бы относительно промышленности и оборонного строительства, при этом борясь именно с причинами отрицательных явлений. В частности, для этого заместитель заведующего Дальневосточным районным отделом труда Зварковский и начальник 1-го сектора Ашихмин в январе 1933 г. обратились в спецуправление Наркомата труда РСФСР с предложениями: «не допускать вербовки рабочих в центре для направления в ДВК на срок менее 12 месяцев ... решительно ударять по таким явлениям, когда вербовщики сулят рабочим несбыточные блага ... особенное внимание ... уделить организации в эшелонах

денежного и натурального довольствия и медпомощи, а также организации ... продовольственных баз» [10, л. 1].

Вышеописанные трудности по линии, в том числе жилищного строительства отнюдь не были секретом для советских руководителей разных уровней власти. Этот вопрос, очевидно, неоднократно обсуждался на различных совещаниях, что подтверждается и архивными материалами. Например, стенограммой встречи ответственных работников финансовых ведомств союзного и республиканского уровней, проходившей 11 мая 1934 г. у заместителя наркома финансов СССР Р. Я. Левина. Совещание было собрано по итогам поездки тоже замнаркома финансов (но уже РСФСР, с 1934 г. также председателя Госплана РСФСР) С. Б. Карпа на Дальний Восток. Его выступление, что закономерно, занимает главное место в стенограмме собрания. С точки зрения Сергея Бенедиктовича, нормальному ходу строительства в ДВК мешало множество проблемных моментов, среди которых он выделил в том числе «варварские условия по линии культурно-бытового обслуживания рабочих и всех, кто приезжает (а значит, военных и инженеров)» [11, л. 3].

Но если не пользоваться только похожими на лозунги определениями, из выступления Карпа можно легко понять, что его, как финансового работника, волновало, прежде всего, безответственное отношение советских чиновников, руководивших стройками, к распределению выделяемых денежных средств. Причём данная проблема, судя по тексту стенограммы, имела два аспекта. Первый – неиспользование выделявшихся огромных сумм: «Несмотря на то, что в 32 г. было отпущено на эти цели (строительство) 30 млн руб. для Хабаровска и Владивостока, фактически эти средства не использовались; в 33 г. ... не использовано 52 млн руб. на коммунально-жилищное строительство ... даже имеется такой факт – отпущено 3.300.000 тыс. руб. на ремонт, там всё разваливается, так на ремонт этих средств использовано только 9.5 %...». Из этого, как считал замнарком, в немалой степени проистекала хроническая проблема текучести рабочей силы, «народ уезжает, потому что очень трудные условия», что опять же волновало С. Б. Карпа и как финансиста, ведь «каждый человек (т. е. расходы на 1 работника во время завоза рабочей силы) стоит от 1–3 тыс. руб.».

Вторым аспектом было наоборот, нерациональное расходование выделенных средств: «Я видел некоторые стройки, начатые в 30 г., – они только сейчас закончены. Строится дом специалистов... – по готовности имеется 10 %, а затраты – 85 %. Во Владивостоке имеется ничтожный % готовности и почти исчерпана годовая смета». Кроме того, по понятным причинам, Сергея Бенедиктовича в первую очередь волновало «особое возмутительное» положение с исполкомовским оборонным строительством. Несколько смягчало его беспокойство лишь то, что «это проходит не по банку» (вероятно, имелся в виду Промбанк СССР, который финансировал капитальное строительство промышленности, транспорта и связи) [11, л. 3, 3об].

Ещё один аспект, которому уделяли внимание в своих сообщениях представители местных, на этот раз партийных органов, это вопрос деятельности иностранных концессий, в частности, в рыбном хозяйстве. Некоторые критические замечания насчёт линии поведения советского руководства в отношении концессий и предложения по поводу её исправления, были изложены в докладной записке от 1934 г. инструкторов Дальневосточного крайкома ВКП(б) К. Русского и Д. Кесслера третьему секретарю крайкома В. А. Верному. Инструкторы крайкома отмечали, что относительно скорое истечение срока советско-японской рыболовной конвенции (в 1936 г.) и времени работы 28 концессионных заводов (в 1938 г.) приводило к тому, что японские рыбопромышленники, Министерство земледелия и лесов (которое ведало, в том числе и вопросами рыболовства), МИД активно готовились к пересмотру упомянутой конвенции «в свою пользу». Укрепляло позиции японцев также бездействие Дальрыбы, которая

не только не организовывала «активного лова», ограничиваясь «береговым» с использованием ставных (стационарных) неводов, но и далеко не полностью использовала принадлежавшие ей рыболовные участки (из 200 эксплуатировались лишь примерно 160).

Японские же концессионеры, напротив, времени зря не теряли, «форсировали и крупно развили активный моторный лов, в количестве до 300 “самыходов” с 17 плавучими консервными заводами». Ловили в основном красную рыбу (лосося) и горбушу, которую тут же на месте обрабатывали, превращая в консервы, увозившиеся на экспорт в Англию. Видимо, предчувствуя негативную реакцию советской стороны, всё это масштабное предприятие охранялось «несколькими миноносцами и вооружёнными шхунами Морвоенвезда и Минземлеса». Действия японских конкурентов К. Русский и Д. Кесслер рассматривали как «хищничество», которое «происходит безнаказанно, ибо производится формально за 3-мильной зоной». Хотя, надо полагать, гораздо больше партийных функционеров возмущало то, что в отличие от советских рыболовных предприятий, у японцев «лов является рентабельным, а стоимость продукции дешёва, ибо никакой аренды, крупных затрат на ставники, жилища для рабочих и т. д. не производится» [12, с. 363].

Однако Д. Кесслер и К. Русский не только выражали искреннее недоумение по поводу пассивности «Дальрыбы», которая, казалось бы, имела «все преимущества в организации подобного вида активного лова, имея наш советский берег, с оборудованными промыслами и заводами», но и предлагали свои варианты улучшения ситуации. По их мнению, следовало использовать уже имеющиеся технические возможности советских рыболовных предприятий как для «активного лова» (с помощью так называемых кавасак, то есть рыболовных судов японского производства), так и для сохранения продукции («плавучие морозилки и рефрижераторы как дающие наиболее ценный экспортный продукт»). Также инструкторы крайкома в своей записке намечали конкретные районы и места для организации активного лова, а также определяли породы рыбы, на лове которых следовало сосредоточить внимание с учётом перспективы и действий японцев, которые если и не ловили, например, кету, то лишь «по причине временной нерентабельности экспорта кетовых консервов». Кроме того, как и прежде, в 1933 г. одним из способов нормализации положения с рыболовством докладчикам виделась организация промышленного переселения настоящих «ловецких кадров» (например, завоз астраханских, черноморских, азовских рыбаков), а не «стариков и парикмахеров», но и привлечение «туземной молодёжи и населения Камчатки». В целом же, по мнению К. Русского и Д. Кесслера, следовало «вне зависимости от исхода переговоров по Конвенции...немедленно обязать готовиться к активному лову на 1935 г. и др(угие) тресты, что явится мощным орудием в борьбе с японским хищничеством в наших водах» [12, с. 364].

Подводя итоги, следует отметить, что особенно после начала маньчжурского кризиса и постепенного осложнения отношений с Японией, с точки зрения советской руководящей элиты, полагаться в развитии экономики Дальневосточного края на вероятного противника не представлялось возможным. В связи с этим, особенно актуальной становилась необходимость срочного решения проблемы нехватки рабочей силы с помощью организации сельскохозяйственного и промышленного переселения. На недостатки подготовки переселения на Дальний Восток неоднократно обращали внимание центра местные руководители, отмечая такие упущения как отсутствие плана переселения, выделения финансирования, определения сроков миграции. Нельзя исключать, что описанное в статье положение с жилищно-коммунальным строительством больше заботило советских руководителей в смысле того влияния, которое оно оказывало, например, на приток рабочей силы, необходимой в первую очередь для выполнения

программ стратегического оборонного строительства, подобного упомянутому «исполкомовскому». Внешнеполитическими соображениями руководствовались и местные советские руководители в ДВК, когда выдвигали конкретные предложения по нормализации ситуации, например, в рыболовной отрасли, с учётом приближавшихся сроков пересмотра рыболовной конвенции с Японией.

Список источников

1. Билим Н. А. Роль социальных перемещений в формировании колхозного крестьянства на советском Дальнем Востоке в 1926–1939 гг. // Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма : межвузовский сборник научных трудов. Хабаровск, 1984. С. 66–80.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5446. Оп. 13. Д. 2418.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5446. Оп. 13. Д. 2419.
4. Haslam J. Soviet foreign policy 1930–1933: The impact of the depression. London, 1983. 172 p.
5. Чаусов П. Х. Из истории участия Красной Армии в подготовке кадров для советской деревни и коллективизации на Дальнем Востоке (1927– 1931 гг.) // Из истории борьбы за власть Советов и социалистическое строительство на Дальнем Востоке : сб. статей. Хабаровск, 1965. С. 89–109.
6. Янгузов З. Ш. Особая Краснознамённая Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР (1929–1938 гг.). Благовещенск, 1970. 240 с.
7. Исаев А. А. Миграционные процессы на Дальнем Востоке СССР в 1930-е – первой половине 1940-х годов. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 39–45.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8043. Оп. 1. Д. 306.
9. Власов С. А. Решение жилищной проблемы на Дальнем Востоке в сталинскую и послесталинскую эпохи // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи : сб. науч. статей. Владивосток, 2014. С. 108–114.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А390. Оп. 16. Д. 88.
11. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 12. Д. 36.
12. Иностранские концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920–1930 гг.) : документы и материалы. Т. 1 / Росархив, ГА РФ, РГАЭ; под ред. М. М. Загорюлько, А. Х. Абашидзе; отв. сост. А. П. Вихрян. М., 2003. 391 с.

КИТАЙСКИЕ И РУССКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КРАЕВОЙ ВЫСШЕЙ КИТАЙСКОЙ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье освещается жизнь и деятельность китайских и русских руководителей Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы в городе Владивостоке. Автор рассматривает основные этапы руководства китайской ленинской школой в контексте советской внешней политики в отношении китайских мигрантов на Дальнем Востоке в 1930-е гг., анализирует судьбы директоров в России и Китае.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, Россия, Китай, Дальневосточная краевая высшая китайская ленинская школа*

Abstract. The article covers life and activity of Chinese and Russian heads of the Far East Higher Chinese Lenin School in Vladivostok. The author looks into main stages of management of Chinese Leninist school in the context of Soviet foreign policy toward Chinese migrants in the Far East in the 1930s, analyzes the fate of the directors in Russia and in China.

Keywords: *Russian Far East, Russia, China, Far East Higher Chinese Leninist School*

После Октября 1917 г. происходят кардинальные перемены в политике в отношении китайских мигрантов на российской территории. Советскими лидерами Китай был признан одной из стран, где для развертывания широкомасштабного революционного движения сложились все условия. Отныне политика в отношении китайских трудящихся строилась в соответствии с программными установками правящей коммунистической партии, предполагая в перспективе возможность использования «революционизированных» китайских мигрантов в осуществлении социалистических революций в Азии. Учет конкретных интересов китайских подданных на территории Советской России и защита их прав рассматривались как этап в процессе приобщения китайских мигрантов к революционным преобразованиям в России и дальнейшего интернационалистического воспитания. Использовались разнообразные пути и методы формирования интернационального сознания китайских трудящихся, в том числе создание специальных учебных заведений.

В 1921 г. был организован Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), получивший в 1923 г. имя И. В. Сталина. Помимо подготовки национальных кадров для восточной части Советского Союза, университет также готовил революционные кадры для стран Востока, и, в частности, подготовил множество революционных кадров для Китая. Исключительно для подготовки китайских революционеров в 1925–1930 гг. в Москве функционировал Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК), переименованный в 1928 г. в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), а в 1929 г. – в Коммунистический университет трудящихся-китайцев.

С присоединением российского Дальнего Востока к РСФСР политика интернационалистического воспитания была развернута и среди находящихся здесь китайских мигрантов. В 1920–1930-е гг. на Дальнем Востоке России присутствовало примерно 70 тыс. китайских мигрантов. Китайское население вовлекалось в социалистическое строительство на Дальнем Востоке и происходящие трансформационные процессы. Советские властные органы создавали для китайских мигрантов совпартшколы, комвузы, агитпропотделы, библиотеки, органы печати, клубы, театры, коммуны и т. д.

В системе подготовки кадров важным звеном являлись советские партийные школы (совпартшколы). Для китайских трудящихся открывались китайские отделения совпартшкол.

В 1929 г. во Владивостоке была открыта китайская совпартшкола. В 1932 г. в списках совпартшколы числилось 166 курсантов, вместе с семьями – 215 чел., сотрудников школы – всего 46 чел., из них 17 преподавателей. Студенты совпартшколы летом направлялись на практику: юноши – на профработу, а девушки – на детские площадки. В январе 1933 г. было принято решение объединить китайское отделение Далькомвуза и краевую китайскую совпартшколу, создав из этих учреждений краевую ленинскую школу повышенного типа. На этом же заседании было принято постановление об утверждении директором новой школы Г. И. Стаканова, заместителем по учебной части – М. И. Грудина. Официальной датой образования китайской ленинской школы следует считать 1 марта 1933 г. Школа получила название Дальневосточная краевая высшая китайская ленинская школа и являлась основным резервуаром преподавательских кадров по обучению китайских рабочих в ДВК. В сентябре 1933 г. ввиду перехода Г. И. Стаканова на другую работу зав. китайской ленинской школой был утвержден И. Н. Гуйский [1, с. 178–179]. Долгое время о руководителях Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы было мало что известно. Данное исследование восполняет этот пробел.

Первым директором школы стал 李一平 Ли Ипин (китаец по происхождению, русское имя – Георгий Ильич Стаканов), также известный под именами Ли Яокуй, Ван Дали, Ван Юэсинь. Он родился в 1903 г. в поселке Юйцзяфан уезда Ляочэн провинции Ляонин. В июне 1925 г. вступил в китайский комсомол и был направлен на учебу в Пекин, где занимался партийной пропагандистской деятельностью и был принят в ряды Коммунистической партии Китая (КПК). Летом 1929 г. Ли Яокуй был переведен в китайскую совпартшколу во Владивостоке в качестве ее директора, где подготовил большое количество революционных кадров для Китая.

Вторым директором китайской ленинской школы стал 陈大刚 Чэнь Даган (китаец по происхождению, русское имя – Иван Николаевич Гуйский). По возвращении из СССР в Китай работал в провинции Хубэй, где сменил имя на 张锡俦 Чжан Сичоу.

Чжан Сичоу родился в феврале 1905 г. в области Фучжоу провинции Сычуань. Он обучался в школе в деревне Шасигоу, в 1923 г. принял участие в патриотическом антияпонском движении, за что в начале 1924 г. был исключен из школы и продолжил обучение в учительской семинарии повышенного типа г. Чунцина (1924–1926). Он активно участвовал в изучении и распространении революционных идей, став одной из влиятельных фигур в студенческом антиимпериалистическом и антифеодальном движении в Чунцине. В октябре 1925 г. Чжан Сичоу был направлен из Чунцина в уезд Фулин для выполнения трех основных задач: избрания делегатов провинции Сычуань на Второй съезд Гоминьдана, оказания помощи Фулину в создании уездного партийного штаба Гоминьдана и подготовки к созданию местной организации компартии в Фулине. В 1926 г. вступил в ряды КПК. В октябре этого же года он вместе с Жэнь Биши, Ян Шанькунем и Ляо Сухуа (впоследствии

известными китайскими революционерами и политическими деятелями) был направлен партийной организацией на учебу в Советский Союз и зачислен в КУТВ. В январе 1928 г. Чжан Сичоу был переведен в КУТК.

После окончания учебы в июне 1929 г. Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала (ИККИ) он был направлен на работу в Китай, но в связи с событиями 1929 г. на КВЖД поездка его не состоялась, и он был оставлен в Дальневосточном крае. Решением комиссии ЦК по переводу в ВКП(б) членов братских компартий 13 апреля 1929 г. был переведен из КПК в кандидаты ВКП(б). Был политруком в китайском отряде Осовиахима в Хабаровске, в конце 1929 г. был командирован на работу в китайскую совпартшколу; с января 1930 г. до февраля 1933 г. был зав. уч. частью и преподавателем в китсовпартшколе. Член ВКП(б) с 1931 г. В мае следующего года он женился на русской девушке Любе из Ленинграда, которая также была членом школьного коллектива. (Это была Любовь Дмитриевна Позднеева, (20.06.(2.07.)1908, Иокогама, Япония – 25.08.1974, Москва), впоследствии выдающийся филолог, востоковед-синолог, переводчик, зав. кафедрой китайской филологии Института восточных языков МГУ. Она родила Гуйскому трех дочерей). С февраля 1933 г. до октября 1933 г. Гуйский был зав. кит. отделением Интерпединститута; с 1 октября 1933 г. – назначен директором Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы [4].

За первые четыре месяца существования школы были созданы три новых кафедры – экономическая, историческая и языковая, а также переводческое бюро. Обучение в школе включало:

- подготовительное отделение – общеобразовательное, одногодичное, комплектуемое из рабочих и колхозников с начальным образованием. В 1933/34 уч. году была намечена работа двух групп – одной группы с обучением на основе нового алфавита и группы с обучением на основе иероглифов.

- среднюю ступень – с двухлетним сроком обучения для отделения партпроса и трехлетним сроком обучения для отделения педрабфака. С 1934 г. срок обучения на политпросветотделении был увеличен до 3,5 лет, на отделении педрабфака – до 4,5 лет.

- высшую ступень – с двухлетним сроком обучения, с двумя специальными отделениями – отделением партийных, советских и профессиональных работников и отделением педагогическим, готовящим в основном преподавателей для школ взрослых.

Средняя ступень ленинской школы комплектовалась из низших звеньев учебных заведений и актива, имеющего начальную подготовку, а высшая ступень из окончивших среднюю ступень или ранее окончивших китайскую совпартшколу и полтора-два года проработавших на практической работе. Задачей средней ступени школы являлась подготовка кадров оргмассовых работников для промышленных предприятий и колхозов, педкадров для китайской начальной школы соцвоста и вечернего рабочего образования, высшей ступени – подготовка кадров партийно-массовых работников районного масштаба и преподавателей для семилетки и «повышенных форм рабочего образования». Среди предметов китайской ленинской школы учебного плана были: ленинизм, политэкономия, экономика Китая, история ВКП(б), история Коминтерна, история России и СССР, история и современный этап китайской революции, педагогика, естествознание, физика, астрономия, математика, литературный китайский язык, русский язык и т. д. Обучение в школе велось и на иероглифической письменности, и на новом латинизированном алфавите. В 1934 г. в китайской ленинской школе учились 233 студента, из них 62 студента – на подготовительном отделении, 125 – на средней ступени, 46 студентов – на высшей ступени обучения. В служебной записке, направленной Н. К. Крупской 26 ноября 1934 г., Гуйский, в частности, подчеркивал, что Дальневосточная крае-

вая китайская ленинская школа является «единственным в ДВК и СССР китайским учебным заведением» [1, с. 182–183].

Несмотря на имевшиеся в работе школы недостатки, потребность в ее выпускниках была велика. В Дальневосточном крае, а также в других областях СССР традиционно ощущалась нехватка китайских партийных инструкторов в горкомах и крайкомах, профработников в колхозах, на крупных стройках и предприятиях. Грамотные китайцы постоянно требовались и на так называемую «особую» работу в спецотделы различных ведомств. После окончания китайской ленинской школы курсанты по распределению направлялись на руководящую работу в колхозы, назначались на должности инструкторов различных организаций края, облисполкомов и райисполкомов; клубных и редакционных работников; преподавателей в китайские школы; зав. китайскими секторами в различных подразделениях. Помимо этого, курсанты передавались в распоряжение штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии. Однако деятельность школы была прекращена в 1938 г. в связи с обострением внешнеполитической обстановки в дальневосточном регионе и началом репрессий в отношении преподавательского состава.

С закрытием школы Гуйский в сентябре 1939 г. был переведен обратно в Москву для работы в качестве редактора и переводчика в издательстве иностранных языков Коммунистического Интернационала. Прожив в Советском Союзе более 20 лет, Чжан Сичоу, тем не менее, очень скучал по родине. В феврале 1948 г. он наконец получил разрешение международного отдела ЦК Коммунистической партии Советского Союза вернуться в Китай, а в августе прибыл в Харбин. Семья его осталась в СССР. После возвращения в Китай он стал первым заместителем директора Харбинского колледжа иностранных языков и руководителем Северо-Восточного финансово-экономического комитета Шэньянского отделения КВЖД. В этот период он был и переводчиком в составе женских делегаций и делегации Всекитайской федерации профсоюзов в Советскую Россию, а также ездил в Восточную Европу для участия в международных конференциях. В ноябре 1949 г. Чжан Сифэн был назначен заместителем директора Бюро русских переводов ЦК КПК. Он также стал директором недавно созданной Пекинской русской спецшколы, которая была основана на базе русского отряда 3-го филиала Яньаньского антияпонского военно-политического университета, созданного в 1941 г., и отвечал за переводы для руководителей партии и государства, координацию вопросов, связанных с отношениями с Советским Союзом, и помощь соответствующим департаментам Госсовета в управлении работой экспертов.

В июне 1954 г. Чжан Сичоу отправился в Советский Союз, чтобы проверить положение китайских студентов и вместе с тем навестить свою семью. Вторая его дочь, Светлана, была подавлена сложившейся ситуацией разобщения семьи, она попыталась утопиться, но была спасена. В августе 1954 г., узнав, что отец снова уезжает в Китай, она все-таки покончила с собой, бросившись под поезд. После похорон дочери Чжан Сичоу вернулся в Китай. После этого его жена, Любовь Позднеева, которая к тому времени уже стала профессором МГУ, и другие члены семьи приезжали в Китай вплоть до культурной революции. Но воссоединиться им так и не удалось.

В 1955 г. Пекинская школа русского языка была преобразована в Пекинский институт русского языка, а в 1959 г. он был включен в состав Пекинского института иностранных языков (официально переименованного в Пекинский университет иностранных языков в 1994 г.). Чжан Сичоу был деканом и секретарем партийного комитета института. Десять лет он посвятил подготовке специалистов в иностранных языках для нового Китая. Во время культурной революции подвергся репрессиям, проведя 8 лет в тюремном заключении. Был оправдан в 1980 г. и переведен обратно в Пекин в качестве консультанта Института иностранных языков.

После выхода на пенсию в 1984 г. Чжан Сичоу неоднократно посещал свой родной город Чунцин для участия в местных семинарах по истории партии; он передал немало ценных исторических материалов в отделы истории партии и культуры. Писал статьи и мемуары. Умер в Пекине 5 мая 1989 г. в возрасте 84 лет [3].

Заместителем по учебной части китайской Ленинской школы был назначен Михаил Иванович Грудинин (русский). Он родился 21 сентября 1901 г. в с. Ивановском Ивановского района Амурской области и был из украинских крестьян-переселенцев. В 1917 г. он поступил в учительскую семинарию Благовещенска, в 1920 г. вступил в коммунистическую фракцию Амурского союза молодежи, учился на педкурсах (1920–1922). В 1924 г. исполнял обязанности зав. рабочим клубом в Благовещенске, в 1925–1927 гг. находился на должностях технического секретаря Амурского губкома, штатного пропагандиста Благовещенского обкома ВКП(б), инструктора агитационно-пропагандистского отдела (АПО) горкома, зам. зав. АПО горкома и вечерней совпартшколой. С 1925 г. М. И. Грудинин принят в ряды ВКП(б).

Вскоре по рекомендации Амурского областного комитета ВКП(б) М. Грудинина направили на учебу в Москву в институт востоковедения имени Н.Н. Нариманова. Учиться ему предложили на китайском отделении: в 1925–1927 гг. в Китае произошла революция, советское правительство было заинтересовано в поддержке этой революции. В Китай были направлены советские советники, в том числе опытные военачальники В. К. Блюхер, В. К. Путна, В. М. Примаков и другие. Советники помогали формировать и обучать пехотные, артиллерийские и другие части Народно-революционной армии Китая. Нужны были кадры специалистов-китаеведов, владеющих китайским языком; одним из них должен был стать Михаил Грудинин. В Институте Востоковедения он обучался в 1928–1932 гг. После окончания учебы Грудинин был направлен в распоряжение Далькрайкома ВКП(б) в Хабаровск. Его назначили заведующим китайским отделением коммунистической школы в Хабаровске. В этой должности он проработал с сентября 1932 г. по февраль 1933 г., а с 1 марта 1933 г. был переведен во Владивосток и назначен зам. директора по учебной части Дальневосточной китайской ленинской школы. На этой должности М. Грудинин проработал вплоть до закрытия школы в 1938 г.

Одновременно он преподавал русский язык на китайском отделении и китайский язык и литературу Китая в Дальневосточном государственном университете (с октября 1933 по август 1939 г.). А вскоре снова оказался в армии. После военных конфликтов с японцами у озера Хасан и на реке Халхин-Гол в Главном политическом управлении (ГлавПУ) был создан 7-й отдел, или отдел специальной пропаганды на войска и население противника. Вслед за этим начали формироваться отделы спецпропаганды в военных округах и отделения в армиях. В 1939 г. было образовано отделение спецпропаганды при политотделе 1-й Отдельной Краснознаменной армии. Для работы во вновь созданном отделении необходимы были квалифицированные кадры. По всем данным подходящей кандидатурой на должность ответственного редактора газеты на китайском языке оказался батальонный комиссар запаса М. И. Грудинин. В августе 1939 г. он прибыл в г. Ворошилов (ныне Уссурийск) и приступил к исполнению обязанностей спецпропагандиста политотдела 1-й Отдельной Краснознаменной армии. На первых порах ему не хватало опыта редакторской, газетной работы, но к началу войны с милитаристской Японией он приобрел этот опыт, и командование назначило его с повышением на должность ответственного редактора газеты на китайском языке политуправления 1-го Дальневосточного фронта. В сентябре 1947 г. он был назначен на должность начальника отделения спецпропаганды политотдела 25-й армии. В задачу отделения спецпропаганды входило изучение сильных и слабых сторон представителей

пяти группировок политических лидеров, впоследствии занявших посты в правительстве Северной Кореи.

В октябре 1948 г. М. И. Грудинин выехал из Пхеньяна в Порт-Артур к новому месту службы: он был назначен редактором газеты «Шухубао» («Голос правды»), газета издавалась редакцией спецпропаганды политотдела 39-й армии. В ноябре 1951 г. он был переведен в Хабаровск в политуправление войск Дальнего Востока, а в октябре 1953 г. по ходатайству министерства культуры был уволен из Вооруженных сил и вступил в новую должность главного редактора иновещания на страны Дальнего Востока и США. В 1958 г. в Хабаровске было создано агентство «Интурист», Грудинин стал его первым управляющим. В «Интуристе» Грудинин проработал пять лет. 15 февраля 1964 г. М. И. Грудинин скончался и был похоронен в Хабаровске [2].

Деятельность Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы имела большое значение для китайского населения. Предоставление возможностей для обучения стало одним из путей получения китайскими мигрантами ранее не доступного высшего образования. В среде китайского населения готовились кадры инструкторов, организаторов, партработников. И значимая роль в этой подготовке принадлежала руководителям Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы.

Список источников

1. Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917-1938 гг.). Владивосток : Дальнаука, 2009. 380 с.
2. Мережко А. «Пером и словом» // Тихоокеанская Звезда. 2008. 24 июня.
3. 北京外国语大学的学校领导 (Руководители школ Пекинского университета иностранных языков). URL: <https://zhidao.baidu.com/question/137836314674796685.html>.
4. 张锡俦 (Чжан Сичоу). URL: <http://baike.baidu.com/item/%E5%BC%A0%E9%94%A1%E4%BF%A6/8669778?fr=aladdin>.

М. С. Булавкина¹, В. Г. Дацышен²

^{1, 2}Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1950–1960-Х ГОДАХ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ФОНДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Аннотация. В статье рассматриваются советско-китайские гуманитарные связи в 1950-х и начале 1960-х гг. на примере Красноярского края. Актуальность темы определяется приоритетностью современного российско-китайского сотрудничества, для которого большое значение имеет история гуманитарных отношений СССР и КНР.

Ключевые слова: СССР, Китай, Красноярский краевой краеведческий музей, гуманитарное сотрудничество

Abstract. The article views the Soviet-Chinese humanitarian ties in the 1950s– early 1960s on the example of Krasnoyarsk Krai. The relevance of the topic is determined by the priority of modern Russian-Chinese cooperation, for which the history of humanitarian relations between the USSR and the PRC is of great importance.

Keywords: The USSR, China, Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, humanitarian cooperation

Долгое время в исторической науке большое внимание уделялось изучению военно-экономических отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Гуманитарным контактам отводилась второстепенная роль, несмотря на декларируемые идеи дружбы. Это было связано с господствующими идеями марксизма, делавшего упор на развитие международных отношений в сфере военно-экономического сотрудничества. Изучение материалов Красноярского краевого музея, содержащих информацию об образовательных, научных, культурных, спортивных обменах между СССР и Китаем позволит рассмотреть развитие советско-китайских отношений в 1950-х – начале 1960-х гг. на местном уровне. Это также позволит проследить динамику изменения характера отношений между государствами. Период с 1950-х по начало 1960-х гг. характеризуется неравномерностью гуманитарного сотрудничества между СССР и КНР. Если период 1950-х гг. был «пиком» взаимоотношений и обменов, то с 1960-х гг. произошло заметное снижение активности взаимодействий, связанное, в том числе, с критикой культа личности Сталина на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Не обошлось и без хрущевского «ревизионизма». Например, повлияли его уступки Западу (в частности, во время Карибского кризиса). На основе материалов, имеющихся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея (документы, письма, фотографии, книги и др.), в статье анализируется развитие советско-китайских отношений в 1950-е – начале 1960-х гг.

Гуманитарное сотрудничество СССР и КНР представляет собой важную составляющую развития отношений между государствами. Исторический контекст между-

турных взаимодействий имеет решающее значение на формирование современных отношений России и Китая. Интерес СССР к Китаю, так же как и Китая к СССР, определялся схожестью идеологии, общими идеями развития общества и местом человека в нем, что обусловило необходимость контактов на различных уровнях: культурном, научном, образовательном, спортивном. С падением режима Гоминьдана, приходом к власти Мао Цзэдуна и образованием КНР 1 октября 1949 г. началась эпоха сотрудничества двух государств. 14 февраля 1950 г. в Москве был подписан советско-китайский «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи». 5 июля 1956 г. стороны заключили «Соглашение о культурном сотрудничестве». Договор предусматривал обмена в сфере образования, науки и техники, литературы, искусства, спорта, кинематографии и др. За время интенсивного взаимодействия (вплоть до конца 1950-х гг.) в Китае побывало более двух тысяч деятелей культуры, искусства, работников просвещения и здравоохранения, спортсменов из СССР. За это время в КНР выехало свыше ста советских делегаций. В Советском Союзе побывало около восьмидесяти китайских делегаций общей численностью более двух тысяч человек. Российский историк-востоковед Михаил Степанович Капица в книге «Советско-китайские отношения» впервые подробно осветил историю сотрудничества СССР и КНР, уделив внимание культурному, образовательному, научному взаимодействию, писал о важности обмена в сфере искусства, литературы. Владимир Григорьевич Дацышен, сибирский китаевед, в монографии «Приенисейская Сибирь в советско-китайских отношениях (1917 – начало 1980-х гг.)» рассматривает динамику взаимодействий СССР и КНР в 1950–1960-х гг., дает атрибуцию некоторым предметам из Красноярского краевого краеведческого музея. Китайский историк Пын Мин упоминает, что за период 1950–1956 гг. в СССР побывало свыше 100 делегаций из Китая, среди которых были делегации рабочих, крестьян, женщин, молодежи, писателей, цирковые и театральные труппы, спортивные делегации, сотрудники ОСКД, ученые и работники просвещения.

Гуманитарное сотрудничество СССР и Китая представляло собой культурный взаимообмен на межгосударственном и местном уровнях. В фондах Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ) хранится коллекция предметов, посвященных «великой дружбе» СССР и КНР. Большой пласт материалов относится к периоду 1950-х гг. – расцвету советско-китайских отношений. 25 ноября 2020 г. в краевом музее была проведена выставка, посвященная истории отношений СССР и Китая, предметы которой пополнили фонды КККМ. Среди них можно выделить: книги и тетради, журналы и письма, поздравления, портреты. Также присутствуют картины и фотоальбомы, медали и удостоверения к ним, фотографии и негативы, наборы открыток, стяги и вымпелы, свитки, значки, записные книжки, записки, панно и др.

Образование – важнейшая составляющая гуманитарного взаимодействия между государствами. С 1951 по 1957 г. КНР направила в СССР на учебу более 6 500 студентов и свыше 7 100 практикантов. Десятки аспирантов успешно защитили диссертации и вернулись на родину. Немало советских студентов училось в Пекинском университете, медицинских и отраслевых институтах.

В 1950-е гг. было установлено сотрудничество сибирских и китайских вузов. Несмотря на небольшое количество архивных материалов, сохранились свидетельства о контактах в данной сфере. Доктор биологических наук, профессор, известный специалист в области энтомологии, а также первый заведующий кафедрой защиты леса СибГТУ (1948) Сергей Сергеевич Прозоров (1900–1985) с сентября 1957 г. по ноябрь 1958 г. работал в Китае в качестве приглашенного профессора. Его целью было повышение квалификации преподавательского состава китайских лесных вузов. В фондах музея сохранилось несколько снимков С. С. Прозорова с китайскими учеными и студентами. Его курс лекций «Энтомология леса» был переведен на китайский язык и пе-

редан в музей самим автором 6 июня 1959 г. Перевод выполнен бюро переводов Пекинского университета лесного хозяйства. Верхняя обложка книги исполнена из белой бумаги с золотистым рисунком насекомого. В тексте черно-белые иллюстрации. Ценность научного труда С. С. Прозорова состоит в описании экономического значения насекомых, условий появления вредителей в лесах Китая, новых успехах в области энтомологии леса.

Сохранилась в фондах музея и ученическая тетрадь – подарок учащихся пекинской шестилетней школы в день встречи студентов с профессором, 18 июля 1958 г. Ученики писали профессору: «Друг-специалист великого Советского Союза! После беседы с Вами мы чувствуем неописуемую радость. Эту тетрадку как подарок первой встречи мы подарим на добрую память. До свидания, дорогой друг – специалист великого Советского Союза. Желаем Вам крепкого здоровья. Ждем Ваших писем. Китайские школьники Вэнь Фу, ЦзяньБо»; «Товарищ – советский специалист! Просим Вашего извинения за то, что у нас нет хорошего подарка Вам дать. Эту тетрадку как награду в победе по соревнованиям в баскетболе нам подарили, и мы Вам передаем на добрую память»; «Пусть дружба между Китаем и Советским Союзом проживет навсегда! Желаем здоровья советскому народу. Желаем счастливого пути на великую Родину – Советский Союз. До-свидания! Желаем успехов в работе! Желаем бесконечного здоровья».

Также в фондах музея есть письмо коллектива кафедры лесозащиты Пекинского лесного института, адресованное С. С. Прозорову (от 17 сентября 1958 г.) и письмо преподавателей лесоэнтомологического курса Пекинского института (1958 г.), письмо Чжан Чжэ-Чжуана С. С. Прозорову (от 22 апреля 1959 г.). В музее сохранились письма Восточно-Китайского педагогического университета г. Шанхай (1958 г.) и Пекинского педагогического университета (от 7 октября 1958 г.).

В фондах музея представлено большое количество открыток с китайскими пейзажами, цветами, посвященных советско-китайской дружбе: «Игра на лютне в уединении», «Корзина с цветами», «Сливы и дикие утки» (1958).

Китайский ансамбль песни и пляски городов Дальнего и Порт-Артура в дни его гастролей в г. Красноярске 24 августа 1956 г. передал городскому управлению культуры Исполкома Красноярского городского совета депутатов трудящихся несколько предметов. Среди них журнал «Китайская работница» (г. Пекин). Фотографии, представленные в журнале, изображают китайских женщин-трудящихся на самых разных работах. На инструментальном заводе в Шанхае трудилась работница Чжао Фу-Ти, на тракторостроительном заводе в г. Тяньцзине ежедневно выполняла план Ли Чжин-Чжун, Жен Ли-Чжен работала мастером-контролером шарикоподшипникового завода в г. Харбине и пр. Кроме того, журнал иллюстрирован фотографиями женщин-шахтеров, машинисток, чертежниц, электросварщиц, прядильщиц, продавщиц продовольственного магазина и пр.

Ансамбль вручил городскому управлению культуры Исполкома Красноярского городского совета депутатов альбом «Великая дружба», в котором представлены яркие моменты советско-китайского сотрудничества (визит советской делегации культуры во главе с писателем А. А. Сурковым в Китай). В СССР на театральных подмостках ставилась лучшая китайская драматургия – пьеса лауреата Сталинской премии Хэ Цзин-Чжи и Дин Ни «Седая девушка» в постановке театра им. Е. Вахтангова.

Среди подарков ансамбля песни и пляски городов Дальнего и Порт-Артура также были музыкальные ноты и альбом «Каталог скульптур». Ноты были созданы под руководством Министерства культуры народного правительства КНР и Китайской федерации литературных и художественных кружков. Один из сборников нот получил национальную отраслевую премию за последние три года (1953–1956 гг.). Песни сбор-

ника посвящены победе китайской коммунистической революции, Мао Цзэдуну, родине, дружбе народов («Боевой гимн китайских народных добровольцев», «Единство китайско-советского народа»). В альбоме «Каталог скульптур» представлены изображения Лю Гохуа, женщины-рыболова, скульптурные изображения молодых девушек и пр.

Спортивные контакты представлены программой матча футбольных команд «Сборной провинции Гири́н» от КНР и «Локомотивом» от Красноярска от 24 июня 1959 г. Из программы следует, что китайская команда посетила СССР второй раз. В 1958 г. она провела семь встреч с футболистами среднеазиатских республик. Встреча с «Локомотивом» стала для китайцев пятой по счету в 1959 г. До этого они потерпели поражение во Владивостоке, Хабаровске, Иркутске и сыграли вничью с Улан-Удэ. В составе команды «Гири́н» было три мастера спорта. Средний возраст спортсменов составлял 24 года. В программе указывается, что встреча советской и китайской сборной послужит дальнейшему развитию и укреплению дружбы народов Китая и СССР. Для Красноярска это была первая международная встреча в сфере спорта. В китайской сборной помимо тренеров и капитана команды (Ли Гуан-Чжуй) был и начальник команды (Лю Юнь-Фун). От «Локомотива» капитаном команды был представлен В. Лесняк, тренеры-мастера спорта А. А. Маркевич и В. Я. Шевелев. До конца первой половины игры у команд была ничья (1:1). Уже по окончании соревнования выстроился счет 3:1 в пользу «Локомотива», однако матч для команд ознаменовался дружеским сплочением. По итогу соревнований китайские футболисты пригласили советских спортсменов на матч в провинцию Гири́н. Лю Юнь-Нянь из китайской сборной отметил: «В Китае есть старинная мудрость: “Если в чужой стране видел своих друзей, то кажется, что после долгой засухи шел благодатный дождь”».

Среди материалов краевого музея есть записная книжка красноярца Константина Алексеевича Малыгина, оказавшегося в Китае по долгу военной службы в 1953 г. Дневниковые записи содержат воспоминания о поездке в Китай, а также стихи, посвященные КНР. Отрывок одного из стихотворений К. А. Малыгина:

«С востока волна голубая
Катится меж островов,
Границы страны омывая,
Достигнув ее берегов.
На юге – Тибет-Гималайские горы,
Счесть невозможно их снежных вершин,
На запад глядишь – пустыни просторы,
Край степи и пади, долин и равнин.
Реки текут во всех направленьях,
Янцзы, их царица, делит страну.
На север и юг, далеко в поколеньях,
Скрылось начало, ушло в старину.
Здесь небо почти что всегда голубое,
Тропик на юге – жара несносна,
На севере что-то Сибири родное,
Такие места есть, где вечно весна.
Повсюду стены и башни высокие,
Храмы, могилы, дворцы старины.
Оставили память потомки далекие –
Гордость, богатство страны.

Отсталость все отступает,
К познанию стремится народ,
Культура права обретает
И движется быстро вперед.
Но если какая невзгода,
И бой будет необходим,
Все встанут в защиту власти народа,
В битвах он непобедим.
Я знаю тебя очень мало,
Сказок страна и чудес,
Сегодня еще ты блистала,
Но скоро взовьешься до самых небес.
Дружба с народом Китая
Пусть крепнет из века в век,
Пусть песни поет, ее прославляя,
Советский простой человек».

(Пекин, декабрь 1955 г.)

Константин Алексеевич Малыгин родился 22.11.1905 в с. Никольское (ныне Уярский район Красноярского края) в семье крестьянина. С июля 1953 г. по декабрь 1956 г. – старший военный советник командующего бронетанковыми и механизированными войсками Народно-освободительной армии Китая.

Из записной книжки К. А. Малыгина:

«12 сентября 1953 г. из Москвы с Ярославского вокзала отошел скорый поезд Москва – Пекин. Ехали я, переодетый в гражданский костюм, и моя жена, Елизавета Николаевна. Шесть суток поезд мчал нас по просторам Сибири через поля и леса. И вот станция Отпор (пограничная, пос. Забайкальск). Стояли долго, переводили поезд на китайскую колею. Утром поезд пересек границу и остановился на станции Маньчжурия. Я вышел из вагона. Зазвучала китайская речь, по радио играли китайские мотивы. Вот он Китай. На вокзале в Пекине меня встретили представители посольства и китайский товарищ из военных. Отвели меня в двухэтажную квартиру в городке для советников. Прикрепили ко мне шофера и переводчика. Последнего звали Гоша. Это имя он получил от учительницы русского языка, как и все обучающиеся: Сережа, Саша, Гоша. Гоша владел русским языком почти совершенно, кроме того, знал японский и английский.

На второй день моего прибытия генерал Сюй Гуаньцзы устроил прием в честь моего прибытия. Присутствовали генералы управления с женами, советниками. Подавали морские ракушки. Возникла задача отказаться, да надо было есть, покуда не вырвало. Не знаю, как есть их, посмотрю, как другие едят. В течение всего моего пребывания в Китае я стал часто есть не только морские ракушки, но и удавов, и суп из ласточкиных гнезд.

В следующий день я ознакомился, как содержат технику и обучают танкистов. Бросилось в глаза, что вождению обучают верно, а стрельбе почти никак. Пришлось убедить товарищей, что экипаж танка, не умеющий стрелять, представляет дорогостоящую мишень на поле боя. Через год мне удалось ликвидировать пробел в знаниях танкистов. Контролю хода боевой подготовки уделялось большое внимание. Три-четыре раза в год пришлось выезжать с инспекциями в различные округа. Для меня это были случаи знакомства со страной. Китайцы – очень чистоплотный народ. Каждому солдату как необходимая принадлежность вручались тазики и мыло. Каждый сам стирал белье и обмундирование. В солдатских столовых стояли столы по четыре человека. Пищу принимали стоя, вилок не было, были палочки. В деревнях, когда дети замечали в ма-

шине советского человека, кричали нам: «Советский старший брат!» (苏联大哥! Sūliándàgē!). Почти в каждом доме висело по два портрета – Сталин и Мао Цзэдун.

За четыре года моего пребывания в Китае я побывал во многих городах. Хотелось бы побывать в Лхасе – столице Тибета, посмотреть дворец Далай Ламы и Панчек Ламы, но ехать туда мне было незачем, там не было танковых частей. В Пекине меня впечатлил императорский дворец и площадь Тяньаньмэнь. В Храм воздуха я ездил с экскурсией. Это недалеко от Великой китайской стены».

Был Константин Алексеевич также в Пекине, в Циндао, в Шанхае («великий город мирового уровня, но китайского в нем мало, только новые постройки»), Порт-Артуре (юго-восток Ляодунского полуострова, из числа жителей города много русских), Кантоне, в Куньмине. Однажды ему сообщили, что его приглашают на прием министра обороны Пэн Дэхуая (в тексте дневника записей об этом нет). В основном видеть китайское руководство он мог только по праздникам и по приезду других советских коллег.

«На приеме в честь приезда Хрущева, который выступал с трибуны около часа, китайское руководство, а именно Мао Цзэдун отреагировал так: сказал только «Да здравствует дружба Китая и Советского Союза!» и все. Чжоу Эньлай обходил застолья с рюмкой и со всеми чокался, однако сам только подносил рюмку к губам. Пэн Дэхуай, министр обороны, никогда не улыбался. Мне удалось быть у него на приеме, я докладывал о состоянии бронетанковых войск Китая. Однажды нас с женой пригласили на китайскую оперу. Место отвели в первом ряду. Во втором ряду я заметил Пэн Дэхуая с семьей. Он был скромно одет в синюю блузу, ничем не отличался от китайских товарищей. По моему отбытию из Китая китайские товарищи пригласили нас с женой в ресторан «Пекинская опера». Ресторан этот на вид убогое учреждение. Входит повар и показывает очищенную утку, держа ее за ноги. Начали подавать блюда из утки, их было не меньше 20, причем так: лапки, крылышки, шейки отдельно другие части тела птицы. Голову принято подавать самому знатному гостю. В итоге голову утки подали мне. Вскоре меня отвезли на экскурсию по Нанкину, Шанхаю, Ханьчжоу. На прощание мужчины пожимали руки, а женам дарили цветы. Целоваться в Китае не принято – негигиенично. Вернувшись из Китая в 1957 г. меня держали полгода в резерве, а с мая 1957 г. назначили начальником особого факультета по подготовке офицеров армий стран народной демократии при Военной академии бронетанковых войск. За то время, что я провел в Китае, я поменял свое мнение об этой стране. По рассказам других людей, она казалась сперва мне отсталой и нецивилизованной, но, побывав там сам, я понял, что это не так», – писал Константин Алексеевич.

С января 1961 г. генерал-майор К. А. Малыгин – в запасе. Жил в Москве. Награжден медалью «Китайско-советская дружба», которая хранится в КККМ. Был также награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова II степени, Кутузова II степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями.

С 1960-х гг. наблюдался постепенный спад советско-китайских отношений. В ответ на процесс десталинизации и ориентацию Хрущева на потепление в отношениях с Западом, Мао Цзэдуном в 1957 г. была одобрена внутренняя доктрина «трех красных знамен» (официально принятая в 1958 г.), определившая генеральную линию КПК на «ускорение социализма» с опорой на собственные силы. В фондах краевого музея есть некоторые материалы начала 1960-х гг. Это письма китайской молодежи ЦК ВЛКСМ Красноярск. 15 июля 1961 г. в редакцию журнала «Советская женщина» было направлено письмо китайского студента комсомольца Е Хуай-Цина с просьбой помочь ему завязать переписку с советской молодежью: «Дорогие товарищи из редакции журнала «Сов. женщина»! Я студент первого курса Пекинского института связи, учусь

на факультете радиосвязи, специальность – радиосвязь и радиовещание. Я очень люблю Вашу страну и советский народ. Мне очень хочется познакомиться с каким-нибудь советским другом. Прошу мне оказать в этом содействие. Надеюсь, что Вы выполните мою просьбу. Заранее сердечно благодарю Вас! С пламенным комсомольским приветом! Ваш китайский друг Е Хуай-Цин 20 июня 1961 г. Мой адрес: КНР, Пекин, Пекинский институт связи, цокольный этаж». Перевел письмо А. Звонов.

Литературный сотрудник массового отдела журнала «Огонек» В. Морозова 25 июля 1961 г. прислала в ЦК ВЛКСМ следующее письмо: «Уважаемые товарищи! Пересылаем вам письмо Цао Жэ-Ли из Китая, желающей переписываться с советской молодежью». Китайка написала несколько писем: «Здравствуйте! Дорогая советская дружба! Я студентка медицинского института второго курса. Я комсомолка. Я очень люблю свою специальность и буду стать народным врачом. При этом я еще очень люблю искусство (музыка, кинокартина и пр.) и физкультуру. Я очень люблю петь песню и мечтаю стать внеклассным певцом. Теперь я живу очень весело, учусь очень хорошо»; «Дорогая дружба! Я очень хочу с вами знакомиться и создавать искреннюю дружбу. Мы будем друг у друга. Если вы хотите со мной создавать искреннюю дружбу, то скажите как о вашей жизни и о учебах и др. До свидания! Жму ваши руки! Мой адрес: Китай, г. Чэнду. Ваша дружба Цао Цзэ-Ли».

Кроме того, в фондах краевого музея хранятся и другие письма молодежи и студентов в редакцию газет и журналов с целью познакомиться с советскими товарищами: письмо Гуан Фу-Ие, Ли Хуа-Гуаня, Лю-Понсяо и др.

Филателия за 1960 г. в музее представлена почтовой маркой в 8 фэней к 90-летию В. И. Ленина.

В музее есть предметы, относящиеся к 1960-м гг. Например, настольная лампа в виде китайского фонарика, созданная в Шанхае, а также удостоверение № 833, выданное Казанским Государственным институтом усовершенствования врачей им. Ленина Кузьминской А. Л. в том, что она с 25 мая по 5 июля 1962 г. была на цикле усовершенствования по китайскому иглоукалыванию.

Уже с начала 1960-х гг. Мао Цзэдун начал полемику против ревизионизма Н. С. Хрущева, в которой он обвинял советского лидера в очернении личности И. В. Сталина и разрушении революционных принципов, сближении с империалистическими странами. В ответ на это из Китая были отозваны 1 400 советских специалистов. В процессе девяти полемик с сентября 1963 г. по июль 1964 г. КПК объявила причины для разрыва с КПСС. Они включали толкование вопросов о Сталине, войне и мире, мирном сосуществовании, мирном переходе к социализму и хрущевском ревизионизме. Самой главной из дискуссий была девятая «О хрущевском фальшивом коммунизме и уроках для всего человечества». Она содержала в себе доводы, которые впоследствии вылились в Культурную революцию.

Объемы торговли между СССР и Китаем в период с 1960 по 1967 г. сократились в 16 раз. Тогда же СССР покинули все китайские офицеры, обучавшиеся в военных вузах. Апогеем напряженности стал конфликт на острове Даманском на реке Уссури в 1969 г. Материалы, посвященные данному пограничному конфликту, содержатся в фондах КККМ.

Таким образом, проанализировав материалы Красноярского краевого краеведческого музея, можно сделать вывод о том, что основной массив документов (книги, тетради, журналы, письма, открытки и т. д.) относится к периоду 1950-х гг., что обусловлено расцветом советско-китайских связей. Период начала 1960-х гг. не отличается большим разнообразием и количеством источников, сохранившихся в музее. В основном это письма китайских студентов, некоторые предметы (например, почтовая марка с изображением Ленина, настольная лампа и др.), а также материалы, посвященные

конфликту на о. Даманский 1969 г. Ощущается сильный контраст с количеством источников за 1950-е гг. в сравнении с данными за 1960-е гг.

Список источников

1. «Великая дружба» // Красноярский краевой краеведческий музей. Режим доступа: <https://www.kkkm.ru/posetitelyam/vystavki/vystavki/velikaya-druzhba>.
2. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой : договор. М. : Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1957. 436 с.
3. КККМ. О/Ф 3514/2.
4. КККМ. О/Ф 3514/4.
5. КККМ. В/Ф 8053/31.
6. КККМ. О/Ф 3048.
7. КККМ. О/Ф 3561/1.
8. КККМ. О/Ф 3561/2.
9. КККМ. О/Ф 3561/5.
10. КККМ. В/Ф 9546/84.
11. КККМ. О/Ф 9993/95.
12. КККМ. В/Ф 3578.
13. КККМ. В/Ф 3578.
14. КККМ. О/Ф 3651.
15. КККМ. В/Ф 9496/2.
16. КККМ. В/Ф. 9676/14.
17. Окунев Д. «Без штанов ходят»: почему Хрущев рассорился с Китаем // Газета.ru : сайт. 2020. 25 авг. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2020/08/24_a_13209319.shtml (дата обращения: 16/05/23).
18. Советско-китайские отношения 1917–1957 : сб. док. М. : Изд-во вост. лит. 1959. 467 с. (содерж. 259 док.)
19. Капица М. С. Советско-китайские отношения. М. : Государственное издательство политической литературы, 1958. 424 с.
20. Приенисейская Сибирь в советско-китайских отношениях (1917 – начало 1980-х гг.) : монография / В. Г. Дацышен, Л. А. Кутилова, А. В. Низовских, М. Г. Тарасов. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 374 с.
21. Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М. : Издательство социально-экономической литературы, 1959. 360 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА БЛАГОВЕЩЕНСКОГО РЕЧНОГО ПОРТА В. С. РУДЕНКО ПО РАЗВИТИЮ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ СВЯЗЕЙ НА АМУРЕ

Аннотация. В статье освещается биография и профессиональная деятельность начальника Благовещенского речного порта В. С. Руденко. Автор рассматривает основные жизненные вехи профессионала-речника, характеризует его работу по развитию сотрудничества между пароходствами России и Китая, анализирует роль личности в отношениях двух стран.

Ключевые слова: Благовещенский речной порт, Россия, Китай, российско-китайские отношения, Амурский речной транспорт

Abstract. The article covers biography and professional activity of V.S. Rudenko, head of the Blagoveshchensk river port. The author considers major life milestones of the river port professional, describes his work on development of cooperation between Russian and Chinese shipping companies, analyzes the role of the personality in relations between two countries.

Keywords: Blagoveshchensk River Port, Russia, China, Russian-Chinese relations, Amur River Transport

Василий Семенович Руденко – настоящий речник Амура, вся его трудовая деятельность и биография связана с Амурским речным транспортом. Всю жизнь он трудился на Амуре.

Он родился 19 июня 1936 г. в с. Троицкое Хабаровского края Нанайского района, на участке нижнего течения р. Амур. После 7-го класса два года работал на заводе «Амурский металлист» (завод «Амурский металлист» был основан в г. Благовещенске в 1893 г.). Завод начинал свою деятельность с выполнения заказов дальневосточных старателей, местного речного пароходства и сельского хозяйства. Во время Великой Отечественной войны завод активно ковал победу в тылу, выпуская мины и снаряды для фронта. В 70-е гг. завод «Амурский металлист» вошел в состав Министерства тяжелого машиностроения СССР [1]. В 1954 г. Руденко поступил в ремесленное училище № 3, после окончания которого был направлен на суда Благовещенской ремонтно-эксплуатационной базы флота им. В. И. Ленина Амурского речного пароходства (далее – РЭБ). На флоте начал работать в 1955 г. в должности рулевого на пароходе «Дзержинский», работал на разных судах и уже через десять лет дослужился до капитана. Затем, сойдя на берег, становится заместителем директора Благовещенского речного порта. В 1963 г. оканчивает заочно Благовещенское речное училище, а в 1970 г. – Новосибирский институт инженеров водного транспорта.

Так сложилась его судьба: в 1976 г. он вернулся в свою альма-матер, стал начальником Благовещенского речного училища. Девять лет проработал там Василий

Семенович, руководил развитием училища. В этот период укрепилась материальная база училища, 20 декабря 1979 г. был открыт музей училища, который постепенно расширялся: сначала занимал одну комнату, потом помещения музея расширились до трёх. Настоящий музей рассказывает историю Амурского речного транспорта и уже стал важной составляющей и училища, и учреждений Амурского речного транспорта.

Будучи начальником училища, Руденко уделял серьезное внимание подготовке новых кадров и повышению качества обучения. Ежегодно на практику приходит до 60 курсантов речного училища, немало выпускников училища того времени бороздят воды Амура, Зеи, Тихого океана [2].

Речным училищем Василий Руденко руководил до 1985 г., после чего возглавил профсоюз Баскомфлота. А с 1989 г. и вплоть до ухода на пенсию в 2008 г. он был директором Благовещенского речного порта. Это был период открытия границ между РФ и КНР и развития торговли между нашими странами.

Значительную часть своего рабочего времени Руденко уделяет установлению и развитию сотрудничества пароходств наших двух стран. В 1990-е гг., после открытия границ, был организован ряд двусторонних встреч для обсуждения организационных и технических вопросов открытия международной паромной переправы Благовещенск-Хэйхэ, обработки судов и автотранспорта в портах Благовещенск и Хэйхэ. В мае 1989 г. в речной порт Благовещенск прибыла делегация в количестве 9-ти чел. во главе с генеральным директором компании по внешнеэкономическому сотрудничеству Хэйлунцзянского речного пароходства Чжан Дацзэном для достижения соглашения по вопросам открытия переправы между портом Благовещенск и портом Хэйхэ, открытия магазина «Дружба» на теплоходах «Москва-82» и «Рубин» [3, л. 25, 53, 114]. 7 июля 1989 г. порт Хэйхэ совершил свой первый рейс для экспорта товаров национальной торговли. В соответствии с национальным планом и договоренностями, а также в соответствии с соглашением между Китаем и Советским Союзом порт Хэйхэ взял на себя задачу импорта и экспорта товаров национальной торговли. Грузовое судно СТ508, первое грузовое судно, прошедшее через Советский Союз, было заказано советским департаментом внешнеторговых перевозок для приема экспортируемых КНР соевых бобов в порту Хэйхэ. На первое судно было загружено 600 тонн соевых бобов, а затем 30 000 тонн соевых бобов для международной торговли будут отправлены один за другим [4].

В феврале 1990 г. в Благовещенский порт прибыла делегация во главе с начальником Хэйхэского пароходства Лю Синдэ для обсуждения вопросов перевозки и переработки внешнеторговых грузов и работы паромной переправы. По причине нехватки судов, Хэйхэское пароходство обращалось к руководству речного порта Благовещенск по вопросу сдачи в аренду российских судов. Так, в мае 1990 г. в порт прибыла делегация во главе с зам. начальника Хэйхэского пароходства Сунь Хаои для переговоров по сдаче в аренду теплохода «Амурский партизан» и баржи «МП-609». В августе того же года делегация Хэйхэского пароходства во главе с начальником Лю Синдэ прибыла для переговоров о покупке грузового крана [5, л. 57]. 15 августа 1989 г. были открыты автомобильные перевозки паромами между портом Хэйхэ Китая и портом Благовещенск СССР [6, с. 63]. 12 сентября 1989 г. советский паром ДТ296 был допущен к паромному терминалу порта Хэйхэ. Пять советских трейлеров, полных стали, медленно съехали с парома на берег, и советские паромные перевозки были официально открыты [7]. С 3 октября 1991 г. была организована перевозка автомашин на паромах обеих сторон – паромы советской и китайской сторон перевозили и китайские, и советские автомашины.

Порт постоянно принимал делегации представителей Хэйхэского пароходства и Хэйлунцзянского пароходства для обсуждения вопросов совместной работы. «Амурводпуть» принимал китайские делегации Хэйлунцзянского управления пути, организо-

ывало совещания рабочей групп Смешанной российско-китайской комиссии по судоходству [8, л. 19]. В 1991 г. для координации действий порта Благовещенск и Хэйхэского пароходства по внешнеэкономической деятельности из числа работников порта была создана специальная комиссия. 1 июля 1992 г. делегация судоходных компаний во главе с зам. министра транспорта Российской Федерации Зайцевым и группой из 8 человек прибыла в Хэйхэ с ознакомительными целями. Был проявлен большой интерес к строительству порта Хэйхэ и портового терминала. Делегация заявила, что может помочь Хэйхэ лучше построить порт на основе взаимной выгоды, предоставить Китаю большие краны, грузовые суда грузоподъемностью до 2 000 тонн и двухэтажные пассажирские лайнеры. Китайскую сторону сопровождали Кан Вэньхай, зам. заведующего портового управления Госсовета, Шэн Хуаньчан, зам. заведующего провинциального портового управления, и Сунь Цзочжоу, зам. комиссара администрации Хэйхэ [9]. В октябре 1993 г. с основных средств порта Благовещенск была списана и передана Хэйхэскому речному пароходству баржа-амбар «Белоруссия» в связи со значительным износом корпуса и деформацией [10, л. 116].

Большое внимание Василий Семенович Руденко уделял инфраструктуре порта. Был разработан проект и начато строительство грузопассажирского таможенного комплекса «Благовещенск» (РФ) и «Хэйхэ» (КНР). Построен причал с аппарелью, единственный на Дальнем Востоке. Руденко также занимается развитием туризма, как внутреннего, так и международного. В 1999 г. порт приобрел в собственность теплоход «Миклухо-Маклай». Это был единственный теплоход в Амурской области, осуществлявший туристические рейсы по маршруту Благовещенск – Николаевск. На международной пассажирской линии Благовещенск – Хэйхэ в течение навигации работают т/х «Москва», а межсезонье – судно на воздушной подушке «Пума». Ежегодно организуется работа ледовой переправы [11, с. 262]. Первый контейнеровоз из порта Хэйхэ направляется в порт Благовещенск, что знаменует официальное открытие маршрута водных контейнерных перевозок в среднем течении Амура (Хэйлунцзяна) [12].

Рассмотрев процесс сотрудничества Благовещенского порта в период с 1990 по 2008 гг., видно, что в целом Амурский речной транспорт выполнял свою функцию связующего звена между приграничными территориями российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая, обеспечивая перевозку грузов и пассажиров. В то же время открытие границ дало возможность строить и развивать международные связи с сопредельным Китаем на совершенно новых условиях. Руденко одновременно был и участником, и свидетелем данной деятельности.

Порт Благовещенск имеет свою историю. В конце 1990-х – начале 2000-х гг., в связи с политическими и экономическими реформами в РФ, в Благовещенском речном порту произошли большие изменения. В начале 1990 г. Амурское пароходство акционировалось. В 1994 г. было создано Акционерное общество закрытого типа (АОЗТ) «Торговый порт Благовещенск». В июле 1997 г. АОЗТ был переименован в закрытое акционерное общество (ЗАО) «Торговый порт Благовещенск» [13]. В 2007 г. пароходство выставляют на торги совместно с дочерними предприятиями – портами Амурской области: Благовещенск, Свободный, Поярково, Зeya. В 2008 г. Амурское речное пароходство было продано. В связи с этим изменилась форма собственности с государственной на частную. ОАО «Амурское пароходство» стало базовым предприятием транспортно-логистического направления холдинга RFP Group, одного из крупнейших холдингов лесной и транспортной отраслей России [14, с. 4]. Благодаря своим профессиональным знаниям, интуиции, гибкости, целеустремленности Руденко сумел в трудное перестроечное время сохранить порт и коллектив, возродить старейшее предприятие РЭБ флота им. Ленина. Под руководством директора была разработана программа развития предприятия, отражающая интересы производства и коллектива. Как отметила

коллега Руденко А. Н. Медникова, старший инженер-технолог порта в 1972–2023 гг., «не равнодушен Василий Семенович и к нуждам пенсионеров, душой и сердцем понимает, как трудно им сейчас живется, и, если возникает возможность, оказывает материальную помощь, бесплатно выделяет нуждающимся пенсионерам топливо» [11, с. 263].

Газеты писали о нем: «Главная заслуга Василия Семеновича в том, что в лихие 90-е он сумел сохранить крупные предприятия, избежать сокращений и задержек зарплат. Он бережно относился к каждому сотруднику, независимо от должностей. Под его руководством речной порт активно помогал школам и детсадам города. В должности директора он проявил себя принципиальным, требовательным руководителем, в первую очередь к себе и вверенному коллективу» [15]. Удивительно, вопреки логике выживания держится директор порта Василий Семенович. Такой человек, прошедший путь от матроса до директора, не может представить родной Благовещенск без амурского флота, а свою жизнь без порта [11, с. 263].

К сожалению, 12 июля 2012 г. на 77-м году сердце речника Амура, Василия Семеновича Руденко, очень много сделавшего для Благовещенска, остановилось. Благодаря своей самоотверженности и вкладу его личность и деятельность навсегда вписана в историю Амурского речного транспорта.

Список источников

1. Амурский металлист. Режим доступа: <http://www.amurmet.com/about.shtml>.
2. Личный архив заведующего Амурского речного училища (с 1988 г. по наст. время) М. М. Сережичева.
3. Государственный архив Амурской области (далее – ГААО). Ф.Р-2402. Оп. 1. Д. 42. Л. 25, 53, 114.
4. 黑河口岸开始履行国贸货物进出口业务 (Хэйхэ коуань кайши люйсин гомао хоу цзиньчукоу еу) = Порт Хэйхэ начал осуществлять экспорт и импорт товаров международной торговли // Хэйхэ жибао. 1989. 10 июля.
5. ГААО. Ф.Р-2402. Оп. 1. Д. 45. Л. 209; Д. 46. Л. 57.
6. 黑河地区志 / 主编王兆明 (Хэйхэ дицюй чжи / Чжубянь Ван Чжаомин) Региональный журнал Хэйхэ / Гл. ред. Ван Чжаомин. Хэйхэ: Саньянь чубаньшэ, 2005. 896 с.
7. 中苏轮渡运输昨正式开通 (Чжун Су луньду юньшу цзо чжэнши кайтун) = Вчера официально открылись китайско-советские паромные перевозки // Хэйхэ жибао. 1989. 13 сентября.
8. ГАХК. Ф.Р-1675. Оп. 1. Д. 893. Л. 56; Д. 963. Л. 19.
9. 俄联邦航运代表团抵黑考察 (Эляньбан ханьюнь дайбяотуань ди Хэй каоча) = Судходная делегация Российской Федерации прибыла в Хэйхэ для ознакомления // Хэйхэ жибао. 1992. 4 июля.
10. ГААО. Ф.Р-2402. Оп. 1. Д. 55. Л. 116.
11. Медникова А. Н. Судьбы ... // 150 лет судоходству на Амуре. Хабаровск : Кн. изд-во, 2004. С. 261–263.
12. Новые меры по перевозке грузов в порту Хэйхэ // Хэйхэ жибао. 2008. 18 апр.
13. Торговый порт Благовещенск. Режим доступа: <https://blagport.tnweb.ru/63-slider/189-welcome>.
14. Медникова А. Н. Амурское пароходство // Прошлое и настоящее Амурского речного пароходства : материалы научно-практической конференции, Благовещенск, 23 ноября 2017 г. : докл. и сообщ. / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева Амурского. Благовещенск, 2018. 180 с.
15. Ушел из жизни заслуженный речник Амура Василий Семенович Руденко. Режим доступа: <https://www.amur.kp.ru/daily/25915.4/2868540>.

Суржко А. В.

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЕЛОГОНКА «ДОРОГОЙ ДРУЖБЫ» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1970–1980-Х ГОДАХ

Аннотация. Рассмотрена роль физкультуры и спорта как фактора развития международных отношений на примере советско-монгольской велогонки «Дорогой дружбы», проводившейся в 1974–1990 гг. Флагманская роль в проведении данных соревнований с советской стороны возлагалась на Иркутскую область. По мнению автора, подобного рода мероприятия могут способствовать не только развитию непосредственно спорта, но и быть важным инструментом укрепления дружественных связей, культурного обмена, политики «мягкой силы».

Ключевые слова: спорт, велогонка, «Дорогой дружбы», советско-монгольские отношения, Иркутская область, международные отношения

Abstract. The role of physical culture and sports as a factor in the development of international relations is considered on the example of the Soviet-Mongolian cycling race «Dear Friendship», held in 1974-1990. The flagship role in holding these competitions from the Soviet side was assigned to the Irkutsk region. According to the author, such events can not only contribute to the development of sports directly, but also be an important tool for strengthening friendly ties, cultural exchange, and soft power policy.

Keywords: sports, cycling, «Dear Friendship», Soviet-Mongolian relations, Irkutsk region, international relations

Со второй половины XX в. все более активную роль в международных отношениях играют физкультура и спорт. Они выполняют важную интегративную функцию, способствуя знакомству народов разных стран друг с другом, со своеобразием культур. Спорт играет важную роль в установлении и развитии неформальных связей между народами, укреплении дружбы. Кроме того, велика роль физкультуры и спорта в реализации «политики мягкой силы», поскольку они являются своеобразным транслятором ряда культурных образцов, политических символов, уровня развития и престижа.

Цель данной статьи – продемонстрировать позитивную роль спортивных связей в советско-монгольских отношениях на примере велогонки «Дорогой дружбы», регулярно проводившейся в 1970–1980-х гг. Актуальности исследованию предает тот факт, что на современном этапе отношения России и Монголии переживают достаточно продуктивный период и развиваются в духе «всеобъемлющего стратегического партнерства». В этой связи представляется весьма полезным обратиться к опыту относительно недавнего прошлого, когда отношениях двух стран находились на пике своего исторического развития.

Стоит отметить, что особое место в системе советско-монгольских отношений занимала Иркутская область. Ее представители оказали существенную помощь МНР в достижении феноменальных успехов в области здравоохранения, образования, культуры и искусства. В целом же, пройдя многовековой путь становления и развития связью с соседней Монголией, Приангарье в настоящее время занимает лидирующие позиции в развитии двусторонних отношений.

Первая встреча велосипедистов Монгольской Народной Республики и Иркутской области была проведена в 1969 г. в Улан-Баторе. Групповую гонку выиграл монгольский мастер спорта Баатр, а в командном зачете победу одержали иркутяне А. Ощерин, А. Татарин, А. Колпаков и Л. Яковенко [1]. Однако, после этого соревнования не проводились пять лет и были возобновлены на регулярной основе лишь в 1974 г. под названием «Дорогой дружбы». Его отправными точками были Иркутск и Улан-Батор [2].

Вскоре они стали доброй традицией для монгольских и иркутских спортсменов (помимо них зачастую участие в гонке принимали также буряты), ведь велоспорт был одним из наиболее массовых и популярных видов спорта как в СССР, так и в МНР [2]. Как правило, проведение велогонки было приурочено какому-либо знаменательному событию в истории двух стран: 30 лет Победы в Великой Отечественной войне (1975), 60 лет Октябрьской революции (1977), 60 лет Монгольской народной революции (1981), 60 лет образования СССР (1982), 70 лет образованию ВЛКСМ (1988) и т. д. Такая практика придавала соревнованиям некий сакральный, идеологический характер.

Подробнее остановимся на первой велогонке 1974 г. (к слову, она была приурочена 50-й годовщине провозглашения МНР). 29 сентября в Иркутске был дан торжественный старт. От памятника В. И. Ленина спортсмены проследовали к мемориальной доске Сухэ-Батора. Велосипедисты вступили в борьбу в Шелехове, откуда взяли курс на Слюдянку. Остальные этапы гонки проходили по территории Монголии (Сухэ-Батор – Дархан – Хараа – Улан-Батор) [3]. В числе первых участников гонки были такие советские спортсмены, как В. Журавлев, Л. Татарин (будущий победитель), В. Погребняк, С. Казанцев, В. Грудинин, возглавлял команду тренер Иркутской области по велоспорту А. А. Ощерин (один из победителей велогонки 1969 г.) [4].

Сугубо спортивная часть соревнований разбавлялась культурной программой. Так, в 1975 г. монгольские города, по которым проходил маршрут велогонки, были красочно украшены знаменами и спортивными флагами. Многочисленные лозунги и транспаранты отражали братскую и нерушимую дружбу между советским и монгольским народами. На всем протяжении гонки участников приветствовали сотни жителей населенных пунктов. В городах Дархан, Сухэ-Батор и аймачном центре Баянчандмань состоялись встречи с молодежью, были проведены вечера отдыха. Перед участниками соревнований выступили руководители аймачных центров, были даны концерты художественной самодеятельности. Участники посетили промышленные предприятия, музеи и другие достопримечательные места Монголии [5].

Не менее празднично велогонка проходила и по территории Иркутской области. Жители населенных пунктов маршрута Байкал – Иркутск горячо и сердечно приветствовали монгольских велосипедистов, оказывали им посильную помощь в успешном завершении многодневной спортивной борьбы по гористым дорогам Прибайкалья. После завершения соревнований состоялась церемония возложения цветов к Вечному огню, минута молчания в память о войнах, погибших в Великой Отечественной войне [5]. Отметим, что подобными мероприятиями велогонка сопровождалась ежегодно.

Для подчеркивания дружеского, а не сопернического характера соревнований его организаторы предусмотрели учреждение ряда специальных призов. Так, в 1988 г. монгольский велосипедист Хаянхярва получил приз самого стабильного гонщика, а со-

ветские А. Ермаков и Ю. Чугунов – самого активного велосипедиста и лучшего горного гонщика соответственно [6].

Постепенно велогонка «Дорогой дружбы» приобрела достаточно высокий статус. Если первоначально в соревнованиях принимали участие только иркутские и монгольские велосипедисты, то в гонке 1990 г. помимо них участвовали спортсмены из Казахстана, Бурятии, Читинской и Кемеровской областей, а также Китайской Народной Республики [7]. Для организации соревнований впервые были привлечены спонсорские средства (их выделили Байкальский ЦБК и трест «Иркутскремстрой»), был сформирован призовой фонд [7]. Однако все перспективы дальнейшего развития соревнований были сорваны политическим кризисом и последовавшим распадом СССР. Наступил кризис и в российско-монгольских отношениях.

Таким образом, советско-монгольская велогонка «Дорогой дружбы» служит одним из положительных примеров того, как физкультура и спорт могут способствовать развитию связей двух дружественных государств. Непосредственно спортивная составляющая подобных мероприятий может являться вторичной. На наш взгляд, большее практическое значение имеет развитие межкультурной и межнациональной коммуникации, знакомство с жизнью другой страны, безусловный обмен опытом, демонстрация взаимной дружбы и уважения, сохранение памяти об общем прошлом.

Список источников

1. С ветром споря // Восточно-Сибирская правда. 1984. № 217 (20 сентября). С. 4.
2. Второв В. Шелехов – Монголия: полвека дружбы // Шелеховский вестник. 2018. № 11 (23 марта). С. 26.
3. Велогонка «Дорогой дружбы» // Восточно-Сибирская правда. 1974. № 229 (27 сентября). С. 4.
4. Порошин К. Велогонка в пути // Советская молодежь. 1976. № 100 (19 августа). С. 4.
5. Константинов Г. Спортсмены дружбой сильны // Восточно-Сибирская правда. 1975. № 278 (27 ноября). С. 4.
6. Майка лидера не по плечу? // Советская молодежь. 1988. № 95 (11 августа). С. 4.
7. Прошин Ф. С днем физкультурника! // Байкальский целлюлозник. 1990. № 31 (10 августа). С. 4.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ СИ ЦЗИНЬПИНА

Аннотация. Действующий Председатель КНР Си Цзиньпин является одной из наиболее значимых фигур не только в истории Китая, но в современной системе международных отношений. С момента его вступления в должность в 2013 г. и до сегодняшнего дня идеологические воззрения китайского лидера претерпели значительные изменения, что оказало фундаментальное воздействие как на внутреннюю, так и на внешнюю политику страны.

Ключевые слова: внутренняя политика Китая, Си Цзиньпин, КНР, КПК

Abstract. The current President of the People's Republic of China Xi Jinping is one of the most significant figures not only in the history of China, but in the modern system of international relations. From the moment he took office in 2013 until today, the Chinese leader's ideological views have undergone significant changes, which have had a fundamental impact on both the domestic and foreign policy of the country.

Keywords: Chinese internal policy, Xi Jinping, PRC, CPC

В период с 16 по 22 октября 2022 г. в Пекине состоялся Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, результатом которого стало переизбрание Си Цзиньпина на третий срок Председателем КНР [4].

К данному событию неоднозначное отношение как внутри самого государства, так и во всём мировом сообществе, поскольку срок нахождения Си на данном посту является самым продолжительным после Мао Цзедуна. Ограничение срока пребывания на посту президента Китая было введено в 1982 г.: Председатель КНР мог занимать данный пост на протяжении только двух пятилетних сроков [5]. В пост-дэновские годы в Китае произошли две упорядоченные смены руководства – от Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао и от Ху к Си в 2012 г.

Но в эпоху Си Коммунистическая партия Китая внесла изменения в конституцию на съезде в 2017 г., в результате в 2018 г. ограничения сроков пребывания на посту Председателя КНР, существовавшие в эпоху Дэна, были отменены [5].

По мнению Перри Линка, профессора Калифорнийского университета в Риверсайде, политика Председателя Си носит довольно противоречивый характер и напоминает период формирования культа личности Мао Цзедуна, сопровождаемый «культурной революцией» (1966–1976 гг.) [5]. Данная позиция обусловлена рядом факторов:

Во-первых, несмотря на то, что в период руководства Си китайский народ достиг уровня умеренно зажиточного общества, в то же время китайская экономика переживает определённый кризис, обусловленный как внутренними детерминантами (к примеру, сокращение частного сектора), так и внешними: к примеру, «Торговой войной» между Китаем и США в период с 2018 по 2019 г.

Особое внимание стоит также уделить вопросу политики Си COVID-0. По всему Китаю вспыхнули протесты из-за строгих ограничений в стране. Демонстрации показывают, что многие китайцы устали от длительных и широко распространенных ограничений, которые являются частью политики Китая COVID-0 [8].

Национальная политика Китая в отношении нулевого COVID реализуется на местном уровне. Хотя политика может варьироваться в зависимости от региона, все они, как правило, используют следующие методы:

- карантин, даже в случае обнаружения всего нескольких случаев COVID-19;
- **приложения для отслеживания контактов** используются властями для мониторинга перемещений людей, чтобы попытаться отследить распространение вируса. Жители должны использовать приложение для входа в общественные места и уведомляются, если они пересекаются с инфицированным человеком или путешествуют в зону высокого риска, что приводит к обязательному тестированию или изоляции;
- проведение **массовых тестирований** в местах, где сообщалось о COVID-19.

Политика Китая с нулевым COVID оказала огромное влияние на **экономику**, включая глобальные цепочки поставок. Целевой экономический рост Пекина на 2022 г. составил 5,5 %, но экономика страны выросла всего на 3,9 % за последний год, закончившийся в сентябре.

Однако стоит отметить, что данная стратегия действительно сдерживает процесс распространения коронавирусной инфекции, смертность в государстве намного ниже по сравнению с показателями западных стран. По данным Ресурсного центра Джона Хопкинса по вопросам борьбы с коронавирусной инфекцией, в Китае зарегистрировано почти 16 000 смертей от COVID-19 среди его населения в 1,4 млрд человек, в то время как в Соединенных Штатах – стране, наиболее пострадавшей от пандемии, – зарегистрировано более миллиона смертей.

Во-вторых, в своей предвыборной кампании в 2012 г. Си делал акцент на необходимости достижения демократии и реализации интересов народа в качестве ключевой задачи работы Партии, но на практике его основная политика привела к усилению влияния в Синьцзяне и Гонконге, в результате чего в марте 2021 г. в противовес Объединённой китайско-британской декларации была принята программа «Гонконгом управляют патриоты» [3], а 30 июня 2021 г. был принят «Закон о Национальной безопасности Гонконга» [7], что усилило позиции Пекина на острове и ограничило общение Гонконга с Великобританией.

Говоря о факторе обеспокоенности населения, необходимо упомянуть, что 22 августа 2022 г. в открытом письме КПК Чэнь Юнь, Пэн Чжэнь, Бо Ибо (отец бывшего китайского политика Бо Силая) и отец бывшего китайского политика Си Чжунсюнь призвали Партию внести кардинальные изменения, среди которых числилось требование убрать «Общие положения Конституции партии»: «Партия, правительство, военные и гражданские дела, на востоке, западе, севере, юге и в центре, партия руководит всем» – говорится в письме [6]. В письме также упоминается, что эта фраза впервые появилась во время «Культурной революции» по указанию Мао Цзэдуна, чтобы как можно скорее восстановить порядок, но не имеет более широкого значения. В нем говорится, что «цитаты из прошлого не должны руководить сегодняшней практикой».

Кроме того, авторы также упоминали, что «культ личности Человека нанес стране, народу и партии чрезвычайно серьезный вред и преподал им болезненный урок» [6], «...учитывая тот факт, что наша страна все еще находится в ситуации чрезмерной централизации власти и отсутствия действенного общественного надзора и контроля, каждый член партии и каждое руководящее звено должны проводить четкую линию с культом личности...», «...в противном случае трагедия Культурной рево-

люции вполне может повториться». После публикации данного письма и его последующего распространения, все участники, подписавшие письмо, были арестованы [6].

Немаловажным аспектом при анализе идеологических воззрений Си Цзиньпина является и трансформация его образа как лидера государства, которая особо заметна по высказываниям Председателя Си на съездах за последние годы. К примеру, новый документ, официально именуемый «Постановление ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте партии за минувшее столетие», устанавливает официальный нарратив партии за ее 100-летнюю историю и намечает планы на будущее [9]. Он был принят на пленуме ЦК партии, проходившем с 8 по 11 ноября 2021 г., с коммюнике, резюмирующим резолюцию, изданной в последний день.

В резолюции Си упоминается 22 раза, для сравнения Мао – 18 раз, Дэн – 6 раз. Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао были упомянуты по одному разу. В документе заявлены усилия по «углублению реформ и открытости», которые так же были отмечены в речи Си на XX съезде КПК [2], но эта тема не вошла в список десяти будущих целей партии. В документе отмечается, что «ранее слабое и слабое управление способствовало распространению бездействия и коррупции внутри партии и привело к серьезным проблемам», которые «ослабили творческий потенциал, сплоченность и способности партии». Всё это указывает на усиление позиций Председателя Си в партии и его желание утверждения на посту в качестве ведущего и незаменимого лидера, что, в свою очередь, поддерживается и самим политическим аппаратом КНР.

Список источников

1. Результаты XX съезда КПК // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202210/t20221024_t (дата обращения: 05.02.2023).

2. Материалы с XX съезда Коммунистической Партии Китая / Официальный сайт посольства КНР в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/P02022102631157> (дата обращения: 04.02.2023).

3. В Гонконге вступили в силу изменения избирательного законодательства // ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11513573> (дата обращения: 10.02.2023).

4. New title for Xi stokes fears of a Mao-style personality cult // The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/10/20/asia-pacific/politics> (дата обращения: 06.02.2023).

5. J. Doubek, China Removes Presidential Term Limits, Enabling Xi Jinping To Rule Indefinitely // The Two-Way. URL: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2018/03/11/592694991/china-removes> (дата обращения: 10.02.2023).

6. CCP veterans write open letter in scathing attack on Xi's personality cult // The Print. URL: <https://theprint.in/world/ccp-veterans-write-open-letter-in-scathing-attack-> (дата обращения: 08.02.2023).

7. Hong Kong national security law: What is it and is it worrying? // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-52765838> (дата обращения: 06.02.2023).

8. What Is China's 'Zero-COVID' Policy? // Voa News. URL: <https://www.voanews.com/a/what-is-china-s-zero-covid-policy-/6854291.html> (дата обращения: 5.02.2023).

9. 中共中央关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议 [Постановление ЦК Коммунистической партии Китая об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии]. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2021-11/16/content_56 (дата обращения: 4.02.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амергазина Надежда Викторовна, научный сотрудник Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника имени А. И. Кытманова (Енисейск).

Артамонова Надежда Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: lazar1918@yandex.ru.

Афанасьев Павел Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул); e-mail: pavel_afanasev@mail.ru.

Бакшеев Андрей Иванович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого (Красноярск); e-mail: baksh-ai@yandex.ru.

Баранцева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: barantzeva@inbox.ru.

Беккер Виктор Яковлевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: bekker1947@bk.ru.

Белгородская Людмила Вениаминовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: blv.kr@yandex.ru.

Белоногов Юрий Геннадьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь); e-mail: ugb78@mail.ru.

Беневаленская Евгения Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий специалист по учебно-методической работе Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул); e-mail: rabota-ben11@yandex.ru.

Бершадская Светлана Вячеславовна, старший преподаватель кафедры профессиональной коммуникации и иностранных языков Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: bsv97@yandex.ru.

Бесчастных Елена Владимировна, аспирант Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: elena15-60@mail.ru.

Бондаренко Евгений Андреевич, магистрант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск).

Бродников Александр Ананьевич, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета (Новосибирск); e-mail: dora_179@ngs.ru.

Булавкина Марина Сергеевна, магистрант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: Bulavkina98@inbox.ru.

Бурмакина Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и экологии человека Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: burmakinagalina@rambler.ru.

Газиева Абидат Абдулаевна, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (Махачкала); e-mail: gazieva.abidat@mail.ru.

Гайдин Сергей Тихонович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: gaydinsergey@rzmblor.ru.

Галлямов Рушан Рахимзянович, доктор социологических наук, заведующий кафедрой философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфа); e-mail: gal-rushan@yandex.ru.

Гасанов Магомед Магомедович, доктор исторических наук, проректор по академической политике и организации учебного процесса Дагестанского государственного университета (Махачкала); e-mail: mgasanov@list.ru.

Голубева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: knyazevaklio@yandex.ru.

Гончаров Валерий Валерьевич, кандидат исторических наук, стипендиат Института образовательных медиа Георга Экерта (Брауншвейг, Германия); e-mail: doublevalery@yandex.ru.

Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел); e-mail: angrebyonkin@mail.ru.

Григорьева Людмила Ильинична, доктор философских наук, профессор кафедры философии Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: adonai@bk.ru.

Гудзенко Евгения Олеговна, кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры ботаники Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); e-mail: egudzenko@sfedu.ru.

Гумерова Жанна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск); e-mail: janet80@inbox.ru.

Давыдова Анастасия Андреевна, научный сотрудник Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника имени А. И. Кытманова (Енисейск).

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: dazishen@mail.ru.

Дементьев Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, директор Союза краеведов Енисейской Сибири (Красноярск); e-mail: dementjev.ap@yandex.ru.

Дементьев Борис Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь); e-mail: b-demen@yandex.ru.

Домогашев Олег Семенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: domogashev@yandex.ru.

Егорова Светлана Львовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Коми научного центра УрО РАН (Сыктывкар); e-mail: svsv77@yandex.ru.

Залесская Ольга Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры романо-германских и восточных языков Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск); e-mail: OlgaZalesskaya@gmail.com.

Зубарев Иван Сергеевич, студент Сургутского государственного университета (Сургут); e-mail: zubarev_is@edu.surgu.ru.

Иванова Елизавета Алексеевна, студентка кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: Ivanova.liza7781@gmail.com.

Ивонина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск); e-mail: ivonina@ngs.ru.

Инкин Виктор Владимирович, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина (Тамбов); e-mail: vic-ink@yandex.ru.

Калашников Андрей Алексеевич, аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул); e-mail: astralnykeks@gmail.com.

Карелин Антон Сергеевич, старший преподаватель кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово); e-mail: ask_culture@mail.ru.

Карпенко Елена Васильевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: sinaeva@mail.ru.

Карпенко Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, ведущий специалист АО «Самарагорэнергосбыт» (Самара); e-mail: Olga180008@yandex.ru.

Карпухина Дина Ванцетовна, ведущий архивист Государственного архива Красноярского края (Красноярск); e-mail: dina_museum@mail.ru.

Карчаева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: tatyana-verkhoturova@yandex.ru.

Ковалев Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: alexkovaleff@yandex.ru.

Корнеева Полина Андреевна, студентка кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: polina.korneeva.01@mail.ru.

Коровин Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина (Краснодар).

Королева Лариса Александровна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (Пенза); e-mail: la-koro@yandex.ru.

Коцик Станислав Александрович, аспирант кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: stkotsik@yandex.ru.

Краснокутская Валерия Витальевна, студентка кафедры государственного и муниципального управления Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина (Краснодар); e-mail: valeriakrasnokutskaa@gmail.com.

Кружалина Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета (Иркутск); e-mail: kliokrua@yandex.ru.

Кузьменко Александра Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: kuzyah85@yandex.ru.

Кузьмин Юрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса Байкальского государственного университета (Иркутск); e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

Кускашев Дмитрий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск); e-mail: kenig-1977@mail.ru.

Кухта Светлана Васильевна, главный архивист Государственного архива Красноярского края (Красноярск); e-mail: svetla-90@mail.ru.

Левченко Павел Вадимович, аспирант кафедры экономической теории Самарского государственного экономического университета (Самара); e-mail: p.leffchenko@gmail.com.

Лобанова Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород); e-mail: n.lobanova77@yandex.ru.

Лойко Александр Иванович, доктор философских наук, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь); e-mail: alexander.loiko@tut.by.

Лойко Лариса Егоровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь); e-mail: larisa.loiko@tut.by.

Луцаева Галина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: lusgalina@yandex.ru.

Лю Сяюй, аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань); e-mail: dearfriend93@icloud.com.

Макарова Елена Александровна, кандидат исторических наук, независимый исследователь (Ставрополь); e-mail: MSDNO17@yandex.ru.

Мариловцев Дмитрий Владимирович, заведующий научно-исследовательским отделом Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника имени А. И. Кытманова (Енисейск).

Меньшикова Евгения Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород); e-mail: menshikova@bsu.edu.ru.

Меркулова Дарья Григорьевна, магистрант Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород); e-mail: dgmerkulova@mail.ru.

Морозова Ульяна Владимировна, независимый исследователь (Волгоград); e-mail: ul.morozova2016@yandex.ru.

Мушинский Николай Иосифович, кандидат философских наук, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь); e-mail: mushinski@bntu.by.

Никуленков Василий Валентинович, кандидат исторических наук, директор Института Севера и Арктики, доцент кафедры истории России, мировых и региональ-

ных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: vnikulenkov@sfu-kras.ru.

Никулич Юлия Валерьевна, аспирант Кубанского государственного университета (Краснодар); e-mail: yulia.nikulich@gmail.com.

Орешкова Юлия Александровна, аспирант Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: Oreshkova81@mail.ru.

Павлов Антон Евгеньевич, аспирант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: Effigies20@gmail.com.

Петровская Елена Александровна, воспитатель детского сада «Гармония» (Новоуральск); e-mail: selfpetrov@mail.ru.

Понятовская Анжелика Геннадьевна, преподаватель колледжа Омского государственного технического университета (Омск); e-mail: Lika_P@bk.ru.

Пручай Александр Павлович, магистрант Луганского государственного педагогического университета (Луганск); e-mail: snowstorm.buran@gmail.com.

Рябов Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: ryabov.yu@gmail.com.

Сафронов Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: safronow63@mail.ru.

Северьянов Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: severyanova@mail.ru.

Севостьянова Елена Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета (Чита); e-mail: Sevostyanova.elena@mail.ru.

Селиванова Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, преподаватель Енисейского педагогического колледжа (Енисейск); e-mail: jasan20@mail.ru.

Семенова Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики Чувашияского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева (Чебоксары); e-mail: tatyana900@yandex.ru.

Сергеев Сергей Андреевич, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: s_sergeev_19@mail.com.

Славкова Влада Вячеславовна, студентка кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: zdrastevlada@yandex.ru.

Сорокун Павел Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых и отраслевых юридических дисциплин Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета (Ачинск); e-mail: PAVEL_ISTORIA@LIST.RU.

Степанов Михаил Геннадиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: StepanowM@yandex.ru.

Сумбурова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры институциональной экономики и экономической истории Самарского государственного экономического университета (Самара); e-mail: elena-sumburopa@yandex.ru.

Суржко Антон Валерьевич, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, специалист Центра исторической регионалистики Енисейской Сибири Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: surzhko-anton@yandex.ru.

Суржко Татьяна Александровна, учитель английского языка Гимназии № 10 (Красноярск); e-mail: tarsu7754@mail.ru.

Тихоньких Виктор Петрович, старший преподаватель кафедры истории Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: victor.tikhonkikh@mail.ru.

Толстогузова Елена Александровна, экскурсовод Чердынского краеведческого музея имени А.С. Пушкина (Чердынь); e-mail: tolstoguzova-1975@mail.ru.

Тонковидова Анна Викторовна, старший преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Краснодар); e-mail: tonkovidova@mail.ru.

Турилова Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, независимый исследователь (Калуга); e-mail: mariaturilova@mail.ru.

Уметбаев Тимур Шамилович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: kolbakty@mail.ru.

Уразова Юлия Евгеньевна, преподаватель Красноярского педагогического колледжа № 2 (Красноярск); e-mail: pdokpk2@mail.ru.

Урожаева Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (Иркутск); e-mail: olgoy@ya.ru.

Филинов Андрей Владимирович, преподаватель Института дополнительного образования Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва); e-mail: fiann@inbox.ru.

Фирер Наталья Демьяновна, кандидат философских наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета (Лесосибирск); e-mail: ntlfr@gmail.com.

Хоменко Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, преподаватель Красноярского медицинского техникума (Красноярск); e-mail: khomenko_denis@mail.ru.

Хомыев Тойлы Бабагельдыевич, старший преподаватель кафедры истории Туркменистана Туркменского государственного университета имени Махтумкули (Ашхабад, Туркменистан); e-mail: hommyewt@mail.ru.

Цай Ин, аспирантка Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск); e-mail: mnina66@yandex.ru.

Чеботарева Александра Викторовна, старший преподаватель кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории Донецкого государственного университета (Донецк); e-mail: abc5071@mail.ru.

Челпанова Ольга Александровна, научный сотрудник Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника имени А. И. Кытманова (Енисейск).

Чернышов Виктор Владимирович, ведущий архивист Государственного архива Красноярского края (Красноярск); e-mail: vikchern73@yandex.ru.

Чупров Александр Степанович, доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск); e-mail: alex.chupr@yandex.ru.

Шереметова Ирина Александровна, главный библиотекарь Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края (Красноярск); e-mail: irinasheremetova514@gmail.com.

Шлапунов Даниил Александрович, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: dierotekatze@mail.ru.

Шулбаев Олег Никитович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: Shulbaev9@rambler.ru.

Шульга Даниил Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Новосибирск); e-mail: alkaddafa@gmail.com.

Щукина Анастасия Николаевна, студентка кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: a.n.shchukina@mail.ru.

Якунин Никита Николаевич, магистрант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: nikitajakunin.1999@yandex.ru.

Яровикова Виктория Андреевна, кандидат исторических наук, директор Центра профориентации и довузовской подготовки Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова (Барнаул); e-mail: yarovicova.vica@mail.ru.

Яценко Михаил Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Сибирского федерального университета (Красноярск); e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru.